

И.В. МОЖЕЙКО

185

ГОД

В книге в увлекательной форме дана панорама истории Азии и Европы конца XII в. Взяв за отправную точку 1185 г., в котором произошли события, описанные в «Слове о полку Игореве», автор вводит читателя в мир, богатый бурными событиями и яркими человеческими личностями, — мир князя Игоря и Владимира Галицкого, Шота Руставели и Низами, Ричарда Львиное Сердце и Чингисхана, грузинской царицы Тамары и рыцарей-крестоносцев. Автор нашел прием, позволивший ему увязать события в разных странах — от Тихого до Атлантического океана: он как бы движется по Великому шелковому пути и показывает читателю жизнь людей и целых народов, которые, может быть, не знали о существовании друг друга и тем по менее были связаны невидимой нитью торговых и культурных контактов.

- **Игорь Можейко**

- **Вступление**

- **Часть I. Истоки**

- **Выдуманный король**
 - **Лики живого бога**
 - **История одной вражды**
 - **Смерть тирана**
 - **Голодный волчонок**
 - **Мертвый город**

- **Часть II. Мир ислама**

- **Госпожа Инандж-хатун**
 - **Старец горы**
 - **Отшельник из Гянджи**

- **Часть III. Между двух миров**

- **Крестоносцы и сарацины**
 - **Интриги византийского двора**
 - **Царица и поэт**

- **Часть IV. Русь**

- **Бурная молодость князей**
 - **Князь Игорь против хана Кончака**
 - **Неспокойный Галич**

- **Часть V. Запад**

- **У берегов Балтики**
 - **Тщетные походы**
 - **Шуба для нищего**
 - **Осень короля**

- **Часть VI. Запад против Востока**

- Последняя ошибка Барбароссы
- Кто боится карлика
- «Великий мальчик»

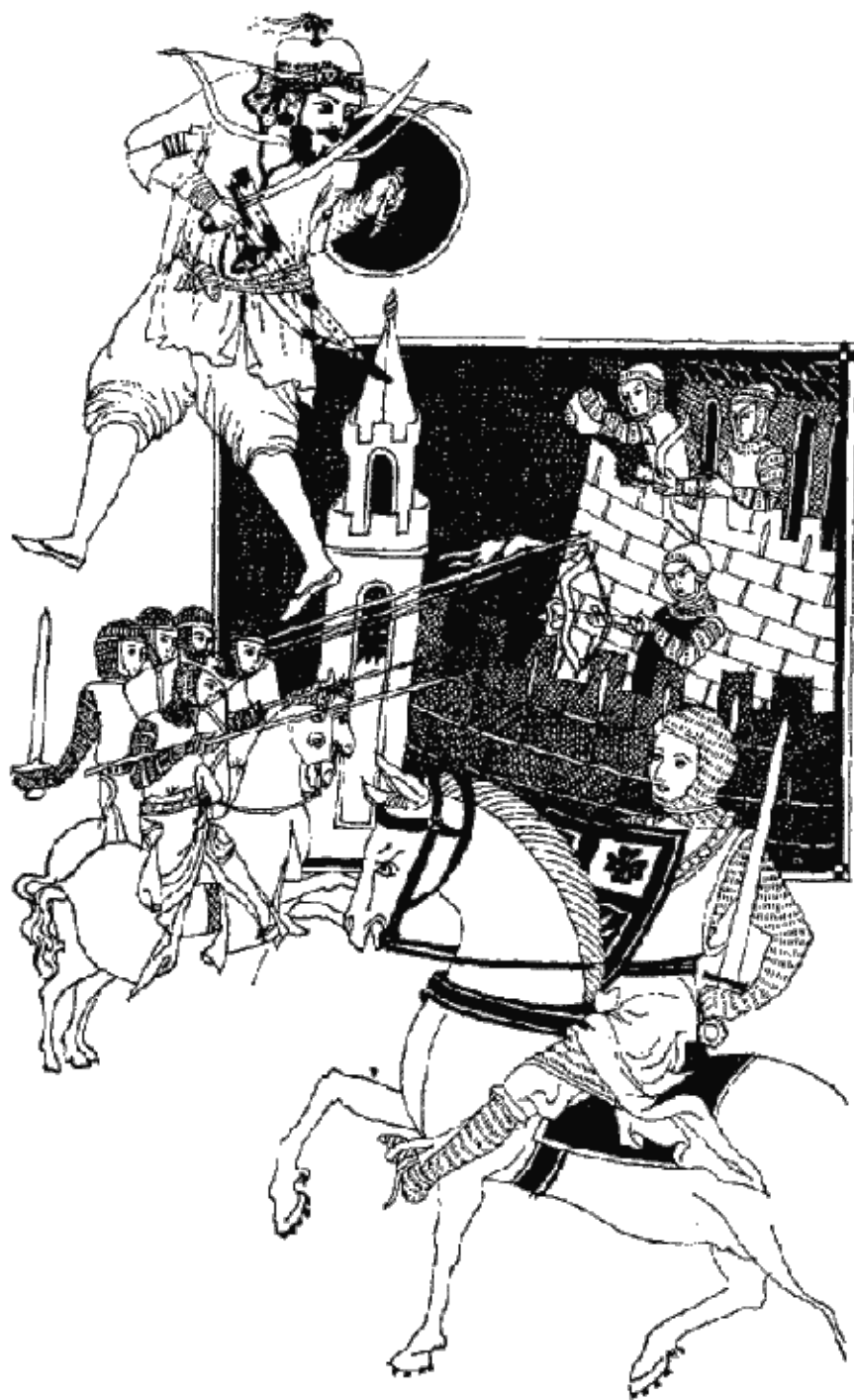
☐ Заключение

- notes

- ☐ 1
- ☐ 2
- ☐ 3
- ☐ 4
- ☐ 5
- ☐ 6
- ☐ 7
- ☐ 8
- ☐ 9
- ☐ 10
- ☐ 11
- ☐ 12
- ☐ 13
- ☐ 14
- ☐ 15
- ☐ 16
- ☐ 17
- ☐ 18
- ☐ 19
- ☐ 20
- ☐ 21
- ☐ 22
- ☐ 23
- ☐ 24
- ☐ 25
- ☐ 26
- ☐ 27
- ☐ 28
- ☐ 29

Игорь Можейко
1185 год

Вступление

История стран и народов подобна рекам. Эти реки текут по времени, становясь шире, принимая притоки, проносясь порой в стремнинах, а иногда разливаясь.

Между реками — водоразделы. С ходом времени, а может быть, из-за того, что реки делаются шире, расстояния между ними уменьшаются. Возможно, в будущем реки сольются в общий океан. И тогда будет просто Человечество.

Изучение истории обычно построено как путешествие по той или иной реке. Мы словно исследуем особенности ее течения, состав воды, смотрим, как часто мелькают по берегам верстовые столбы дат. Заглядываем через водораздел мы чаще всего тогда, когда народы сражаются, когда армии вторгаются на чужие территории. Но наступил мир, миновало наводнение, и снова река вошла в берега.

Человечество, хотя и разделенное на народы, движется по своим рекам синхронно.

Из этого образа возникло желание нарушить привычный ход путешествия. Возникло оно случайно. Читая один исторический труд, я увидел знакомое имя — Владимир Галицкий. Персонаж оперы о неудачливом князе Игоре. В труде говорилось, что, враждуя с галицкими боярами, Владимир обратился за помощью к императору Священной Римской империи Фридриху Барбароссе и тот помог князю. Фридрих же спешил на юг, к Иерусалиму, чтобы встретиться там с Ричардом Львиное Сердце. И тут мне пришло в голову, что я, историк, никогда не задумывался над тем, что Ричард Львиное Сердце и князь Игорь были современниками и имели общих знакомых. Я, конечно, должен был знать, что они современники: для этого достаточно было вспомнить даты их жизни, но, так как эти люди были обитателями разных речных долин, в сознании они не связывались.

Подобное заблуждение невозможно, когда вспоминаешь, к примеру, о Кутузове и Наполеоне, Пушкине и Байроне, Эйнштейне и Боре. За последние сто-двести лет водоразделы значительно сузились, и, чем ближе к современности, тем яснее общее движение истории. Но продвинемся в прошлое, к истокам рек, — там, если еще раз обратиться к придуманному мною образу, реки разделены горами и дремучими лесами. Впрочем, так ли уж были непроходимы водоразделы?

Мы спесивы. Мы горды тем, что пользуемся телефоном и смотрим телевизор, можем долететь за несколько часов от Москвы до Нью-Йорка, а подняв глаза к небу, видим спутник Земли. От этого проистекает в определенной степени недоверие к нашим предкам. Мы с сомнением относимся к их знаниям и их

мыслям. У них же не было телефона!

В этом отношении любопытен феномен инопланетных пришельцев. Еще сто лет назад никому не приходило в голову ставить под сомнение искусство строителей древнего Египта и Ливана, астрономические познания народа майя или выучку индийских металлургов древности, создавших железную колонну близ Дели. Но в последние десятилетия появилось множество теорий, авторы которых, ссылаясь на эти великие достижения наших предков, утверждают, что некогда Землю посещали инопланетяне.

Популярность таких теорий объясняется, на мой взгляд, двумя причинами. Первая не имеет отношения к теме этой книги. Она касается области массового сознания, массовых суеверий: джинны и ведьмы, лешие и привидения в наш трезвый век переоделись в паукообразные одежды и превратились в экстрасенсов и пришельцев из космоса. Вторая причина нам ближе. Она кроется в неправильно понимаемом смысле прогресса. Прогресс технологический, прогресс социальный еще не означает прогресса умственного. Объем мозга человека со времен кроманьонцев не изменился, принципы его функционирования — тоже. Менялись образ мышления, отношения с окружающим миром, но не уровень индивидуального сознания. Леонардо да Винчи был бы великим ученым и художником и сегодня. Но иное бы изобретал и иные полотна писал.

В древнем мире избыточный продукт использовался, по современным меркам, нерентабельно. Возвеличивая правителя или бога, подданные строили громадные гробницы и храмы, не имевшие утилитарного (с нашей точки зрения) назначения. Однако это не означает, что человечество, продвинувшись по пути прогресса, перестало возводить гигантские сооружения во славу гордыни и тщеславия. Просто процент от общих сил общества, уходящий на это, резко снизился. Талантливый экспериментатор давних веков не мог заняться ядерными реакциями, но сфера применения для его таланта существовала: он рассчитывал пирамиду Хеопса или фундамент храма Дианы Эфесской. Мыслитель мог провести жизнь, доказывая возможность размещения двадцати ангелов на острие иглы, и делал это очень талантливо. И бессмысленно (с нашей точки зрения). Но таков был осознанный социальный заказ.

Когда же мы сегодня распространяем торжество технологического прогресса на нею умственную деятельность человека, неизбежно возникает убеждение в том, что мы умнее наших предков.

На такой почве вымыслы сторонников инопланетного происхождения памятников земной цивилизации дают быстрые и пышные всходы. Плиты в основании Баальбекского храма весят тысячу тонн, — разумеется, наши предки никогда не смогли бы дотащить их до места. Ведь даже нам это сложно сделать. Значит, тут побывал добрый инопланетный дядя. Колонна в Дели не ржавеет тысячу лет? А у меня автомобиль на третий год поржавел. Значит, добрый инопланетный дядя отлил эту колонну. В Южной Америке, в пустыне Наска, кто-то когда-то изобразил громадные фигуры животных. Увидеть их целиком можно только с неба. Значит, их делали пришельцы или для пришельцев. И так далее...

И начинается грабеж собственного прошлого. Прошлого, в котором строители знали и умели очень многое, располагая к тому же практически не ограниченными резервами мускульной силы рабов. Им приказывали создавать великие сооружения. И они столетиями отработывали приемы и методы такого строительства — и были притом не глупее нас с вами. Металлурги прошлого тоже умели многое. Мы до сих пор стараемся открыть секрет булатной стали, пользуясь тончайшими лабораторными методами. Металл был нужен для войн. Железо в Индии было в древности дешевле, чем в Европе, но и там оно было очень дорого. Спесь очередного тирана могла удовлетворить шестиметровая колонна из железа. И он приказал ее сделать. А специалисты тогда были. Только не инопланетные, а обыкновенные. О нетленности колонны в Дели много говорят. Но лишь недавно металлурги обнаружили, что она не литая, а склепана из кусков, что металл в ней вовсе не чистый, что подземная часть колонны проржавела на глубину десяти сантиметров, что кусочки металла, отрубленные от колонны и перенесенные в места с более влажным климатом, благополучно и быстро корродировали.

Размышления о людях и талантах прошлых веков привели меня к желанию не только заглянуть в те времена, но и нарушить закон плавания по рекам: пересечь водоразделы, шагая поперек течения рек, то есть оставаясь в пределах узкого отрезка времени.

Мне захотелось увидеть и показать читателю мир одного года (или нескольких лет), но не сегодняшний и не близкий нам по времени, а отдаленный, тот самый мир, к которому мы испытываем чувство снисходительности, мир, в котором не пользовались телефоном. Мне захотелось показать читателю, что великие мыслители и художники, воины и поэты далекого прошлого были частицами человечества, пусть и разделенного

горами и лесами. Мне захотелось показать, что деление истории народов на изолированные потоки — условность и что картина мира в целом не только интересна, но и поучительна. Для тех же, кто не любит историю за то, что в ней много дат и их надо зубрить, я сделаю большую поблажку. Дата будет одна: мир такого-то года.

Следующий этап, предшествовавший работе над этой книгой, заключался в решении нелегкой задачи: какой год избрать?

Мир расцвета античной культуры?

В нем есть явная неуравновешенность. Мы многое знаем о древней Греции, о Риме, зато мир за их пределами, за исключением Китая, где существовала традиция летописания, малоизвестен; к тому же во многих частях Земли в силу неравномерности развития цивилизаций социальные общества лишь начинали зарождаться. А это значит, что путешествие через водоразделы будет относительно коротким.

Мир после падения Римской империи?

Это мир взбаламученный, мир движения народов, неустойчивый и почти лишенный письменных источников.

Средневековье?

К нему издавна принято относиться плохо. «Мрачное средневековье». «Средневековые порядки». «На смену тьме средневековья приходит светлое время Возрождения». Средневековье в нашей памяти связывается с инквизицией, монгольскими завоеваниями, чумой, беззаконием... Пропустим пока это время и заглянем в эпоху Ренессанса.

И тут же становится ясно, что она для нашей цели слишком близка. Гении и знаменитости этого времени широко известны, великие географические открытия описаны, полотна художников тысячи раз репродуцированы. С Ренессанса начинается та история человечества, к которой мы уже относимся всерьез. Гиганты Возрождения признаны нами как гиганты общечеловеческие. Мир уже связан знаменитыми плаваниями Колумба, Васко да Гамы и Кабрала. Магеллан уже доказал всем, что Земля круглая. Преемственность деяний четко прослеживается в последующие эпохи. За Магелланом придет Фрэнсис Дрейк, за Дрейком — капитан Кук. От Кука уже недалеко до Крузенштерна. Европа начинает диктовать миру свои законы.

Описать любой год Возрождения исследователю, с одной стороны, легче, потому что идешь проторенными путями, но с другой — сложнее, ибо найти новое на столь изученных дорожках трудно.

Пришлось вернуться в прошлое, в «темное» средневековье.

Хотелось увидеть мир более или менее стабильным, чтобы он

хоть немного попозировал перед объективом. Значит, верхним рубежом такого периода станет монгольское завоевание, которое кардинально и надолго нарушило естественный порядок вещей. Тогда искомый год надо выбирать в десятилетиях, предшествовавших монгольскому завоеванию. Забираться далеко в глубь средневековья опасно: письменные источпики с каждым десятилетием становятся все более скудными и ненадежными, ценность же исследования находится в прямой зависимости от его достоверности. Чем меньше домысливаешь, тем цельнее и достовернее картина.

Осталось уточнить дату.

Что взять за отправную точку?

Падение Иерусалима? Смерть Фридриха Барбароссы? Или какую-нибудь известную дату русской истории?

А почему не остановиться на событии, незначительном для мировой историк, но силой литературы ставшее вехой в истории нашей страны?

В 1185 году князь Игорь потерпел поражение от половцев и был взят ими в плен. Обычная, одна из многих, пограничная война. Русские княжества и половецкая степь. Но это событие послужило причиной создания первой дошедшей до нас русской поэмы, первого великого произведения русской литературы. Неизвестный поэт писал эту поэму как пророчество. Словно заглянул в будущее на полвека, словно увидел причину скорой трагедии русских земель. Ужаснулся, закричал, но не был услышан.

1185 год...

Относительное затишье. Не только в Европе, но и в Азии — в Китае, Индии, Иране. Мир разобщен, суров, но, чем более вглядываешься в его жизнь, тем более богатым и разнообразным он представляется. И тем яснее понимаешь, что его невозможно охватить и описать целиком. Путешествие через водоразделы приведет к тому, что на некоторые реки мы лишь взглянем, переправляясь через них, на берегах других задержимся. Ведь это не строго научное исследование, а рассказ о людях, которые жили, страдали, любили, умирали восемьсот лет назад.^[1]

Когда пишешь историческую книгу, независимо от степени ее научности и важности проблем, о которых там говорится, в ней, на мой взгляд, обязателен сюжет, схема, конструкция повествования. Бывает, что сама по себе проблема уже достаточна для построения конструкции. Например, если объект книги — человек. В исследовании об Александре Македонском само движение его личности во времени и в пространстве является

сюжетом.

История, естественно, более других наук связана с течением времени. И потому временной стержень — основа всякого сюжета исторического труда.

Иначе получается с этой книгой.

Цель ее — дать временной срез, то есть показать, что происходило в мире в исторически короткий промежуток времени. Практически одновременно. Таким образом, время как основа схемы исчезает. Оно иачипает действовать лишь внутри каждой главы, причем всякий раз приходится начинать с определенной, наиболее приемлемой хронологической точки и проходить относительно короткий путь с героями этой главы. Но тогда встает вопрос: как превратить набор сюжетов в единое повествование?

Выход одни — организовать главы в пространстве, географически.

Сначала я хотел ввести в книгу воображаемого путешественника, который движется от реки к реке и наблюдает события. Однако от этой идеи пришлось отказаться. Путешественник XII века передвигается медленно. Скажем, путь от берегов Англии до Японии или Явы займет годы. Поэтому он не в состоянии находиться в нужном месте в нужный день или месяц. Между тем события, ограниченные 1185-м и ближайшими к нему годами, происходили одновременно в разных концах планеты.

Даже писем путешественник получать не сможет, так как письма будут двигаться с той же скоростью, что и он сам.

В итоге путешественник остался дома, но размышления о нем натолкнули на другую возможность построения книги. Ведь мир XII века был связан торговыми путями. Бывают кочующие проселочные дороги в плоской степи. Если посмотреть на такую дорогу с высоты, то увидишь, что она состоит из множества колеи; некоторые уже заросли травой, другие основательно протоптаны; тропки ответвляются от дороги во влажных низинах и вливаются в нее вновь через несколько метров или бегут к недалекой деревне; иногда дорога превращается в широченную многоколейную полосу, а порой сужается до одной колеи.

Вот таким мне видится Великий торговый путь средневековья.

Он непостоянен. В зависимости от политических условий, от возникновения и гибели государств, от войн и разбойничьих набегов колеи его смещаются, порой возникают дальние объезды. Но что бы ни происходило в мире, товары с одного конца Земли требовались в другом, и потому Великий торговый путь был

всегда.

Пусть же он и станет пространственным стержнем, на который будут нанизаны главы этой книги.

Великий торговый путь — иногда его именуют и Великим шелковым путем — существовал много столетий. От Восточного Средиземноморья через Сирию он тянулся к Ирану, где издревле были устроены колодцы и водоемы для караванщиков, оттуда вел к Бухаре и Самарканду (кстати, лучшие шелка вырабатывались тогда не только в Китае, но и там, в среднеазиатских городах), затем переваливал через Северный Памир к Кашгару и Яркенду; здесь он раздваивался, обходя с севера и юга пустыню Такла-Макан, и сходиллся у озера Лобнор, оттуда шел в степи, населенные кочевыми народами, и далее, в Китай.

Арабские историки тех времен считали, что от Красного моря до Китая двести дневных переходов. Реально же никто не мог так быстро проделать этот путь, потому что любой караван должен был останавливаться в городах и в оазисах, вести там торговлю. В дороге путников встречала непогода, зимой никто не решался проходить через Гоби, да и вечные войны и вражда государств, каждое из которых было заинтересовано в доходах с торгового пути, отнюдь не способствовали скорости движения караванов. Так что на самом деле путешественник, чтобы добраться, скажем, из Генуи или Тира до Китая, тратил два-три года.

Объем торговли на Великом шелковом пути был, даже по нынешним меркам, весьма велик. Там шли не случайные спутники с тюком шелка. Надежнее и безопаснее было собираться в большие караваны, которые насчитывали сотни купцов, имели солидную охрану и тысячи вьючных животных. Магнаты, которые правили этой торговлей, были столь богаты, что, к примеру, один из них, вернувшись из Китая, на свои деньги выложил золотыми листами бассейн для омовения в Мекке. Многочисленные оазисы и города вдоль пути жили пошлинами, которые собирали с купцов, и доходами от караванов, что останавливались там.

До сих пор археологи не перестают удивляться, находя в самых неожиданных местах предметы, попавшие туда издалека по Великому торговому пути. Это и сасанидские серебряные блюда в тайге Северного Урала, и китайские фарфоровые чашки в предгорьях Кавказа, и нефрит в Ирландии. Торговый путь был горячей артерией средневековья, источником товаров и информации, предметом раздоров и войн. Одной из причин экспансии державы Чингисхана было стремление господствовать на Великом торговом пути, а рыцари-крестоносцы шли освобождать гроб Господень, не подозревая зачастую, что их толкают к завоеванию Святой земли венецианские и генуэзские

купцы, желающие контролировать важнейшие перевалочные порты Средиземноморья.

Лишь в своей средней части — в Центральной Азии — Великий торговый путь был сравнительно узок и един. Далее, к концам, он дробился на множество ответвлений, которые разбегались к городам и странам. С одной стороны они заканчивались у берегов Ирландии и норвежских фиордов, в Португалии и Дании, в Суздале и у Уральских гор, а с другой — тянулись к Японии, к островам Пряностей за Индонезией, к Цейлону и Филиппинам. От каждого истока пути, как бы ни был он мал, текли товары, от каждого начинался ручеек, который вливался потом в основной путь.

Существовали и побочные дороги, порой весьма оживленные и важные. Например, морская дорога вдоль побережья Северной Европы, одним из важных пунктов на которой был Новгород, и далее, по рекам, путь «из варяг в греки» или путь от Аравии к Южной Индии и далее к Малайскому архипелагу, а от него — вокруг Вьетнама к Южному Китаю. Эти пути так или иначе были связаны с Великим шелковым путем, питались им и питали его.

Великий шелковый путь часто определял не только политику и судьбу государств и народов, но и жизнь отдельного человека, который мог и не подозревать о том, что на свете есть Китай или Япония, Ирландия или Норвегия. Он в значительной степени определил и судьбы героев этой книги — Ричарда Львиное Сердце, который отправился освобождать Иерусалим, и молодого Тэмучжина (будущего Чингисхана), царицы Тамары и северского князя Игоря. Правда, влияние пути на судьбы людей часто было настолько сложным и опосредствованным, что необходимо построить длинную логическую цепочку причин и следствий, пока доберешься до конкретного человека.

Впрочем, это и необязательно делать.

Факт существования Великого торгового пути установлен, и можно двинуться вдоль него, останавливаясь, подобно путникам, в городах и замках, на постоянных дворах и возле военных лагерей.

Мир конца XII века, каким он показан в этой книге, сходен с вечерним городом. В некоторых окнах горят огни, и, если шторы не задернуты, мы можем туда заглянуть. В других света нет, но это необязательно означает, что комнаты пусты: может быть, их обитатели спят. Те сцены, что предстали нашему взору, позволяют получить представление о жизни города в целом.

В рамках общих законов развития средневекового общества рождались, жили, гибли многие народы. В городах трудились художники и поэты, строители и философы. Но по разным

причинам информация, прорвавшаяся к нам через восьмисотлетнюю толщу времени, недостаточна и неодинаково равноценна. Причин много. И неравномерное развитие государств, и то, что одни из них сохранились по сей день и даже сберегли свои архивы и документы, а другие исчезли. Одни, как Ангкор, канули в небытие, но от них сохранились великолепные памятники. От других не осталось и следа. Названия их почерпнуты из летописей соседних стран.

Цель этой книги — не воссоздать строго научную историческую картину мира, а рассказать о людях, которые тогда жили, о творцах и жертвах истории. Следовательно, речь пойдет лишь о тех освещенных окнах, которые не закрыты шторами...

Остается лишь один вопрос: откуда начать путь?

Здесь выбор достаточно велик, и определяется он чисто субъективными факторами. Исходным пунктом путешествия и повествования я сделал страны Юго-Восточной Азии — один из дальних истоков Великого торгового пути.

Часть I. Истоки

Выдуманный король

Страны Юго-Восточной Азии подобны виноградной грозди, повисшей на южной ветви Великого шелкового пути. Это комплекс государств, связанных между собой торговыми, политическими и культурными узами. Им были свойственны общие черты. Они заимствовали у Индии религию — индуизм или буддизм, концепции государственной власти, письменность, многие приемы в строительстве и архитектуре, принципы искусства, даже мифологические мотивы и литературные жанры. Постепенно там укреплялась местная власть, связи с Индией становились все менее ощутимыми. Вместе с тем в них долго сохранялось индийское влияние в духовной жизни (куда большее, чем влияние китайское, хотя Китай периодически претендовал на верховную власть над ними).

Из государств, возникших на южном морском торговом пути, самым знаменитым, могучим и долговечным была островная империя Шривиджайя, которая включала Суматру и часть нынешней Малайи и контролировала проливы, ведущие из Бенгальского залива и Андаманского моря в Тихий океан. Государство это то усиливалось, то теряло часть владений, входило в союзы с властителями Южной Индии и Цейлона, подчиняло себе государства Индокитайского полуострова. Оно владело множеством островов и морских портов. Сила его заключалась во флоте, самом могучем в Азии. Китайский пилигрим, побывавший там в XII веке, писал, что Шривиджайя — «важный перекресток для торговли иноземных народов, где встречаются товары из всех стран и где они хранятся на складах

для иноземных судов». А если «какой-нибудь иностранный корабль, проходящий мимо, не заходит в порт, вооруженная стража снаряжается в погоню и убивает экипаж и команду корабля до последнего человека».

В конце XII века Шривиджайя контролировала почти весь Малайский архипелаг, лишь на Яве существовали другие государства (впрочем, они не оставили о себе памяти). В портах Шривиджайи бросали якоря корабли китайские, цейлонские, кхмерские, тямские, вьетские, арабские. Везли они сандаловое дерево и слоновую кость, золото, серебро и олово, железо и лак, рис и пшеницу, фарфор и пряности. Эти и многие другие товары перечислены в записках любознательных китайских пилигримов.

Шривиджайя, государство знаменитое и могучее, тем не менее для нас подобна окну, закрытому плотной шторой. О Шривиджайе повествовали гости. Сама же эта держава ничего о себе не рассказала. И не оставила памятников — ни литературных, ни архитектурных. Археологи лишь приступают к раскопкам в тех краях.

Впрочем, этому можно найти объяснение: Шривиджайей правили купцы и солдаты. В ней было множество морских портов — иначе не сохранить контроль над торговым путем. Зато собственное хозяйство было развито слабо, и за стенами крепостей и городов простирались леса, населенные племенами охотников и рыбаков.

Мы не знаем ничего достоверного о людях Шривиджайи. Следовательно, раз наша книга не об экономических проблемах и не о социальных законах, мы минуем Шривиджайю и перекочем на Индокитайский полуостров, где процветали в XII веке Паган и Ангкор.

В мире совсем немного мертвых городов, которые не забыты, не съедены лесом, как Ангкор или города майя, не разрушены завоевателями и временем, не погребены под новыми жилищами.

Паган же — редчайшее исключение.

Последние жители покинули его в XIV веке, умирание города растянулось на столетие, но никто не посмел тронуть его дворцов и храмов. Да и не было в тех краях яростных завоевателей, желавших изгладить память о Пагане. Неподалеку возникали новые столицы и росли новые государства. Среди храмов, на месте сгоревших или сгнивших деревянных домов, дворцов и монастырей, появились деревушки, бывшие площади и улицы города превратились в поля. Но не погиб народ, не умерла религия, которой были посвящены храмы, и оттого потомки жителей Пагана с почтением и удивлением относились к

громадам, воздвигнутым его царями. Не разрушаясь, ибо был построен на редкость крепко, превратившись в легенду, Паган продолжал существовать, и любой человек, проплывавший по могучей Иравади, видел белые и бурые силуэты храмов. А если он был бирманцем, то помнил с детства и названия храмов, и имена строителей. Правда, с течением времени все, связанное с Паганом, отрывалось от исторической действительности и становилось преданием: за именами скрывались не конкретные люди, но герои древности, замыслы и поступки которых соотносились в сознании потомков с красотой и величием их творений.

Каждая вторая бирманская сказка начинается словами: «Это было в Пагане». Там жили великие герои и знаменитые поэты, мудрые короли и коварные злодеи.

Паган — это крупнейший в мире мертвый город, который никто никогда не терял, никто никогда не забывал, но тем не менее его, уже в наши дни, пришлось открывать заново, чтобы вернуть истории.

Мне кажется правильным (хотя, может быть, и недостаточно эстетичным) сравнить Паган со скелетом некогда жившего существа, кости которого отполированы ветрами и дождями. По ним дотошные ученые могут восстановить внешний вид этого мастодонта, хотя наверняка ошибутся в деталях, в частности. Костяк города — храмы — лишен плоти: домов, улиц и площадей, базаров, постоянных дворов и садов. Даже самый маленький из храмов, который некогда прятался в тени манговых деревьев и возникал перед путником внезапно, так как увидеть его можно было лишь вблизи, теперь виден издали: он стоит на голой равнине. Мы можем оцепить его пропорции и точность линий, но никогда не увидим и не поймем его в живой сумме строений и деревьев живого города. Потому требуется немалое воображение, чтобы представить себе, какой же была столица первого бирманского государства в 1185 году.

Бирманцы, построившие Паган, пришли в долину великой реки Иравади в IX веке. Они спускались с гор, стеной отделявших Бирму от Китая, и селились на жаркой, сухой равнине, оттесняя к югу или поглощая племена, занимавшие ее раньше. Паган, который тогда был, очевидно, небольшой крепостью, лежал несколько в стороне от их первоначальных владений, но вскоре стал предметом спора между бирманскими вождями, так как располагался на берегу Иравади — главного торгового пути. Оттуда можно было спуститься до самого моря, где стояли богатые города монов — народа, заселившего юг Бирмы за несколько веков до бирманцев. Паган стал форпостом

государства, долины, в которых обосновались бирманские племена, — тылом, резервом.

Объединить Бирму и создать государство, которое вошло в историю под именем Паганского, суждено было бирманскому вождю Анорате, который укрепился в Пагане в середине XI века и в течение последующих двадцати лет предпринял несколько удачных походов на юг. Оттуда, из завоеванных монских городов, он привез в столицу каменщиков и художников, буддийских монахов и, что было немаловажно для последующей истории Бирмы, буддийские рукописи. Буддизм стал официальной религией нового государства, сменив первобытные анимистические верования, которых придерживались бирманцы до этого.

В течение последующих десятилетий Паган превратился в одно из самых крупных государств Юго-Восточной Азии. Иравади была важной торговой артерией, южные морские порты располагались на пути из Индии к странам Южных морей. Сильное государство строило каналы, водохранилища, плотины, поэтому поля Бирмы давали обильные урожаи и население быстро росло. Но вот расширить границы Паганское государство не смогло: мешал географический фактор. С трех сторон Бирма окружена труднопроходимыми горами, и лишь на юге низменность переходит в море. Покорение соседних стран — это обязательно переход через горы. Такие походы были и в паганские времена, и позднее. Но как только бирманская армия уходила через перевалы, она оказывалась отрезанной от резервов, снабжение ее становилось трудным делом, и в конце концов, какими бы ни были внушительными военные успехи, рано или поздно ей приходилось отступать: Бирма оставалась за горами и непроходимыми лесами и не могла оказать помощи. А мореходами бирманцы, народ сухопутный, оказались посредственными, сильного флота у них никогда не было.

Паганское государство было богато и сильно. В руках королей и знати скапливались немалые богатства. Богатства следовало использовать. Если еще недавно бирманские вожди устраивали знатные пиры, то теперь, в стране централизованной, могучей, никакими пирами прибавочный продукт не уничтожишь. И как везде в мире на этом этапе социального развития, именно религия дала стимул к грандиозным тратам. Началось строительство храмов и пагод, которые должны были стать «заслугой» в следующем рождении государя или вельможи, улучшить его карму, зависящую от добрых дел во славу буддийской религии.

И вот с середины XI века на берегу Иравади, среди

деревянных хижин, монастырей и дворцов, стали подниматься кирпичные громады храмов. они возникли как бы сразу, это был взрыв творческого гения паганских зодчих. Уже первый из больших храмов — Ананда, построенный королем Тилуин Маном и освященный в 1091 году, стал одним из самых выдающихся архитектурных памятников Азии. А ведь прошло всего пятьдесят лет с момента образования Паганского государства.

Всего в Пагане было построено за двести пятьдесят лет его существования немало храмов, пагод, храмиков и других каменных сооружений (по разным данным, от двух с половиной до пяти тысяч), и, разумеется, далеко не все сохранились.

Строительство большого храма было общегосударственным предприятием. Такой храм — главное дело жизни государя, причем не каждый из них мог себе это позволить. По крайней мере последние полвека существования Паганского государства — период его упадка — не знают ни одного большого храма: короли были бессильны собрать столько средств и строителей, чтобы прославить свое имя достойным образом.

Большой храм — это гигантское сооружение, высотой шестьдесят-семьдесят метров, выше современного двадцатипятиэтажного дома, со сложной системой внутренних помещений, со статуями и фресками. Есть в той же Бирме пагоды, которые выше храмов, но это постройки типа египетских пирамид — правильно организованные груды кирпича, без внутренних помещений.

Храмы Пагана — своего рода революция в восточно-азиатской архитектуре. Их конструктивная основа — широкое применение арок и сводов. Именно это и позволило храмам дожить до наших дней, несмотря на время и стихийные бедствия, главным образом землетрясения. А землетрясений в Бирме бывает немало, и очень сильных. Последнее, катастрофическое, в 1974 году, повредило ряд храмов, в том числе храм Ананда, повредило, но не разрушило.

Как могло произойти, что пришедший с гор небольшой народ, никогда раньше не имевший традиций каменного строительства, сразу после основания первого своего государства воздвиг подобные храмы? Естественно, что исследователи в поисках прототипов паганских храмов обращали свои взоры в сторону великих азиатских цивилизаций древности, в первую очередь в сторону Индии.

Что такое индийский храм? Он произошел от горы и пещеры в ней. И не скрывает своего происхождения. Внешне индийский средневековый храм невероятно тяжел, и настолько раздроблены его фасады, настолько измельчены украшениями и скульптурами,

что создается ощущение поросшей лесом крутой горы. Внутри же под многотонной тяжестью этой горы скрывается низкая, темная пещера — внутреннее помещение храма, чаще всего перекрытое толстыми балками. Индийский храм по-своему един и логичен.

Бирманский храм противоречив и нелогичен.

Внешне храмы Пагана просты. Светлые, чистые стены, украшенные лишь пышными порталами. Само здание — куб. Над ним ступенчатой пирамидой крыша, увенчанная сикхарой, сходной с початком кукурузы.

По простоте линий и некоторому пренебрежению к деталям, к точности кладки, по геометрической выверенности входов храмы Пагана напоминают церкви Пскова или Новгорода. Храмы гармонируют с открытым пространством равнины и цепью голубых холмов на горизонте.

Зато, когдаходишьвнутрихрама, попадаешь в мир тесный, темный, загадочный. Внутренние помещения, как правило, невелики, коридоры узки, статуи стоят в полумраке, лишь узкие лучи света падают на их улыбающиеся лица. Храм создан для того, чтобы вызвать своего рода душевный шок у человека, пересекающего границу между светлым внешним миром и загадочным миром души.

Прототипы бирманских храмов в последние десятилетия найдены в самой Бирме. Ведь бирманцы пришли не на пустое место. До них в долине Иравади и на южном побережье существовали небольшие государства — монов и народа пью. Раскапывая развалины их городов, археологи убедились в том, что основные принципы паганских храмов были разработаны в самой Бирме за столетия до создания Паганского государства. Объединив страну, свезя в столицу зодчих из других городов, имея в своем распоряжении громадные средства и человеческие ресурсы, короли Пагана смогли сделать важный шаг — от строительства маленьких святилищ древности перейти к сооружению великих храмов средневековья.

За двести пятьдесят лет существования Паганского государства там было построено шесть больших храмов. В 1091 году — Ананда, самый изящный и благородный из них. В середине XII века был воздвигнут Татбинью, самый массивный и высокий. Можно подняться на его верхнюю террасу и оттуда с высоты шестидесяти метров увидеть весь Паган, Иравади и далекие холмы за рекой. У входа в этот храм стоит маленький храмик, сходный с гигантским собратом. По преданию, на его сооружение пошел каждый десятитысячный кирпич из тех, что были уложены в тело Татбинью. На рубеже XIII века родились два храма — Годопалип, самый легкий, совершенный из храмов, и

Суламини. Кансу II был единственным королем, при котором были воздвигнуты два храма. Последний из больших храмов, Тхиломинло, завершен в 1211 году, при короле Натомья.

Выше перечислены пять храмов.

Но есть и шестой. Единственный незаконченный храм в Пагане.

Называется он Дхаммаяиджи.

Он построен по образцу храма Ананда, но его создатели не смогли найти той гармонии линий, что превращает гигантское сооружение в произведение архитектуры. Он тяжел, громоздок, и это подчеркивается темно-бурым цветом стен, так как оштукатурить его не успели.

С ним связана тайна Пагана второй половины XII века.

После смерти великого паганского короля Тилуин Мана в 1112 году на престол вступил Кансу I. И процарствовал больше полувека.

Нас сейчас интересуют события последних лет его правления.

Обратимся к бирманским хроникам. Их множество — начиная от главных, составленных по приказу короля, и кончая местными — монастырскими, областными, чуть ли не деревенскими.

Есть необъясненные законы создания исторической литературы, отношения к истории в пределах той или иной цивилизации. Например, в Скандинавских странах историческая литература в средние века была необычайно развита. Даже в маленькой Исландии создавались замечательные саги. От них лишь шаг до хроники, такой, как «Земной круг». Это гигантский по объему и скрупулезный труд, который и сегодня служит основным источником по истории викингов и Норвегии. В то же время «Земной круг» — одно из величайших произведений художественной литературы средневековья.

На Руси писание летописей было делом монахов. История русских княжеств была зафиксирована. Беда в том, что в России в последующие века плохо сохранялись рукописи. Те из них, что пережили монгольское иго, горели вместе с монастырями и библиотеками, гнили в подвалах и уходили на растопку. Еще первый русский историк В. Н. Татищев в начале XVIII века пользовался летописями, о которых мы можем судить лишь по цитатам в его «Истории российской»: они потом погибли. Сгорело «Слово о полку Игореве». И все же сохранилось немало.

В Японии эстетическая сторона дела играла столь важную роль, что летопись превращалась в роман. Японский читатель средних веков ждал героической повести — и писатели шли ему

навстречу. История была лишь материалом для прозы. Правда, она была настолько драматична, что порой и не надо было ничего додумывать. Достаточно было снабдить ее моральными выводами.

В Китае историческая традиция была развита издавна. История относилась к области делопроизводства, она была средством фиксировать для потомков величие державы. Поэтому китайские хроники — незаменимые исторические документы. Достаточно сказать, что тщательная и подробная фиксация прибытия посольств из других стран и отправки собственных миссий сохранила для нас достоверные сведения об исчезнувших государствах Азии.

А вот в Индии хроник и летописей практически не было. Древнюю и средневековую историю Индии порой очень трудно реконструировать. И если датировка событий в Китае прослеживается на тысячелетия, то в древней Индии хронология даже важнейших событий нередко весьма сомнительна.

Возможно, это объясняется господствовавшими в Индии религиозными концепциями — непостоянства, вечного перерождения — и вечным движением людей и идей по бесконечным раскаленным долинам и лесным дорогам грандиозной страны. В Индии вплоть до нового времени не было понятия принадлежности к стране. Не было индийцев — были индусы, джайны, сикхи и буддисты, были хандарабадцы и бенгальцы, пенджабцы и кашмирцы. Многие страны, развивавшиеся под влиянием индийской цивилизации, так и не пришли к созданию собственной исторической литературы. Лишен ее был великий Ангкор, пропали, не оставив летописей, Фунань, Тямпа, Ченла, Шривиджайя, а ведь это были обширные и могучие державы, и существовали они многие десятилетия, а то и века.

Бирме в этом отношении повезло. Она попала как бы на перекресток влияний. Первые бирманские летописи берут начало во времена Пагана. После его гибели старые списки сохранились в монастырях; впоследствии они многократно переписывались и входили в состав новых хроник. Последняя королевская хроника была создана в середине XIX века, незадолго до того, как Бирму завоевали англичане.

История Паганского государства, зафиксированная в летописях, в основном совпадает с тем, что отражено в надписях на камнях, высеченных в паганское время. Правда, официальные имена королей изменены в летописях на те, что вошли в народную традицию. Например, с 1210 по 1234 год в Пагане, судя по надписям, правил король Натомья. В летописях он назван

Тхиломинло. Это имя означает «Тот, на которого указал зонт». Происхождение странного имени объясняется так: у короля Капсу было пять сыновей, и, чтобы выбрать достойного править государством, их посадили перед белым королевским зонтом. Зонт склонился к младшему сыну. Остальные четыре брата помогали ему править страной.

Находясь на юго-восточном ответвлении Великого торгового пути, Паган контролировал долину Иравади. А если взглянуть на карту, то становится ясно, какую роль играла эта река, одна из крупнейших в Азии.

Иравади берет начало в Южном Китае и впадает в Бенгальский залив. В устье Иравади стекались пряности с островов Южных морей, опалы с Цейлона, целебные рога носорогов и ткани из Шривиджайи, олово, свинец, серебро и сандаловое дерево из Малайи. Сама Бирма была богата драгоценными камнями, тиковым деревом, из нее в Китай и в другие страны поступали и прирученные слоны — их в Бирме было великое множество, нефть — уже с паганских времен по берегам Иравади добывали ее в глубоких колодцах. В самом Пагане и в южных, монских провинциях жило немало богатых купцов и менял, делавших крупные пожертвования буддийским монастырям и пагодам.

Вверх по Иравади торговые суда плыли через все Паганское государство до северных гор. Там товары грузили на слонов и лошадей, и караваны горными тропами пробирались в Южный Китай.

Торговый путь следовало охранять. Это и было заботой паганских королей.

Судя по хроникам, король Алаунситу (Кансу I надписей) (1112–1167) провел первые годы царствования в походах, усмиряя непокорные окраины государства. Через несколько лет он отправился в морское путешествие, попал на Цейлон, побывал в Малайе. Затем он двинулся на север и по торговому пути добрался до государства Наньчжао, на юге Китая. Там Алаунситу пытался добыть священную реликвию — зуб Будды, но зуб королю не отдали. Собственную страну этот неутомимый путешественник изъездил вдоль и поперек. Следы того — многочисленные пагоды, построенные им в самых различных уголках королевства. К тому же он был страстным охотником и более всего любил охотиться на слонов.

Время шло, и Алаунситу состарился.

События последних лет его царствования подробно описаны в хрониках. Из этих историй нас интересуют две.

В семьдесят пять лет король решил взять новую жену — принцессу из Южной Индии. Молодая жена, как гласит хроника, «заботилась о короле днем и ночью».

Естественно, старшие жены и принцы всполошились. Отец не только отказывался умирать, но и намеревался произвести на свет еще одного сына — от любимой, молодой и к тому же иноземной жены.

Ненависть к новой королеве проявилась довольно скоро. Однажды сыновья пришли к отцу — тот находился в тронном зале. С ним там, на троне, восседала его молодая жена.

Следует сказать, что бирманский трон несколько отличался от европейских. Он представлял собой возвышение метра полтора высотой и диаметром около двух метров. За ним находилась «спинка», то есть богато разукрашенная стена, в которой была дверь, через эту дверь король, поднявшись по лесенке, входил на «сиденье» и садился скрестив ноги. Рядом с ним могло уместиться несколько человек.

Когда принцы увидели, что молодая королева сидит на троне, они не смогли сдержать возмущения. Или не захотели его сдержать. Старший из сыновей, Миншинсо, отказался поклониться отцу и закричал:

— Я наследник престола! Как смеет эта развратница восседать надо мной и всеми министрами!

И пошел прочь из зала.

Король приказал сыну вернуться.

В дверях Миншинсо остановился и насмешливо сообщил, что ему неможется и потому он вынужден покинуть зал. За ним вышли его младшие братья. Кроме принца Нарату, рожденного от наложницы и потому «второстепенного». Очевидно, Нарату остался, чтобы выразить возмущение наглостью братьев.

Вскоре случился еще один скандал, на этот раз из-за фаворита. Король подарил этому молодому человеку одно из своих парадных одеяний. И тот, похваляясь им, пришел во дворец. Тогда принц Миншинсо сорвал с него одеяние.

— Ты недостойн носить его! Только мы, принцы крови, имеем на это право! — кричал он.

Старик вышел из себя.

— Здесь, — сказал он, — дарую и милую только я один. И если сын мой позволяет так себя вести, когда я жив, каким же он будет после моей смерти? Он начнет сводить счета с братьями и сестрами, с моими верными министрами и губернаторами. Могли ли я оставить лису в этом курином царстве?

И тут же последовал указ: лишить Миншинсо всех его владений и заточить в тюрьму.

Гордого принца увели в тюрьму, но тут к королю бросились королева, мать Миншинсо, и ее родственники, умоляя простить виновного. В конце концов король смиростивился, вернул сыну его владения и богатства, но запретил жить в столице.

В течение нескольких лет опальный принц жил в своих землях, которые были велики и давали немалый доход. Он строил там плотины, рыл каналы, — в общем, оставил о себе добрую память.

Алаунситу решил, что, избавившись от непокорного наследника, он найдет иного, более смиренного и любящего. А так как иноземная принцесса сына ему не принесла, он остановил свой выбор на послушном Нарату.

Королю уже было за восемьдесят. Все дела по управлению государством он передал Нарату. Новый наследник постепенно отстранил остальных принцев и всюду посадил своих людей. Король этого не замечал, он тихо угасал в своем дворце, наслаждаясь обществом индийской принцессы, еще более прекрасной, чем прежде.

К 1167 году Алаунситу серьезно заболел. Он был очень плох, и никто не верил, что он выживет. По приказу Нарату короля вынесли из дворца и положили в небольшом храме Швегу. В храме было прохладно и тихо, о короле забыли.

Алаунситу открыл глаза.

Над ним смыкался темный свод. Шепот слуг и врачей казался ему дыханием звезд.

— Где я? — спросил король тихо.

Никто не ответил. Шепот стих.

— Это не мой дворец, — произнес король громче.

Старый слуга склонился к уху своего повелителя.

— Это не дворец, — сказал он. — Но это святое место. Это храм Швегу.

— Кто придумал эту дурную шутку? — Старик приподнялся на локте, и его глаза загорелись. — Кто решил избавиться от меня? Где моя любимая жена? Где мой верный сын Нарату?

— Это приказ твоего сына Нарату, великий король, — сказал слуга.

— Не может быть! — закричал старик, но понял, что — может. Он уже никому не нужен.

Король велел призвать Нарату, чтобы объявить ему о лишении титула наследника престола. Наследником будет Миншинсо.

Но прежде чем послать гонца к Миншинсо, придворные кинулись к Нарату. Они понимали, что болезнь короля отступила лишь на время: все равно ему не жить. Но если он протянет еще

хоть несколько дней, Миншинсо успеет вернуться в столицу и завести порядки, которые вряд ли обернутся добром для Нарату и его друзей.

Нарату это тоже отлично понимал.

Он вбежал в затихший храм. Лишь тяжелое дыхание Алаунситу слышалось в нем.

— Уходите все, — приказал Нарату. — Мне надо поговорить с королем наедине.

Алаунситу, который после вспышки гнева почувствовал глубокую слабость, попытался остановить придворных, но те знали, кому подчиняться. Храм опустел.

Когда последние шаги затихли и дверь затворилась — лишь лучи света, падавшие из маленьких окошек, освещали пустой зал и невысокое ложе, — Нарату подошел к отцу. Старик лежал неподвижно, лишь пальцы его судорожно сжимали край покрывала. Он испуганно глядел на сына.

Нарату спешил. Он рванул покрывало, но сухие, старческие пальцы не выпускали его.

Нарату навалился на старика. Борясь, они упали на пол. Нарату нащупал горло короля...

Когда дверь храма распахнулась и, оттолкнув перепуганных слуг, в зал вбежала молодая королева, было уже поздно.

— Отец умер, — сказал Нарату и быстрыми шагами вышел из храма.

Придворные испуганно расступились, Нарату шел словно в коридоре растерянных взглядов. Он им никогда не простит ни этих взглядов, ни этого страха, за которым скрывалось знание того, что произошло.

Ночью, загнав коня, во дворец к Миншинсо ворвался человек из Пагана. Он сообщил ему, что отец мертв. Наутро Миншинсо с отрядом всадников двинулся к Пагану. Правительственные войска в растерянности отступали. Для всех истинным королем был Миншинсо.

Нарату понял, что ему грозит гибель. Он призвал к себе главу буддийской церкви Пантагу и начал умолять, чтобы тот примирил его со старшим братом. Пантагу оказался в затруднительном положении. Он знал, что собой представляет узурпатор, но, как буддийский монах, почитал своим долгом установить мир в стране. Он согласился выполнить просьбу Нарату, но при условии, что тот торжественно поклянется уступить трон старшему брату. В присутствии монахов Нарату поклялся, что уступает престол и что Миншинсо невредимым войдет в королевский дворец. После этого Пантагу отправился навстречу Миншинсо и пригласил его в столицу. У ворот Пагана

Нарату встретил брата и принес клятву верности. Миншинсо на белом слоне, под белым зонтом, как и положено королю, подъехал к дворцу, и Нарату помог ему подняться на трон.

Вечером состоялся пир. Братья сидели рядом, и оба делали вид, что скорбят по безвременно усопшему отцу.

Через час после окончания пира Мипшинсо почувствовал себя плохо. Той же ночью в страшных мучениях он умер. Он был отравлен.

Утром возмущенный Пантагу бросился к Нарату. Его речь воспроизводится в «Хронике стеклянного дворца».

— Проклятый король! — кричал старец. — Гнусный король! Разве ты не боишься адских мук? Ты забыл, что и тебе предстоит состариться и умереть, подобно прочим людям? Нет на всем белом свете короля более злокозненного, чем ты!

Нарату усмехнулся и спокойно ответил:

— Ты не прав, старец, я не нарушил клятвы. Разве я не ввел брата во дворец и не посадил на трон?

— Ты недостойн жить среди людей, — сказал Пантагу и, как сообщают хроники, вскоре отплыл на Цейлон. Бирма осталась без главы церкви.

Вслед за ним на Цейлон отправились и прочие ученые монахи.

Злодеяния короля Нарату не поддаются описанию. Авторы хроник, обычно весьма сдержанные, обрушивают на Нарату весь свой гнев. Оказывается, что в предыдущем своем существовании Нарату был не человеком, а злым демоном. В число многочисленных жертв узурпатора они включают его невесту и ее родственников. «Его королевы, служанки, наложницы дрожали при виде его и ненавидели короля и проклинали его от всей души. Все обитатели королевства трудились с утра до вечера, но все, что они получали, у них отбирали, много людей умерило, деревни были разрушены, разрушены были и крепости». Так говорит одна из хроник.

«Даже великий храм Дхаммаянджи, который должен был стать королевской „заслугой“, не был завершен, несмотря на то что строители трудились день и ночь». Запомним эти слова хроники.

Следующее преступление Нарату описано в хрониках с излишним натурализмом. Но что поделаешь — в те времена нормы стыдливости были несколько иными.

А произошло вот что.

Индийская жена Алаунситу осталась жить при дворе. Нарату заставил индианку разделить с ним ложе и не отпускал от себя ни на шаг. И вот однажды... Далее передаю слово хронисту: «Она

узнала, что, когда король идет в уборную, он не берет с собой воду, чтобы вымыть руки. И к тому же ей стало известно, что король не моется перед исполнением своих мужских обязанностей. Индианка была столь возмущена такой нечистоплотностью, что не смогла скрыть от короля своего отвращения и отказалась от близости с ним. Короля это так взбесило, что он выхватил меч и зарубил ее насмерть».

Весть о том, что его дочь погибла, докатилась до индийского царя. Страшный гнев охватил его. Он призвал к себе восьмерых отважных и преданных воинов и сказал так:

— Переоденьтесь брахманами и идите к тому королю, который убил мою дочь. И убейте его. Когда вы совершите эту казнь, убейте этими же мечами друг друга. И будьте уверены, что я достойно позабочусь о ваших осиротевших семьях.

Витязи переоделись странствующими брахманами, спрятали под одеждой мечи и отправились исполнять приказание. Им удалось проникнуть во дворец и даже получить аудиенцию у Парату. Они приблизились к королю, выхватили мечи и зарубили его. А затем зарубили друг друга.

Нарату, «плохой король», продержался у власти четыре года — с 1167 до 1171-го. Когда он погиб, ему было сорок девять лет.

На престол воссел его сын Наратейнка. У него было три королевы, утверждают хроники, любил он их всех одинаково и потому старательно следил за тем, чтобы и слонов, и дворцов, и музыкантов у них было поровну.

Любовь сразу к трем женщинам опасна. В конце концов обнаруживается, что любить трех — значит не любить ни одну. И можно предположить, что Наратейнке хотелось настоящей любви.

Как-то королю подарили юную девушку, которая ему не понравилась, так как была слишком юна, костлява и голенаста. И уши ее торчали в стороны. Сообщив об этом со смехом окружающим, Наратейнка отдал ее своему младшему брату Нарапатиситу.

Младший брат жил с матерью, и та, полюбив девочку, не только научила ее всему, что положено знать и уметь наложнице, но и подрезала ей уши.

Далее все было как в сказке.

Король увидел наложницу младшего брата, уже расцветшую и прекрасную, и возжелал ее. Чтобы овладеть ею, он решил отправить брата с глаз подальше и потому приказал ему подавить восстание, вспыхнувшее в горах. Брат взял войско и двинулся в поход, а король тут же приказал привести к нему красавицу с подрезанными ушами. Но Нарапатиситу перед отъездом призвал к себе верного слугу Нга Пью и сказал:

— Если случится что неладное, бери моего любимого коня Тудо, которого я оставляю тебе для этой цели, и скачи ко мне.

Пока король развлекался с красавицей, Нарапатиситу добрался до места назначения и там обнаружил, что никакого восстания нет.

А верный слуга поскакал к своему господину. Ехал он весь день, устал и, когда начало смеркаться, остановился переночевать.

Нга Пью не знал, что был совсем рядом с лагерем Нарапатиситу. Пока он спал, конь пасся в лесу. Почувяв, что близко его господин, он помчался к шатру принца.

Ночью Нарапатиситу проснулся оттого, что рядом ржал его любимый конь. И понял, что в столице случилось несчастье.

А утром, не найдя коня, Нга Пью пешком за полчаса добрался до лагеря принца. И все ему рассказал.

Принц выслушал слугу и пришел в ярость. Гнев его был обращен как против старшего брата, так и против Нга Пью.

— Как ты смел спать рядом с лагерем! Мы потеряли несколько драгоценных часов!

И тут же зарубил своего верного слугу.

Затем он повернул войско назад и выслал разведчиков, которые должны были проникнуть во дворец и убить короля.

Король долго бегал от убийц по помещениям дворца. Наконец заперся в уборной, но его отыскивали и там. И зарубили, хотя он молил даровать ему жизнь и обещал верно служить брату.

Это случилось в 1174 году. Значит, Наратейнка успел пробыть на троне три года.

Нарапатиситу взошел на престол, провозгласил своей главной королевой красавицу с подрезанными ушами и благополучно царствовал тридцать пять лет.

Такова версия бирманских хроник о событиях 1167–1174 годов.

Однако эти сведения вызвали у ученых сомнения: так ли было на самом деле?

Уже внимательное чтение самих хроник дает повод для недоумения.

Про всех королей паганской династии подробно рассказывается, какие они осуществили реформы, какие пагоды и храмы построили, какие богоугодные дела совершили, где прорыли каналы и какие воздвигли плотины, с кем воевали и с кем заключали договоры. Это естественно — такова королевская служба. Ничего подобного о Нарату и Наратейнке не сообщается. Есть только перечень беззаконий и описание любовных историй, аналоги которым нетрудно отыскать в фольклоре.

Но даже не это главное.

Обнаруживается, что надписи того времени и археологические данные радикально расходятся с хрониками — единственный раз за всю историю государства. Двести пятьдесят лет истории Пагана отражены в хрониках достоверно, а семь лет — неправильно.

Из надписей известно, что храм Дхаммаянджи возводился королем Имто Сьяном, который наследовал Кансу I (Алаунситу). Но храм начали сооружать в 1165 году, и в том же году строительство было прервано. Значит, Алаунситу не дожил до 1167 года, как утверждают хроники: уже в 1165 году престол занимал другой король.

В так называемой надписи на горе Тицо приводится список паганских королей, — правда, без дат царствования. В этом списке за Кансу I следует Имто Сьян, а за ним сразу — Кансу II, другое имя которого было Нарапатиситу. Таким образом, даже если Имто Сьян — это Нарату, то никакого Наратейнки вообще не существовало.

Наконец, еще одно соображение. В течение всего XII века в Пагане земельные сделки и результаты судебных процессов, касающихся владения землей, фиксировались на камнях — так было надежнее, чем обращаться к бумаге. Камни эти ставились на той земле, которая была объектом сделки. Они обычно датированы, и чаще всего на них указывается имя короля, при котором сделка совершена. Таких надписей сотни. Надписей же с именами Нарату и Наратейнки нет. Правда, нет и надписей с именем Имто Сьяна.

Последнее соображение. Строительство большого храма — дело престижное, государственное. Прервать его могло лишь страшное бедствие. Даже если бы Имто Сьян просто умер, процарствовав совсем немного, его преемник обязательно бы завершил сооружение храма — это важная заслуга в понимании буддиста. А храм Дхаммаянджи не был завершен. Значит, не только с Имто Сьяном что-то случилось. Случилось со всем государством. И событие это было настолько трагическим и, очевидно, неприятным для потомков, что о нем вообще следовало забыть.

Но что могло произойти в Паганском государстве?

Эта загадка так и осталась бы неразрешенной, если бы на помощь не пришли хроники Цейлона (Шри-Ланки), государства, тесно связанного с Паганом торговыми и религиозными узами. Именно туда уехал Пантагу, а за ним и другие буддийские монахи.

В цейлонской надписи Деванагала, относящейся к концу XII века, говорится: «Человек по имени Бхуваннадита, царь Араманны, сказал: „Мы не будем заключать договор с островом Ланка...“ И тогда его величество король Ланки скомандовал: „Погрузите людей на тысячу кораблей и пошлите их в поход на Араманну“. Полководец Кит Нуварага, подчинившись этому приказанию, отплыл к Араманне, взял штурмом город Кусумья, и через пять месяцев король Араманны направил послов со словами: „Мы заключим договор“».

Араманна в цейлонских текстах — Паган. Кусумья — город Бассейн, южный морской порт Бирмы. Надпись сообщает о событиях 1165 года. Именно того года, когда было внезапно прервано строительство храма Дхаммаянджи.

Эти события описаны несколько подробнее в цейлонской же хронике Чулавамса.

Чулавамса сообщает, что некий паганский король вдвое поднял цены на слонов, которыми Бирма торговала с Цейлоном. И запретил, хотя это и было принято, отдавать слона за каждое судно с грузом, пришедшее с Цейлона. Цейлонские послы, которые ехали в государство Ангкор, были арестованы на побережье Тепассерима, то есть на юго-востоке Паганского государства. Цейлонская принцесса, которая плыла в Ангкор, чтобы выйти замуж за тамошнего короля, была перехвачена и увезена в Паган.

Последнее было прямым вызовом цейлонскому королю Параккама Баху I (1153–1186).

Очевидно, за этими событиями скрывается сложная политическая игра, связанная с Великим торговым путем. Цейлон, ранее союзник Пагана, вступает в дружественные отношения с государством кхмеров — Ангкором. Ангкор, восточный сосед Пагана, претендовал на южные области Бирмы и, судя по камбоджийским хроникам, даже одно время владел тем самым Тенассеримом, где бирманцы арестовали цейлонских послов. Так что посольство, которое оказалось именно в спорных, пограничных с Ангкором местах, и принцесса, которую послали старому противнику Пагана, никакой радости в Пагане не вызвали. Паган не хотел оказаться меж двух огней.

Цейлон принял вызов, и там стали готовить флот вторжения.

Как правило, в Пагане первые годы после воцарения нового короля проходили в подавлении мятежей — как провинциальных, так и поднятых королевскими родственниками. У королей было несколько жен, множество наложниц и, разумеется, немало сыновей, и обойденные властью обычно не соглашались с тем, что престол должен принадлежать именно тому, кому достался. Их

сопротивление должно было возрасти, если рассказ хроник о смерти Кансу I отвечал действительности и Имто Сьян был отцеубийцей.

Следовательно, цейлонцы, которые к тому же получили информацию о положении дел в Пагане от Пантагу и других монахов, знали, в какой момент ударить.

Вот что сообщает хроника Чулавамса о дальнейших событиях.

Флот был снаряжен за пять месяцев. На корабли были погружены годовой запас продовольствия и оружие, включая стрелы с тяжелыми железными наконечниками — специально для борьбы со слоновьей кавалерией (элефантерией). Были взяты даже лекарства от лихорадки, что свирепствовала в низинах Южной Бирмы, и средства против яда, которым бирманские воины смазывали свои стрелы.

Не все корабли добрались до Бирмы. Некоторые утонули, попав в шторм, один пристал к Андаманским островам, и его экипаж захватил там много рабов. Военачальник по имени Китти высадился в Бассейне и взял его. А другая группа войск поднялась вверх по Иравади и захватила Паган. Король был убит. Затем под треск барабанов цейлонцы провозгласили конец бирманского государства и присоединение его на вечные времена к Цейлону.

Дополнительные сведения содержатся в одной кхмерской надписи, где говорится, что войска Ангкора захватили Тенассерим и оккупировали область Пегу — это Юго-Восточная Бирма. Обладание южными портами Пагана означало контроль над торговым путем.

Надписям следует верить. А если так, то в 1165 году или чуть ранее престол в Бирме занял Имто Сьян и, борясь с мятежниками и соседями, начал сооружать храм Дхаммаянджи. В том же году он вступил в конфликт с процейлонской группировкой — так можно трактовать бегство монахов на Цейлон. Разразилась война на два фронта — с Цейлоном и кхмерами. Паганское государство было побеждено, а сам король погиб. Разумеется, строительство храма было прервано.

Но что случилось потом? Господство Цейлона над Паганом не могло быть длительным. Как намеревались цейлонцы держать в руках большое государство, отделенное от них морем? Иное дело, если в этом предприятии участвовали кхмеры: у них была возможность ввести в Бирму более значительные силы.

Бирманский историк Тан Тун полагает, что вплоть до 1174 года в Бирме сидел цейлонский наместник. И именно этот факт был настолько возмутителен и унизителен для авторов хроник, что они пошли на подлог и ввели вместо наместника двух вымышленных королей.

Мне трудно согласиться с Тан Туном. Против него — исторический прецедент. В те времена и в том регионе происходило немало войн и войска одних государств занимали столицы других. Но никогда или почти никогда не наблюдалось прямого подчинения, даже если враждующие государства были соседями. Куда проще было посадить на престол своего ставленника из местной знати. А он держался за власть с помощью завоевателей, иначе бы его свергли. Сам собирал налоги, содержал армию. Иногда такие марионетки восставали против своих благодетелей, — очевидно, в Бирме это случилось не сразу. Посадив на трон одного из принцев, вернее всего Наратейнку — сына убитого Имто Сьяна, цейлонцы оставили в Пагане гарнизон, который мог рассчитывать на помощь кхмеров, обосновавшихся на юге страны. Именно поэтому унижение Пагана растянулось на несколько лет. И лишь в 1174 году Кансу II сумел вернуть стране независимость и изгнать врагов.

О том, что бирманский престол занимал ставленник цейлонцев, говорит фраза в цейлонской надписи: «Через пять месяцев король Араманны сказал: „Мы заключим договор“». Договор, очевидно, выгодный для Цейлона.

Марионетки и коллаборационисты никогда не пользовались уважением потомков. И бирманские хроники следовали этой традиции.

Но намеки на действительные события в них проскальзывают. Например, в них говорится, что король Нарату был убит иностранцами.

Разумеется, при нехватке письменных источников всегда остается возможность ошибки. А единственный доживший до нас участник тех драматических событий — храм Дхаммаянджи — молчит.

Судьба Ангкорской империи сложилась иначе, чем судьба Пагана.

Паган никогда не переставал быть важнейшей частью бирманской истории. Ангкор же канул в небытие.

Паганское королевство погибло в конце XIII века. Но Бирма осталась. Остались бирманцы, осталась религия — буддизм-хинаяна. Остались принципы государственной власти и структура общества, сохранилась непрерывная последовательность сменявших друг друга государств и столиц. Паган был гордой памятью о прошлом и источником легенд.

Тому целый ряд причин.

Во-первых, бирманцы никому вплоть до конца прошлого века не уступали власти в своей стране.

Во-вторых, Бирма ограждена с суши горами, и потому внешнее влияние на нее ограничено.

В-третьих, Паган был первым большим государством в стране, все остальные — его продолжение.

На территории нынешней Кампучии история текла иначе.

Занимая юг Индокитайского полуострова, Кампучия географически составляет часть обширной холмистой равнины, и никаких серьезных преград между нею и соседями не существует.

Кхмеры, обитатели тех мест, жили в тесном общении с соседними народами, и центры политического господства то и дело перемещались. Господство кхмеров — лишь один из исторических эпизодов. До них этой областью правили цари Фунани, короли Шривиджайи, Тямпы, Ченлы и других государств,

некоторые из них оставили в истории лишь свое имя. После падения империи, созданной кхмерами, там властвовали тайские короли. Перемена власти вела и к переменам идеологическим.

Правда, можно проследить известную преемственность: уже в раннем средневековье тут, как и в европейском феодальном обществе, действовали правила династийной общности сменявших друг друга государств. Происхождение от «лунной» и «солнечной» династий древней Фунани было важным фактором при выдвижении притязаний на власть. Мельчая, скрываясь на Яве или правя кучкой деревень на окраине страны, потомки древних царей ждали своего часа. Они надеялись вернуться к власти с помощью выгодного брака, сильных родственников или союзников. И для этого имелись веские основания.

Цари и князья меняли религию в зависимости от своих политических интересов. Чаще всего они были вишнуитами или буддистами-махаянистами (северного толка). Эти верования пришли из Индии на рубеже нашей эры вместе с индийскими торговцами, авантюристами и брахманами. Но население тех мест исповедовало в основном анимизм: перемены в идеологическом окружении того или иного властителя мало кого интересовали.

В текучем, неустойчивом мире, границы которого менялись в зависимости от баланса сил между царями и князьями, где верхушка общества поклонялась одним богам, а само общество — иным, и возникает Ангкорская империя...

Сто лет назад французский натуралист Анри Муо, путешествуя по Центральной Камбодже, прослышал о том, что в глубине леса стоит «затерянный город». Католический миссионер, который видел развалины, утверждал, что они невероятно велики. Муо заинтересовался и предложил ему отправиться в лес.

Сначала они шли несколько часов по узким тропинкам, потом пробирались через чащу и наконец, когда Муо уже совсем обессилел, оказались на прогалине. Среди толстых стволов и густой поросли бамбука он увидел огромные каменные глыбы, раздвинутые корнями деревьев. Некоторые башни поднялись выше самых высоких деревьев.

До сумерек Муо и его спутник, забыв об усталости и жаре, осматривали развалины, но оценить их размеры и значение Муо не смог. И это неудивительно: самый большой в мире мертвый город занимает площадь во много десятков квадратных километров. Его значение и масштабы стали ясны лишь после того, как в течение многих лет экспедиции археологов работали там, расчищая лес и составляя план города.

Поверить в Ангкор было трудно, так как народ, некогда воздвигший его, впоследствии не создал ничего подобного или даже похожего. Не было аналогий Ангкору и в других странах.

Постепенно история Ангкорского государства была восстановлена по надписям, археологическим раскопкам и летописям соседних государств. И вот что нам теперь известно.

Кхмерское государство было в очередной раз возрождено в начале IX века принцем, приплывшим с Явы. Этот принц принадлежал к «солнечной династии», и, очевидно, при нем и было принято название страны — Камбуджа.

Царям кхмеров подчинялась лишь часть современной Кампучии, но претензии у них были велики. Хотелось сравняться могуществом с соседними государствами, куда более сильными. И вот в 822 году впервые был совершен священный обряд, призванный объявить всему миру, что отныне Камбуджей правит живой бог. Более того, кхмерский царь объявил себя чакравартипом — завоевателем вселенной. Был даже избран брахманский род, члены которого, наследуя друг другу, должны были исполнять функцию верховных жрецов при живых богах.

После этого история Камбуджи, или Ангкорской империи, шла замысловатыми зигзагами. То государство распадалось на несколько княжеств, то в него вторгались армии соседней державы — Тямпы, то оно попадало в зависимость от Шривиджайи, то само покоряло окрестные земли. Но что бы ни случилось с Камбуджей, все ее властители считались живыми богами и независимо от того, была ли там в чести буддийская религия или индуизм, главным в стране оставался культ дэвараджи — бога-царя.

Для того чтобы этот культ укрепить, создавались многочисленные храмы и монументы, строились новые столицы. Если паганские короли (да и то далеко не все) ограничивались строительством одного большого храма, то цари Ангкора старались превзойти друг друга в грандиозности и числе сооружений, призванных возвеличить самого властителя или его предков.

Рекорд в этом отношении побил царь Сурьяварман II, который умер в 1150 году, разорив страну бесконечными войнами и грандиозным строительством. Именно при нем был сооружен знаменитый храм Ангкор-Ват, тот самый, который откроет через семьсот лет Муо.

Ангкор-Ват был построен с единственной целью — восславить навечно бога-царя Сурьявармана, о котором сегодня помнят лишь несколько историков и искусствоведов.

Что же это такое — Ангкор-Ват?

На углах прямоугольной каменной платформы размерами сто на сто пятнадцать метров и высотой тринадцать метров поднимаются четыре башни, сходные с обрезанными снизу початками кукурузы, высотой с двадцатипятиэтажный дом каждая. В центре платформы стоит центральная башня, значительно более высокая. Все это гигантское сооружение покоится на мощном основании, обнесенном высокой стеной с крытыми галереями. Вокруг — лес колонн, затем внешняя стена, сторона которой — километр. И это еще не все: за внешней стеной находился ров шириной почти в двести метров, выложенный каменными плитами.

Все каменные плоскости украшены барельефами и орнаментом. Если к тому же учесть, что основные башни Ангкор-Вата были позолочены, а все стены и барельефы раскрашены, то можно себе представить, какое изумительное зрелище являл собой этот храм.

Вокруг Ангкор-Вата был расположен правильно спланированный город с миллионным населением, вокруг и внутри которого стояли храмы, посвященные предыдущим царям-богам или их предкам. Некоторые ветшали в небрежении, ибо принадлежали представителям другой династии или узурпаторам, другие подновлялись.

Вокруг, за полями, каналами и водохранилищами, расстилались бесконечные тропические леса. И ждали, когда уйдут люди, когда забудутся имена спесивых владык и можно будет спокойно поглотить город и храмы.

Сурьяварман, создатель Ангкор-Вата, был индуистом и почитал себя воплощением бога Вишну. Человек, о котором пойдет речь, ибо его жизнь пересекла то мгновение в истории человечества, что условно зовется 1185 годом, царь Джаяварман VII, был буддистом-махаянистом.

Сурьяварман II умер в 1150 году.

Его наследник принял разоренную войнами и гигантскими строительными причудами страну, которой дорого обошлась имперская политика.

Такое случалось и будет случаться в истории. В XVI веке Португалия станет мировой державой и ее колонии многократно превзойдут метрополию размерами и населением. Выкачивая из колоний золото и пряности, Португалия в то же время станет беднеть. Ее солдаты и моряки погибнут в джунглях Бразилии и у берегов Китая, золото и пряности сожрет политика завоеваний — стремление раздвинуть границы империи. А когда в Европу придет капитализм и поднимутся новые нации, они легко оттеснят Португалию. Общественные и экономические отношения

в этой империи закоснеют — сил для развития не останется.

Подобная беда постигла и Ангкорскую империю.

Преемник Сурьявармана продержался на престоле десять лет. Строительство при нем велось в меньших масштабах: царь старался удержать в руках то, что завоевал его предшественник. Но это ему не удавалось. Государство катилось к распаду. И вскоре начались крестьянские восстания, религиозные войны, сепаратистские выступления, заговоры и борьба кланов. Ни одной надписи не дошло до нас от этого десятилетия — люди жили только сегодняшним днем, уже не веря, что когда-нибудь наступят более спокойные времена.

Джаяварман VII был законным наследником престола, старшим сыном царя. Но когда его отец умер, он отказался от власти в пользу своего младшего кузена. Иное решение повлекло бы за собой гражданскую войну, а принц полагал, что страна и без того сыта войнами.

Он уехал из столицы.

Вскоре после этого страну охватило крестьянское восстание Бхарата Раху, и, прежде чем его подавили, прошло несколько лет. Одно время повстанцы даже осадили столицу.

Восстание настолько ослабило империю, что от нее отпали вассальные государства и в пределы Ангкора начали вторгаться враги.

В этой обстановке произошел дворцовый переворот, и царь был свергнут. К власти пришел один из придворных.

Узнав о перевороте, Джаяварман решил предотвратить новые несчастья, грозившие стране, и поспешил в столицу. Но когда он подступил к ее стенам, оказалось, что его кузен уже убит, а узурпатор твердо уселся на троне.

И вновь Джаяварман мирно уходит в тень. Он не хочет крови. Ему уже под сорок.

У Джаявармана сильное лицо. Широкое, с выступающими скулами, с выпуклым широким лбом. Под размахнувшимися, густыми бровями чуть раскосые большие глаза, нос широкий, ноздри раздуты, очень большой рот с умеренно толстыми, четко оформленными губами, уголки которых опущены, отчего выражение лица кажется несколько презрительным. И крутой, упрямый подбородок. Лицо красивое, энергичное, лицо вождя, а не отшельника.

Узурпатор продержался на троне двенадцать лет. Он жестоко подавил крестьянские восстания, казнил недовольных вельмож, но тут на страну навалилось новое несчастье: соседнее государство Тямпа, которое неоднократно становилось вассалом

Ангкора, воспользовалось ослаблением кхмеров и не только вернуло себе независимость, но и начало наступать на Ангкор. Тямский царь пригласил китайских военачальников, которые перестроили и перевооружили его войско, в частности сформировали отряды конных лучников. Армия тямов вторглась в пределы Ангкорской империи и год за годом все более теснила кхмеров.

Ангкор сопротивлялся несколько лет, по ресурсы государства были истощены, и в 1177 году тямский флот под командованием китайцев подошел по внутренним водным артериям к стенам ангкорской столицы. Этот удар был неожидан. Столица после недолгого сопротивления пала, узурпатор был убит. Впервые по улицам Ангкора шли алчные завоеватели, впервые они врывались в его храмы, оскверняя гробницы кхмерских царей и разбивая статуи.

Когда тямы наконец покинули страну, Ангкорской империи фактически не существовало.

И тогда вельможи и монахи из разграбленной столицы отправились на север, где в своем имении жил постаревший Джаяварман, проводя время в сельских занятиях и за чтением мудрых книг.

Они бросились в ноги Джаяварману: он был их последней надеждой. Он был единственным бескорыстным и уважаемым князем. Поддавшись уговорам, поверив, что его долг — спасти Ангкор, который стоит на краю гибели, Джаяварман принялся энергично организовывать сопротивление врагам.

Война продлилась еще четыре года. Были поражения, отступления, но кхмеры понимали, что мир может наступить только в случае победы над тямами — пощады от них ждать не приходилось.

Джаяварман решил нанести врагам удар там, где они чувствовали себя неуязвимыми: Тямпа была морской державой, и флот ее господствовал у берегов Индокитайского полуострова. Джаяварман понимал, что, до тех пор пока господство на море не будет отнято у тямов, их не удастся победить: неприятельский флот всегда сможет оказать поддержку своим войскам. К тому же тямы блокировали порты кхмеров и прервали торговлю Ангкора с другими странами.

На реках и озерах Ангкора спешно в строжайшей тайне сооружались боевые корабли. Так как верфи были разбросаны в разных местах, тямские лазутчики не смогли оцепить масштабы этого предприятия.

Когда флот был построен, Джаяварман приказал посадить на корабли лучших воинов и вывести половину флота в море. На

этот раз все совершалось открыто, с шумом, празднествами: царь хотел, чтобы обо всем узнали тямы.

Те узнали.

И были удивлены, но не испуганы, так как их силы превосходили ту часть кхмерского флота, которую царь решил «обнародовать».

Когда же до Ангкора докатились вести о приближении тямской армады, Джаяварман повелел вывести в море и те корабли, что были спрятаны на реках.

В 1181 году произошло грандиозное по тем временам морское сражение. Каким оно было, можно увидеть и сегодня — на барельефах ангорского храма Байон. Тямский флот был уничтожен.

Это сражение, в ходе которого погиб царь Тямпы, предопределило исход войны. Тямское войско начало отступать, и был подписан мирный договор.

На этот раз Джаяварман не уехал в свои имения. В конце 1181 года он был коронован под именем Джаявармана VII.

Первые годы его правления ушли на подавление восстаний и волнений в дальних провинциях, а когда в стране воцарился мир, Джаяварман приступил к восстановлению столицы. Это было естественно, но Джаяварман пошел дальше всех своих предшественников.

Немалых средств и усилий потребовало возрождение ирригационных систем и водохранилищ, ремонт плотин и каналов, разрушенных за время двадцатилетней смуты. Но без возрождения хозяйства попросту не было бы средств для исполнения широкой программы, задуманной Джаяварманом. Ведь завоевательных войн Ангкор тогда не вел: царь отказался от них.

Отстроив разрушенную тямами столицу, Джаяварман обнес ее стометровым рвом и каменной стеной высотой восемь метров: он надеялся, что такие укрепления будут не по зубам врагу, даже если он сможет добраться до Ангкора. Сохранились мосты через рвы, каждый шириной пятнадцать метров. На обеих сторонах моста сидят по пятьдесят четыре гиганта, которые держат на руках огромную каменную змею — она и служит перилами.

Ров и внешняя стена города достигают в длину тринадцати километров. Но ограниченная ими территория — лишь религиозный и административный центр столицы. Горожане жили за ее пределами, в кварталах, тянувшихся вдоль каналов.

Одновременно Джаяварман наводил порядок во всей империи. Были проложены широкие мощеные дороги, связавшие столицу с провинциальными центрами. Они шли по высоким

насыпям, так, чтобы в половодье вода не достигала дорожного полотна.

«Дорога дружбы», соединившая Ангкор со столицей Тямпы, тянулась на семьсот пятьдесят километров, а длина Южной дороги, петлей обегавшей приморские провинции, составляла девятьсот километров.

Но проложить дороги было еще полдела. Джаяварман решил позаботиться о тех, кто будет путешествовать по ним. Вдоль дорог были построены гостиницы, всего их было сто двадцать одна. Развалины пятнадцати гостиниц были найдены археологами. Все они сооружены по «типовым» проектам. Это каменные здания длиной по фасаду в пятнадцать метров. Внутри находились жилые помещения с очагами.

Следующий шаг Джаявармана был уж совсем необычным. Он приказал построить во всех провинциях империи больницы. Было построено более ста больниц. В надписи, найденной возле одной из них, приводятся слова Джаявармана, сказанные им о самом себе: «Он страдал от болезней своих подданных больше, чем от собственных, ибо горести народа, а не свои горести составляют заботу царей».

Было бы заблуждением полагать, что эти больницы были примитивными лечебными пунктами, где знахарь выдавал снадобья страждущим. Сохранилось их «штатное расписание». В каждой было девяносто восемь человек — врачи и обслуживающий персонал. Лекарства они получали с царских складов. К каждой больнице были прикреплены деревни, которые снабжали больных пищей, за что освобождались от налогов.

Пожалуй, подобного не сыщешь ни в одной средневековой стране.

Позаботившись о телесном здоровье народа, Джаяварман перешел к делам духовным. В столице и провинциальных центрах были открыты многочисленные школы для ремесленников и художников. При буддийских монастырях и независимо от них существовали школы, где преподавали философию, риторику и искусство поэзии. Была создана даже академия для женщин, которую возглавила жена Джаявармана, Индрадэви, женщина мудрая и ученая. Ей принадлежат выбитые на камне слова о Джаявармане: «Он поднялся для того, чтобы спасти землю, отягощенную грехами».

В стране царит мир. Правит ею царь, который столько раз отказывался от власти и пришел на помощь народу лишь в час крайнего бедствия. Мудрая власть его — отеческая рука, простертая над миллионами подданных...

И самое удивительное, что все это — правда.

До определенного момента.

Метаморфоза, происшедшая с Джаяварманом, кажется удивительной, когда смотришь на те события с высоты столетий, и объяснения ей мы никогда не получим, так как надписи молчат об этом, современники не оставили воспоминаний, летописи соседних стран лишь упоминают о результатах событий, но не говорят о побудительных причинах. Так что мы можем лишь гадать.

До пятидесяти лет Джаяварман прожил в тишине своей добровольной ссылки; истинный буддист, он отрешенно смотрел на мирскую суету современников. Можно предположить, что, будучи призван на царство и вступив в отчаянную схватку с тьмами, он почитал свои действия лишь выполнением долга и верил, что, добившись мира, вернется к покою отшельничества.

Но дальше действовала железная логика событий. Разгром тямов еще ничего не решал. Оставить разоренную страну на милость корыстных вельмож значило погубить плоды всех своих трудов. Ясно было: пройдет несколько месяцев, и все вернется на круги своя. Гибель Ангкора станет неизбежной. И он, Джаяварман, будет виноват в том, что уклонился от тяжелой доли государя.

Джаяварман короновался. И старался быть идеальным буддийским монархом.

Но нельзя быть правителем государства, охватывавшего большую часть Индокитайского полуострова, занимаясь лишь строительством больниц и гостиниц. Снова зашевелились тьмы, к войне с Паганом толкал Цейлон, сложно складывались отношения с островной империей Шривиджайя. Внутри страны подняла голову оппозиция. Провинциальные князья, видя, что царь стар, исподволь подкапывались под трон.

К тому же Джаявармана окружали тщеславные жены и родственники, напыщенные брахманы, жрецы бога-царя, каковым он быть не желал...

Легко оставаться скромным буддистом, живя в отдаленном имении. Куда труднее, если ты вознесен на вершину власти и у твоих ног ползают князья и вельможи, перед тобой склоняют головы иностранные послы, а поэты создают тебе панегирики.

Неизвестно, произошла ли перемена в Джаявармане мгновенно и однажды утром он проснулся другим человеком, или этот процесс шел постепенно — процесс превращения человека, чуждого тщеславия, в тирана, страдающего манией величия.

Можно примерно указать тот рубеж, после которого мы уже не видим прежнего Джаявармана. Это конец 80-х годов.

Почва для такого превращения была подготовлена традицией Ангкора, культом бога-царя. Культ личности как бы сидел в засаде, поджидая момента.

И дождался.

Старый царь провозгласил себя живым богом, земным воплощением бодхисаттвы Локешвары, будущим Буддой. И, разумеется, чакравartiном — покорителем вселенной.

Джаяварман в одночасье забывает о собственных принципах. И на страну, лишь недавно вздохнувшую свободно и поверившую в приход счастливых времен, обрушиваются страшные бедствия. Царь собирает громадное войско и бросает его против Тямпы, шлет армию завоевывать Южную Бирму, покоряет княжества Южной Малайи.

Все эти действия уничтожили то, к чему он стремился ранее, и были сходны с попыткой рубить мечом жидкое тесто. Как только вытаскиваешь клинок, тесто смыкается. Тямпа была покорена, столица ее разрушена, и король привезен в цепях в Ангкор. Но через несколько лет оставленный там марионеточный властитель изгнал кхмеров.

Паган вернул себе южные провинции, да и малайские княжества вскоре забыли о кхмерском завоевании.

Но войны, которые будут идти без перерыва до самой смерти Джаявармана, — только часть беды. Вторая — безумное строительство сооружений, призванных возвеличить живого бога. Оно тоже будет вестись непрерывно до самой смерти Джаявармана.

Вчерашний благодетель обескровил государство. И трагедия усугублялась тем, что прожил Джаяварман удивительно долго. Судя по надписям, он умер лишь в 1218 году, дожив до девяноста лет.

Самым невероятным произведением Джаявармана стал храм Байон. Ничего подобного для прославления одного человека на Земле не делалось. Фантастическая изобретательность большого манией величия царя вызвала к жизни фантастическое творение зодчего.

В центре столицы было построено приземистое сооружение, состоящее из каменных галерей и низких залов. Все они богато украшены барельефами — удивительными по экспрессии сценами боев с тьямами. Куда ни посмотришь — кипит сражение. Гибнут корабли, крокодилы пожирают тонущих, слоны топчут воинов, люди убивают друг друга под деревьями и среди городских строений — голова кружится от бесконечного жестокого боя.

И на этом постаменте, воспевающим насилие, поднимаются к небу пятьдесят башен. Они стоят тесно, они подобны толпе

гигантов, господствующих над городом. Каждая из четырех сторон каждой из пятидесяти башен представляет собой многометровое каменное лицо царя Джаявармана.

Двести лиц царя возвышались над столицей и отовсюду были видны — задумчивые, глядящие вниз, большеротые, лобастые, вечные.

Джаяварман не ограничился Байоном. Его лица глядели с въездных башен, на площадях и в храмах стояли его статуи.

Повелитель дряхлел. Но все новые и новые башни с его лицами воздвигались в империи, и лицо царя на них не менялось. Да и могут ли морщины избороздить лицо бога?

Давно уже перестали строить в Ангкоре больницы и гостиницы, прекратилось сооружение водоемов и каналов: каждый камень из каменоломен везли в город, чтобы положить в стену нового храма или новой башни.

Обезумевший от веры в собственное величие, впавший в маразм, царь каждое утро садился в носилки, и его несли по строительным площадкам. И он смотрел, как поднимаются стены, и торопил зодчих: каждый храм был его божественной заслугой, царь старался заработать себе славу, достойную Будды.

Исследователи, изучая историю Ангкора, обратили внимание на то, что от многочисленных храмов и монументов, созданных в последние годы жизни Джаявармана, до нас почти ничего не дошло — только развалины. И когда они стали искать причину, обнаружилось, что эти здания были построены халтурно, на живую нитку. Видимо, архитекторы понимали, что от них никто не требует истинно великих произведений — нужно было одно: много, много, еще больше храмов!

...На следующий год после смерти Джаявармана его сын был вынужден окончательно вывести войска из Тямпы. Империя съезживалась. Ее дни были сочтены...

История одной вражды

Японская империя развивалась в изоляции от остального человечества, прячась на краю света, за морем, на гористых островах, которые нередко трясло жестокими землетрясениями, а порой трепало свирепыми бурями.

Но изолированность Японии была относительна. За странными даже для соседей — китайцев и корейцев — обычаями скрывались те же самые закономерности развития общества, которые господствовали на всей планете, а за удивительным и нелогичным, с точки зрения европейца, характером японца таился тот же человек, что во Франции или Иране.

Контакты с материковой Азией существовали издавна. На западе Японии были целые районы, заселенные выходцами из Китая и Кореи. В течение всего I тысячелетия нашей эры эти контакты развивались. К XII веку Япония — уже постоянный торговый партнер Китая и один из важнейших истоков Великого шелкового пути.

Ко времени, о котором идет рассказ, китайская цивилизация уже во многом определила духовное развитие Японии, подарив ей множество изобретений и идей. Внешние влияния воздействовали на японское общество не напрямую. Чужой опыт и чужая мудрость переосмысливалась — все становилось японским и порой неузнаваемым. Японская поэзия, соприкоснувшись с китайской, приобрела еще большую утонченность и лаконичность. Буддизм, пришедший из Индии, потеснил местную религию — синтоизм, но, будучи учением чрезвычайно гибким, впитал в себя древние верования и изменился, чтобы укорениться на японской почве.

Быстро покоряя чуткие к изящному двор и знать столицы, новые вейния куда медленнее завоевывали японского крестьянина, охотника или воина северных провинций. За пределами городов существовал другой мир, созданный веками суровой борьбы с природой.

Средневековая японская империя была куда меньше современной Японии: северная оконечность острова Хонсю — самого большого из Японских островов — все еще оставалась пограничным краем, где укрывались банды изгоев и разбойников. Северный остров — Хоккайдо — был землей почти неизвестной и принадлежал бородатым айнам, поклонявшимся медведю.

Уже давно замечена закономерность: социально интенсивнее развиваются те народы, природные условия страны обитания которых суровее и разнообразнее. Разумеется, эта закономерность верна лишь до известных пределов: экстремальный климат, как в Гренландии или в Сахаре, настолько подрывает экономические возможности развития, что цивилизации там как бы консервируются, тратя основные силы на то, чтобы выжить. Но природные условия Японии, с одной стороны, были достаточно приемлемы, чтобы прокормить ее население и даже создать прибавочный продукт, с другой — там ничто не давалось даром. За все приходилось платить — потом, кровью, риском. К тому же к XII веку обозначилась и значительная неравномерность в развитии областей Японии: юг был густонаселен, там существовали многочисленные города, развивались ремесла, но земельные наделы были невелики и было много лишних ртов. На севере и северо-востоке природа была злее, шло покорение новых земель — их отвоевывали у гор и лесов, у айнов. Там, вдали от столицы, вырабатывался особый характер — воина, свободного землепашца. И это тоже сыграло свою роль в истории Японии.

Императоры обитали в Киото — огромном деревянном городе со множеством богатых домов и дворцов, храмов и кумирен. Землетрясения, жестокий бич Япоии, диктовали свои законы: легкий, почти невесомый деревянный домик с раздвижными перегородками не погубит хозяина, когда обрушатся стены и крыша.

В Киото находились не только административный аппарат государства и императорский двор, но и множество чиновников и вельмож, проводящих жизнь у трона в надежде подняться по служебной лестнице, получить выгодную синекуру, заслужить земли и деревни. Там жили также оружейники, маляры, ткачи, вышивальщики, столяры, пекари, торговцы, менялы. Юноши обучались наукам и художествам, купцы вели торговлю с

заморскими странами. Из Китая и Кореи, из стран Юго-Восточной Азии шли шелка, парча, фарфор, чай, сандаловое дерево, изделия из меди, даже китайские медные монеты. Япония отправляла на материк золото и серебро и подделки из этих металлов, ремесленные изделия, а также оружие, в первую очередь мечи. У японцев был свой торговый флот, но чаще перевозками занимались китайцы.

А вокруг столицы, на холмах, в подступавшем к ее стенам лесу, стояли буддийские и синтоистские храмы и монастыри.

Центром столицы был императорский дворец. Там обитал, окруженный гордыми королевами и прекрасными наложницами, мудрыми вельможами и отважными полководцами, абсолютный владыка государства.

Все делали вид, что это именно так.

На самом же деле императоры Японией в средние века не правили. Государственные земли — а по закону все земли в стране были государственными — постепенно разбазаривались: надо было покупать верность вельмож, благосклонность фаворитов и монастырей. Государство постепенно теряло власть над землей, а значит, и над страной в целом. Быстрее всего этот процесс шел на окраинах, где феодалы, осваивая или завоевывая земли с помощью своих служилых людей — самураев, не желали делить доходы с императором. Формально императору продолжали поклоняться как священной особе. В действительности с ним не считались.

Поочередно реальную власть в стране завоевывали могущественные феодальные роды — Фудзивара, Тайра и Минамото. Все они находились в родственных отношениях с царствующим домом. Помимо жен у императоров были еще и многочисленные наложницы, у всех рождались дети; принцев в Японии было так много, что еще задолго до описываемых событий были узаконены правила, в соответствии с которыми на пятом поколении царские отпрыски переставали считаться принцами крови, получали иное имя и становились рядовыми членами класса феодалов. Предками Тайра и Минамото были такие вот несостоявшиеся принцы. Они также плодились, делились на ветви и семейства. Например, клан Минамото включал тринадцать больших семейств, владения которых были разбросаны по всей стране, в основном на востоке и на севере. Клан Тайра состоял из четырех больших семейств. Клан Фудзивара пользовался большим влиянием в столице, и его члены занимали важные придворные и государственные должности; между тем мало кто из Тайра или Минамото служил при дворе — для придворных они были провинциальными

варварами.

А двор в XII веке был декадентским, утонченным до женственности, щеголи даже ходили в женских одеждах, красили брови и чернили зубы, подобно женщинам, изысканность чувств и слезливость переживаний были законом, ухищрения придворного этикета были доведены до сложнейшей игры, нарушить правила которой считалось святотатством.

Чем могущественнее становились провинциальные феодалы, тем труднее было в этом жестоком мире уцелеть феодалам мелким. Их деревни грабили сильные соседи, на их дома нападали шайки бандитов. Для сельского жителя и мелкого феодала единственным выходом было отдаться под покровительство крупного князя, и, чем больше сокращалось число независимых владельцев, тем крепче становились Тайра и Минамото. Да и императоры, не надеясь на силу своей армии, несшей в основном охранные функции, в случае беспорядков и волнений обращались к крупным князьям, чьи отряды были более боеспособны.

Были в стране еще вооруженные формирования, многочисленные и воинственные, — монашеские дружины. На японской почве мирный буддизм претерпел невероятные превращения. А причиной тому были экономические факторы: монастыри скопили в своих руках громадные земли и богатства. Богатства надо охранять, крестьян надо заставлять работать — монастыри обзавелись своими собственными отрядами, причем монахи отлично владели оружием. Тысячи застоявшихся в сытой и спокойной жизни монахов готовы были по первому знаку подняться на бой. Монастыри были подобны ежам, ошестинившимся иголками. А так как любой богач стремится стать богаче, то монастыри боролись не только за сохранение накопленного, но и за расширение владений. Они даже воевали между собой.

Человеческая жизнь ценилась невысоко. Святой обязанностью воина было верно служить князю, который защищал и его самого, и его дом. Беспредельная преданность господину стала главным принципом кодекса чести, и готовность умереть за господина была возведена в высшую добродетель и опоэтизирована. Дети самураев с пеленок воспитывались в этих понятиях. Буддизм отлично прижился в Японии, ему было легко приспособиться к феодальной морали: жизнь быстротечна, славная смерть улучшает карму и дает право надеяться на лучшую долю в будущем рождении.

Но нельзя забывать, что самурайская мораль была не столь обязательна при дворе, неприемлема для городских жителей и

совсем чужда ремесленникам и крестьянам. Самурайский дух — не дух Японии, а лишь кодекс чести служилых воинов.

В течение нескольких столетий в Японии главенствовал дом Фудзивара. Возвысившись уже в середине I тысячелетия, Фудзивара далеко не сразу захватили власть. Сначала их главными соперниками были буддийские монахи, особенно в те годы, когда трон занимали императрицы, — как правило, при них влияние монахов было особенно сильным. В 781 году Фудзивара добились эдикта, запрещавшего женщинам занимать императорский престол.

Против власти Фудзивара стали подниматься другие феодальные кланы, чаще всего Тайра и Минамото. Но Фудзивара, занимавшие должности ближайших советников императоров, подавляли восстания Тайра с помощью Минамото, и наоборот. Правда, эти восстания не проходили бесследно для дома Фудзивара: победители обогащались за счет земель соперников, а Фудзивара были вынуждены еще и платить своим союзникам — опять же землями государственными или собственными. Неизбежно должен был наступить момент, когда провинциальные кланы станут угрозой для Фудзивара.

Еще в IX веке Фудзивара добились узаконения важной для их господства традиции: императоры должны были жениться лишь на девицах из этого дома. В каждом последующем императоре доля крови Фудзивара увеличивалась. К XII веку императоры по крови были чистыми Фудзивара. Но Фудзивара они себя не ощущали, а старались найти способ отделаться от постоянной опеки могучих родственников.

Остроумное решение принял император Сиракава в 1087 году. Четырнадцать лет он сидел на престоле, подчинялся Фудзивара и сильно недолюбливал их. Положение в стране ухудшалось, феодальные стычки и войны вскипали в разных ее концах, монахи полностью вышли из повиновения и даже вторглись в столицу, Киото. Именно этому императору принадлежат печальные слова: «В моих владениях есть три силы, над которыми я не властен: это воды реки Камо, игральные кости и служители Будды».

В 1087 году Сиракава отрекся от престола и принял монашеский сан. Такое случалось и раньше, императоры уходили в монахи, устав от государственных дел либо не угодив Фудзивара. Но Сиракава не перебрался в монастырь, чтобы предаваться благочестивым размышлениям. Он попросту покинул императорский двор, передав трон своему сыну Хорикане, которому еще не исполнилось и десяти лет, и основал новый

двор. Фудзивара были застигнуты врасплох. Один из них остался канцлером при малолетнем императоре, другие Фудзивара и их вассалы занимали все главные должности при дворе и формально оставались хозяевами в стране. В действительности же Сиракава стал теперь куда более значительной фигурой, чем раньше.

Все это произошло потому, что род Фудзивара уже был не всемогущ, как раньше, иначе хитроумный ход императора они пресекли бы в зародыше.

Императоры-иноки (когда Сиракава в 1129 году скончался, по его пути пошел император Тоба, процарствовавший в иноках тридцать три года) ищут союзов с Тайра и Минамото, опираются на воинственные монастыри, собирают земли уже не как государственные, а как частные, «иноческие». В государстве отныне существуют две власти.

Император-иннок Тоба не выносил своего старшего сына Сутоку, царствующего императора. Он заставил его отречься от престола в пользу своего сына от любимой наложницы. Новому императору было всего два года. Сутоку ушел в монахи, и в стране стало три императора. Регентом при двухлетнем правителе Поднебесной империи был назначен его дядя из рода Фудзивара.

Прошло четырнадцать лет. Мальчик-император стал юношей, но до зрелого возраста не дожил. Тогда в борьбу бросился свергнутый Сутоку, который задумал отдать престол другому младенцу — собственному сыну.

Решение Сутоку вызвало раскол в семействе Фудзивара. На стороне Сутоку выступил умный, энергичный министр Ёринага Фудзивара. Компания, объединившаяся против Сутоку и его младенца-сына, была достаточно внушительной: она включала старого императора-инока, его любимую постаревшую наложницу, других принцев и большинство членов клана Фудзивара. Враги Сутоку объявили, что преждевременная кончина юного императора была вызвана колдовством и виновен в этом не кто иной, как Сутоку. Своим кандидатом на престол они выдвинули Госиракаву, по выражению японской официальной истории, «юношу посредственных способностей». И в этот момент, в 1156 году, неожиданно умер император-иннок Тоба.

Сутоку сделал попытку захватить престол, но это ему не удалось. Тогда он удалился в резиденцию своего главного союзника Ёринаги Фудзивара, чтобы начать войну.

Феодальный мир Японии раскололся, и вражда разделила не только большие кланы, но и семейства внутри их. Один из братьев Фудзивара поддерживал Сутоку, второй — Госиракаву.

Минамото были как среди сторонников Сутоку, так и в числе его противников. Тадамаса Тайра вышел на защиту Сутоку, а его племянник Киёмори выступил за Госиракаву.

В первом же сражении войско Сутоку было разгромлено. Победители сослали Сутоку на остров Сануки.

Об этой короткой, но кровавой войне в Японии говорили, что она разрушила человеческие отношения и погубила мораль.

С людьми, выдвинувшимися тогда, нам придется встретиться еще не раз: на историческую арену выходят «юноша посредственных способностей», новый император Госиракава, и молодой князь из рода Тайра по имени Киёмори.

Госиракава не желал быть игрушкой в руках слабеющих Фудзивара. Поэтому он отрекся от престола, ушел в монахи и таким образом — удивительный японский парадокс — обрел власть. Формально императором стал юный Нидзё.

Госиракаве было суждено пережить нескольких «светских» императоров. Он пережил великую войну восьмидесятых годов. Удивительная цепкость, отсутствие принципов и жажда удержать «теневой» престол позволили ему активно действовать в политической игре в течение тридцати пяти лет.

Власть дома Фудзивара катилась к закату.

Поводом для новой междоусобной войны послужило оскорбление, которое нанес канцлер Мицинори Фудзивара князю Минамото, отказавшись женить своего сына на его дочери и предпочтя дочь Киёмори Тайра. Минамото и их союзники из дома Фудзивара захватили императорский дворец, и Нидзё попал к ним в руки. От его имени они начали издавать эдикты и награждать друг друга высшими должностями и землями. Заодно они жестоко казнили канцлера Мицинори Фудзивара.

Грубые самураи громко топали в дворцовых залах, пугая изысканных придворных, во дворе ржали кони, звенело оружие, поэты и поэтессы попрятались по углам, в городе царил переполох; года не прошло с прошлых неурядиц, как снова в Киото льется кровь.

Через десять дней Тайра удалось выкрасть и перевезти к себе юного императора, и в тот же день император-иннок Госиракава бежал из Киото и укрылся в буддийском храме.

Тогда в дело вступила армия Тайра. Минамото были разгромлены, их вождь бежал в свои земли, но по дороге его перехватили вассалы Тайра и убили.

После этого Тайра начали истреблять либо ссылая не только активных участников неудавшегося переворота, но и их родственников — могущество клана Минамото было сильно подорвано. Одни князья были убиты, другие вынуждены были

укрыться в своих поместьях. Правда, сыновья предводителя восстания, Ёритоми и Ёсицунэ, остались в живых.

Император Нидзё умер двадцати трех лет от роду. Это случилось в 1166 году. Ему наследовал двухлетний сын. Малышу, который знал только своих няnek и кормилиц, так и не удалось понять, что происходит вокруг, потому что его дни на троне были сочтены. Глава клана Тайра, Киёмори, использовал традицию, введенную домом Фудзивара, — он заставил императора-инока породниться с ним, и к тому времени, когда состоялась коронация, в доме Госиракавы уже подрастал очередной кандидат в императоры — его сын Такакура, пришедшийся Киёмори племянником.

Через два года Киёмори приказал убить четырехлетнего императора и передать престол Такауре. Еще через несколько месяцев Киёмори велел готовиться к торжествам в честь совершеннолетия императора.

Совершеннолетие императора праздновалось не в каком-либо определенном возрасте, а тогда, когда, по мнению близких и мудрецов, император созрел для такого события. Киёмори решил, что Такакура созрел к восьми годам. Как только это торжество совершилось, он женил императора на своей пятнадцатилетней дочери. Таким образом Киёмори приобрел полный контроль над императорской властью. Правда, еще оставался император-инок, но он был обязан дому Тайра жизнью и к тому же находился в изоляции.

До конца семидесятых годов дом Тайра безраздельно господствовал в Японии. Тайра правили нагло, жестоко, не считаясь ни с кем. Для старой знати и окружения императора-инока они были мужланами, которых еще недавно не допускали ко двору. Для провинциальных феодалов Тайра были соперниками, угнетателями: их сборщики налогов и соглядатаи контролировали всю страну, верша суд и расправу над непокорными и следя за тем, чтобы другие семейства не усиливались. Недовольны были и монахи; они кипели негодованием, глядя, как Тайра вмешиваются в дела монастырей и храмов.

Когда недовольных много, они начинают искать пути к объединению. В стране начали зреть заговоры, и за ними стояли либо двор Госиракавы, либо остатки клана Минамото.

В средневековой Японии было развито уважение к литературе, к написанному слову, понимание высокого призвания поэта и писателя. Поэтому романы, сборники стихотворений и исторические сочинения сберегались там даже в самые тяжелые

годы.

Японская средневековая литература удивительно многообразна. Она впитала в себя богатство китайской литературы танской эпохи. Любой образованный японец мог прочесть наизусть стихи Бо Цзюйи, великого китайского поэта, причем на китайском языке, который был латынью средневековой Японии. Немалое влияние на японскую культуру оказал и буддизм, пришедший в Японию через Китай, но сохранивший свою индийскую первооснову.

И все же литература средневековой Японии никак не подражательна. По своему разнообразию, самобытности, изысканности она не имеет аналогов во всемирной литературе того периода.

Притом нет иной литературы в мире, которая бы добилась столь органичного слияния прозы и поэзии. Обращаешься ли к дневнику фрейлины, сборнику анекдотов, приключенческому роману, исторической хронике — это обязательно синтез прозы и поэзии, потому что для японца уже в ту далекую пору поэзия — неотъемлемая часть повседневности.

Эпоха Хэйан^[2] (IX–XII вв.), на конец которой и падают события, описанные в нашей книге, дала произведения разных жанров — от сборника анекдотов и историй «Ямато моногатари» («Повести из Ямато»), антологий поэзии типа «Кокинсю» до множества романов, как «бестселлеров» вроде «Повести о дупле» («Уцубо моногатари»), так и исторических романов-хроник, подобных «Повести о Гэндзи» («Гэндзи моногатари»), и, наконец, лирических дневников знатных жепщин.

Для меня как читателя наиболее поразительны последние. Тысячу лет назад женщины в Японии много и хорошо писали. Автором самого знаменитого романа — «Гэндзи моногатари» — была придворная дама Мурасаки Сикибу, «Ямато моногатари» скорее всего написала фрейлина Исэ. Куртуазность двора, присутствие множества фрейлин, наложниц и жен императоров и вельмож создавали особую атмосферу, которая требовала от светской дамы высокой образованности, утонченности и изысканного вкуса. Японские знатные дамы были изящны, прекрасны, как цветы, и жизнь их была ненадежна, как у нежных цветов, ибо они целиком зависели от прихоти императора или вельможи.

Стены дворца, хрупкие перегородки ширм создавали иллюзию постоянства и даже прочности окружающего мира, но этот мир рушился не только от землетрясения, но и от дуновения ветра. Литература, которая рождалась в такой жизни, была трепетной, откровенной и в то же время надломленной

глубинной ложью этого эфемерного существования.

Потрясающие «Записки у изголовья» придворной дамы Сэй Сёнагон или «Непрошенная повесть» Нидзё, как бы обрамляющие эпоху Хэйан, во многом сходны: они о тщетных поисках счастья и полном крушении в конце. Как отчаянно эти женщины строят свой маленький мир, как мечтают они о любви! Чудесно пишет об этом автор «Ямато моногатари»: «Однажды в дождливую ночь он подошел к шторке двери ее комнаты; она же, не зная этого и так как дождь просочился внутрь, перестилала соломенную подстилку. При этом она сказала:

Если бы
Тот, кого люблю,
Был дождем, который льется сюда,
Не меняла бы я
Свое ложе, на которое каплет вода».^[3]

В этих коротких строчках все: и быт дворца, в котором люди отгорожены лишь шторками и ширмами, и соломенная подстилка, на которой спит придворная дама высокого ранга, и даже протекающая крыша. И главное — ожидание любви, столь часто тщетное.

И бесправие. Поэтически и горько пишет о нем, как бы предвидя свою грустную судьбу, великая писательница Сэй Сёнагон: «Посадишь хаги и мискант, выйдешь любоваться их необычной красотой... И вдруг является кто-то с длинным ящиком и лопатой, у тебя на глазах начинает копать всюду, выкопает растения и унесет. Как обидно и больно!.. Тебе не терпелось прочитать письмо, но мужчина выхватил его у тебя из рук, отправился в сад и там читает... Вне себя от досады и гнева, погонишься за ним, но перед бамбуковым занавесом поневоле приходится остановиться, дальше идти тебе нельзя...»

Бамбуковый занавес той жизни был прочнее железных решеток.

В дневниках писательниц эпохи Хэйан достигаются редкая даже для современной литературы искренность и то сочетание высокого и низкого, трагического и смешного, ничтожного и значительного, из которого складывается жизнь. Нигде в европейской средневековой литературе автор не пускает читателя в свою душу — японские писательницы первыми в мире позволили читателю слиться с автором... А впрочем, помните, что написала фрейлина Исэ тысячу лет назад?

Душа, сказали вы.

Но ничего особого
В ней нет и нет.
Ведь все находится в теле.

Монастырь, нищета, безвестная смерть и забвение были уготованы этим женщинам. Много позже возник рассказ о последних годах жизни Сэй Сёнагон. Когда она покинула дворец и умерли все ее близкие, она оказалась никому не нужна. Как-то путник проходил мимо ее хижины. Оттуда выглянула изможденная старуха и крикнула: «Почем идет связка старых костей?»

В европейской литературе средневековья автор чаще всего неизвестен либо не присутствует в повествовании. О нем только догадываешься по косвенным признакам. Об этом пишут многие исследователи, изучающие особенности творческого сознания средневекового писателя, его отношение к своему труду. Для японской лирической прозы главное — сам автор.

Иное отношение к тексту у авторов исторических романов. А исторический роман в Японии в эпоху Хэйан был великолепен, и вершины его — «Повесть о доме Тайра» и «Сказание о Ёсидзунэ» — служат по сей день основными источниками по истории XII века. Все наше дальнейшее повествование основывается в значительной степени именно на этих книгах.

И если дневники фрейлин и поэтические сборники рождены в тиши дворцов, то исторические хроники игнорируют эту жизнь. Как писал академик И. И. Конрад, «нет ничего более парадоксального в Японии, чем картина культуры этой эпохи: с одной стороны, блестящее развитие цивилизации, высокий уровень просвещения и образованности, роскошь и утонченность быта и обихода... с другой — огрубление нравов, иногда граничащее с одичанием, бедственное положение народных масс... Рядом стоят варварство и утонченность, роскошь и убожество, высокая образованность и невежество... Век самых разительных контрастов». Но именно это варварство и определяло историю Японии и в конечном счете судьбы всех — от обитателей дворца до последнего крестьянина.

Для автора «Тайра моногатари», «Повести о доме Тайра», важнее всего поучение, мораль. Он готов пожертвовать деталями, опустить важный исторический элемент, если тот не вписывается в концепцию. В отличие от скальдов, создателей скандинавских саг, он может остановиться в самый решительный момент, для того чтобы рассказать пришедшуюся к случаю историю из древнекитайской жизни или заставить героя произнести длинную

и торжественную речь о смысле жизни или ее быстротечности. В скандинавской средневековой литературе скальд чаще всего один из воинов или человек, близкий к ним. Авторы же японских романов-хроник — горожане или профессиональные сказители, но не самураи. Они никогда не забывают, что учат, не столько вознося хвалу самим героям, сколько воспевая на их примере великие истины буддизма.

Скальд скуп на художественные приемы. Он говорит о том, кто куда пошел и кого убил. И почему убил. И что из этого вышло. Для японского автора всегда существует природа во всей ее красоте и своеобразии, она небезразлична к событиям, и люди небезразличны к ней. В историческом романе нередки стихотворные вставки, призванные неожиданным парадоксом по-новому высветить героя, удивить читателя его неоднозначностью. Так поэзия создает иное, дополнительное измерение. Мир скальда двухмерен. Мир японского писателя объемлен.

В историческом повествовании скандинав и японец документальны. Они не придумывают историю, они следуют за ней. Но если для скальда история сама по себе достаточно драматична и увлекательна, то японский автор не может удовлетвориться этим. История порой недостаточно поучительна, в ней наказываются невинные и далеко не всегда торжествует добродетель. И, признавая это, японский писатель все же вносит в историю коррективы путем отбора нужных ему событий и умолчания о тех, что противоречат его концепции.

Поэтому норвежский «Земной круг» — достоверный исторический источник, а «Тайра моногатари» следует использовать как источник по истории восьмидесятых годов XII века с оговорками. Война домов Тайра и Минамото, которая длилась четыре года с переменным успехом, показана как прямая нисходящая линия: у Тайра поражение следует за поражением. О победах умалчивается. Злодей обречен судьбой, как в греческой трагедии, с первого акта.

Удивительно, что более полудюжины великих произведений литературы было написано в весьма короткий промежуток времени — на рубеже XII–XIII веков. Могучий всплеск духовной жизни не ограничился какой-либо одной страной — он охватил весь мир. Однако мы, как правило, не замечаем, что эти великие творения были созданы современниками. «Хосров и Ширин», «Слово о полку Игореве», «Тайра моногатари», «Витязь в тигровой шкуре», «Земной круг», «Песнь о Нибелунгах» — доказательство того, насколько мы наивно спесивы, полагая, что сегодня литература выше, чем восемьсот лет назад, потому что у нас есть

телевизоры и мотоциклы. Поднимаясь из темных времен, пришедших вслед за падением античного мира, к зрелому средневековью, мир накопил столько интеллектуальной энергии, что родился протуберанец удивительной яркости. При этом, если в некоторых культурах, например в русской или грузинской, до нас дошли лишь единичные творения гениев, воплотивших в себе творческие силы народа, то в других их сохранилось немало: «Повесть о доме Тайра» — лишь лучший из нескольких романов-хроник средневековой Японии, а поэмы Низами — лишь наиболее высокие из вершин мусульманской поэзии.

Но вернемся к драматическим событиям, разыгравшимся в конце XII века в Японии. Однажды в пригородной усадьбе собрались несколько вельмож, в той или иной мере обиженных домом Тайра. К ним присоединились некоторые самураи. Заговорщики призвали к себе на совет императора-инока Госиракаву. Тот прибыл к ним и дал согласие участвовать в заговоре.

Между тем тяжело заболел Киёмори. Ему как раз исполнилось пятьдесят лет — возраст для средневековья солидный. Он дал обет, что если выздоровеет, то покинет греховный мир и уйдет в монахи.

Князь выздоровел. От обета отказываться было нельзя. Поэтому Киёмори постригся в монахи, но от дел удалился не более, чем император-иннок, и остался в своей усадьбе Рокухара. Таким образом, помимо императора-инока появился еще и правитель-иннок. Страной правили два царственных монаха, и трудно было найти в Японии двух других людей, столь далеких от буддийского смирения.

Приготовления к мятежу затянулись, ибо против правительства поднялись монахи одного из монастырей, недовольные тем, что император-иннок отказался наказать не поладившего с ними вельможу. Они даже пошли на штурм Киото, и его с трудом удалось отбить, так как в столице было мало войск.

Время шло. У некоторых участников заговора появились сомнения в его успехе. И сильнее всех они одолевали вельможу, назначенного командовать армией.

Ночью, тайком главнокомандующий прибыл в Рокухару и сообщил главе рода Тайра о заговоре и о том, что его вдохновитель — не кто иной, как император-иннок.

Киёмори созвал своих сыновей, а сыновей у него было семеро, да и внуки уже подрастали, поднял на ноги дворцовую стражу и приказал начальнику сыскного ведомства скакать к

императору-иноку и заявить ему: «При дворе государя нашлись люди, задумавшие погубить род Тайра и ввергнуть государство в новую смуту. Всех заговорщиков намерены мы схватить, допросить и поступить с ними по закону, а государь да не будет причастен к этому делу». Затем отряды верных самураев схватили заговорщиков. Расправа была быстрой и, как было свойственно правителю-иноку, безжалостной.

Воспользовавшись показаниями мятежников об участии в заговоре самого Госиракавы, Киёмори решил арестовать его и заточить в загородном дворце. Однако этому воспротивился его сын Сигэмори, который понимал, что такой поступок будет лучшим подарком врагам: поднять руку на императора было бы святотатством, которое лишило бы дом Тайра поддержки нейтральных феодалов и горожан. Киёмори отказался от своего замысла, и на несколько лет в стране воцарился мир.

Шли годы, император Такакура вырос и стал, как утверждают, красивым юношей. И тут захворала его жена, дочь правителя-инока, которая была старше своего юного мужа на семь лет. Вскоре обнаружилось, что это не болезнь, что она просто-напросто ждет ребенка. Но беременность была тяжелой, боялись, что императрица не доживет до родов. В государстве поднялся переполох. Наследник престола был очень нужен Тайра как залог их благополучия.

В монастырях служили молебны за здоровье императрицы, были помилованы и возвращены из ссылки некоторые второстепенные участники заговора.

Когда это не помогло, правитель-инок решил, что рождению внука мешают духи его врагов, погибших во время смуты двадцатилетней давности. Поэтому после консультации с покорным теперь Госиракавой был издан указ о возвращении императорского звания сосланному после смут и умершему в неизвестности Сутоку, затем решено было умиловить и дух министра Ёринаги Фудзивары, убитого самураями Тайра.

В торжественной обстановке был обнародован императорский эдикт о присвоении покойному министру второго ранга Ёринаге звания главного министра империи. После этого придворному летописцу велели отыскать могилу Ёринаги и довести эдикт до сведения его духа. Однако, когда тот приехал в деревню, возле которой двадцать лет назад стрела пресекла жизнь Ёринаги, обнаружилось, что самураи Тайра выкопали останки министра и разбросали кости вдоль дороги. Вот и пришлось придворному летописцу зачитать эдикт траве, которая росла в придорожной канаве.

Радикальные меры помогли. Молодая императрица родила младенца мужского пола.

Наступил 1180 год — ему было суждено стать поворотным в истории страны.

Трудно установить точную последовательность событий, но вернее всего сначала умер мудрый Сигэмори — старший сын правителя-инока. Это был единственный человек, к мнению которого прислушивался Киёмори. Сигэмори заболел после того, как съездил на богомолье в монастырь Кумано. Впоследствии японские моралисты утверждали, что в монастырь князь отправился неспроста: он молил богов даровать ему смерть, чтобы не быть свидетелем злодеяний, совершаемых его отцом. Версия более чем сомнительная, потому что за годы, прошедшие после раскрытия заговора, никакими чрезвычайными злодеяниями правитель-инок не отличался, а суровость характера отца и его строгость в управлении страной вряд ли могли повергнуть Сигэмори в крайнее уныние. Возможно, то было отражением ходивших в столице слухов о неладах в семействе Тайра, а может быть, благочестивая выдумка авторов, желавших доказать доверчивому читателю, что даже близкие не одобряли поступков Киёмори.

Сигэмори отказался принять знаменитого китайского врача, которого выписал отец. Мотивировал он это чисто патристическими соображениями: «Мне не хотелось бы быть обязанным жизнью какому-то иностранцу».

Узнав о словах доблестного Сигэмори, правитель-инок прослезился и заявил: «Наша маленькая Япония — слишком тесноеместилище для столь великого духа». После этого вернулся к себе в усадьбу и больше сына не навещал.

На восьмой день болезни князь Сигэмори умер, оставив пятерых сыновей, старшим из которых был весьма популярный в японской истории Корэмори.

После смерти сына правитель отбыл в дальние вотчины, и несколько недель о нем не было слышно.

Внезапно разнеслась весть, что Киёмори Тайра возвращается в столицу во главе нескольких тысяч вооруженных солдат.

Трепетавший от страха император-инок Госиракава послал к Киёмори монаха, который был причастен к заговору, но уцелел, потому что заговорщики его не назвали.

Приехав утром в усадьбу Киёмори, монах уселся у веранды в ожидании, когда его примут. Ему пришлось просидеть целый день. Лишь поздно вечером князь Тайра принял монаха и изложил ему свои претензии к Госиракаве.

Во-первых, император-инок не соблюдал траура по Сигэмори

и еще до истечения срока траура устроил праздник с музыкой. Вторых, отобрал у сыновей Сигэмори земли, которые были за службу подарены ему на вечные времена. В-третьих, отдал высокую должность не зятю Киёмори, как было договорено, а сыну своего канцлера Мотофусы. К тому же Киёмори напомнил об участии императора в заговоре.

Когда монах пересказал эти слова императору-иноку, тому нечего было возразить: обвинения Киёмори были справедливы.

На следующий день по распоряжению правителя-инока сорок три высокопоставленных чиновника были лишены должностей, канцлер Мотофуса сослан.

Еще через четыре дня наступил последний акт драмы. С утра самураи окружили дворец императора-инока, и разнесся слух, что они намерены сжечь заживо всех его обитателей. Госиракава сидел в тронном зале и ждал смерти.

В зал вошел Мунэмори, второй сын правителя-инока, ставший теперь наследником. Он был в латах и шлеме.

— Носилки ждут у дворца, — сказал он. — Прошу вас немедленно пройти туда.

— Но я не знаю за собой никакой вины! — попытался возразить император-иннок.

— Вам ничто не грозит, — ответил Мунэмори. — Вы сейчас проследуете в загородную резиденцию. И будете там находиться, пока в государстве не наступят тишина и порядок.

Лишь один слуга да старуха кормилица осмелились сопровождать императора-инока. Там, оторванный от всех, он проводил месяц за месяцем. Грустную картину этого заточения рисует «Повесть о доме Тайра»:

«Миновала уже половина зимы, лишь громкий посвист зимней бури в горах доносился в усадьбу, да ясным светом сияла луна в заледевшем саду. Снег плотной пеленой заносил сад, но никто не оставлял следов на белом покрове; пруд сковало льдом, исчезли птицы, прежде стаями летавшие над водой... Морозной ночью издалека чуть слышно долетал к изголовью веявший холодом стук валька, да на рассвете за воротами раздавался в отдалении скрип повозок, ломавших хрустевшие под колесами льдинки. По дороге спешили путники, ступали вьючные лошади — это зрелище жизни, по-прежнему совершавшейся в бренном мире, навевало печаль на государя. Вооруженные до зубов воины днем и ночью сторожили ворота».

Той же весной 1181 года наступила очередь юного императора Такакуры. Его не спасло даже то, что он был женат на дочери правителя-инока. Тому были известны связи Такакуры с враждебными вельможами, влияние на него Госиракавы.

Император Японии должен был быть абсолютно послушен дому Тайра, а этого можно было достичь лишь одним — сменой императора. Ведь Антоку, сыну Такакуры, внуку Киёмори, уже исполнилось три года. Возраст достаточный, чтобы стать императором.

На Японию обрушилась новая весть: Такакура добровольно отказывается от престола в пользу своего сына. Это еще более усилило раздражение феодалов, угрюмо сидевших в своих поместьях.

Три драгоценности — священный меч, священное зеркало и священную яшму — перенесли в новый дворец, а Киёмори и его жена были провозглашены дедом и бабкой императора.

Такауре дозволено было отправиться на богомолье и даже навестить опального отца. Отныне в Японии три императора: дед, отец и внук, но ни один из них не правит — правит Киёмори Тайра.

Чем безмернее становилась власть старого правителя-инока, тем сильнее росли ненависть к нему и готовность к сопротивлению. Процесс был необратим, какие бы жестокие кары ни обрушивал Киёмори на непокорных.

В Киото, на Третьей дороге, стоял скромный дом принца Мотихито, второго сына Госиракавы. Престол по праву должен был в свое время достаться ему, а не его младшему брату. Но Тайра никогда бы не допустили, чтобы Мотихито стал императором: он не приходился им родственником. Принц играл на флейте, занимался каллиграфией и писал стихи. Так он дожил до тридцати лет.

В тот год, когда Киёмори заставил отречься от престола Такакуру, к принцу Мотихито приехал гость — бывший вельможа третьего ранга, а ныне монах Ёримаса Минамото. Монах принялся уговаривать принца возглавить восстание против Тайра. Он сообщил, что многие вельможи только ждут сигнала, чтобы подняться против Киёмори, но у них нет знамени, нет человека императорской крови, вокруг которого можно было бы собирать войска. Ёримаса доказывал принцу, что в восточных и северных землях у врагов Тайра есть надежные замки, верные самураи.

Принц колебался, но в конце концов дал себя уговорить. И подписал манифест к вельможам и феодалам с призывом подниматься на войну против Тайра. Ёримаса отправился с манифестом на восток, где жили его родственники и друзья. Теперь у них был документ, который давал моральное право более не подчиняться правителю-иноку.

Первым делом Ёримаса отвез манифест скрывавшемуся на

севере Ёритомо, старшему сыну погибшего за двадцать лет до того вождя клана Минамото. От него поехал по соседним замкам и усадьбам.

Поездка монаха из рода Минамото не прошла незамеченной. Губернатор северной области, верный вассал Тайра, дознался, что Ёримаса остановился в большом монастыре, где подстрекает к бунту монахов. Он решил разгромить заговор в зародыше, собрал тысячный отряд и бросился к монастырю. Но об этом стало известно нескольким феодалам, уже читавшим манифест, — они реагировали очень быстро: тут же отправились к монахам на помощь. И когда войско губернатора прибыло под стены буддийской обители, там уже собралось более двух тысяч защитников. После трехдневного боя губернатору пришлось отступить.

В те дни в холодном доме императора-инока Госиракавы вдруг появился целый выводок хорьков. Они носились по комнатам, громко пища. Госиракава не на шутку перепугался и послал письмо об этом главе ведомства астрологии и гаданий. В то время гадания были столь же обычны, как сегодня прогнозы погоды. И прорицателям верили так же умеренно, как синоптикам сегодня.

Верному слуге удалось ускользнуть из усадьбы и получить ответ в ведомстве. Ответ гласил: «В ближайшие три дня вы испытаете сначала радость, а потом горе».

Как утверждают современники, предсказание сбылось. Радость последовала на следующий же день: Киёмори смилостивился и разрешил императору-иноку вернуться в столицу, но не во дворец, а в дом покойной императрицы, под строгую охрану. Но тут же Госиракава узнал горестную весть: его сын, принц Мотихито, возглавил заговор против Тайра и отдал приказ о его аресте.

Принца успели предупредить, и он, переодевшись в женское платье, бежал в обитель Трех Источников. Монахи срочно вооружились, начали копать рвы и сооружать колючие изгороди вокруг монастыря. И в тот же день отправили гонцов в соседние монастыри с призывом прийти на помощь.

Но откликнулись лишь монахи одного из крупных монастырей в Наре. И, понимая, что его убежище находится слишком близко к столице, принц вместе с пришедшим ему на помощь отрядом Минамото решил укрыться в этом монастыре.

Войско Тайра догнало отряд принца у реки. Повстанцы успели перебраться на другой берег, а мост — разрушить. Пока воины Тайра переправлялись через реку, Ёримаса Минамото отрядил тридцать всадников и приказал им доставить принца в

Нару. Имея в своих рядах принца, Минамото могли рассчитывать на поддержку монахов и старой знати.

Но один из самураев Тайра, увидев, что принца нет среди воинов Минамото, кинулся по дороге в Нару, и его отряд настиг Мотихито. В завязавшемся коротком бою принц был смертельно ранен стрелой, и ему тут же отрубили голову.

Семь тысяч монахов из Нары, которые выступили на помощь Мотихито, опоздали к месту последнего боя на несколько минут. Узнав о гибели принца, монахи повернули обратно.

Киёмори никогда не забывал обид. Страна замерла, в ужасе ожидая кары. И она обрушилась на обитель Трех Источников, которая дала приют принцу Мотихито.

Целый день монахи сопротивлялись войску Тайра, лишь ночью, в полной темноте, самураям удалось ворваться в монастырь и поджечь его.

Сгорело шестьсот тридцать семь строений, «славных красотой и древностью». Было уничтожено книгохранилище — более семи тысяч свитков, погибли две тысячи статуй. Многие монахи были убиты, некоторых отправили в ссылку, а настоятеля и старших монахов, как сообщается в летописи, «лишили сана и передали в руки чиновников сысканого ведомства».

У Киёмори не было оснований полагать, что мятеж был инспирирован Госиракавой, но он был уверен, что зараза шла от императорского семейства и клана Минамото, от вельмож, от монахов, окруживших Киото своими монастырями. Старому князю всюду чудились враги: к старости тираны всегда испытывают страх, и, чем ближе конец их земного пути, тем более они бесчинствуют. И множат врагов — не столько для себя, сколько для потомков, которым и приходится расплачиваться за их злодеяния. История разнообразна, она никогда в точности не повторяется, но как похожи ее трагедии, словно никто и никогда не способен научиться на горьких примерах!

Киёмори никогда не любил Киото, даже свою пригородную усадьбу Рокухару, и при первой возможности уезжал в дальние поместья. Там ему, выросшему в горах, было вольготно. Громадный же Киото казался ему скопищем порока, местом, где укрываются тысячи врагов.

И тут в голове Киёмори рождается дикий замысел — перенести столицу на новое место. Вообще говоря, на Востоке это было дело обычное. Такое случалось при смене династии, при изменении торговых путей. Почти всегда в основе этого события лежали гигиенические соображения. Восточный город, разрастаясь до гигантских размеров, становится громадной клоакой, и в жаркое время нередко возникают эпидемии, а

скупенность ведет к страшным пожарам. Но Киёмори менее всего думал о гигиене — он уничтожал очередного врага.

Место для нового города он выбрал не случайно — это была земля Тайра. Во всех, даже самых, казалось бы, безумных начинаниях Киёмори всегда присутствовал холодный расчет. Хотя его враги или нет, отныне столица империи будет на земле Тайра, и все ее обитатели станут арендаторами Тайра.

Никто не смел перечить всевластному тирану. В считанные месяцы старая столица была разрушена — разобраны храмы, сняты черепичные кровли с домов, благо город был деревянным. Но люди оставляли не только старые стены. Город — это и мастерские, и лавки, и сады, и родовые кладбища — целый мир.

Насильственный и разорительный переезд умножил ненависть к Тайра. И те, кто уже перебрался в новую столицу — Фукухару, и те, кто продолжал влачить существование в опустевшем Киото, с тревогой ждали новых перемен. Людям казалось, что все происходящее — смерть Сигэмори, отречение Такакуры, ссылка императора-инока, восстание принца Мотихито, гибель в огне монастыря Трех Источников — это лишь ступени к страшным и кровавым событиям завтрашнего дня.

Разумеется, не было недостатка в слухах, предзнаменованиях, пророчествах...

Рассказывали, что однажды ночью в опочивальню правителя-инока внезапно просунулась огромная, чуть ли не во весь покой, рожа и в упор воззрилась на хозяина. Но тот, ничуть не дрогнув, устремил на нее такой суровый взор, что привидение исчезло.

И тут до новой столицы донеслась весть о новом восстании. Весть восприняли как должное: ее ждали.

На этот раз восстание поднял Ёритомо, подросший наследник главы клана Минамото, сосланный на остров Идзу. Но не забытый. Мы помним, что, когда годом раньше начинался мятеж принца Мотихито, его манифест повезли именно Ёритомо. Тогда тот не успел выступить. Теперь же он напал ночью на усадьбу наместника острова и всех там перебил. Правда, за пределы острова он не двинулся.

Этот малорослый человек обладал любопытными качествами: он с полным равнодушием относился к таким понятиям, как рыцарская честь, законы войны, отвага и верность. Он редко участвовал в бою, никогда не стыдился бежать, если обстоятельства были против него. Ради достижения цели был готов на все. На сцену наконец вышел достойный соперник суровому Киёмори.

Вождя клана Минамото подтолкнул к действиям неумный

монах Монгаку. Этот человек не мог не бунтовать, не поднимать смуту, не призывать к ней.

Как Тайра, так и императора-инока Монгаку не выносил. Однажды он появился в императорском дворце и громко потребовал, чтобы ему построили обитель на горе Такао, где на него низошла благодать. Вел он себя настолько нагло, что Госиракава приказал выставить его вон. Монах бросился в драку, избил какого-то вельможу, и понадобились усилия нескольким самураев, чтобы его скрутить. Когда же его волокли из дворца, он не придумал ничего лучше, как проклинать императора. Естественно, Монгаку угодил в темницу. Через некоторое время по случаю кончины императрицы была объявлена амнистия, и монаха выпустили. Но он вовсе не смирился. Он принялся расхаживать по Киото и громовым голосом провозглашать скорое наступление смуты и кровавую гибель всех господ. Тогда Монгаку сослали на остров Идзу, где жил Ёритомо Минамото. Мстительный Монгаку понял, что именно Ёритомо мечом проложит ему путь в столицу. Он торопил молодого Минамото с выступлением и добился своего. И когда Ёритомо поднял белое знамя восстания, рядом с ним встал монах.

Киёмори решил задушить восстание в корне. Опасность нового мятежа заключалась в том, что он вспыхнул не в столице, где контроль Тайра был эффективен, а в северо-восточных землях, населенных недовольными феодалами, близкими к роду Минамото. Поэтому, отправив на разгром Ёритомо губернатора северной провинции, он послал туда и своего старшего внука Корэмори. У войска стало два командующих, что всегда плохо.

Пока армия Тайра добиралась до мятежных земель, к Ёритомо присоединялись все новые отряды непокорных феодалов. Достаточно оказалось искры, чтобы пламя охватило весь край.

И вот наконец враждующие силы сблизилась. Правительственная армия находилась в горах, что, на взгляд Корэмори, лишало ее преимущества в дисциплине и численности. Поэтому он решил двинуть ее вперед, на широкую равнину.

Губернатор, бывший куда старше князя и полагавший себя авторитетом в военном деле, возразил, что именно ему поручено общее командование и он лучше знает, как надо воевать. Поэтому он остановил армию в горах, на берегу бурной речки.

Вокруг стоял настороженный, чужой лес, поднимались до неба скалы. Людям Тайра казалось, что враг везде. Нерешительность командующего, непонятная остановка в диких горах подрывали дух воинов. Начали расползаться панические слухи.

Глубокой ночью кто-то крикнул:

— Мы окружены!

«Так велик был обуявший их страх, такой начался тут беспорядок, что схвативший лук позабыл взять стрелы, взявший стрелы позабыл захватить лук; тот вскочил на чужого коня, его конь достался чужому, а иной, взгромоздившись на неотвязанного коня, как безумный, бессмысленно кружился вокруг коновязи. Многим гулящим женщинам и девам веселья, приглашённым из близлежащих селений, в суматохе пробили голову, многих задавили, и они громко охали и стонали», — пишет автор «Повести о Доме Тайра».

Утром к стану Тайра пробрались разведчики Ёритомо. И странная картина покинутого в суматохе лагеря предстала их глазам: валялись панцири, оружие, были брошены шатры, повозки — и ни одной живой души.

Так Ёритомо одержал первую победу над войском Тайра.

Правитель-инок метался в своем дворце, страшаясь завтрашнего дня. Воспользовавшись удобным моментом, настоятели крупнейших монастырей обратились с петицией об отмене переноса столицы. Монастыри, окружавшие опустевший Киото, лишились паломников и доходов. Киёмори решил не ссориться с монахами, и последовал указ: вернуть столицу в Киото.

Это решение было понято всеми как свидетельство слабости правителя-инока. Общая радость от этого лишь увеличилась. Вот как описывает возвращение столицы автор «Повести о доме Тайра»:

«Все... устремились прочь отсюда... Да и кто стал бы хоть на лишний миг оставаться в постылой сердцу новой столице! С шестой луны минувшего года в старой столице ломали строения, перевозили добро и разную утварь, наконец кое-как обосновались на новом месте, а теперь снова в безумной спешке торопились обратно! На сей раз уже ничего не ломали, не разбирали, а побросали все, как было, и умчались назад, на старое пепелище. Там ни у кого не осталось жилья, и потому пришлось расселиться по окраинам... временно приютиться в галереях монастыря, в молитвенных залах храмов. Там жили даже знатные люди».

Монахи не скрывали торжества.

Новым центром волнений стал огромный монастырь в Наре, тот самый, что мог выставить семь тысяч воинов. Почуввав слабость Киёмори, монахи потребовали его ухода. С каждым днем они становились все более воинственными, угрозы по адресу правителя-инока звучали все громче. Правитель-инок, стараясь сохранить мир, послал для переговоров главу Школы поощрения

наук. Того с позором изгнали. Монахи сделали деревянный шар, кричали, что это — голова правителя-инока, и катали его ногами по всему монастырю.

Последнюю попытку уладить дело мирным путем правитель-инок предпринял, послав туда главу сыска области Ямато с конным отрядом. Всадники отправились в монастырь без оружия. монахи захватили шестьдесят человек в плен, отрубили им головы и развесили на стенах обители. Тогда Киёмори был вынужден послать к монастырю в Наре войско под командованием одного из своих сыновей.

Штурм монастыря продолжался целый день, лишь к ночи монахи обратились в бегство.

Дул сильный ветер, собирался дождь, низкие облака неслись над поверженным монастырем. Командир карателей приказал принести факелы, чтобы искать бунтовщиков. Факелов не было. Тогда один из самураев поджег крестьянскую хижину, стоявшую возле монастыря. Быстро занялась вся деревня. Ветер перенес огонь на храмовые строения. К тому времени многочисленные обитатели монастыря, не принимавшие участия в сражении: старые и обезноженные монахи, рядовые послушники, служки и женщины — в поисках спасения кинулись в храм Великого Будды — самое большое деревянное здание в мире, в котором стояла громадная медная статуя Будды. Более тысячи человек забрались на второй этаж храма и втянули наверх лестницы, чтобы самураи Тайра не могли подняться следом. Однако вскоре храм был охвачен огнем. Те же, кто там скрывался, попали в ловушку: сначала огонь охватил нижний этаж и отрезал пути к спасению, затем занялись столбы и перекрытия. Сквозь треск огня пробивался вой сотен горящих людей. Почти никто не спасся.

Правитель-инок демонстративно игнорировал стенания, поднявшиеся в столице. Все считали, что воины Тайра сожгли монастырь, следуя его тайному приказу.

Враги Тайра воспользовались этим случаем, чтобы обвинить их в святотатстве.

А тут еще Японию облетела печальная весть: неожиданно скончался Такакура. Средневековые японские историки объясняют смерть двадцатилетнего экс-императора скорбью по причине гибели монастыря в Наре. О покойном рассказывали, что он был слаб духом и плотью, но очень добр и тих. Его все жалели.

Между тем правитель-ипок, понимая, что время работает против него, стал собирать силы клана Тайра. Во главе войска он поставил своего наследника Мунэмори. Но за день до выхода армии в поход правитель-инок внезапно заболел. Его мучили жар и жажда. Автор «Повести о доме Тайра» позволяет своей фантазии

создать страшную картину последних дней правителя-инока.

Как описать страдания тяжелобольного, чтобы высокая температура превратилась в символическое адское пламя, пожирающее злодея? Жена приближается к правителю, преодолевая нестерпимый жар, исходящий от него. Дощатый настил, на котором лежит князь, поливают ледяной водой, и он катается по доскам, чтобы унять жжение. Княгине снится сон, в котором ее муж сгорает заживо в наказание за гибель храма в Наре.

Но даже в последние минуты жизни правитель-инок повторяет, что у него только одно желание — увидеть отрубленную голову главаря мятежников Ёритомо Минамото. И молит сыновей: «Снесите голову Ёритомо и повесьте над моей могилой! Это будет мне лучшее утешение!»

«...Правителю-иноку исполнилось шестьдесят четыре года — не такой уж старческий возраст, чтобы смерть была неизбежной. Но когда вдруг приходит конец назначенному судьбой сроку человеческой жизни, не помогут никакие сокровеннейшие молитвы: тут не властны сами будды и бодхисаттвы, и боги всех миров не придут человеку на помощь. Тысячи верных воинов, душой и телом преданных правителю-иноку, рядами теснились в его усадьбе, готовые отдать свою жизнь взамен его жизни, но, увы, не смогли ни одолеть, ни отогнать, пусть хотя бы на короткое время, посланцев подземного мира, невидимых взору, неуязвимых для любого оружия. И пришлось ему в одиночестве пуститься в последний путь...»

Киёмори был великим вождем, и смерть его описана торжественным языком эпоса. Он как бы сгорает в гигантском пламени пожара священного храма Нары. Остается проклятие его судьбы, за которое расплачиваться сыновьям и внукам.

В день похорон сгорела усадьба Киёмори. И все в столице говорили, что усадьбу подожгли.

Главой клана Тайра стал второй сын правителя-инока — Мунэмори.

Так бывало в истории: в наследники предназначался другой, он учился править и владеть. Но умер раньше, чем наступил его час.

Мунэмори к роли правителя государства не готовился, да и был он, как видно из последующих событий, человеком ординарным и мирным.

В той ситуации спасти дом Тайра могли лишь решительные меры. Переход власти всегда вызывает активизацию противников режима. А Мунэмори решил, что для успокоения страны он должен не только воевать с врагами, но и умиловить

оппозицию. Первым актом нового правителя было разрешение императору-иноку вернуться в столицу. Мунэмори лишь попросил императора повременить с возвращением, пока он за свой счет не отремонтирует дворец. Но Госиракава и слышать не желал о задержках.

Как только тело правителя-инока было сожжено, а кости его, зашитые в мешочек, кроткий монах понес в далекий горный монастырь, император-инок приказал готовить повозки: он возвращался в Киото.

В тот же день он издал эдикт о возвращении наказанным монахам монастыря в Наре духовного сана. Вскоре начались работы по восстановлению Великого храма.

Мунэмори понимал, что одними уступками с Минамото не справиться. И потому после некоторого перерыва сбор войска возобновился. Командующим на этот раз был назначен третий сын правителя-инока — Томомори.

Войско Тайра не стало дожидаться, пока подтянутся ополчения феодалов, которые к тому же не спешили, надеясь, что обойдутся и без них.

Армии встали друг против друга, разделенные речкой. Силами Минамото командовал талантливый и смелый Юкиизэ, дядя князя Ёритомо. Он знал, что враги превосходят его отряды числом, и решил напасть неожиданно. Его армия переправилась через реку и рано утром ударила по строю Тайра.

Томомори приказал пропустить всадников Минамото и закричал:

— Они плыли через реку, доспехи и кони у них намокли и отяжелели — бейте мокрых!

В этом бою погиб младший брат Ёритомо, а сам Юкиизэ еле успел переправиться обратно. Но тут Томомори совершил ошибку. Он не преследовал врага. Победоносное войско Тайра повернуло обратно к столице. Так что Минамото потерпели неудачу, но не проиграли кампанию.

Уже к концу 1181 года Минамото не только оправались от поражения, но постепенно начали вытеснять наместников Тайра из восточных земель. Восстание ширилось, постепенно приближаясь к столице, но там словно и не подозревали, что творится в стране. Гонцов с дурными вестями забывали принять, зато не скупились на всяческие увеселения. Мунэмори не ведал, что с темнотой во дворце императора-инока появлялись беззвучные тени — гонцы из стана Минамото. Госиракава надеялся, что с приходом к власти Минамото он вернет себе бразды правления.

Следующей весной стало ясно: армия Минамото движется на

Киото. Пришлось принимать меры. Снова был объявлен всеобщий сбор войск, и если с юга самураи послушно прибыли, то, к удивлению правящего князя, ни один вассал из земель к востоку и северу от Киото на призыв Тайра не откликнулся, словно непроницаемая стена выросла неподалеку от столицы. Что творится за ней, можно было догадываться, но догадываться было страшно.

Никогда еще столь большое войско не покидало Киото. По пути его все деревни были ограблены — словно саранча прошла по полям. Источники утверждают, что в войске было шесть великих генералов во главе с князем Корэмори, триста сорок знаменитых самураев, а всего более ста тысяч воинов.

Целью Тайра был разгром армии Ёсиноми Минамото из Кисо, которого чаще именовали просто Кисо. Именно его отряды подходили к столице.

Небольшое войско Минамото в открытом бою наверняка потерпело бы поражение. Поэтому Кисо решил не допустить выхода армии Тайра на равнину, задержав ее на горных переходах.

Он пошел на хитрость: собрал всех знаменосцев и велел им выстроиться в кустах и среди деревьев так, чтобы разведчикам Тайра казалось, будто перед ними большая армия.

Хитрость удалась. Войско Тайра остановилось в предгорьях, не рискуя спуститься на равнину. Наступила ночь. Малочисленные отряды Минамото, обойдя по горным тропам армию Тайра, неожиданно ударили по ней с тыла. В полной темноте, не зная, откуда ждать нападения, слыша со всех сторон боевой клич врагов, громадное войско Тайра начало отступать к глубокому ущелью Курикара. «В темноте не было видно, что стало с теми, кто первым бросился в пропасть; остальные же решили, что там, на дне, есть дорога... все смешалось, люди и кони — все катилось вниз вперемешку! Кровью заструились горные реки, горы трупов заполнили все ущелье...»

Не теряя времени, Кисо тут же повернул армию и кинулся на помощь своему родственнику Юкииэ, который отступал под натиском другой армии Тайра, и там Минамото тоже победили. Объединившись, они устремились к Киото.

Все окрестные феодалы, которые до того колебались, не зная, на чью сторону встать, спешили со своими самураями на помощь Кисо. И хотя по численности войско Тайра не уступало армии противника, оно было деморализовано после двух поражений, самураи бежали из него при первой возможности, и над ним нависла обреченность.

Решительное сражение вблизи столицы было очень упорным

и кровопролитным. В «Повести о доме Тайра» рассказ о нем распадается на отдельные картины. Автор как бы высвечивает, отыскивает в сумятице гремящего боя отдельные лица и показывает их нам крупным планом.

Вот история отважного рыцаря Нагацуны, одного из верных вассалов Тайра. Оставшись один после бегства своих, он встретил юного самурая Юкисигэ. Тот обрадовался, увидев по роскошному панцирю, что перед ним знатный вельможа, и кинулся на старого воина. Но Нагацуна был силен и опытен. Он прижал юного самурая к земле и приказал ему назваться.

— Я Юкисигэ из селения Нюдзэн, восемнадцати лет от роду, — признался юпоша.

Нагацуна взгляделся в лицо Юкисигэ и вдруг подумал, что его сыну, погибшему год назад, тоже было восемнадцать лет и кто-то не пожалел его. Нагацуна произнес:

— Долг велит мне снять тебе голову, но я пощажу твою молодость. Уезжай.

Старый воин сошел с коня, чтобы передохнуть и дожидаться своих. Он велел юному самураю сесть рядом с ним и рассказать о себе, о своих родителях, о том, собирается ли он жениться. Отвечая на вопросы, Юкисигэ думал: «Он пощадил меня, но все-таки он — завидный противник. Надо убить его во что бы то ни стало!»

И, воспользовавшись тем, что Нагацуна отвлекся, а меч его спрятан в ножнах, Юкисигэ ловким ударом полоснул собеседника мечом по шее, а когда тот упал, отрубил ему голову.

Автор «Повести о доме Тайра» не осуждает предательский удар. Он лишь говорит: «Отважен был Нагацуна, да, видно, счастье на сей раз ему изменило». Автор эпоса — буддист, для него очевидно неумолимое решение судьбы, а юноша — лишь орудие этой судьбы. С одинаковым спокойствием он рассказывает и о коварстве, и о высокой чести. И понимаешь, что люди тогда испытывали те же чувства, что и сегодня, но поступки, которые, казалось бы, должны были следовать за чувствами, на самом деле нарушают логику нашего времени. И потому неуместно и наивно применять к средневековым самураям или викингам наши моральные критерии.

Потерпев сокрушительное поражение, поиска Тайра частью отступили к Киото, а частью разбежались по домам или влились в армию победителей. Отныне между армией Кисо и столицей реальной преграды не было.

А между тем в Киото кипели слухи: одни говорили, что Кисо уже на холмах, занимает монастыри и дымы его армии можно увидеть от императорского дворца, другие твердили, что

разведчики Минамото достигли пригородов столицы.

Тайра собрали все силы, какие были под рукой, и направили их к воротам города. Там воздвигали баррикады, рыли рвы. Минамото не было видно, по паника, которая охватывала столицу, была хуже врагов: с ней нельзя было сразиться, ее нельзя было победить.

Правитель Мунэмори явился во дворец к вдовствующей императрице и заявил ей, что не имеет права подвергать ее и императора-малыша опасности. Разумеется, столицу будут оборонять и не отдадут неприятелю, но мало ли что может случиться.

Императрица, как говорилось, была сестрой слабого и растерянного главы клана, а шестилетний император приходился Мунэмори племянником. Так что, склоняясь перед императрицей как послушный подданный, Мунэмори разговаривал с ней как старший брат и глава семьи.

По плану выезд должен был состояться на следующее утро. Эвакуация не ограничивалась малолетним императором и его матерью: выехать должны были все без исключения члены дома Тайра, и, разумеется, император-инок. Оставлять его в столице Тайра не желали.

Но той же ночью начальник стражи у дворца Госиракавы прибежал в резиденцию Мунэмори. Император-инок ускользнул из своего дворца через заднюю калитку и бежал в неизвестном направлении.

Послали погоню, но она вернулась ни с чем. Под покровом ночи Госиракава добрался до леса и там затаился.

Бегство императора-инока было последней каплей — паника восторжествовала в столице. По дороге, ведущей на запад, мчались всадники и повозки, носилки и кареты: все, кто связал свою судьбу с Тайра или боялся гнева Минамото, покидали город. В этом обезумевшем потоке людей неслись и вожди Тайра, тоже бежавшие из столицы во главе с правителем, императрицей и малолетним императором. Тайра успели захватить во дворце три сокровища, три святыни империи, без которых было немыслимо коронование другого императора: зеркало, чашу и меч.

Корэмори Тайра, племянник правителя, задержался в своей усадьбе, прощаясь с красавицей женой и двумя детьми — восьмилетней дочерью и десятилетним сыном Рокудаем. Они молили его не оставлять их в Киото. Но Корэмори полагал, что взять семью с собой, обресть ее на бродячую военную судьбу, когда у него нет надежного убежища, еще опаснее, чем оставлять в Киото. Он надеялся, что победители не тронут женщин и детей.

— Я не могу взять тебя с детьми, — повторял он. — Как

только мы укрепимся где-нибудь в глуши, я сразу пришло за вами.

— Разве мы не клялись друг другу уйти из жизни вместе? — отвечала жена. — Как исчезают капли росы на одной и той же равнине.

— Помни, — говорил Корэмори, — если ты услышишь, что я погиб, не смей принимать постриг! Снова выходи замуж, устрой свою жизнь и воспитай наших детей. Не может быть, чтобы не нашлось на свете доброго человека, который бы тебя пожалел.

Слова удивительные для феодала, скованного жесткими традициями средневекового общества. Ведь для вдовы знатного японца уход в монастырь был естественным и желанным: она была собственностью, которую нельзя передать никому, она не может, не должна существовать без мужа.

Корэмори сел на коня.

Дети не отпускали стремян, умоляя отца взять их с собой. Рыдала жена. Корэмори не мог заставить себя уехать.

И в этот момент во двор влетели разноцветной стаей братья князя. Все пятеро младших братьев — надежда рода Тайра.

— Что ты медлишь? — кричали они.

Князь показал на своих детей.

— Меня задержало горе малышей, — сказал он.

— Никогда я не могла подумать, что вы столь жестоки! — воскликнула супруга князя и, упав ниц, зарыдала, в отчаянии катаясь по земле. Домочадцы плакали во весь голос. «Навсегда остались звучать у князя в ушах эти рыдания; они слышались ему в плеске волн на западном море, в свисте ветра над безбрежным морским простором!»

А над Киото поднимались столбы черного дыма. Тайра, уезжая, поджигали свои дома и дворцы. От них огонь перекинулся на дома бедняков. Говорят, что в тот день сгорело пятьдесят тысяч хижин простых людей, лишь недавно вернувшихся в этот проклятый небом город.

Но судьба Киото уже не беспокоила Тайра — они спешили к морю, в свои западные родовые владения...

Братья догнали императорский кортеж только у моря. Их сопровождала тысяча всадников — арьергард разгромленной армии.

Затем прискакал старый самурай Садаёси с пятьюстами воинами. Он сообщил князю Мунэмори, что в столице нет войск Минамото, там догорают пожары, а в окрестностях скрывается множество людей из знати и бывших слуг Тайра, которые ждут прихода Минамото. Он долго уговаривал Мунэмори, чтобы тот повернул свои отряды обратно и с честью погиб в столице, перед

тем перебив всех предателей. Но Мунэмори был непреклонен. Он знал, что, пока остается в родных владениях, пока у него в руках император и императорские регалии, он сохраняет надежду переломить ход войны. В сгоревшем городе он будет в ловушке.

Так и не переубедив старшего Тайра, Садаёси кинулся со своим отрядом в Киото. При виде его всадников предатели разбежались, прячась в пепелищах. Казнить было некого, сражаться не с кем. Тогда верный самурай раскопал могилу князя Сигэмори и вынул оттуда прах, чтобы враги не осквернили его. Он усакал к высокой лесистой горе, где укрыл прах под камнями, а затем отдался под покровительство нейтрального провинциального барона.

Еще через три дня, подобрав по пути прятавшегося в горах императора-инока, войско Кисо подошло к спаленному Киото. Белые стяги Минамото развевались вдоль всего пути.

Вечером император-инок Госиракава, окруженный невесть откуда высыпавшими вельможами, дал аудиенцию представителям рода Минамото. Аудиенция, можно предположить, была весьма благосклонной, и по окончании ее Госиракава приказал принести заготовленный днем указ: догнать и истребить до последнего человека род Тайра.

В заключение аудиенции Госиракава выразил лицемерное сожаление по поводу того, что его внук, император Антоку, оказался в лапах злодеев и теперь вынужден скитаться в неведомых землях.

Так как надежд на возвращение Антоку не было, Госиракава замыслил хитрую операцию: он решил еще более умножить число императоров в Японии. Выбор его пал на рожденного от наложницы одного из младших братьев императора Антоку, который и был коронован под именем Готоба.

Так Госиракава, казалось, добился своего: он снова правит страной, у него есть свой собственный малолетний император, не имеющий отношения к дому Тайра. Но не хватало одного — императорских регалий, без которых коронация была недействительной.

А императора, владевшего регалиями, Тайра держали в усадьбе одного из вассалов. Они никак не могли решить, строить ли им новую столицу либо ждать, когда они смогут отвоевать столицу старую.

Власть Минамото ничем, в сущности, не отличалась от власти Тайра: в Киото сидел Кисо, размышлявший, не отмежеваться ли ему от главы рода Ёритомо, который в Киото так и не приехал, а предпочитал править страной из своего замка. Кисо грабил земли вассалов Тайра, Ёритомо железной рукой

наводил порядок в провинциях.

Проходили месяцы, а положение не менялось. Можно было подумать, что Япония так и останется разделенной на две части — с разными императорами.

Весь 1183 год шли пограничные бои между войсками Тайра и Минамото; обе стороны копили силы, не решаясь на генеральное наступление.

Между тем Госиракава пустился в новую интригу. Он понимал, что с течением времени отношения между Кисо и Ёритомо неизбежно ухудшатся. Именно Кисо одержал решительные победы над Тайра, именно он изгнал их из столицы. Кисо чувствовал себя обделенным. Почему он должен подчиняться Ёритомо, который ничего не сделал для торжества дома Минамото?

Госиракава решил поставить на Ёритомо.

К нему был послан вельможа с императорским указом о присвоении ему титула сёгуна, то есть великого военачальника. Такого титула не имел даже Киёмори. Этим император-иннок как бы признавал, что отдает Ёритомо реальную власть в стране.

Ёритомо принял посла в своем собственном тронном зале. Он сидел за занавесом на помосте, который был устлан циновками, окаймленными полосой из парчи с черным узором. Когда занавес поднялся, собравшиеся увидели нового властителя Японии — маленького человека, почти карлика, в коричневом кафтане, с громадной головой, увенчанной высокой черной лакированной шапкой.

Ёритомо благосклонно выслушал посла и принял императорский указ.

А дальше разговор пошел о том, как избавиться от Кисо, который уже раздает земли и должности.

Ёритомо тут же обратился к императору-иноку с просьбой издать эдикт об истреблении Кисо. Но эдикт надо было подкрепить силой. А сила была у Кисо. В любой момент этот мужлан, выросший в глухой деревушке и никогда не носивший придворных одежд, мог отрубить голову представителю священной династии.

Госиракава не мог дожидаться, когда же придут с севера войска Ёритомо, чтобы разделаться с Кисо. Войска не спешили. Ёритомо внимательно наблюдал за делами в столице, в его интересах было ослабить и Кисо и императора: ему не нужны были сильные союзники. Большеголовый карлик был талантливым политиком — он умел действовать за сценой.

Наконец Госиракава не выдержал ожидания. Он решил, что можно будет неожиданным ударом разделаться с Кисо без

помощи Ёритомо. И пускай тогда Ёритомо остается в своей провинции, а Япония будет подчиняться императорскому дому.

Император-инок послал за помощью в соседние монастыри. Кроме того, он приказал своим вельможам созвать самураев из собственных владений. Наконец, агенты сысканого ведомства собирали отряды городского люда и распространяли слухи о том, что могущественный Ёритомо Минамото разгневался на Кисо и лишил его своей поддержки.

Кисо ничего не подозревал и даже отослал на запад большую часть своей армии. В столице у него осталось всего шесть тысяч воинов. Правда, они были закаленными ветеранами, преданными своему суровому вождю.

Узнав о том, что в город ворвались толпы вооруженных монахов, а императорская стража и отряды вельмож движутся к его усадьбе, Кисо гневно воскликнул:

— Во всех сражениях я ни разу не показывал врагу спину! Даже к самому государю не пойду я сдаваться на милость как побежденный, сняв шлем и ослабив тетиву лука. Так бейтесь же отважно, мои воины!

Так начался новый этап гражданской войны, запутанной, как сама японская политика, чреватой неожиданными вспышками и странными переворотами.

Не дожидаясь, пока подойдут войска Госиракавы, Кисо бросил свой отряд к императорскому дворцу. Дворец охраняло более двадцати тысяч человек, и все они укрепили на шлемах сосновые веточки, чтобы различить, кто свой, а кто чужой.

Воины Кисо сразу начали стрелять по дворцу зажигательными стрелами. Кровля дворца занялась, ветер гнал огонь на защитников, и их охватила паника.

Не обошлось и без трагических недоразумений. Городское ополчение устроило отряду Кисо засаду на Седьмой дороге. Но по ошибке перебили союзников императора, несмотря на их вопли о пощаде.

Монахи же после нескольких коротких стычек с ветеранами Кисо бежали к себе в горы. Госиракаве снова пришлось спешно покинуть дворец, причем в суматохе чуть не погиб малолетний император Готоба.

На следующий день Кисо приказал развесить на стенах головы погибших врагов. Их оказалось более шестисот, среди них были головы настоятелей крупнейших монастырей и даже одного из принцев.

Гордыня полководца взыграла. Он объявил себя главным конюшим и заставил бывшего канцлера Мотофусу отдать ему в жены дочь. К тому же, чтобы было неповадно сомневаться в его

могуществе, он лишил чинов и должностей сорок девять высших сановников империи, превзойдя в самоуправстве правителя-инока.

А Ёритомо был спокоен. Он наблюдал за событиями из Камакуры и был уверен, что в конце концов верх возьмет он. Более того, когда до него дошла весть о разгроме императора, он велел передать Госиракаве, что во всем виноват вовсе не Кисо, а вельможи, которые подняли бунт против Кисо и заставили его прибегнуть к суровым мерам. Ёритомо не спешил.

Но Кисо чувствовал себя в столице неуверенно, так как отлично понимал, что, если дело дойдет до открытого боя с родственниками, шансы на победу у него минимальные. Он тоже принимал меры. Он послал гонца к Тайра и предложил им союз против собственного клана. Но Тайра решили, что предложение Кисо — знак слабости дома Минамото, и не пожелали заключать с ним союз, пока он не явится с повинной.

Кисо отказался это сделать и, прервав переговоры с Тайра, решил умиротворить императора-инока. Наказанным вельможам были возвращены должности.

1184 год подошел к концу. Теперь Япония была разделена на три части. Юг и острова остались у Тайра, у которых был свой император — Антоку. В столице правил Кисо, во власти которого были два других императора. На севере, в Камакуре, ждал большеголовый карлик.

Тайра, внимательно следившие за событиями в столице, решили, что силы Минамото расколоты враждой, и двинулись на север. Время было выбрано удачное, потому что именно тогда Кисо, прослышав о том, что Ёритомо наконец послал против него своего брата, чтобы отобрать Киото, ринулся ему навстречу. Пока дом Минамото решал семейные проблемы, Тайра с императором Антоку вернулись в Киото, и двум другим императорам снова пришлось бежать.

Кисо не смог устоять в борьбе против армии Минамото.

После разгрома он бежал в глубь страны, надеясь укрыться во владениях своих верных вассалов. Но Минамото умело перекрыли ему дорогу сильными заслонами.

В конце концов с ним осталось всего пятьдесят всадников.

Кисо, в красном парчовом кафтане, поверх которого был надет панцирь, скрепленный узорчатым шелковым китайским шнуром, на голове — двурогий шлем, мчался первым на могучем жеребце по кличке Серый Дьявол. За ним — последние его самураи, и среди них — Томоз, его прекрасная возлюбленная. «Была она искусным стрелком из лука, славной воительницей, одна равна тысяче! Верхом ли, в пешем ли строю — с оружием в

руках не страшилась она ни демонов, ни богов, отважно скакала на самом резвом коне, спускалась в любую пропасть, а когда начиналась битва, надевала тяжелый боевой панцирь, опоясывалась мечом, брала в руки мощный лук и вступала в бой в числе первых, как самый храбрый, доблестный воин! Не раз гремела слава о ее подвигах, никто не мог сравниться с нею в отваге».

Всадники Кисо стремились к горам, но тут на их пути возник новый заслон. Когда они прорвались, в живых осталось лишь пятеро.

Кисо обернулся к девушке.

— Беги отсюда, — велел он ей. — Сегодня я намерен пасть в бою. А если мне будет грозить плен, я сам покончу счеты с жизнью. Не хочу, чтобы надо мной смеялись, что в последний бой я потащил с собой бабу.

Томоз была оскорблена: пока шел бой, никто не напоминал ей, что она всего лишь женщина. Теперь же ее гонят. Разве она убила меньше врагов, чем другие самураи?

Но Кисо хотел спасти ее — он дал слово ее отцу.

Томоз наконец подчинилась Кисо и отстала.

Но совсем не для того, чтобы спастись. Она искала себе достойного противника, чтобы сразиться с ним. И вскоре увидела небольшой отряд, во главе которого скакал прославленный силач Моросигэ Онда. Шлем скрывал от него лицо одинокого рыцаря, и, когда тот поднял меч, вызывая его на бой, Онда с готовностью бросился рыцарю навстречу. Томоз превосходила силача ловкостью и умением.

Она стащила его с коня, намертво прижала к луке своего седла и одним ударом снесла ему голову. Потом сбросила тяжелый панцирь и поскакала прочь: она не желала, чтобы ее голова досталась неизвестному солдату, а тело подверглось поруганию. Враги нестройно кричали вслед. Томоз обгоняла отдельных беглецов — никто не узнавал в девушке возлюбленную Кисо. К вечеру она оказалась у дома старого друга ее отца...

Потеряв последнего вассала, который ценой своей жизни на несколько минут задержал врагов, Кисо поскакал напрямик к лесу. На всем скаку конь влетел на заливное рисовое поле и увяз по брюхо в грязи.

И тут Кисо услышал сзади чавканье копыт. Он обернулся. В следующее мгновение в лицо ему вонзилась стрела.

Раскол в стане Минамото на том не завершился. Шел столь свойственный завоевателям дележ пирога. Власть была достижима и соблазнительна, брат начинал с подозрением глядеть на брата, племянник — на дядю, все стали соперниками.

Среди победителей Кисо был младший брат Ёритомо, по имени Ёсицунэ, такой же карлик с большой головой, как и его старший брат, но если Ёритомо остался в японской истории как жестокий и коварный правитель, то Ёсицунэ — любимый герой японского фольклора. Романтические рассказы об этом рыцаре, в которых переплетаются быль и легенда, известны в Японии любому ребенку. Его судьбе посвящен знаменитый средневековый роман «Сказание о Ёсицунэ».

За четверть века до описываемых событий, когда род Минамото был разгромлен и почти весь уничтожен, мать Ёсицунэ с годовалым ребенком бежала из столицы, надеясь укрыться в монастыре, но на горной дороге ее подстерегли и захватили солдаты Тайра. Когда правитель-иннок узнал, что Ёсицунэ в плену, он хотел было его убить: чем меньше подрастет Минамото, тем меньше будет мстителей. Но, увидев мать, он был пленен ее красотой. К тому же за нее и за ребенка вступилась мать Киёмори. Глава рода Тайра согласился сохранить жизнь ребенку при условии, что мать станет его наложницей. Чтобы спасти сына, мать согласилась. Мальчика же, когда тот подрос, отослали в монастырь, чтобы подготовить к монашеской жизни. Но монаха из него не получилось. Вместо того чтобы читать сутры, он делал деревянные мечи и сражался с другими мальчишками. В легендах рассказывается, как он еще ребенком совершил немало подвигов, подобных подвигам Геракла. Наконец он убежал из монастыря в пограничную северную провинцию, где нашел убежище у одного самурая. Братья Ёритомо и Ёсицунэ впервые встретились в начале восстания против Тайра, и тогда Ёритомо сказал, что приход к нему младшего брата важнее, чем подкрепление в миллион солдат.

После подавления мятежа Кисо Ёсицунэ смог снова выбить из столицы Тайра. На этот раз он преследовал их по пятам, так как имел приказ от старшего брата — уничтожить Тайра, чего бы это ни стоило.

Ёсицунэ вел наступление против Тайра целеустремленно и последовательно. Он громил одного за другим вассалов Тайра, все глубже вклиниваясь в их владения. Казалось, лишь вчера Тайра покинули столицу, и вот они уже на острове Сикоку, а маленький император пристроен на время в небогатой усадьбе самурая.

Тайра надеялись, что в разгар зимы Ёсицунэ не посмеет идти через горные перевалы, но тот нашел охотника, который показал оленьи тропы. Зайдя в тыл Тайра, Ёсицунэ прорвался к морю — теперь владения Тайра были разрублены его армией. Тайра

сражались отчаянно; прижатые к стене, они не сдавались в плен, да Минамото и не нуждались в пленниках: это была война на уничтожение. По мере того как плацдармы, на которых могли маневрировать Тайра, уменьшались, они все более полагались на свой флот: у Минамото флота в то время почти не было. Тылом Тайра были прибрежные острова.

В стане Тайра участились самоубийства: самураи дрались до последнего и, если выхода не было, кончали с собой. Кончали с собой и их жены.

Завершение эпопеи дома Тайра знаменуется двумя самоубийствами, оставшимися в истории и легендах.

Семья князя Корэмори все еще жила в Киото: пока шла война, Минамото не трогали женщин и детей тех из Тайра, что остались там. По городу, усыпанному белым снегом вишневых лепестков, крикливые солдаты таскали на шестах головы Тайра. Жена Корэмори боялась, что ее сын побежит искать голову отца. Потом один знающий человек рассказал, что ее муж болен, но жив.

Как-то темной ночью пришел человек с письмом от Корэмори.

«В столице кругом враги, — писал князь, — тебе и одной-то нелегко скрываться, а с малыми детьми, понимаю, какую муку ты терпишь!..»

Письмо заканчивалось стихотворением:

Как плавучей траве
Неизвестно, в каком из затонов
Ей осесть суждено,
Я не знаю, дождусь ли встречи, —
Так прими же письмо на прощанье!^[4]

Посланец забрал ответные письма жены и детей и через несколько дней добрался до больного князя. В письмах дети просили об одном: чтобы отец вернулся и взял их к себе.

— Я теперь не могу умереть, пока не увижу своих родных, — повторял князь.

Род Тайра скудел, как роща, в которой хозяйничают лесорубы.

Их сопротивление было сопротивлением обреченных, оскалом бессильного зайца перед волком. Но война не могла остановиться до тех пор, пока Тайра не сдадутся или не будут истреблены.

Князь Корэмори ничего не сказал братьям. Тайком, в сопровождении трех верных слуг князь отправился в столицу.

Они переплыли на остров Хонсю, а там тропами, обходя

селения и города, приблизились к Киото.

Путники двигались все медленнее. То, что в начале пути представлялось простым — проникнуть в город, увидеть жену и детей, а потом вернуться обратно и погибнуть с честью, — оказалось задачей невыполнимой. Вокруг кишели ищейки Минамото: на последних сторонников Тайра охотились, как на диких зверей.

Слишком велик был риск попасть в плен, опозорив род Тайра.

Корэмори решил встретиться с отшельником Такигути, которого помнил молодым самураем из свиты своего отца. Несчастливая любовь к служанке императрицы, жениться на которой запретил ему спесивый отец, заставила Такигути уйти от мира.

Этому отшельнику Корэмори и рассказал о своих терзаниях. О невозможности жить долее без жены и детей, о невозможности увидеть их, потому что показаться в городе — бессмысленный риск.

Почерневший от соленого морского ветра, исхудавший, постаревший, князь Корэмори провел в хижине монаха несколько дней. И все более понимал, что иного выхода, кроме смерти, у него нет. Лучше погибнуть с честью здесь, в горах, чем попасть в плен к врагам или возвратиться к безысходности лагеря Тайра. Но прежде он должен отречься от мира.

Так прервалось, не завершившись, путешествие князя домой.

Эмоционально неуравновешенный, впечатлительный, сознающий притом, что ему никогда уже не жить со своими детьми, князь проводил дни в посте и молитве, готовя себя к смерти, дабы сломить неблагоприятное течение судьбы и спасти таким образом своих близких.

Самураев, которые сопровождали его, князь уговаривал уйти. Он не хотел тянуть за собой к смерти других людей. Но его слуги решили быть верными сюзерену до конца: они тоже приняли постриг, они вместе с ним молились и изнуряли себя голодом. Наконец, когда князь счел себя готовым к смерти, монах вывез его и самураев на лодке в море. Бросившись за борт, Корэмори утонул. Его примеру последовали слуги.

Предсмертное письмо князя Корэмори было доставлено его братьям.

Более всех страдал его младший брат, Сукэмори.

— Теперь и мне осталось жить недолго, — повторял он.

Из шести братьев двоих уже не было в живых.

Услышав о смерти Корэмори, Ёритомо Минамото воскликнул:

— О жалость! Если бы он с открытой душой сдался на мою милость, я, конечно, смог бы сохранить ему жизнь!

Придворные умилились добрым словам Минамото.

Последняя надежда Тайра заключалась во флоте. У них было несколько больших кораблей, способных поднять по триста-четыреста воинов, не считая сотен боевых галер. Они рассчитывали пересидеть на островах опасные месяцы или годы и надеялись накопить силы для ответного удара.

История знает множество случаев, когда оборонявшаяся сторона укрывалась в замке или возводила баррикады. И почти никогда это не приносило победы. Любые замки в конце концов сдаются, любую баррикаду можно обойти или взять штурмом. Побеждает только наступающий.

Погрузив на корабли войска и мальчика-императора с императрицей, Тайра отчалили от берега, к которому уже вышли отряды Ёсицунэ. Тайра еще не знали о том, что по приказу Ёсицунэ их же бывшие вассалы собирают большой флот, и потому чувствовали себя в безопасности.

В следующие дни к Ёсицунэ стягивались корабли наместников западных провинций, и наконец наступил момент, когда кораблей у них стало чуть ли не втрое больше, чем у Тайра,

Когда два флота сошлись для последнего боя в Симоносекском проливе, Тайра начали теснить врагов. Но тут неожиданно уроженцы островов Сикоку и Кюсю обратили оружие против своих сюзеренов. Измена была столь внезапной и корабли предателей были так тесно перемешаны с кораблями Тайра, что стрелы, пущенные в рыцарей Тайра, разили без промаха.

Начался разгром флота Тайра. Поняв, что бежать некуда и пощады не будет, второй по старшинству князь из рода Тайра, Томомори, который руководил сражением вместо нерешительного Мунэмори, переправился в лодке на корабль, где находился император Антоку.

Когда князь перешел на корабль, к нему кинулись, взволнованные дамы.

— Как идет битва? — кричали они.

— Скоро вы собственными очами узрите доблестных самураев Востока! — горько рассмеялся в ответ Томомори.

Узнав печальную весть, Нииджо, бабушка малолетнего императора, переоделась в траурные одежды, зажала под мышкой ларец со священной яшмой, опоясалась священным мечом, взяла на руки внука и со словами: «Там, на дне, под волнами, мы найдем другую столицу» — погрузилась вместе с ним в морскую пучину.

Вслед за ними бросилась в море императрица.

Флагманский, корабль Ёсицунэ был уже рядом. Самурай,

стоявший с железными вилами у борта, увидел, что в водовороте, созданном движением кораблей, кружится молодая знатная женщина. Женщина старается нырнуть, но вода выбрасывает ее. Не зная, что это императрица, самурай подцепил ее вилами и вытянул, захлебнувшуюся, без сознания, на палубу. Увидев драгоценный гребень, самурай выхватил его. Затем начал стаскивать с пальца перстень, но тут крики с соседнего корабля остановили его. У борта жалкой кучкой толпились придворные дамы и кричали наперебой:

— Не смей! Не смей! Это же императрица!

Князь Томомори не слышал и не видел этого: он сражался. Не видел он и того, как кончали счеты с жизнью князя Тайра. Два его младших брата обнялись и вместе в тяжелых панцирях кинулись в воду со своего корабля. Их примеру последовали другие князья и самурай.

Но глава клана, Мунэмори, никак не мог решиться покончить с собой. Из последних сил его воины отбивали натиск врагов, стремившихся к помосту, на котором он стоял с сыном. Еще минута — и он попадет в плен. И тогда самурай будто случайно столкнули своего господина в воду: он не должен был быть опозорен пленом. Вслед за упавшим в воду Мунэмори кинулся его сын. И так, поддерживая друг друга, они плавали возле корабля, пока к ним не подплыл на челноке один из самураев Минамото и не спас их.

Оставались еще два князя — Томомори, который сражался на корабле императора, и Норицунэ, правитель земли Ното. Норицунэ решил сразиться с самим Ёсицунэ и потому перепрыгнул на палубу его корабля. Размахивая боевой секирой, он кинулся к большеголовому карлику и вызвал его на бой.

Проявив завидную резвость, Ёсицунэ закричал самураям, чтобы они не подпускали этого убийцу к нему близко, и перескочил на соседний корабль. Когда Норицунэ подбежал к борту, развалив стену самураев, Ёсицунэ был уже вне пределов досягаемости. В отчаянии Норицунэ схватил за шеи двух самураев Ёсицунэ и вместе с ними прыгнул за борт.

Видя, что бой подошел к концу, командующий флотом Томомори, надев на свой панцирь второй, для тяжести, бросился в море. За ним — более двадцати самых верных самураев.

«Алые знамена, алые стяги, брошенные, изорванные, плавали в море, как багряные кленовые листья, что устилают воды реки Тацута, сорванные порывами бури. Алым цветом окрасились белопенные волны, набегающие на берег. Опустевшие суда, потерявшие кормчих, гонимые ветром, увлекаемые течением, качались на волнах и уносились в неведомые морские дали...»

Ёсицунэ возвращался в Киото со знатными пленниками — князьями Тайра и императрицей-матерью. Из трех священных сокровищ ему удалось захватить яшму и зеркало. Не было только священного меча: он утонул. Так Япония лишилась одной из трех императорских регалий. Меч пришлось впоследствии заменить. Правда, об этом мало кто знает.

Мунэмори с сыном, которые в пути с разрешения Ёсицунэ постриглись в монахи, везли в карете с открытыми окнами. Многие тысячи людей заполнили улицы Киото. Толпа молчала. Мунэмори сидел спокойно, даже как будто равнодушно, словно его не касалось это последнее унижение. Сын его низко опустил голову и спрятал ее в ладонях.

Потом Ёсицунэ приказал отвезти пленных к себе в усадьбу.

Весь вечер Мунэмори плакал. Сын его заснул. Князь снял с себя кимоно и накрыл сына. Так и просидел над ним всю ночь.

Ёсицунэ собирался везти пленников в Камакуру — к старшему брату.

А до того уже докатывались тревожные слухи: самураи славят отвагу и таланты Ёсицунэ, самураи говорят, что Ёритомо ничего не сделал для победы, а в боях и походах их вел Ёсицунэ.

Ёритомо, как всегда спокойно, выслушивал наветы. И делал выводы. И молчал до поры до времени.

Перед отъездом Мунэмори попросил Ёсицунэ разрешить ему свидание с младшим сыном, который также числился среди пленных. Мать этого восьмилетнего мальчика умерла при родах, и потому он постоянно был с отцом. Ёсицунэ согласился. Мунэмори долго сидел с сынишкой. На прощание обещал позвать его в гости на следующий день, иначе мальчик не соглашался уехать.

Утром, когда на дворе была суматоха — слуги собирались в дорогу, — к Ёсицунэ подошел самурай.

— Что прикажете делать с мальчишкой? — спросил он.

— Незачем везти его в Камакуру, — ответил большеголовый карлик. — Распорядись здесь сам, как положено.

Самурай прискакал к дому, где находился мальчик. Он велел кормилице собирать княжича в дорогу.

Мальчик взял деревянный меч, чтобы показать отцу, как он умеет сражаться. Кормилица и нянька собирали в дорогу пищу. Самураи их не торопили.

Карета покатила по Шестой дороге к востоку.

Кормилица почувствовала неладное: ехать надо было к северу.

Через несколько минут карета остановилась, и им велели

выйти.

Они стояли на речном берегу. Их ждало несколько десятков вооруженных, словно к бою, самураев. По реке еще плыл утренний туман. Пели птицы.

Один из самураев взял мальчика за руку и грубо потащил к воде.

— Куда вы меня ведете? Где отец? — закричал мальчик, отмахиваясь деревянным мечом.

Другой самурай обнажил свой меч и, спрятав его за спиной, пошел следом.

Кормилица увидела это и с криком бросилась за ними.

Мальчик испугался, вырвался от самурая, подбежал к кормилице и обнял ее, спрятав голову у нее на груди.

Самураи оттащили его от кормилицы и отрубили голову.

Обезумевшая кормилица схватила голову мальчика и кинулась в реку. Вода унесла ее.

...В дороге князь Мунэмори молил Ёсицунэ, чтобы ему и старшему сыну сохранили жизнь. Он был согласен на любую ссылку. Ёсицунэ пообещал, что постарается вымолить жизнь высокому пленнику.

Между тем доносы на Ёсицунэ, мирно беседовавшего в дороге с пленником, росли как снежный ком. В конце концов Ёритомо изменило спокойствие. Он приказал собрать к своему замку несколько тысяч самураев. Встреча для победителя дома Тайра оказалась неожиданной и позорной. На заставе, у рогаток, воздвигнутых воинами, поезд князя остановили.

— Князя Мунэмори с сыном приказано доставить во дворец, — сухо сообщил начальник заставы, — а господину Ёсицунэ велено отойти назад, на половину дневного перехода, и ждать дальнейших указаний в деревне Косигозэ, у перевала.

Ёсицунэ роптал в деревне, окруженный горсткой слуг, он раскаивался в том, что дал заманить себя в ловушку, поверив в дружбу старшего брата, но изменить ничего не мог: деревня была окружена отрядами самураев Ёритомо. Бежать было некуда: его собственная армия была далеко и лишена вождя. Неизвестно, намеревался ли в самом деле Ёсицунэ захватить власть либо довольствовался бы второй ролью в государстве, но теперь ему не оставалось ничего иного, как писать длинные, сохранившиеся в изложении древних авторов письма брату с заверениями в верности и просьбами о встрече. Ёсицунэ не учел горького урока, который преподавал ему Кисо. И теперь не знал, чья судьба горше: пленника Мунэмори, который еще вчера вымаливал у него жизнь, мальчика, которому отрубили голову на берегу реки, или его самого — победителя дома Тайра.

Ёритомо приказал привести Мунэмори. Тот покорно склонился у его ног. Минамото источал лицемерие, как патоку: он говорил, что жизнью своей обязан правителю-иноку, который мог бы казнить его, но сжалился. Он клялся, что поднял руку на дом Тайра, только выполняя высокую волю императора, и глаза его улыбались, потому что раздавленный глава рода Тайра не смел возразить, что утонувший император Японии, его собственный племянник, никогда не издавал приказов, осуждающих на смерть дом Тайра.

— Я рад, что ты жив и рядом со мной, — закончил Ёритомо свою речь и знаком руки велел увести пленника.

Назавтра последовал неожиданный приказ Ёритомо: в знак прощения отправить обратно в столицу всех — и Ёсицунэ, и обоих пленников. Князь Мунэмори взбодрился: приятно верить, что противник оказался великодушен. Князь Ёсицунэ внешне возрадовался, но насторожился.

Его брат не умел прощать; значит, прощение было тактической уловкой. Но что оно означало?

Теперь, глядя на эти события с расстояния в восемьсот лет, можно предположить, что Ёритомо испугался. Испугался армии, которая боготворила Ёсицунэ, испугался феодалов, которые не хотели междоусобиц, испугался членов собственного рода, в преданности которых был не уверен. Ёритомо предпочел еще подождать, чтобы расправиться с братом чужими руками.

Итак, мирная процессия — вчерашний победитель и два его знатных пленника — медленно двигалась к Киото.

Кортеж охраняли отряды верных Ёритомо самураев. И у них были свои приказы, о которых не знал Ёсицунэ.

Когда до Киото оставался день пути и Мунэмори совсем воспрянул духом, остановились на ночлег на постоялом дворе. И тут в комнату к Тайра вошел самурай, который сообщил ему, что снаружи его дожидается монах.

— Зачем монах? Что ему нужно?

— Он должен поговорить с тобой, князь, и подготовить тебя.

Самурай поклонился и вышел. И князь понял, что его жизнь подошла к концу.

Монах тихо говорил о бренности жизни. Мунэмори смирился с судьбой и только спрашивал, когда самурай, проклиная темень и холодный ветер, вели его по пыльной дороге к пустырю за деревней:

— Моего сына уже убили? Мой сын еще жив?

И когда его поставили на колени и самурай, зайдя сзади, занес меч, князь успел повторить вопрос:

— Моего сына уже убили?

А сын был еще жив. Его вывели следом. Юноша, гордо шагая впереди палачей, спросил только:

— Как принял смерть мой отец?

— Он принял смерть достойно, — ответил монах, которому пришлось сопровождать оба шествия на казнь.

— Тогда мне больше не о чем печалиться в этом мире, — произнес юноша.

И его убили.

Когда Ёсицунэ прибыл в столицу, он увидел, что многое там изменилось. Верные ему отряды удалены из города, их сменили воины из северных земель, присланные Ёритомо. Да и столица потускнела: ведь теперь вельможи стремились в новый двор — в Камакуру, жизнь и благосостояние зависели от слова Ёритомо. У императора-инока оставалось лишь несколько стариков из потерявшего силу рода Фудзивара. Так Ёсицунэ, вместо того чтобы попасть в центр страны, оказался в ссылке, только место этой ссылки называлось городом Киото. Городом, населенным теньями власти. И он сам стал одной из этих теней.

Но это не означало, что Ёритомо простил и забыл. Вскоре он послал в Киото монаха по имени Тосаба, приказав ему добиться встречи с Ёсицунэ и убить его. Но Ёсицунэ разгадал замысел, и монаха казнили.

Следующим убийцей Ёсицунэ должен был стать известный самурай Нориёри. Но тот не посмел выполнить приказ Ёритомо. Он спрятался в своем имении и оттуда писал сёгуну письма с выражением преданности. Так что Ёритомо пришлось послать наемных убийц к непослушному исполнителю. Так погиб Нориёри.

Было ясно, что Ёритомо не откажется от попыток убить брата. И когда до Ёсицунэ дошли слухи, что против него собирают армию, он кинулся к императору-иноку с просьбой о помощи. Госиракава боялся обоих братьев. Он послушно издал указ о передаче Ёсицунэ острова Кюсю и походе против Ёритомо, что не помешало ему вскоре, когда в Киото вошло войско Ёритомо, подписать эдикт о казни Ёсицунэ. Госиракава старался удержать престол любой ценой. И если эти Минамото решили истреблять друг друга — тем лучше.

Ёсицунэ метался по Японии, пытаясь собрать войско. В конце концов он нашел приют в доме старого друга, феодала из рода Фудзивара. Он надеялся, что брат не станет портить отношения с кланом Фудзивара. Ёритомо сделал иначе. Он послал приказ владельцу замка убить Ёсицунэ. Разрываясь между долгом гостеприимства и повиновением могущественному властителю Камакуры, тот в конце концов решился. Его самураи отрубили

гостью голову. Голову послали в Камакуру.

Вскоре после того как Ёритомо получил отрубленную голову брата, он обвинил Фудзивара в том, что тот слишком долго колебался, прежде чем выполнил приказ. Его замок был взят штурмом, а сам он был казнен. К тому времени власть Ёритомо над страной стала неоспоримой, так что никто его публично не осудил. Осуждали только шепотом, с оглядкой, опасаясь шпионов и доносчиков.

Теперь следовало найти и истребить последних членов рода Тайра.

Главной добычей считался сын князя Корэмори — Рокудай. Мальчику исполнилось двенадцать лет, и вскоре он мог стать мстителем за отца.

Известно лишь было, что, узнав о самоубийстве мужа, госпожа Корэмори бежала с детьми из столицы и скрывается где-то в деревне. Были поставлены на ноги все шпионы, большая награда обещана тому, кто сообщит местонахождение детей Корэмори.

Через несколько месяцев упорных поисков удалось установить, что мать с детьми прячется в Ирисовой долине, в маленьком монастыре.

Монастырь был окружен отрядом самураев. Несмотря на стенания женщин, мальчика схватили и увезли в столицу. Известие об этом тут же полетело к Ёритомо.

Идея, как спасти мальчика, пришла в голову кормилице. Она узнала, что неподалеку живет бывший наставник Ёритомо, отшельник Монгаку, который не боится ни князей, ни императора.

Кормилица прибежала к монаху и рассказала ему обо всем, что случилось. Она объяснила, что мальчику грозит неминуемая гибель — Минамото не щадят детей Тайра, — и умоляла взять его в ученики. Выслушав женщину, монах заявил, что хватит кровопролития и жестокости: это погубит Японию. Пора наконец прекратить войну с детьми.

И, сказав так, он взял посох и отправился в столицу.

Там он сразу прошел к наместнику, и тот объяснил монаху, что у него есть приказ отыскать и убить всех детей Тайра мужского пола и что первым в этом списке стоит Рокудай. Монах попросил иаместника отложить казнь мальчика на двадцать дней. За это время он доберется до Камакуры и поговорит с Ёритомо. Некогда Ёритомо поклялся при свидетелях, что выполнит любую просьбу монаха.

Наместник согласился ждать и отсрочил казнь Рокудая.

Рассказывают, что Монгаку задержался в пути и, когда миновал двадцатый день, Рокудая вывезли за город, чтобы казнить. И уже был занесен меч палача, когда показался скачущий на гнедом коне монах в черной рясе. В руке он держал свиток — приказ Ёритомо отдать мальчика в учение праведному Монгаку.

После этого Рокудай прожил несколько лет в обители Монгаку. Соглядатаи Ёритомо подробно доносили о его жизни — ведь он был последним из Тайра. Весьма встревожила Ёритомо весть о том, что юноша, приняв постриг, отправился в паломничество и посетил те места, где погиб его отец. С Рокудаем пора было кончать — милость тирана тоже имеет пределы.

Рокудая привезли к Ёритомо, и тот велел его зарубить. Так погиб последний представитель некогда могучего рода Тайра.

Молодая императрица, мать Антоку, которой не удалось утопиться во время морского сражения, постриглась в монахини. Она прожила в монастыре несколько лет, и известно, что император-инок Госиракава приезжал к своей невестке. Она умерла вскоре после этого визита. В 1192 году умер и Госиракава, дожив до шестидесяти шести лет. Всю жизнь он плел интриги, чтобы сохранить престол и хотя бы видимость власти. Он сохранил и то и другое, потому что никому уже не был опасен.

Через семь лет, не старым еще человеком, умер и сам Ёритомо. Старший сын его был не способен к управлению страной, и, пока шла борьба за власть между сыновьями и внуками сегуна, Японией фактически правил наместник Киото из клана Ходзё. И даже после того как был избран новый сёгун, наместник удержал власть за своим родом.

Так что не прошло и двух десятилетий со дня битвы в Симоносекском проливе, как в живых не осталось ни одного из героев этой трагедии.

Смерть тирана

Образ Японии как замкнутого государства, отрицающего все чужеземное, для средних веков неточен. Япония — часть дальневосточного мира и полноправный торговый партнер Китая. В Южной Японии были районы, издавна населенные китайцами, а отношение к китайской цивилизации, науке и литературе было почтительным отношением талантливого ученика к старому и мудрому учителю. До XIII века конфликтов с Китаем почти не происходило — об этом позаботилась природа, создавшая достаточно широкий водный барьер. Когда же в XIII веке Китай подчинился отпрыскам Чингисхана, которые спешили раздвинуть границы своей империи до краев мира, громадный китайский флот двинулся к берегам Японии. На помощь ей пришел камикадзе — Божественный ветер, разметавший по морю и потопивший флот завоевателей. Остатки же армии вторжения японцы разгромили, не пустив внутрь страны.

Но если завоеватели не смогли проникнуть в Японию, то купцы плавали туда регулярно. Нам порой кажется с высоты нашего самоуверенного века, что восемьсот лет назад корабли были крошечными и становились игрушкой ветра и волн, стоило им отойти подальше от берега.

Действительно, в Европе в те годы больших кораблей не строили. Но это не мешало ладьям викингов достигать Гренландии и даже Америки, огибать Европу и проникать в Средиземное море. К тому же величина корабля всегда относительна. Суда генуэзских и венецианских купцов были достаточно мореходны и вместительны, чтобы поддерживать

торговлю с Востоком, перевозя тысячи тонн грузов. Их хватило, кстати, на то, чтобы перевезти в Палестину английскую и французскую крестоносные армии — не только воинов, но и тысячи коней, массу припасов и снаряжения, вплоть до тяжелых осадных машин.

Однако европейские суда далеко уступали азиатским. И чем дальше на восток, тем крупнее и вместительнее корабли становились. Ведь морские торговые пути по Индийскому океану и далее к Китаю и Японии существовали издревле, и корабли перевозили не только пряности или благовония. Достаточно вспомнить о пункте договора между Паганом и Цейлоном, по которому бирманцы обязывались давать слона за каждый цейлонский корабль с грузом. Причем, разумеется, каждый из этих кораблей вез не только слона.

Корабли были трех- и четырехмачтовые, с несколькими палубами, на некоторых из них помещалось более тысячи пассажиров, и они могли брать большой груз. Известно, например, что одна из древних китайских морских экспедиций, добравшаяся до Африки, привезла оттуда жирафов.

Знаменитыми кораблями были жители Явы и Суматры — они, пожалуй, строили самые большие суда на Востоке. Немалый флот был и у Японии, причем помимо быстрых и хищных галер, подобных тем, что сражались в морских битвах между кхмерами и тьямами, в его состав входили и тяжелые грузовые суда, плававшие к берегам Китая и Явы.

Масштабы и значение морского торгового пути, протянувшегося параллельно Великой шелковой дороге, от Испании до Японии, стали ясны лишь в нашем веке.

Это не значит, что ранее никто не знал о морских путешествиях восточных народов. Были известны записки китайских пилигримов и моряков, не было тайной и то, что арабские купцы добирались до Индии и островов Пряностей. Даже сказки о Синдбаде-мореходе не оставляют сомнений в том, что арабы не ограничивали свои странствия тропами пустынь.

И все же в сознании европейца открывателем морского пути в Индию оставался Васко да Гама, как первопроходцем в Китай — Марко Поло.

Действительное открытие средневекового арабского мореплавания — заслуга французских ученых Г. Феррана и М. Годфруа-Демонбина и советских — И. Ю. Крачковского и Т. А. Шумовского. Последний, посвятивший жизнь изучению истории арабских морских путешествий, в своих книгах «Арабы и море» и «По следам Синдбада-морехода» смог создать

невероятную по богатству картину арабского мореплавания.

Судя по всему, основным толчком к расцвету морского дела у арабов стало создание Арабского халифата и превращение его в мировую державу, судьба которой была тесно связана с морем. Уже в 651 году из Аравии в Китай было направлено первое посольство. В последующие десятилетия арабы все чаще появлялись в портах Индии, Индокитая, Китая. Причин тому было две. Во-первых, создав гигантскую империю со множеством портов, арабы стали монополистами на торговых путях, и как перечень, так и количество товаров, которыми они распоряжались, многократно возросли. Во-вторых, раскол внутри арабского мира, войны и династические перевороты, религиозная вражда привели к тому, что резко усилилась эмиграция с Ближнего Востока. Эмигранты создавали поселения вдоль морского пути, становившиеся базами для арабских купцов.

Одновременно с арабскими моряками и купцами в плавание отправлялись и их персидские коллеги.

Важнейшими портами в начале морского торгового пути были арабские Маскат и Басра, а также персидский Сираф. Именно в эти пункты стекались товары со всего Средиземноморья, чтобы двинуться на восток, навстречу потоку товаров из Китая, с Малайского архипелага, из Индии...

Исследуя арабские рукописи, ученые почерпнули из них сведения о Борнео и Малайе, Мальдивских островах и Мадагаскаре, портах Китая и даже о Корее.

Сегодня можно убежденно говорить, что рассказы о Корее, одной из самых восточных точек на Великом торговом пути, основывались не на слухах, не на сведениях, полученных из третьих рук. Как в прибрежных портах Китая, так и в Корее жило немало арабов. Туда перебрались морским путем еще в начале VIII века сотни арабских семей, последователи Али ибн Абу Талиба, четвертого «праведного» халифа и первого шиитского имама. Они бежали на Восток от преследований в халифате Омейядов.

В рассказах о Корее она рисуется обычно как чудесная страна, изобильная и мирная. Колония в Корее процветала сотни лет — о ней писали арабские авторы и в XIV веке. Много арабов осело и в государстве Тямпа в Индокитае. По сведениям средневекового географа ад-Димашки, треть жителей той страны — выходцы из арабских краев. Пускай ад-Димашки преувеличивает, но можно не сомневаться, что арабы в Индокитае были значительной этнической группой.

Чаще всего впечатляют не перечисление и цифры, а детали.

Арабские авторы, плодovитые и работающие, не только

излагали известные им факты и легенды, но и любили порассуждать. И некоторые из рассуждений больше говорят об информированности писателя, чем географические описания. Например, ал-Магриби, автор XIII века, закончивший мусульманский университет в Севилье, а затем продолживший образование в Багдаде, в одном из своих трудов излагает теорию о великом переселении народов в районе Индийского океана. Он доказывает, что в древности переселение шло по периферии Индийского океана, причем аргументирует, в частности, этимологическими данными, отыскивая параллели между словами «кхмер», «кумр» (Мадагаскар), «Камерун». Для того чтобы рассуждать подобным образом, надо представлять себе ситуацию во всем бассейне Индийского океана.

Но еще более удивляет книга арабского историка и путешественника X века ал-Масуди. Он делится своими соображениями по поводу того, что на берегу острова Крит были найдены обломки тиковых досок, связанных волокнами кокосовой пальмы. Ал-Масуди отлично знает, что тиковое дерево находило применение в кораблестроении в Юго-Восточной Азии, а волокнами кокосовой пальмы пользовались при строительстве судов в Китае и Индонезии. Следовательно, пишет ал-Масуди, Средиземное море соединяется проливом с Индийским океаном, иначе как бы китайскому кораблю разбиться у острова Крит?

Такого пролива, разумеется, не существовало. Но логика и объем знаний арабского автора внушают уважение.

Кстати, как мог китайский корабль попасть в Средиземное море? Неужели вокруг Африки?

К Мадагаскару китайские суда ходили...

Конец XII века — не самый лучший период для великих торговых путей древности. Страны Юго-Восточной Азии и Япония переживают сложные времена, периоды войн, что всегда дурно отзывается на торговле.

На территории Китая также происходили бурные события, подрывавшие торговлю на Великом шелковом пути.

Они были связаны с возвышением чжурчжэней.

Чжурчжэни жили в лесах на севере Маньчжурии. Их предки — племена мохэ, создавшие свои государства на реке Сунгари и в долине Амура. Города и селения этих и родственных им народов раскапывают наши археологи на Дальнем Востоке, там обнаружены мастерские литейщиков, ювелиров и оружейников.

Чжурчжэни жили родами, некоторые — в лесных поселках охотников и рыболовов, другие, южнее, кочевали со своими стадами. О них известно немало, так как они были северными соседями Китая и китайцы внимательно наблюдали за ними,

дабы пресечь возможную опасность их усиления.

Один из китайских летописцев так говорит о них: «Сильные — все были воинами. В мирное время все трудились — пахали, ловили рыбу, охотились на зверя. При появлении опасности посылали приказ племенам и отправляли гонцов, чтобы собирали войска. Пешие и конные — все готовились».

Армия формировалась по родовому принципу.

«Главу племени называют боцзинь, — продолжает летописец, — в походе племя называют мэнъянь и моукэ. Эти названия даются соответственно с числом представляемых воинов. Мэнъянь выделяет тысячу мужей, моукэ — сто».

Чжурчжэни были окружены воинственными соседями. С юга нажимали китайцы, на западе нависала держава степного народа киданей, на востоке лежало корейское царство Корё, на севере жили родственные, но далеко не всегда дружественные племена. В этих условиях у чжурчжэней складывается военная организация, весьма эффективная и самобытная.

Приведем описание военного совета чжурчжэней, сделанное китайским писателем:

«Когда в стране случится важное дело, собираются в поле, садятся в круг, чертят на золе и так совещаются, начиная с низших. По окончании совета уничтожают начерченное. Поскольку не слышно человеческого голоса, все остается в тайне. Когда отряд выступает, устраивают большую сходку с угощением. Велят людям давать предложения. Предводитель слушает и оценивает. Тех, чьи советы подходящи, и назначают на это дело. Когда отряд возвращается, устраивают большую сходку, спрашивают об отличившихся и награждают их золотом, сообразуясь с указаниями членов отряда. Если члены отряда найдут, что мало, — добавляют еще».

В походе, рассказывают современники, все, без различия должности и родства, едят вместе, одинаково чистят и кормят лошадей — никто не должен выделяться. Если в отряде во время похода погибает командир, все члены отряда наказываются, вплоть до смертной казни.

Железная дисциплина помогла чжурчжэням выстоять в борьбе с соседями и, когда настало их время, перейти в наступление.

В начале XII века, отразив напор киданей, чжурчжэни столкнулись с корейским царством Корё. Численность чжурчжэней росла, они расселялись на соседних землях, вытесняя более слабые племена, и в конце концов проникли на земли Кореи. Когда корейские отряды попытались вытеснить чжурчжэней, те собрали ополчение и нанесли им поражение, хотя

корейцами командовал знаменитый генерал Юн Гван.

Тогда корейцы собрали армию в сто семьдесят тысяч человек. Ее поддерживал военный флот: Корё была сильной морской державой.

Прежде всего Юн Гван пригласил на переговоры чжурчжэньских старшин. Во время пира сидевшие в засаде корейские воины неожиданно набросились на гостей и перебили четыреста человек. Чжурчжэньская армия была обезглавлена. После недолгих боев отряды чжурчжэней рассеялись по степи.

Юн Гван, как следует из надписи на стеле, воздвигнутой в его честь, взял в плен пять тысяч чжурчжэней, захватил триста быков и сто коней.

Из всего этого можно сделать два вывода. Во-первых, уже в начале XII века чжурчжэни были столь сильны, что корейцам пришлось двинуть против них большую армию. Во-вторых, победа Юн Гвана была эфемерной. Триста быков да сто коней — невелика добыча. Чжурчжэни сохранили силы.

И доказательство тому — дальнейшие события.

Юн Гван воздвиг на грапице с чжурчжэнями девять крепостей, чтобы отражать возможные набеги. Но чжурчжэни против каждой из крепостей построили свою. Блокировав корейскую пограничную линию, они прервали сообщение между крепостями, и граница была вновь открыта для их набегов. Кончилась эта война тем, что корейцы согласились скрыть крепости и отступили к старой границе. Был заключен мир, и в последующие годы чжурчжэни могли не беспокоиться о тыле.

Создание чжурчжэньского государства связано с именем Агунды, который первым принял звание верховного вождя. После удачной войны с киданями он издал любопытный манифест:

«Кидани называют свое государство Бипьте — Стальное, имея в виду его крепость. Хотя сталь и крепка, но со временем она ржавеет и становится ломкой. Только золото, цзинь, никогда не меняется и не ржавеет». Поэтому Агунда назвал свое государство Цзинь — Золотое.

В последующие годы чжурчжэни в войнах с киданями, империя которых доживала последние дни, выступали вместе с китайцами. Но когда общий враг был разгромлен, обнаружилось, что чжурчжэни настолько усилились, что угрожают уже самому Китаю.

Война с Сунской династией вначале принесла чжурчжэням крупные успехи. Сунский Китай, закосневший под властью корыстных чиновников, управляемый измельчавшими, бездарными императорами и придворными кликами, не осознававшими разрыва между имперским величием, в духе

которого они воспитывались, и тяжелой реальностью мира, где над северными границами империи нависли сильные молодые государства, не смог оказать сопротивления чжурчжэньским всадникам. Чжурчжэни же включили в свои ряды многие маньчжурские племена, покорили киданей, установили власть над восточной частью Великой степи, и их ресурсы многократно возросли. Сказочные богатства китайских городов были приманкой для степняков.

Китайские армии сопротивлялись вяло, чжурчжэням сдавались города, и наконец в 1126 году пала столица Сунов — Бяньцзин. Чжурчжэням досталась уникальная добыча: в плен попали сразу два китайских императора — император-отец, отрекшийся от престола в пользу сына, и император-сын.

Пленников привезли на север, где им были выделены небольшие владения. Императоры прожили в плену много лет. Неоднократно послы из Южного Китая старались выкупить или иным способом освободить повелителей Вселенной, даже привлекали в качестве посредника царя Корё. Но чжурчжэни пленников так и не отпустили. А в 1161 году тиран Дигунай их казнил.

Следующие десятилетия прошли под знаком частых войн между империей Цзинь, овладевшей северной частью Китая, и Сунами, которые держались южнее реки Янцзы. Ни одна из сторон не могла нанести другой решающего поражения. Как только чжурчжэньские войска углублялись далеко на юг и отрывались от своих баз, сунские полководцы громили их и заставляли отступить. Попытки же Сунов отвоевать Северный Китай также не приводили к успеху. За эти годы империя Цзинь в значительной степени окитаилась. Чжурчжэни, владевшие теперь громадной страной, переняли у китайцев методы управления, чиновничьи порядки и даже образ жизни. Попытки же чжурчжэньских императоров возродить древние обычаи, язык и нравы доброго, старого времени провалились. Чжурчжэни в империи Цзинь составляли меньшинство населения и постепенно все более растворялись в китайской среде. К концу XII века можно уже говорить о существовании двух Китаев: Северного — империи Цзинь и Южного — империи южных Сун.

Последняя попытка нарушить это равновесие и объединить весь Китай связана с именем деспота Дигуная.

Цзиньский император Си-цзун был сторонником китайского образа жизни, полагая, что только так чжурчжэни смогут удержать власть в империи. Система управления была перестроена по китайскому образцу, был создан свод законов, также основанный на китайских установлениях. Своей задачей

Си-цзун считал стабилизацию положения в страпе. Походы на юг, как бесперспективные, он прекратил. В 1143 году случилось несчастье: погиб его любимый сын и наследник. Император запил. Редко его видели трезвым, а уж о том, чтобы выйти из дворца, он и не помышлял. Пьяному императору всюду чудились заговоры и интриги.

Самым близким императору человеком был его двоюродный брат Дигунай. Он не только оказался славным собутыльником, но и всегда мог сообщить о новом заговоре, о новом гнезде китайских шпионов, окопавшихся при дворе. Все чиновники и военачальники оказывались куда менее бдительными, чем Дигунай. Они могли проморгать заговор, который созрел во дворце, особенно если во главе его стояли старые сподвижники или родственники императора. Лишь бдительный Дигунай открывал глаза Си-цзуну. Распив очередную порцию рисовой водки, он вынимал из рукава своего халата свиток с именами заговорщиков, и благодарный император, обливаясь пьяными слезами, спешил подписать указ о новых казнях и ссылках.

Дигуная, зная его влияние на Си-цзуна, боялись все. Но попытки его устранить или убить проваливались. Император охранял своего любимца даже больше, чем самого себя. Если что-нибудь случится с Дигунаем, как узнаешь, кто тебе друг, а кто — враг?

Тем временем, уничтожая соперников на пути к власти, Дигунай расчищал себе дорогу к императорскому трону. Нужный день наступил в 1149 году. Дигунай хладнокровно убил императора и занял престол. Соперников не было. Кто оставался в живых — затаились.

Правда, убийство императора прошло не столь гладко, как того хотелось Дигунаю. Возмущение охватило рядовых воинов, армия отказывалась подчиниться Дигунаю. Шокированы были и соседние страны, некоторые даже отзывали своих послов из столицы империи Цзинь.

Но Дигунай уже не мог остановиться. Он развязал такие процессы и казни, что предыдущие репрессии показались детскими шутками. Он перебил всех родственников императора (разумеется, своих тоже), а также уничтожил глав всех чжурчжэньских родов. Не пожалел он даже собственную мачеху. Все имущество репрессированных шло в казну, все родичи отправлялись в рабство, все родственницы, кроме старух, передавались в гарем императора.

Но чем больше свирепствовал Дигунай, тем больше он боялся мести, тем более становился похожим на своего предшественника. Он столько раз в своей жизни придумывал

фигурные заговоры, что сам уже начал верить в то, что они кипят вокруг него. Каждый дом в столице, каждый темный угол казался ему источником опасности. Если он смог так легко убрать императора — неужели не найдется желающего сделать то же самое и с ним? И потому он совершил два логичных в его положении шага. Вначале он казнил всех тех князей, которые помогли ему разделаться с императором. А затем обвинил в заговоре против себя всю столицу империи.

Столица была жестоко наказана. Все ее дома и дворцы были снесены, а земля распахана. В 1157 году Дигунай перенес столицу в Чиньцзин (Пекин). Пекин стоял в китайских землях — до собственных, чжурчжэньских, родовых, было далеко. Дигунай чувствовал себя спокойнее среди китайцев, чем среди единоплеменников.

При этом Дигунай занимался кипучей административной деятельностью. Он преобразовал чиновничью систему, убрал с высоких постов большинство чжурчжэней и заменил их китайцами. Чтобы показать свою власть не только над живыми, но и над казненными, он понизил в ранге всех репрессированных вельмож. На могилах тех, кто был казнен, всенародно зачитывались указы о разжаловании.

Террор Дигунай и тех палачей и доносчиков, которые вились вокруг него, спокойствия стране не подарил. Все, кто мог, бежали от безжалостной руки императора и скрылись либо в лесах северных провинций, искони населенных чжурчжэнями, либо в соседних странах. Сборщики налогов свирепствовали в городах и деревнях, силой отбирая последнее и карая непокорных.

Дигунай знал о всеобщем недовольстве и искал способ покончить с ним. Он решил, что лучшим выходом будет победоносная война, которая должна продемонстрировать всему миру, что Дигунай — истинный повелитель Вселенной.

И пока придворные поэты сочиняли оды о его величии и мудрости, а дипломаты твердили о его миролюбии, Дигунай готовил грандиозную войну.

Он действовал с размахом настоящего тирана. У крестьян были конфискованы все лошади и быки. Неисчислимые табуны стягивались к ставке императора — формировалась конная армия. Быков закалывали тысячами, чтобы из их жил делать тетивы для луков, а шкурами обтягивать щиты.

Деревни и города опустели. Все жители империи мужского пола от двадцати пяти до пятидесяти лет были мобилизованы. В 1158 году перестал даже функционировать Великий шелковый путь: если караван достигал границ империи Цзинь, все его товары, коней и верблюдов реквизируют, а купцов казнили

либо забирали в армию.

Пожалуй, в истории человечества еще не было столь грандиозных приготовлений.

Реакция на них была естественной: повсюду начались восстания. Истребляли сборщиков налогов и начальников рекрутских команд, отбивали скот и лошадей. Поэтому в течение тех двух лет, которые заняла подготовка к походу, император значительную часть своей армии использовал для подавления мятежей. У тех, кто не хотел идти в армию, было два выхода — либо бежать в леса, либо погибнуть от руки палача.

Уходили из-под власти империи целые народы. Например, кидани, чтобы не участвовать в походе, откочевали к монголам и в государство тангутов Си Ся.

Поход должен был стать неожиданностью для сунского Китая. Поэтому была закрыта граница с государством Сунов и запрещено торговать в пограничных городах. Заградительные отряды следили за тем, чтобы даже мышь не пересекла границу. Когда же сунский посол отправился с обычной ежегодной поездкой на юг, то по возвращении его в Пекин Дигунай приказал посла казнить — за разглашение государственной тайны. Повелел он казнить и всех китайских пленников, включая обоих императоров. Разумеется, на юге отлично знали о приготовлениях Дигуная, и у китайцев было время собрать армию.

К 1161 году приготовления к походу были закончены. Теперь следовало отыскать предлог для начала победоносной войны. Агрессоры малоизобретательны. Дигунай также не отличался оригинальностью. Он обвинил империю Сун в укрытии бежавших от цзиньского правосудия политических преступников, а также в «злонамеренном укреплении границы».

В 1161 году шестисоттысячная армия перешла границу и медленно двинулась к югу.

Все достоинства этой армии заключались лишь в ее многочисленности. Она держалась на страхе солдат и офицеров перед палачами и доносчиками. Воевать никто не хотел, и при первой возможности солдаты разбежались. Неудивительно, что этот чудовищный поход с самого начала был отягощен неудачами.

Дигунай не доверял никому из своих генералов и вмешивался во все их действия. Притом генералов периодически выборочно арестовывали и казнили, что не повышало качества командования.

Первым погиб цзиньский флот, который должен был поддерживать армию. Дигунай счел это досадной мелочью, так как, по его убеждению, созданная им армия была столь велика,

что любые потери были ей не страшны. Он приказал войскам переправиться через Янцзы, не обеспечив их достаточными средствами для пересечения километровой водной преграды. Сунский флот, подтянутый туда, истреблял солдат, сгрудившихся на лодках и плотях, как муравьев. Операция сорвалась. Армия застряла на левом берегу реки.

Дигунаем овладел гнев. Он твердо верил, что причинами провала были бездарность его полководцев и, разумеется, деятельность сунских шпионов. Начались новые казни. Армия стояла, разлагаясь и все более поддаваясь унынию.

И тут случилось то, что должно было случиться.

Один из генералов, оставленных на севере, провозгласил императором двоюродного брата Дигуная, Улу, чудом уцелевшего при репрессиях. Дигунай совершил ошибку, свойственную тиранам. Он переоценил свои силы и мощь армии, с которой покинул страну. И недооценил глубину всеобщей ненависти к себе.

После того как известие о перевороте распространилось в армии, стало ясно, что новая попытка переправиться через Янцзы бессмысленна. Армия разбегалась. Даже палачи и лизоблюды, даже придворные поэты и куртизанки по ночам покидали лагерь и прятались в окрестностях.

Дигунай всего этого не видел. Он был охвачен одним желанием — вернуться назад и показать заговорщикам, с кем они имеют дело.

Армии было приказано двигаться на север.

Тая, как снежный ком весной, армия ползла несколько дней, преследуемая сунскими отрядами. И на одной из дней в шатер императора вошли воспитанные им же беспринципные и трусливые фавориты — послушные еще вчера исполнители приговоров и изобретатели фиктивных заговоров. Они накинулись на императора и закололи его. И никто не пришел к нему на помощь. Труп императора выкинули в реку. Величайший поход завершился.

Прошли века, о Дигунае немало написано историками. Как любой крупный тиран, он интересует ученых и писателей. И что любопытно: существуют статьи, в которых говорится, что Дигунай был личностью прогрессивной, потому что уничтожал родовую знать и вельмож. Авторы этих статей забывают о том, что он уничтожал всех, виновных и безвинных, лишь с одной целью — удержаться на троне. И если ради этого нужно было уничтожить целые народы — он ни секунды не колебался.

Преемник Дигуная — Улу, принявший императорское имя Ши-цзун, старался наладить жизнь государства.

Ши-цзун вернул столицу на север, ближе к чжурчжэньским землям. Он отдал под суд палачей, лизоблюдов и доносчиков, воспитанных Дигунаем, не сделав исключения даже для тех, кто убил императора. Всех казненных и брошенных в тюрьмы при Дигунае реабилитировали, их семьям было возвращено имущество. А для того чтобы восстановить разрушенное хозяйство страны, он на три года отменил налоги.

Что касается южных Сун, то они, полагая, что наступил удобный момент, двинули свои армии на север. Их войска одержали несколько побед и далеко продвинулись в глубь цзиньской территории, но в 1163 году потерпели поражение, и в следующем году между двумя империями был заключен мир. Этот мир сохранялся сорок лет.

Ши-цзун немало сделал для укрепления государства, привлекая достижения китайской цивилизации, но и сохраняя чжурчжэньские обычаи и законы.

При нем возрождается Великий шелковый путь, и в китайских городах снова слышна арабская, персидская, даже итальянская речь — растут и богатеют торговые кварталы.

Ши-цзун умер в 1189 году, и его преемники продолжали политику мира с Сунами и корейцами и старались сохранять власть над Степью.

Но это им удавалось лишь до тех пор, пока в Степи не появилась новая сила, стремившаяся к завоеваниям.

Этой силой были монголы.

Грандиозный взлет татаро-монгольской империи связан с именем Чингисхана, владения которого, вернее, владения его сыновей по площади превышали любую другую державу, существовавшую в мировой истории. Имя Чингисхана стало синонимом вторжения с востока, которое затопило Великую степь, сокрушило Китайскую империю, Арабский халифат, Хорезм, Иран, Грузию, княжества Руси и заглохло в центре Европы.

Величайший завоеватель Чингисхан был современником и даже почти ровесником князя Игоря, грузинской царицы Тамары, Ричарда Львиное Сердце и многих других действующих лиц этой книги, но он позже них пришел к власти и во времена, когда человеческий век был вдвое короче, чем сегодня, многих пережил.

Истинный взлет Чингисхана, когда имя его стало известно за пределами Степи и армии его пошли на штурм городов, падает уже на начало XIII века, когда он был немолодым человеком. А до того он оставался одним из монгольских вождей, не самым сильным и часто гонимым. Иным королям и князьям, о которых говорится в этой книге, с рождения было предопределено властвовать. Жизнь Чингисхана много раз грозила оборваться — куда логичнее ему было погибнуть в неизвестности, уступив дорогу более знатным и счастливым.

И эта несчастливая жизнь выковала человека, который столько раз видел, как мало значат слова «честь», «благородство», «преданность» и «великодушие», что отверг эти человеческие качества как лишние, мешающие одолевать врагов. Он презрел

законы общества, которое было к нему столь жестоко, смог опереться на таких же, как он сам, изгоев. Он поклонялся только силе и, став самым сильным, не терпел соперников.

Чингисхан родился примерно в 1160 году, может, чуть позже: разными источниками дата рождения завоевателя мира указывается в промежутке между 1155 и 1162 годами.

Монголы занимали тогда примерно ту же территорию, что и сегодня, и делились на несколько племен. Во главе племен стояла аристократия — багатуры (богатыри) и нойоны (господа). Они правили кочевыми родами, члены которых делились на нокоров (или нукеров), то есть полноправных воинов, и рабов. Рабами были военнопленные и члены обедневших, обессилевших родов. А так как общество это было слабо развито и слабо дифференцировано, то рабство было условным и порой раб мало чем отличался от свободного бедняка. Рабы обычно были домашней прислугой, пастухами.

Принадлежность к роду была выше всего. Род владел пастбищами, род брал на себя кровную месть, род защищал и карал. Общего, единого государства у монголов не было, да и не было в нем исторической нужды: степь велика, пастбища обильны, степные соседи чаще всего так же разъединены, как и монголы. Разумеется, случались войны — то с татарами, то с киданями, то с чжурчжэнями и китайцами. Тогда монголы и другие степняки объединялись против общего врага, но союзы эти были чисто военными, они не вели к созданию стабильного государства.

XI и XII века были благоприятными для монголов. Под воздействием громадного климатического маятника, который определяет изменения в атмосфере Земли, сухие периоды на западе Евразийского континента соответствуют периодам увлажнения восточных областей. То, что было благом для Европы и Руси — сухой теплый климат, продержавшийся до начала XIII века, было благом и для монголов: дожди кормили степь. Правда, благо это было относительно — всеобщего блага не бывает. Степь наступала на русские леса, и к русским городам приближались кочевья половцев: иссушение степей на юге, у Каспийского моря, заставляло степняков искать новые пастбища севернее.

Длительный период влажных лет в восточной степи привел к тому, что умножились стада, а следовательно, можно было прокормить больше едоков. Больше рождалось детей и больше вырастало. Население степи сильно увеличилось. Произошел своего рода демографический взрыв, а приложить руки избыточного населения было не к чему — кочевое хозяйство в этом отношении очень ограничено. Да и степь, хоть и широка,

не беспредельна. И как только климат стал постепенно изменяться, дождей стало меньше, трава — реже, оказалось, что в степи множество лишних людей.

Эти лишние люди были всегда — в каждом роду появлялись отщепенцы, бунтари, которые по той или иной причине переставали подчиняться строгим и незыблемым древним законам. Такие люди отделялись от кочевья, ставили свои курени, становились как бы хуторянами. Но, отказавшись от контроля родовой верхушки, эти люди лишались и защиты рода — жизнь их была полна опасностей. Некоторые уходили в леса Северной Монголии, занимались там охотой и рыбной ловлей, а то и разбоем. Часть их пыталась вести свое хозяйство, другие сбивались в ватаги — так легче было прожить и найти добычу. Их было немало в обильной степи, но, когда климат начал ухудшаться, жизнь усложнилась в первую очередь именно для этих изгоев.

Отец Чингисхана Есугэй-багатур командовал воинами племени тайджиутов. В те годы на власть над монгольскими степями претендовали чжурчжэни и татары — кочевые соседи монголов.

Есугэй искал союзников, и ему удалось привлечь на свою сторону кераитского хана Торгула. Но тут же он рассорился с другим крупным степным племенем — меркитами.

Случилось это так.

Знатный меркитский воин Эке-Чиледу женился на красавице Оэлун. Свадьбу сыграли у родителей невесты, и Эке-Чиледу, посадив молодую жену в возок, отправился домой. По дороге ему встретился Есугэй. То ли он заглянул в возок, то ли Оэлун раздвинула полог и выглянула наружу — красота ее поразила Есугэя. Он понял, что без этой женщины ему не жить.

И когда Есугэй, не попрощавшись, стегнул коня и помчался прочь, молодые люди встревожились. И поспешили дальше, утешая себя мыслью, что Есугэй больше не вернется.

Есугэй же прискакал в становище к своим братьям и позвал их с собой.

Судя по летописи, Эке-Чиледу путешествовал один. Один был и Есугэй. Есугэй не посмел напасть на молодого мужа, когда силы их были равны. Как настоящий полководец, он предпочитал действовать при перевесе сил.

Описание этого события свидетельствует о том, что по степи монголы передвигались поодиночке: законы степи охраняли путников. И даже военный вождь в мирное время за помощью скакал к братьям — постоянной дружины у него не было.

Через несколько часов Оэлун остановила возок и прыгнула

на траву.

— Я слышу стук копыт, — сказала она мужу. — Это он.

В вечерней степи звуки разносятся далеко.

— Я буду биться, — сказал Эке-Чиледу.

— Нет, — ответила Оэлун. — Они тебя убьют. А девушек в степи много. Ты найдешь новую жену и назовешь ее моим именем. И будешь думать, что я всегда с тобой.

И тут из-за увала появились всадники — Есугэй с братьями.

Братья достигли возка, когда Эке-Чиледу скрылся за холмом. Есугэй не стал его преследовать.

Через день Оэлун уже была в стойбище Есугэй-багатура.

Поднять свое племя против похитителя Эке-Чиледу не смог: Есугэй как раз начал собирать войска для войны с татарами. Но месть обиженного — это месть всего племени; отныне у Есугэя в степи были страшные и непримиримые враги.

Первенец Есугэя родился, когда тот вернулся из похода на татар, захватив в плен знаменитого татарского богатыря Тэмучжина. И потому мальчика назвали в его честь. Всех поразило то, что, когда Тэмучжин родился, в кулачке он сжимал сгусток крови. Все поняли это однозначно: он станет жестоким и кровожадным.

После этого Оэлун с Есугэем прожили девять лет. Жена родила ему еще четырех сыновей и дочь. В день, когда Есугэй решил найти для Тэмучжина жену из другого племени, его дочери Темулуй не исполнилось и года.

Есугэй взял с собой сына и поехал искать невесту. По преданию, он встретил в степи нойона из племени хонкеритов, который, внимательно посмотрев на Тэмучжина, сказал, что из него вырастет славный вождь, а потому он согласен отдать за него свою дочь Бортэ, которой исполнилось десять лет. Есугэю девочка так понравилась, что он оставил сына в стойбище хонкеритов, чтобы тот познакомился поближе с будущей женой. А уезжая, сказал нойону:

— Мой сынок страсть как боится собак. Имей это в виду.

Фраза в устах отца более чем странная. И то, что она попала в «Сокровенное сказание», монгольский средневековый труд, описывающий жизнь Чингисхана, также необычно. Будущий герой должен быть безупречен. А он, оказывается, трусоват.

Довольный помолвкой, Есугэй отправился домой. И снова он ехал один. Или с такой малой охраной, что о ней летописец не упоминает. Дело было летом, стояла жара, Есугэю захотелось пить. Увидев становище татар, он спешил и попросил напиться. Хотя татары и были недругами, немало натерпевшимися от походов Есугэя, закон степного гостеприимства требовал, чтобы

путника угостили. Татары так и сделали, но ненависть их к Есугэю была столь велика, что питье они отравили.

Подъезжая к дому, Есугэй почувствовал себя плохо. К вечеру он понял, что отравлен. Его отпаивали молоком и настоем трав, но на следующий день стало ясно, что жить ему осталось недолго. Есугэй приказал верному дружиннику скакать к хонкеритам, привезти Тэмучжина, который остается старшим в семье. Но Тэмучжин опоздал. Когда он приехал в стойбище, отец уже умер.

И тут же рухнул благополучный мир, в котором рос Тэмучжин.

Тайджиуты вскоре поднялись и ушли, бросив семью Есугэя. Притом угнали скот, лошадей, увезли добро. Когда Оэлун бросилась к вождям племени с обидой, что ее не зовут с собой, она получила такой ответ:

«Хоть бы и позвали, не стоит давать.

Ешь что найдется.

Хоть бы и просила, так не стоит давать,

Ешь что придется».

А когда вслед за уходящими кинулся старый дружинник Есугэя, чтобы пристыдить соплеменников, те ранили его и лишь посмеялись над горестями вдовы.

Так в тридцать лет Оэлун осталась одна, ограбленная, никому не нужная. Патетически рассказывает о ее судьбе «Сокровенное сказание», автор которого, очевидно, знал семью Есугэя: «...коротко платье поясом подбирала, бегала по реке Онон вниз и вверх, по зернышку собирала, с диких яблонь, с черемухи, копала коренья... Те, которых диким чесноком кормила прекрасная Оэлун, стали отважными сынами и дали друг другу слово прокормить мать... Стали сиживать на крутом берегу, друг для друга ладить удочки...»

Жило семейство Оэлун не в степи, а на границе леса, который в те влажные века занимал куда большую площадь, чем теперь, и мальчики росли как лесные жители. С юных лет они пропадали в лесу, охотились, соорудив себе луки. Голодные, злые, сильные волчата.

Берега реки Онон, где стояла юрта Оэлун, не были пустынно. По соседству кочевали другие роды, даже близкие родственники. Но никому не было дела до бедной вдовы.

Года через два Тэмучжин обзавелся другом: зимой неподалеку стояло племя джаджиратов, и Джамуха, сын вождя, часто играл с Тэмучжином на льду замерзшей реки. Они менялись подарками и потом, как взрослые, поклялись в вечной

дружбе. Детская дружба вспыхивает и забывается. Этой суждено было возродиться через несколько лет и сыграть немалую роль в истории Монголии.

От отца Тэмучжин унаследовал полезное для полководца, но в общении с людьми неприятное качество — он предпочитал действовать наверняка. И, только зная, что сильнее, шел до конца.

Как-то Тэмучжин и его брат Хасар удили рыбу и поймали на удочку тайменя. А сводные братья рыбу отобрали. Тэмучжин бросился к матери, требуя, чтобы она вступилась и наказала Бектера и Бельгутаю. Мудрая Оэлун была против этого. Ее поучение звучит в стихотворной передаче летописца так:

«У вас, мои дети... нет друзей, кроме своих теней,
Нет хлыста, кроме коровьего хвоста».

Тэмучжин распалился. Он кричал, что Бектер с Бельгутаем не первый раз обижают их, а недавно отняли жаворонка.

Оэлун выгнала мальчишек на улицу и через несколько минут забыла обо всем: дети всегда ссорятся.

Через некоторое время в юрту вернулся один Хасар, младший, всегда послушный Тэмучжину брат. Он взял луки и стрелы — сказал, что они пойдут в лес на охоту.

А пошли они на поле, за стойбище, где Бектер пас лошадей.

Тэмучжин зашел сзади. Хасар — спереди.

Бектер испугался. Он сел на корточки, закрыл голову руками и стал просить, чтобы его пощадили.

Тэмучжин выстрелил первым, в спину Бектеру.

И крикнул Хасару:

— Стреляй же! Он еще живой!

И Хасар тоже отпустил тетиву.

Бектер упал.

Мальчики стояли над его телом. Они не знали, что делать дальше.

Потом Хасар заплакал.

По холму бежали люди. Впереди всех — Оэлун.

— Вы дикие псы! Вы волки! — кричала она на своих сыновей. — Вы словно щука, хватящая исподтишка!

Преступление было страшным. Добро бы случайно, играя, — нет, это было преднамеренное жестокое убийство, совершенное тринадцатилетним мальчиком.

Неясно, решил ли вождь тайджиутов наказать Тэмучжина именно за это. «Сокровенное сказание» не приводит дат. Но если Тэмучжин вскоре после этого не совершил нового проступка, то

можно допустить, что племя решило навести порядок в семье своего бывшего вождя. Однажды к становищу подскакали нукеры и потребовали выдать им Тэмучжина. Тэмучжин убежал в лес. Хасар, характером не в брата, стал отстреливаться. У него отняли лук, но оставили в покое.

А Тэмучжин скрывался в лесу девять дней. И, только совсем изголодавшись и замерзнув. — наступала осень, он вышел из леса и сдался нукерам, которые спокойно ждали у становища, зная, что мальчик вернется домой.

Тэмучжина связали и отвезли в ставку тайджиутов.

Там его заковали в колодки, как мелкого преступника.

Его кормили по очереди в бедных юртах, у батраков и рабов, там же он и ночевал. Однажды он провел ночь у батрака Сорган-Ширы. Сыновья батрака прониклись к мальчику жалостью. Когда он уходил утром, сыновья батрака ослабили ему колодку.

На следующий день другой батрак, человек слабосильный, должен был привести Тэмучжина на праздник, который отмечало племя. Тэмучжин понял, что наступил выгодный момент: шел пир, и тайджиуты перепились. Тэмучжин свалил батрака с ног и бросился к реке, где скрылся в тростниках.

Его быстро хватились. Знали, что далеко не уйдет.

Стояла жара. Тэмучжин снял колодку и пустил ее по течению, а сам затаился в зарослях. Он был терпелив.

На счастье, первым на него наткнулся Сорган-Шира. Он велел Тэмучжину потерпеть еще, а сам крикнул, что в тростниках никого нет.

Когда стемнело, батрак отвел дрожащего Тэмучжина к себе в юрту, накормил его, но велел тут же уходить. За мальчика вступились сыновья Сорган-Ширы. Они уговорили отца подождать до рассвета и дать беглецу лошадь, иначе его догонят.

А пока его спрятали в повозку с шерстью, что стояла за юртой.

И вовремя: в юрту Сорган-Ширы пришли с обыском. Хотели разворошить повозку, но батрак сказал, разведя руками:

— Кто в такую жару там усидит? А мне потом шерсть снова укладывать.

Нукеры послушались. Ушли.

На рассвете Сорган-Шира вывел коня и показал Тэмучжину дорогу домой.

Вернувшись, Тэмучжин уговорил Хасара уйти с ним в лес. Там они скрывались несколько недель.

Потом эта история забылась. Тэмучжина простили.

Прошло три года. Тэмучжину исполнилось шестнадцать лет.

Жили они в кочевье племени, к которому принадлежала Оэлун. Жизнь была хоть и небогатой, но самые трудные годы были уже позади.

Тэмучжин всегда помнил, что у него есть невеста. Хоть и видел он ее всего несколько дней, очень давно.

И вот Тэмучжин отправляется к отцу Бортэ и просит его выполнить обещание — отдать дочь.

Тот оказался человеком слова.

Тэмучжин получил не только Бортэ, но и приданое. Мать невесты подарила ему шубу из черных соболей.

И здесь Тэмучжин впервые проявляет себя дальновидным политиком. Вместо того чтобы бережно хранить шубу, которая стоит дороже, чем все добро его семьи, он отправляется с шубой к хану кераитов, одному из самых могущественных хозяев Степи, бывшему союзнику его отца.

Разумеется, шуба была лишь символом. Можно допустить, что у кераитского хана таких шуб было немало. Но приезжает к нему не бедный волчонок, не отщепенец. Приезжает будущий князь, наследник славы своего отца. И хан Торгул, приняв шубу и посадив юношу как равного, рядом с собой, объявляет этим всей Степи, что верен старой дружбе.

Может быть, этот жест хана объясняется еще и тем, что он сам в юности пережил то же, что и Тэмучжин. Когда Торгулу было семь лет, он попал в плен к меркитам, был рабом, и лишь через шесть лет его отец смог освободить сына. А еще через шесть лет Торгул снова попал в плен, на этот раз к татарам. И снова был рабом, пас верблюдов. На этот раз Торгул так и не дождался помощи — сам убежал. Но Торгул не простил своих детских несчастий родичам — своим дядям. Это они входили в сговор с врагами, они, держа в руках слабовольного отца Торгула, отказывались платить выкуп за мальчика. Они хотели, чтобы тот погиб в неволе и не унаследовал ханского трона.

Торгул смог захватить власть только потому, что в 1171 году ему помог Есугэй-багатур. И тогда он казнил побежденных родичей.

Прошло два года, внешне мало что изменилось: небогатая монгольская семья живет в стойбище чужого племени. Но у Тэмучжина, судя по летописи, начинают появляться первые воины — нищие, как и он, отщепенцы, изгои, почуявшие в нем вождя, который умеет и любит повелевать.

Правда, воинов у Тэмучжина немного, да и вряд ли они живут вместе с ним. Ибо, когда меркиты наконец решили, что наступил момент, когда они могут отомстить за оскорбление, нанесенное

им Есугэем, рядом с Тэмучжином никого, кроме его братьев, не оказалось.

Однажды на рассвете, когда, как сообщает «Сокровенное сказание», «лишь начал желтеть воздух», старая рабыня, вышедшая набрать воды, услышала отдаленный топот множества копыт. Так быстро, да еще в такое время гости не скачут. Она вбежала в юрту и разбудила хозяев.

Началась суматоха. Седлали коней, запрягали возки.

Влезший на дерево остроглазый младший брат Тэмучжина закричал, что это меркиты.

И тут Тэмучжина охватила паника. Он крикнул братьям, чтобы скакали за ним, бросив все — женщин, детей, добро.

Летописец не жалеет Тэмучжина: он говорит, что тот взял с собой заводную лошадь, хотя мог бы посадить на нее Бортэ.

Братья ускакали.

Старая рабыня, решив спасти Бортэ, посадила ее в возок, запряженный коровой, завалила шерстью и погнала корову прочь от стойбища. Навстречу меркитам. Это был хитрый шаг; меркиты, встретив возок у стойбища, пропустили его: кто же будет убегать им навстречу?

И, может, все бы обошлось, но, когда меркиты, захватив женщин и детей, забрав все добро, ехали обратно, они заметили возок, который старуха спрятала в стороне от дороги. И решили на всякий случай его обыскать. Так Бортэ тоже попала в плен.

Следующей ночью Тэмучжин, скрывавшийся в лесу, послал одного из братьев в становище и узнал, что случилось.

Тогда он отправился к керайтскому хану Торгулу, надеясь, что хан помнит о подарке.

Хан помнил. И помнил зло, причиненное меркитами ему самому. Но так как его войско в то время воевало с татарами, он посоветовал Тэмучжину поехать к Джамухе, который уже вырос и стал вождем своего племени. Может, тот не забыл детской дружбы?

Измощенный, почерневший от гнева и ненависти, юноша вошел в богатую белую юрту Джамухи. Джамуха знал о его горе. И не забыл детской дружбы. И согласился собрать войско.

Переговоры и сборы в поход заняли несколько месяцев, и все это время Бортэ жила в юрте простого меркитского воина Чельгир-Бого как рабыня и наложница. Но об этом Тэмучжин узнает лишь позже.

Наконец отряды Джамухи и Торгула обрушились на кочевья меркитов. В ночном бою меркиты были разбиты наголову. Да и как они могли ожидать, что безвестный волчонок сможет поднять против них вождей Степи?

Тэмучжин первым ворвался в становище меркитов.

Черными тенями метались люди. Воздух гудел от воя и криков.

— Бортэ! — кричал Тэмучжин. — Я здесь! Бортэ!

Из сонма черных теней протянулась к седлу Тэмучжина тонкая рука: Бортэ прижалась к крупу коня.

Тэмучжин подхватил жену и посадил ее перед собой.

Всех пленных согнали в поле. Тэмучжин велел выйти вперед всем тем, кто участвовал в набеге на его дом. Их оказалось около трехсот человек.

Их отвели в сторону.

И затем зарубили без пощады.

Чельгир-Боко, у которого жила Бортэ, скрылся в лесу. Автор «Сокровенного сказания» приводит плач этого незадачливого воина:

— Черной вороне кормиться корой, а она вздумала пощупать гусей! Ханшу посмел взять к себе в дом — надо бежать!

Вряд ли судьба этого воина интересовала кого-то, кроме Тэмучжина. Проскочил по горизонту почти невидной звездочкой и сгинул. Но вопли раскаявшегося меркита нужны были летописцу, чтобы в такой завуалированной форме намекнуть тем, кто поймет, что первенец Тэмучжина, Джучи, родившийся через несколько месяцев после спасения Бортэ, наполовину меркит.

Впрочем, Тэмучжин его никогда не будет любить.

Хотя жену свою любил всегда.

Добро меркитов досталось в основном Торгулу, который был главным в триумvirате. На долю Тэмучжина выпала слава.

И хотя командующим считался хан Торгул, а боем руководил Джамуха, для всех победителем меркитов стал Тэмучжин. Не будь его силы убеждения, хитрости и упорства, поход никогда бы не состоялся.

Тэмучжин был умен. Он сделал еще один очень верный тактический ход.

Одно дело — побратимство мальчишек. О нем можно рассказывать, и никто его всерьез не примет. Но теперь, когда старая дружба с Джамухой скреплена общей победой, можно напомнить об этом всей Степи. Поэтому Тэмучжин предложил Джамухе повторить обряд побратимства, только на этот раз на глазах у всего войска.

Джамуха, рыцарь, разумеется, тут же согласился. И молодые люди скрепили кровью свой братский союз. Враги Тэмучжина должны были намотать себе на ус, что любое нападение на Тэмучжина — это нападение на Джамуху, основного претендента

на верховную власть над монголами.

Полтора года после этого Тэмучжин с женой и родственниками прожил в ставке у Джамухи. Это тоже было рассчитанным ходом. Во-первых, здесь Тэмучжин чувствовал себя в полной безопасности. Во-вторых, он оказался в центре степной политики. Более того, за это время Тэмучжин каким-то образом утверждает свою власть над частью тайджитов — своего родного племени. По крайней мере в разговоре с Джамухой, приведенном в «Сокровенном сказании», сообщается об улусах Тэмучжина. Эти полтора года — период бешеной, но скрытой от посторонних активности Темучжина, проникшегося честолюбием и решившего стать настоящим наследником своего отца.

А внешне все выглядело очень скромно. Побратим хана Джамухи живет в простой юрте, ездит со своим покровителем на охоту, участвует в набегах, командует небольшой дружиной из нукеров, отколовшихся от своих родов.

Если кто и понимал, куда ведут подспудные события, то только сам Тэмучжин. Джамуха и Торгул пребывали в неведении о том, что происходит.

То, что происходило, объяснялось социальными причинами. Монгольское родовое общество распадалось, хотя власть по-прежнему находилась в руках родовой верхушки. Выражением этого распада стало появление многочисленных изгоев, «людей длинной воли», отколовшихся от своих племен и не желавших более подчиняться старым законам. С одной стороны, отщепенцы были многочисленны, с другой — разобщены и бесправны. Естественно, они стремились к объединению.

Отщепенцы нуждались в вожде, в организации, которая отрицала бы косные племенные законы.

Этим вождем не мог быть ни один из вождей племен, потому что все они подчинялись традициям и выражали интересы родовой верхушки.

Зато этим вождем мог стать отщепенец — Тэмучжин. Сам прошедший сквозь все мытарства изгойства, лишенный племени, ненавидевший родовую знать.

Может быть, гибели Тэмучжин от руки меркитов или в колодке у своих родичей, объединение отщепенцев и рождение новой Монголии произошло бы позже и в иной форме. Но оно обязательно произошло бы, потому что распад родового строя привел к революционной ситуации в Степи. И мы тогда узнали бы из учебников истории иное монгольское имя. Хотя суть дела от этого не изменилась бы.

Но пришел именно Тэмучжин, который был социально близок к отщепенцам и в то же время принадлежал к высокому роду

Есугэй-багатура.

Современники утверждали, что Чингисхан был неважным полководцем. Он был коварен и труслив — это тоже не секрет. Но его политический гений, его умение найти нужных союзников в нужный момент и предать их, если наступала в том нужда, умение отыскать тех людей, которые поведут его армии, и избавиться от них, если они станут непокорны, его талант направить все силы в единственно нужном направлении, а если необходимо, то затаиться и сделаться незаметным, — все это заранее давало ему преимущество перед прочими вождями Степи. Те могли колебаться и совершать поступки во имя чести, товарищества, ради правил и законов. Ничего этого для Чингисхана не существовало. Он мог отвернуться от любого человека, если это нужно было для его дела, владычества над миром.

Правда, тогда, в 1182 году, двадцатилетний Тэмучжин, конечно, и не думал о покорении мира. В глазах окружающих он был бедным отпрыском заглохшего рода. И Тэмучжин поддерживал в окружающих это мнение.

Главное, что удалось сделать Тэмучжину за полтора года, проведенных в качестве приживала в ставке Джамухи, — это наладить связи с отщепенцами, курени которых были разбросаны по всей монгольской степи. Гонцы Тэмучжина скакали по дальним увалам, забирались в леса севера и к границе с пустыней. От стойбища к стойбищу шли его приказы. Таясь, осторожничая, прикидываясь ничтожеством, Тэмучжин и в ставке Джамухи встречался с нужными людьми. И наступил день, рядовой для окружающих, но решающий для истории Монголии и всего мира. В тот день Тэмучжин понял: пора!

Сработала интуиция стратега. Как ни трусил Тэмучжин, как ни трепетал он перед необходимостью порвать со спокойной жизнью, пришло время сделать решительный шаг.

Его единственный друг, Бортэ, это можно понять между строк летописи, так же как и он, чувствовала: пора. И именно она нашла повод для незаметного переворота.

В тот день Джамуха произнес до сих пор не разгаданную историками фразу: «Покочует-ка возле гор — для наших табунщиков шалаш готов. Покочует-ка возле рек — для овчаров наших в глотку еда готова». После этого Бортэ сказала мужу, что дружбе с Джамухой конец.

Тэмучжин немедленно уехал от друга.

Фраза эта звучит совершенно безобидно, но, так как известно, что именно она расстроила дружбу побратимов, многие ученые пытались разгадать ее. Вряд ли можно сегодня отыскать в ней

смысл. Но важно, что эта фраза связана с другой, сказанной потом. Обращаясь к двум друзьям Тэмучжина, Джамуха обвинил их в разрыве между ним и Тэмучжином, сказав: «Зачем вы, Алтан и Хучар, разлучили нас с побратимом, вмешиваясь в наши дела?»

Кто такие были эти друзья Тэмучжина? Они фигурируют в списке тех, кто присоединился к Тэмучжину на следующий день после его разрыва с Джамухой.

К Тэмучжину пришли «одним куренем Хучар-беки, одним куренем Алтан-очигин». Оба — сыновья ханов, представители знати, но пришли они «одним куренем», то есть от своих племен откололись. Это «люди длинной воли». Они бывали в ставке Джамухи и были известны ему. Именно такие люди толкали Тэмучжина к разрыву. И Джамуха укоряет в этом разрыве не Тэмучжина, к которому продолжает испытывать дружеские чувства, а тех, кто разлучил его с ним.

Джамуха так и не увидел движущих пружин событий. Это его в конце концов и погубило.

Кто бы ни был инициатором разрыва побратимов, разрыв этот произошел тогда, когда это было выгодно Тэмучжину, и потому, что это было ему выгодно.

Исследователи давно уже обратили внимание на то, что к Тэмучжину шли только «люди длинной воли». Но как много их оказалось в степи! Уже через несколько недель в ставке Тэмучжина собралось тринадцать тысяч воинов. И именно эти люди тогда же, в 1182 году, избрали Тэмучжина, двадцатилетнего изгоя, своим ханом под именем Чингисхан. Известна присяга, которую принесли хану воины. Она резко отличается от присяг, которые давались раньше. В ней чувствуется уверенная рука автора: «Когда Тэмучжин станет ханом, мы, передовым отрядом преследуя врагов, будем доставлять ему прекрасных дев и жен, юрты и батраков и лучших лошадей. При облаве будем выделять ему половину добычи. Если мы нарушим в дни войны этот устав, разбросай наши черные головы по земле. Если в мирное время мы нарушим твой покой, отлучи нас от жен, детей и рабов, бросай нас на пустой земле».

На первом месте в клятве были не интересы племени или рода — все были равны в новой орде. Главное — безусловная дисциплина, признание права хана казнить за нарушение присяги во время войны. Новый союз был направлен на войну, на грабеж.

Можно предположить, что метаморфоза с другом ввергла Джамуху в растерянность. По крайней мере некоторое время об ничего не предпринимал. Чингисхана признали кераиты хана Торгула, который рассчитывал на военную помощь новой армии. Но ни одно другое монгольское племя не присоединилось к

Чингисхану. Для племенной аристократии он был выскочкой и разбойником. Почуввав угрозу, вожди племен стали искать полководца, которого могли бы противопоставить Чингисхану и его молодцам. Изгои были опасны и поодиночке, они стали смертельно опасны, когда объединились.

Противопоставить Чингисхану можно было лишь законного племенного вождя старой закалки, авторитетного среди воинов, настоящего полководца. И выбор вождей пал на Джамуху. Так историческая необходимость сделала побратимов главами противоборствующих группировок.

В ней кто-то должен был погибнуть — либо молодая армия Чингисхана, либо племенной строй монголов.

В ставку к Джамухе начали съезжаться отряды монгольских племен. По сведениям летописца, там собралось за короткое время более тридцати тысяч всадников. Как на большую войну.

Обе армии стояли неподалеку друг от друга. И в той и в другой были горячие головы, которые хотели поскорее решить спор оружием. Но ни Джамуха, ни Чингисхан не спешили. Первый — потому, что, как можно судить по последующим событиям, не был до конца убежден, что должен уничтожать старого друга, второй — потому, что чувствовал себя слабее.

Нужен был внешний толчок, который сделал бы конфликт неизбежным. И тут младший брат Джамухи с небольшим отрядом угнал табун Чингисовых лошадей. Его догнали в степи и убили.

Кто подговорил юношу на необдуманный поступок, мы не знаем, но можно предположить, что это сделали опытные политики.

Теперь Джамухе ничего не оставалось, как двинуть войска. Иначе бы он потерял лицо: кровь брата требовала отмщения.

Произошла битва.

Куда более сплоченные отряды племен после короткого боя опрокинули войско Чингисхана и погнали его к ущелью у реки Онон. Чингисхан проявил себя как никуда не годный полководец, и, если бы это была война не на жизнь, а на смерть, тут бы ему и пришел конец. Но Джамуха вел войну по старым племенным законам, для которых есть биологические аналогии. Если дерутся собаки, драка, какой свирепой она ни кажется, прекращается, когда одна из собак падает на спину. Тогда более сильная собака уходит.

Так случилось и здесь. Когда остатки отрядов Чингисхана оказались в ловушке, Джамуха добивать побратима не стал. Он казнил убийц брата и увел армию отдыхать.

Формально Джамуха победил. На самом же деле в тот день старая, племенная степь потерпела сокрушительное поражение. И

очень важно, что это почувствовали самые лучшие воины степи — уруды и мангуды. Отряды этих племен в полном составе отложились от Джамухи и перешли на сторону Чингисхана. Казалось бы, случай невероятный — уйти к проигравшему. Впоследствии уруды и мангуды стали самыми привилегированными полками армии Чингисхана.

Чингисхану нужна была победоносная война, пускай небольшая: он должен был реабилитировать себя за поражение. И поэтому, когда хан Торгул позвал Чингисхана на помощь против татар, которые в то время отступали под натиском властителей Северного Китая — чжурчжэней, Чингисхан с радостью согласился.

Кераиты и отряды Чингисхана настигли отступавших татар, перебили множество воинов, убили вождя, захватили громадный татарский обоз.

Эта победа принесла пользу Торгулу, который получил от чжурчжэней титул Вана, то есть царя, и стал именоваться Ванханом, и Чингисхану, который смог оделить воинов добычей и укрепить свой авторитет.

В степи наступило динамическое равновесие. Чингисхан не мог еще победить союз племен и захватить власть в Монголии. Одних отщепенцев для этой цели было мало. Опираясь на армию, он должен был посулами, хитростью или силой перетягивать на свою сторону племена, поддерживая в них центробежные тенденции, откалывая от них курени, — все это требовало политических интриг, терпения и дальновидности. Тэмучжин стал ханом в 1182 году, но в действительности ему удастся покорить собственную страну лишь через много лет. В 1206 году состоится общемонгольский курултай, который провозгласит Чингисхана верховным владыкой всех монголов. До этого будет война с племенами, которые в 1201 году объявят верховным ханом Джамуху и потребуют, чтобы он уничтожил слишком усилившегося Чингисхана. В последующие годы будет немало битв, побед, поражений, предательств и недолговечных союзов. В конце концов Чингисхан расправится с Ванханом, который к тому времени из союзника превратится во врага, потому что поймет, насколько страшен Чингисхан, и с Джамухой, которого, схваченного собственными воинами, безжалостно казнит. А потом казнит и этих воинов, ибо они подняли руку на господина.

Лишь после этого армии Чингисхана двинутся за пределы Монголии, на завоевание вселенной.

Но эти события лежат за пределами нашего повествования.

Великий шелковый путь пролегал южнее монгольских степей, к верховьям реки Хуанхэ, по южной границе пустыни Гоби, к оазисам, населенным уйгурами, и далее к Средней Азии и Ирану.

В начале XIII века контроль над пустынным отрезком этого пути перешел к монголам. Но кто господствовал там до монголов, вплоть до недавнего времени оставалось не то чтобы неизвестным, но, скажем, не до конца установленным. Приблизительную историю этих мест можно было установить по китайским летописям и хроникам монголов. Было очевидно, что в тех местах селились уйгуры, какое-то время на них распространялась власть Тибетского царства, после этого там находились владения киданей, затем — царства Си Ся, вероятно основанного тангутами. Но никаких материальных свидетельств этого не существовало.

Эта часть Великого шелкового пути была самой трудной для караванов. Еще в древности китайский историк Сыма Цянь писал: «Путешественники, которые выезжают из Китая, часто погибают в соляных болотах. Те, кто едет по северному пути, подвергаются нападению гуннов. На южном пути нет воды и пищи... и царит большая нужда». Позже эту картину дополнил другой китайский писатель — Сюань Цзан: «Пески расстилаются на необозримое пространство; по прихоти ветра они то нагромождаются в одном месте, то вновь разметываются. Путники не находят там никаких следов человека, и многие из них сбиваются с пути... Поэтому странники отмечают дорогу, собирая в кучи кости животных. Там нет нигде ни воды, ни растительности и часто дуют жгучие ветры.

Когда поднимаются эти ветры, люди и животные падают в изнеможении и заболевают. Временами слышатся то пение и свист, то болезненные стоны, но если прислушаться к этим звукам, то сознание помутится и потеряешь способность передвигаться. Вот почему там часто гибнут путники. Эти миражи — наваждение демона».

В средние века, когда климат был более влажным, чем ныне, через пустынные области в центре Азии протекали реки, крупнейшие из них не пересыхали даже в разгар лета. Вдоль рек и по берегам редких озер тянулись оазисы, некоторые достаточно обширные, чтобы прокормить несколько тысяч человек. Разумеется, обладание этими оазисами было ключом к господству на торговом пути.

Что же происходило там в XII веке?

В 80-х годах прошлого столетия вплотную к разгадке приблизился русский путешественник Потанин. В пустыне Гоби он тщательно записывал легенды кочевых монголов. Практически все они были так или иначе связаны с именем Чингисхана и с его войной против тангутов. Война была жестокой и кончилась уничтожением тангутского государства и гибелью его городов. Развалины городов, правда небольшие, встречались Потанину не раз. Когда же его экспедиция попала в долину реки Эдзин-Гол, пересохшей и наполняющейся водой лишь весной, следы человеческого обитания стали попадаться все чаще. Сухие стволы больших тополей лежали у длинных рытвин — бывших каналов, порой из песка выглядывали остатки стен глинобитных домов; ветер, отгоняя песок, открывал на каменистой земле тысячи черепков, глиняных и фарфоровых, а порой и китайские монеты. Ясно было, что вся эта обширная долина когда-то была густо заселена.

Сто лет назад, когда по долине шел Потанин, там кочевало лишь несколько семей монголов, которые, кроме легенд, ничего о прошлом этого края не знали. Только один из монголов сказал, что, когда он кочевал на севере, где русло реки теряется в солончаках и песках Гоби, он видел там развалины очень большого города, который зовется «Черным городом» — Хара-Хото. Но местные кочевники не хотят, чтобы чужие видели его. И если чужой человек просит их провести к городу, они делают вид, что никакого города там нет.

В 1907 году в пустыню Гоби отправилась экспедиция Петра Козлова, ученика знаменитого Пржевальского, большого знатока Центральной Азии. Русское географическое общество включило в план экспедиции поиски мертвого города.

В феврале 1908 года Козлов оказался в ставке монгольского

князя Балдын-цзасака, расположенной в Южной Гоби. Сблизившись со старым князем, Козлов начал расспрашивать его о Хара-Хото. Тот рассказал, что развалины города сохранились, но чужаков к ним не пускают кочующие в тех краях торгоуты. И по очень простой причине: уже много лет они ищут там сказочные сокровища. По преданию, в которое они верят, правитель города, когда его осадили монголы Чингисхана, убил своих двух жен и зарыл их вместе со своими богатствами. Правда, в последние годы торгоуты от сокровища отступились. Несколько лет назад они выкопали глубокий ров и уже добрались было до клада у большого субургана (каменной ступы), но оттуда выползли две змеи, духи погибших жен, и изгнали кладоискателей.

Из расположения к Козлову князь дал ему проводников, и к середине марта экспедиция уже была в низовьях реки Эдзин-Гол, где ее встретили торгоуты. А так как проводники рассказали торгоутам, что Козлов — друг князя Балдын-цзасака, те согласились показать ему развалины.

«Наше волнение увеличивалось и увеличивалось, — писал в дневнике Козлов. — В особенности, когда после 3–5 верст юго-юго-восточного движения нам стали попадаться черепки фарфоровой и глиняной посудной формы с закругленными краями, гранитные валы для молотьбы, наконец, монеты и пр. ... Показались развалины справа от дороги, Актан-Хото, в них, по преданию, был сосредоточен кавалерийский отряд, защита Хара-Хото. Эта цитадель устроена на возвышении берега мертвой реки, с островами погибших сухих тополевых деревьев, валявшихся вдоль русла „старого ложа“ вод эдзингольских, некогда омывавших с двух сторон Хара-Хото. По сторонам последнего залегали культурные долины с земледельческим населением. Наше желание попасть в Хара-Хото дошло до крайней степени. Над песками показались крепостные шпицы субурганов... а вот и уголок самой крепости. Еще томительные полчаса, и мы, миновав бугры-холмы из песка и тамариска, вышли на каменную равнину с запада, где мертвый город, весь на виду, вблизи, еще больше манит к своим скрытым сокровищам...»

С вершины крепостной стены Козлов смог обозреть весь город. В плане он представлял собой квадрат. Длина стороны — более километра. Шестиметровой толщины стены были укреплены башнями и субурганами. В город вело двое ворот. По сторонам выдавались бастионы, которые прикрывали ворота от нападения. Две параллельные улицы с развалинами домов вдоль них пересекали весь город. Одну из улиц Козлов назвал Главной, вторую — Торговой. Можно было различить и следы дорог,

которые с двух сторон вели к городу. Вдоль них кучками виднелись многочисленные субурганы и развалины построек. Значительная часть города не уместилась в крепостных стенах и раскинулась на окрестной равнине.

Экспедиция разбила лагерь в центре города, и всеми овладел кладоискательский зуд. Уже в первые дни список находок был внушителен: книги и рукописи, иконы на ткани, монеты и бумажные деньги, буддийские статуэтки, обломки фарфоровой и глиняной посуды, стремена, бусы, железные инструменты...

Через три дня экспедиция двинулась дальше, и из первого же населенного пункта Козлов направил в Академию наук письмо с сообщением о найденном городе. Он, в частности, писал: «Сменилось девять поколений управителей эдзингольских торгоутов, но последние не знают Хара-Хото иначе, как только в развалинах... Кто же были в конце концов хара-хотосцы? Туземцы на такой вопрос отвечают: „китайцы“».

В течение последующих месяцев Козлов обследовал пустыню Алашань, затем направился в Северо-Восточный Тибет. Поздней осенью экспедиция остановилась на зимовку в оазисе Гуйдуй. Но зимовать не пришлось. 7 декабря было получено сообщение из Петербурга: материалы, отправленные Козловым в Россию, произвели сенсацию. Историки считают, что им найдена столица исчезнувшего тангутского царства Си Ся. Специальное собрание Географического общества было посвящено обсуждению находок Козлова. В частности, было отмечено, что многие извлеченные из развалин рукописи «написаны на языке неведомом, но крайней мере прочесть их никто не умеет, хотя образцы письма и известны». Под образцами имелись в виду находки, сделанные английскими и французскими учеными в Китае, их расшифровка только начиналась. «Ввиду важности совершенного открытия — сообщалось в письме, — Совет Географического общества предлагает Вам не углубляться в Сычуань, а вместо этого возвратиться в пустыню Гоби и дополнить исследования недр мертвого города. Не жалейте ни сил, ни времени, ни средств на дальнейшие раскопки».

Весной 1909 года экспедиция Козлова вернулась в Хара-Хото.

Раскопки продолжались несколько дней, но ничего нового не дали. Тогда Козлов решил проверить, нет ли чего в больших субурганах, стоявших вне городских стен.

Большой, десятиметровый субурган вошел в историю как «Знаменитый». Когда верхний слой кирпичей был снят, оказалось, что он буквально набит рукописями. В сухом склепе они пролежали почти восемьсот лет и отлично сохранились. Всего рукописей было несколько тысяч — это самая большая в мире

библиотека, оставшаяся от средневековья. И хранилась она в пустыне, в городе, настоящего названия которого никто не знал. А о народе, населявшем его, тогда могли лишь догадываться.

Когда же, как пишет Козлов, «книги, письмена, письмена, книги — большие, малые, в переплетах или папках, тетрадами или свитками и пр.» — были извлечены из субургана, оказалось, что внизу, в основании внутренней камеры, сделана глинобитная площадка, в центре которой стоит деревянный шест, а вокруг него тесно сидят глиняные статуи, словно собрались на совет. У стены был обнаружен человеческий скелет. Как потом выяснилось — покойницей женщины.

Вероятно, в субургане была погребена знаменитая буддийская монахиня. Впоследствии, когда город подвергся нападению монголов, монахи, спасая самое ценное — рукописи, вынесли их за стены и замуровали в субургане, полагая, что завоеватели не тронут каменную ступу, так как монголы всегда боязливо относились к чужим богам, опасаясь их гнева. Возможно, в субурган свезли книги из нескольких монастырей — уж очень велика оказалась библиотека.

Город погиб, а библиотека осталась. Именно она дала возможность восстановить язык, культуру и обычаи великого государства, о котором ранее почти ничего не было известно, — государства Си Ся, одной из трех основных держав в тех краях. Две другие — империи Цзинь и Сун. Си Ся, контролировавшее центральный участок Великого шелкового пути, долее других государств сопротивлялось натиску монголов.

Теперь известно, что на месте Хара-Хото в VII–VIII веках стояла китайская крепость Тунчэн, которая охраняла оазис на торговом пути. Когда китайское влияние там ослабло, крепость была захвачена уйгурами. Тангуты, полукочевой парод, родственник тибетцам, окрепший и усилившийся, так как жизненные условия в тех местах были тогда куда лучше, чем сегодня, в начале XI века вытеснили уйгуров из низовьев реки Эдзин-Гол. Там и вырос крупный город, ставший затем центром одной из провинций тангутского государства. У тангутов были и более крупные города, но на их развалинах затем возникли новые поселения и стерли их следы. Город назывался Эдзина, что означало по-тангутски «Черная река». Это был не только центр провинции, но и основная крепость, защищавшая северные границы царства от уйгуров и татар. В двадцатитомном «Измененном и заново утвержденном кодексе законов эпохи небесного процветания», который был найден среди других книг в «Знаменитом» субургане, говорится, что Эдзина была центром одного из двенадцати военных округов, на которые была

разделена тангутская держава. Вся долина реки Эдзины была изрезана каналами и густонаселена. Глинобитные дома крестьян были разбросаны вдоль каналов, среди них возвышались дома богачей и чиновников. Современник писал: «Обычно тангуты живут в глинобитных домах, и только получившие особое разрешение могут покрывать их черепицей».

Сокровища, найденные Козловым, позволили ученым всерьез приступить к расшифровке языка тангутов. Этот труд был завершен великим лингвистом Николаем Невским, который написал «Тангутскую филологию».

И темное окно в городе средневековья трудами путешественника Козлова, филолога Невского и многих русских, английских, французских и китайских ученых осветилось. И хотя далеко не все книги тангутов прочитаны и далеко не все известно и понятно в их истории, обширная держава была поднята из небытия и вернулась в общий поток человеческой истории.

В 1185 году империя Си Ся была в зените своего могущества. Более чем на тысячу километров протянулась она с запада на восток. Тысячи караванов безбоязненно шли по ее дорогам, от оазиса к оазису, от крепости к крепости, охраняемые конными отрядами тангутов. Все попытки кочевников проникнуть в глубь тангутских земель были безуспешны. И лишь армиям Чингисхана удалось уничтожить это государство.

Это произошло уже после того, как монгольские орды добрались до Волги, сокрушили Хорезм и опустошили Закавказье. Сам Чингисхан повел армии против государства Си Ся. Его завоевания на западе были непрочными, если в тылу оставалось сильное независимое царство.

Опустошив западные провинции Си Ся, монголы подступили к столице Синцину. Несколько попыток штурма было отбито тангутами, которых возглавлял царь Аньцюань.

Тогда Чингисхан решил привлечь на свою сторону природу. Осенью, в период дождей, когда реки наполняются водой, монголы возвели плотину на реке таким образом, чтобы вода хлынула на город. Тангуты были бессильны что-либо сделать: вода поднялась до крыш домов, еще несколько часов — и город станет покорной добычей монголов. И тут случилось чудо: река словно решила принять сторону тангутов. Неожиданно она прорвала плотину, и вся масса воды, скопившейся за ней, обрушилась на монгольский лагерь.

Остатки монгольской армии спешно ушли на север. Этот подвиг реки продлил существование государства еще на несколько лет. Лишь в 1227 году, после отчаянных сражений, в которых участвовали стотысячные армии, держава тангутов была

разгромлена. И Чингисхан, который всегда помнил о поражениях и ни людям, ни народам не прощал их, в устрашение всем сегодняшним и будущим врагам издал такой указ: «Так как я истребил тангутов до потомков их потомков и даже до последнего раба и разорил дотла, то пусть напоминают мне о таком поголовном истреблении за каждым обедом, произнося слова: „Разорил дотла!“»

Глашатай каждый день радовал слух великого завоевателя напоминанием о его победе. Чингисхан и не подозревал, что у полуразрушенных стен сожженной и опустевшей Эдзины стоит субурган, ничем не отличающийся от своих собратьев. И там, в субургане, рядом со скелетом монахини, сидят в круг глиняные статуи буддийских божеств. И тысячи книг и рукописей берегут память о великой державе.

Часть II. Мир ислама

Вырвавшись на волю из холодных ущелий Памира, Великий шелковый путь разбегался десятками дорог. Отсюда его уже невозможно проследить как единую артерию. Караваны сворачивали на юг, к Индии, шли на север, к богатым городам Хорезма и далее, через пустыни, к Волге, которая была одним из важных торговых путей прошлого, ведущим на Русь и к Балтийскому морю. Другие караваны пересекали Иран и тянулись в Закавказье, где их ждали в Гяндже, Дербенде, Тбилиси и Двине. Оттуда они направлялись к Черному морю, к генуэзским колониям и византийским городам.

А через Иран, средоточие торговых путей Востока, караваны попадали к побережью Средиземного моря. Затем на кораблях товары следовали в мусульманские страны Северной Африки, к Сицилии, Италии, Франции и Испании.

Выйдя из горных ущелий, Великий торговый путь оказывался на просторах мусульманского мира.

Миновать его было нельзя, да и кому бы это пришло в голову: ведь именно мусульманские купцы были монополистами на этом пути. Подавляющее большинство товаров принадлежало им, почти все караваны снаряжались именно в мусульманских городах. Ислам был религией, воспевающей движение, экспансию — военную и торговую, купцы были почетными членами исламского общества, о них слагались легенды и песни.

Но конец XII века — далеко не лучшее время для торговли. Мир ислама расколот и поражен бациллами вражды.

Для жителя Киева или Лондона все мусульмане были

«неверными», и ему казалось, что сарадины противостоят христианам как единая монолитная сила. Таковой в XII веке не существовало.

Ислам смог сохранить внешнюю, обрядовую сторону во всех странах, где он укрепился с помощью конных армий арабских завоевателей. Но за безусловным признанием Корана и учения пророка скрывались доисламские верования и обычаи тех народов, что попали в сферу мусульманской идеологии.

Прошрое не повторялось. За множеством ересей, расколов, сект и школ ислама скрывались не только древние религии и верования иранцев, египтян, арабов, но и национальные и социальные конфликты, которые, как везде в средневековом обществе, принимали форму религиозных распрей.

Каждый из новых пророков и учителей стремился доказать, что именно он правильно толкует учение Мухаммеда, ибо в этой форме оно более всего отвечает чаяниям тех, чьи мысли он выражает. И, понимая, насколько опасны ереси, так как за ними стоят непокорные люди и народы, сильные мира того жестоко расправлялись с неортодоксальными течениями в исламе. А те, защищаясь, были не менее жестоки.

Когда, распавшись на секты и течения, ислам перестал быть исключительно идеологией арабской экспансии, на место арабов пришли иные народы. Они перенимали не только завоевательский дух ислама, но и плоды исламской цивилизации — науку и литературу, законы искусства и архитектуры. Новые волны завоевателей с востока быстро усваивали мусульманскую идеологию.

Турки-сельджуки затопили Ближний и Средний Восток, создав свою державу на осколках Арабского халифата. Держава эта была недолговечна и распалась на отдельные султанаты. Но арабский язык оставался латынью мусульманского мира, и наследники поэтов, которые писали оды арабским халифам, принялись составлять не менее раболепные оды сельджукским султанам. Сила ислама заключалась в том, что он мог впитать и растворить в своей идеологической среде любую армию завоевателей. И тогда мусульманские народы забывали, кто правит ими. Через столетия после сельджуков на Ближний Восток вторглись турки-османы — и снова исламский мир, приспособившись к завоевателям и приспособив завоевателей к себе, сохранился.

В средние века национальные границы в мусульманском мире были условны. Принадлежность к направлению в исламе была важнее. И в течение всего средневековья государства, создававшиеся там, как бы переливались одно в другое, и

определялось это не интересами того или иного народа, а династийными соображениями султанов.

Когда сегодня читаешь летописи и хроники мусульманских писателей, относящиеся к XII веку, поражаешься их однообразию. Описание событий поздней истории сельджуков — это перечень бесконечных разорительных и жестоких походов, заговоров и интриг, предательств и казней. Распад сельджукской державы затянулся надолго и стал одним из самых удручающих и кровавых периодов в истории Азии.

Общий процесс един и неотвратим: держава распадается, дробится. Но в рамках этого процесса мы видим непрерывные попытки султанов, эмиров и атабеков, шахов и халифов подмять соперников и воссоздать державу. Сельджукские султаны борются за власть с повелителями Средней Азии — хорезмшахами. Это один постоянный конфликт. Султаны сражаются с атабеками — крупнейшими феодалами, притом своими близкими родственниками. Это второй постоянный конфликт. Все эти властители сражаются с аббасидскими халифами — это периодически возникающий конфликт. Война не прекращается ни на день. Армии прокатываются от Персидского залива до Закавказья и Средней Азии, опустошая города и деревни, вырезая сотни тысяч людей, грабя и сжигая все, что нельзя утащить.

Главные движущие силы в этой перманентной трагедии — сельджукские феодалы. Это их династийные распри. Страдающая сторона — народы Ближнего и Среднего Востока, рассматриваемые сельджукскими атабеками и султанами как непокорные подданные. К сожалению, в те дни быть покорными подданными было невозможно. Если ты покорен атабеку, значит, ты непокорен султану и хорезмшаху. И тебя все равно разорят и убьют. Единственное спасение — быть до конца непокорным. Пользоваться беспрестанными склоками господ и сохранять свои земли. Но охранять их настолько самоотверженно, чтобы султан трижды подумал, прежде чем идти походом на твой город. В мире, где все грозит тебе смертью, надо иметь очень острые зубы.

Нет смысла здесь рассказывать о войнах и набегах, которые вели сельджукские и хорезмские владыки, — это лишь утомит читателя обилием имен и географических названий. Люди, которые крутили ручку гигантской мясорубки, чтобы в конце концов самим попасть в нее, не так уж интересны. Но в качестве примера стоит привести жизнеописание одной женщины, собранное из летописей того времени.

Оно типично в том смысле, что ее биография — наиболее полное выражение бессмыслицы войн, заливших кровью Восток.

В первой половине 70-х годов XII века почти одновременно умерли три основных претендента на власть над мусульманским миром: сельджукский султан, его дядя атабек и хорезмшах. Произошла смена власти, приведшая к трагедии.

Новым султаном сельджуков феодалы выбрали Тогрула, которому было лет семь. Однако подлинным правителем султаната был атабек Пахлаван, могучий вельможа, старавшийся спасти державу от развала. Атабеки сельджуков были сродни сегунам в Японии — они держали в своих руках контроль над государством, а султаны, подобно японским императорам, старались их скинуть и вернуть себе власть, но безуспешно.

Беда Пахлавана заключалась в том, что и жен и сыновей у него было немало. Сыновья, как и их матери, жаждали власти.

Пахлаван умер в 1186 году, и в борьбе за его наследство схватились четыре сына. Старший, Абу Бакр, воспитывался у своего дяди Кызыл-Арслана в Азербайджане. От его имени Кызыл-Арслан и взял в 1187 году в свои руки бразды правления в султанате.

Кызыл-Арслан решил поначалу не портить отношений с подросшим султаном, надеясь и дальше править от его имени. Встреча атабека с султаном была внешне весьма дружественной и прошла в многодневных пирах. Атабек, немало пограбивший Закавказье, привез Тогрулу из Азербайджана сказочные дары.

Абу Бакр, племянник и любимец Кызыл-Арслана, был сыном наложницы, другие сыновья Пахлавана родились от красавицы Инандж-хатун, его законной жены.

Эта энергичная и властная женщина тут же затеяла интригу. В союзники она попыталась привлечь военачальников покойного Пахлавана, заботам которых были вверены ее сыновья. Письмо, которое она отправила этим воинам, было исполнено пафоса. «Как можете вы вынести, — сетовала мать, — что сын наложницы стоит выше, чем мой сын! Я владею таким богатством, что его хватит, чтобы содержать вас долгие годы. Я хочу, чтобы вы посадили моих сыновей на коней и доставили их ко мне. Я устрою вас и всех, кто явится с вами, и израсходую столько денег, сколько нужно, чтобы вы подняли все войска вашего покойного господина».

Видно, военачальники были недовольны приходом к власти Кызыл-Арслана. Косвенно об этом можно судить по тому, что во время торжественной встречи атабека и султана они отсутствовали.

Посулы матери упали на благодатную почву. Как только пришло письмо, военачальники начали собирать верные им силы,

и уже на третий день их отряды достигли города Рея. Туда же стягивались отряды других недовольных феодалов. Войско было огромное, но без вождя. Инандж-хатун примчалась в Рей, встретила своих мальчиков и обосновалась в городе, во дворце эмира, ожидая, когда верные ей мятежные феодалы сбросят Кызыл-Арслана.

Узнав о том, что против него поднято восстание, Кызыл-Арслан тут же устремился к Рею. В отличие от мятежников он не привык ждать — он действовал.

Султана он захватил с собой, велел находиться при войске, дабы все видели, что султан — верный союзник атабека.

Мятежники были застигнуты врасплох. При вести о приближении Кызыл-Арслана отвага их покинула. Они обратились в бегство и остановились только у города Дамгана.

Победоносный Кызыл-Арслан вступил в беззащитный Рей. На этот раз он был милостив. Никого не казнил. Лишь велел Инандж-хатун выйти из дворца вместе с мальчиками и публично выразить ему свою покорность.

Яркое солнце заливало пыльную площадь перед дворцом. Цепи воинов оттесняли к домам толпы любопытных. Центр площади занимала разноцветная, сверкающая дорогим оружием и доспехами толпа придворных и гулямов атабека. Рядом с Кызыл-Арсланом на белом жеребце восседал султан Тогрул, стройный юноша с напряженным смуглым лицом.

Инандж-хатун шла по пыли, и дорога от ворот дворца до копыт коня атабека была самой длинной дорогой в ее жизни. Мальчики робели, замедляли шаг. Инандж была в холщовом сером платье, мальчики — в длинных белых рубахах; они шли сдаваться на милость наглеца с широкой черной бородой, который, не скрывая усмешки, поглядывал на них с высоты седла.

Инандж перевела взгляд на султана. Юноша отвел глаза. Он — не защитник. Он сам боится, что Кызыл-Арслану станет известно о его тайных переговорах с этой женщиной.

Инандж-хатун упала в пыль у ног коня. И рядом, охваченные трусливой ненавистью, растянулись ее любимые мальчики.

Кызыл-Арслан позволил ей встать, потом сам спрыгнул с коня и за руку ввел во дворец. Все должны были, знать, кто правит сельджукской державой.

Пока Кызыл-Арслан пировал во дворце, Инандж-хатун сумела увидаться с Тогрулом. Она долго уговаривала его принять решение. Пока не поздно.

Тогрул не желал быть слугой атабека. Той же ночью он исчез из Рея. Всю ночь он скакал к Дамгану. Там его встретили гулямы. В мятежном войске, бежавшем, но не разгромленном, поднялась

радость: теперь у него был вождь. Законный султан сельджуков.

Кызыл-Арслан не посмел преследовать султана. Положение изменилось не в его пользу. Он стал собирать силы.

С каждым днем к султану примыкали все новые отряды эмиров. Атабек потерял драгоценное время, и, когда его армия подступила к Дамгану, после ожесточенного боя она была разбита. Атабек бежал в горы.

Военачальники Пахлавана потребовали от султана Тогрула, чтобы атабеком был назначен старший сын Инандж-хатун, по имени Кутлуг Инандж. Тогрул, разумеется, согласился. Инандж-хатун могла торжествовать: она добилась власти для сына.

Укрывшись в Азербайджане, Кызыл-Арслан борьбы не прекратил. Следовало найти союзника. Он отправил послание аббасидскому халифу, духовному повелителю всех мусульман, который сидел в Багдаде и силы которого далеко уступали силам сельджуков. В своем письме Кызыл-Арслан рассуждал о преданности халифу, пугал его угрозой со стороны султана и в конце перешел к главному: если халиф соберет войска и ударит по султану с юга, то он, атабек, двинет свои армии из Азербайджана — против двойного удара султану не устоять. Когда же эта операция окончится успешно, атабек передаст халифу весь Ирак.

Соблазн был велик. Халиф потратил на снаряжение наемной армии более полумиллиона динаров. Во главе ее он поставил своего везира, судя по всему весьма спесивого и самоуверенного, который решил не ждать, пока атабек подтянет свои силы. Он один разгромит султана. Тогда халиф получит Ирак по праву сильного, а не в дар от атабека.

И вот войска встретились. Завязалось такое сражение, что, как пишет современник, «даже локоны юношей поседели».

К вечеру кровавого дня стало ясно, что багдадская армия терпит поражение. Наемники спешили спастись бегством, лишь упрямый везир продолжал сражаться у своего шатра, окруженный горсткой гулямов. Кольцо врагов было таким плотным, что никакой надежды на прорыв не оставалось. И везир уже приготовился к славной смерти.

Но тут впереди сельджукских войск появился сам султан Тогрул.

— Твои войска обратились в бегство! — крикнул он, знаком останавливая своих воинов. — У тебя никого не осталось, кроме этих гулямов. Не губи себя и тех, кто с тобой.

Тогрул рассчитывал, что после такого разгрома багдадский халиф покинет коалицию его противников. А потому лучше было отпустить везира домой с вестью о благородстве молодого

султана.

Везир сдался. Его провели в султанский шатер, а затем отпустили в Багдад с подарками для халифа.

Но халиф был в бешенстве. Он был убежден, что Тогрул победил только потому, что его везир проявил себя спесивым индюком.

С везиром разделались, как положено разделяться со спесивыми индюками, а халиф тут же велел собирать новую армию, во главе которой поставил отважного и решительного эмира.

Новая армия халифа форсированным маршем прошла до города Хамадана, где находился Тогрул. Тот не был готов к новой войне, так как ополчения его эмпров после победы над багдадским войском разошлись по домам, а вернуть их было непросто.

В Хамадане, откуда Тогрул бежал, багдадский эмир встретился с Кызыл-Арсланом и оказался настолько благоразумен, что передал свою армию под общее командование атабека.

Кызыл-Арслан направился с армией к Исфахану и осадил его. Осада была недолгой, город был к ней не подготовлен, и вскоре люди там начали умирать от голода. Город пал, и атабек «сжег Исфахан вместе с его медресе, рынками и мечетями».

Хочется повторить: трудно придумать более жестокие и бессмысленные войны, чем те, которые вели эти государи. Уничтожение собственных подданных, собственных городов, грабежи и массовые убийства были в них настолько обычны, что можно подумать: все эти атабеки, султаны и эмиры ходят по муравьиным кучам, не замечая муравьев.

Уничтожение населения и хозяйства державы вело к гибели и самих убийц.

Султан Тогрул, лишенный своих городов в Иране, тут же отправился в Азербайджан, оставленный Кызыл-Арсланом, который в это время бесчинствовал в Иране. И там он вознаградил себя за поражение. Он пригласил к себе на грабеж и разбой туркменского и кипчакского ханов и с ними полностью разорил Азербайджан и северные провинции Ирана.

И тут на сцене вновь появилась красавица Инандж-хатун. Она внимательно наблюдала за развитием событий. Когда Тогрул победил багдадскую армию, она вместе с сыном находилась рядом с победителем. Когда же верх взял Кызыл-Арслан, Инандж-хатун крепко задумалась. Тогрул, на которого она сделала ставку, бежал в Азербайджан. Кызыл-Арслан стал господином Ирана, другом багдадского халифа и истинным хозяином сельджукского

султаната.

И в те дни, когда Тогрул собирал кочевников в Азербайджане, мать вызвала к себе сына, Кутлуг Инанджа, велела ему бросить невыгодного господина и спешить к Кызыл-Арслану — им было не впервой бросаться к нему в ноги.

Победитель встретил новых союзников милостиво. Семейная ссора завершилась ко всеобщему удовлетворению. Он принял молодого человека на службу, правда в невысокой должности. Инандж-хатуп тем временем (можно только преклопяться перед ее способностями) принялась за новую интригу. Она решила очаровать Кызыл-Арслана.

Чары Инандж-хатун были столь велики, что, к удивлению всех окружающих, через несколько недель атабек заявил, что он берет в жены недавнюю смертельную соперницу.

Кызыл-Арслан был на вершине могущества. Он даже позволил себе забыть об обещаниях, которые дал халифу. Никакого Ирака тот не получил, чем остался недоволен, — ведь главные расходы по войне с Тогрулом понес он, а плоды пожинал Кызыл-Арслан. Но халиф мог лишь мечтать о мести.

Черноглазая жена сопровождала Кызыл-Арслана в поход на север: атабек решил привести к повиновению одичавшего в разбойничьих набегах султана. Теперь наступила очередь Туркмении. Войска атабека, собранные со всей державы, огнем и мечом прошли по туркменским оазисам, наказывая их жителей за союз с султаном, «перебили огромное множество их, разграбив их жилища и скот».

Тогрулу ничего не оставалось, как снова бежать. Он укрылся сначала в Киркуке, на севере Ирака, а затем, понимая, что положение безвыходное, решил смепить ориентацию. Результатом этого явилось его верноподданническое письмо к халифу, в котором султан горько раскаивался, что посмел воевать с повелителем правоверных, и обещал больше никогда так не поступать. Он согласен был на любую должность — пусть только халиф примет его на службу.

Как нетрудно догадаться, халиф тут же согласился на союз. Тогрула пригласили в Багдад, и тот, покрыв плечи саваном и неся меч на вытянутых руках, кающимся грешником предстал перед халифом.

Тогрул был хорош как потенциальная угроза Кызыл-Арслану. Но доверять ему армию халиф не желал. Тогрулу было велено сидеть в Багдаде и ждать решения по своему вопросу, как просителю в канцелярии.

Так прошла зима, наступила весна, а решения все не было. Халиф вел дипломатическую игру с атабеком, по игре не очень

успешную, потому что ни халифа, ни султана Кызыл-Арслан не боялся.

В конце концов султану дали в Багдаде понять: желательно, чтобы он покинул земли халифа, пока его не выдали атабеку.

Пришлось султану с молодой женой и несколькими сохранившими ему верность вельможами отправляться в путь. Сначала в Киркук, а затем в Азербайджан, где Тогрул надеялся найти союзников. Но никаких союзников в Азербайджане, столь недавно разоренном им самим, он не нашел, зато его встретила армия, посланная атабеком. На этот раз Тогрул метнулся к Хамадану — город не открыл перед ним ворота. Тогрул кинулся дальше, но никто не соглашался поддержать его. Атабек со своей черноглазой Инандж-хатун не спеша, как сытый кот, преследовал загнанного султана.

Наконец султана настигли. Отряд его был невелик, и один из гулямов атабека вскоре после начала сражения пробился в центр лагеря султана и подрубил столб султанского шатра; увидев, что шатер пал, последние воины султана разбежались. Тогрула взяли в плен и привезли к атабеку.

Султан согласен был на любые условия, при которых он, хотя бы номинально, сохранял трон.

Но на этот раз у атабека была весьма решительная советчица. Инандж-хатун категорически настаивала на том, что Тогрула необходимо казнить. Она доказывала мужу, что сам он куда более достойный кандидат на звание верховного султана сельджуков.

Кызыл-Арслан был согласен с супругой, но казнить Тогрула не решался: убийство запятнало бы его. Впрочем, видеть Тогрула на престоле он тоже не желал. И нашел компромисс: Тогрула заточили в крепость возле Нахичевана.

На некоторое время в державе сельджуков установился мир. Кызыл-Арслан отправил послов к халифу выяснить, не возражает ли тот против принятия им султанского титула. Халиф не возражал. Кызыл-Арслан провозгласил себя султаном.

Так в державе стало два султана: один — в тюрьме, другой — на троне.

Летописцы уверяют, что виноват во всех дальнейших бедах был Кызыл-Арслан. Достигнув султанской власти, он начал проводить время в пирах и забавах со своими гулямами, и его редко видели трезвым.

Разумеется, в гордой султанше могло разыграться оскорбленное самолюбие. Но, вернее, дело заключалось в ином.

Представим себе ее положение. Инандж-хатун идет на все ради обожаемого сына. Ради него ввязывается в заговоры,

участвует в войнах и изменяет союзникам. А между тем сын находится при дворе на вторых ролях. Вперед вылез ненавистный Абу Бакр, любимец Кызыл-Арслана. Муж спивается, окраины бунтуют, эмиры недовольны, гулямы жаждут добычи. Если купить нужных людей и устроить дворцовый переворот, то можно захватить власть и передать ее сыпу.

Дело кончилось тем, что Инандж-хатун приказала своим гулямам войти в спальню к Кызыл-Арслану, ключи от которой она им предусмотрительно вручила, и зарезать его во сне.

«Они вошли к нему, когда он был пьян, и убили его в постели. С наступлением утра для него приготовили коня, но он не появился, а когда к нему вошли, нашли его убитым».

Более всех была возмущена этим убийством безутешная вдова Кызыл-Арслана. Она тут же приказала казнить стражей, которые покинули пост у дверей господина. Она поддерживала слухи о том, что атабека убили люди Абу Бакра. А может быть, исмаилиты.

Инандж-хатун была великолепным тактиком, но не стратегом. Она добилась признания Кутлуг Инанджа атабеком, но упустила главного соперника. Абу Бакр ускакал в Нахичеван, к своей матери, которая к его приезду уже успела договориться с владельцами азербайджанских городов, и они признали его атабеком. Азербайджан для Инандж-хатун был потерян.

Тогда Инандж-хатун послала в крепость, где томился свергнутый султан, приказ немедленно задушить пленника. Но местный эмир, узнав о приказе, посетил султана и предложил сделку: если Тогрул, вернув себе престол, даст ему один из самых высоких придворных чинов, тот выпустит султана из крепости. Тогрул был согласен на что угодно. И потому в ту же ночь он в сопровождении своего нового «эмира аудиенций» ускакал на юг.

Государство разделилось на три лагеря. Атабек Абу Бакр со своей матерью правил Азербайджаном и Северным Ираном и гонялся за Тогрулом, который пытался собрать войско. Кутлуг Инандж с матерью и братом готовили войска, чтобы разгромить Абу Бакра, и тоже посылали отряды вдогонку за Тогрулом.

Кончилось это тем, что Тогрулу все же удалось найти себе союзников. Он оторвался от энергичного Абу Бакра и пошел со своим отрядом навстречу Кутлуг Инанджу. И хотя армия Кутлуг Инанджа в пять раз превосходила числом отряд Тогрула, командовал сын султанши так бездарно, что умудрился потерпеть поражение. Это случилось летом 1192 года.

Кутлуг Инандж укрылся в Рее. Ни войск, ни союзников у него не было. Никто не хотел признавать его атабеком. Было ясно, что, если до него раньше не доберется Абу Бакр, его убьет Тогрул.

И Инандж-хатун делает новый фантастический ход, основанный на трезвом расчете. Ведь она отлично знала людей, с которыми имела дело.

Она шлет письмо султану Тогрулу, в котором сообщает:

она всегда любила только его;

теперь, когда Тогрул вернул себе престол, она считает себя его лояльной подданной, служанкой и рабыней;

у нее громадная нетронутая казна;

если Тогрул согласится взять ее в жены, вся казна перейдет к нему, однако не сразу, а постепенно.

Инандж-хатун вдвое старше Тогрула. Ненавидит его лютой ненавистью. Тогрул, у которого есть любимая жена и маленький сын, родившийся, пока он был в тюрьме, ненавидит Инандж-хатун не менее, чем она его.

Но судьба военной кампании против Абу Бакра зависит от того, сможет ли султан найти деньги, чтобы снарядить армию. Не будет денег — не будет власти.

И вот торжественно подписан брачный договор, и сохранившая следы былой красоты немолодая женщина уходит после оплаченного ею грандиозного пира в опочивальню с молодым мужем.

К сыновьям же Инандж-хатун посылает гонца, чтобы они сидели тихо; когда придет время, она их вызовет.

Вскоре прибыли доверенные люди с частью ее приданого.

Прошло несколько недель, и наконец рабыня, которую Тогрул приставил следить за супругой, сообщила ему то, что он давно ждал, но боялся услышать.

Рабыне удалось узнать, что вечером султанша пригласит к себе Тогрула для переговоров о приданом. Она предложит ему кубок шербета. Шербет будет отравлен.

Когда вскоре Тогрулу сообщили, что султанша приглашает его в свои покои, он был готов к встрече.

Верные гулямы остались за дверью: по первому знаку они должны были ворваться в комнату Инандж-хатун.

Тогрул был оживлен. Инандж-хатун также пребывала в отличном настроении: она была покладиста и обещала султану, что завтра же отправит людей за сотней тысяч динаров.

Тогрул старался не встречаться глазами с женой. А та вела себя столь естественно, что Тогрулу стало страшно: а если бы рабыня не услышала? Значит, он сегодня ночью был бы уже мертв? Молодой, стройный, красивый великий султан сельджуков, которому так хочется жить, был бы мертв, и его убила бы эта раздобревшая, с крашеными полосами и слишком черно выведенными бровями женщина? Как убила Кызыл-

Арслана. И скольких еще? Тогрул не мог больше вынести ожидания.

— Жарко у тебя, — сказал он.

— Жарко, — согласилась Инандж-хатун и тут же продолжала речь о незначущих делах, которых никогда не будет.

— Я хочу пить, — сказал Тогрул.

Султанша хлопнула в ладоши.

Тогрул видел, как слуга наливает шербет в прозрачный бокал. Потом Инандж-хатун поднялась, взяла бокал и понесла к мужу.

Тот поглядел бокал на свет и громко произнес:

— Питье отравлено.

Это был условный знак.

В комнату вбежали гулямы. Обнаженные кривые сабли блестели в мускулистых руках.

— Ты ошибаешься, — сказала Инандж-хатун.

— Если я ошибаюсь, тогда выпей, — сказал султан.

— Разумеется, — ответила Инандж-хатун.

Она протянула руку, взяла бокал и выпила, глядя в глаза Тогрулу.

И он вспомнил, когда видел этот взгляд: много лет назад на пыльной площади перед дворцом, когда Инандж-хатун вывела двух мальчиков и смотрела на Кыаыл-Арслана, прежде чем пасть ему в поги.

Тогрул был растерян. Он ожидал, что Инандж-хатун упадет и будет корчиться, умирая. А она стояла спокойно, чуть улыбаясь.

Весь вечер Тогрул в гнев метался по своим покоям. Эта гюрза снова провела его. И смеется сейчас, зная, что он не смеет ее убить. Деньги, ему нужны деньги!

Ночью Тогрула разбудили.

Только что скончалась его супруга Инандж-хатун. От яда.

Яд оказался медленно действующим. Султанша не хотела, чтобы подозрение в смерти мужа пало на нее.

Смерть Инандж-хатун не припесла мира. Кутлуг Инандж, узнав о смерти матери, покинул Рей и вместе с младшим братом пытался набрать войско, но они были наголову разбиты Абу Бакром и еле успели унести ноги. Старший брат бежал в Ирак, а младший кинулся к грузинам, надеясь на их помощь.

Для царицы Тамары раздоры среди смертельных врагов Грузии были благом. Она приняла беглеца и вмешалась в борьбу сельджуков, в результате чего грузинским войскам удалось занять важные армянские провинции и установить власть над азербайджанскими городами. Грузинские отряды дошли до

Тебриза. Как пишет мусульманский летописец, «их руки стали полны добычи. Они увели в плен столько людей, что числа их никто, кроме Аллаха — слава ему! — не знает. Так они завладели большей частью крепостей и обложили данью Нахичеван и Гайлакан. Они овладели областью Двина и ее крепостями... они осаждали крепости до тех пор, пока не завладели полностью Арранской страной».

Тогда же в сельджукскую державу вторглись войска хорезмшаха Текиша, повелителя Средней Азии. Он рассудил, что настало удобное время, чтобы расширить свои владения. Война перешла на территорию Ирана. Вновь горели города и тысячи трупов устилали поля. Кутлуг Инандж тут же переметнулся на сторону хорезмшаха.

Война складывалась неудачно для султана Тогрула. С севера наступала армия хорезмшаха, с юга шло войско Кутлуг Инанджа.

Хорезмшах настиг Тогрула у соленого озера Фархан.

После короткого боя Тогрул был разбит и с шестьюдесятью гулямами поскакал на юг. Но они не успели отъехать далеко. Впереди показалась громадная туча пыли: Кутлуг Инандж, сын Инандж-хатун, спешил на помощь хорезмшаху.

Тогрул оглянулся: сзади также висело облако пыли — хорезмийцы настигали его.

Султан поднял саблю, подавая сигнал к атаке.

— До встречи! — крикнул ему один из гулямов.

— Меня ты найдешь под копытами коней, — ответил султан.

Горстка гулямов врубилась в войско Кутлуг Инанджа,

Скоро гулямы были окружены. Они отбивались, падая один за другим и прикрывая телами султана.

Кутлуг Инандж не участвовал в схватке. Он молча наблюдал, как тает число защитников Тогрула.

Одна из стрел, пущенных воином Кутлуг Инанджа, попала султану в глаз. Тот вскрикнул и прижал ладонь к глазу. Между пальцами текла кровь.

Тогрул сполз с седла и сел на землю. Но никто не помог ему, потому что в эти секунды погибли последние из его гулямов.

Кутлуг Инандж подошел к сидящему на земле султану.

Они были ровесниками. Обоим по двадцать четыре года. И были похожи — стройны и гибки.

Тогрул почувствовал, как на него упала тень. Он поднял голову.

— Кутлуг Инандж! — взмолился султан. — Спаси меня! Мы же росли с тобой вместе, мы же были как братья. Помогите мне подняться...

Кутлуг Инандж сказал:

— Ты убил мою мать.

И тут Тогрул вдруг понял, что у Инандж-хатун и ее сына одинаковые — черные, непроницаемые — глаза.

Это было последнее, что он увидел.

Атабек снес ему голову одним ударом сабли, и его гулямы одобрительно зашумели — это был мастерский удар.

Голову султана Кутлуг Инандж принес хорезмшаху, который ждал его у озера. Текиш был недоволен. Он предпочел бы оставить султана на троне как своего вассала.

«Так был убит султан Тогрул, — пишет летописец, — последний сельджукский государь, от раскаленных углей рода сельджуков осталась одна зола, которую развеял ветер».

Произошло это в 1194 году. Кутлуг Инандж пережил Тогрула всего на год.

Хорезмшах раздал города и провинции державы своим эмирам.

И каждый правил там, никому не подчиняясь.

Пока не пришли монголы.

У Будды не было детей. Если в бурной молодости кто-то от него и родился, Будда никогда об этом не говорил. Его учение отрицало мирскую суету, он звал к отказу от желаний, которые ведут к страданиям. Он не стремился к организации царства на Земле. Смысл его учения был в отрицании смысла любых царств.

У Иисуса Христа тоже не было детей. Родственники его мало интересовали первых отцов церкви. Религия, возвещенная Христом, была религией угнетенных. Христос был великим утешителем. Он показывал путь спасения личности, но не обществу.

Учения Будды и Христа затем стали идеологией воинственных царств, земных и хищных. Но эти последствия никак нельзя связывать с самими пророками. Они к этому не стремились и не призывали.

Мухаммед был пророком иным.

Он был окружен родственниками, имена которых нам известны. Его прозелиты не были угнетенными. Он выковал религию для земных хозяев мира. Религиозная система, разработанная им, была отлично приспособлена для создания земного, сплоченного и агрессивного государства. То, что было сделано в христианстве и буддизме спустя много лет после смерти пророков, Мухаммед сделал сам. Он был воинственным, суровым вождем — армии уходили в походы уже при жизни пророка.

Будда и Христос оставляли ученикам свои слова, надежды и сомнения. Мухаммед учил не сомневаться. Нищие апостолы,

тайком проповедующие учение, — это не ислам. Ислам — это молодая феодальная империя. Слова Мухаммеда были обращены к полководцам и купцам, которые спешили мечом утвердить святую веру и получить торговые монополии.

Был бы сын у Будды, вернее всего он стал бы таким же бездомным мудрецом, как отец. Был бы сын у Христа — стал бы мучеником, погиб бы, как многие из ранних христиан. Родственники Мухаммеда — это феодалы, это знать духовной империи. Они реальны, они борются за место у трона пророка точно так же, как сыновья, братья и сестры светского феодала.

Секты и расколы в буддизме и христианстве возникают, как правило, в связи с разными толкованиями учения. В мусульманстве же их появление часто определялось политическими причинами. Порой между сектами не было разногласий в обрядах или вероучении — под слоем зеленой краски ислама кипели политические страсти. Центрами притяжения враждующих толков в исламе оказывались не идеи, а люди — нередко родственники Мухаммеда и последнего «праведного» халифа Али. И потому столкновения и даже войны между приверженцами разных толков ислама велись не столько потому, что одни были еретиками, а вторые — нет, сколько потому, что вожди сектантов были выразителями центростремительных процессов в созданной силой оружия мусульманской империи.

Средневековый персидский писатель Максиди рассказывает, что в городе Шахрастане вражда, «словно серп, жнет людей. Видишь их, как они в день заклания жертвенного верблюда двумя толпами дерутся из-за головы верблюда — израненные, избитые, расстроенные. Избиения и убийства разделяют и два войска: одно — из Дейлема, другое — тюркское. Там дикая междоусобица между двумя партиями».

Другой писатель, Равенди, повествует о печальной судьбе Нишапура. В 1154 году на него напали кочевники-огузы и разорили. В городе, и без того разграбленном врагом, «по причине различия в религиозных толках еще со старинных времен кипела взаимная вражда. Каждую ночь какая-нибудь партия созывала из какого-нибудь квартала ополчение, поджигала кварталы противников, и все, что еще оставалось после огузов, уничтожалось... Теперь в Нишапуре, где были собрания друзей, медресе наук и местопребывание лучших людей, пасутся стада, рыщут дикие звери и ползают гады».

Будучи социальными движениями в мире без четких границ, ереси и толки скоро распространились по разным странам.

Уже в середине VII века сторонники двоюродного брата и зятя Мухаммеда, Али, получившие наименование шиитов, стали утверждать, что только он получил сокровенное знание от пророка и имеет право называться духовным вождем ислама — имамом. И потомки Али тоже станут имамами, так как Али передаст им это сокровенное учение.

Через сто лет в среде шиитов произошел раскол. Шестой шиитский имам, Джафар ас-Садик, лишил имамата своего старшего сына Исмаила. Часть шиитов согласилась с решением Джафара, другие продолжали почитать имамом Исмаила, остальные признали имамом сына Исмаила. Исмаилиты таились в подполье. Власти жестоко преследовали их.

Наиболее удачливым из исмаилитов оказался некий Убейдаллах: он основал Фатимидскую династию, правившую в Египте в 909-1171 годах.

Среди исмаилитов был удивительный человек, которого звали Хасан ибн Саббах.

Хасан ибн Саббах родился в середине XI века и умер в 1124 году. Столь значительное нарушение принятых нами хронологических рамок допустимо лишь потому, что результаты его деятельности сказались на событиях конца XII века.

В молодости Хасан ибн Саббах жил в большом торговом иранском городе Рее, издавна считавшемся центром ересей.

В городе был широко распространен исмаилизм — в первую очередь среди ремесленников и торгового люда. Именно в этой среде жил молодой Хасан. Сохранились его воспоминания, в которых он рассказывает, как его склоняли к исмаилизму. Юноша отчаянно сопротивлялся, не желая ступить на опасный путь, — тут и погибнуть недолго. Хасан ибн Саббах держался до тех пор, пока не заболел. Испугавшись смерти, он дал обет, если выздоровеет, перейти в исмаилизм. И выздоровел. Тогда он пошел к «соблазнительям» — один из них был чеканщиком, другой — шорником, и те свели молодого человека с профессиональным проповедником, у которого нашлись куда более веские аргументы, чем у шорника.

Хасан оказался настолько умен и энергичен, что рейские исмаилиты послали его в Египет для повышения образования.

Мудрые пропагандисты умели ценить юные таланты.

Хасан провел в Египте несколько лет, поднаторел в искусстве спорить, научился ловко вербовать сторонников, но высоко в духовной иерархии фатимидского халифата не поднялся. Да и не до него было: Фатимиды оказались жертвой типичного для мусульманских династий раскола. Частности сейчас неинтересны, отметим лишь главное: в очередной раз возникла проблема, кто

— истинный халиф, а кто — узурпатор.

Юному религиозному деятелю было ясно: фатимидский халифат стареет и слабеет. Он уже лишился своих владений в Северной Африке, уступил Сицилию норманнам, а владения в Сирии — сельджукам. Провести жизнь, ратуя за египетского халифа, — значит согласиться на горькую судьбу неизвестного мученика. Ни неизвестность, ни мученический венец Хасана ибн Саббаха не привлекали. Он должен был найти свой путь к власти. Для этого можно использовать халифа и исмаилизм, но нельзя становиться рабом человека или учения.

Молодой — ему еще нет и тридцати, — тщеславный и немало повидавший исмаилит возвратился в Иран. Он остановился в столице сельджукского султаната Исфахане, где нашел приют у единомышленников.

Удивительно, насколько мобильны были люди мусульманского Востока. Биография большинства из них — это цепочка стран и городов, в которых они побывали, то ли по делу, то ли торгуя, то ли путешествуя от двора ко двору. Через весь Восток тянутся вереницы паломников, которые стремятся достичь Мекки, едут мудрецы и поэты, купцы и бродяги. И для каждого важна принадлежность к той или иной подсистеме ислама — направлению или секте. В каждом городе найдется союзник и помощник. За высоким, глухим дувалом можно укрыться от властей и недрогов.

Известие о том, что в городе появился исмаилитский агент, прибывший из самого Каира, возможно, с инструкциями от Фатимидов, вызвало тревогу у султана Малик-шаха, положение которого было непрочным и которому везде чудились заговоры. Фатимидов подозревали, и не без оснований, в том, что они ведут в соседних странах подрывную пропаганду.

Стража начала искать Хасана ибн Саббаха. Несколько недель он скрывался у верных людей. В этот период вынужденной изоляции Хасан ибн Саббах сформулировал собственную программу. В ней он не отошел от духа и буквы Корана, от законов шариата. Новизна заключалась в следующем четко выраженном стратегическом постулате: «Цель религии — правильный путь к познанию бога. Познание бога разумом и размышлением невозможно. Познание возможно только личным поучением имама».

Из этого следовало, что не имеющий истинного учителя — имама, черпающий знания из других источников достоин порицания. Все человечество, не признающее имама, известного лишь Хасану ибн Саббаху, глубоко заблуждается. А потому попадет в ад. Спасутся только исмаилиты. Просто и ясно. Ни

христиане, ни иудеи не спасутся, потому что им неизвестно слово пророка. Никакие другие мусульмане, кроме исмаилитов, не спасутся, потому что они тщетно пытаются постичь слово пророка разумом.

Послушание — вот девиз Хасана ибн Саббаха.

Естественно, что безусловное подчинение вождю требует определенного, скажем, невежества. И, по свидетельству одного из современников, Хасан ибн Саббах был последователен: «Он препятствовал простым людям углубляться в знания, так же как людям знатым — в постижение старых книг».

Деление человечества на группу приверженцев Хасана ибн Саббаха и остальных, обреченных на адские муки, дополнялось идеей о том, что человечество делится на «людей и недочеловеков». Тюрки, учил он, «не из детей Адамовых происходят, а некоторые называют их джиннами».

Но не следует преувеличивать теоретические открытия Хасана ибн Саббаха. Он еще не предтеча фашизма. Это расчетливая попытка привлечь на свою сторону тех, кто обижен сельджуками.

Хасан отказался сообщить, кто же тот имам, который будет направлять его учеников. Имам был «тайным», имени его нельзя было назвать. А пока истинный имам был фикцией, его будет заменять Хасан ибн Саббах.

Итак, возникло радикальное движение, в котором были тайный учитель и реальный вождь. Вождь требовал от своих сторонников слепого подчинения потому, что он один знал истину. За полное подчинение был гарантирован рай. Всем остальным — ад. Тюрки — нелюди, Христиане и евреи — нелюди, сунниты и шииты — почти нелюди...

Сект в те годы на Ближнем Востоке было множество, и проповедники плодились, как грибы после дождя. Выделиться и найти сторонников было непросто, тем более если проповеднику всего тридцать лет.

Но в тяжелые периоды истории угнетенные ждут учителя, ждут слова. Программа Хасана ибн Саббаха была настолько проста, что ее мог понять даже неграмотный крестьянин. Она освобождала от необходимости думать и принимать решения. Она утверждала, что вождь знает окончательную и абсолютную истину. Она одевала эту программу в темные завесы тайны. Она обещала безоговорочное спасение.

Слабость Хасана ибн Саббаха заключалась в том, что его радикализм неизбежно вступал в конфликт с официальной идеологией мусульманских государств. Для торжества его секты в мусульманском мире должна была существовать смертельно

критическая ситуация. Но такой ситуации в конце XI века не было. Ортодоксальный ислам защищали не только армии султанов и эмиров, но и миллионы верующих, напуганных экстремизмом Хасана ибн Саббаха.

В течение десяти лет Хасан ибн Саббах вел проповедь в разных городах Ирана, вербовал сторонников из исмаилитов, гонимых и преследуемых. Три года он провел в области Дейлем, к юго-западу от Каспийского моря, проповедуя в племенах, для которых ортодоксальный ислам ассоциировался с господством сельджуков. Там он искал базу для своего царства.

Постепенно число его сторонников росло, но росли и опасения сельджукских властей. Один из писателей того времени, выражая их мнение, заметил: «Нет ни одного разряда людей более зловещего, более преступного, чем этот род... Если, упаси боже, державу постигнет какое-либо несчастье... эти псы выйдут из тайных убежищ и восстанут на эту державу».

Главным врагом Хасана ибн Саббаха стал просвещенный везир сельджукского султана Маликшаха Низам аль-Мульк. Он послал отряд поймать проповедника, и тот, убегая от преследователей, чуть не попал к ним в руки, когда его мул пал и вблизи не было ни одного селения.

Крупнейший исследователь исмаилизма В. Иванов пишет о Хасане ибн Саббахе: «Это был человек экстраординарной энергии и таланта, прирожденный вождь, который преуспел в совершении невероятного: он превратил мирное и подчиненное персидское крестьянство в удивительно упорных воинов».

Хасан ибн Саббах решил захватить крепость, в которой со своими сторонниками мог бы укрываться от преследований и готовить силы для дальнейшей борьбы. Свой выбор он остановил на крепости Аламут, в Дейлеме.

Сделал он это по трем причинам. Во-первых, Аламут находился далеко от столицы; во-вторых, в окрестных деревнях жило немало адептов нового учения; в-третьих, он был неприступен настолько, насколько вообще может быть неприступна крепость.

Аламут стоял в горной долине, утесы по сторонам которой представляли собой дополнительные укрепления. Сама же крепость оседлала отвесную скалу высотой более двухсот метров, которая поднималась в центре долины, где было расположено несколько небольших деревень, заселенных новообращенными исмаилитами. В крепости был водный источник.

Взять Аламут штурмом, даже если он охранялся небольшим гарнизоном, было практически невозможно.

Первым делом исмаилиты начали обрабатывать Алави,

коменданта крепости. Одновременно помощник Хасана ибн Саббаха занялся агитацией среди рядовых воинов.

Комендант колебался, но, когда ему было обещано три тысячи золотых динаров и право свободного выхода из Аламута, он решил сдать крепость.

Среди исмаилитов, вошедших в Аламут, был и сам Хасан ибн Саббах, одетый бедным ремесленником, тихий, скромный, немногословный человек с черной бородкой.

Он дал коменданту записку, по которой тот должен был получить в Дамагане три тысячи динаров у богатого купца, тайного исмаилита. Алави усомнился, что по записке, написанной «низким человеком», ему выплатят такую громадную сумму.

Чернобородый чуть улыбнулся.

Алави был последним человеком на Земле, который видел Хасана ибн Саббаха переодетым, скрывающимся, гонимым и настроженным. Отныне тот — Господин горы.

А комендант отправился в Дамган. Сухой, согбенный купец ввел его в заднюю комнату своего дома, отослал слуг и попросил показать записку.

Комендант вытащил листок.

Купец узнал почерк Хасана ибн Саббаха.

Комендант не поверил своим глазам. Купец благоговейно поцеловал жалкий листок бумаги и попросил гостя подождать. Через несколько минут он вынес мешок с тремя тысячами золотых динаров.

Известие о падении Аламута встревожило султана Маликшаха. Еще более его обеспокоило сообщение, что исмаилиты согнали местных крестьян строить небольшие крепости по соседству с Аламутом. «Завладев Аламутом, Хасан напряг все силы, чтобы захватить округа, смежные с Аламутом, или места, близкие к нему, — писал иранский летописец. — Он овладел ими путем обмана своей проповедью. Что до тех мест, где не были обмануты его речами, он завладевал ими убийствами, войной и кровопролитием. Везде, где он находил утес, годный для укрепления, он закладывал фундамент крепости».

Хасан ибн Саббах был непонятен. Так никто еще себя не вел. Обычно пророки шли из города в город, скрываясь от властей, и проповедовали втайне. Этот же сидел в неприступном замке и открыто бросал всем вызов. К нему стекались все новые сторонники. Уходя в Аламут, человек становился не подвластен царям земным. Что касается вечности, то об этом заботился Хасан.

Для человека средневековья рай и ад были понятиями не менее реальными, чем окружающая действительность.

Эмир, правивший провинцией, где действовал Хасан ибн Саббах, первым из иранских властителей отправился в поход, чтобы ликвидировать гнездо исмаилитов. Поход представлялся эмиру легким: ему предстояло расправиться лишь с кучкой обманщиков, которые хитростью овладели крепостью.

Эмир сжег селения в долине, перевешал тех исмаилитов, которые попали ему в руки, и обложил крепость.

Хасан ибн Саббах совершил ошибку. Он не рассчитывал, что эмир будет так оперативен, и не запасся зерном. Кормить гарнизон и беженцев было нечем.

Тогда он собрал защитников Аламута и сообщил им, что прошедшей ночью к нему явился скрытый имам и приказал крепость не сдавать. И такова была сила убеждения Хасана ибн Саббаха, что исмаилиты поклялись умереть, но не уступить врагу.

Эмир не знал о положении в крепости. Не нашлось ни одного предателя, который бы ему об этом сообщил. Через три дня он снял осаду и ушел из долины.

Следующее испытание выпало на долю Хасана ибн Саббаха через год. На этот раз в дело вмешался сам Маликшах. Он послал своего полководца с сильным отрядом и приказал не возвращаться до тех пор, пока тот не вырвет с корнем ростки заразы.

Правительственные войска подошли к крепости в марте. На полях только начинались работы. Аламутская долина недавно была опустошена войной. Накопить за зиму запасы продовольствия Саббах не смог. К тому же в крепости с ним оставалось мало людей — не больше семидесяти человек. Три месяца продолжалась осада Аламута. Осажденные, как пишет современник, «ели, только чтобы не умереть с голоду, и бились с осаждающими».

Когда стало ясно, что держаться дальше невозможно, Хасан ибн Саббах ночью, в плохую погоду, спустил на веревке одного из молодых парней, и тот, миновав посты врагов, выбрался из долины. На следующий день он был в центре этой провинции — Казвине, где местные исмаилиты с тревогой ждали вестей.

Тут же была проведена мобилизация исмаилитов в городе. Всего собралось более трехсот человек.

Исмаилитский отряд вошел в долину в сумерках. Шли по крутым склонам, по лесу, в безмолвии, стараясь не звенеть оружием. Дождались ночи. В крепости уже были предупреждены, что помощь близка, и приготовились к вылазке.

Хасан ибн Саббах остался в своей келье, которую построили

специально для него, как только Аламут был захвачен.^[5] Он беседовал со скрытым имамом, который должен был защитить воинов.

Сонные часовые погибли первыми. Они не успели даже поднять тревогу. И тут же началась страшная резня. В темноте, не понимая, что происходит, очнувшиеся сельджуки метались между шатрами, ржали кони, скрипели, опрокидываясь, повозки, крики и звон оружия долетали наверх, к келье Хасана ибн Саббаха.

Лишь малая часть сельджуков смогла вырваться из долины.

По всему Востоку растекались слухи: некий пророк живет в недоступной крепости. И какие бы армии ни посылал против него султан, ничто не в силах одолеть его. И хоть седина лишь тронула виски и бороду Хасана ибн Саббаха, его уже называли Старцем горы.

В городе Савэ произошло событие, возвестившее о начале нового этапа в истории исмаилитов. В том городе существовала исмаилитская ячейка, в ней состояло восемнадцать человек. Действовать ячейке приходилось в глубоком подполье, ибо правитель города желал искоренить исмаилитскую опасность. И потому, когда исмаилиты обратили в свою веру некоего важного чиновника, они сочли это большим достижением. Но обращенный чего-то испугался и отказался от исмаилизма. Боясь разоблачения, исмаилиты решили убить отступника. Исполнителем приговора избрали плотника Тахира. Плотник зарезал чиновника, но был схвачен, во всем сознался и по личному приказу Низам аль-Мулька был казнен.

То было первое убийство, о котором достоверно известно, что оно совершено исмаилитами, и первая казнь исмайлита за политическое убийство. Хасану ибн Саббаху этот частный случай подсказал новую стратегическую линию. Убийство не только возмущает, оно и устрашает врагов.

Так в тиши аламутского уединения была сформулирована теория политического террора, которая переживет ее создателя.

Хасан ибн Саббах стал первым политиком, который превратил политический террор в основное средство убеждения оппонентов. Террор должен был стать средством всеобщего устрашения и шантажа.

Требовалось решить две проблемы. Первая: как проводить покушения и как афишировать их. Вторая: как создать кадры исполнителей террора, подготовить убийц, которые смогут проникнуть через любые кордоны и, если нужно, погибнуть после совершения убийства.

Эта система складывалась не сразу — Хасан ибн Саббах

спешил начать террор. Первая жертва уже была избрана. Удар должен был испугать врагов и восславить Старца.

В конце сентября 1092 года Хасан ибн Саббах приказал приближенным собраться на площадке перед его кельей.

Он медленно прошел вдоль строя молодых сподвижников. Многие уже выказали верность и отвагу в дни обороны крепости. Воины настороженно ждали: все понимали, что сейчас вождь скажет важные слова.

— Кто из вас пресечет в этом государстве вред Низам аль-Мулька, нашего главного врага? — спросил Хасан ибн Саббах.

Несколько человек вышли вперед. Так родилось племя убийц — фидаев — «жертвующих собой».

В пятницу 18 октября 1092 года к паланкину Низам аль-Мулька, которого несли из дворца в гарем, подбежал человек. Он откинул полог паланкина и вонзил нож в сердце великого везира.

Убийца бросился бежать, но споткнулся о веревку шатра и упал. На него навалились телохранители и задушили.

Весть об этом убийстве (люди Хасана ибн Саббаха позаботились о том, чтобы ни у кого не осталось сомнения, что карающая рука была направлена Старцем горы) в считанные дни прокатилась по всему Востоку, вызывая удивление, возмущение, растерянность и страх.

Маликшах был потрясен этим убийством более других: нож, направленный в сердце везира, целился и в него. Султан приказал увеличить охрану — сотни стражей окружали его днем и ночью. Ни на секунду султан не оставался один.

Он приказал собрать большую армию, чтобы уничтожить гнездо исмаилитов в Аламутской долипе. И велел эмирам, поставленным во главе войска, не возвращаться без головы Старца горы.

Однако через двадцать дней после смерти Низам аль-Мулька неожиданно ночью скончался сам султан. Никто не знает, как и почему его настигла смерть. Современники были убеждены, что его отравили.

Смерть Маликшаха была выгодна не только Хасану ибн Саббаху: у султана было немало врагов, желавших его гибели. Но для Хасана ибн Саббаха она была спасением: если бы султан остался жив, исмаилиты не удержались бы в Аламуте. Уж очень своевременной была эта смерть для исмаилитов, чтобы исключить возможность убийства, совершенного фидаями.

Предусмотрел ли политический гений Хасана ибн Саббаха, что произойдет после смерти султана и мудрого везира, неизвестно. Но обстоятельства сложились весьма благоприятно для исмаилитов. Как только султан умер, в империи началась

борьба за престол. Сельджукское государство держалось лишь силой оружия, и стоило центральной власти пошатнуться, как немедленно начались восстания во всех провинциях и завоеванных государствах. Страна была ввергнута в пучину бедствия. Новый султан вновь и вновь собирал армии, чтобы укротить феодалов. Города были разрушены, крестьянство обнищало, торговля почти прекратилась.

Эти годы были благодатными для Хасана ибн Саббаха. Они дали ему возможность распространить власть не только на крепости, но и на целые районы. В обстановке всеобщей разрухи и вражды исмаилиты стали для многих последней надеждой.

Одним из важнейших приобретений исмаилитов была большая крепость Ламасар, которая контролировала соседнюю с Аламутской долину. Как всегда, Хасан ибн Саббах выждал нужную минуту и ударил без промаха.

По отношению к жителям долины Ламасар Хасан ибн Саббах вел себя совсем не по-отечески. В исмаилизм местные крестьяне переходить не спешили. И когда Старец велел крестьянам выйти на работы по ремонту крепости, те отказались это делать. Тогда всем жителям долины было приказано немедленно перейти в исмаилизм. Несогласные были зарезаны. Эта операция была хорошей практикой для фидаев — молодых террористов, которых Старец готовил в Аламуте.

Крепость Ламасар была превращена в столицу исмаилитов. Там построили каменные здания, мельницы и рисорушки, разбили сады и даже устроили ледники, чтобы хранить свежие продукты.

Исмаилит не только имел право обманывать любого человека ради торжества святого дела, но и обязан был таиться, как мышь, лгать и клеветать: цель оправдывала средства.

Почтенный исфаханский торговец холстом Абд аль-Малик ибн Атташ, правоверный мусульманин, когда отец его, связанный с исмаилитами, бежал из Исфахана, торжественно отрекся от отца и проклял его как еретика.

В действительности же Ибн Атташ был главой исмаилитского подполья в столице. Когда исмаилиты обманом захватили небольшую крепость в горах недалеко от Исфахана, он командовал боевой группой, которая неожиданно ворвалась в казарму и перерезала спящих воинов.

Никто в городе и подумать не мог, что торговец, счастливый отец и добрый семьянин, был одновременно отчаянным командиром исмаилитов. Двойная жизнь Ибн Атташа продолжалась еще несколько месяцев. Именно под личиной купца

он намеревался завладеть самой важной крепостью государства.

Охрану крепости Шахриз, которую ввиду смутных времен превратили в арсенал и в которой содержался султанский гарем, несли дейлемиты; среди них было несколько тайных исмаилитов, а их родственники жили в Аламутской долине.

И вот добродушный исфаханский купец зачастил в крепость. Его свободно впускали внутрь: он был нужен и гаремным красавицам, которым привозил из столицы ткани и благовония, и офицерам, которых снабжал всем необходимым. И не было более сговорчивого и щедрого купца в Исфахане — его товары были самые дешевые, и он всегда верил в долг.

Как-то купец пришел к коменданту и попросил разрешения занять одну из свободных комнат — там он хотел хранить товары и ночевать, если задержится в крепости. Разумеется, разрешение было дано. Отныне Ибн Атташ мог общаться с воинами, проповедовать среди них. Все больше дейлемитов становилось тайными сторонниками исмаилитов.

Затем ибн Атташ стал добиваться того, чтобы занять в крепости официальную должность. Исмаилитам пришлось потратить немало золота на подкуп нужных лиц, наконец был найден ход к новому везиру. И вот в один прекрасный день купец привез фирман султана. Отныне он — комендант крепости Шахриз.

Дальнейшее было привычно. Ибн Атташ провел в крепость фидаев. Однажды он расставил на караулах своих людей из дейлемитов, и всех неисмаилитов в крепости зарезали. Редкий случай в истории: комендант перебил почти весь собственный гарнизон.

Когда в Исфахане спохватились, было уже поздно: чтобы взять крепость штурмом, надо было бросить против нее целую армию. Исмаилитам достались большие запасы оружия. Султану же было горько лишиться гарема.

Теперь Ибн Атташ принялся за исполнение второй части плана. Оружие начали перевозить в город, где исмаилитское подполье распределяло его. По свидетельствам современников, в Исфахане к тому времени уже насчитывалось около тридцати тысяч тайных исмаилитов.

Подготовка к восстанию в столице сопровождалась исмаилитским террором. Об этом рассказывают разные авторы. Возможно, в их рассказах есть преувеличения, но нет сомнения, что в основе своей события происходили именно так.

Подсадными утками выступали лжеслепец Алави Мадани и его жена. Под видом нищих они бродили по улицам, поджидая, пока не покажется нужный человек. Это мог быть мулла,

известный своими речами против исмаилитов, чиновник, преданный Сельджукам, офицер, убивший кого-то из фидаев, или просто богатый человек, несший с собой добрый кошелек с деньгами.

Старенький слепец подходил к прохожему и молил именем Аллаха довести его до дома. Цепко ухватившись за руку невольного поводыря, старец тащил его к темной, узкой улице. Он останавливался у двери в высоком дувале и начинал благодарить прохожего. В этот момент из двери выскакивали исмаилиты и, оглушив жертву, кидали в глубокий колодец. Или брали живьем.

Таинственные исчезновения переполошили весь город. Люди боялись поодиночке выходить на улицу. Сыщики султана сбились с ног. По разным источникам, в Исфахане исмаилитами было убито от нескольких десятков до нескольких сотен человек.

Преступление было раскрыто случайно. Как-то на рассвете одна бедная женщина услышала из-за забора глухие стоны. Она перепугалась и побежала на базар, где рассказала об этом людям. А так как город жил в тревоге, толпа сразу кинулась к тому дому. Когда взломали дверь, в колодце, в подвалах, даже в задних комнатах дома обнаружили множество тел со следами страшных пыток. Кроме четы старцев удалось схватить еще нескольких добровольных палачей. Их сожгли на костре. И всем стало ясно, что исмаилиты готовятся к выступлению.

Исмаилиты тоже были перепуганы тем, что их дела открылись. В городе началась «охота за ведьмами». Стоило сказать о ком-то, что он исмаилит, как толпы мчались к его дому, чтобы убить еретика.

Исмаилиты начали восстание преждевременно и были разбиты.

Убийства в Исфахане показывают иную грань террора, придуманного Хасаном ибн Саббахом. Правда, исфаханский урок научил исмаилитов тому, что массовый террор может обернуться против них самих. С тех пор они убивали выборочно.

Когда в 1105 году на престол в Исфахане вступил двадцатипятилетний султан Мухаммед, он первым делом приказал готовить войска, чтобы отнять у исмаилитов крепость Шахриз. Ее комендант Ибн Атташ решил принять встречные меры.

Он рассчитывал на помощь везира. Тот достался султану по наследству от предшественника. В свое время везир за взятку устроил Ибн Атташа комендантом крепости и теперь был в руках исмаилитов. Ибн Атташ отправил к нему верного человека, который дал ему понять, что убийство султана — в их общих

интересах. Если везир откажется, султану станет известно о его предательстве.

Везир подослал своего слугу к султанскому брадобрею. За тысячу динаров тот согласился сделать султану, который страдал от тучности, очередное кровопускание отравленным ланцетом.

У слуги везира была красавица жена, от которой тот ничего не скрывал. У жены был любовник, от которого та ничего не скрывала. И той же ночью тайна стала достоянием нескольких человек.

Брадобрей должен был прийти к султану после завтрака. Любовник, который был мелким придворным и полагал, что может недурно заработать на этой истории, сумел проникнуть к султану до завтрака. Когда пришел брадобрей, султан Мухаммед уже все знал.

Он приказал сделать кровопускание брадобрею отравленным ланцетом и вызвал везира, чтобы тот при этом присутствовал.

После страшных пыток везира повесили на городской стене. Еще через день Мухаммед, бросив все государственные дела, сам повел отряд гвардейцев-гулямов на штурм крепости. Он поклялся, что собственными руками убьет это исчадие ада — Ибн Атташа.

Но крепость не сдавалась. Ибн Атташ знал, что пощады не будет.

Исход дела решило предательство: к султану перебежал один исмаилит, который предложил показать тайный ход в крепость.

Когда жена Ибн Атташа увидела, что гулямы окружили ее мужа, она бросилась с крепостной стены. Ибн Атташа султан приказал доставить в Исфахан.

Его везли по улицам, заполненным народом. Горожане кидали камни и навоз в вождя исмаилитов. Ибн Атташ молчал. Кровь текла по иссеченному лицу и заливала глаза.

Потом с Ибн Атташа содрали живьем кожу и набили ее соломой.

Султан отомстил Ибн Атташу, но исмаилиты не были побеждены.

Хасан ибн Саббах внимательно следил за положением дел в странах, лежащих к западу от Ирана, в приморских областях Ближнего Востока.

В конце XI века, после Первого крестового похода, европейские рыцари захватили Иерусалим, к ним в руки перешла большая часть Сирии и Палестины. Владения Сельджуков были отрезаны от моря. В их стане царила растерянность. Хасан ибн Саббах понял, что наступил удобный момент, чтобы ударить по Сирии.

Там он отыскал царственного покровителя.

Им оказался султан Халеба Ридван. Деспот, убийца своих братьев, постоянно враждовавший с соседями, он оказался между двух огней. Его теснили крестоносцы, ему угрожали родственники. Ридван искал союзников где угодно. Когда эмиссары Хасана ибн Саббаха появились в Халебе и пообещали помощь могущественного Старца горы, он разрешил исмаилитам жить и проповедовать в своем городе.

Хасану ибн Саббаху были нужны крепости. Ридвану надо было убрать врагов. Если кто-то согласится их убивать, он готов пожертвовать крепостями.

Через год был убит владетель города Хомса. Он был зарезан на улице тремя исмаилитами. В городе воцарилась такая паника, что многие жители бежали оттуда в Дамаск.

С этого дня одии за другим погибали враги Ридвана. Убийцу иногда ловили, иногда убивали на месте преступления. Пойманные убийцы не скрывали, что они — фидаи, гвардия Хасана ибн Саббаха.

С каждым новым убийством исмаилиты требовали от Ридвана новых уступок и поблажек. Один из современников пишет, что исмаилита можно было узнать на улицах Халеба по спесивой походке и надменному виду. Исмаилиты уже не скрывали, что Ридван, обязанный им властью, заставит всех перейти в истинное учение.

Как и бывает в таких случаях, исмаилитов погубила самоуверенность. Они игнорировали ненависть, которую вызывали в городе.

И произошло то, что должно было произойти: исмаилиты узнали, что в город приезжает богатый персидский купец. И решили его ограбить, облачив убийство в идеологические одежды. Но перс был готов к нападению, и у него была своя стража, которая смогла схватить убийц. В Халебе поднялось возмущение и началась резня исмаилитов. Большинство открытых исмаилитов в городе было убито. Но крепости в Сирии остались в их руках.

...Проходят века. События и люди теряют индивидуальность. Они превращаются в категории. Вместо людей действуют социальные силы. Люди же выполняют функцию.

Подобное абстрагирование несет в себе опасность для самой истории. Злобный тиран Иван Грозный превращается в прогрессивного деятеля, потому что в числе его жертв были бояре. Значит, он — борец за централизованное государство, хотя бояре выступали не против централизованного государства, а против самодержавной власти царя. Централизованное

государство прогрессивнее раздробленного, значит, мы должны понять и разделить чаяния Ивана Грозного. Царь же не ограничивался убийством бояр, а уничтожал тех, кто истреблял бояр, уничтожал народ, погибавший в бесконечных войнах и карательных экспедициях. Ивану Грозному было неважно, прогрессивен он или нет. В конечном счете его интересовала лишь собственная драгоценная персона, и ради сохранения ее на троне он готов был на любое предательство, на любую подлость, на любую кровавую жестокость. К концу жизни Иван Грозный умудрился загнать Россию в экономический и политический тупик, откуда страна выбиралась многие кровавые годы.

Подобное историческое абстрагирование касается и других исторических фигур. Приходится сталкиваться с этим и когда читаешь труды об исмаилитах и Хасане ибн Саббахе. Его, страшного паука, сидевшего в паутине Аламута и готового на любое преступление ради укрепления своей власти, порой трактуют как бескорыстного борца за народное счастье. На основании того, что большинство его сторонников на первых порах принадлежали к городским сословиям, а убивал он в основном султанов и эмиров, везиров и полководцев, делается вывод об антифеодальной направленности его политики. Например, современный историк, говоря о массовых убийствах в Исфахане, делает вывод: «В Исфахане исмаилиты применяли против своих классовых врагов — сельджукской династии, тюркских феодалов и персидских бюрократов — метод тайных убийств». Так и представляешь себе вечерний город, по которому в одиночестве бредут представители сельджукской династии, ожидая, когда слепец затащит их в переулок. События в Халебе, где горожане расправились с обнаглевшими исмаилитами, перешедшими к открытым грабежам, что их и погубило, оцениваются как «расправа феодальных верхов города» с демократами-исмаилитами. Как будто султан Ридван, который призвал убийц и покровительствовал им, был врагом феодализма. Применение жесткой схемы в истории опасно тем, что исследователю приходится идти на несообразности, лишь бы схема восторжествовала.

Лишь схема заставляет утверждать, что в «исмаилитском государстве была уничтожена политическая власть Сельджуков, изгнана сельджукская администрация, традиционная форма правления — наследственная монархия — была заменена правлением Хасана ибн Саббаха и его сподвижников, выражавших интересы народных масс — ремесленников, городской бедноты и крестьян. Это было огромным достижением восставшего народа».

С народными массами Хасан ибн Саббах сталкивался лишь в

редких случаях. Они должны были кормить убийц и «пропагандистов» — даи. Того, кто не желал этого, уничтожали. Никогда народные массы не поднимались на стороне Хасана ибн Саббаха.

Шли годы. Хасан ибн Саббах старел. Он никогда не покидал Аламута. Как и всякий тиран, боялся убийц, потому что сам их готовил и знал, насколько трудно от них укрыться. Он боялся толп, боялся войн. Он укреплял свой замок и строил новые крепости вокруг долины.

Последние годы жизни Старца горы прошли в тяжелых оборонительных боях с сельджукскими войсками. Султан Мухаммед был беспощаден к ним и неутомим в походах против их крепостей. События первых десятилетий XII века — цепь осад и штурмов, предательств и убийств. Но ситуация была тупиковой. Сельджукские армии истребить исмаилитов не могли. Ни в городах, где продолжала действовать законспирированная сеть исмаилитских ячеек, ни в крепостях, которые были отлично расположены и укреплены, снабжены продовольствием и водой. И даже если исмаилиты теряли крепость, они завоевывали новые — в Иране, Сирии, Палестине.

Но беда исмаилитов как раз и таилась в том, что им самим казалось силой, — в желании захватить как можно больше крепостей. Паучий характер их вождя привел к тому, что исмаилиты стремились к созданию конспиративной организации, не имевшей лозунгов, которые могли бы поднять народ. Хасан ибн Саббах добился ряда побед. Но множество маленьких побед не ведет к одной большой победе. Множество крепостей — это не страна. Ни одно из восстаний, которые исмаилиты поднимали вне крепостей, к успеху не привело. А какими бы неприступными ни были крепости, в конце концов они обязательно падут. Исмаилиты избрали стратегию обороны. Это была изумительно организованная оборона, и потому их крепости держались долго. Но в конце концов они пали.

Далеко не всемогущ был и султан Мухаммед. Его борьба с исмаилитами, хотя и была упорной, велась относительно малыми силами, в основном в ней участвовали ополчения феодалов в тех провинциях, где стояли исмаилитские крепости. Со смертью Мухаммеда борьба Сельджуков с исмаилитами велась sporadически — уж очень плохи были дела в самой сельджукской державе.

Казалось бы, раз учение Хасана ибн Саббаха столь близко народным массам, то именно в обстановке распада сельджукского государства пришло время поднять восстание по всему Ирану. Но

ничего подобного не произошло. Эфемерная империя Хасана ибн Саббаха все более замыкалась в стенах цитаделей и раздиралась внутренними распрями.

И виновен в этом был сам Старец горы.

Он уже и в самом деле стал старцем. За последние тридцать пять лет жизни он ни разу не спустился с аламутского утеса. Сознание своей непогрешимости сильно отдавало паранойей — недугом тиранов. Он питался лишь той информацией, которую ему приносили приближенные. А те уже начали делить власть. В этом участвовали и сыновья Хасана ибн Саббаха, считавшие себя наследниками престола. Но сыновей своих Старец не любил. И если бы он был убежден, что угроза его власти исходит от них, сыновей ждала бы жестокая расправа.

В конце концов так и случилось. Один из приближенных Старца замыслил заговор против него. Но притом изображал из себя верного слугу. Ему удалось подстроить убийство старого соратника Хасана ибн Саббаха, наместника Кухистана. Затем этот приближенный представил одержимому манией преследования Старцу «неопровержимые доказательства», что убийством наместника руководил сын Старца Устад. Расчет был верен. Хасан ибн Саббах тут же приказал казнить Устада. Прошло какое-то время, и от других приближенных Хасан ибн Саббах получил доказательства, что его сын оклеветан. Тогда Хасан ибн Саббах приказал замучить клеветника, а заодно и его сыновей.

С годами все суровее была жизнь на аламутском утесе. Однажды Старец услышал звук свирели. Он вызвал стражу и приказал найти виновника. Им оказался молодой фидай. Парня жестоко наказали и изгнали из долины. Он еще счастливо отделался. Незадолго до смерти Хасан ибн Саббах узнал, что его второй сын, Мухаммед, которому, подозревая его в измене, он приказал жить в Аламуте, хранит у себя в комнате кувшин с вином. Был произведен обыск, кувшин найден. Мухаммед клялся, что кувшин ему подложили. Старец пришел в безумную ярость и, несмотря на мольбы жены, приказал тут же у себя на глазах отрубить Мухаммеду голову. Так погибли сыновья Старца.

...Хасану ибн Саббаху шел восьмой десяток.

Распорядок жизни в крепости не менялся. В назначенное время Старец отодвигал тяжелый засов, которым была закрыта на ночь его келья изнутри. Юные фидай, безмолвные и послушные, вносили воду для омовения и легкую пищу — Старец всегда был умерен в еде и этим гордился. Он никогда не поворачивался к фидаям спиной. Коров, молоко которых пил Старец горы, держали в крепости, он боялся, что его отравят. В крепости же пекли лепешки.

Позавтракав, Старец держал совет с приближенными, вызывал к себе комендантов крепостей. Порой он устраивал испытания фидаям и заставлял их драться на ножах. Фидай должны были ничего не бояться и менее всего — смерти.

Фидай готовились к участи убийц в обширном замке Ламасар, где были разбиты сады и цветники, среди которых били фонтаны. Этот мир был отделен высокой стеной от остальной крепости. В саду мог отдыхать лишь Кийя Бозорг Умид, комендант Ламасара, коренастый крестьянин, хитрый и упрямый. В сад отправляли фидаев перед тем, как они уходили убивать, — сад символизировал рай, куда они попадут, если погибнут, выполнив свой долг. Одурманенным гашишем молодым волкам казалось, что и в самом деле им удалось заглянуть в пределы рая. На роль гурий Умид брал девушек из дейлемитских деревень. Обычай дейлемитов позволяли девушкам общаться с мужчинами до свадьбы. Подготовка фидаев занимала долгие годы. Их выбирали из наиболее темных горцев, и сложная система обработки юного организма, пока человек не превращался в фанатичного, терпеливого и послушного убийцу, была продумана самим Хасаном ибн Саббахом и доведена до совершенства Умидом.

Именно фидай сохранили в веках мрачное имя Хасана ибн Саббаха. От них и получили исмаилиты прозвище «ассасины»: так трансформировалось в устах крестоносцев слово «гашиш», которым фидаев одурманивали перед тем, как отправить на задание. В западных языках слово осталось по сей день. «Ассасин» в английском и французском языках значит «убийца». И, произнося это слово сегодня, англичанин и не подозревает, что имеет в виду молодого фанатика, который спешил в Багдад или Триполи, чтобы исполнить волю Старца горы.

Самое подробное — правда, уже относящееся к последним годам существования исмаилитской державы — описание того, как готовили фидаев, оставил великий путешественник Марко Поло. К тому времени методы исмаилитов и образ их жизни были уже настолько хорошо известны на Ближнем Востоке, что сведения Марко Поло, очевидно, отвечают действительности.

«Содержал старец при своем дворе, — пишет Марко Поло, — тамошних юношей от двенадцати до двадцати лет. Были они как бы под стражей и знали понаслышке, как Мухаммед, их пророк, описывал рай... Приказывал старец вводить в этот рай юношей, смотря по своему желанию... и вот как: сперва их напоят, сонными брали и вводили в сад. Там их будили.

Проснется юноша и поистине уверует, что находится в раю, а жены и девы весь день с ним, играют, поют, забавляют его, всякое

его желание исполняют...

Захочет старец послать кого из своих убить кого-нибудь, приказывает он напоить юношей, сколько пожелает; когда же они заснут, приказывает перенести их в свой дворец. Проснутся юноши во дворце, изумляются, но не радуются, оттого что из рая по своей воле они никогда бы не вышли. Идут они к старцу и, почитая его за пророка, смиренно ему кланяются, а старец их спрашивает, откуда они пришли. Из рая, отвечают юноши... Захочет старец убить кого-либо из важных, прикажет испытать и выбрать самых лучших из своих ассасинов, посылает он многих из них в недалекие страны с приказом убивать людей; они идут и приказ его исполняют; кто останется цел, возвращается ко двору. Случалось, что после смертоубийства они попадают в плен и сами убиваются... Скажу вам по правде, много царей и баронов из страха платили старцу дань и были с ним в дружбе.

Как уже говорилось, в сохранившемся перечне жертв исмаилитов фигурируют в основном султаны, эмиры, везиры и полководцы. Мелкая сошка — чиновники, офицеры или горожане — чаще всего погибали бесследно. Никто никогда не узнает, сколько же всего человек пало от рук фидаев.

Фидаями был убит и великий иранский ученый, «отец прекрасных свойств и качеств», Абу-ль-Махасин, который поднял голос против учения Хасана ибн Саббаха, восемь государей, включая трех халифов, шесть везиров, начиная с Низам аль-Мулька, несколько наместников областей, правителей городов, немало крупных духовных лиц. Погибли от их рук и два европейских государя — князь Раймунд Триполлийский (в 1105 году) и маркграф Конрад Монферратский (в 1192 году).

Далеко не все покушения были удачными. И хотя фидаи были обучены принимать обличья купцов и нищих, вельмож и разносчиков воды, музыкантов, воинов и муфтиев, хотя они умели ждать месяцами, потому что не смели вернуться в Ламасар, не выполнив приказа, все равно не обходилось без провалов. Проклятием фидаев станет в XII веке, султан Салах ад-Дин, великий враг крестоносцев, кумир мусульманского мира. Множество заговоров, направленных против него, сорвалось, ибо он был разумен и осторожен, а его охрана неподкупна. После каждого заговора очередные исполнители закалывали себя либо шли на плаху.

Формально фидаи подчинялись лишь Хасану ибн Саббаху — он посылал их на смерть. Существует — возможно, апокрифичный — рассказ о том, как Старец с каким-то гостем стоял на балконе у своей кельи. И когда гость выразил сомнение в том, что фидаи могут выполнить любое приказание Старца, тот

показал гостю фидая, стоявшего на одной из башен. Затем взмахнул рукой, и, подчиняясь жесту Хасана ибн Саббаха, часовой кинулся с башни в пропасть.

Фидай были послушными, фанатичными и упорными исполнителями кровавых миссий. А готовил их, награждал и наказывал комендант Ламасара Умид. Особенно возросло его значение, когда в последние годы жизни Старца погибли, оклеветанные, его сыновья и были ликвидированы многие его соратники. Но передать всю власть Умиду Хасан ибн Саббах не хотел. Умирая, он повелел исмаилитам подчиняться коллегиальному органу из четырех человек, которых назвал в завещании. И Кийя Умид был лишь одним из них.

Хасан ибн Саббах умер в 1124 году. Похоронив Старца, четверка правителей принялась за дело. Следовало сражаться с врагами, защищать крепости, строить новые, к тому же бороться с крепнущим желанием наместников и комендантов крепостей отделиться от Аламута.

Вожди исмаилитов внешне едины. Но происходят странные события. Менее чем через год неожиданно умирает главный соперник Умиды по четверке, командующий всеми войсками исмаилитов. Еще через несколько месяцев таинственная смерть вырывает двух других членов четверки. Не проходит и двух лет со дня смерти Хасана ибн Саббаха, как Умид становится единственным главой исмаилитов. Он остается в Ламасаре, в центре подготовки фидаев. Источники рассказывают, что в секте все чаще появляются видные фигуры, носящие родовое имя Кийя Умиды, — его родственники. Крестьянская семья нового пророка была велика, и всем требовались должности.

Умиду наследовал его сын Мухаммед, который, в свою очередь, провозгласил наследником сына, Хасана. Этот молодой человек отличался умением произносить речи и немалой энергией. Хасан сделал логический шаг в развитии исмаилизма. К этому его толкали не только собственные интересы, но и забота о судьбах империи крепостей. Времена ее торжества прошли. Движение изживало себя, теряло авторитет.

И вот молодой Хасан из крестьянского семейства Кийя, будущий властитель исмаилитов, объявляет себя имамом исмаилитов.

Талантливый оратор и умница, Хасан смог повести за собой исмаилитов Аламутской долины, которая была дана ему в удел отцом. Слухи о появлении скрытого имама взволновали всех исмаилитов, к негодованию старой исмаилитской гвардии. Сам Хасан ибн Саббах никогда не называл себя имамом! А мальчишка,

которого старые воины и проповедники недавно качали на коленке, кричит, что он и есть имам, наместник Аллаха на Земле.

Негодование стариков разделял и отец Хасана. Он явился в Аламут с отрядом фидаев и арестовал Хасана.

Хасан тут же раскаялся.

Но далеко не все жители Аламута последовали его примеру. Некоторые продолжали упорствовать. Тогда отец перешел к крайним мерам. Двести пятьдесят сторонников Хасана были зарублены фидаями, а остальным привязали трупы на спины и в таком виде выгнали из крепости.

Хасан затаился в Аламуте под надзором верных людей отца. Но смирение было лицемерным, притворство никогда не считалось у исмаилитов грехом. Он ждал момента. А его сторонники, оставшиеся на свободе, не бездействовали. Вряд ли иначе можно объяснить то, что в расцвете сил отец Хасана в одночасье умер и освободил исмаилитский престол.

В 1162 году Хасан занял место отца. Феодалное наследование уже утвердилось у исмаилитов.

Со смертью Хасана ибн Саббаха движение потеряло харизматического вождя, создателя доктрины, безгрешного и недостижимого. То, что Старец не называл себя имамом, роли не играло — он все равно таковым являлся. Теологическая разница между скрытым имамом и Хасаном ибн Саббахом для рядового исмаилита была несущественна. И вот живой бог умирает. Исмаилиты остаются с доктриной, но без пророка. Разумеется, коллегиальное руководство стариков имама не заменит. Попытка Кийя Умида, функционера, опытного политика, но не теолога, заменить собой Хасана ибн Саббаха провалилась. Империя держалась лишь силой инерции, на крепостях и привычной дисциплине. Никаких перспектив развития у нее не оставалось. И так бы она и сошла со сцены, если бы не великолепная идея Хасана-младшего.

Первые месяцы после прихода к власти Хасан занимался бурной деятельностью, проводя время в совещаниях с комендантами крепостей.

Прошло два года, прежде чем наступил великий день.

В 17-й день рамадана 559 года мусульманского летосчисления (8 августа 1164 года) со всех концов исмаилитской державы в Аламут прибыли делегаты. Они расположились на площади, посреди которой стояло возвышение, украшенное четырьмя знаменами разных цветов.

День был ясный и нежаркий. Ветер летел над утесом исмаилитской столицы, дергая полотнища знамен.

На возвышение поднялись наместники провинций и

коменданты крепостей.

В полдень из своей кельи вышел Хасан.

Он был облачен в длинное белое одеяние, на голове — высокий белый тюрбан. Хасан был высок, строен и красив. Яркие краски и скопление народа были необычны. Необычна была даже одежда Хасана, ибо все привыкли, что вожди исмаилитов не показываются простым людям и предпочитают серые и черные одежды, подчеркнута скромные, почти нищенские, — так повелел Хасан ибн Саббах.

Хасан-младший поклонился по очереди на все четыре стороны. Затем он произнес речь. В ней он восхвалял бога, который открыл врата милосердия и по щедрости своей дал всем жизнь. Затем он объявил, что некий тайный человек принес ему послание от скрытого имама, которое он и намерен прочитать.

Обратите внимание на тонкость: Хасан не объявляет себя имамом — он осторожничают. Более того, оказывается, послание имама написано по-арабски, на языке, которого не понимает никто из присутствующих. Поэтому, прочтя его, Хасан затем переводит текст на персидский. Непонятность послания усиливает его правдоподобие. Если имам — потомок пророка Мухаммеда, он и должен писать по-арабски. Скрытый имам объявляет Хасана повелителем всех исмаилитов и приказывает всем беспрекословно подчиняться ему.

После того как послание было выслушано, Хасан приказал расстелить на площади скатерти, поставить на них еду и вино.

Этот приказ, естественно, вызвал шок. В разгар великого поста, днем — и всевозможная еда и хмельные напитки! Такого Аламут не видел еще никогда. Но этого мало: из задних рядов выходят музыканты и достают спрятанные до того инструменты. И гремит веселая музыка. Хасан объявляет всех своих подданных свободными от строгих законов шариата, от поста, от обязательных молитв.

Еще через несколько дней Хасан признался, что он и есть имам.

Оставалось доказать свое происхождение от пророка. Откуда в семье крестьянина Умида появился тайный имам? Очень просто: малолетнего имама, пряча от врагов, вывезла из Египта и поселили с матерью в одной из деревень Аламутской долины. Он вырос и, будучи красивым мужчиной, соблазнил жену Кийя Мухаммеда, которая и родила от этого сожителства мальчика Хасана. Так как скрытый имам действовал по предопределению свыше, грех был простителен. Но Кийя Мухаммед знал правду и потому Хасана не любил и тратил немало сил, чтобы доказать всем, что он не имам. Иначе пришлось бы признать, что жена

предпочла ему другого мужчину, а это было невыносимо.

Революция Хасана спасла исмаилизм. Это учение сохранилось до наших дней. Сегодня отдаленный потомок Кийя Хасана именуется себя имамом и отсчитывает рождение исмаилизма с того дня, когда Хасан-младший, выйдя на майдан в белых одеждах, объявил великий праздник освобождения. Великий и суровый первый вождь почти забыт.

Хасан-младший, отвергнув жестокость движения и открыв ворота крепостей, возродил исмаилизм в глазах рядовых его членов. Но систему он сокрушить не смог, а казнить противников, насколько известно, не стал. Даже враги не могут обвинить его в репрессиях и казнях. Политические убийства прекратились. Фидаи остались без дела, а в сад Ламасара мог зайти любой.

У Хасана было немало врагов, в первую очередь те коменданты крепостей, которым еретические затеи самозваного имама были противны и которым выгоднее было поддерживать лояльные отношения с соседними мусульманскими государями.

Хасан, тяготившийся теснотой и холодной памятью камней Аламута, переехал в обширный, светлый Ламасар. Там он жил открыто, окруженный друзьями и, разумеется, врагами. Один из первых же заговоров оказался успешным. В начале 1166 года Хасана убил брат его жены, который, по словам враждебного Хасану иранского писателя, «не мог терпеть распространения того постыдного заблуждения».

Восторжествовала исмаилитская реакция. Начались убийства друзей Хасана.

Но принцип престолонаследия уже установился в исмаилитском государстве. Коменданты согласились с тем, что престол переходит к девятнадцатилетнему Мухаммеду, сыну Хасана. Они полагали, что смогут держать юношу в руках.

Но юноша не зря жил рядом с отцом. Он был его верным другом и учеником. Как и отец, он умел таить свои чувства.

Сразу же после гибели Хасана Мухаммед переехал в Аламут. Там он, уже облеченный формальной властью, заявил, что будет продолжать дело отца, но не повторит его ошибок.

Был схвачен и казнен не только убийца, но и все его родственники. Главари оппозиции были безжалостно перебиты. Юный имам учредил жесткую систему контроля над разбросанными по разным странам крепостями, он был недоверчив и осторожен. Это помогло ему установить своего рода рекорд: Мухаммед продержался на престоле в Аламуте сорок четыре года и был убит лишь в 1210 году.

Этот период почти не отражен в источниках. Исмаилиты по-прежнему владеют крепостями, воюют с сельджукскими

султанами и эмирами, стараются захватить новые крепости, порой лишаются старых. Исмайлиты совершают политические убийства, но инициатива их исходит не из Аламута, а из сирийских крепостей, которые с середины 60-х годов XII века не признавали власти Аламута. С конца этого столетия исмаилитской державы как единого целого уже не существует.

Каждая группа крепостей или наместничество проводит свою политику, вступает в союзы с сельджуками, а то и с врагами веры — крестоносцами. Зачастую в соседних крепостях более или менее мирно сосуществуют исмаилитский наместник и французский барон. Более того, этот французский барон мог нанять фидаев, чтобы они убрали христианского соперника.

Автономность и неприступность крепостей привели к тому, что исмаилиты позже всех на Ближнем Востоке покорились монголам.

Порой легче сломить большое государство: есть войско, которое можно разгромить, и столица, которую можно занять. Иное дело штурмовать неприступные горные цитадели исмаилитов: против десятков крепостей надо посылать отряды, снабженные осадными машинами, терять время и людей — результат же не стоил усилий.

Но в середине XIII века монголы решили покончить с исмаилитами. Эта задача облегчалась тем, что очередной властитель исмаилитов был человеком слабым. Он метался между желанием сохранить жизнь и богатство и страхом перед монголами. Пользуясь его непоследовательностью, монголы силой, обманом, уговорами брали крепость за крепостью, пока имам не был осажден в Аламуте. Там он в конце концов и сдался. И, явившись в ставку монголов, клялся, что хотел это сделать давно, но опасался собственных фанатичных подданных. Монголы сделали вид, что поверили имаму, и он некоторое время прожил у них в почетном плену.

Имам влюбился в монголку-служанку и попросил разрешения на ней жениться. Разрешение было дано. Тем временем почти все крепости уже сдались монголам, и надо было как-то отделаться от имама. Тот сам подсказал выход. Он решил съездить в ставку великого хана. Монголы с готовностью снарядили небольшой караван для имама и его новой жены, и через несколько месяцев имам оказался в Каракоруме. Великий хан отказался принять имама и прогнал его обратно. В пути тот сгинул.

Последняя крепость держалась еще двадцать лет и пала лишь в конце 70-х годов XIII века. Всех ее защитников монголы казнили.

Развалины крепостей историки находят в глухих, высохших

ущельях. Еще не все крепости обнаружены.

Исмаилиты по сей день мирно живут по всей Азии, занимаясь торговлей и платя дань потомку имамов, который считается одним из богатейших людей нашего времени.

Мне кажется, что в конце XII века жило куда больше великих людей, чем за сто лет до того или через сто лет. На эту тему можно создать несколько гипотез, достаточно стройных и достаточно необязательных. Тут можно привести фактор демографический: в XII веке было относительно мало больших войн, уничтожавших целые народы, и не было страшных эпидемий, опустошавших мир в последующие века. Нашествие сельджуков — уже история, а нашествие монголов — только завтрашний день. Относительно стабильный, куда более густонаселенный, чем за сто лет до того, мир XII века — это к тому же мир городов, административных центров, средоточия коммерции, концентрации мысли. Когда мы знакомимся с биографиями людей XII века, мы обнаруживаем удивительную для прошлого черту: люди живут долго и умирают своей смертью.

Есть печальный закон: гении и таланты гибнут быстрее, чем средний человек. Они наиболее ранимы, они беззащитны, потому что они не такие, как все. На Земле родилось во много раз больше гениев, чем смогло проявить себя. Особенно это характерно для периодов великих бедствий. Монгольское нашествие смело несколько великих цивилизаций средневековья — оно уничтожило систему государств Азии и Восточной Европы. В России, Грузии, Армении, Азербайджане, Хорезме, Китае — везде кочевники в первую очередь уничтожали население городов. Гибли носители культуры. А после монгольского нашествия обрушилась черная ночь чумы, которая наиболее яростно свирепствовала в городах — тесных скопищах людей. Мы не

знаем, сколько гениев XIII и XIV веков погибло в пожарах и тоскливой тишине зачумленных городов.

Образ мысли средневекового человека был качественно иным, чем наш. И система ценностей была иной — преломлялась сквозь призму религии. Религия диктовала нормы жизни. Если гений ставил под сомнение суть вещей, он становился еретиком. И погибал. Отторгнутый религией и обществом. Об этих людях мы ничего не узнаем.

Средневековый образ мысли вел к тупикам знания. Астрономия, основательно забытая после гибели античной цивилизации, таилась на задворках астрологии, химия была золушкой алхимии. Тупики знания поглотили великие умы средневековья, потратившие жизнь на поиски философского камня или связей между человеческой судьбой и движением светил. Гении горели на кострах, погибали на плахе, угасали в темницах — способов избавиться от гения у средневекового общества было не меньше, чем у сегодняшнего. И все же вторая половина XII века была благодатным часом относительного спокойствия, позволившим выжить и проявить себя некоторым гениям.

Город Гянджа, развалины которого и сейчас сохранились недалеко от Кировабада, был одним из крупнейших городов Закавказья. Рассказывают, что окружавшие его стены тянулись на десятки километров. Горная речка Гянджачай делила город на две части, и между ними были перекинуты три каменных арочных моста. Гянджа унаследовала дела и славу старинного города Бердаа, столицы азербайджанской Албании, которую арабы называли «Багдадом здешних мест». Могущество Бердаа было подорвано русами, захватившими город в середине X века, и постепенно Гянджа, стоявшая на торговом пути из Ирана в Грузию, стала первенствовать в Восточном Закавказье. До середины XII века Гянджей и страной Арран, центром которой она считалась, правили наместники сельджукских султанов, затем власть там перешла к династии атабеков — Ильдегизидов.

Гянджа была одним из важнейших пунктов на Великом торговом пути. Жили там потомки аланов и албанцев, армяне, персы, грузины и турки.

В сентябре 1139 года в Закавказье произошло сильное землетрясение. Более всего пострадала Гянджа.

«Туман и тучи, — пишет армянский историк, — покрыли горы и равнины, и случилось страшное землетрясение, отчего разрушилась столица... Обрушилась от землетрясения гора Алпарак и запрудила лощину, в которой протекала река, и

образовала озеро». Арабский современник тех событий еще более суров: «Город Гянджа и его область провалились сквозь землю. Он настолько разрушен, как если бы его и не было на земле».

В Гяндже погибли десятки тысяч человек. Груды дымящихся развалин, пыль, нависшая над долиной, вздувшаяся от трупов и мусора река, стоны и крики людей — такой была Гянджа в 1139 году.

Когда первые вестники бедствия домчались до соседних государств, грузинский царь Димитрий поспешил к разрушенному городу. Как рассказывают армянские и арабские летописцы, грузинские воины избивали оставшихся в живых жителей, грабили разрушенные дворцы, разрывали развалины в поисках сокровищ. Грузинское войско возвратилось домой со сказочной добычей — пленниками, драгоценностями, тканями и мехами. Везли и городские ворота Гянджи. Они были доставлены в Гелати и установлены в тамошнем монастыре.^[6]

Прошло много лет, прежде чем Гянджа отстроилась и вновь стала кипучим центром ремесла и торговли.

И первыми впечатлениями маленького Ильяс, сына Юсуфа, который родился через год или два после бедствия, были руины на площадях. Отец мальчика был небогатым ремесленником. Он рано умер, и матери, курдянке, пришлось одной поднимать детей.

Пройдет много лет, и мальчик Ильяс ибн Юсуф станет великим поэтом Низами.

Низами — человек-тайна, причем тайна — в его простоте и очевидности. Поэт должен вести себя как положено — даже величайшие из них стремились ко двору. Не только потому, что там было сытнее. Главное, там было безопаснее. Средневековый двор — это и академия наук, и академия художеств. Позы-отшельники редки, великие отшельники уникальны. Ведь не только их тянет к царскому двору, двор тоже хочет украсить себя знаменитостью. Меценатство — старинное занятие. Можно топтать и унижать творца, но даже в те давние времена наиболее мудрые правители догадывались, что имена многих шахов и эмиров сохраняются в памяти потомков только потому, что сохраняются посвящения поэм.

Почему же Низами, превосходивший современников, всю жизнь провел в ремесленном квартале Гянджи? Лишь одну из своих поэм он пишет по заказу, лишь однажды он беседует с шахом и получает от него захудалую деревню, разграбленную воинственными соседями. Всю жизнь Низами работает не только как поэт — у него другое дело, что стоит прежде поэтических дел.

Низами — горожанин, то есть ремесленник, возможно,

торговец. В антологии XV века говорится о том, что Низами был членом ордена Ахи. Этот орден резко отличался от других тайных союзов отсутствием ненависти к инакомыслящим. Знаменитый путешественник Ибн Баттута писал, что ахи «есть в каждом поселении, городе и деревне. И не найти в мире людей более заботливых, чем они, к чужестранцам, более поспешных в стремлении накормить голодного, удовлетворить потребности нуждающегося, пресечь руку насильника и убить сатрапа или тех, кто примыкает к нему из злых людей. Ахи — это человек, который собирает людей своей и иных профессий из юношей, холостяков и одиноких, и приходят они также и сами... Строит он обитель и расстановливает в ней обстановку, и светочи, и все, что необходимо из утвари. И товарищи его служат днем, добывая себе пропитание, и идут к нему после сумерек... Если придет в этот день странник в город, берут они его к себе на постой, и живет он у них гостем, и не уходит он от них, пока не уедет... И не видел я в мире людей более праведных делами, чем они».

Если Низами был ахи, то как бы программой этого союза звучат его строки:

Зачем тебе унижаться перед подлецами?
Зачем быть игрушкой недостойных?
Что ты склоняешь голову перед всякой затрещиной?
Зачем ты покорно принимаешь всякое насилие?
Выпрями спину, как гора.
С мягкосердечными будь суров,
Унижение несет внутренний ущерб,
Смирение перед несправедливостью рождает вялость.
Будь словно шип с копьём на плече —
Тогда возьмешь в объятия охапку роз.^[7]

Низами оставил после себя пять поэм. Кроме того, он писал и лирические стихотворения, их до нас дошло немного, да и не всегда известно, какие принадлежат ему. Ведь Низами существовал в могучем потоке восточной поэзии: перед ним, рядом с ним, сразу за ним работали сотни других поэтов, немало среди них было и выдающихся мастеров, а некоторые формально владели стихом не хуже, чем гянджийский отшельник.

К концу I тысячелетия нашей эры в связи с падением значения Арабского халифата та часть Востока, что культурно тяготела к Ирану, все шире пользовалась фарси (персидским языком) как языком литературы и науки. В этом было и возрождение традиций, и оппозиция языку завоевателей. Признанным патриархом литературы на фарси стал Рудаки. Он

умер в середине X века, и от него до нас дошло менее тысячи двустиший. Известно, что помимо лирических стихотворений ему принадлежало семь эпических поэм, наиболее знаменитой из которых была «Калила и Димна», построенная на индийском классическом сюжете. Младшим современником Рудаки был Дакики, который задумал изложить в стихах всю историю Ирана с легендарных времен. Он начал свой труд с песни о Заратуштре, но в разгар работы погиб от кинжала наемного убийцы.

На смену Дакики пришел великий Фирдоуси (932/41-1020/26) и сделал то, что не успел Дакики. Так возникла «Шах-наме» — «Книга о царях», одна из вершин мирового эпоса.

К середине XI века Иран и Средняя Азия оказались под властью кочевников-сельджуков, их вожди были неграмотны и от исламской культуры далеки. Но, создав великую империю, сельджуки способствовали этим расширению ареала фарси. Язык покоренных вытеснил язык завоевателей.

Немало поэтов творило в средние века в небольших государствах на территории Азербайджана. Без поэтов не обходился ни один тамошний двор.

Перепроизводство поэтов и перенасыщенность поэзией вели к конкуренции, в которой выковывались изысканность поэзии и драчливость поэтов. Порой дело не ограничивалось лишь взаимными жалобами и попреками. Ширванский поэт Фалаки сначала в этой борьбе преуспел и даже достиг богатства, но в результате интриг соперников попал в тюрьму Шабаран. Это было мрачное, тухлое подземелье. «Я был уже мертв, — вспоминал поэт о своем заключении. — Из моего тела торчали кости...» Фалаки удалось выйти на волю, но после этого он прожил недолго и умер, не дотянув до сорока лет.

Впрочем, имя Фалаки знают лишь специалисты. Его торжественные оды и песнопения, славословия шаху были облечены в настолько изысканную и совершенную форму, что слушатели, несомненно, цокали языками от удивительного мастерства поэта.

Но несчастный Фалаки в области власти над стихом далеко уступал крупнейшему азербайджанскому поэту XII века Хагани, который был старше Низами лет на двадцать. Хагани происходил из простолюдинов: отец его был плотником, мать — кухаркой, она была христианкой, принявшей ислам. Хагани вряд ли удалось бы получить образование, если бы не знаменитый дядя — врач и мудрец. Дядя сам учил мальчика, а затем отдал его в ученики к придворному поэту Абу-ль-Ала Гянджеви.

Старик Абу-ль-Ала, подвизавшийся при дворе ширваншахов, не только ввел ученика во дворец, но и отдал за него свою дочь.

Через несколько лет Хагани превзошел учителя в искусстве петь оды шаху. И написал на старика сатиру. Абу-ль-Ала ответил на нее еще более злой сатирой и поэмой о неблагодарности. Весь двор с наслаждением следил за этой сварой, стихи ходили по рукам.

Последний и самый подлый удар нанес Хагани. Он написал сатиру, полную неприличной брани, где сообщил, что его тесть — агент исмаилитов, ученик Хасана ибн Саббаха. Это был политический донос. После чего Абу-ль-Ала исчез, а Хагани написал элегию, в которой проклинал доносчиков:

Увы мне, если я хоть раз вздохну от глубины сердца!
Злоречивый доносчик завяжет узелком этот вздох,
Запечатанным снесет его к его величеству шаху.

Вскоре опасения Хагани оправдались, и он очутился в темнице.

С точки зрения изысканности и совершенства формы Хагани не знал себе равных. Но, может быть, именно поэтому всемирно известным поэтом он не стал.

Низами нигде не писал, где учился, хотя образован он был исключительно. Вернее всего, он окончил медресе в Гяндже. А затем учился сам — всю жизнь. Он отлично знал арабский язык и арабскую литературу, как художественную, так и научную. Он был знаком и с христианской литературой, даже цитировал Евангелие. Похоже, что ему были ведомы грузинский и армянский языки, которые в Гяндже были в ходу. Низами глубоко разбирался в восточной философии, читал он и греческих философов. Знал он, видимо, астрономию, математику и медицину.

Как он провел первые тридцать лет жизни, неизвестно. Первую свою поэму Низами написал, когда ему было около тридцати.

Поэма называлась «Сокровищница тайн». Она — как бы собрание бесед о смысле жизни и назначении ее. Название поэмы происходит от исламского предания: Мухаммед однажды вознесся на небо и увидел под небесным престолом закрытое на замок помещение. Разумеется, замок его удивил, и он спросил архангела Джибраила (Гавриила): «Что это за место?» И архангел ответил: «О посланник божий, это сокровищница глубоких мыслей, а языки поэтов — ключи к ней».

Слова архангела — признание высокой роли поэзии на Востоке, сокровенной, почти мистической функции поэта,

связывающего своим творчеством человека с высшим миром. В этом предании как бы завет поэтам — раскрывать извечные тайны вселенной.

Первая поэма Низами была сложной и необычной. Крупнейший исследователь его творчества Е. Э. Бертельс говорил о «Сокровищнице тайн»: «Поэма требует не только перевода, а одновременно и пространного комментария, раскрывающего всю ее глубину и беспримерную тонкость построения. Можно сказать, что эта поэма — одно из труднейших произведений на персидском языке. Это ощущалось и учеными Востока, создавшими ряд толкований к этой книге».

В ночном безмолвии поэт слышит внутренний голос, который велит отказаться от стремления к наружной видимости вещей и вернуться к себе — единственному другу. Поэт подчиняется, ему удастся заглянуть в самого себя и найти там Султана — собственное сердце.

Таково вступление к поэме.

Далее поэма делится на двадцать макала — бесед.

В каждой беседе разбирается одна основная мысль. В первой — о грехопадении человека и силе прощения. Во второй — о справедливости. В третьей — о превратности судьбы... И каждая завершается притчей, иллюстрирующей смысл беседы. В четвертой беседе Низами рассказывает о старухе, которая не побоялась обвинить султана Санджара в том, что, покровительствуя вероломным и жестоким вельможам, он не только угнетает свой народ, но и готовит этим гибель своей державы. Султан не прислушался к словам старухи, и его царство погибло. Словно забыв, что он — наблюдатель, Низами гневно входит в собственную поэму:

И нет правосудья сейчас на Земле,
Ищи его лишь на Симурга крыле,
И стыд позабыт под окном голубым,
И честь на земном этом шаре — как дым.
Вставай, Низами, и заплачь от стыда,
Плачь кровью над тем, кому кровь — как вода!^[8]

Никому не известный поэт из Гянджи замахивается на сложную философскую поэму о смысле вещей. Но поэма умозрительна и суховата. В ней много мыслей, но нет людей.

Когда впоследствии будут рождаться все новые подражания «Сокровищнице тайн», никто не задумается, что их источник — первый опыт Низами, его вызов миру. Возникнет общепринятый образ Низами — праведного и мудрого шейха, к сдобородому

портрету которого эта поэма достойно приложима. Но седобородый мудрый шейх — это еще далеко впереди. Пока поэт не женат, беден, а надо кормить мать и младших братьев.

Поэма была закончена. Найден псевдоним: Низами Гянджеви (Гянджийский). Кто-то из друзей ее прочел. Ее хвалили или хулили — легко представить, как снисходительны могут быть друзья к поэтическим опытам своего соседа. Ведь настоящие поэты живут при шахских дворах и ходят в парче. Настоящий поэт не живет в соседнем бедном доме.

Нелегко стать пророком в собственном отечестве.

Но поэма написана. И ее надо продать. Именно продать. Иначе ее не перепишут писцы, не прочтут знатоки, она сгинет в ремесленном квартале Гянджи, как сгинет в неизвестности и ее автор. Соседи могут оцепить газель или касыду, но отвернутся от философских глубин, раскрытых в таинственных и сложных стихах.

Поэму удалось пристроить далеко не сразу. Местные правители и слышать о ней не хотели. У них были свои поэты. В конце концов покровителя изящной словесности удалось отыскать. Правда, не близко. Это был правитель Эрзинджана в Малой Азии Фахр ад-Дин Бехрамшах ибн Дауд. Низами посвятил ему поэму и отправил ее в далекое путешествие. А сам остался в тягостной неизвестности.

О дальнейших событиях рассказывает историк ибн Биби. Правда, написаны им приведенные ниже строки много позже, когда Низами был уже признан. Поэтому к словам историка следует относиться осторожно.

«Творец слов ходжа Низами Гянджеви, — сообщает историк, — сложил в стихах словно ожерелье из крупных жемчугов и послал его величеству как дар и приношение. Царь послал ему в награду с одним из наибов, который был достоин вести с ним беседу, пять тысяч динаров золотом, пять оседланных коней с убранством, пять иноходцев-мулов и почетные халаты, расшитые самоцветами. Книгу эту повелитель одобрил и сказал: „Если бы было возможно, то целые казнохранилища и сокровищницы послал бы я в дар за эту книгу, которая сложена в стихах, подобных жемчугам, ибо мое имя благодаря ей сохранится вечно...“»

Даже если владыка Эрзинджана и оценил поэму по достоинству и не пожалел иноходцев и золота, то они до Низами не дошли. Ни сам Низами, не таивший от читателя своих имущественных дел, ни его современники не говорят о сказочном даре.

Скорее всего поэма Фахр ад-Дину понравилась, какая-то

награда Низами была отправлена. Может быть, дошла до него, а может, и нет.

Но главного Низами добился. Поэму прочли. О поэме заговорили. Поэма стала настолько знаменита, что на одном лишь фарси сохранилось более сорока подражаний ей.

Известно, что через некоторое время список поэмы попал к правителю Дербенда. Тот был глубоко тронут ее глубиной и совершенством. Возможно, он даже произнес небольшую речь придворным поэтам о том, каких вершин достигла поэзия в иных странах и как прискорбно, что ничего подобного при его дворе не создано. Поэты согласились, потому что чужеземцы не были соперниками.

И тут какой-то слишком осведомленный наиб влез с нетактичным предположением, не тот ли это Низами из соседней Гянджи, что пишет недурные газели. Подпаялся возмущенный шум: как можно даже подумать такое! Правитель приказал на всякий случай выяснить это дело. Вскоре пришло подтверждение, что это именно тот Низами. Гнев правителя был ужасен, обида на советников страшна, а когда он узнал и о том, что Низами тщетно обращался к его двору, прося разрешения посвятить поэму именно дербендскому атабеку, то разогнал своих поэтов. И хотя поэма посвящена не ему и надежды войти в историю как покровитель Низами у него не осталось, он все же решил сделать ему подарок. И именно этим бескорыстным даром вошел в историю. Он послал в дар гянджийскому поэту половецкую рабыню Афак. Красивую, молодую рабыню, купленную для себя, но оказавшуюся слишком неукротимой степнячкой.

Можно представить себе удивление гянджийцев, когда вслед за послами из Эрзинджана к скромному дому Низами подъехало посольство правителя Дербенда.

Через несколько месяцев Низами женился на половчанке.

Половцы (кипчаки) — славный степной народ! Его давно уже нет, а он существует, кровь половецкая течет в крови многих русских, монголов, венгров, грузин, азербайджанцев. Жены половецкие дарили степную кровь и вольнолюбивый нрав русским княжичам, венгерским рыцарям, грузинским азнаурам, монгольским нукерам. Народы не исчезают, даже если перестают существовать.

Низами был странным, по меркам того времени, человеком. Мусульманин, он придерживался иных воззрений иа любовь и брак. Недаром в его поэмах женщины так самостоятельны, предприимчивы и независимы. Они — ведущая сила в любви, они — хранители морали и чести. Низами был убежден, что у мужчины может быть только одна жена, только одна любимая:

У мужа, у которого много жен, никого близкого нет...
Если хочешь, чтобы цельным был твой сын, словно
сердце,
Пусть имеет одного отца и одну мать.

Афак была великой любовью Низами. И именно ее видишь в образах смелых и благородных красавиц его поэм. Хочется думать — а к этому есть основания, — что именно любовь к Афак изменила творчество Низами. Казалось бы, теперь, получив признание монархов и знатоков поэзии, Низами станет поэтом-философом, мистиком, мудрецом. Но молодой мудрец познал любовь. И все последующие годы он будет воспевать ее — свою Афак:

Величаява обликом, прекрасная, разумная.
Прислал мне ее владетель Дербенда.
Ее шелка — кольчуга и даже крепче кольчуги железной.
Она недоступна для тех, кто искал ее любви.
Вельмож она отвергла,
Мне же в супружестве постелила изголовье.

Судьба дала Низами четыре года счастья, дала ему сына Мухаммеда — самое дорогое после Афак существо на свете. И потом отняла у него жену: Афак умерла в 1180 году.

Удивительны сила и постоянство любви этого человека. Всю жизнь до последнего вздоха Низами будет воспевать Афак. В шестьдесят лет он напишет о ней:

От моего зора удалил ее дурной глаз.
Похищающее колесо небосвода ее похитило.
Ты сказал бы: и тогда, когда она была, ее не было.
За счастье, которое мне досталось,
Что мне сказать! Бог да будет ею доволен!

В 1180 году к Низами прибыл посол от сельджукского султана Тогрула с просьбой написать поэму о любви. Правда, неизвестно, научился ли Тогрул к тому времени читать — ведь ему было тогда лет десять, и державой правил атабек Кызыл-Арслан. Важнее было признание: слава гянджийского поэта была уже так велика, что в Исфахане переписывали и читали «Сокровищницу тайн». Вполне возможно, что заказы приходили и за год, за два до этого. Но Низами был счастлив и не писал поэм.

После смерти же Афак, находясь в глубоком душевном кризисе, Низами вдруг соглашается на просьбу султана.

Причин тут скорее всего две. Одна — земная: нужны деньги, растёт сын, надо работать.

Вторая, главная — творческая. Низами созрел для следующего шага. Он понял, что может написать гимн своей Афак, создать памятник столь недавно ушедшей жене.

Поэма писалась быстро. Этот громадный, многоплановый, самый сложный роман в стихах был написан менее чем за год. Афак была музой поэта.

И все это время Низами, дела которого, видно, совсем плохи, тешит себя надеждой на то, что султан высоко оценит его поэму, что, прочитав ее, скажет своим придворным о поэте:

Не настало ли время обласкать его,
Устроить дела лишившемуся дел?
Такой поэт — и в углу доколе?
Такой знаток слов без пропитания доколе?

Одолевали сомнения: не забыли ли в Исфахане о заказе. Слухи о том, что Низами пишет новую поэму, достигли ушей Пахлавана, правителя Гянджи. Не исключено, что правитель знал о поэте, к которому обращается даже султан, и дал понять Низами, что не возражает против того, чтобы поэма была посвящена ему. Низами и сам склонялся к такой мысли. Лучше синица в руках...

Поэма снабжена двумя посвящениями.

В поэзии Ближнего и Среднего Востока существует несколько основных сюжетов, несколько масок (как маски итальянского театра): олицетворение безумной любви — Меджнун, олицетворение силы и честности — Фархад и так далее. Рождение масок — процесс постепенный, и в нем немалую роль сыграл именно Низами. Это он отобрал наиболее яркие характеры в фольклоре и в истории, чаще всего обращаясь к великой сокровищнице сюжетов — «Шах-наме» Фирдоуси. Недаром после Низами каждый крупный поэт, как бы заколдованный великим авторитетом, писал те же пять поэм, что и Низами. Все эти поэты писали свое, понимали канонический сюжет по-своему, но повторяли его, как разные актеры, играющие одну и ту же драму. Низами был первым, именно он нашел эти сюжеты, а порой лишь намеки на них в летописях и легендах. Разработав их, он сложил канон. До Низами «Пятерицы» не было. После Низами «Пятерица» стала обязательной.

Предание о Хосрове и Ширин существовало в различных вариантах и имело в основе своей историю жизни реальных людей: последнего домусульманского шаха Ирана Хосрова Парвиза и его главной жены Ширин. Пишет о Ширин и Фирдоуси, но довольно кратко.

Фирдоуси писал хронику. Любовь Фирдоуси мало интересовала. Он как бы фиксировал ее силу и роковые последствия, но не хотел исследовать. И тем более воспевать.

Для Фирдоуси герои — маски в трагическом театре. Для Низами — люди, которых он любит или ненавидит.

Шах, отец Хосрова, юноши талантливого, остроумного, отважного, издал указ о том, что каждый, кто посягнет на чужое, подвергнется суровой каре. Как-то Хосров был на охоте, потом, утомившись, расположился в крестьянском доме, где развлекался, слушая музыканта. Тем временем его конь, сорвавшись с привязи, забрался в посевы, а его раб залез в чужой виноградник. Шах доложили об этом. Шах приказал: коню Хосрова подрезать сухожилия на ногах, раба подарить хозяину виноградника, мебель и ковры Хосрова отдать хозяину дома, в котором тот развлекался. А музыканту остричь ногти, которыми он играл на чанге.

Хосров не роптал. И потому ночью к нему явилась тень его деда и сообщила, что за примерное поведение ему будут ниспосланы небом дары: «Ты утратил раба, взамен получишь красавицу, лучше которой нет в мире, твоему коню подрезали сухожилия — будет тебе вороной конь Шебдиз, который скачет быстрее урагана. Твое добро отдали крестьянину — ты получишь трон, какого нет и у шаха... У тебя отняли музыканта — взамен найдешь певца по имени Барбед».

Как-то художник Шапур, друг Хосрова, рассказал принцу, что у царицы Михин-Бану, отдыхающей летом в Армении, есть племянница Ширин, первая красавица вселенной. А на конюшне там стоит вороной конь Шебдиз. Разумеется, сообщение о первой красавице было воспринято Хосровом как сигнал к действию. В себе принц не сомневался, тем более что предсказание тени дедушки запало Хосрову в память.

Для начала принц послал к красавице верного Шапура. Тот перед отъездом в Армению пишет несколько миниатюр своего повелителя. С таким необыкновенным грузом Шапур проникает в монастырь, выдавая себя за монаха, и ждет, пока там появится Ширин. Для мусульманина Шапура Армения — земля вполне дружественная, и живет он в монастыре не как шпион и враг — просто ему так удобнее. Да и непонятно, кто по вероисповеданию царица Михин-Бану и ее племянница Ширин. Поэта интересует любовь, а не религия — исламу он отдал дань в «Сокровищнице

тайн».

Приехала Ширин, вышла на лужайку, где Шапур разложил портреты принца Хосрова. При виде столь прекрасного лица Ширин поняла: это ее избранник. Тут и появился Шапур, который сообщил, чей портрет увидела Ширин. Принцесса тут же вскочила на Шебдиза и поскакала за своим счастьем в Медаин, столицу Ирана, для того чтобы повидать своего суженого.

Тем временем над царевичем сгущаются тучи. Враги его не только убедили старого шаха, что Хосров намеревается свергнуть его с престола, но даже коварно отчеканили монету с профилем Хосрова. Так что Хосрову ничего не оставалось, как переодеться простым воином и бежать. По дороге он встретил Ширин, которая остановилась у водника напиться. Хосров ее не узнал, потому что ее распущенные волосы закрывали лицо. Ширин его не узнала, потому что на портретах Хосров был хорошо одет, на нем был красный кафтан. Простолюдинов же Ширин привыкла не замечать.

Ширин прибыла в Медаин. Однако дворец Хосрова был пуст. В нем обитали лишь многочисленные наложницы молодого героя. Хосров, уведомленный Шапуром, что Ширин может приехать к нему, велел им, если он и Ширин разминутся, принять красавицу, не задавая лишних вопросов.

Возлюбленные поменялись местами. Ширин томится в иранской столице, а Хосров живет в Бердаа, в зимнем дворце Михин-Бапу, которая крайне обеспокоена исчезновением племянницы.

С каждым днем Ширин все более терзают подозрения, что у родника она видела именно Хосрова. В городе душно и пыльно. И принцесса просит построить для нее загородный замок. Ревнивые наложницы подкупают строителя, и тот выбирает для замка место в горах, где всегда царит адская жара.

Шапур между тем находит друга и рассказывает, что произошло. Хосров счастлив, узнав, что Ширин ждет его в Медаине. Он немедленно посылает за ней Шапура. Но тут, как назло, примчался гонец — скончался шах Ирана, и Хосрову надлежит срочно скакать в Медаин и брать в свои руки власть, пока ее не захватил кто-нибудь другой. Так что о Ширин приходится забыть. Долг важнее любви. А Ширин мчится с Шапуром домой. И вновь влюбленные разминутись.

Хосрову не повезло: не успел он взойти на престол, как коварный вельможа Бехрам Чубине поднял мятеж. Потеряв корону, Хосров едет в Мугань, где живет его нареченная.

И вот, наконец, он встречается Ширин.

Возлюбленные соединились. Конец?

Как бы не так! Низами только познакомил нас со своими героями. Драма, оказывается, еще впереди. Кончился обычный рыцарский роман, началась драма высоких страстей.

Хосров без памяти влюблен, он жаждет овладеть Ширин. Но Ширин дорожит девичьей честью. Она не хочет стать его очередной наложницей. Лишь после свадьбы согласна она отдаться Хосрову. При этом она ставит важное условие: Хосров должен вернуть себе престол. Ширин говорит Хосрову:

«Не должно мне, о нет, в изгнании твоём
Быть прихотью твоей, с тобою быть вдвоём.

Могу ли дружбою связаться я нестрогой,
Быть другом, что ведет недоброю дорогой?

Пусть ты и власть — твоя — вы будете друзья,
Тогда, о шаханшах, с тобой сдружусь и я.

Боюсь, что, коль во мне одна твоя улада,
Меж царством и тобою останется преграда.

Коль будешь возвращен к могуществу судьбой,
То буду я, увы, утрачена тобой».

Уязвленный Хосров понимает, что Ширин права. Но войска у него нет, и надо искать помощи. И он отправляется к византийскому императору. Тот не только готов дать армию, но и предлагает Хосрову руку своей дочери Мариам. Византийскому кесарю нужен этот династический брак — тогда союз двух великих держав будет прочным. Хосров согласен. Свадьба сыграна, и с византийской армией царевич захватывает столицу Ирана и свергает узурпатора. Отныне он — венценосец.

Ширин знает об измене. Хосров оказался слабым человеком. Но разлюбить его Ширин не может. Низами совершает удивительный переворот в литературе: его главный герой оказывается не героем. С этого момента поэма посвящена лишь одной Ширин, становящейся поэтическим воплощением женского идеала Низами — Афак.

Хосров тоскует по Ширин, но ничего не смеет поделать. Он зависит от византийцев. Ширин же в то время становится царицей: Михин-Бану умерла. Устроив все дела, она понимает, что более не в состоянии оставаться далеко от своего неверного Хосрова. И она едет в тот жаркий и душный замок в горах, что был построен для нее.

Она живет отшельницей в замке. Хосров знает об этом и просит у жены разрешения взять ее во дворец, клянясь, что даже не взглянет на нее. Царица опечалена: она понимает, что Хосров все еще любит Ширин. Мариам всеми силами противится желанию супруга. Она говорит ему:

«Нас разлучат с тобой Ширин лукавой руки.

Тебе — довольным быть, мне ж — горевать в разлуке».

Она грозит покончить с собой, если Хосров посмеет привезти Ширин.

Тогда Хосров отправляет в замок верного Шапура — пусть Ширин тайно приедет в столицу, где он укроет ее так, что Мариам и не отыщет.

Но Ширин горда, она не может на это согласиться. Она просит передать Хосрову, чтобы он больше не мучил ее, не сыпал соль на открытую рану. Служенье богу — вот что ей осталось.

Тут в поэме возникает новое действующее лицо — Ферхад. Это Мастер, человек, воистину достойный Ширин, антитеза главному герою. Сила и цельность Ферхада были настолько впечатляющи и трагедия его была настолько новой для средневековья, когда социальная функция человека была незыблема и простолюдин в литературе не мог соперничать со знатными героями, что после Низами Ферхада стали воспевать в других поэмах.

...Ширин тоскует по свежему молоку, — может, Афак тоже тосковала по степной пище? — но пастбища расположены далеко от замка, и путь к ним требует немало труда.

Шапуру, который остался в замке Ширин, приходит в голову мысль позвать юного Ферхада — каменотеса, строителя и скульптора, который наверняка сможет помочь ее беде.

Ферхад приходит в замок. Ширин разговаривает с ним через занавеску — все-таки незнакомый мужчина, к тому же простолюдин. Она просит его пробить сквозь скалы, отделяющие пастбища от замка, канал, чтобы пастухи лили в него молоко. Голос ее так пленителен, что Ферхад не только соглашается все для нее сделать, но и влюбляется в нее.

Не проходит и месяца, как канал пробит, молоко течет по нему, благодарная Ширин дарит богатырю две бесценные жемчужины. Но богатырь не хочет никаких даров: им руководила любовь. Он уходит из дворца в степь, мечтает о Ширин и страдает, потому что красавица недоступна.

В портрете Ферхада есть деталь, которая позволяет утверждать, что Низами писал именно Мастера, который чем-то

сродни ему самому. Сила Ферхада — это как бы внешний слой образа. И картина, которую любят изображать художники, — Ферхад, киркой разрубающий горы, — неточна. Мастерство Ферхада — это мастерство знания. Вот что говорит о Ферхаде Шапур:

«Есть мастер-юноша, — сказал он, — будешь рада
Ты встретить мудрого строителя Ферхада.
Все измерения он разрешает вмиг,
Евклида он познал и Меджисте постиг»^[9]

Евклид — это греческий математик. А что такое Меджисте? Под этим названием на Ближнем и Среднем Востоке была известна работа Клавдия Птолемея «Свод по математике».

Какая уж тут кирка — Низами воспеваает ученого, пробивающего горы с помощью расчета и высочайшего знания.

Впрочем, Хосрову до этих деталей дела нет. Царь раздражен. Замучили семейные неурядицы, государственные дела, а тут какой-то каменотес смеет вздыхать по Ширин. И шах, как и положено просвещенному монарху, собирает своих приближенных. Он удивителен в лицемерном прекраснодушии.

Вот как рассуждает царственный красавец:

«Как одержимого неистовство сдержать?
Как этой костью нам игральною сыграть?

Коль сохранить его — мое погибнет дело.
Сразить невинного мне честь не повелела.

В могуществе царя я мыслил быть один —
На праздник мой прийти решил простолюдин».

Как же избавиться от Мастера?
И вельможи советуют:

«Ты призови его, ты в нем роди надежды,
Чтоб он на золото свои приподнял вежды.

За золото Ферхад и веру отметет,
За сладость звонкую от Сладкой отойдет.

.....

Коль золотом глупца не отмести метлой,
Тогда займи его работой над скалой.

Чтоб до поры, когда его иссякнет время,
Напрасно бы он бил в скалы гранитной темя».

Вроде бы сказочный сюжет. Царь дает Ивану-дураку невыполнимое задание, которое тот должен выполнить, чтобы получить принцессу, хотя царь и не собирается Иванушке принцессу отдавать. В сказке Иванушка обязательно своего добьется. Но поэма Низами — не сказка. Пользуясь атрибутами сказки, гений разбивает ее, как птенец яичную скорлупу.

Шах зовет Ферхада к себе. И тут еще одна неожиданность: простолюдин не чувствует себя ниже шаха. Ни о каком золоте и речи быть не может: Ферхада нельзя купить за все сокровища шаха. Диалог шаха с соперником — столкновение Мастера и самодержавного властителя.

Один бессилен, но нестигаем, потому что он — Мастер. Второй всемогущ и беспомощен, потому что он может только купить, только убить, но не может сломить.

— Ты кто? Тут все я знаю лица, — спрашивает Хосров, отлично осведомленный о том, кто и почему приведен к нему. Но ведь нужно утвердиться. Нужно унижить собеседника.

И Ферхад отвечает:

— Мой край далек, и Дружба — в нем столица.

— Чем торг ведут, зайдя в такую даль? — задает новый вопрос Хосров.

— Сдают сердца, взамен берут печаль.

Диалог продолжается.

— Сдавать сердца — невыгодный обычай.

— В краю любви не каждые с добычей.

— Ты сердцем яр. Опомнись спеша.

— Разгневан ты, я ж молвил — от души.

— В любви к Ширин тебе какая радость?

— Сладчайшая в душе влюбленной — сладость.

— Ты зришь ее всю ночь, как небосклон?

— Когда усну. Но недоступен сон.

— Когда гореть не станешь страстью злою?

— Когда усну, прикрыв себя землею.

Хосров, сначала насмешливый и снисходительный, как бы начинает мерить себя по любви Ферхада. И чем дальше идет разговор, тем яснее поражение Хосрова.

— Коль «все отдай» она промолвит строго? — спрашивает Хосров, который пока что ничем не пожертвовал ради любви.

Ответ откровенен до предела:

— Я с воплями прошу об этом бога.

— Коль вымолвит: «Где ж голова твоя?»

— То сей заем вмиг с шеи сброшу я.

— Любовь к Ширин исторгни ты из тела!

— О, чья б душа погаснуть захотела!

На каком-то этапе разговора Хосров вдруг начинает сочувствовать сопернику. Он уже не издевается и даже не любопытствует. Он растерян.

— Ей сердце дал, хоть душу сбереги, — Хосров почти просит.

— Томлюсь. Душа и сердце — не враги, — отвечает Ферхад.

— Чего-нибудь страшишься в этой муке?

— Лишь тягости мучительной разлуки.

— Хотел бы ты наложницу? Ответь.

— Хотел бы я и жизни не иметь.

Хватит. Хосрову этот разговор неприятен. Он вынес свой приговор Ферхаду. Ему ужасна мысль о том, что есть любовь, перед которой его чувство кажется ничтожным.

— Она — моя, забудь, что в ней улада.

— Забвения не стало для Ферхада.

— Коль встречусь с ней, что скажешь мне — врагу?

— Небесный свод я вздохом подожгу.

Хосров понимает, что золото здесь не поможет.

И тогда он решает использовать, так сказать, запасной вариант.

Он говорит сопернику:

«Мы ищем путь прямой, удобный для дороги.
Нам трудно обходить окрестных гор отроги.

Ты в каменной горе пророй просторный путь,
Ведь он послужит мне, об этом не забудь.

Никто бы не сумел за это взяться дело,
Лишь знание твое его бы одолело».

Богатырь согласен убрать преграду, но лишь при одном условии:

«Давай условимся! Трудом займусь я старым,
Но обязательство я выполню не даром,

И сердце шахское мне клятву дать должно:
Пусть сахар Сладостной с себя стряхнет оно».

Хосров с трудом удерживается, чтобы не полоснуть Ферхада мечом. Но тут ему приходит в голову мысль, что он может посулить все что угодно, ибо задача, которую он задал сопернику, невыполнима.

И он дает слово отказаться от Ширина.

А Ферхад велик в своей доверчивости. Я не знаю, откуда пошла русская поговорка «Любовь горы своротит». Может, она и не имеет ничего общего с подвигом Ферхада. А может, когда-то пришла в равнинную Россию с Востока. Ради Ширина Ферхад должен был совершить несовершенное. И разумеется, своротил гору.

Правда, вначале он высек на ней образ возлюбленной. Потом подумал и сделал еще один барельеф — шах на коне, благородный, как все еще верил Ферхад.

Ширин, узнав, на что Ферхад пошел ради нее, скачет к горе, чтобы посмотреть на этот подвиг, но не потому, что подвиг Ферхада перевернул ее душу. Ширин — фигура трагическая. Она — раба собственной любви. Низами создал образ женщины, которая знает, что отдала любовь недостойному, но не может отказаться от нее.

И для нее весть о подвиге Ферхада — радость, великое самоутверждение и даже, как ни странно, надежда на избавление от роковой страсти к Хосрову. Ширин говорит подругам:

«Шепнула мне душа, что мне увидеть надо,

Как рушится скала под натиском Ферхада.

Быть может, искорка, ничтожная на вид,
От камня отлетев, мне сердце оживит».

Ширин не закрывает лица, ее конь несется, едва касаясь копытами камней.

И скачет, заблестев нарциссами очей,
Как сто охапок роз под россыпью лучей.

Ферхад услышал стук копыт, поднял голову — перед ним Ширин.

Ширин привезла Ферхаду кувшин с молоком, что течет в замок по каналу. И когда Ферхад стоит, окаменев от невероятного зрелища, Ширин протягивает ему кувшин.

Ферхад выпил молоко, думая, что, если бы она принесла ему яд, тот был бы таким же сладостным напитком.

Сцена, в которой никто не говорит ни слова. Сцена взаимной надежды и в то же время обреченности. Конь вдруг пошатнулся и стал падать. Ширин не успела вскрикнуть — лишь протянула руки к Ферхаду. Тот отбросил кувшин и, схватив коня за гриву, поднял его над землей. Потом он взял Ширин на руки и через горы и пустыню отнес в замок.

...Ферхадова рука
Обидеть не могла на ней и волоска.

Бережно положив ее на ковер в замке и молча поклонившись, Ферхад пошел обратно, к горе. И только там, когда никого не было рядом, он упал на землю и стал биться головой о камни.

Что же происходит? Ширин знает, что Ферхад срывает гору, потому что за это Хосров согласен уступить ему Ширин. Ширин должна бы возмутиться, проклясть Хосрова и уж никак не мчаться к Ферхаду. А что делает Ширин? Она весела, почти счастлива. Она загоняет коня, несясь к Ферхаду. Она позволяет Ферхаду отнести ее в замок.

Хосров перепугался всерьез. Самолюбие его поражено стрелой ревности. Как, Ширин ездила к Ферхаду?

Больше того, ему доносят, что, увидев Ширин, Ферхад начал трудиться вдвое против прежнего. Еще несколько дней — и горы не станет. Тогда ничто не остановит Ферхада. Он свою половину

соглашения выполнил. Шаху, чтобы не стать посмешищем в глазах всего мира, придется покориться. И Хосров понимает, что Ширин готова полюбить Ферхада.

Вновь собираются вельможи, умудренные в интригах, бессердечные и лживые. У них уже готов рецепт, как избавиться от Ферхада. Хосров принимает план вельмож: послать к Ферхаду человека, который как бы случайно встретится с ним и как бы случайно расскажет о смерти Ширин. Вельможи убеждены, что человек, с такой неистовой силой любящий, не сможет вынести подобного удара.

Узнав, что перед ним Ферхад, гонец с причитаниями начинает рассказывать, как неожиданно умерла Ширин и как ее хоронили. Каждое его слово — кинжал, вонзающийся в Ферхада. Простодушный богатырь не может заподозрить, что кто-то способен на столь низкую ложь.

Ферхад умирает. Сердце его не выдерживает — оно не может биться, если на свете нет Ширин.

Но Хосрову этого мало. Узнав о смерти Ферхада, он вне себя от радости. Он падает настолько низко, что позволяет себе написать подлое письмо Ширин, в котором утверждает, что Ферхада довела до смерти слишком холодная и неприступная Ширин. Он издевается в нем над скорбью Ширин, оскорбляет ее. Он победил. Соперник уничтожен.

А Ширин хоронит Ферхада, строит над его могилой прекрасную гробницу и оплакивает его. Это странный плач о несвершившейся любви.

Неожиданно умирает Мариам. Узнав об этом, Ширин пишет Хосрову насмешливое письмо, в котором говорит, что он скоро утешится с новой возлюбленной. По крайней мере долго убиваться не будет.

Уязвленный письмом Ширин, Хосров не хочет ехать к ней, и, когда ему говорят, что в Исфахане живет какая-то немыслимая красавица, шах тут же бросает все дела и мчится туда добиваться руки девушки по имени Шекер.

Низами не ставит под сомнение любовь Хосрова. Шах любит Ширин, но как собственность, которая должна быть покорна. Он словно боится Ширин, понимая, насколько она сильнее его.

И Хосров женится на Шекер, но она быстро наскучивает ему.

И затем новое столкновение, новая боль. Хосров едет охотиться в окрестности замка Ширин. Вечером он подъезжает к замку. Может быть, наступит примирение? Нет, Ширин не открывает ему ворота. Она лишь выходит на крышу замка, и происходит длинный и тяжелый спор о любви.

Ширин будто ждет от Хосрова тех слов, которые он не может

сказать. Шах сначала нежен, потом настойчив. Он страстно мечтает обладать Ширин.

Ширин говорит усталые и понятные слова: любовь в ней перегорела и бороться за Хосрова со случайными его увлечениями она не в силах. Она не намерена делить его с Шекер. Спор тянется, утопая в безнадежном непонимании.

Ширин бросает шаху обвинение в том, что он никогда по-настоящему ее не любил. А когда Хосров упрекает ее влюбленностью Ферхада, отвечает, что то была настоящая любовь мужчины. Ферхад отдавал всего себя, ничего не требуя взамен.

Ширин завершает монолог торжественной клятвой:

И поклялась она, взор поднимая свой,
Всезрящим разумом, душою огневой,

Предвечным куполом, высоким, бирюзовым,
Истоком пламени и солнцем вечно новым,

Всей райской красотой, всей прелестью небес
И каждой буквою всех, всех земных словес,

Тем поклялась живым, кто будет жить вовеки,
И тем взирающим, кто не опустит веки,

Тем щедрым богачом, что всю насытил тварь,
Все души возрастил и всем живущим — царь:

«Всевластный шах! Сдержу я слово обещанья:
Я для тебя ничто — до нашего венчанья!»

Хосров вынужден ускорить. Уязвленный, влюбленный, он изливает Шапуру душу, обвиняя Ширин во всех грехах.

Шапур замечает, что еще не все потеряно, что гнев Ширин — лишь свидетельство ее любви, что она сама придет к нему.

Ширин и в самом деле в ужасе от того, что она выгнала Хосрова, без которого не может жить. И она мчится верхом в его лагерь!

Там тихо. Лагерь спит. Из своего шатра выглядывает Шапур, услышавший стук копыт.

Ширин шепотом говорит о своем горе — она винит только себя в том, что случилось. Шапур устраивает Ширин на ночь, а та просит, чтобы он позволил ей завтра во время пира спрятаться в шатре и увидеть Хосрова. Шапур — верный друг Хосрова, но он всегда благороден по отношению к Ширин.

Во время пира Ширин уговаривает одного из певцов спеть песню, где в иносказательной форме говорится о том, что она чувствует свою вину.

Хосров вдруг понимает: Ширин где-то рядом. И он подсказывает другому певцу песню о том, что он рад ей, что он покорен, что ему страшна лишь разлука.

Четырежды они обмениваются песнями.

И каждая из песен — гимн победившей любви.

Наконец Ширин поднимается, идет к Хосрову и падает ему в ноги.

Хосров склоняется к ней и благоговейно целует землю у ее ног.

И после этого свадьба.

И конец поэмы?

Ничего подобного. Низами понимает, что эта поэма не может кончиться идиллией.

Счастье Хосрова и Ширин длится недолго: над шахом висит проклятие предательства — смерть Ферхада. И Низами не может простить ее Хосрову.

Хосров изменился, он старается мудро править страной, он приближает к себе ученых, он забывает о пирах и забавах. Страна благоденствует.

Но рок неумолим. У Хосрова подросток сын от Мариам, его зовут Шируйе. И Шируйе безумно полюбил мачеху. Еще один зловещий поворот судьбы.

Шируйе ставит себе целью добиться мачехи. И когда Хосров, забыв мирскую суету, становится жрецом в храме огня, он свергает его с престола и бросает в темницу.

Ширин идет в тюрьму вслед за Хосровом. Когда ему плохо, она его не оставит.

Ночью, когда супруги заснули, подсланный Шируйе убийца вонзает в Хосрова меч.

От нестерпимой боли Хосров пробуждается. И тут совершается великое превращение — гений Низами находит такой путь в этой тьме трагедии, что мы склоняем головы перед силой любви.

Весь кровью он залит... Глядит он, чуть дыша...

Смертельной жаждою горит его душа.

Подумал царь: «Ширин — жемчужину жемчужин —
Я пробужу; скажу: глоток воды мне нужен.

Но тут же вспомнил тот, чей взор покрыла мгла,

Что множество ночей царица не спала.

«Когда она поймет, к какой пришел я грани,
Ей будет не до сна среди ее стенаний.

Нет, пусть молчат уста, пусть дышит тишина,
Пусть тихо я умру, пусть тихо спит она».

Так умер царь Хосров, ничем не потревожа
Ширин, уснувшую у горестного ложа.

Ширин просыпается от кошмара: ей снилось, что муж погиб. Она откидывает покрывало и видит окровавленное тело Хосрова. Низами не описывает ее чувств — это лишнее. Мы достаточно долго жили рядом с Ширин, мы знаем ее куда лучше, чем ничтожный Шируйе. Она обмывает тело Хосрова, умащает его благовониями, сама наряжает в царские одежды.

Входит гонец от Шируйе. С тонким лицемерием Шируйе просит передать царице, что ей дана неделя скорбеть о муже. После этого она должна дать согласие на брак с пасынком.

Ширин лишь вздрагивает, словно ее ударили. И после короткой паузы отвечает: «Выждем срок».

Она застывает в горе, но ни слезинки не выкатилось из ее глаз. Она даже принимает пасынка и говорит, что готова стать его женой, но он должен до погребения Хосрова выполнить все ее условия, пусть даже они покажутся ему странными. В числе этих условий два чудовищных: у Шебдиза должны быть подрезаны сухожилия, трон выкинут из дворца — в царстве Шируйе не должно остаться следа от Хосрова. Разумеется, пасынок не без удовольствия выполняет пожелание мачехи. После этого Ширин раздает нищим все одежды джужа.

И вот день похорон.

Среди прислужниц и рабов за носилками с телом Хосрова идет Ширин, одетая, как невеста. Ее вид вызывает всеобщее осуждение:

Все, глядя на Ширин, решали вновь и снова:
«Не в горести она от гибели Хосрова».

Тело царя вносят в гробницу. Ширин приказывает всем выйти из склепа и закрыть его. Она хочет побыть одна рядом с мужем.

Когда дверь закрывается, Ширин подходит к носилкам и вонзает острый кинжал себе в печень. И молча падает на тело

Хосрова.

И ложе царское ее покрыла кровь,
Как будто кровь царя, растекшаяся вновь.

.....

И тучи поднялись из-за морей беды,
И грозы глянули из черной их гряды,

И ветер из равнин, как бы единым взмахом,
Весь воздух свил в одно с взнесенным черным прахом.

Лишь о случившемся сумели все узнать, —
Восславили Ширин...

А потом Низами в нарушение всех канонов пишет главу, которую называет «Смысл сказа о Хосрове и Ширин». И в этой главе он признается, что написал поэму в память о своей умершей жене Афак, которую любил и любит. И потому он молит Аллаха, чтобы тот защитил сына, которого родила Афак.

...В то время, когда Низами писал последние главы романа о Хосрове и Ширин, на другом конце Земли, в Японии, высокий сановник императора-инока, по имени Наритику, замешанный в заговоре против главы дома Тайра, печально следовал в далекую ссылку. Рукава его одежд были мокры от слез. Он вспоминал свои прегрешения. Вспоминал, как оскорбил монахов буддийского монастыря Святой горы. И как монахи, бессильные наказать обидчика, проклинали его. Казалось, проклятие монахов не сбылось. Наритику получал высокие чины и пользовался покровительством императора. И вот через много лет судьба настигла его... И размышлял он так: «Божья ли кара, людское ли проклятие — рано или поздно непременно настигнут они человека, и никто не знает, в какой час совершится возмездие!»

Мы никогда не сможем до конца прочувствовать форму поэмы, тонкость ее эпитетов, музыкальность ее двустий. Даже знание персидского языка не приблизило бы нас к истинному пониманию — за восемьсот лет язык сильно изменился. Переводчики Низами — а переводили его наши лучшие мастера: М. Шагипян, П. Антокольский, К. Липскеров, В. Державин — старались донести поэзию Низами до современного читателя. Они создавали новый поэтический язык, вступая в неизбежную борьбу с поэтом. Они стремились сохранить аромат времени, то

есть подбирали слова и образы, для русского языка устаревшие.

В этом извечная проблема переводов старинных художественных текстов. Особенно это чувствуешь, когда читаешь переводы средневековой русской поэзии. Так и хочется порой перевести перевод еще раз — на наш, современный язык. Но нельзя: модернизация сродни неуважению. Можно подумать, что Низами или автор «Слова о полку Игореве» писали не на самом что ни на есть современном для своего читателя языке.^[10]

Почему-то никто из исследователей не говорит о драме, происшедшей с поэмой после того, как в 1181 году Низами ее закончил, посвятив заказчику — султану Тогрулу.

Затем он посвятил ее и правителю Гянджи. Но впоследствии появляется третье посвящение — новому атабеку Гянджи, Кызыл-Арслану, который вступил на престол в 1187 году.

Так что же происходило в течение шести лет?

Вначале Низами ждал, что за поэмой приедут из Исфахана. Но посольства не было. Шли месяцы, потом годы. Низами отчаялся и написал второе посвящение — местному властителю Пахлавану. Второй покровитель жил рядом.

Но что-то случилось и в самой Гяндже.

Возможно, ответ на это заключается в одной из приписок к поэме — приписка называется «Порицание завистников». В ней Низами обрушивается на придворных поэтов, на ханжей, окружающих правителя. Почему вдруг Низами, уже закончив поэму, начинает борьбу с завистниками? Почему он отчаянно доказывает, что поэма благопристойна и что ее автор имеет целью лишь восхваление пророка?

Причина тому — либо отказ, пришедший из Исфахана, либо, что более вероятно, отказ, полученный здесь, в Гяндже. Второй заказчик, Пахлаван, поэму не принял.

Поэт и царь — извечная проблема. Потомки, воспевающие Низами, поэты, подражающие ему, ученые, разбирающие по жемчужинке его строки, — все они еще не родились. А пока есть только пишущий под псевдонимом Низами горожанин Ильяс ибн Юсуф, которого можно увидеть на улице и оттеснить к грязной стене крупом коня. Мы порой забываем, что поэт всегда окружен людьми, которые не могут понять великого, — горько читать письма Пушкина, который сетует на критиков, что твердят на каждом углу: Пушкин исписался, Пушкин кончился.

Поэма Низами была революцией в литературе. Люди, о которых она говорила, не входили в рамки устоявшихся понятий. Низами написал неправильную поэму. Конечно же, сразу нашлись цензоры и блюстители нравственности, которые сделали все,

чтобы о поэме забыли.

Низами пишет громадный роман, но в лучшем случае он может позволить себе снять с него одну-две копии. И все. Бумага страшно дорога, труд писцов — тоже. Как нанять писцов небогатому горожанину? Следовательно, пока поэма не куплена царствующей особой, она мертва.

Идут годы. Кто-то поэму читает, у нее наверняка появляются поклонники. Может, ее обещают купить...

В очередной приписке к поэме Низами пишет, что ему обещаны кони в драгоценном убранстве, рабы и золото. Но тут же с горечью замечает:

Смотри, как задержалось выполнение обещания,
Как мое вьючное животное пало и вьюк застрял в пути,
Как обещавший унес свои пожитки,
Как оставил несжатым засеянное поле.

В 1186 году Пахлаван умер. Трон в Гяндже перешел к его брату Кызыл-Арслану.

Низами уже давно не пишет: он беден, он не может позволить себе бросить повседневные занятия ради поэзии. Может быть, и на бумагу денег нет.

И вдруг в дверь стучится посланец Кызыл-Арслана. Тот стоит лагерем в тридцати днях пути от Гянджи. Гонец привез письменный приказ поэту собираться в путь.

Когда Низами ввели в шатер атабека, Кызыл-Арслан предавался веселью под звуки музыки: певцы исполняли газели Низами — легкие и беззаботные стихи молодости. Низами остановился у порога. Повелитель приказал певцам уйти.

Кызыл-Арслан поднялся с ковра, подошел к Низами, обнял его и посадил рядом с собой. В долгой и милой сердцу поэта беседе — какой поэт в глубине души не мечтает так, попросту, поговорить с царем — Кызыл-Арслан вдруг спросил, нравятся ли Низами те две деревни, что ему подарены, хорошо ли ведут себя крестьяне, не нападают ли разбойники?

Никаких деревень Низами не получал и слыхом не слыхивал о такой милости. Пришлось в этом признаться.

— Ах, — воскликнул повелитель, словно и не подозревал о таком несчастье, — неужели ничего Низами не получил?

И тут же приказал выписать Низами грамоту на деревню Хамдуниан и вынести для него почетный халат.

Когда Низами собирался в обратный путь, кто-то из придворных с деланным сочувствием поведал о том, что деревня потому и дана поэту, что не приносит дохода, лежит она на

границе и разбойники отнимают урожай у крестьян, как только те его соберут.

Так величайшая поэма средневековья не принесла Нивами дохода.

Но из этого не очень удачного визита родились легенды, которые упорно рассказывали современники, а затем, приукрасив, потомки. В них был шах, смиренно подходящий к хижине поэта, и мудрый старец, у которого всего-то добра — войлочная подстилка да Коран. И последующая дружба шаха с шейхом-поэтом. Такой образ был куда удобнее, чем вид скромного горожанина, над которым посмеиваются сытые вельможи.

Но поэма все же жила: ее переписывали, ее копии атабек дарил знатым гостям, слава Низами гремела, хотя до Гянджи докатывались лишь отзвуки ее. Умерла вторая жена Низами, которую он не любил, подрастал Мухаммед, доставляя отцу и радости и огорчения. Почти семь лет он ничего не пишет, если не считать короткой оды Кызыл-Арслану.

Весной 1188 года к Низами прибыл гонец из Шемахи от ширваншаха, того самого деспота, который заморил в тюрьме Фалаки и терзал Хагани. Это был большой ценитель поэзии и не менее известный губитель поэтов. Одно другому не мешало. Как знаток и ценитель, он предложил Низами переехать к нему. Низами, естественно, не согласился. Тогда ширваншах заказал поэму, причем обозначил не только тему, но и сюжет. Низами должен был описать в стихах судьбу несчастных возлюбленных Лейли и Меджнуна, героев легенды, которая уже своей известностью сковывала поэта. Сам Низами в предисловии к поэме пишет, что тема эта его не увлекла и, если бы не бедность, он бы не принял заказа. А уговорил его сын, которому уже тринадцать лет, он почти мужчина. Мухаммед недоволен тем, что Низами отвергает выгодные заказы, а сейчас намерен отказать ширваншаху. Мухаммеду надоело жить в бедности. Он уговаривает отца не только написать поэму, но и добавить специальную главу, восхваляющую сына. Низами написал эту главу — обращение к наследнику престола с просьбой приблизить к себе сына, но честно признал, что склонность сына к блестящей жизни ему не нравится и он пишет эти строки лишь из любви к своему мальчику, ибо каждый волен избирать себе судьбу.

Правда, наследник престола сына Низами не приблизил.

Начав писать, Низами постепенно увлекся. Он создал не очередной пересказ грустной истории о том, как Меджнун, которому родители Лейли отказали в руке любимой, становится

безумцем, удаляется в пустыню и в конце концов погибает, а психологически тонкий роман в стихах. Поэма Низами родила целую литературу. Более сорока «Лейл и Меджнунов» было с тех пор написано именно в подражание Низами.

Поэма была закончена и отправлена заказчику. Доходов она не принесла, сын ко двору не попал. Низами продолжает жить в Гяндже. Проходит еще восемь лет. По тогдашним меркам, Низами уже почти старик — ему за пятьдесят. Жизнь завершается. И приходишь в отчаяние от того, что не осталось никаких свидетельств, даже слухов о том, как же шла эта удивительная жизнь, для нас озаряемая лишь раз в десятилетие, когда Низами заканчивал новую поэму. Между поэмами — тьма, забвение. И беды. Во вступлении к следующей поэме Низами намекает на них:

И дверей своих пред нищим я не закрывал.
Ибо хлеб мой и достаток сам ты мне давал.
Я состарился на службе у тебя в саду.
Помоги мне, чтобы вновь я не попал в беду.

И вот в 1195 или 1196 году из города Мараги, от тамошнего правителя, ценителя поэзии, которому посвящено несколько произведений других поэтов, пришел заказ. На этот раз заказчик либеральнее предыдущего. Он просит написать на любую тему, какую изберет поэт. А за наградой не стоит.

Впервые за много лет Низами может писать, что пожелает.

Он начинал с философской поэмы, размышляя о смысле жизни. Достигнув зрелости. Низами пишет о неладной любви, протянувшейся на годы. Затем «Лейла и Меджнун», поэма о роковой страсти, о Ромео и Джульетте Востока. Не зная, в какой последовательности написаны поэмы, никогда не догадаешься, что «Сокровищница тайн» на много лет предшествует «Лейли и Меджнуну».

И вот под шестьдесят, больной, так и не разбогатевший Низами снова берет калам. Он подводит итоги жизни?

Ничего подобного — он пишет светлую, озорную, приключенческую, сказочную поэму «Семь красавиц». Он пишет о приключениях царя Бехрама Гура и его любовных утех. Помимо истории о самом шахе в поэме есть и вставные рассказы семи красавиц, возлюбленных шаха. Любопытно, что среди возлюбленных Бехрама есть и русская княжна. Она живет во дворце красного цвета, и ее рассказ тоже связан с этим цветом.

В своих поэмах Низами — реалист, насколько можно быть реалистом человеку средневековья. Все действия и события в жизни героев имеют рациональное объяснение. Даже Ферхад,

круша горы, не обходится без помощи Евклида. Но в «Семи красавицах» Низами откровенно сказочен.

Вот, например, Черная сказка. Жил-был индийский царь, милейший человек. Однажды он увидел путника, одетого во все черное. Царю стало интересно, что это значит. Но чем дольше он расспрашивал путника, тем упрямее тот уходил от ответа. Царь распалился от желания узнать тайну, но путник поведал лишь, что в Китае есть многолюдный город, который прозвали Городом Смятенных. Все его жители ходят в черном. Побывав там, путник тоже облачился в черное. Тут уж царю просто невтерпёж — так хочется разгадать тайну.

Разумеется, царям многое дозволено — вот и наш царь поехал в Китай, нашел Город Смятенных. Поселился у одного юноши, сдружился с ним. Сдружившись, царь начал осыпать юношу дарами, чтобы узнать, почему же все ходят в черном. Юноша жалел царя, долго сопротивлялся, но все же устоять перед ним был не в силах. И вот однажды ночью он привел его на окраину города, к полуразрушенной башне, к которой на канатах была привешена корзина. Как только царь залез в корзину, та поднялась на вершину башни. Там было пусто. Царю стало страшно. Дул ветер — корзина не спускалась. Появилась громадная птица. Она села рядом с царем и заботливо прикрыла его крыльями от холодного ветра.

На рассвете птица собралась улететь, но царь уже осмелел. Он схватился за ноги птицы и полетел, неизвестно куда.

Наконец птица опустилась в прекрасном саду. Вечерело. В сад вышли очаровательные девушки с факелами в руках. И не успел царь налюбоваться ими, как появилась их повелительница — царевна умопомрачительной красоты. Царь тут же влюбился.

Царевна угощала царя вином и фруктами, царь млел, да и царевна захмелела. Царь понял, что настало время любви. Он начал страстно лобзать царевну, та отвечала на его поцелуи и со вздохом призналась, что такого мужчины ей еще встречать не приходилось. Разумеется, она готова ему отдаться. Только не сегодня.

— Прощу тебя, — сказала она царю, — возьми на сегодняшнюю ночь одну из моих девушек, не обижайся, есть у меня причины отложить нашу любовь на завтра.

Царь покорился. Он проследовал в роскошную опочивальню с прекрасной девушкой, и та услаждала его до утра.

Проснулся царь поздно. Сад был пуст, светило солнце, пели птицы, настроение было чудесное. К вечеру в сад снова пришла царевна с девушками, и все повторилось. На этот раз царю было еще труднее подчиниться прихоти царевны, но он понимал, что

на пути к их счастью стоят какие-то важные причины. И провел ночь с другой подругой. И так, страшно подумать, двадцать девять дней!

На тридцатый вечер царь не выдержал: сегодня или никогда!

— Хорошо, — ответила царевна. — Пожалуй, ты прав, я была слишком жестока. Зажмурься. Я сама распушу пояс и сниму с себя одежды.

Царь зажмурился и стал считать секунды.

И тогда подул прохладный ветер, исчезло благоухание сада.

Царь открыл глаза. О, лучше бы он их не открывал!

Корзина опустилась к подножию башни. У корзины стоял печальный юноша, весь в черном.

— Прости, друг, — сказал он. — Ты бы мне не поверил, все тут ходим в черном?

Царь не ответил. Он был человеком деликатным и понятливым. Он даже не стал интересоваться, каким образом целый город смог побывать в том волшебном саду. Разве это так важно? Он попросту пошел в ближайшую лавку — там торговали только черными одеждами. И купил себе все черное-черное.

С черным сердцем появился я в родном дому.

Царь я — в черном. Тучей черной плачу потому.

И скорблю, что из-за грубой похоти навек

Потерял я все, чем смутно грезит человек!..

Легенда о царе Бехраме приведена у Фирдоуси в «Шах-наме», но Низами, как и прежде, смело отвергает легенду, если она противоречит правде характеров.

У Фирдоуси есть такой эпизод. В восемнадцать лет шах Бехрам потребовал, чтобы ему подарили рабыню. Он выбрал Азадэ, музыкантшу и певицу. Девушка пришлась Бехраму по душе, и он взял ее с собой на охоту. Там он решил похвастаться перед ней меткой стрельбой из лука.

— Куда ты хочешь, чтобы я попал? — спросил он.

— Преврати самца газели в самку, — сказала рабыня. — Пришей ногу к уху газели.

И засмеялась.

Но Бехрам не смутился. Двумя стрелами он срезал самцу рога, а еще две всадил в голову самке. Так что самец стал безрогим, а самка — с рогами. Потом он дождался, пока другая газель подняла погу, чтобы почесать ухо, и пришил ее ногу к уху стрелой.

Азадэ испугалась.

— Наверное, в тебя вселился злой дух! — воскликнула она в

ужасе.

Бехрам пришел в ярость, сбросил девушку с седла и растоптал конем.

А вот как эту же историю рассказал Низами.

Во время охоты любимая певица Бехрама Фитнэ замечает, что стрелять, как он, может научиться любой, было бы время и желание.

Бехрам оскорблен. В гневе он подзывает к себе одного из воинов и велит ему увести в лес и убить оскорбительницу.

Воин с девушкой идут в лес.

Фитнэ говорит воину:

— Давай отложим расправу надо мной на несколько дней. Ты пока на глаза шаху не попадайся, а оттяни встречу. Когда эти дни пройдут, подойди к шаху и доложи, что ты меня убил. Если он скажет тебе: «Вот молодец!» — тогда приходи и убивай меня. Но если он к тому времени раскается, то спасешь себя от греха, а меня — от смерти.

Аргументы Фитнэ показались воину убедительными. Через неделю он сказал Бехраму, что девица убита. Шах пришел в отчаяние. Он бросился на землю и горько зарыдал.

Успокоенный воин отвез Фитнэ в деревню. Там она отдала воину свои драгоценности, чтобы он построил для нее высокую башню... В тот день в деревне родился теленок. На последние деньги Фитнэ купила теленка и отнесла на вершину башни, а вечером спустилась с ним вниз.

Это удивительное восхождение она повторяла каждый день в течение шести лет. За шесть лет теленок вырос в громадного быка, а хрупкая девушка потеряла изящество, но красота ее на свежем воздухе и при обилии упражнений не померкла.

Однажды, узнав, что Бехрам охотится где-то поблизости, Фитнэ попросила воина, с которым давно уже подружилась, чтобы он пригласил шаха к себе в деревню. Тот так и сделал.

Воин с шахом взобрались на башню, куда вели шестьдесят крутых ступеней. Там был накрыт стол, и благодарный гость пировал, любуясь прекрасным видом с высоты. Потом не без ехидства заметил, что, пока воин молод, он может забраться на башню. А что он будет делать, когда ему стукнет шестьдесят лет?

— Как-нибудь справлюсь, — ответил воин. — У меня добрый пример перед глазами.

— Какой же?

— А разве вы не слышали, что у нас здесь в деревне живет девица, которая может подняться на башню, неся быка?

Посмеявшись над такой нелепицей, Бехрам все же согласился поглядеть на чудо.

Появилась Фитнэ, лицо ее было закрыто чадрой. Она подхватила быка и легко поднялась с ним на вершину башни. Шах не мог скрыть изумления. Наконец он нашел подходящие моменту слова:

«Это сделать ты смогла,
Потому что обучалась долгие года.
А когда привыкла, стала делать без труда.
Шею приноравливала к грузу день за днем.
Тут лишь выучка одна, сила — ни при чем!»

Не скрывая злорадства, Фитнэ ответила:

«Ты за долг великой платой должен мне воздать.
Дичь без выучки убита? А быка поднять
Выучка нужна? Вот, подвиг совершила я.
В нем не сила? В нем одна лишь выучка моя?
Что же ты, когда онагра жалкого сражаешь, —
Ты о выучке и слова слышать не желаешь?»

Шах узнал голос Фитнэ. Она еще не кончала говорить, как он бросился к ней, сорвал чадру и обнял девушку.

— Женюсь, тут же женюсь! — заявил он и наградил воина, который не выполнил его повеления. Затем шах женился на Фитнэ.

Много веселых и поучительных историй Низами рассказал читателю. Поэма близилась к концу. И тут в ней наступил какой-то перелом. Словно Низами надоело шутить и рассказывать сказки, словно собственная близкая смерть взмахнула над ним крылом. Последняя часть поэмы резко отличается от всего, что было написано раньше.

Обнаруживается, что, пока Бехрам развлекался со своими красавицами, на него напал китайский император, казна пуста и не на что набрать войско. Везир предлагает ввести новые налоги. Шах соглашается. Чтобы отвлечься от печальных мыслей, Бехрам едет на охоту. Он отстает от спутников и останавливается у бедной хижины. Старик, хозяин хижины, предлагает шаху отдохнуть, но тот замечает, что на суке повешена собака. Старик объясняет, что как-то из его стада начали пропадать овцы. Он заподозрил своего верного друга и помощника, выследил его и понял, что тот полюбил волчицу, которая повадилась к стаду, и за ее ласки дает ей таскать самых жирных овец. Если тот, кому положено сторожить добро, закончил рассказ старик, оказывается

предателем, то его надо покарать.

Возвращаясь домой, Бехрам вдруг подумал: а не везира ли имел в виду старик? Он арестовывает везира, и правда о его преступлениях выходит наружу.

И тут Низами избирает странный сюжетный ход: он дает еще семь рассказов, как бы повторяя семь веселых сказок. Но эти рассказы правдивы и страшны — они повествуют о том, какова подлинная жизнь в государстве, которым правит жестокий везир, то есть в любом государстве того времени. Это плачи обездоленных, ограбленных, избитых людей, описания пыток и убийств.

Бехрам восстанавливает справедливость, казнит везира, прекращает забавы и веселье. И название поэмы — «Семь красавиц» — начинает звучать иронически и даже грустно. Все развеялось как дым: веселье, забавы, любовь — остались страдания и долг.

Однажды на охоте Бехрам видит красивого барана и скачет за ним. Баран прячется в пещере. Бехрам спешивается и входит туда. И исчезает. Когда его воины достигают пещеры, они слышат доносящийся изнутри громовой голос:

— Ступайте домой! Шах занят делом!

Но воины входят в пещеру.

Там пусто.

Пещера невелика. Другого выхода нет.

Приезжает мать Бехрама и приказывает перекопать в пещере землю.

Глубокую яму выкапывают слуги, но следов Бехрама так и не находят.

Вот и все.

И ничего не было. Только забвение.

И лишь звучат снова загадочные слова: «Шах занят делом».

Что хотел сказать этим Низами?

Проходит еще несколько лет. И Низами, которому уже под семьдесят, начинает писать свою последнюю, пятую поэму. Ее никто не заказывал.

Эта поэма превышает объемом все остальные. Как утверждают специалисты, в ней местами талант Низами дает трещины, видны спешка, незавершенность некоторых глав. Может быть. Жизнь Низами подошла к концу, и он снова создаёт поэму о смысле жизни. В своем творчестве он как бы совершил круг — от философской «Сокровищницы тайн» к философской эпосе «Искандер-наме», истории жизни, подвигов и тщеты земных желаний Александра Македонского.

Низами считает поэму итогом всей своей жизни. Он говорит:

Я сказал это и ушел, а повесть осталась.
Не следует читать ее от безделья.

Низами проводит читателя по жизни Александра Македонского, который оставил глубокую память у народов Востока.

Искандер интересует поэта потому, что он смог добиться всего. Но в чем смысл величия, если жизнь кончается смертью?

В борьбе со смертью Искандер даже опускается под землю, чтобы найти источник живой воды. Но ему не суждено этого добиться, и он возвращается.

Низами в этой поэме обозревает как бы весь мир. Там есть и описание войны с русами, напавшими на город Бердаа, — отзвук действительных событий, происшедших за два столетия до Низами; там есть и история о том, как Аристотель вернул к науке Архимеда, которая звучит как современный научно-фантастический рассказ.

Александр Македонский подарил ученику Аристотеля Архимеду красавицу рабыню, тот влюбился в нее и забыл о науке. Аристотель был огорчен этим и велел прислать рабыню на время к нему. Архимед подчинился учителю, но ждал, когда рабыня к нему вернется.

Аристотель дал ей зелье, которое удаляет из организма всю влагу. Влагу эту Аристотель собрал в сосуд, а сама девушка съежилась и пожелтела. Аристотель предложил Архимеду забрать рабыню обратно. Архимед был возмущен: зачем ему подсовывают старуху, где его возлюбленная?

Тогда Аристотель вынес сосуд, в котором была заключена влага, содержащаяся в теле девушки, и сказал:

— Вот что ты, оказывается, на самом деле любил!

Это потрясло Архимеда, и он вернулся к науке. Выздоровела ли рабыня — мы не знаем, но притча, как и все притчи в этой последней поэме, печальна.

Многие главы посвящены научным занятиям Искандера, его беседам с мудрецами, его разумному управлению государством. В поэме действуют многие древнегреческие мыслители и писатели — даже удивляешься, сколько ценного из греческой мысли, забытой в то время в Европе, сохранил мусульманский Восток и сколько знал провинциальный поэт Низами.

Последняя часть книги описывает странствия Искандера, который должен обойти весь мир и научить людей истине. Множество земель проходит Искандер, много историй рассказывает Низами, и вот в конце концов где-то далеко на

севере Искандер находит царство справедливости, недостижимое, как мечта поэта. Там нет богатых и бедных, там нет притеснения и смерти, там никто никогда не лжет. Это не аскетический, суровый край — это вполне земная утопия, где люди живут сытно, весело и счастливо.

Найдя эту страну, Александр Македонский понимает, что не надо было завоевывать мир — надо было искать справедливость. Мечтой о человеческом братстве и завершается поэма: Искандер нашел то, к чему должен стремиться человек.

Кто жаждет постичь мирозданье — пойми,
Что держится мир лишь такими людьми.
Вселенная ими гордится искони
Затем, что столпы мирозданья — они...
Знай раньше страну справедливую эту,
Не стал бы бесплодно кружить я по свету.

Никто не знает, когда умер Низами. Даты его смерти указывают разные — от 1203 до 1211 года. Он был велик при жизни и забыт при жизни...

Судьба была милостива к нему, хоть и не баловала счастьем. Она дала ему долгую жизнь, чтобы он смог свершить то великое, к чему был предназначен.

Часть III. Между двух миров

Крестоносцы и сарацины

К концу XII века христианство и ислам, разделив между собой добрую половину известного тогда мира, противостояли друг другу на протяжении многих тысяч километров. Граница между ними была нестабильна, она почти непрерывно сдвигалась, и если в течение столетий до того наступал ислам, то к XII веку положение изменилось в пользу христианства. Напор арабов, подкрепленный затем сельджукской экспансией, постепенно выходся.

Стройная система ислама, освящающая силу государства и право государя, вытеснила большинство анимистических и языческих верований Востока. Но одолеть христианство ислам оказался бессилён. Мусульманские завоеватели вторгались в Грузию и Армению, захватывали Испанию и Португалию, но покоренные народы не переходили в новую веру. И потому ислам неизбежно отступал, как только слабела мощь его армий.

Но справедливо и обратное. Византии и крестоносцам удавалось силой оружия утвердиться в странах ислама. Но христианские миссионеры не смогли заставить арабов или тюрок перейти в христианство. Власть христианского воина на Ближнем Востоке была недолговечной.

Самой восточной точкой границы между мусульманским и христианским мирами было Закавказье. Там в войнах, с трудом утверждая свою самостоятельность, противостояла сельджукам небольшая Грузия.

Западнее уверенно держалась, то заключая тактические союзы с мусульманскими государствами Малой Азии, то опираясь

на помощь Византии и крестоносцев, Киликийская Армения — центр армянской государственности средневековья.

Далее граница проходила по рубежам Византийской империи. Эта граница передвигалась в зависимости от активности Византии и силы ее противников.

Южнее существовали, понемногу теряя свои позиции, государства крестоносцев, образованные в конце XI века, — это узкая полоса земель на восточном побережье Средиземного моря, тянувшаяся почти до Египта.

Рубеж, проходящий по Средиземному морю, условен. Острова на нем в тот период находятся в руках христиан. Но Сицилийское королевство, созданное норманнами, — пример пограничья со смешанной культурой, населенного христианами и мусульманами.

Снова в тесное соприкосновение ислам и христианство вступали на юго-западе Европы, где южная часть Пиренейского полуострова все еще находилась в руках мусульман. Там за многие столетия жизни бок о бок также создается своеобразный пограничный мир.

Ислам в Испании в конце концов погибнет: коренное население полуострова — испанцы и португальцы остаются христианами, и вытеснение пришельцев с Пиренейского полуострова — вопрос времени. Когда Колумб в конце XV века отправится открывать Америку, лишь чудесные дворцы останутся памятью об эмирах Севильи и Гранады.

Исторические законы неодолимы. Вторжение на территорию, принадлежащую иному этносу, объединенному не только языком и общим происхождением, но и укоренившимися религиозными верованиями, как правило, завершается изгнанием пришельцев. Изгнание может произойти очень нескоро: монгольское иго продолжится на Руси четверть тысячелетия, в течение веков будут находиться под властью турок Болгария и Сербия. Но в конце концов покоренные освободятся.

Этого закона, разумеется, не знали крестоносцы, когда шли освобождать от «неверных» гроб Господень. Под ударами железных отрядов отступили арабские армии. Мечети были переделаны в церкви, в замках поселились тамплиеры и иоанниты, иерусалимский трон стал предметом свар между европейскими баронами. Но пройдет еще несколько десятилетий, и христианским воинам придется оставить Иерусалим и Яффу. Рабы тщательно вымоют розовой водой недавнюю христианскую церковь, и, переступив через сброшенный с купола крест, в нее войдет муфтий и призовет к молитве мусульман.

Но одно дело — исторические законы. Они неощутимы в

повседневности. Да и какое дело грузинскому крестьянину до того, что сельджуки через сто лет уйдут, если сегодня они убили его жену?

Люди на границе миров жили сиюминутно и сиюминутно погибали.

Символами противостояния ислама и христианства на Ближнем Востоке были султан Салах ад-Дин (Саладин европейских хроник) и крестоносцы. Центром борьбы — Иерусалим и святыни христианства. Апогеем борьбы стало время третьего крестового похода, то есть 1189–1192 годы. Но тогдашние события имели предысторию.

Салах ад-Дин был лишь одним из мусульманских государей Ближнего Востока, самым умным и талантливым, но никак не самым сильным. В войне с крестоносцами он все время ощущал крайнюю нехватку войск и средств, ему приходилось отступать, потому что его забывали, ему отказывали в помощи, а то и ударяли в спину единоверцы. Но, с точки зрения европейцев, именно он был олицетворением всеисия «неверных». Европейцам и тогда, и много лет спустя видны были лишь первые бастионы мусульманской обороны. Что творилось за ними — осталось тайной.

Во многих книгах о крестовых походах Салах ад-Дин выведен как истинный рыцарь, благородный и мудрый государь, исключение среди «неверных». Однако он был сыном своего времени, порой благородным, когда это было выгодно ему, порой жестоким и суровым. Иначе не выживешь. Он не дожил до глубокой старости, но умер своей смертью, оплакиваемый всем мусульманским миром и даже своими врагами. Если в вождях крестоносцев время от времени просыпались разбойничьи инстинкты феодальных владык, то Салах ад-Дин руководствовался в своих действиях интересами государства и религии.

Салах ад-Дин родился в 1138 году. Назвали его Юсуфом. Отец его Айюб, курд из племени хазбани, находился на службе у сельджукского правителя Мосула и Халеба Занги ибн Ак-Сункура.

Воинственные курды играли значительную роль в сельджукских армиях. В семье Юсуфа самым знаменитым был старший брат отца Ширкух, полководец сына Занги — атабека Нур ад-Дина. Нур ад-Дин отнял у крестоносцев Эдессу — центр графства Эдесского, находившегося в Сирии. Именно против Нур ад-Дина был направлен неудачный Второй крестовый поход в середине XII века.

В 1154 году Нур ад-Дин захватил Дамаск, после чего в планы

его экспансии вошел Египет, где правил фатимидский халиф. Нур ад-Дин воспользовался неурядицей в Египте, где схватились два претендента на пост везира — реального правителя государства. Победенный в этой борьбе Шавер бежал в Дамаск и попросил помощи. Разумеется, заботы побежденного везира менее всего беспокоили Нур ад-Дина, ему важно было укрепиться в Египте. В Египет была послана армия под командованием Ширкуха, а с ним отправился и молодой Юсуф.^[11]

Ширкух вернул Шаверу место везира, но тот скоро понял, что войско Нур ад-Дина пришло для того, чтобы оставаться в Египте. Тогда он обратился за помощью к иерусалимскому королю Амальрику (Амори I). Совместно с Шавером крестоносцы победили Ширкуха и заставили его отступить. Однако Ширкух через некоторое время вернулся с подкреплениями и в 1167 году взял Александрию. Снова завязались бои, в которых Ширкуху и Юсуфу приходилось нелегко. Неизвестно, чем бы кончилась война, если бы не корысть крестоносцев. За свою помощь они получали от египетского везира ежегодно десять тысяч золотых. Но, поняв, насколько слаб фатимидский Египет, они решили захватить его и взять все деньги сразу. В 1168 году они ударили в тыл своему союзнику и начали грабить Египет. Это были враги похуже единоверцев. Перепуганный фатимидский халиф послал гонцов к Нур ад-Дину с просьбой освободить его от христианских «друзей». Он придумал патетический ход, который свидетельствовал лишь о его бессилии. В письмо были вложены пряди волос жен халифа, и было приписано: «Женщины, чьи волосы я посылаю тебе, заклинают тебя охранить их от обид, которые ждут их со стороны франков».

В 1169 году Ширкух изгнал крестоносцев. Затем он решил избавиться от везира, который был продажен и труслив. Везира казнили, и Ширкух сам стал везиром, продолжая служить Нур ад-Дину. В том же году Ширкух умер. Ему наследовал молодой Салах ад-Дин.

Он решительно принялся за наведение порядка в фатимидском халифате, а так как сам признавал лишь халифа багдадского, то фатимидского халифа убил. В течение трех лет Салах ад-Дин занимался египетскими делами, искореняя исмаилитскую ересь. Он опирался на сельджукские и курдские войска, которыми постепенно заменил египетскую армию, состоявшую из берберов, суданцев и армянской гвардии.

В 1174 году умер Нур ад-Дин, и тогда Салах ад-Дин вступил в борьбу за наследство своего покровителя. Он вторгся в Сирию, разогнал соперников и захватил Дамаск. Через год багдадский халиф пожаловал Салах ад-Дину титул султана. Владения нового

султана представляли собой барьер между государствами крестоносцев на побережье и мусульманскими государствами внутренних областей Ближнего и Среднего Востока. Салах ад-Дин не скрывал своего намерения сбросить христиан в море. Он готовился к войне с крестоносцами исподволь, укрепляя свою державу, и отдельные удары, которые его командиры наносили владениям латинян, были чувствительны, но не смертельны. Было ясно, что решающие бои впереди.

К концу XI века Европа стала настолько густо населена (по сравнению с предыдущими веками), что в ней образовались значительные излишки населения. Это были и разоренные крестьяне, у которых не было ни клочка земли, это были солдаты и рыцари, не нашедшие себе добычи, это были, наконец, многочисленные отпрыски знатных семей, которым не нашлось удела. Масса неустроенных людей была мобильна, и требовался лишь толчок, чтобы сдвинуть ее с места.

К концу XI века Европа была уже настолько богата (по сравнению с предыдущими эпохами), что венецианские и генуэзские купцы, германские ростовщики и жаждавшие торговой монополии на Ближнем Востоке ломбардские банкиры смогли финансировать, а папство, стремившееся к власти над миром, могло воодушевить и дать толчок грандиозному общеевропейскому предприятию — Первому крестовому походу.

Причины крестовых походов многослойны, как луковица. Снаружи — слой всем понятный: религиозный фанатизм. Глубже — проблемы демографические. В центре — невидимая глазу борьба за истоки Великого шелкового пути. Кнехт или даже знатный рыцарь был движим религией или надеждой разбогатеть. О демографии или торговых монополиях он и не подозревал.

Сотни тысяч человек, в первую очередь бедняки, погибли на бесконечном пути через Европу и Малую Азию, прежде чем жалкие остатки армии крестоносцев добрались до заветного Иерусалима. Правда, те двенадцать тысяч солдат и рыцарей, что подошли к его стенам, были наиболее сильной и подготовленной к боям частью крестоносного воинства.

15 июля 1099 года случилось чудо: Иерусалим с его многочисленным гарнизоном, сидевшим за крепкими стенами, пал, взятый обезумевшими в религиозном экстазе крестоносцами. После этого началась страшная резня — убивали всех мусульман. По свидетельству современников, кони крестоносцев ступали по колену в крови. Заодно перебили всех евреев.

Так родилось Иерусалимское королевство.

На первых порах христианские владения на Ближнем Востоке

были малы и слабы. Лишь бесконечные раздоры в мусульманском мире, неспособность эмиров и султанов, разделивших наследство сельджукской империи, объединиться дали возможность рыцарям, тем немногим, кто пережил переход через Малую Азию, штурм Антиохии и битву за Иерусалим, остаться в завоеванных областях. У первого иерусалимского короля вся армия насчитывала триста рыцарей и две тысячи пехотинцев.

Падение государств крестоносцев — а их первоначально было три: на севере, в удаленных от моря долинах, лежало графство Эдесское, южнее, на побережье, — княжество Антиохийское, еще южнее — королевство Иерусалимское — казалось лишь вопросом времени. Но уже после окончания Первого крестового похода в те края потянулись безземельные рыцари, искатели приключений, пилигримы — всякий народ, что отрядами, а то и поодиночке вливался в мир, управлявшийся графами и баронами, которым не нашлось достойного места в Европе.

Приток населения и поддержка итальянских торговых республик, обладавших сильным флотом, дали возможность государствам крестоносцев постепенно окрепнуть и расширить владения. Завоевания их шли большей частью в береговой полосе. В начале XII века один за другим им сдавались крупные портовые города — ключи к азиатской торговле: Яффа, Кесария, могучая Акка, богатейший Триполи, который крестоносцы осаждали семь лет, Сайда, Бейрут и Тир. Таким образом, в период своего расцвета латинские государства владели побережьем от Малой Азии до Египта и некоторыми важными областями в глубине страны. В начале XII века на этих землях было основано еще одно государство крестоносцев — графство Трипольское.

Все эти области были густо населены, богаты, их порты были важнейшими перевалочными базами на Великом торговом пути, а также ремесленными центрами. Поэтому рыцарские государства Ближнего Востока превратились в серьезный фактор азиатской политики.

Что же они собой представляли?

Несмотря на то что крестоносное завоевание сопровождалось истреблением «неверных», значительная часть населения там осталась. В латинских государствах смешалось много народов: иудеи, финикийцы, греки, армяне жили рядом с потомками тех, кто приходил сюда с мечом, — арабов и тюрок. Крестоносцы, захватив контроль над важнейшими торговыми путями, соединявшими мусульманский мир с Европой, были заинтересованы в том, чтобы прибыли от этого потока товаров шли не багдадскому халифу и сельджукским эмирам, а христианскому воинству и итальянским купцам.

Владения крестоносцев на Ближнем Востоке были самыми настоящими феодальными государствами, сочетавшими в себе европейские и азиатские порядки. Большинство крестьян в них были коренными жителями, но некоторый процент там составляли и европейские колонисты. Это была беднота — солдаты, частью увечные, нищие пилигримы, которые пришли сюда уже после первого похода, полагая, что жизнь в Палестине все же лучше, чем в Европе.

На первых порах европейские бедняки получали землю свободно: истребление и продажа мусульман в рабство «освободили» целые деревни. После взятия Акки венецианские купцы меняли там трех рабов на одного коня. Рабским трудом широко пользовались христианские монастыри, как грибы выросшие в латинских княжествах, они скупали рабов и заселяли ими свои земли.

Местные крестьяне (они именовались вилланами) были прикреплены к земле, которую жаловал сеньор. С этой землей их можно было продавать и покупать. Они отдавали сеньору от трети до половины урожая.

Разумеется, со временем отношения завоевателей и завоеванных упорядочились, церковный собор уже в 1120 году запретил истязать рабов и определил за это суровые наказания. Нельзя доводить подданных до крайности, государству нужны мир и доходы. И все же в латинских государствах покоя никогда не было. Редкий год проходил без восстания. То крестьяне захватят Наблус и перебьют франков, то, как пишет хронист Фульхерий, «сарацинские земледельцы не хотят платить податей», то вспыхнет восстание в Триполи и погибнет сам граф Понтий Триполийский.

Власть крестоносцев ослабевала за стенами крепостей. Дороги не были безопасны не только для одиноких путников, но и для небольших рыцарских отрядов. Паломники, направлявшиеся в Иерусалим, обязательно собирались в большие караваны и двигались туда под охраной рыцарей. Так добрался до Иерусалима первый известный нам русский пилигрим, монах Даниил, оставивший записки о Иерусалимском королевстве начала XII века. Он пишет, что многие святые места недоступны тем, кто идет туда в малом числе, потому что всегда можно ждать сарацинской засады. Самому Даниилу повезло: он присоединился к отряду короля Иерусалимского, который выступил в очередной безрезультатный поход на Дамаск, и потому Даниил миновал опасные места «без страха и без пакости».

Структура латинских государств была подобна пирамиде.

Вершину пирамиды занимал король Иерусалимский. Он не имел реальной власти над тремя другими государствами — Триполийским, Антиохийским и Эдесским, но формально они признавали его главенство. Все государства были разделены на баронии; они, в свою очередь, делились на рыцарские лены, каждый из которых включал одну или несколько деревень. Бывало, что одной деревней владели сразу несколько рыцарей. Когда же положение франков ухудшилось и мусульмане начали вытеснять их из поместий, король и князья, чтобы как-то прокормить рыцарей, стали раздавать им доходные должности — сборщиков рыночных налогов, таможенных пошлин и т. д. Рыцари были обязаны сражаться за своего князя, и эта обязанность была достаточно трудной: крестоносные государства почти все время воевали. Рыцарь был должен по первому зову выступить на коне и в полном вооружении.

Иерусалимский католический патриарх владел четвертью Иерусалима и контролировал дела монастырей, раскинувшихся в плодородных долинах. Но к концу XII века патриарх потерял власть, так как военной силы не имел. Ею обладали духовно-рыцарские ордены. В 1185 году их было три — иоанниты, тамплиеры и тевтонские рыцари. Об этих орденах следует рассказать немного подробнее.

Еще в 1048 году богобоязненные купцы из итальянского города Амальфи построили в Иерусалиме странноприимный дом для паломников — госпиталь. Слово «госпиталь» первоначально обозначало скорее дом для отдыха, чем больницу. Там собирались немощные и уставшие паломники, монахи их кормили и лечили. Итальянские монахи, что обслуживали госпиталь, называли свой орден именем святого Иоанна. Госпитальеры, или иоанниты, постепенно расширяли свои госпитали — дело было богоугодное. Движимые благородными чувствами, к ним присоединялись монахи не только из Италии, но и из других стран. Главный госпиталь этих монахов стоял между церковью Святого гроба и рынком, прямо в центре Иерусалима.

Мало-помалу, пользуясь щедрыми дарами благодарных паломников и европейских вельмож, которые желали прославить себя благотворительностью, монахи начали основывать госпитали и в тех европейских портах, откуда двигался в Палестину поток паломников.

В беспокойные времена конца XI века, когда на Ближний Восток отправились отряды крестоносцев, орден имел основания опасаться за свое имущество, и, естественно, братья были вооружены. Некоторые источники утверждают, что во время

штурма Иерусалима крестоносцами отряд монахов-иоаннитов ударил в тыл защитникам города. Возможно, поэтому первый король Иерусалима поручил им охрану паломников. Он присвоил монахам-воителям форму — черную мантию с белым «мальтийским» крестом, концы которого раздвоены, как хвост ласточки. В последующие годы орден начал принимать в свои ряды рыцарей, принявших монашеский обет воздержания, целомудрия и послушания. Именно они стали с годами играть в ордене главную роль. К середине XII века орден превратился в сильную военную организацию.

Большинство иоаннитов были выходцами из Италии. В начале XII века по их примеру подобный орден создали французские рыцари. Их орден, который именовался орденом Храма, никаких госпиталей не строил. Это был военный орден. Храмовники, или тамплиеры (храм по-французски «тампл»), в 1119 году приобрели себе здание, помещавшееся между дворцом иерусалимского короля и церковью Святого гроба, рядом с первым госпиталем иоаннитов. По преданию, раньше на этом месте находился храм царя Соломона. Отсюда и название ордена.

К концу XII века родился еще один орден — Немецкий, или Тевтонский. В него принимали немецких рыцарей.

Уставы орденов были строги. По уставу храмовников, например, два рыцаря должны были есть из одной миски. Бедность считалась источником духовной силы ордена. Рыцарям нельзя было петь веселые песни, смотреть на выступления жонглеров, охотиться с соколами и играть в кости.

Духовно-рыцарские ордены стали могучими организациями с четко разработанной иерархией и крепкой дисциплиной. Они обладали такими средствами (полученными от покровителей и взятыми в качестве добычи), что могли строить в Сирии и Палестине неприступные замки. И чем сильнее становились ордены, тем активнее стремились к власти. Их магистры сидели на военных советах рядом с князьями. Поддержка орденов в междоусобной борьбе латинских государств стала настолько ценной, что монахов-рыцарей опасались задеть даже иерусалимские короли.

Защита паломников и благотворительные дела все более отходили на второй план. Усиление ордена затмевало прочие цели.

Папы дали орденам полную независимость как от иерусалимских патриархов, так и от светских властей Палестины. Никто, кроме папы, не имел право судить их рыцарей или претендовать на добычу ордена.

Ордены получали немалые пожертвования в Европе и

округляли свои владения. Уже с XII века им принадлежали земли во Франции, замки в Испании. Искушая грех убийства Томаса Бекета, Генрих II Плантагенет внес в кассу ордена храмовников сорок две тысячи марок. Казнохранилища храмовников и госпитальеров считались самыми надежными в мире: европейская знать держала там свои сокровища. В замке парижских тамплиеров король Франции Филипп Август поместил государственную казну.

Одной из статей дохода храмовников была добыча от нападений на торговые караваны мусульман. А поскольку эти набеги совершались на «неверных», любой грех был простителен. Например, в 1154 году тамплиеры захватили в плен сына египетского везира, который спасался от врагов. Затем они снеслись с этими врагами и продали им пленника за шестьдесят тысяч золотых. Поскольку обогащение стало главной целью ордена, а никакого внешнего контроля над его действиями не существовало, рыцари-монахи шли на все более грязные преступления.

Ордены вели активную предпринимательскую деятельность. Уже к концу XII века каждый из них обзавелся собственными кораблями. Формально для того, чтобы перевозить паломников. В действительности на них перевозили все, что могло принести прибыль. Так, однажды тамплиеры везли на нескольких судах зерно в Святую землю — там был неурожай, и стране грозил голод. Но в пути они узнали, что цены на зерно в Сицилии выше, чем в Палестине. Суда тут же изменили курс, и зерно так и не добралось до крестоносцев.

Масштабы денежных операций орденов по тем временам были фантастические. Когда Ричарду Львиное Сердце понадобились деньги, он продал тамплиерам остров Кипр, и они заплатили ему задаток в сорок тысяч безантов серебром (раб стоил один безант.)

Ордены держали гарнизоны в приграничных крепостях и порой вступали в союзы с мусульманскими соседями и даже с исмаилитами.

К пришельцам с Запада на мусульманском Востоке относились, разумеется, с ненавистью. Государства крестоносцев были опухолью на теле Ближнего Востока. Но особенно глубока была ненависть, которую испытывали там все, от эмира до последнего крестьянина, к тамплиерам. Законы войны не распространялись на них. Если светский рыцарь, попав в плен, ждал, пока его выменяют или выкупят, храмовнику почти наверняка грозила смерть. И это понятно: храмовники не знали пощады к мусульманам.

Порой судьба жестоко карала тамплиеров за безудержную жадность. Так случилось в 1153 году, во время одной из последних наступательных операций Иерусалимского королевства — осады Аскалона. Город хорошо снабжался, ему помогал египетский флот, и двухмесячная осада изнурила осаждавших. И все же наконец им удалось проломить стену.

Первыми в брешь ринулись тамплиеры. Большая часть их проникла в Аскалон, прочие остановились в проломе стены и обратили мечи против своих же товарищей, чтобы не пустить их в город и не делиться добычей.

На узких улицах Аскалона тамплиеры разделились на партии и поспешили в самые богатые дома, во дворец эмира, в мечети. Тем временем защитники опомнились. Они поняли, что в городе бесчинствует сравнительно небольшой отряд тамплиеров, которые так поглощены грабежом, что забыли об осторожности. И тогда они накинулись на храмовников.

Когда наконец основным силам крестоносцев удалось опрокинуть заслон тамплиеров, оказалось, что они опоздали. Перебив тамплиеров, защитники Аскалона заняли позиции за спешно воздвигнутыми баррикадами и отбили штурм.

Орден был конкурентами в борьбе за власть, деньги, монополию на святость. Порой они не только враждовали, но даже сражались. Известно, что по настоянию римского папы как раз перед началом Третьего крестового похода между госпитальерами и храмовниками был заключен мир. Значит, до этого была война.

Со временем, потеряв позиции на Ближнем Востоке, орден оказался в лучшем положении, чем князья и рыцари, которые были никому не нужны. Орден к этому времени накопил такие богатства, что смогли перенести действия в Европу.

Тевтонский орден занимался расширением своих владений в Прибалтике, покоря славянские и балтийские земли. Он был сокрушен лишь в 1410 году, в битве при Грюнвальде.

Судьба тамплиеров оказалась печальной. Орден все более превращался в опасную для властей тайную организацию. Его богатства вызвали у французского короля Филиппа IV, который был по уши в долгах у ордена, желание с ним разделаться. Было сфабриковано обвинение в ереси, в начале XIV века орден был закрыт римским папой, и во Франции прошли суды над рыцарями и командорами ордена. Под пытками рыцари сознавались во всем — и что дружили с дьяволом, и что готовили заговор против французского короля. Рыцарей сожгли на кострах, имущества ордена и его сокровища перешли в казну.

Благополучнее других сложилась судьба у госпитальеров.

Они были умереннее в своей гордыне, чем храмовники. К тому же после изгнания со Святой земли они захватили принадлежавший Византии остров Родос и построили там мощные замки. Островом они владели до 1522 года и только после долгой войны с турками вынуждены были его оставить. На пятидесяти кораблях иоанниты отплыли в Италию, а затем выторговали у папы остров Мальту. Под названием Мальтийского ордена дожил до наших дней. Во время наполеоновских войн он даже переместился в Россию, где его гроссмейстером стал император Павел.

Правили латинскими государствами потомки тех рыцарей, что завоевали Иерусалим. Это были самые настоящие королевские дома, созданные по образу и подобию европейских. Однако с точки зрения феодальной Европы они были неполноценны, ибо, как правило, происходили от боковых, обедневших ветвей знатных фамилий и крупных владений в Европе не имели. Получался явный парадокс: король Иерусалимский, казалось бы, первый среди королей, так как он был хозяином гроба Господня, по рангу считался ниже многих герцогов. И если византийские императоры из политических соображений отдавали иерусалимским королям в жены своих племянниц (на племянницах Мануила были женаты короли Балдуин III и Амори), то ни Фридрих Барбаросса, ни Генрих II Плантагенет к близкому родству с иерусалимской знатью не стремились.

Компания эта была удручающая. Даже расположенные к делам иерусалимским христианские историки добрых слов о королях и баронах тех государств сказать не могут.

В 1174 году умер иерусалимский король Амори. От него остались двое детей: сын Балдуин, который занял престол под именем Балдуина IV, и дочь Сибилла, ставшая желанной добычей для женихов. Матери своей они почти не знали, и не потому, что она умерла — Агнесса Эдесская была жива и здорова. Она вышла замуж за Амори, когда тот еще не был королем. Супруги мирно прожили несколько лет, родилось двое детей, и тут со смертью брата Амори должен был унаследовать престол. Но соперники Амори вспомнили, что Агнесса приходится ему четвероюродной сестрой. По наущению врагов Амори патриарх Иерусалимский объявил их брак недействительным. Перед Амори встала проблема: престол или жена. Он выбрал престол, выторговав при этом право считать своих детей законными. Так что Агнесса была изгнана из королевского дворца, а Сибилла и Балдуин остались в нем. Агнесса потом утешилась: она снова вышла замуж.

Сибилла росла девочкой своенравной, вспыльчивой и злой.

Брат ее, будущий король, был увальнем, добродушным, ленивым и неумным. Сибилла осталась во дворце отца, а мальчика передали на воспитание графу Раймунду Триполийскому. Раймунд был наиболее осмотрительным и разумным из всей латинской знати и пользовался громадным авторитетом. Отец его был в 1150 году убит ассасинами в Триполи, и рос он при регентстве матери. В 1165 году Раймунд попал в плен к сирийскому атабеку Нур ад-Дину, провел восемь месяцев в тюрьме, но был выкуплен королем Амори. Раймунд был представителем антивизантийского крыла крестоносцев. Для этого помимо причин политических была и причина личная: византийский император Мануил сватался к его дочери Мелизанде, но послы обнаружили у нее нервную болезнь, и император отказался от этого брака, взяв в жены вместо Мелизанды Марию Антиохийскую. Поэтому византийские корабли обходили Триполи стороной, а на счету Раймунда было несколько жестоких набегов на греческие города побережья Малой Азии.

Раймунд был известен своей осторожностью и даже, как утверждали его враги, трусостью. В запутанном и нездоровом мире ближневосточной политики он был опытен, изощрен и непотопляем.

Однажды, когда Балдуину было девять лет, Раймунд обратил внимание на то, что, играя с другими детьми, Балдуин почему-то не реагирует на щипки и удары, вроде бы болезненные. Раймунд подозвал его, взял иглу и уколол Балдуина в руку. Тот даже глазом не моргнул. Раймунд сразу понял, что произошло: мальчика настигла проказа.

Проказа была бичом Ближнего Востока. Уже не один рыцарь становился ее жертвой. Но Балдуин был первым принцем, которого поразила болезнь, почитавшаяся божьей карой. Раймунд обратился к сарацинским врачам: лекари франков были невежественны. Но и сарадины помочь не смогли. Понемногу пятна проказы расплзлись по всему телу.

Балдуину исполнилось тринадцать лет, когда умер его отец, и Раймунд Триполийский, сломив сопротивление знати, не желавшей видеть на троне прокаженного, посадил Балдуина на иерусалимский престол, оставшись его главным советником. Раймунд был назойлив, не давал королю и шагу ступить без указаний, полагая, что тот все еще мальчик, которого можно наказывать. И неудивительно, что грузный, психически неустойчивый, всегда напудренный и нарумяненный, чтобы скрыть пятна и язвы проказы, юноша, от которого исходил такой тяжелый запах, что не спасали все благовония Востока,

возненавидел своего советника. Дела часто отзывали графа из Иерусалима, и тогда магистр ордена тамплиеров и иные недруги Раймунда без усталости нашептывали королю, что он должен избавиться от тяжелой опеки.

Наконец, придравшись к пустяку, Балдуин вспылел и приказал своему воспитателю удалиться из столицы. Тот не мог поверить своим ушам. Но король был тверд.

Сестра прокаженного короля, Сибилла, была выдана замуж за маркграфа Вильгельма Монферратского, который умер в 1177 году, оставив ее беременной. Таким образом, она снова стала выгодной невестой, и рыцари, видевшие, что Балдуин долго не протянет и умрет бездетным, понимали, что муж Сибиллы получит шанс занять иерусалимский трон.

Умирать Балдуин не собирался. Когда тебе лишь семнадцать лет, трудно думать о смерти, и заполучить в качестве шурина опасного соперника он не желал. Не желало этого и его окружение, с опаской глядевшее на графа Раймунда Триполийского и других хищников, среди которых более всех страшил герцог Генрих Бургундский, только что прибывший в Иерусалим с отрядом крестоносцев и обративший внимание на молодую мать. Роман Генриха с Сибиллой разгорался, и двор охватила паника. Король и его советники принялись искать рыцаря, который был бы не настолько знатен, чтобы претендовать на престол.

В шестидесятых годах в Святой земле появился знатный аквитанец барон де Лузиньян с двумя сыновьями — Жоффруа и Гвидо. Первый из них, женатый, сразу прославился своими подвигами. Второй, холостой, был неумен, несмел, зато был хорош собой и не имел в Иерусалиме никакой поддержки. Патриарху и магистру тамплиеров он показался идеальным женихом для Сибиллы.

Сибилла ударилась в амбицию, отказываясь выходить замуж за такое ничтожество. Но, очевидно, у короля и его советников нашлись достаточно веские аргументы, и потому в 1178 году Сибилла стала женой Гвидо Лузиньяна.

На первых порах Лузиньян пришелся в Иерусалиме ко двору. Звезд он с неба не хватал, но в заговоры не вмешивался и был предан королю. Сибилла же не скрывала презрения к новому мужу.

Эти годы совпали с началом наступления Салах ад-Дина. Методично и настойчиво султан теснил крестоносцев, отвоевывая у них замки и города. Войска его появлялись и на побережье, подходили даже к стенам Акки и Триполи. Семидесятые годы — постоянная цепь поражений христианского воинства.

Прокаженный король в этой обстановке проявил себя настоящим монархом. Он вновь и вновь собирал рыцарские отряды и бросался из одного предела своего государства в другой, стараясь отогнать сарацин. С каждым днем это было все труднее: к двадцати годам Балдуин уже с трудом взбирался на коня. Он потерял почти все пальцы, и лицо его было страшно изуродовано.

В 1179 году один из полководцев Салах ад-Дина, Фарук-шах, разбил армию Балдуина у замка Бельфорт, в следующем году египтяне захватили остров Фуад. К тому же на Святую землю два года подряд обрушивался неурожай, а зерно тамплиеры выгодно продали в Сицилии. Король понимал, что Салах ад-Дин не успокоится, пока не разгромит крестоносцев. В Иерусалиме был введен чрезвычайный налог для борьбы с «неверными», в Европу отправились патриарх Ираклий и другие епископы, чтобы агитировать за новый крестовый поход.

Состояние короля Балдуина было плачевным. В начале восьмидесятых годов он потерял зрение и уже не мог участвовать в походах. Он догнивал в своем дворце, но еще правил государством.

Балдуин решил передать престол племяннику, сыну Сибиллы Балдуину, которому тогда было три года, и назначить регентом при нем Гвидо Лузиньяна.

И тут королю показалось, что представился случай одним ударом покончить с Салах ад-Дином.

Небольшая армия Салах ад-Дина вторглась в Галилею и опустошила самые плодородные и экономически важные районы королевства. Было создано всеобщее ополчение рыцарей и орденов. Оно состояло из тысячи трехсот рыцарей и двадцати тысяч пехотинцев. Так как сам Балдуин командовать им не мог, он поставил во главе армии Гвидо Лузиньяна, рассчитывая убить двух зайцев: во-первых, избавиться от нападений Салах ад-Дина, во-вторых, укрепить авторитет будущего регента.

Гвидо Лузиньян умудрился упустить победу, причем виноват в том был он один. Армия крестоносцев остановилась в виду лагеря мусульман, возле Скифополя. Напрасно рыцари требовали немедленно ударить по врагу. Лузиньян оттягивал начало сражения до тех пор, пока не стало поздно. Салах ад-Дин успел отступить.

Король Балдуин пришел в ярость. Он проклинал день, когда доверил командование этому ничтожеству. Он лишил Лузиньяна регентства, приказал отобрать у него Аскалон и Яффу. Наконец, он объявил брак Гвидо с Сибиллой недействительным и потребовал от патриарха Ираклия, чтобы тот назначил суд над

Лузиньяном как над предателем крестоносного дела.

Лузиньяну пришлось бежать из Иерусалима, потому что суд мог кончиться печально: король требовал смертного приговора. Гвидо заперся в Аскалоне, а король, несмотря на невероятные страдания, сам отправился во главе отряда рыцарей к Аскалону, чтобы схватить Лузиньяна.

Это была странная кавалькада. По пыльной пустынной дороге между холмов скакал отряд рыцарей. Во главе его на большом коне мчался очень грузный человек в белом плаще, с лицом, скрытым за белой чадрой. Он казался злым духом, вырвавшимся на волю.

Но Гвидо успел укрепиться в Аскалоне.

Король, оставив рыцарей в отдалении, один подъехал к городским воротам и трижды ударил в них рукоятью меча.

Город молчал.

Хриплым, срывающимся на шепот голосом король вызвал непокорного вассала на суд. Гвидо стоял на башне и смеялся.

Вернувшись в Иерусалим, король созвал баронов и потребовал судить Гвидо в его отсутствие. Но и патриарх, и магистры орденов высказались за сдержанность. Не время было бросать силы против Аскалона, когда с востока подступали армии Салах ад-Дина. Принято было другое решение: призвать Раймунда Триполийского и отдать ему на воспитание маленького племянника короля.

Гвидо, засевший в Аскалопе, занимался разбоем, нападая на купеческие караваны и арабские поселения на границе с Египтом.

На некоторое время в иерусалимском государстве наступило затишье. К тому же и Салах ад-Дин ослабил натиск: он был вынужден тратить силы на борьбу с единоверцами, которым не по душе было его возвышение. К общему удовлетворению, в 1185 году с Салах ад-Дином было заключено двухлетнее перемирие.

И тут на сцену выходит еще одно действующее лицо иерусалимской трагедии. Мерзавец номер один на Ближнем Востоке.

В 1149 году правитель княжества Антиохийского был убит в бою с войсками Нур ад-Дина. Мусульманская армия осадила Антиохию, и оборону города возглавили тамошний патриарх Аймерих и вдова князя — Констанца.

После этого в течение нескольких лет Констанца оставалась одинокой, объясняя это тем, что поклялась патриарху отстоять свою и княжества независимость от докучливых претендентов на власть. Однако прошло года три, и в княжестве стали поговаривать о том, что Райнольд (Рено) Шатильонский,

красивый и бравый рыцарь, приехавший в Антиохию ради подвигов и уже отличившийся в нескольких стычках, а также успевший поссориться с местной знатью, зачастил во дворец княгини.

Как Рено обольстил Констанцу — неизвестно. Но она нарушила клятву. Брак был совершен тайно, чтобы старый патриарх Аймерих не мог ему помешать. Когда же о браке было объявлено, это вызвало неодобрение в Иерусалиме. Несмотря на молодость, Рено Шатильонский успел себя дурно проявить и в столице.

С патриархом Антиохийским новый князь испортил отношения с первого же дня. Несмотря на то что патриарх пользовался в латинских государствах большим уважением, Рено начал обращаться с ним презрительно и нагло. И когда патриарх попытался призвать его к порядку, Рено не придумал ничего лучшего, как приказать схватить старика, раздеть, обмазать медом и выставить в жаркий день на площади на растерзание слепням и осам. Возмущение антиохийских баронов было столь велико да и сам король Иерусалима был столь разгневан, что Рено, бросивший после пытки старика в темницу, вынужден был его отпустить. Тот проклял Рено и навсегда покинул Антиохию. Остаток своих дней Аймерих прожил в Иерусалиме. Истязание патриарха произошло в 1153 году, вскоре после свадьбы. Последующие годы жизни Рено в Антиохии — длинный список бесчинств.

В 1156 году Рено, подкупленный агентами византийского императора Мануила, неожиданно напал на армянское Киликийское царство — единственного верного союзника крестоносцев. Но Рено никогда не интересовался политикой, он был прирожденным бандитом. Он жестоко разорил приморские города Армении, захватил много рабов и успел убраться с добычей, прежде чем его настигли войска армянского царя Тороса. После этого он послал в Византию за обещанной наградой, но император велел передать Рено, что захваченная им добыча — достаточная награда за набег. Рено умел мстить. Получив ответ императора, он собрал флот, посадил на него своих головорезов — у него был небольшой, но крепкий отряд — и кинулся на остров Кипр, тогда еще мирную провинцию Византии. Опустошив его восточный берег, забрав рабов и добычу, он сообщил императору, что теперь они в расчете.

Любимой резиденцией Рено был неприступный замок Крак де Шевалье. Туда он уходил после набегов, там пировал со своими рыцарями, оттуда вылетал, прослыша, что неподалеку проходит караван или к берегу несет штормом корабль.

Мирные соглашения на Ближнем Востоке далеко не всегда соблюдались. Нарушали их и тамплиеры, и сам иерусалимский король, и его бароны. Не святыми были и мусульманские эмиры. И все же, дабы этот край не превратился в скопище скорпионов, определенный порядок международных отношений неизбежно должен был установиться. Мир — это движение караванов и торговых судов, возделанные поля и горящие горны в ремесленных мастерских. Поэтому Салах ад-Дин и король Иерусалимский порой заключали перемирия. На бандитов типа Рено все поглядывали с опаской. Для них законов не существовало.

Поэтому, когда в 1160 году, во время одного из набегов, Рено попал в засаду и был взят мусульманами в плен, не только в Дамаске, но и в Иерусалиме вздохнули с облегчением.

Шестнадцать лет он провел в тюрьме в городе Гамбе. И никто — даже жена Констанца — не захотел его выкупить или обменять. А ведь когда через пять лет в плен к сарацинам попал юный сын Констанцы Боэмунд, выкупить его помог патриарх Аймерих.

Только в 1176 году Рено вышел из темницы. Был он уже не молод, ненавидел всех — от Салах ад-Дина до христианских рыцарей, которые бросили его на произвол судьбы. Он был одержим мечтой о мести и страстью к деньгам.

В Антиохию Рено не вернулся. Поселившись в замке Крак де Шевалье, он посвятил все силы истреблению мусульман. В 1181 году, нарушив перемирие, он совершил рейд в глубь территории Сирии. Из-за этого пострадали другие: Салах ад-Дин возглавил карательную экспедицию на Бейрут. В следующем году Рено кинулся в другую авантюру. Он напал на город Айлу на Красном море, захватил его и начал строить там флот, чтобы пограбить берега Аравии. Правда флот его погиб в первом же бою, Айла была потеряна, и Рено вернулся в замок без добычи.

В 1184 году Раймунд Триполийский, который был тогда регентом, осаждал Крак де Шевалье, чтобы наказать Рено. Но замок выстоял.

Сказочная добыча попала Рено в руки в 1187 году. Неподалеку от его замка проходил огромный торговый караван, который задержался в Иерусалиме и теперь двигался к Дамаску. Караван вез множество товаров из Аравии и Египта, но главное — в нем ехала любимая сестра султана Салах ад-Дина. Рено ограбил караван и перебил купцов и охрану. Это было не только нарушением перемирия, столь нужного Иерусалимскому королевству, это было еще и нарушением законов чести.

Салах ад-Дин тут же написал гневное письмо иерусалимскому королю. Но попало оно не к Балдуину.

Прокаженный король умер в 1183 году. В последние месяцы это был живой труп, равнодушно смотревший, как вокруг него кипит борьба за престол.

Победила партия Сибиллы, пятилетний сын которой воспитывался у Раймунда Триполийского. Раймунд был назначен его опекуном до совершеннолетия. Но мальчик был слабеньким, и Раймунд не смог его сберечь: через три года он умер.

Все это время Сибилла, которая понимала, что Раймунд Триполийский ее к власти не допустит, плела интриги против опекуна. Пока был жив ее сын, свалить Раймунда она не могла. Зато со смертью маленького Балдуина граф Триполийский потерял законные основания править Иерусалимом. И вот тогда Сибилла вспомнила о своем изгнанном муже. Вспомнили о нем и все те, кому насолил Раймунд Триполийский. В том числе магистры духовно-рыцарских отрядов. Гвидо Лузиньян казался безопасен — он был таким ничтожеством, что его можно было посадить на престол.

В 1186 году Гвидо был возвращен из ссылки в Аскалоне и сделался иерусалимским королем.

Так что гневный протест Салах ад-Дина по поводу вероломного нарушения перемирия графом Рено Шатильонским попал к Гвидо Лузиньяну.

Гвидо понимал, что Салах ад-Дин совершенно прав, требуя компенсации за грабеж и наказания бессовестного Рено. Но положение Гвидо было шатким. В любой момент бароны могли согнать его с трона. А ведь король Иерусалимский был предводителем христианского воинства, Салах ад-Дин же — исчадием ада, государем нехристей. И наказать благородного христианского рыцаря ради мусульманина было бы непростительной ошибкой в тот момент, когда послы Иерусалима обивали пороги царствующих домов Европы, умоляя о помощи против «неверных».

К тому же положение самого Салах ад-Дина было непрочным: против него поднялись сельджукские правители. Многие в Иерусалиме полагали, что наступил удобный момент покончить с султаном.

Маневрируя между кликами при дворе, Гвидо тянул с ответом, отказывался выплатить компенсацию, искал компромиссные варианты, и продолжалось это до тех пор, пока терпение Салах ад-Дина не лопнуло. Надо учитывать, что Салах ад-Дин подтачивали собственные «ястребы», которые требовали скорее сбросить в море христиан, не желая понять, что война с ними потребует отчаянных усилий.

Так что Рено сыграл на руку сторонникам войны в обоих лагерях.

Поняв, что Гвидо не решится наказать грабителя, Салах ад-Дин объявил европейцам «священную войну» и поклялся не складывать оружия до тех пор, пока последний из них не покинет его страну. Что же касается Рено Шатильонского, то Салах ад-Дин торжественно дал обет убить его собственными руками.

Весной 1187 года армии сарацин вторглись на земли Иерусалимского королевства. Уже в мае крестоносцы потерпели ощутимое поражение. Сто тридцать орденских рыцарей, храмовников и иоаннитов, во главе с великим магистром иоаннитов наткнулись на отряд под командованием сына Салах ад-Дина. Это случилось неподалеку от Назарета. Все до единого рыцари, включая великого магистра, погибли в этом бою.

Проникнув в глубь христианских владений, Салах ад-Дин стал опустошать сельскую местность. Этим он обрекал страну на голод и заставлял рыцарей и крестьян укрываться в переполненных городах.

Наконец Салах ад-Дин двинул в бой основные силы. В июне его армия подошла к городу Тивериаде и осадила его.

В эти дни крестоносной знати пришлось забыть прежние распри. С опозданием на год Раймунд Триполийский признал иерусалимского короля и привел к нему свой отряд.

В поход на выручку Тивериады собралось две тысячи конных рыцарей, восемнадцать тысяч пехотинцев и несколько тысяч легких лучников — армия по тем масштабам немалая. Единственным, кто не приехал к войску, был патриарх Ираклий. Он лишь прислал Святой крест в сопровождении двух епископов.

Отказ Ираклия участвовать в походе никого не удивил. Патриарх Иерусалима был большим жизнелюбом. Как рассказывает хронист, патриарх содержал любовницу, имел от нее детей и эта любовница, разукрашенная, как принцесса, в сопровождении свиты гуляла по улицам города. Так что отсутствие патриарха было встречено шутками — все понимали, что старый ревнивец не смеет оставить любовницу без присмотра.

3 июля, когда крестоносное войско уже подходило к Тивериаде, стало известно, что город пал. Держалась только его цитадель, где укрылась семья Раймунда Триполийского.

Перед последним переходом к Тивериаде бароны собрались на совет в шатре короля Гвидо.

Первым выступил Раймунд Триполийский.

— Я стою за то, что Тивериаду отбивать не следует, — сказал он. — Учтите, что мною движет не себялюбие — ведь я рискую более других: моя семья осаждена в цитадели и в любой момент

может попасть в руки сарацин. Но до самой Тивериады нет источников и местность открытая. Солнце будет печь неумолимо. Мы потеряем множество людей и коней. Следует ждать войско Салах ад-Дина здесь, у источников.

Бароны шумно поддержали Раймунда. Согласились с ним и госпитальеры. Только великий магистр тамплиеров хранил молчание. Король Гвидо, присоединившись к мнению большинства, приказал никуда далее не двигаться и укреплять лагерь на случай появления сарацин.

Но после ужина в шатер к королю пришел великий магистр ордена тамплиеров. Он объяснил Гвидо, что план Раймунда Триполийского — явное предательство. Раймунд метит на иерусалимский престол и готов погубить Гвидо. Никогда еще у иерусалимского короля не было столь огромного войска. Надо спешно идти к Тивериаде, напасть на сарацин и победить их. Тогда вся слава достанется королю Гвидо.

Гвидо был ставленником тамплиеров, и они поддерживали его деньгами. Кстати, и этот поход финансировался тамплиерами.

Утром, к удивлению баронов, король вышел из шатра в белом плаще с красным крестом тамплиеров, в кольчуге, в шлеме и с мечом. Он приказал седлать коней и двигаться вперед. Бароны возроптали, по в походе король был командиром. Подействовала и твердая уверенность уже севших на коней храмовников. И войско начало вытягиваться по иссушенной долине.

К полудню люди уже падали от тепловых ударов. Над долиной висела мелкая желтая пыль.

Вскоре арьергард армии начали беспокоить летучие отряды Салах ад-Дина. Барон Ибелин, который командовал арьергардом, потерял много пехотинцев и даже рыцарей в этих коротких стычках.

На ночлег войско остановилось рано: последние мили были очень тяжелы. Как и предсказывал Раймунд Триполийский, единственный источник, встретившийся здесь, был мал, и не удалось даже толком напоить коней.

Когда стемнело, возле лагеря поймали нищую старуху. Кто-то крикнул, что это мусульманская колдунья, которая хочет навести порчу на крестоносцев. Тут же из взятых с собой дров разложили костер и сожгли старуху живьем. С ближайшего холма Салах ад-Дин наблюдал за рыцарским лагерем и никак не мог понять, зачем христианам понадобился такой большой костер. Крики старухи до Салах ад-Дина не долетали.

Утром 4 июля армия двинулась дальше, несмотря на то что перед выходом произошла стычка между Раймундом

Триполийским и магистром тамплиеров. Раймунд требовал отступить, пока не поздно.

К полудню армии сошлись у деревни Лубил. Было еще жарче, чем накануне. Рыцарям казалось, что они запекаются заживо, и бились они вяло. Пехота отстала, тамплиеры гнали лучников вперед, словно стадо баранов. Прорвать строй сарацин не удалось.

Гвидо отыскал Раймунда Триполийского. Белый плащ старого воина был разорван копьем. Раймунд шатался от усталости. Гвидо спросил, что делать дальше. Он больше не верил великому магистру тамплиеров. Раймунд ответил, что единственная надежда спастись — это отступить в расчете на то, что Салах ад-Дин не будет преследовать крестоносцев.

Гвидо приказал трубить отход.

Войско крестоносцев, отбиваясь от перешедших в наступление сарацин, отошло на большой отлогий холм, где стояла деревня Хаттин. Воды не было. Колодец в деревне опустошили до дна. Те, кому не досталось воды, сосали влажный песок. Враги стояли так близко, что слышны были их голоса.

С наступлением темноты солдаты начали перебегать в лагерь Салах ад-Дина. Глубокой ночью к Салах ад-Дину пришли пять триполийских рыцарей. Не исключено, что они дезертировали с ведома графа Раймунда, на землях которого и шел этот бой. Рыцари рассказали Салах ад-Дину то, что он знал и без них, — положение крестоносцев безнадежно, и состояние их духа столь низко, что достаточно небольшого толчка, чтобы плод упал с дерева. Салах ад-Дин приказал напоить рыцарей и выделить им шатер. Он не питал зла к графу Триполийскому.

На рассвете первыми в лагере поднялись рыцари Рено Шатильонского. Они решили прорваться.

Но опоздали. Салах ад-Дин проснулся раньше. Его люди подожгли вереск, и едкий дым пополз по холму, скрывая суматоху в лагере. Из клубов дыма с криками выскочили рыцари Рено Шатильонского.

Холм был окружен сельджукскими всадниками. Волна рыцарей Рено натолкнулась на них и откатилась обратно, в дым и отчаяние гибели.

Салах ад-Дин поднял саблю, подавая своему войску сигнал к битве. Сжимая кольцо, ринулись на холм всадники. Желтые знамена Салах ад-Дина плыли над голубым дымом, стремясь туда, где вокруг шатра короля Иерусалимского сгрудились стяги рыцарей и орденовые знамена: черные с белым крестом — иоаннитов, белые с красным крестом — тамплиеров.

Вдруг в одном месте кольцо сарацин распалось, и сквозь эту

брешь вырвались рыцари Раймунда Триполий-ского. Старый граф скакал впереди своего отряда. Вниз по склону холма и дальше по пыльной дороге отряд ушел к Триполи.

Потом графа Раймунда упрекали в том, что он ночью вошел в соглашение с Салах ад-Дином.

Не исключено. Кампания была проиграна, и Раймунд лучше, чем кто-либо другой, понимал это. Возможность соглашения подтверждается и тем, что буквально на следующий день сдались защитники Тивериадской цитадели и семья Раймунда была отпущена.

На холме и вокруг него кипел бой. Пехота была отрезана от рыцарей, и напрасно король Гвидо слал гонцов с требованием, чтобы пехотинцы спешили на выручку Святому кресту. Центр боя находился в районе королевского шатра и Святого креста, который сторожили иоанниты и служки епископов.

Пехотные отряды один за другим сдавались в плен. Затем наступила очередь короля.

День еще не успел разгореться, как христианская армия перестала существовать. Арабский историк говорит, что у мусульман не хватило веревок, чтобы связать всех пленных. Их было так много, что цены на рабов резко упали; одного из рыцарей хозяин обменял на пару сапог.

Епископы погибли. Святой крест был захвачен, и дальнейшая его судьба неизвестна. Правда, через несколько лет в Акке объявился рыцарь, который утверждал, что сам закопал крест на том холме. Была снаряжена целая экспедиция. Копали три дня, по креста не нашли.

Кроме Раймунда прорвался только барон Ибелин. Этот рыцарь, в истории крестовых походов малоизвестный, пользовался почему-то доверием Салах ад-Дина. Может быть, потому, что был женат на вдове иерусалимского короля Амори, племяннице византийского императора.

Покрытых пылью, осунувшихся пленников привели в шатер к Салах ад-Дину.

Султан встретил их, не поднимаясь с подушек. Он внимательно оглядел группу рыцарей, стоявших на ковре. Впереди — король Иерусалимский, за ним — великий магистр тамплиеров, коннетабль королевства, маршал Иерусалимский, командоры иоаннитов, бароны — весь цвет крестоносного рыцарства.

Салах ад-Дин не таил своего торжества.

Он приказал принести шербет и, поднявшись, протянул чашу иерусалимскому королю. Тот, отпив, передал чашу Рено Шатильонскому, стоявшему рядом.

Увидев, что Рено пьет шербет, Салах ад-Дин сказал:

— Пей, это твой последний в жизни глоток.

Рено вздрогнул, но преодолел страх и протянул чашу магистру тамплиеров.

— Отойди в сторону, — сказал Салах ад-Дин.

Рено остался стоять на месте, но все остальные пленники отступили от него как от зачумленного. Все знали, что произойдет.

Салах ад-Дин обнажил саблю. Затем произнес:

— Я подарю тебе жизнь, если ты раскаешься и примешь ислам.

Рено посмотрел на своих спутников. Те отвели глаза.

— Нет, — сказал Рено.

Салах ад-Дин ударил его саблей.

Рено упал. Подбежали стражи и отрубили ему голову. Потом ее возили по городам султаната.

После этого Салах ад-Дин велел отвести всех пленников в тюрьму. Им предстояло там находиться до тех пор, пока за них не будет заплачен выкуп.

Исключение было сделано только для тамплиеров и иоаннитов. Их было более двухсот. Салах ад-Дин сказал, что рыцари-монахи так же ужасны, как ассасины. Только это христианские ассасины — убийцы без чести, которым не следует жить на Земле. У Салах ад-Дина были свои счета с ассасинами: на него несколько раз устраивались покушения. И все тамплиеры и иоанниты были казнены.

Тивериадская битва (или битва при Хаттине) прозвучала похоронным звоном для латинских государств. Проигранная ставка на генеральное сражение привела к тому, что в городах побережья не оказалось гарнизонов, не было рыцарей и баронов, которые могли бы возглавить оборону. Могучие крепостные степы были скорлупой пустых орехов. А так как население приморских городов (в отличие от Иерусалима, в котором жило несколько десятков тысяч христиан) было в основном мусульманским, то переход власти к наместникам Салах ад-Дина ничем не грозил ремесленникам и торговцам Яффы, Бейрута, Иерихона, Кесарии и других городов.

В течение нескольких недель отряды мусульман подавили сопротивление городов. К осени 1187 года в руках крестоносцев остались лишь Иерусалим, Тир, Аскалон и Триполи. Легкость, с которой рушился крестоносный мир, была ошеломляющей. Беглецы из городов — семьи рыцарей, священники, купцы не могли пробиться к Иерусалиму. С августа Иерусалим был отрезан

от побережья и блокирован.

Со дня на день должен был пасть Тир — уже шли переговоры о его сдаче. Но неожиданно для Салах ад-Дина и для отчаявшихся защитников города в море появились паруса: во главе небольшой эскадры с сотней византийских лучников и несколькими рыцарями, прорвав блокаду, в Тир прибыл Конрад Монферратский.

Могущественная семья маркграфов, а впоследствии герцогов Монферратских владела землями в Северной Италии. Семья была немецко-итальянской и занимала в Священной Римской империи завидное положение. Отец Конрада, Вильгельм, много лет прожил в Иерусалиме, старший брат, тоже Вильгельм, был первым мужем королевы Сибиллы. Он умер в 1177 году. По знатности Монферраты не уступали никому в латинских государствах. Сам Конрад, рыцарь в расцвете сил, был талантливым полководцем, человеком независимым и властным. Последние годы он жил в Константинополе и был кесарем Византийской империи (командующим армией). Испортив отношения с византийцами, он покинул Константинополь и отплыл на юг.

Появление Конрада изменило положение дел в Тире. Конрад быстро наладил оборону. Штурм, который предприняли сарацины, провалился. Известие о том, что Тир держится и что Салах ад-Дин бессилен победить Конрада Монферратского, распространялось по Святой земле, вселяя надежду в поредевшие ряды крестоносцев. Отказался сдаться Триполи, хотя вернувшийся туда усталый и разочарованный Раймунд Тринолийский был при смерти. Обороной руководила прибывшая из Тивериады жена графа.

Встревоженный Салах ад-Дин спешил сокрушить Тир, прежде чем ударить по Иерусалиму. Ему хотелось обеспечить полную блокаду Иерусалима.

Иерусалим, как мог, готовился к обороне. Но оборонять его было некому. Войска ушли вместе с королем под Тивериаду, и ни один из рыцарей не вернулся. Правда, в город стекалось множество жителей из окрестных мест, разоренных Салах ад-Дином, но как воины они никуда не годились, и не было ни одного командира, который мог бы взять на себя руководство обороной города.

Барон Ибелин обратился к Салах ад-Дину с просьбой дать ему пропуск в осажденный Иерусалим, чтобы вывести оттуда жену и детей. Салах ад-Дин такой пропуск дал, но взял с рыцаря слово, что тот проведет в Иерусалиме лишь одну ночь.

Когда Ибелин приехал в Иерусалим, к нему бросились

горожане во главе с патриархом. Они умоляли его остаться в городе и возглавить оборону. Ибелин стал отказываться, ссылаясь на честное слово, но патриарх Ираклий сурово ответил ему, что держать клятву, данную «неверному», куда греховнее, чем нарушить ее ради святого дела. И Ибелин сдался.

Христиане Иерусалима во главе с патриархом и епископами присягнули Ибелину, возложили на него корону и дали титул Спасителя веры.

Ибелин честно взялся за исполнение своего долга, отписав Салах ад-Дину о случившемся и выразив надежду, что тот не будет в большой обиде, так как его заставил нарушить слово сам патриарх.

Самая главная проблема, стоявшая перед новым королем, заключалась в том, что у него не было рыцарей, то есть, говоря современным языком, офицеров, которые могли бы руководить участками обороны города, стены которого, во многих местах ветхие, протянулись на несколько километров. В городе кроме Ибелина нашлось всего два рыцаря.

Ибелин вышел из положения мудро. Он посвятил в рыцари пятьдесят сыновей именитых граждан, создав в Иерусалиме новое, хотя и весьма недолговечное, как вскоре выяснилось, дворянство.

В начале осады Салах ад-Дин оставался на побережье, но, когда он понял, что Тир и Триполи ему сразу не взять, он повернул армию к Иерусалиму. Из тюрьмы привезли короля Гвидо. Салах ад-Дин предложил королю свободу, если тот отдаст ему Аскалон, один из трех последних несдавшихся городов побережья. Триполи и Тир короля бы не послушались, но Аскалон обороняли рыцари Гвидо. Гвидо рассудил, что город стоит свободы, и тут же послал туда гонцов, попросив Салах ад-Дина, чтобы из осажденного Иерусалима выпустили королеву Сибиллу. Салах ад-Дин согласился, и, как только пришла весть о том, что Аскалон покорно открыл ворота, Салах ад-Дин разрешил королю с женой отправиться, куда они пожелают.

Надеясь избежать штурма Иерусалима, Салах ад-Дин отправил городу ультиматум. В нем он предлагал в обмен на капитуляцию заплатить его защитникам тридцать тысяч безантов и разрешить христианам селиться в пяти милях от города. Желających он обязался отправить в христианские земли за свой счет.

Ультиматум был отклонен. Защитники города надеялись на крепость стен, а главное — на крепость своей веры и защиту истинного бога.

К тому же носились слухи, что с севера идет германский

император, а морем плывут другие крестоносцы: христианский мир не оставит Иерусалим в беде.

В первые дни обороны горожане сражались отважно, хотя и не были профессиональными воинами. Они беспрерывно делали вылазки. Когда враги пошли на первый штурм, направление его было выбрано неудачно: солнце светило штурмующим в лицо, и дул сильный встречный ветер. Пока мужчины отстреливались со стен, женщины Иерусалима поднимали на стены ведра и корзины с мелким песком и пускали его по ветру. Пыль стегала атакующих по глазам и сбивала дыхание. Штурм сорвался.

Подвезли двенадцать осадных машин и поставили их у слабых, северных стен. С осадных машин и башен лучники Салах ад-Дин обстреливали Иерусалим столь усердно, что согнали со стен его защитников. Это позволило сделать подкопы под стены.

Патриарх и епископы водили по Иерусалиму процессии, взывая к небу о помощи. В городе царило уныние. Ибелину рассказали, что среди православных греков, армян-григориан и несториан, составлявших значительный процент жителей Иерусалима, созрел заговор. Заговорщики намерены открыть ворота, не дожидаясь, пока разъяренные сарацины ворвутся в город.

Наконец стена в одном месте рухнула, и завязался бой в проломе. Несмотря на то что в городе оставалось еще немало людей, способных и желавших сражаться, патриарх Ираклий обратился к Ибелину и горожанам с предложением начать переговоры с Салах ад-Дином. Он мотивировал свое решение соображениями гуманности: если продолжать борьбу, то сарацины осквернят церкви и обесчестят женщин. Это обращение подорвало дух сопротивления. Почему рядовые защитники должны быть более христианами, чем сам патриарх?

В тот же день Ибелин отправился к Салах ад-Дину.

Султан встретил его сурово. Он сказал ему, что, после того как ультиматум был отвергнут, его войско поклялось снести стены Иерусалима и истребить всех христиан. Прервав переговоры, он велел Ибелину вернуться на следующий день.

Затем Салах ад-Дин созвал ученых мулл и объяснил им ситуацию. Клятва дана, и следует ее выполнить. Однако дальнейшая осада чревата потерей времени, новыми жертвами и разрушениями в Иерусалиме. Что делать? И подобно тому как патриарх Ираклий освободил от клятвы Ибелина, мусульманские мудрецы поспешили освободить от клятвы султана. Они мотивировали решение тем, что сам факт взятия города означает моральное крушение его стен и духовное истребление его жителей.

А в обреченном Иерусалиме царила паника. Женщины поставили на площади чаны с водой и, окуная туда своих дочерей, отрезали им косы, посвящая их таким образом в монахини в надежде спасти от грядущего бесчестья. Священники во главе с Ираклием прошли крестным ходом по стенам. Некоторые кончали с собой, кто-то принимал мусульманство. Во дворах закапывали добро...

Поутру Ибелин вновь прибыл в лагерь Салах ад-Дина. Тот сообщил ему, что клятва отменена и можно перейти к переговорам. Ибелин настаивал на праве свободного выхода для всех христиан. Салах ад-Дин согласиться на это не мог. Он потребовал выкуп с тех, кто уходит из города. Решение это было чрезвычайно мягким. Достаточно вспомнить, что в свое время крестоносцы, взяв город, перебили там почти всех мусульман, не пощадив ни женщин, ни детей, а оставшихся продали в рабство. Почувствовав, что Салах ад-Дин склонен к миру, Ибелин начал торговаться. В конце концов было достигнуто такое соглашение: в течение сорока дней все христиане, кроме нескольких священников, которым Салах ад-Дин разрешает остаться у святынь, должны покинуть город. За это следует заплатить по двадцать золотых за мужчину, по десять — за женщину и по пять — за ребенка. Оставшиеся в городе после этого срока становятся рабами Салах ад-Дина.

Ибелин начал доказывать султану, что в городе очень много бедняков, которые и в глаза не видели золотых монет. Салах ад-Дин согласился снизить для них выкуп наполовину, но на большее не пошел. Он резонно заметил, что у патриарха, а особенно у тамплиеров и госпитальеров денег достаточно, чтобы выкупить бедняков трижды. Но Ибелин понимал, что ордены с деньгами не расстанутся.

Вернувшись в Иерусалим, Ибелин предложил, чтобы сначала внесли выкуп те, у кого есть деньги. Затем состоятельные люди соберут деньги за бедных и помогут им. Горожанам пришлось согласиться.

И вот наконец городские ворота открылись. Султан сдержал слово. Ни грабежей, ни убийств не было. Если отдельные солдаты и входили в город, то вели себя мирно, в основном толкались на базаре; там можно было дешево купить то, что жители не могли унести с собой.

В пятницу 2 октября 1187 года Иерусалим был торжественно возвращен мусульманам. Он пробыл в христианских руках почти сто лет.

Выкуп должны были сносить в башню Давида, на которой развевалось желтое знамя Салах ад-Дина.

Денег на выкуп бедняков не хватало. Ибелин и патриарх Ираклий потребовали от тамплиеров, чтобы те открыли свою сокровищницу. Тамплиеры отказались. Они утверждали, что деньги даны им на хранение. Об этом узнали горожане, и разгневанная толпа окружила резиденцию магистра храмовников. В конце концов те раскошелились и часть денег на выкуп бедняков выдали; их хватило на семь тысяч человек.

На каждой улице Салах ад-Дин поставил по два командира и по десять солдат, чтобы они следили за порядком. Он сказал, что любой уличенный в грабеже и воровстве — христианин или мусульманин — будет казнен. Святой город не должен быть опорочен преступлениями.

Те, кто уже выкупился, выходили из города и располагались лагерем в долине, у стен. Но в Иерусалиме оставалось еще очень много людей, и они провожали уходивших стенаниями и плачем. Некоторые умоляли взять хотя бы детей.

Странные вещи происходили в те дни. Брат Салах ад-Дина попросил у султана в подарок тысячу христианских бедняков. Тот согласился. Брат освободил их во имя милосердного Аллаха. Узнав об этом, к Салах ад-Дину пришел патриарх Ираклий. Он попросил подарить ему тысячу человек. Султан подарил семьсот. Пятьсот бедняков Салах ад-Дин подарил Ибелину. Наконец, сам Салах ад-Дин отпустил бесплатно стариков и всех воинов, которые отважно защищали город.

К тому же много сотен бедняков ушло из Иерусалима нелегально. Стены охранялись плохо, и каждую ночь через них сотнями перелезали жители Иерусалима. Другие покупали мусульманскую одежду и спокойно выходили через городские ворота. Немало людей укрылось в греческих и армянских семьях: греков и армян Салах ад-Дин изгонять не стал.

Когда из города уходил патриарх Ираклий, за ним двигался целый караван с церковным имуществом. Салах ад-Дину донесли, что в сундуках патриарха, который столь скорбел об участии бедняков, хранится более двухсот тысяч золотых.

Салах ад-Дин лишь грустно улыбнулся. Он подозревал, что так и случится. Затем он послал за патриархом.

Патриарх был встревожен. Он имел все основания опасаться, что обман будет раскрыт и церковь лишится громадной суммы денег.

Салах ад-Дин долго смотрел на патриарха, потом перевел взгляд на караван. На одном из верблюдов чуть покачивался паланкин — там сидела любовница патриарха.

— Господин Ираклий, — сказал Салах ад-Дин, — вы не заплатили двадцать золотых выкупа за себя.

Патриарх заторопился, доставая кошель с золотом. Дрожащими пальцами Ираклий отсчитал монеты и положил их на поднос перед султаном.

Историки сообщают, что в Иерусалиме было выкуплено восемнадцать тысяч человек. От одиннадцати до шестнадцати тысяч (по разным источникам) католиков было продано в рабство.

Выкупленных горожан уводили из города тремя колоннами. Одну вели тамплиеры, вторую — иоанниты, третью — патриарх с Ибелином.

Ближе к побережью эти колонны разошлись в поисках приюта. Кое-кто укрылся в Тире, другие пошли к Триполи. Но молодой граф Триполийский не пустил в город беженцев — ему не нужны были лишние рты, зато отправил отряд рыцарей их грабить. Произошла стычка с солдатами Ибелина. Многие из беженцев добрались до Антиохии и осели там, еще больше укрылось в Киликийской Армении. Те колонны, которые двинулись по побережью к югу, надеялись остановиться в Аскалоне. Но к тому времени, когда они туда добрались, Аскалон уже был сдан по приказу короля мусульманам. Пришлось идти дальше, в Египет. Многие умирали от голода и жажды, погибали от набегов разбойников. Добрались до Александрии. Там зимовало около сорока венецианских и генуэзских судов. Корабельщики согласились взять тех, кто мог оплатить проезд. Более тысячи бедняков осталось на берегу. Тогда наместник Салах ад-Дина вызвал к себе корабельщиков и спросил:

— Почему вы так плохо относитесь к своим единоверцам? Ведь вы такие же христиане, а оставляете своих бедняков здесь, понимая, что они попадут в рабство.

Итальянцы объяснили свой поступок тем, что у них нет пищи для бедняков и не хватит пресной воды.

Тогда эмир послал на суда хлеб и воду на всех и пригрозил, что, если бедняков не возьмут, он отнимет у корабельщиков паруса. Если же они посмеют выбросить бедняков за борт, то пускай пеняют на себя: больше им в Египте не торговать.

Так кончился христианский век в Иерусалиме.

Интриги византийского двора

Византия, наследница Римской империи, смогла продержаться тысячелетие, не только обороняясь против персов, арабов, сельджуков и монголов, но и сама переходя в наступление и распространяя порой свою власть на значительную часть Ближнего и Среднего Востока. В Византии встречались Европа и Азия, сила ее заключалась в том, что она их соединяла, слабость — в том, что она была им чужда.

Византия была слишком велика, границы империи растянулись на тысячи километров, и подданные ее принадлежали к десяткам народов, сотням племен и многим вероисповеданиям. В конце XI века империя была настолько древней, настолько закосневшей в регламенте обычаев и правил, в традициях интриг и дворцовых переворотов, что выражения «византийские интриги», «византийское коварство», «Византийская хитрость» стали расхожими.

На протяжении своей тысячелетней истории Византия столько раз бывала на краю гибели, столько раз враги и союзники полагали, что ей осталось жить считанные дни, что даже сами византийцы привыкли к такому образу жизни.

Византию многократно спасала не доблесть полководцев и не мудрость императоров, а вражда между ее противниками. Их союзы распадались — сами или с помощью Византийской политики.

Конец XI века — война с сицилийскими норманнами, которые захватили почти всю европейскую часть Византии. Одновременно с востока наступали сельджуки, отторгшие Малую Азию. Против

норманнов удалось найти союзников — венецианцев, которым норманны подрывали торговую монополию в Средиземном море, и тех же сельджуков. Сельджуки недолго были едины, и их царство распалось. Пользуясь разногласиями между тюркскими правителями, византийцы возвратили себе часть утерянных территорий.

Но тут возникла угроза с севера. Началось наступление печенегов. После ряда тяжелых поражений Византии удалось привлечь на свою сторону половцев и нанять отряды фландрских рыцарей. С их помощью византийцы разгромили орды печенегов.

Новой угрозой стал Первый крестовый поход, так как крестоносцы были опасными союзниками, хотя шли отвоевывать земли, формально принадлежавшие Византии. Крестоносцев удалось спровадить, а впоследствии использовать для восстановления мощи империи.

К этому периоду относится важное изменение в политике Византии. Если раньше спесивые ромейские императоры, наследники Рима, с презрением относились к династическим союзам, не желая портить императорскую кровь, то отныне они стремятся к таким союзам, понимая, что родственные связи с дворами Европы — реальная помощь во внешней политике.

Император Мануил из династии Комнинов, деятельность которого связана с подъемом Византии и возвращением ее могущества, был наполовину венгром. Он женился на графине Берте фон Зульцбах, которая приняла при короновании имя Ирина (что не мешало этому сластолюбивому монарху открыто жить со своей племянницей Феодорой). В 1159 году Ирина умерла, оставив дочь, и Мануил стал искать себе новую жену. Политические соображения были столь важны, что он пренебрег знатными византийскими невестами и обратил свой взор за рубеж. Для него были важны связи с правителями латинских государств в Палестине, так как Мануил рассчитывал использовать их войска в своих интересах. Выбор его пал на графиню Мелизанду Триполийскую. Состоялась помолвка, однако вскоре обнаружилось, что графиня страдает психическим заболеванием. Помолвка была расторгнута. После этого Мануил просил руки антиохийской княжны Марии, славившейся несказанной красотой. Свадьба состоялась в 1161 году, и самая красивая женщина христианского Востока, которая, по словам греческого летописца, была «так прекрасна, что перед ее красотой меркли рассказы об Афродите», вошла в императорский дворец, не подозревая, какая страшная судьба ей уготована.

Через семь лет совместно с иерусалимским королем Амори Мануил совершил поход в Египет. К тому времени и Амори был

связан родственными узами с Византией, так как женился на внучатой племяннице Мануила.

Где интригами и подкупом, где военной силой, где политическим давлением, Мануил укреплял империю. В начале пятидесятых годов ему удалось обуздать непокорную Сербию, посадив там на престол жупана Стефана. В течение нескольких лет тот оставался верным вассалом. Когда же Стефан проявил непокорность, армия Мануила в 1173 году заставила его сложить оружие.

Чтобы нейтрализовать весьма опасное для Византии Венгерское королевство, Мануил активно вмешивался в его дела, тем более что по матери он имел там близких родственников. Со смертью короля Гезы II Мануил в 1163 году совершил туда поход и взял в заложники Белу, наследника престола. Белу воспитывали при византийском дворе, надеясь превратить в настоящего византийца, и даже обручили с Марией, дочерью Мануила. В удел ему были выделены Далмация и Хорватия. Однако это не прекратило сопротивления венгров. Византийцы вновь вторглись в их страну, и 8 июля 1167 года произошло сражение у Землина. Основной ударной силой венгерской армии были рыцари, вооруженные длинными копьями. Сначала их пытались остановить лучники. Но стрелы не пробивали доспехов, и конница венгров упорно двигалась вперед. Зато в схватке с Византийской кавалерией, имевшей опыт борьбы с конницей норманнов, длинные копья стали скорее помехой — сильнее оказались железные палицы ромеев. Рыцарское войско венгров было разбито. Венгрия признала сюзеренитет Константинополя.

Все шло к тому, что Бела, крещенный в православной церкви и нареченный Алексеем, женится на Марии и унаследует византийский и венгерский престолы. Однако в этот план внесла коррективы прекрасная Мария Антиохийская, родившая 14 сентября 1169 года мальчика, которого также называли Алексеем. Вопрос о престолонаследии в Византии разрешился сам собой. Невесту у Бела отняли, надежды на византийский престол тоже. Правда, Мануил постарался не разрывать отношений с венгерским наследником. Ему предложили в жены другую родственницу императора, и, когда в 1174 году Бела занял венгерский престол, он сохранил с Византией тесные связи.

Целью Мануила было завоевание Италии и восстановление Римской империи. Он надеялся на поддержку венецианцев и германского императора Фридриха Барбароссы. Однако Барбаросса отнесся к планам Мануила весьма настороженно. У него были свои интересы в Италии. Он намеревался использовать византийцев, но не служить им.

Во второй половине пятидесятих годов византийские войска высадились в Италии. Их основным соперником был норманнский король Сицилии Вильгельм. Это было знаменательное предприятие: наконец-то Восточная Римская империя приняла реальные меры для восстановления былого могущества римских императоров.

Лишь несколько южноитальянских городов признали власть Византии. Дальнейшие завоевания застопорились. Союзники — германцы и венецианцы — на помощь не пришли, а норманны стали брать верх над византийским экспедиционным корпусом. Тогда Мануил поменял союзников: он предложил мир сицилийцам, которые опасались наступления германского императора. Византийские посольства посещали крупнейшие итальянские города, которые сопротивлялись начавшемуся наступлению Фридриха Барбароссы, и добились некоторых успехов. Например, Мануила признал Милан.

И все же война в Италии была бесперспективной. Стремление итальянских городов наладить отношения с Византией и даже готовность формально признать ее главенство проистекали не от любви к императору Мануилу, а от безвыходности: германцы Фридриха Барбароссы вели наступление на независимость итальянских коммун. Но как только Барбаросса был остановлен, итальянские города потеряли интерес к союзу с Византией.

Имперские устремления Мануила были пустыми. Реальная расстановка сил была такова, что Византия не могла стать важным фактором в европейской политике. Бесконечные войны, которые вел Мануил, разоряли в первую очередь саму Византию. Расходы на имперские увлечения Мануила были бременем, которое не могла компенсировать военная добыча.

Пока Мануил был силен, его враги в самой Византии затаились.

Правда, за одним исключением.

Андроник Комнип, двоюродный брат Мануила, фантастическая личность даже по масштабам этого фантастического времени, так и не смог стать верным подданным императора.

Андроник был очень высок — тираны бывают либо маленького роста, либо гиганты, тираны среднего роста в истории почти не отмечены. До конца своих дней он оставался строен, силен и красив. Отлично знавший Андроника историк Никита Хониат рассказывает, что тот был искусен во всех забавах и рыцарских потехах, неотразим для женщин, соблюдал умеренность в еде и питье, чтобы поддерживать физическую

форму. Война была его любимым занятием. Он всегда мчался в середину схватки и всю жизнь оставался сначала рыцарем, а затем уж государственным деятелем. Он был Ричардом Львиное Сердце, пересаженным на зыбкую византийскую почву, которая открывала куда больше возможностей, чем суровая английская действительность, для подвигов и антиподвигов. Это был чернобородый византийский лев, созданный эпохой и страной и безнадежно испорченный властью и изменами. У Андроника было еще одно важное в Византии качество — он был талантливym актером, который мог играть роль светского льва, демократа, пекущегося о народе, и благородного воина, проливающего слезы над гробницей врага. Неизвестно, когда он был искренен. Может быть, никогда. Но умел находить друзей и союзников, потому что никто лучше его не умел одурачивать людей.

Андроник был очень начитан, знал несколько языков, был автором ряда философских сочинений и остроумных эпиграмм, не верил ни в бога ни в черта и стремился лишь к власти и наслаждениям.

Андроник и его брат Иоанн были сыновьями Исаака Комнина, младшего брата покойного императора Иоанна. Исаак Комнин, хотя и хранил верность старшему брату, доверием его не пользовался, и вся жизнь его прошла в странствиях, а порой и в бегстве от брата. Сыновья сопровождали отца. Еще мальчиком Андроник повидал немало стран, научился разбираться в интригах, бояться собственных родственников и никому не верить. Исаак умер в изгнании. Старший его сын, Иоанн, отказался вернуться в Константинополь, остался у конийского султана и даже перешел в мусульманство. Младший, Андроник, был взят в императорский дворец, где его воспитывали вместе с наследником престола Мануилом. Двоюродные братья были ровесниками, оба родились в 1120 году. Они вместе росли и воспитывались. Братья дружили — оба стремились к приключениям и могли удовлетворять самые невероятные капризы. Очевидно, этой дружбой можно объяснить несвойственную для византийских правов снисходительность Мануила к кузену в последующие годы.

Андроник быстро позабыл о детской дружбе. Соперничество с двоюродным братом, вражда с родственниками, не раз страдавшими от острого языка Андроника, любовные истории, в которых влюбчивый принц никогда не думал о последствиях, рыцарские эскапады — все это увеличивало и популярность Андроника, и ненависть к нему. Особенно обострились отношения с двором, когда у Андроника завязался роман с его двоюродной сестрой Евдокией. Ее родные возмутились, в чем

была доля ханжества. Родная сестра Евдокии Феодора была официальной любовницей императора, и это возмущения не вызывало. Но разница в положении привела к тому, что все обвинения и упреки, которым должен был бы подвергнуться император, обрушились на Андроника. Это злило тридцатилетнего светского льва, который открыто заявил: «Подданные должны следовать примеру своего государя, и естественно, что товары, изготовленные в одной мастерской, должны нравиться нам с ним одинаково».

Осторожный Мануил решил отправить кузена в почетную ссылку. В 1152 году Андроник был послан в Киликию, чтобы возглавить войска, воевавшие с сельджуками. Византийцам приходилось там расхлебывать последствия Второго крестового похода, который, вместо того чтобы укрепить власть христианства на Ближнем Востоке, показал сельджукам, что европейских рыцарей можно побеждать.

Андроник кампанию провалил. Он выиграл несколько сражений, отважно гарцуя впереди войска и размахивая мечом, но в конце концов вынужден был отступить и очистить важные малоазиатские области. К тому же Мануилу донесли, что Андроник завязал подозрительные отношения с конийским султаном и королем Иерусалима.

Мануил, который далеко не полностью доверял кузену, отозвал его, прежде чем тот успел сколотить антивизантийскую коалицию, и направил в другой конец империи, на границу с Венгрией. Там, вместо того чтобы блюсти интересы Византии, Андроник вступил в сношения с венгерским королем, выясняя, поможет ли тот ему захватить трон в Константинополе. Однако и тут шпионы Мануила не сплеховали. Тайная переписка Андроника была перехвачена и доставлена Мануилу. И на этот раз Мануил ограничился семейным выговором. Император чувствовал себя достаточно уверенно, чтобы позволить определенный либерализм. Но он призвал кузена к себе в Македонию, где находился с войском, и окружил шпионами.

В военном лагере собрался весь византийский двор. Разумеется, и прекрасные сестры — Феодора и Евдокия. Встреча с Евдокией была сердечной, и любовные отношения возобновились. Гневу родственников не было предела — брат и деверь Евдокии решили убить наглого любовника.

Андроник находился у любовницы, когда вооруженные слуги родственников окружили ее шатер. Евдокия, хотя, как говорит летописец, «ее внимание было занято совсем другим», услышала подозрительный шум. Понимая, что Андронику не устоять против убийц, Евдокия предложила ему переодеться в женское платье. Но

такой выход был неприемлем для знаменитого рыцаря. Когда об этом узнают, он станет посмешищем.

Андроник отстранил Евдокию, распорол мечом боковую стенку шатра и кинулся на убийц сзади. Он зарубил одного из них и побежал к своему шатру.

Мануил сделал виновным внушение. Поэтому следующий ход родственников был тоньше. Они сообщили императору, что Андроник готовит на него покушение. Была ли в том доля истины, неизвестно, но Андроник был немедленно арестован, закован в кандалы и отвезен в Константинополь.

Андроник провел в тюремной башне, в условиях, которые убили бы менее выносливого узника, девять лет, до 1164 года. Он вошел в нее тридцатипятилетним бравым рыцарем, вышел пожилым, поседевшим, озлобленным и много передумавшим человеком. И если раньше Мануил имел в его лице ненадежного подданного, то теперь получил непримиримого врага.

Ни на секунду Андроник не смирился с заточением. Первый его знаменитый побег, которому позавидовал бы граф Монте-Кристо, был построен на том, что Андроник сумел раздвинуть доски пола. Камера его была на втором этаже башни, и он увидел, что внизу — пустой каземат, перерезанный сточной канавой, заваленной мусором. Из разорванной на полосы одежды он сплел веревку, затем ночью привязал ее так, чтобы можно было ее снять снизу. Повиснув на веревке, он сдвинул доски обратно и спустился в сточную канаву. Там он улегся, забросав себя мусором и грязью. Наутро стражники обнаружили, что заключенного в камере нет.

Эта таинственная история наделала немало шума: дело явно обошлось без нечистой силы. Приказано было обыскать все корабли в порту и подозрительные дома. Разумеется, схватили жену Андроника, полагая, что она причастна к бегству, и посадили ее в освободившуюся камеру мужа.

Андроник все слышал и на следующую ночь, убедившись, что жена в камере одна, взобрался наверх, раздвинул доски и снова оказался в камере. Жена проснулась и хотела закричать, уверенная, что перед ней призрак, но Андроник зажал ей рот и сказал шепотом, что он ее муж, в доказательство чего принялся осыпать жену ласками. Результатом их был появившийся через девять месяцев на свет его сын Иоанн.

Необычный медовый месяц продолжался неделю. Андроник считал, что постепенно паника в городе уляжется и все поверят, что его унесли черти. Через неделю жену освободили, и камера осталась пустой. И не было нужды ее запираить. Поэтому в одну из ночей Андроник вышел из камеры и, миновав сонных

тюремщиков, выбрался из башни. Жена, как было уговорено, наняла лодку, чтобы переправиться на азиатский берег Босфора. Переправа прошла без осложнений.

Андроник уже чувствовал себя в безопасности, но в ту декабрьскую ночь ударил мороз, настолько сильный, что, бредя по дороге, беглец понял, что если не укроется в доме, то обязательно замерзнет. Он постучался в крестьянскую хижину, не зная, что его приметы разосланы по всей стране.

Гордая осанка, изможденный вид, грязные лохмотья путника убедили хозяина, что перед ним важный государственный преступник. Пока усталый Андроник спал, крестьянин добежал до господского дома, и утром беглеца схватили.

Этот неудачный, но великолепный побег произошел в 1158 году. После него Андроника заковали в тяжелые цепи, которые не снимали шесть лет.

Все шесть лет Андроник утверждал, что болен и близок к смерти. Наконец ему поверили, освободили от оков, разрешили получать пищу с воли и даже держать мальчика-слугу.

Андроник велел мальчику сделать восковые отпечатки ключей от камеры. Затем эти слепки были переправлены на волю, и старший сын Андроника Мануил сделал по ним ключи. Андронику дозволено было лечиться вином. Вино приносили в амфорах. В одну из амфор жена положила веревку.

На этот раз побег произошел днем, после обеда, когда стражники спали, разморенные жарой. Андроник открыл ключом двери камеры. Понимая, что если его поймают вновь, то ослепят или казнят, он запер за собой дверь камеры и велел мальчику улечься снаружи, как тот делал всегда. Во время вечернего обхода он должен будет сказать начальнику стражи, что его господин совсем плох и спит.

Задний двор дворца, куда выходила башня, был пустынен и густо порос кустарником. В конце его был многометровый обрыв к Мраморному морю. Андроник прополз к обрыву и затаился в кустах, так как следующий этап побега должен был наступить ночью.

Он издали наблюдал за башней, ожидая, когда начнется вечерний обход. Он знал, что, если его хватятся, выход один — кинуться с обрыва на камни. Уже зашло солнце, когда к башне подошли стражники. Только бы не струсил мальчишка! Несколько минут, которые тюремщики провели в башне, показались длинными, как девять лет заключения. Но вот стражники вышли. Они были спокойны, весело разговаривали. Андроник закрыл глаза от облегчения.

В темноте Андроник спустился с обрыва. Спускался он

медленно, прижимаясь к краю обрыва и вглядываясь в блестящую под луной воду. Наконец он разглядел лодку с верным слугой, который греб к берегу.

Андроник спрыгнул на песок и поспешил к воде.

...Когда его окликнули, он не сразу понял, почему на берегу в такой поздний час дежурят солдаты. Неужели его бегство уже открыто? Андроник забыл, что солдаты — дань древней традиции. За двести лет до описываемых событий Иоанн Цимисхий высадился в этом месте с лодки, проник во дворец и убил императора Никифора Фоку. С тех пор каждую ночь на берегу у дворца выставляли караул, который следил за тем, чтобы ни одна лодка не приблизилась к берегу.

Но Андроник не привык сдаваться, он еще не сыграл свою коронную роль.

Он бросился к солдатам в ноги и на ломаном греческом языке принялся умолять их не выдавать его жестокому хозяину, который гонится за ним, — ведь он раб, который убежал от побоев и издевательств.

Солдаты захохотали и сказали, что, если бы знали, где его хозяин, тут же отвели бы к нему беглого раба. Хозяин, наверное, расчленился бы.

И тут, когда Андроник уже ни на что не надеялся, с моря раздался голос:

— Я его хозяин! Второй час за ним гонюсь. Отдадите мне этого мерзавца — получите по монете.

Это был голос слуги Андроника.

Через пять минут «беглый раб» уже сидел в лодке и его «хозяин» греб через Босфор на тот берег. Там его уже ждал с оседланными лошадьми сын Мануил.

Андроник поспешил к Черному морю, где правителем одного из городов был его старый приятель. Еще через несколько дней Андроник на корабле взял путь на север. Он спешил к князю Ярославу Осмомыслу в Галич. Андроник сблизился с русским князем во время службы на венгерских рубежах. Впрочем, выбор пути бегства был вызван не столько дружбой с Осмомыслом, сколько соображениями политическими. В те годы Мануил наладил отношения с Киевской Русью, тогда как Русь Галицкая ориентировалась на Венгрию. Соперник Мануила не сомневался в дружеском приеме в Галиче.

Но тут везение Андроника подошло к концу.

Когда он высадился на берег в Валахии и поскакал на север, его опознали, арестовали, и солдаты повели его в порт, чтобы посадить на корабль и вернуть в Константинополь.

В пути у Андроника созрел план спасения. Он принялся

жаловаться, что у него болит живот, и через все более частые промежутки времени останавливался и отбегал в кусты у дороги. Эти пробежки стали настолько обычными, что солдаты принялись издеваться над пленником и с хохотом спорить, скоро ли он снова заставит их остановиться.

Когда совсем стемнело, Андроник вновь остановился, на этот раз на опушке дубравы. Сидя на корточках, он нашарил на земле толстый сук, воткнул его в землю и повесил на него плащ. Затем надвинул на это сооружение шляпу и быстро пополз в чащу. Когда солдаты, поглядывая на сидевшего в отдалении пленника, стали звать его, тот не откликнулся. Обман открылся, но к этому времени Андроник был уже далеко в лесу, и найти его не удалось.

Через несколько дней оборванный, истощенный, обожженный солнцем бродяга с царственной осанкой остановился у ворот славного города Галича. Еще через полчаса его обнял князь Ярослав.

С князем Ярославом у Андроника установились отличные отношения. Андроник начинает активно действовать. Он даже скомплектовал в многонациональном Галиче отряд из живших там греков, чтобы участвовать в войне, которую Венгрия начинала против Византии. Венгерский король Геза пригласил Андроника к себе на службу.

Но прежде чем Андроник решил, что ему делать, прибыл гонец от императора Мануила. Мануил был всерьез напуган. Он собирался в поход на Венгрию, и вдруг — такой противник! Этого он себе не мог позволить. И он поклялся, что Андроник полностью оправдан, так как был брошен в темницу по навету клеветников. Если же Андроник не согласится вернуться в столицу, Мануил будет вынужден казнить его жену и сыновей.

И Андроник добровольно возвратился к Константинополю.

Поначалу отношения кузенов складывались мирно. Мануил выделил Андронику большой отряд, с которым тот штурмовал венгерскую крепость Землин, забыв о том, что недавно искал с венграми союза.

Но худой мир долго длиться не мог. Ему пришел конец, когда был подписан мир с Венгрией.

Руки Мануила были связаны торжественной клятвой помиловать Андроника. Оснований отказаться от клятвы не было. Поэтому император отправил кузена воевать на Восток, где восстал гордый армянский царь Торос, признавший за несколько лет до того свою зависимость от Византии.

Когда мы говорим об армянском государстве, то имеется в виду не Закавказье, а лежащие к юго-западу от него области Малой Азии, населенные армянами, так называемая Киликийская

Армения. Именно туда к XII веку переместился центр армянской государственности, в то время как закавказские армянские княжества были покорены сельджуками.

Укрепление Киликийского государства было связано с Первым крестовым походом: киликийские армяне оказались не только союзниками, но и спасителями крестоносного войска, истощенного переходом через горы и преследуемого сельджуками. В последующие годы Киликия могла опираться в борьбе с Конийским султанатом и Византией на помощь Иерусалима.

В тридцатых годах XII века император Иоанн, отец Мануила, объявив войну Киликии и крестоносцам Антиохии, привел громадную армию в горы и после ожесточенных сражений занял главные города Киликийской Армении — Тарс, Адану и Калиссу. Киликийский царь Левон Рубенид бежал, но через год византийцы захватили его с двумя сыновьями в плен и увезли в Константинополь. Киликия признала господство Византии. Однако покоренное армянское царство не было покорным. Сыну Левона Торосу удалось бежать из плена, и он возглавил борьбу Киликии против Константинополя, Именно против Тороса ходил походом Андроник в 1152 году и был им разбит. И хотя через семь лет Мануил вновь захватил Тарс, сломить сопротивление Армении он не смог.

Андроник отправился покорять царя Тороса Рубенида, опять выиграл несколько сражений и опять проиграл кампанию. Торос отразил нашествие византийской армии.

Вместо того чтобы возвратиться в Константинополь и огорчить ненавидимого кузена новым военным провалом, Андроник предпочел скрыться в Антиохии у крестоносцев, среди которых у него было немало знакомых. Там он поселился в богатом доме, начал вести красивую жизнь знатного рыцаря и объявил всем, что без памяти влюблен в прекрасную Филиппу, княжну Антиохийскую, родную сестру Марии, императрицы Византийской.

Чтобы продемонстрировать свою любовь, Андроник приводил к дворцу княжны толпу белокурых мальчиков с серебряными луками в руках, которые должны были изображать игривых амуров, и оркестр, услаждавший слух девицы нежной музыкой. Сам же он сочинял мадригалы. Неудивительно, что двадцатилетняя княжна влюбилась в Андроника и согласилась отдать ему руку и сердце.

Когда слухи об этом дошли до Мануила, ярости его не было предела. Мало того, что Андроник позволил себя разбить и бросил армию, он еще намерен жениться на сестре императрицы.

Мало ему сомнительной ситуации, когда у кузенов были любовницы-сестры. Иметь жен-сестер Мануил не позволит. За личным гневом стояли более существенные мотивы: Андроник намеревался сделать ставку на латинян.

Когда посол Мануила явился в Антиохию и высказал недовольство императора, Филиппа отказалась подчиниться приказу из Константинополя, заявив, что любит Андроника. Возмущена была вмешательством в дела Антиохии и местная знать. Андроник был волен теперь жениться на любимой княжне... А оказалось, что она не столь любима, как все думали. Не исключено, что Мануил опять запугал Андроника, так как держал в руках его сыновей, а может быть, Андронику самому наскучила невеста, но он неожиданно собрался и уехал и Иерусалим, оставив девушку безутешной.

В Иерусалиме король Амори, отношения которого с Мануилом оставляли желать лучшего, отдал Андронику в кормление город Бейрут. Новый вассал иерусалимского короля прожил там недолго, но достаточно, чтобы соблазнить Феодору, племянницу Мануила, которую в 1162 году двенадцатилетней девочкой выдали за иерусалимского короля Балдуина III, предшественника Амори. Но король умер, и Феодора стала вдовствующей королевой в двадцать лет.

Феодора навещала Андроника в Бейруте. Однажды она привезла ему перехваченное ее рыцарями тайное письмо Мануила ко всем губернаторам империи, в котором содержался приказ схватить Андроника и немедленно ослепить его, «дабы наказать за бунт и безнравственное отношение к своей семье».

Понимая, что у Мануила длинные руки, влюбленные бежали в Дамаск, к атабеку Нур ад-Дину, затем некоторое время прожили у халифа в Багдаде, где Феодора родила Андронику сына. В течение долгих скитальческих лет Андроник верно любил вдовствующую иерусалимскую королеву. У них было двое детей, к тому же Феодора взяла на воспитание сына Андроника Иоанна (каким-то образом его удалось переправить в Азию), зачатого в тюремной башне. Но был ли Андроник разведен с его матерью — непонятно.

Гнев Мануила преследовал беглецов по всему азиатскому миру. Как только Андроник появлялся при каком-нибудь дворе, тут же вступала в действие тайная византийская дипломатия, вокруг возникали подозрительные люди, стража перехватывала наемных убийц. И приходилось срочно перебираться в другую страну. В 1170 году Андроник отправился на север. Пожив немного в Эрзеруме, он получил приглашение от грузинского царя Георгия приехать в Тбилиси.

За этим визитом, возможно, скрывается неразгаданная тайна, на которую еще в начале нашего века обратил внимание известный историк Ф. Успенский.

В Грузии Андроника встретили тепло и торжественно. Грузинская летопись рассказывает, что царя Георгия посетил «Андроник Комнин, двоюродный брат Мануила, обладателя всего Запада и царя греческого, сопровождаемый своей женой ослепительной красоты, своими сыновьями и сыновьями сестры своей... За такую милость Георгий оказал принцу прием, достойный его высокого рода, дал ему столько городов и крепостей, сколько ему нужно было, и назначил ему пребывание возле своей столицы... Находясь в Грузии, Андроник принял участие в военных делах, но затем искал гостеприимства у султана Кылыч-Арслана II».

Вряд ли в планы грузинского царя входила война за византийские земли. Грузия боролась за возвращение своих земель, и завершит этот процесс лишь царица Тамара. Однако Георгий, отлично разбиравшийся в мировой политике, с подчеркнутой теплотой принял изгнанника, как бы демонстрируя перед всем миром свое право выбирать друзей, не советуясь с Византией. Андроник живет в Грузии, даже «участвует в военных делах», но затем то ли рука византийского кесаря дотянулась до Тбилиси, то ли Андронику был важнее союз с основным противником Византии, хромым и мрачным уродом, конийским султаном Кылыч-Арсланом II, но Грузию он покинул.

Хотя самому Андронику больше в Тбилиси побывать не удалось, вся западная политика Грузии в последующие десятилетия так или иначе связана именно с Андроником. Нет сомнения, что отношения между византийским изгнанником и грузинским царским двором были тесными и что будущая царица Тамара в детстве общалась с детьми Андроника. Почему же, задает вопрос Ф. Успенский, в грузинской летописи под 1187 годом мы находим упоминание о том, что Алексей, сын Андроника от Феодоры Иерусалимской, — близкий родственник Тамары? Почему в Трапезундской летописи 1204 года Тамара названа теткой другого Алексея, внука Андроника? Объяснить это только лестью летописца, подчеркивавшего таким образом близость Тамары к византийским императорам, вряд ли возможно. Но именно из этой загадки и вырастает загадка событий 1185 года, о чем речь пойдет ниже.

После Грузии Андроник побывал у Кылыч-Арслана, затем оказался в одном из сельджукских эмиратов на Черном море, у самой границы с Византией. Эмир дарит ему во владение приморскую крепость. Активная деятельность Андроника в Малой

Азии и в Закавказье дает право предположить, что идея создания Трапезундской империи, связанной с политикой Грузии, могла родиться именно в начале семидесятых годов. Андроник не успел провести ее в жизнь, но царица Тамара это сделает.

Несколько лет Андроник провел в своей крепости, совершая набеги на византийскую территорию. Константинопольский патриарх по настоянию Мануила отлучил Андроника от церкви за брак с двоюродной сестрой и множество иных преступлений, по это не беспокоило мятежного принца.

Шли годы. Андронику исполнилось пятьдесят пять лет, он, казалось, успокоился и потерял боевой дух. Он обожал Феодору и детей, поэтому именно против них и направил свой удар Мануил. По его приказу правитель Трапезундской провинции Никифор Палеолог хитростью захватил Феодору и детей Андроника. Их увезли в Константинополь. И снова последовало послание Мануила, который обещал Андронику жизнь, если тот вернется с повинной. Иначе Феодора и дети погибнут.

Андроник покорился. Кроме семьи, у него ничего не оставалось.

Возвращение блудного кузена было обставлено в лучших традициях средневекового театра. Длинная железная цепь свисала к ногам. Слуга подтащил за эту цепь Андроника, одетого во власяницу, к ногам императора. Андроник упал в ноги императору и принялся громко каяться в проступках против Мануила и империи. Мануил прослезился и попытался поднять кузена. Андроник кричал, что не встанет. Умиление было полное, Мануил торжественно простил Андроника, и тот воссоединился с семьей.

Разумеется, оставлять недруга в Константинополе Мануил не стал. Андронику определили в управление небольшой город на берегу Мраморного моря — не в столице, но под рукой.

Андроник прожил в этом городе с Феодорой и детьми почти пять лет. Он занимался изящной словесностью, философией, принимал гостей, делал вид, что не замечает многочисленных шпионов, которыми его окружил кузен, и уверял знакомых, что оставил мысли о троне. Но в то же время зорко следил за делами византийскими. А дела шли все хуже.

В 1176 году Мануил с большим войском выступил против Кылыч-Арслана II, который, пока император был занят авантюрами на западе, усилился, захватил соседние эмираты и княжества и с каждым годом расширял владения за счет византийских земель.

Сельджуки избегали крупных боев, заманивая врага в глубь

своей территории. На пути византийской армии встречались лишь сожженные деревни, засыпанные колодцы и отравленные водоемы. Армия была обременена громадным обозом в пять тысяч повозок и продвигалась страшно медленно. Кылыч-Арслан дождался своего часа, когда византийское войско втянулось в ущелье, на отвесных склонах которого затаились сельджуки. Сдавленное крутыми стенами, лишенное возможности маневрировать, отягощенное обозом, войско византийцев сражалось два дня, и большая часть его была перебита. Сам Мануил еле успел бежать. Никита Хониат пишет о том разгроме: «Зрелище, представшее глазам, было воистину достойно слез, или, лучше сказать, беда превосходила то, что можно оплакивать. Из-за множества трупов ущелья сделались равнинами, долины превратились в холмы, рощи едва были видны».

Этот разгром свел на нет многолетние труды византийцев в Малой Азии. В столице Мануила обвиняли в неумении командовать, а многотысячная константинопольская чернь, которая становилась активной силой в смутные времена, волновалась в предчувствии грозных событий, питаясь слухами о распрях при дворе и болезнях стареющего Мануила. Ему теперь ставили в вину то, что он покровительствует латинянам, которые дороже ему, чем греки, что в столице хозяйничают итальянские купцы и что по их наущению он бросает войска в прорву итальянских войн.

Потерпев поражение на востоке и потеряв позиции в Италии, Мануил бросился искать новых союзников. Ему казалось, что таким союзником может стать Франция.

В 1178 году в Константинополе остановился проездом из Святой земли граф Фландрский. Мануил обратился к нему с просьбой о посредничестве в брачном союзе между Византией и Францией, предложив женить своего наследника Алексея на французской принцессе.

Людовик VII, французский король, согласился на это предложение: партия для его младшей дочери Агнессы казалась выгодной. Может быть, даже более выгодной, чем для старших дочерей, которые были выданы за английских принцев Генриха и Ричарда, воевавших с собственным отцом.

Весной 1179 года восьмилетняя Агнесса взойшла на борт корабля в Марселе и отправилась в путешествие на Восток. Помолвка ее с Алексеем состоялась 2 марта 1180 года. Наследнику престола было лишь одиннадцать лет, и свадьбу отложили до той поры, пока супруги не подрастут. Тем не менее с момента помолвки невеста, окрещенная в православии Анной, считалась императрицей-наследницей.

Последние месяцы своей жизни Мануил провел во дворце, окружив себя астрологами и хиромантами. Доступ к нему имели лишь латиняне — французы и итальянцы, а абсолютной властью при дворе пользовалась его давнишняя любовница Феодора. Алексей рос избалованным, капризным мальчиком, и к шатающемуся престолу тянулись руки сильных соперников.

Осенью 1180 года Мануил занемог. У него началась лихорадка. Что скрывалось за этим диагнозом, сказать невозможно, но в Константинополе все, кроме императора, были убеждены, что он вот-вот умрет. Когда же патриарх Феодосий явился к Мануилу, чтобы уговорить его сделать распоряжения на случай смерти, дабы обеспечить наследование Алексея, тот ответил с улыбкой, что надежный предсказатель убедил его в том, что он проживет еще четырнадцать лет, и потому у него еще будет время ввести Алексея в курс императорских дел. С этим убеждением Мануил и умер.^[12]

Первые дни после смерти императора прошли в заботах о достойных похоронах. Престол занял двенадцатилетний Алексей. Регентшей при нем стала его мать, все еще прекрасная Мария Антиохийская.

Мария, женщина слабая, как ива, начала искать дуб, к которому могла бы прилечь. Разумеется, недостатка в мужских плечах не было; но всех опередил племянник Мануила Алексей (набор благородных имен в Византийской империи был очень ограничен, и потому всегда приходится иметь дело с несколькими Алексеями, Мануилами или Мариями одновременно), человек, по рассказам летописцев, весьма красивый и хорошо воспитанный, который проводил дни в постели, а ночи в пирах. Положение фаворита императрицы-матери и фактического главы государства не изменило образа жизни Алексея, получившего высший в империи чин — протосеваста. Можно было подумать, что он с царственной любовницей жил в раю, а не на вершине муравейника.

Окружение императора Алексея продолжало политику привлечения латинян. Пришельцы с Запада, лишенные корней в Константинополе, были куда надежнее, чем родственники и провинциальная знать. Но если при властном Мануиле недовольство знати было подспудным, то теперь оппозиция росла как на дрожжах. Население Константинополя было возмущено засильем венецианских и генуэзских купцов, кварталы которых были государством в государстве. Двору поддержка этих кварталов обеспечивала доходы, но для горожан венецианцы и генуэзцы были чужими, наглыми и слишком богатыми чужеземцами.

В борьбу вступило и духовенство, для которого латиняне были еретиками. И даже Мария Антиохийская, еще недавно обожаемая, стала еретичкой и чужестранкой.

Но одно дело всеобщее недовольство, а другое — переворот. Он невозможен, если у заговора нет решительного вождя. Первым кандидатом на такую роль был Андроник, но он продолжал выжидать. Он не спешил принимать участие в первом акте драмы. Его героями стали старшая дочь Мануила, лишенная престола властная и решительная Мария, которую в свое время чуть было не отдали за венгерского принца, и ее муж, граф Ренье, брат Конрада Монферратского. Целью заговора было убийство протосеваста. Покушение должно было состояться 17 февраля 1181 года, но было перенесено на более поздний срок. Это промедление и погубило заговорщиков: шпионы Алексея-протосеваста узнали о заговоре, и все его участники были брошены в тюрьму. Только кесарисса Мария и Ренье успели спрятаться в храме святой Софии. Мария Антиохийская и ее фаворит не посмели послать солдат в храм и упустили время. Из храма с помощью священников Мария начала призывать константинопольский люд к восстанию против соперницы. Эти призывы пали на благодатную почву — толпы народа заполнили улицы, они громили дома приверженцев императрицы-матери, жгли канцелярии, чтобы уничтожить податные списки. Начались погромы в кварталах латинян, правда не везде. Итальянские солдаты примкнули к восставшим, а французы и немцы остались на стороне правительства.

Испуганный восстанием, Алексей-протосеваст приказал своим войскам взять храм святой Софии штурмом. Но храм не был беззащитен — мгновенно к нему сбежались тысячи горожан, и закипел отчаянный бой, который остановило лишь вмешательство патриарха. Алексей-протосеваст пошел на компромисс и простил заговорщиков. Те вышли из собора победителями, народными кумирами.

Но, не справившись с кесариссой Марией, Алексей-протосеваст решил отыгаться на патриархе, что было глупейшей ошибкой. Патриарх был отвезен в монастырь, и тут же восстание вспыхнуло с новой силой. И опять правительству пришлось отступить — возвращение патриарха в город было триумфальным.

И тут пришла пора выйти на сцену Андронику. Он ждал этого часа всю свою жизнь. В муравейнике воинственных ничтожеств он был гигантом. Вот почему, когда он двинулся из своего города к Константинополю, его шествие было подобно возвращению Наполеона с Эльбы: правительственные отряды немедленно

переходили на его сторону, отовсюду к нему спешили войска провинциальных правителей, и армия его росла как снежный ком. Разрозненное сопротивление верных правительству войск не могло задержать его продвижение.

Между тем восстание в городе ширилось. Агенты Андроника подняли народ на разгром «латинских» кварталов. Начались сражения с французами и немцами. Андроник не спешил — он стоял лагерем в Халкедоне, принимал сторонников и ждал момента, чтобы ударить наверняка.

И весной 1182 года, исчерпав все возможности сопротивления, правительство было вынуждено открыть ворота Константинополя перед Андроником. Его торжественно встречали как освободителя не только толпы народа, но и патриарх Феодосий и кесарисса Мария.

Вступив в столицу, Андроник обратился к народу с речью, в которой не пожалел пафоса и слез. Он клялся всеми святыми, что пришел исключительно для того, чтобы освободить обожаемого юного императора Алексея от господства безнравственных людей, что его интересует лишь благоденствие империи, что власть ему не нужна — он верный сын отечества. У него лишь одно желание — оградить императора от вредного влияния его распутной матери и ее фаворита, которых он просит добровольно отказаться от власти.

После того как пропагандистская прелюдия к перевороту была завершена, растерявшегося Алексея-протосеаста схватили в его дворце и доставили к Андронику. Андроник разыграл патетическую сцену, обвиняя Алексея в низкой измене, и тут же приказал выколоть ему глаза.

После этого «из соображений безопасности» регентшу Марию и молодого императора отправили на загородную виллу Филопатион. Андроник нанес им визит, преклонил колени перед Алексеем и поклялся ему в верности. Императрицу-мать он не замечал. Затем он посетил патриарха Феодосия — своего союзника, целовал ему туфлю, также клялся в вечной дружбе и благодарности. Но старый патриарх уже понял, что в городе воцарился страшный хищник, который одержим всепоглощающей ненавистью к семье Мануила. Когда в задушевном на вид разговоре с патриархом Андроник начал жаловаться на то, как он одинок, как трудно будет ему стать настоящим опекуном и наставником юному императору, как трудно будет оградить мальчика от соблазнов жизни и заговоров врагов, патриарх тихо ответил:

— Нет оснований для беспокойства. С того момента, как ты, Андроник, вошел в Константинополь, можно считать, что этот

мальчик мертв.

Андроник вежливо поклонился и, ничего не ответив, покинул патриарха. Тот понял, что ему недолго осталось занимать свой пост.

Первые месяцы правления Андроника были лишь увертюрой к тому, что случилось потом. Он активно занимался государственными делами, причем так, чтобы завоевать любовь народа. Он отменил непосильные налоги, разогнал мздоимцев и жестоко покарал ненавидимых чиновников. До сих пор некоторые историки характеризуют его как демократически настроенного монарха, «крестьянского царя». В то же время Андроник подавлял сопротивление в провинциях, где еще оставались сторонники протосеваста. И ни на минуту не забывал о своей основной задаче — убрать с пути всех соперников.

Неожиданно по Константинополю разнеслась весть, что таинственным образом умерли кесарисса Мария и ее муж граф Ренье, союзники Андроника. Никто не сомневался, что их отравили по его приказу.

А Андроник отправился к гробнице Мануила и при большом стечении народа умолял тень императора простить ему былые прегрешения. Он поклялся положить жизнь на то, чтобы мальчик Алексей был счастлив.

После этого Андроник велел всем уйти, чтобы он мог побеседовать с покойным императором наедине. Убедившись, что он один, Андроник сказал:

— Теперь ты у меня в руках, мой гонитель и мучитель. И разбудить тебя смогут только трубы Страшного суда. Я заставлю тебя дорого заплатить за все зло, которое ты мне причинил.

Эти слова якобы подслушал один из придворных и разнес их по городу. Но даже если Андроник их не произносил, думал он именно так.

В последующие недели страшные слухи расползлись по Константинополю. Родственников императора арестовывали. Затем начались публичные суды. Из политических соображений Андроник избегал тайных убийств. Если у тебя послушные судьи, можно обеспечить нужный приговор. А уж пыточных дел мастера заставят жертву признаться в чем угодно. Что и произошло. Так погибла вся верхушка семьи Комнинов. Недаром Карл Маркс называл Андроника человеком алкивиадо-нероно-византийского склада.

Наступила очередь самых главных соперников — императрицы-матери и мальчика-императора.

Андроник не был бы самим собой, если бы не внес театральности в расправу с ними.

Сначала он принялся публично обвинять императрицу в том, что она строит против него и империи страшные козни, поэтому он якобы будет вынужден покинуть Константинополь. Он не может нести ответственность за безопасность императора.

После того как почва была подготовлена, Андроник приказал начать судебный процесс, на котором сам не присутствовал. Марию обвинили в том, что она иностранная шпионка. Нашлись и свидетели ее шпионской деятельности, и обвинители, которые доказали, что она намеревалась продать Византию франкам. Приговор был единодушен — смертная казнь.

Но этот приговор был недействителен без санкции императора.

Приговор был написан красными чернилами, словно кровью. Андроник принес его мальчику и приказал подписать смертный приговор матери. Мальчик плакал. Плакала и маленькая невеста Анна.

Андроник внимательно посмотрел на девочку. Потом погладил по голове и пообещал, что ее никто не обидит.

Прежде чем задушить Марию в камере, ей показали подпись сына.

Прошло еще несколько месяцев, и послушный совет империи обратился к Андронику с нижайшей просьбой короноваться, так как иначе ему будет трудно нести бремя власти. Андроник картинно возмущился неожиданным предложением и тут же во всеуслышание отказался от незаслуженного поста. Совет настаивал, народ бушевал на улицах — слава Андроника еще не потускнела. Многим казалось, что, если он станет императором, в Византии наступит золотой век.

Процедура коронования Андроника, как пишут хронисты, была хорошо разыгранной комедией. Он буквально дрался с придворными, которые старались надеть на него пурпурную мантию и корону. Его еле втащили на трон. И в конце концов, обливаясь слезами, Андроник покорился воле народа и поклялся, что делает это лишь для того, чтобы помогать Алексею.

Остался пустяк. Через месяц Алексея привели во дворец к Андронику и в то время, как император занимался государственными делами, задушили в соседней комнате. Труп мальчика выволокли к ногам Андроника.

Высокий, седой, все еще стройный император оттолкнул труп ногой и произнес:

— Твой отец был клятвопреступником, а мать — шлюхой!

И приказал выбросить труп в Босфор. Что и было сделано.

Патриарха Феодосия сослали в монастырь, а на его место поставили менее прозорливого иерея.

Девочку-императрицу Анну Андроник велел привести к себе в спальню. Она стала его наложницей.

В конце 1183 года Андроник повелел расторгнуть свой брак с Феодорой и женился на Анне, которой тогда было тринадцать. Бракосочетание состоялось в храме святой Софии и стало одним из предвестников падения Андроника, ибо было непристойно.

Демократизм Андроника быстро улетучился. Вся жизнь плетя заговоры, Андроник сам безумно боялся заговоров. Поэтому тайная полиция была во много раз усилена, столица была наводнена сыщиками и доносчиками, с каждым месяцем террор против любого проявления свободомыслия усиливался. Восстания феодалов и возмущения крестьян подавлялись с неслыханной жестокостью. Когда вспыхнуло восстание в Вифинии, император утопил в крови Бруссу и Никею. «Деревья, — пишет летописец, — были увешаны гроздьями трупов. Он запретил хоронить их, желая, чтобы они были высушены солнцем и, подобно чучелам, колебались под ветром, отпугивая птиц».

Старик изобретал все новые способы казни. Когда однажды некий горожанин был задержан соглядатаем за то, что неуважительно отозвался об императоре, Андроник приказал проткнуть его железным вертелом, поджарить на медленном огне, принести в его собственный дом и положить на обеденный стол. Постепенно страх охватывал государство. Разумные реформы, проведенные Андроником, потерялись среди преступлений и казней. Прошел всего год с того дня, как громадные толпы народа требовали, чтобы Андроника короновали; теперь люди с ужасом старались понять, почему они это сделали.

Андроник, словно предчувствуя близкий конец, старался не упустить ни минуты наслаждений. Он окружил себя стайей куртизанок; по выражению Никиты Хониата, «подобно петуху во главе своих кур, или козлу впереди своих коз, или Дионису, окруженному менадами и вакханками, вел он за собой своих любовниц». Черный юмор никогда не изменял императору. Вся столица знала, что, заметив на улице красивую девушку, император непременно прикажет ее схватить и доставить к нему в загородный дворец. Бравируя этим, он велел прибить под портиками Форума рога убитых им оленей, открыто намекая на участь константинопольских мужей.

В судьбе знаменитых авантюристов часто действует принцип маятника. Чем с большим энтузиазмом их принимает чернь, чем большие надежды возлагает на них народ, тем глубже разочарование в них и тем скорее оно наступает. Под маской кумира и народного царя скрывалось лицо деспота, какого еще не

приходилось видеть Византии.

Предаваясь забавам, Андроник постепенно терял нити управления империей. Многих способных государственных деятелей он уничтожил, других заставил бежать и окружил себя ничтожествами. Он мог бы продержаться дольше, будь он моложе, но в шестьдесят пять лет ему было все труднее казнить, развлекаться и управлять одновременно.

Это стали понимать и его враги. Бежавший из столицы Исаак Комнин провозгласил независимость Кипра, в провинциях зрели заговоры и вспыхивали восстания. Наконец, в дело вмешались внешние враги. Сицилийский флот в 1185 году высадил десант в Фессалониках, и норманны медленно двинулись к Константинополю. Высланные навстречу войска византийцев сражались неохотно, военачальники переходили на сторону норманнов.

Еще одним ударом по репутации Андроника было восстание в Болгарии. В 1185 году братья Петр и Асень подняли Болгарию против византийского господства, и началась борьба второго болгарского царства за независимость. Вернуть Болгарию не удалось и преемникам Андроника. В 1187 году Византия вынуждена была признать независимость Болгарии, и дальнейшие события были связаны в значительной степени с попытками Византийской дипломатии посеять рознь между братьями. Это до какой-то степени удалось, и Петр стал склоняться к миру с Византией, однако, после того как в 1196 году в результате византийских интриг был убит Асень, Петр возглавил сопротивление болгар.

Плохи были дела и на границе с Венгрией. Король Бела поддерживал связи со своей бывшей невестой, кесариссой Марией, а после ее смерти торжественно объявил, что будет мстить за нее. Его армия опустошила пограничные провинции Византии. Лишь преемник Андроника, сам женатый на венгерской принцессе, смог, наконец, восстановить мир.

Отложилась Сербия. В результате похода византийцев в 1183 году были снесены с лица земли Белград, Равно, Средец. Поднялось восстание сербов, и жупан Стефан Неманя, разбив византийскую армию, завоевал Южную Далмацию и совершил несколько походов в глубь византийских земель. Лишь к 1190 году византийцам удастся вернуть часть завоеванных сербами районов в обмен на признание независимости Сербии.

Таким образом, за несколько лет правления Андроника почти все плоды многолетних трудов и походов Мануила были потеряны. И разумеется, это не прибавило популярности новому императору. Среди его многочисленных талантов не было

таланта полководца.

В первые недели войны с норманнами Андроник, словно пробудившийся от эйфории, начал укреплять флот и приказал чинить дряхлые стены Константинополя, но вскоре ему все надоело, и он вновь бросился в развлечения. В столице росло возмущение. И чем ближе подходила норманнская армия, тем шире распространялась уверенность, что это вторжение — наказание Византии за то, что на престоле сидит такой тиран.

Император старался подавить недовольство. Шли повальные аресты, тюрьмы были переполнены, казни участились.

Андроник нигде не появлялся без отряда телохранителей и даже завел себе громадного пса, который спал у его ложа. Он выступал с речами, в которых утверждал, что норманнов привели предатели. Лишь разоблачив их, можно будет отразить нашествие.

В разгар этих событий Андроник отправился в загородный дворец. Возможно, он оставил столицу для того, чтобы новая волна арестов и казней не связывалась с его именем.

В отсутствие Андроника его подручные начали подскребать остатки знати, еще остававшейся в Константинополе, тех, кто надеялся отсидеться. К таким относился вельможа Исаак Ангел. Три года судьба миловала его, но наконец подошел и его черед. Когда Исаак увидел, что к его дому направляются всадники, он приказал запереть ворота. Но стражники взломали двери и ворвались в дом. Исааку удалось отбиться от них и скрыться. Так с мечом в руке он и вбежал в храм святой Софии, который за последние годы перевидал немало беглецов.

Исаак Ангел не был ни знаменит, ни отважен, и в ином случае смерть его прошла бы незамеченной. Но вид человека с окровавленным мечом вдруг напомнил всем, кто трепетал в ожидании казни, что есть выход — сопротивление. Толпы людей начали стекаться к храму, все громче звучали призывы к восстанию. Так как кесаря в городе не было, никто не мог принять решительных мер; стражники окружили площадь перед собором, на которой гудело море людей, но не решались пустить в ход оружие или штурмовать собор. Только тогда послали гонца к императору.

Андроник вернулся в столицу только на следующий день. К тому времени восстание уже нельзя было подавить. Были взломаны ворота тюрем, и на свободе оказались тысячи врагов Андроника, которым нечего было терять. В храме святой Софии народ провозгласил Исаака Ангела императором, и епископы, оказавшиеся там, короновали его.

Андроник понял, что опоздал. Ему ничего не оставалось, как

укрыться в императорском дворце. Через несколько часов дворец был осажден народом, а войска, за исключением тайной полиции и телохранителей, перешли на сторону восставших.

Некоторое время Андроник, уверенный, что и на этот раз обманет судьбу, руководил обороной дворца, сам стреляя из лука с башни.

Когда ворота были взломаны и толпа растеклась по бесчисленным помещениям дворца в поисках императора, Андроник, повторив свой путь бегства из тюрьмы, спустился, переодевшись воином из восточных провинций, к лодке, где его уже ждали любовница-флейтистка и юная жена Анна. Они пересекли Босфор и высадились на восточном берегу.

Удивительна магическая сила этого человека. Девочка, жениха которой он убил, а саму ее обесчестил, осталась ему верна до конца.

Андроник, как всегда в критические моменты жизни, полностью владел собой. Когда он добрался на лодке до маленького порта в том месте, где Босфор соединяется с Черным морем, он столь властно приказал дать ему корабль, что никто не посмел ослушаться. Корабль был снаряжен и вышел в море.

По версии Никиты Хониата, Андроник спешил на Русь, в Галич, к старому союзнику Ярославу Осмомыслу. Но для того чтобы попасть к Ярославу, Андронику надо было миновать устье Дуная, где его ждали враги. Поэтому не исключено, что он хотел плыть на восток, в Грузию.

Но когда берег уже скрылся из глаз и Андроник, успокоившись, принялся строить планы мести, налетел сильный шквал. словно рукой провидения корабль быстро понесло обратно.

Как только судно было выброшено на берег, Андроника схватили и заковали в цепи. И вот тут возникает другой Андроник — актер, которому мог бы позавидовать даже Нерон. Он валяется в ногах у солдат, рыдая и крича, по словам летописца, «из какого славного рода он происходит, как знатна его семья... несчастье, обрушившееся на него, теперь должно вызвать сострадание. И обе женщины, сопровождавшие его, вторили его жалобам, делая их еще более трогательными...». Но у солдат жалобы не вызывали сострадания. Андроника грубо подняли с земли и повлекли к повозке.

Смерть Андроника была ужасна.

Его протащили в цепях по улицам Константинополя. Еще вчера кумир, сегодня он был презренным негодяем, виновником всех несчастий. На этом долгом страдальческом пути ему выбили зубы, вырвали бороду и волосы, жестоко изувечили. В таком виде

он предстал перед новым императором. Он уже не молил о пощаде. Он молчал. Исаак Ангел в ужасе от представшего его глазам зрелища велел увести Андроника. Андроника выволокли на площадь, отрубили ему правую руку и бросили в темницу. Любой другой умер бы от таких мучений, по могучий организм Андроника перенес и это. Через несколько дней, в течение которых его не кормили и не поили, его вновь вытащили на солнце и выкололи глаза. Затем на верблюде провезли по улицам Константинополя. Что там творилось и до какого изуверства доходили участники этой жестокой церемонии, описывать не хочется, но все это подробно изложено в хрониках. Наконец страшная процессия достигла ипподрома. Жалкий обрубок императора повесили вниз головой на перекладине, укрепленной между двумя колоннами. Говорят, что Андроник повторял разбитыми губами: «За что вы так яритесь на сломанный тростник?»

Прибежали и франки, которые не забыли погром в их квартале, устроенный по наущению Андроника. Они начали пробовать остроту своих мечей на теле Андроника и спорили, чей удар сильнее. Эти удары и прекратили его страдания.

В те дни, когда изуродованный труп Андроника валялся на ипподроме, в столице отыскивали и предавали мучительной смерти всех, кто был ему верен. Были арестованы и сыновья императора. Сдержанному и умному Мануилу выкололи глаза, отчего он скончался.

Исаак Ангел, который хотя и считается императором тихим, незлобным, проводившим десять лет своего правления (пока не был свергнут и ослеплен собственным братом) в забавах, охоте и иных развлечениях, старался как можно быстрее уничтожить всех родственников Андроника, чтобы избавиться от возможных мстителей.

Уже через несколько дней после его прихода к власти эта задача была выполнена. За одним исключением: таинственно исчезли Алексей и Давид, маленькие внуки Андроника, дети Мануила. Был отдан строжайший приказ отыскать и убить мальчиков, старшему из которых было в то время только четыре года. Были допрошены и подвергнуты пытке все, кто имел к ним отношение: слуги, няньки и придворные Мануила. Но след малышей простыл.

К сожалению, о том, что случилось с ними, в хрониках не говорится. Даже такой осведомленный летописец, как Никита Хониат, ничего сказать не смог. Вскоре о внуках императора забыли — они были лишь каплями в кровавой реке жертв.

Но можно строить предположения, и весьма интересные.

При византийском дворе всегда находились выходцы из Грузии. В основном среди военных. К примеру, самым славным полководцем и ближайшим другом императора Алексея, деда Мануила, был Григорий Бакуриани, павший в сражении с норманнами в конце XI века. В Константинополе был грузинский квартал, где останавливались пилигримы и торговцы из Грузии, и была грузинская церковь.

Сам Андроник некогда жил в Тбилиси. Некоторые грузинские летописи называют царевичей из рода Андроника Комнина близкими родственниками царицы Тамары.

Мгла времени скрывает от нас детали человеческих отношений и политических союзов, но зато мы знаем о их результатах. Можно предполагать разное. Не исключено, что внуки Андроника и в самом деле были родственным образом связаны с грузинским царским домом. Возможно, грузинский царь обещал Андронику позаботиться о его детях и внуках, если тот погибнет. Андроник мог обратиться к грузинам с просьбой о спасении внуков, когда дворец уже был осажден.

Как бы то ни было, но в конце 1185 года — замечательный сюжет для исторического детектива — Алексей и Давид (странное для Византии и обычное в Грузии имя), которые загадочно исчезли из Константинополя во время резни, оказываются в Тбилиси при дворе молодой царицы Тамары. Там они растут вместе с грузинскими детьми, грузинский язык становится им родным, по образу мысли и поведению они постепенно превращаются в грузинских витязей.

В 1204 году, во время Четвертого крестового похода, Константинополь захватывают западные рыцари, и на большей части территории Византии возникает Латинская империя. Тамара дает Алексею и Давиду войска. С помощью грузинской армии царевичи занимают южное побережье Черного моря и основывают Трапезундскую империю, просуществовавшую до XV века.

В 1916 году, во время первой мировой войны, русские войска высадились в Трапезунде. Вместе с армией были и археологи во главе с Ф. Успенским. В течение двух сезонов археологи вели раскопки в этом древнем городе, который был некогда столицей империи, основанной двумя грузино-византийскими принцами. Христианские церкви его давно уже были превращены в мечети, могучая цитадель почти разрушилась, от дворцов остались одни колонны. Грязь и запустение царили в бывшей столице.

Русский комендант, одержимый идеей воссоздания Византийской империи под главенством российского императора, приказал закрыть все мечети, которые ранее были христианскими

церквами. С опозданием на пятьсот лет он желал восстановить справедливость. Этот шаг сыграл на руку археологам. Успенскому удалось обнаружить в бывших мечетях гробницы императоров и знати, отыскать полустертые фрески и реконструировать облик ряда памятников XIII века. В одной из башен цитадели, где некогда была устроена небольшая церковь, нашли погребение Алексея, императора Трапезунда, внука Андроника...

Юная императрица Анна осталась жива, и в царствование Исаака Ангела ее не преследовали. В пятнадцать лет она стала вдовой двух императоров, а впереди у нее была еще долгая жизнь. Через несколько лет Анна сблизилась с военачальником Феодором Вранасом. Они не могли пожениться, так как брак лишал бы Анну императорской «вдовой чести». Они мирно жили с Феодором до тех пор, пока Константинополь не был завоеван крестоносцами. Первое время Анна была в оппозиции к новым хозяевам, но вожди крестоносцев, зная, что она сестра французского короля Филиппа Августа, оказали ей знаки почтения и предложили Феодору высокие посты в государстве.

Понемногу Анна все более сближалась со своими единоплеменниками, и те даже помогли ей осуществить давнишнее желание: Феодору Вранасу было предложено скрепить их союз законным браком — в новом государстве «вдовая честь» византийской императрицы уже не играла роли. А через некоторое время Феодору был пожалован титул кесаря и отдан в ленное владение Адрианополь и окружающие его земли на границах с Болгарией. Последние годы жизни Анны прошли спокойно. Она выдала дочерей замуж за французских баронов и умерла в своем дворце в 1220 году, на тридцать пять лет пережив Андроника.

Для истории каждой страны 1185 год — мгновение в череде лет и событий. Заглянуть в это мгновение и сразу понять что-либо в нем, не будучи профессиональным историком, невозможно. Поэтому, преодолев очередной водораздел и оказавшись в долине следующей реки, мы вынуждены остановиться и кинуть взгляд вверх по течению, прежде чем бросаться в быстрые воды 1185 года и пересекать реку.

Например, в Грузии нельзя понять события 1185-го и последующих лет, не вернувшись далеко назад. Когда были завязаны узлы, разрубленные в восьмидесятые годы.

В течение столетий странам Закавказья — Грузии, Армении и Азербайджану — приходилось отстаивать свою независимость от могущественных соседей, терять ее, снова восстанавливать. И судьбы этих трех стран сложились по-разному. Азербайджанцы не имели к началу арабского завоевания единой религии и единого государства. И потому они не могли противостоять завоеванию духовно — они были обращены в ислам. «Я — ширванец», — мог сказать житель Баку. Понятия «азербайджанец» не существовало.

Иначе было в Грузии и Армении. В этих странах сложилась давнишняя традиция государственности и существовала единая древняя религия, чуждая завоевателям, гонимая ими, но оттого еще более ценная как духовный стержень, помогающий сохранить самобытность и бороться за независимость.

В отличие от жителя Азербайджана уроженец Мцхеты мог сказать, что он — картлиец. Но он и больше чем картлиец: подобно кахетинцу, месху, пшаву, он — грузин. Житель Ани или

Двина, обитатель Киликийского царства, был киликийцем или двинцем, но он был и армянином, И знал об этом, потому что его объединяли с другими людьми, сознававшими себя армянами, общий язык, общие предания, общая память о древности армянского государства, а главное — общая вера.

В 1071 году Византия потерпела сокрушительное поражение от сельджуков и уступила им почти всю Малую Азию. Под власть их оказались страны, прилегающие к Каспийскому морю, и Армения. С каждым годом набеги на Грузию становились все более опасными. Грузинский царь Георгий II, желая спасти страну от разорения, признал сюзеренитет сельджукского султана Маликшаха. Это не принесло и не могло принести облегчения Грузии, потому что покорность в таких ситуациях воспринимается как слабость. В результате самые лучшие земли — плодородные долины Картли и Кахети — были заняты кочевыми сельджукскими племенами, а высокогорные луга стали местами их летней откочевки. Грузинское население отступило на запад и в ущелья. Организовать сопротивление было нелегко. Сам Георгий II, как утверждают источники, был человеком слабохарактерным и даже робким, при нем власть в стране захватили феодалы-азнауры, которые в борьбе между собой и с царем зачастую шли на союз с могучими сельджуками.

Продолжаться так до бесконечности не могло. Да и не все азнауры были безразличны к судьбе Грузии. Георгий был вынужден отречься от престола. Его преемником стал шестнадцатилетний Давид, известный в истории Грузии под именем Давид Строитель. Это случилось в 1089 году.

Народ выдвигает героев в самые отчаянные, трагические периоды своего существования. Таким героем был Давид.

Юноша, властитель разоренной и ограбленной страны, оказался не только зубаст, но и мудр. Он не мог начинать войну с Сельджукской империей, в сотни раз превосходящей Грузию числом подвластных людей и ресурсами. Но войну начал. Как бы неспешно, не поднимая ее до уровня большого конфликта, не разрывая окончательно отношений с могучим врагом. Он исподволь готовил армию, обучал ее и закалял в небольших набегах на сельджукские племена, что кочевали в грузинских долинах. Он возвращал на освобожденные земли крестьян и добивался их доверия, внушая им мысль о том, что воины царя их защитят.

Нелегко утверждал молодой монарх свою власть над страной. Он предпочитал опираться на мелких дворян и свободных крестьян, нежели идти на союз с крупными феодалами, почти независимыми владетелями областей, представителями могучих

родов, которые хотели иметь покорного царя. Кульминацией борьбы со знатью стало столкновение с Липаритом Иванэ-дзе, одним из могучих князей, илдекарским эриставом. Липарит был изгнан из Грузии.

Тем временем в выгодную для Грузии сторону изменилась обстановка в Сельджукском государстве, созданном кочевниками и державшемся на страхе. Из Европы на Ближний Восток пришли крестоносцы и отвоевали у сельджуков Палестину и часть Сирии. Выступила против сельджуков Византия, стараясь отобрать свои земли в Малой Азии. Восставали и другие страны. Давид отказался платить дань сельджукскому султану.

Но прежде чем начать войну, надо было завершить объединение Грузии. И Давид захватывает важнейшие области, не признававшие его ранее, — Кахети и Эрети. Он проводит реформу церкви, чтобы вырвать ее из рук крупнейших вельмож, деливших церковные должности. Наконец, он призывает на службу половцев.

Это были годы правления на Руси Владимира Мономаха, того самого, который провел против половцев, как он сам утверждал, восемьдесят три похода и остановил их продвижение на запад.

Отступая под натиском русских дружин, некоторые из половецких племен откочевали на Северный Кавказ, где им тоже было несладко, потому что степи там были заняты другими племенами, не желавшими уступать место пришельцам. Именно этим половцам Давид предложил переселиться в Грузию. Под именем кипчаков они сыграли немаловажную роль в истории страны. Функция их была сходной с той, какую выполняли на Руси черные клобуки и берендеи — степные племена, занимавшие пограничные с половцами земли. Они были не совсем вассалами — скорее союзниками. Во время распада Руси на множество враждующих княжеств их вожди порой вмешивались в борьбу за власть в Киеве.

На рубеже XII века сорок пять тысяч половецких семей перешли Дарьяльским ущельем в Грузию и заняли часть сухих долин, откуда были вытеснены сельджуки. В течение веков они служили в грузинской армии. Постепенно берендеи и другие союзные Руси степняки смешались со славянским населением и стали составной частью — будущей украинской нации. Также и половцы влились мало-помалу в грузинский народ — степная кровь и по сей день течет в жилах русских, украинцев и грузин.

Всю первую четверть XII века Давид провел в борьбе с сельджуками. Освободив основные районы собственно Грузии, он вступил в Ширван. Владелец Ширвана объявил себя вассалом Давида, что вызвало гнев сельджукского правителя Ирана. Он

поднял громадное войско, для того чтобы наказать Давида, и двинул его на Грузию.

Чем располагал царь Давид? Его хорошо обученная и дисциплинированная армия состояла из сорока тысяч грузин, пятнадцати тысяч кипчаков, нескольких сотен осетин (аланов) и двухсот рыцарей, присланных иерусалимским королем.

Так как мусульманская армия по численности значительно превосходила войско Давида, тот встретил ее не в открытом поле, где сельджукская конница смяла бы грузин, а в ущельях и узких долинах у Дигори. Численное превосходство сельджуков перестало играть решающую роль. Грузины по частям разбили врага, и мало кому из сельджуков удалось спастись.

Дигорская битва 1121 года означала конец сельджукского владычества. На следующий год Давид освободил Тбилиси, оставшийся еще в руках врагов. Вскоре удалось взять старинный армянский город Ани и присоединить Ширван. Большая часть Закавказья оказалась под властью Давида.

В следующем году Давид неожиданно умер.

Ему удалось воссоздать Грузию, но он не успел консолидировать свои владения, укрепить в них центральную власть.

После его смерти оказалось невозможно сохранить завоеванное. Твердая рука Давида Строителя держала в страхе и покорности спесивых феодалов, заставляла трепетать сельджукских владетелей. В момент смертельной угрозы Грузия нашла Давида. Но его преемник уступал Давиду силой и характером.

Сын Давида Дмитрий (Деметре) царствовал долго — тридцать лет. Он вел войны с сельджуками и другими соседями, вел с переменным успехом. Владения отца он увеличить не смог. Подняли головы могущественные феодалы, соперники царской власти. Подобно европейским баронам, они стремились превратить ее в условность, чтобы она не мешала им богатеть и преследовать собственные цели.

Наиболее сложные отношения у царя были с родом Абулетисдзе. То были не только могучие феодалы, но и крупные государственные деятели. В 1130 году один из них, Иванэ, готовил заговор против Димитрия. Заговор провалился, но Иванэ каким-то образом сумел свалить вину на брата Димитрия Константина. Константин был ослеплен, Абулетисдзе вышел на волю. Через пять лет Иванэ и Тиркаш Абулетисдзе отправились в поход на армянский город Двин, которым в то время правил будущий основатель династии атабеков, владевших во второй половине XII века Северо-Западным Ираном, включая большую

часть Азербайджана, Ильдегиз. Однако командовали своей армией они так неудачно, что большинство их воинов попало в плен. Ильдегиз приказал отрубить пленным головы, сварить их и черепа выставить на зубцах крепостной стены, дабы все видели, что будет с теми, кто осмеливается поднять на него руку. Еще через четыре года Абулетисдзе вновь предприняли поход и опять были разбиты, на этот раз одним из мусульманских владетелей Закавказья.

Неудачи и постоянные интриги братьев настолько опротивели Димитрию, что при первой же возможности (а она представилась в 1145 году) он бросил Иванэ и Тиркаша в тюрьму. Иванэ казнили, — видно, обвинения были достаточно серьезны, а Тиркаш бежал к мусульманскому правителю Южной Армении Шах-армепу и, получив от него в управление округ в Араратской провинции, начал совершать набеги на Грузию.

Шла борьба не только между царями и феодалами, но и внутри царской семьи. Сначала против Димитрия поднялся его младший брат Вахтанг, затем старший сын Давид. Грузия превратилась в арену свар и междоусобиц. Наконец Давид победил собственного отца, заставил его отказаться от престола и постричься в монахи.

Давид продержался на троне полгода. Как полагают летописцы, он был отравлен. Вернее всего — собственным братом Георгием. Но занять освободившийся престол при жизни своего отца-монаха Георгий не посмел. Тотчас по получении известия, что Давид умер, Димитрий вышел из монастыря и снова взял в свои руки власть, но через полгода занемог и почувствовал приближение смерти. Слишком уж быстро начинают сменять друг друга грузинские венценосцы. И уж очень близок к престолу столь жаждущий его младший сын Димитрия Георгий.

Но законным наследником престола был не Георгий, а Демна, сын его старшего брата Давида. Перед смертью Димитрий пожелал удостовериться в том, что Демна не будет отстранен. Он созвал всех знатных людей царства и в их присутствии передал власть Демне. Для того чтобы спасти внуку жизнь и сохранить трон, он попросил Георгия стать регентом до совершеннолетия Демны. Однако воспитание Демны Димитрий поручил главе могущественного рода Орбели, бывшего во вражде с царским домом. Георгий поклялся выполнить волю умирающего.

Трудность изучения средневековой истории Грузии заключается в том, что имеется каноническая летопись, в которой все сказано. Это «Картлис Цховреба» — свод, существовавший, очевидно, с VIII века и дополнявшийся до XIII века. Известны и

другие летописи, например хроники, составленные историками царицы Тамары. В этих летописях есть общее: твердая редакторская рука Тамары или близких к ней людей чувствуется в каждой строке. Все лишнее убрано. Всему придана нужная окраска. «Картлис Цховреба», впитавший в себя исторические сочинения предыдущих лет, воспекает великую Тамару, а следовательно, изображает ее отца Георгия (того самого, которому Димитрий отказал в праве на власть) идеальным и мудрым властителем.

В летописях средневековой Руси — громадной страны, где существовало множество самостоятельных государств и еще больше самостоятельных монастырей, — такая редактура была невозможна. Историю Руси XII века можно воссоздать с большой долей вероятности именно потому, что летописи, как и князья, враждуют между собой. О том, что скрывает одна, с удовольствием повествует другая.

Грузия же была невелика, и летописей было немного. Их можно было собрать и отредактировать.

Что же достоверно известно о Георгии, отце царицы Тамары?

Власти (в качестве регента) он достиг в зрелом возрасте. В 1161 году он отвоевал у мусульман Ани и передал его военачальнику Иванэ Орбели. Помощником к нему и градоправителем определил верного своего сподвижника Саргиса Мхаргрдзели. Туда же перевезли мальчика Демну — Иванэ должен был его воспитывать.

Хотя вряд ли Иванэ постоянно жил в Ани. Ведь ему, как полководцу Георгия, приходилось участвовать в походах; к тому же у него были многочисленные владения в других частях Грузии, по размерам не уступавшие царскому домену.

Не забыл Георгий и о горькой судьбе пленных в Двине, которых погубили полководческие просчеты Абулетисдзе. Он взял Двин, перебил в нем всех мусульман, а черепа грузин положил в гробы и приказал мullahам Двина нести их босиком до Тбилиси.

Георгий поддерживал худой мир с Орбели и другими крупными феодалами, а те ждали своего часа — совершеннолетия Демны. Мальчик рос в семье Орбели, и его воспитывали в убеждении, что дядя Георгий — узурпатор. Мало кто верил в Грузии, что Георгий добровольно отдаст власть подростку царевичу, тем более что он, не удовлетворившись званием регента, официально короновался.

Очевидно, в течение семидесятих годов шли сложные переговоры между знатью и Георгием в поисках компромисса. Предполагалось — намек на это находят в поэме Руставели «Витязь в тигровой шкуре» — отдать за Демну дочь Георгия,

царевну Тамару, родившуюся в середине шестидесятых годов. Точная дата ее рождения неизвестна. К 1177 году, когда Демна достигнет совершеннолетия, ей должно исполниться лет двенадцать — для династического брака вполне допустимый возраст. Но здесь могли возникнуть сложности из-за родства — ведь дети были кузенами, требовалось разрешение церкви.

На Демне прерывалась мужская линия царского рода Багратидов. Правда, был еще один Багратид — царевич Давид Сослан из осетинской линии, который воспитывался при дворе, но о его молодых годах мы ничего не знаем.

Переговоры, по-видимому, провалились, и крупнейшие феодалы Грузии, недовольные Георгием, собрались в 1177 году в родовом имении Орбели в Ларбазе, дабы решить, что делать. Речи князей становились все более страстными, призывы к свержению узурпатора — все более громкими. Настолько громкими, что некий, не оставивший в летописях своего имени юноша услышал их и счел необходимым довести до сведения Георгия.

Если юноши и не было, то его следовало изобрести: он появился в очень подходящий момент.

Пока заговорщики совещались и обсуждали, кому и когда выступать, Георгий нанес им решительный удар. Он приказал укрепить Тбилиси, отправил гонцов к кипчакам и стал собирать армию. Узнав о том, что Георгий выступает, заговорщики избрали порочную тактику — оборонительную. И хотя их отряды насчитывали тридцать тысяч воинов, хотя среди них были представители большинства знатных фамилий страны, они чего-то ждали, спорили, ссорились и затем начали перебегать к царю. Первыми это сделали, судя по летописи, Мхаргрдзели, участие которых в заговоре вообще сомнительно: они были в доверии у царя и не потеряли его впоследствии. Георгий тепло встречал перебежчиков и спешил их простить.

Оставшись практически одни, Орбели решили сражаться. Иванэ отправил младшего брата Липарита к Пахлавану, наследнику жестокого атабека Ильдегиза, того самого, что украсил стены Двина черепами грузин; сам же заперся в крепости Лори.

Дальнейшие события были трагикомичны. Каждую ночь со стен крепости спускались веревки, открывались потайные ходы и защитники ее стремились с повинной к царю. Падение Лори было делом ближайших дней. Наступила ночь, когда из крепости сбежал и сам законный царь Грузии Демна. Он пробрался в шатер к дяде, припал к его ногам и поклялся, что был лишь игрушкой в руках Орбели. Георгий был милостив и даже почителен с

племянником и обещал ему прощение. Затем послал гонца к Орбели и велел передать, что простит Иванэ, если тот прекратит сопротивление.

Ворота Лори раскрылись, и оттуда в сопровождении последних верных рыцарей вышел неудачливый заговорщик Иванэ.

Георгий тут же забыл о своем обещании. Он понимал, что сейчас он — господин положения и осуждать его некому: все изъявили покорность. Иванэ был отправлен в тюрьму и там ослеплен. Затем убили его младшего брата Кавтара, зарубили сына Сембата и племянника Синана. Всех женщин, детей и престарелых Орбели утопили или задушили. Демна был также ослеплен, затем оскоплен, а потом вообще пропал. Вероятно, изувеченный юноша был замучен в тюрьме.

Больше соперников не оставалось, прервалась и мужская линия Багратидов.

Кому отдать трон?

И вот тогда произошло необычайное событие — такого в истории Грузии не было. Царь Георгий объявил, что коронует на царство свою дочь, девочку Тамару, и будет отныне править вместе с ней.

Вряд ли кто-нибудь в Грузии одобрил решение царя, но, с его точки зрения, оно было единственно разумным. Он отлично понимал, что в ином случае, когда он умрет, знать не пустит Тамару на престол. А Георгий рассчитывал прожить еще много лет и подготовить все к тому, чтобы после его смерти Тамара престол сохранила.

Готовясь к этому шагу, царь убрал из своего окружения враждебных его планам вельмож и ближайшими своими помощниками сделал вождя кипчаков Кубасара, назначив его главнокомандующим — амирспасаларом, и незнатного дворянина Афридона, возведя его в чин мсахуртухуцеса (главного министра). Эти люди, всем ему обязанные, должны были верно служить Тамаре. Была у царя и еще одна сильная союзница — его сестра Русудан.

В начале пятидесятых годов Русудан просватала за великого князя Киевского Изяслава Мстиславича, который решил породниться с грузинским царем. Изяслав был уже в летах, жизнь он провел в бесконечных войнах, сражаясь с братьями за киевский престол, входя в союзы то с венграми, то с поляками, то с чехами, то с половцами. Основным его соперником был дядя — Юрий Долгорукий.

Грузинская царевна совершила долгое путешествие через Грузию, затем по Черному морю, по Днепру, пока не оказалась в

1153 году в громадном, кипящем Киеве.

Свадьба несколько раз откладывалась из-за походов, в которые спешил Изяслав. Но наконец летом 1154 года ее сыграли, и новая великая княгиня воцарилась в княжеском тереме.

Этот брак оказался недолговечен, и в истории Руси Русудан следа не оставила: через несколько месяцев после свадьбы Изяслав умер. Его бездетная молодая вдова спустя некоторое время решила вернуться домой: в Киеве ей было неуютно и одиноко. Ее никто не удерживал: за Киев уже боролись другие князья.

Возвратившись в Грузию, Русудан жила у брата. В одной из грузинских летописей говорится, что она совершила еще одно путешествие — в Иран, где вышла замуж за какого-то из сельджукских владетелей. Так или иначе, в последние годы правления Георгия она жила в Тбилиси и воспитывала свою племянницу Тамару. Связи с Русью у нее сохранились. И русский язык ей был, возможно, знаком.

После вторичной совместной коронации Георгий не удалился от дел, а продолжал активно править страной и старался держать знать в узде. Дочь росла, и царь много внимания уделял ее образованию и воспитанию. Его рискованный план удался в первую очередь потому, что он прожил после воцарения Тамары еще шесть лет, и к моменту его смерти в 1184 году Тамаре уже было около двадцати, и последние годы она участвовала в управлении государством.

И вот царица Тамара осталась одна.

На неустойчивом троне, окруженная тайными и откровенными недоброжелателями, а то и врагами.

Вряд ли кто мог предположить, что она останется на троне почти четверть века и превратит Грузию в могучее государство.

Тамаре помогло то, что на ней кончалась линия грузинских Багратидов. И если на Руси Рюриковичей было хоть пруд пруди, то грузинские вельможи, которым приходилось в 1184 году решать, оставить ли трон Грузии женщине, пусть даже официально коронованной, должны были считаться с фактом, что царственных по крови реальных претендентов на престол не было. Правда, при дворе (а может быть, в ссылке) жил царевич Давид Сослан, но он не имел поддержки и, очевидно, не рвался к власти.

Царь Георгий не зря посадил рядом с собой на трон статную, красивую девушку^[13] — он учил ее править страной. После подавления мятежа сторонников Демны он уничтожил главарей оппозиции. Рядом с Тамарой оставались верные люди, и первой

из них была ее тетка Русудан.

И все же воцарение Тамары прошло совсем не так гладко, как надеялся ее отец. Оппозицию составили крупные феодалы-дидебулы, к которым принадлежал и католикос Микаэл Мариапидзе. Они желали вернуть себе власть, отобранную Георгием, который после мятежа Демны старался опираться на мелких дворян, а то и на безродных и потому верных помощников.

Но за годы относительно спокойной жизни в Грузии поднялся и окреп слой состоятельных горожан, которые тоже хотели власти. Города, как и везде, противостояли феодалам. И также стремились посадить на престол своего человека.

Первый удар наносят дидебулы. Они требуют новой коронации, доказывая, что проведенная Георгием была недействительна без их санкции. Тамара вынуждена согласиться на это.

Тогда дидебулы начинают добиваться смещения самых верных помощников Тамары — Кубасара и Афридона. Дидебулы не желают им подчиняться. Тамара, скрепя сердце, соглашается и на это.

Дидебулы полагают, что Тамара у них в руках. Но борьба вокруг трона продолжается. Приходит очередь главного казначея Кутлу Арслана. Он выступает в качестве «гласа народного», то есть зажиточного городского населения и купцов. Он требует создания в Исани (царская резиденция на окраине Тбилиси, где теперь находится район Авлабар) нового учреждения — карави, который стоял бы выше дарбази — государственного совета, включал бы представителей сословий и держал бы в своих руках действительную власть. При этом царице запрещается присутствовать на заседаниях карави. Она должна будет лишь выслушивать его постановления и подчиняться им. Тут уж поднялись на дыбы дидебулы. Узкий круг вельмож намеревался править страной, используя царицу как ширму, но не желал делить власть с мелкими дворянами или купцами.

Тамара проявила талант стратега. Она сумела опереться на дидебулов и арестовать Кутлу Арслана. Горожане — а в Тбилиси сторонников Кутлу Арслана, видимо, было немало — окружили ее дворец. Толпа гудела, требуя освобождения вождя и выдачи вельмож.

Тамара и здесь не растерялась. Зная, насколько глубоко развито в Грузии уважение к матери, она попросила двух знатных старух, Кравай Джакели и Хошак Цокали, выйти к бунтовщикам и уговорить горожан отказаться от насилия.

Кутлу Арслан был освобожден, но власть фактически

перешла к вельможам — к дарбази и католикосу. Отныне все решения должны были приниматься «совместно с дидебулами и по согласной их воле».

И тут Тамара делает умный политический ход. Она выписывает из Иерусалима бывшего католика Николая, побежденного в свое время Микаэлом, и созывает церковный собор. О Николае летописец Тамары Васили осторожно сообщает, что он «по скромности в свое время бежал от сана картлийского католика». Тамаре надо убрать властного Микаэла, одного из столпов княжеской партии, так как католикос был одновременно и канцлером.

Хронист, рассказывая об отчаянной борьбе, проходившей на соборе между Николаем и его главным союзником Антонием, архиепископом Кутаисским, с одной стороны, и Микаэлом с его сторонниками — с другой, пишет: «Руководители собрания Николай и Антоний не пожелали, чтобы в их среде пребывал тогдашний картлийский католикос, потому что стал он допускать вещи, совсем искажающие церковные правила, и коварством получил от господина власть канцлера. Но не смогли отлучить, хотя и много потрудились. А из прочих епископов многие были смещены, и вместо них посадили божьих людей...»

Молодая царица присутствовала на этом соборе. Кипели страсти — на католика и его сторонников сыпались обвинения чуть ли не в безбожии. Старец Николай, проделавший ради этого боя трудный и далекий путь из Иерусалима, потерпел поражение. За Микаэлом стояли дидебулы, а многие епископы были с ними в близком родстве.

Тамара не добилась решительной победы, но это сражение, одно из первых, которое ей пришлось вести, было не бесплодным. Ей удалось изгнать из епархий наиболее одиозных, проворовавшихся и разложившихся епископов, которые получили эти места, потому что принадлежали к знатнейшим семьям царства. А ведь они были духовными феодалами и владели лучшими землями. Этот шаг сразу увеличил популярность Тамары. Что же касается Микаэла, то Тамаре еще несколько лет пришлось ждать его смерти.

Затем последовали новые назначения на важнейшие должности в государстве, которые тоже были результатом компромисса. Главным казначеем вместо Кутлу Арслана стал Варданисдзе, амирснасаром — Саргис Мхаргрдзели, мсахуртухуцесом — Чиабер. Сыновья Мхаргрдзели также получили высокие должности.

Царство Тамары, занимавшее почти все Закавказье, было государством христианским. И служили царице христиане. Они

могли быть грузинами, курдами, армянами или осетинами, но все вместе ощущали себя христианами в противопоставлении миру ислама. Внутри же системы различалась независимо от национальности принадлежность к тому или иному течению в христианстве. Это положение отлично иллюстрируется в случае с братьями Мхаргрдзели. Отцом своим Саргисом они были воспитаны в лоне армянской церкви. В грузинской державе достигли высочайших постов. Оба стали заметными фигурами как в грузинской, так и в армянской истории. И сохранились свидетельства о них как грузинского, так и армянского летописца того периода.

Вот что пишет грузинский историк Басили: «Призвали двух сыновей амирспасалара Саргиса Мхаргрдзели — Захарию и Иванэ, людей мудрых, мужественных, хорошо испытанных к тому же и, по родовым преданиям, верных царям, за что Мхаргрдзели были сильно любимы дедами Тамары, также и отцами... эти люди достойны быть людьми, хотя они по вере были армяне... Иванэ был прекрасным знатоком Священного писания, в силу чего постиг всю кривизну веры армян, перекрестился и стал истинным христианином».

Оценка ясная. Оба достойны, но Иванэ более достоин, ибо грузин верой.

Вот что пишет армянский летописец Киракос Гандзакечи: «... имя первого было Закарэ, а второго — Иванэ. Это были люди храбрые, могущественные владетели, бывшие в почете у царицы грузинской...Иванэ впал в ересь халкедонскую, в которую повержены были грузины, ибо он, очарованный царицей, полюбил славу людскую больше, чем славу божью; а Закарэ остался верен православию,^[14] которое исповедуют армяне».

Опять же оба достойны, но Закарэ более достоин, ибо верой — армянин.

Впрочем, все это не мешало братьям верно служить Тамаре и много лет сражаться рядом.

Мать Тамары была осетинкой, а второй муж — более осетином, чем грузином. Но неправомочно утверждать, что после Тамары престол Грузии занимали осетины. Характеры рождались осознанием принадлежности к этносу и воспитанием. Русский князь мог быть на три четверти половцем, от этого он не переставал быть русским князем. Тем более проблема национальности не играла роли в династических браках.

Это соображение важно, когда переходишь к следующему этапу в жизни Тамары, к следующей схватке за власть в Грузии — к истории с ее замужеством, темной и запутанной, о которой летописцы говорят туманно, словно о наваждении.

Чтобы лучше понять суть этих событий, полезно вспомнить, что кроме летописей эпоха Тамары оставила нам величайшее произведение грузинской литературы, написанное гениальным поэтом Шота Руставели, «Витязь в тигровой шкуре».

Как начинается поэма «Витязь в тигровой шкуре»?

С восхваления царицы Тамары.

Это странное восхваление. Оно противоречиво, словно противоречиво отношение Руставели к царице.

Воспоем Тамар-царицу, почитаемую свято!
Дивно сложенные гимны посвящал я ей когда-то.
Мне пером была тростинка, тушью — озеро агата.
Кто внимал моим твореньям, был сражен клинком
булата.

Мне приказано царицу славословить новым словом,
Описать ресницы, очи на лице агатобровом,
Перлы уст ее румяных под рубиновым покровом, —
Даже камень разбивают мягким молотом свинцовым.

.....

Той, кого я раньше славил, продолжаю я гордиться.
Я пою ее усердно, мне ли этого стыдиться!
Мне она дороже жизни, беспощадная тигрица.
Пусть, не названная мною, здесь она отобразится!^[15]

Есть определенные законы панегирика. Особенно если он предшествует поэме, основная тема которой — любовь. Объект панегирика должен быть возвышен и безупречен, тем более если речь идет о царице. На первое место выступают ее ум, мудрость и милосердие. Женские прелести воспеваются куда скромнее, дабы не преступить границ. Таковы и были оды, созданные поэтами средневековой Грузии. Таков и стиль летописей. Хронист сообщает о бурном начале ее царствования: «Возвысив свой ум, со смиренной душой узрела тяжесть ей порученного дела и, направив взоры к своему небесному руководителю, стала управлять, как то внушал ей святой дух».

Образы Руставели рождают тревожную картину. Служители, сраженные клинком булата, сравнение царицы с беспощадной тигрицей... Никакого смирения: Руставели воспекает яростную воительницу.

Есть соблазн рассматривать поэму Руставели как рассказ о событиях в Грузии в молодые годы царицы Тамары. Этот соблазн

не минул некоторых историков. Крайнюю точку зрения выразил А. Дандуров в книге «Шота Руставели». Для него поэма — политический памфлет, в котором лишь заменены имена. Руставели — Автандил, Давид Сослан — Таризэл, Юрий Суздальский — Фридон, Тамара — Нестан-Дареджан. Движение поэмы — это движение истории Грузии.

На такую точку зрения становиться опасно. Она всегда будет неправдой, потому что поэт, тем более великий, создает свой мир, а не маскирует псевдопимами мир окружающий. Но если такая точка зрения существует в XX веке, то нет сомнения, что подобные мысли возникали и в головах современников Руставели. Они читали о молодой царице, а на престоле в Тбилиси сидела молодая царица. Они читали о проблеме жениха для Нестан-Дареджан, а царица Тамара никак не могла решить своих матримониальных проблем. Даже если Руставели и сам не подозревал о таких ассоциациях, это не могло остановить окружающих от поиска их. А его врагов — от того, чтобы толковать их как политические выпады.

Примем к сведению, что любое большое произведение литературы питается соками окружающей действительности.

Поэма начинается с ситуации, которую просто невозможно не связать с грузинской, — с размышлений старого царя о том, кто займет престол после его смерти. Ведь у него только дочь. И когда он решает короновать ее, вельможи соглашались на это. И затем царь возлагает корону на голову Тинатин, хотя сам еще здравствует. Можно перекопать всю историю Грузии и соседних стран: такая ситуация возникла лишь однажды.

Царю верно служит молодой полководец Автандил, влюбленный в Тинатин. Когда однажды старый царь и Автандил встречаются на охоте загадочного печального рыцаря в тигровой шкуре, который затем исчезает, царь рассказывает об этом дочери. Тинатин заинтригована настолько, что хочет любой ценой того человека отыскать. И она посылает на его поиски Автандила на целых три года, обещая за это свою верность. Влюбленный отказаться не смеет: царица не дает ему никакого выбора. Автандил подчиняется.

И тут же эта ситуация проигрывается поэтом вновь. На другой паре возлюбленных.

Появляются царица Нестан-Дареджан и безнадежно влюбленный в нее рыцарь Таризэл.

И снова очень трудно не увидеть в царице Тамару. Хотя берется иной срез ее судьбы — замужество.

Таризэл, полководец отца Нестан-Дареджан, узнает, что тот выбрал ей жениха — наследника хорезмийского престола.

Таризэл покоряется решению царя, так как сознает, что ему с хорезмшахом не соперничать, да и соображения государственные ему понятны.

Он-то покоряется. Но не царевна. Узнав о женихе, она тут же принимает меры. Сначала вызывает Таризэла и обвиняет его в предательстве. Перед нами тигрица, которая добивается своей добычи. Оправдания Таризэла, рассуждения о чести и интересах державы ее не интересуют. Она уже решила за него: он убьет жениха.

Таризэл — влюбленный рыцарь, не думающий о последствиях. Если еще пять минут назад он был верным подданным царя, сейчас он обезумел. Он немедленно решает убить жениха и всех, кто с ним придет. Нестан-Дареджан добила своего. Но она куда разумнее, чем рыцарь. Она приказывает ему убивать, но не желает, чтобы Таризэл для этого собирал дружину, устраивал войну и привлекал внимание к ней, вдохновительнице убийства. Все должно быть сделано иначе — тонко, тихо.

«Сделай так, герой отважный, наделенный силой
львиной:

Жениха убив украдкой, не сражайся ты с дружиной.

Ты его единоверцев не равняй с простой скотиной, —

Сердце вынести не в силах этой крови неповинной».

Непонятно, в чем же вина хорезмийского принца. Едет он по приглашению царя, не подозревая, что у принцессы иные жизненные планы, едет мирно, открыто. К тому же царевна отказывает Таризэлу в праве на рыцарский поединок, на открытый и честный бой. Она велит ему зарезать гостя тайком.

Таризэл не видит нелогичности поведения царевны. Он готов на все, потому что любит. Любовь же Нестан-Дареджан может вызвать сомнения. Уж очень ее действия расчетливы.

Странность этой ситуации всегда вела к поискам аналогий. А. Дандуров предположил даже, что Руставели здесь говорит об убийстве Георгием царевича Демпы, которое расчистило Тамаре дорогу к престолу. Хотя такие рассуждения кажутся необязательными, вопрос о том, насколько Руставели одарил тигрицу Нестан-Дареджан характером тигрицы Тамары, конечно, встает.

Хорезмийский принц приезжает. В государстве радость. Царь, полностью доверяя Таризэлу, посылает его встретить хорезмийца и позаботиться о его удобствах. Хорезмийцу устраивают лагерь за городом.

Таризэл медлит. Сам он объясняет промедление усталостью:

«Все, что надобно, исполнив, я к себе вернулся в дом.
Утомившись на приеме, я хотел забыться сном».

Странное признание для убийцы, горящего желанием поскорее расправиться с соперником.

Тариэл ложится спать, но тут же появляется служанка Нестан-Дареджан, которая поднимает его и ведет к царевне. Та в гнев: почему Тариэл до сих пор не выполнил ее приказания?

— «Что ты ждешь? — она спросила. — Разве жертва не готова?

Иль опять меня забыл ты? Иль обманываешь снова?»

Тариэлу ничего не остается, как приняться за черное дело.

Он собирает сотню молодцев и с ними спешит к лагерю хорезмийцев. Так как именно Тариэл отвечает за безопасность гостя, его пропускают в шатер, где спит принц. Тогда Тариэл хватает несчастного юношу за ноги и ударяет головой об столб. Принц мертв, а Тариэл спасается бегством в собственный замок.

Сюжет поэмы получает два толчка. Тинатин посылает Автандила на поиски рыцаря; Нестан-Дареджан заставляет Тариэла убить жениха. Обе девушки вправе распоряжаться уступающими им по положению возлюбленными. Оба рыцаря подчиняются. Молодые тигрицы так сходны, что кажутся одним портретом, лишь под разным углом зрения написанным.

Царь посылает к замку Тариэла послов. Те осыпают витязя справедливыми упреками. Царь задает через них Тариэлу вопрос, который давно уже вертится на губах у читателя:

«Ты зачем мой дом, безумец, этой кровью запятнал?

Если дочь мою любил ты, отчего мне не сказал?

Престарелый твой наставник, от страданий я устал...»

И в самом деле — зачем? Затем, что так пожелала тигрица. Затем, что мужчины Руставели не смеют отказать любимым.

Тариэл не находит ничего лучшего, как заявить послам, что он не желает жениться на Нестан-Дареджан, что он хозяин в своем замке и претендент на царский трон.

Все это нелогично. Зачем молодому человеку, который должен себя чувствовать виноватым, грозить благодетелю и отказываться от любимой?

И еще одна странность.

В самом начале поэмы вскользь сообщается, что девочкой Нестан-Дареджан отдали на воспитание сестре царя, по имени Давар. Потом об этой Давар все забывают. Но вдруг становится известно, что гнев царя обрушился не столько на убийцу, сколько на собственную сестру — за то, что она допустила роман Таризэла и Нестан-Дареджан. Таризэл сидит спокойно в своем замке, Нестан-Дареджан как ни в чем не бывало пребывает во дворце, а виновной объявляют сестру царя.

Та клянется в своей невиновности и обращается к Нестан-Дареджан со словами:

«Ты, блудница, амирбара на убийство навела!
Почему должна я кровью за твои платить дела?..»

После этого она организует похищение царевны. И послушные тетке черноликие рабы увозят Нестан-Дареджан за море. И она исчезает.

Узнав об этом, Таризэл бросается искать Нестан-Дареджан, не находит, погружается в отчаяние и удаляется в пустыню.

Новый персонаж — тетка и воспитательница Нестан-Дареджан, которая разлучает царевну с ее любимым, — также, разумеется, вызывал у читателей ассоциации. Ведь рядом с Тамарой находилась ее тетя Русудан, которой царь Георгий оставил свою дочь. Русудан играет важную роль во всех делах первых лет царствования Тамары. Если идти следом за Руставели, то — двоякую и скорее отрицательную.

И тут новое раздвоение. Уже понимаешь, что почти у каждого основного персонажа есть в поэме двойник, который чуть иначе проигрывает одну и ту же тему. Есть два старых царя, есть две дочери-царевны, есть два рыцаря — исполнители воли своих возлюбленных. И обнаруживается, что есть две тетки. Одна — Давар, которая похищает Нестан-Дареджан. Вторая — Дулардухт.

Что это за злодейка?

...В Каджети правил хороший царь.

Пораженный злым недугом, умер он в години эти.

Много льется слез сиротских без него на белом свете.
У сестры его, царицы, все его остались дети.

Дулардухт — сестра царева, величава, как скала.
И никто ее дружине причинить не смеет зла.

Двух сирот, Росана с Родьей, под присмотр она взяла.

И, воссев на трон Кадшети, правит царские дела.

У нее сестра внезапно где-то за морем скончалась...

Информация, полученная из этих строф, удивительна. Во-первых, повторяется ситуация с царем, который, уходя в мир иной, оставляет детей своей сестре. Во-вторых, оказывается, что эта женщина имеет за морем родную сестру, которая умирает. Кто умер? Давар, тетка Нестан-Дареджан, покончившая с собой. Если это так, то со смертью одной тетки ее функция переходит к другой. То есть Дулардухт — тоже тетка Нестан-Дареджан.

Что делает Дулардухт, увидев Нестан-Дареджан, которая, того не ведая, попала в Каджети? Тут же начинает устраивать ее судьбу. Она решает отдать ее за своего племянника Росана. Опять сватовство, опять разлука с любимым.

Кто живет в Каджети? Руставели словно забыл, как только что уважительно говорил о покойном их государе. Каджи — это плохие люди, настолько плохие, что возникает вопрос, не злые ли они духи. Но Фатьма, которая добыла для Автандила сведения о Нестан-Дареджан, объясняет ему:

«Каджи — это те же люди, только, тайнами владея,
Каждый кадж напоминает колдуна и чародея.
Ослепить он нас сумеет лучше всякого злодея,
И сражаться с ним, проклятым, бесполезная затея...»

То, что каджи оказались людьми, а не духами, радует Автандила, так как он убежден, что втроем — с Таризлом и Фридоном — они смогут взять штурмом цитадель каджей и освободить Нестан-Дареджан. За столь приятные новости он дарит свои ласки плебейке Фатьме, полагая, что иметь любовницу во время исполнения приказа царицы простительно, если любовница помогает этот приказ исполнить.

Кульминация поэмы — штурм крепости каджей и освобождение Нестан-Дареджан. Три друга разят каджей беспощадно — никого не оставляют в живых. Только истребив обитателей горных замков, они добывают свободу царевне.

Да, это сказка, ведь настоящая царица Тамара никогда не была в плену у каджей и ее тетка не кончала жизнь самоубийством.

А если это не каджи? Если за образами каджей скрываются реальные враги Тамары, желавшие через брак лишить ее свободы и разлучить с тем, кого она любит?

Допущение, рождающее исторические ассоциации.

И не только у нас.

Теперь наступило время вернуться в Тбилиси 1186 года.

Исторических сведений о тогдашних событиях чрезвычайно мало. Есть только отдельные факты, которые для летописцев настолько невыигрышны, что они говорят о них походя, с сожалением.

Но очевидно, что за трон Тамаре пришлось платить. Отстранением помощников, оставленных в наследство отцом, ограничением собственной власти, отступлением перед католиком, уступками горожанам. Утешение лишь в одном: противники царицы ненавидят друг друга, так что каждая из партий нуждается в Тамаре.

Прошло слишком мало времени для того, чтобы Тамара смогла найти средства бороться с осаждавшими ее советчиками. А времени ей не дают. Кончился траур по царю Георгию. Тамаре больше двадцати. По нормам той эпохи, она почти старая дева. Формальных оснований для отказа от брака у Тамары нет. И именно вопрос о браке становится пробным камнем на новом этапе борьбы за то, кому править страной — дидебулам, тетке Русудан или молодой Тамаре.

По преданиям, претенденты на руку Тамары уже появлялись. В их числе сын византийского императора Мануила (легендарная фигура, так как Алексей уже убит, а других сыновей у Мануила не было), антиохийский князь Боэмунд, сын эмира Гранады, специально перешедший для этого в христианство, и два осетинских князя. Вернее всего это апокриф. На самом же деле найти жениха для Тамары совсем не так просто. Жених должен быть из знатного рода, желательно царского. Он должен принести с собой выгодный политический союз. Он должен быть послушен партии дидебулов, следовательно, важно, чтобы он был чужаком при грузинском дворе. Сомнительно, чтобы в тот момент можно было обратиться к Византии: только что в Тбилиси прибыли спасенные из Константинополя внуки Андроника. В Византии об этом известно, и Исаак Ангел, по-видимому, не слишком доволен вмешательством Грузии в византийские дела. Иерусалимское королевство и латинские княжества находятся в тяжелейшем положении — неизвестно, что их ждет в самые ближайшие годы. Остаются Киликийская Армения и Русь. С более далекими западными странами нет постоянных связей, да и политический союз с ними, например с Англией, бессмыслен.

Можно предположить, что для Тамары ее будущий брак был совсем не политической проблемой. Все летописи, все предания,

наконец, Руставели в своей поэме говорят о том, что в Тбилиси живет молодой человек, с которым Тамара вместе росла, дальний ее родственник, осетинский царевич Давид Сослан. Он — Багратид, но вряд ли выгоден дидебулам. Он и Тамара любят друг друга, значит, этот брак приведет к усилению Тамары; не исключено, что у Давида есть свои сторонники, подобные Руставели, — партия самой Тамары.

Жених, которого находят дидебулы, отвечает их расчетам и скорее всего выбран именно теткой Русудан и ее партией.

На Северном Кавказе, возможно в городе Сунджа, у половцев, скрывается изгнанный своим дядей Всеволодом Большое Гнездо из родового княжества законный наследник владимиро-суздальский, бывший князь Новгородский, сын Андрея Боголюбского Юрий Андреевич. Прошло уже несколько лет, как он вынужден был бежать с Руси. Сведения о нем скудны и противоречивы. Не исключено, что он побывал в Константинополе, вполне вероятно, имеет половецкую дружину.

Происхождения он самого лучшего. Но не это главное — по мужу он родственник тетке Русудан. И достаточно близкий. Ведь она была женой двоюродного брата его отца.

Сопротивлялась ли этому решению Тамара или покорилась ему — летописи не говорят. Героиня Руставели сопротивлялась отчаянно.

Но решает дарбази. За Юрием Андреевичем отправляют богатого купца Занкана Зорабабела. Юрий согласен. И он едет в Тбилиси.

События последующих недель — материал для исторического романа. Властная тетка, русский князь, десять лет искавший пристанища у чужих очагов, могучие дидебулы, вынужденная покориться гордая Тамара, ее друзья, в том числе молодой Руставели, и осетинский царевич, который во время свадебных торжеств неожиданно покидает Тбилиси.

Тамара снова терпит поражение, но с каждым поражением она делает шаг к зрелости, она учится терпеть, она готовит свою победу, и можно лишь преклоняться перед силой молодой женщины, которая сумела и конце концов всех одолеть. И верить не панегирикам, не авторам приглашенных летописей — веришь Руставели. Тигрица затаилась.

Юрий Андреевич, которого в Грузии звали Георгием, был человеком неординарным. Молодость свою он провел в походах, ему приходилось править Новгородом, воевать с дядями, терпеть поражения, ныне же он — князь без княжества, кондотьер. Когда грузинские летописцы пишут о нем презрительно и перечисляют его грехи, они забывают, что два года, проведенные им в Тбилиси,

он почти все время был в походах и первые победы грузинского оружия при Тамаре связаны, в частности, и с его именем. И никто из летописцев не говорит, что он был труслив или слаб в бою.

Но его брак с Тамарой — фикция. Тигрица скорее всего не допускает к себе нелюбимого мужа. Детей у них нет. Да и Юрий не балует Тамару вниманием. Он начинает строить собственные планы: он намерен остаться в Грузии, но быть не принцем-консортом, а царем. И для этого он сколачивает свою партию. Неизвестен расклад сил при дворе, неясно, какую роль играет Русудан, по Юрий становится опасен для правящих страной дидебулов.

Опасен он тем, что сближается с провинциальными феодалами, оппозиционными столичной знати, тем, что имеет тесные связи с половцами, тем, что пользуется поддержкой Византии.

И тогда Тамара понимает, что пришел ее час.

Она объединяется с вельможами, обиженными Юрием. Ей удается добиться большинства в дарбазе, и вельможи, воспользовавшись тем, что Юрий в столице один, арестовывают его, объявляют брак с Тамарой недействительным, выдвигают против Юрия ряд обвинений, призванных замаскировать истинные причины падения князя: грубость по отношению к царице, содомский грех, пьянство — и высылают его из страны. Брак Тамары — плен у каджей — продолжался два с половиной года.

Тамара уже не та, что была когда-то. Она нашла союзников, оппозиция потеряла единство, тетка ее потерпела поражение, ибо потерпел поражение ее ставленник. К тому же успешная государственная деятельность сильно укрепила авторитет молодой царицы. Она красива, она умна, она привлекательнее спесивых дидебулов.

И не исключено, что Руставели уже читает вслух главы «Витязя» и они разносятся по стране...

Нам известны результаты поступков, о движущих силах мы только догадываемся. Но как только Юрий покидает Грузию, в Тбилиси появляется Давид Сослан. Тамара объявляет дидебулам и народу, что намерена выйти замуж за любимого человека.

Юрий еще не добрался до Константинополя, где он ищет поддержки у императора, как торжественно сыграна свадьба. Казалось бы, конец романа.

Но Юрий не успокоился.

Он имел царство, потерял его и считает, что может его вернуть.

Кто его соперница? Слабая женщина.

В 1191 году, после долгих сношений с недовольными вельможами, Юрий с отрядом появляется в пределах Грузии. Его ждут. Южные провинции присоединяются к нему. Губернаторы Самцхе и Имеретии ведут к нему свои войска. Дидебулы, прижатые Тамарой, спешат к нему. Конфликт между царицей и крупными феодалами, который таился пятнадцать лет под пологом переговоров и интриг, вырывается наружу. И чем шире оказываемая Юрию поддержка, чем ближе его войска к столице, тем более растеряны советники царицы — каджи, сторожащие ее. Они уже потеряли значительную часть власти и теряют остатки ее с каждым мгновением. Мятеж Юрия Андреевича в чем-то подобен восстанию Демны. Он оказывается нужным не мятежнику, а государю. Восстание Демны позволило Георгию уничтожить крупных феодалов, которые выдвигали Демну как знамя. Мятеж Юрия позволил Тамаре сделать то же самое с новым поколением феодалов. В отличие от Руси Грузия не развалилась на княжества, к чему стремились вельможи.

Вести, достигающие столицы, тревожны. Юрий занял Кутаиси. Юрий в городе Гегути коронован царем Грузии. Юрий взял Гори. Юрий подходит к Тбилиси.

И тогда Тамара приняла на себя командование войском. С ней рядом Давид Сослан и братья Мхаргрдзели, будущие командиры ее победоносных армий. Тамара, оставив лишь заслоны перед Тбилиси, повела армию в тыл Юрию, в Самцхе — центр восстания. Она столь быстро захватила эту область, что Юрий был вынужден остановить наступление. Он лишился своей базы, да и отряды его, набранные на юге, отказывались двигаться вперед, когда в их родной земле уже хозяйничало войско Тамары.

Юрий повернул назад, и в долине Нигала, в верховьях Куры, произошло решительное сражение. Юрий был разбит. И попал в плен.

Тамара была милостива к побежденным. Она обошлась без казней, ибо понимала, что ее победа над Юрием — победа над феодалами, даже если они остались живы. Юрий был вновь выслан из страны. Впоследствии он сделает еще одну неудачную попытку вернуться, но к тому времени Тамара будет столь сильна, что выступление провалится в самом зародыше, и после этого Юрий исчезнет из истории.

С тех пор и до самой своей смерти в 1207 году^[16] Тамара правит Грузией самодержавно. Власть Грузии распространяется от Черного до Каспийского моря, в вассальную зависимость от нее попадают мусульманские государства Закавказья. В войнах с соседними монархами Тамара всегда берет верх. Сельджуки собирают против Грузии громадное войско, чтобы остановить

христианскую царицу и вернуть утерянные армянские и азербайджанские земли. В 1195 году произойдет грандиозная Шамхорская битва. Армией Тамары будет командовать Давид Сослан. Объединенное войско сельджуков будет наголову разгромлено.

В могучем государстве, окруженная покорными вельможами и епископами, поющими славу царице поэтами, Тамара будет править твердо и разумно. Несчастья и унижения молодости отойдут в прошлое.

Но о них напоминают строки «Витязя в тигровой шкуре».

Шота Руставели — одна из самых загадочных фигур средневековья. Потому что о нем почти ничего не известно.

Можно возразить: мало что известно о Низами и даже о Шекспире, хотя они фигуры не менее значительные, чем грузинский поэт. Но разница есть. Шекспир для его современников — простой актер, социально человек незначимый. И когда Шекспир закончил выступать и соответственно писать (так как он не считал себя литератором, а поставлял пьесы для театра и вне его себя не мыслил), для современников он канул в небытие. Истинное величие Шекспира стало очевидно лишь через много лет после его смерти.

То же самое можно сказать о Низами.

Если бы Низами, подобно другим поэтам тех времен, прилепился к могучему и славному царскому двору и получил бы — а это случалось с другими поэтами — придворную должность, мы бы знали о нем куда больше. Но он сознательно предпочел жить в провинциальном городе, занимаясь каким-то неважным, с точки зрения летописцев, делом, у него всегда возникали проблемы, кому посвятить ту или иную поэму. Покровителей приходилось искать на стороне, порой далеко от дома. Даже восхищаясь его поэмами, шахи и эмиры, жившие в сотнях километров от Гянджи, мало интересовались биографией Низами. Для Гянджи Низами не стал при жизни престижным явлением.

Иное дело Руставели.

Он дожил до старости в государстве, которое лишь недавно вернуло себе силу и которое противостояло мусульманскому Востоку, стремившемуся поглотить Закавказье.

В Грузии, как и в Армении, относительно широкое распространение получила грамотность, и для читателей, от царя до монаха, литература, имевшая давние традиции, ощущалась как путь к сохранению духовных ценностей, в первую очередь христианских.

В Армении в XII веке жили талантливые писатели. Одним из

наиболее ярких был Нерсес Шнорали, известный под именем Благодатного. Он происходил из княжеского рода и с 1166 года был католикосом Киликийской Армении. Он был политиком, поэтом, публицистом, историком, композитором, философом и даже фольклористом (он выпустил сборник загадок). Все ему было по плечу, все удавалось. В. Брюсов вообще считал, что Шнорали в поэзии настолько обогнал свое время, что ближе всех стоял к Верлену. Многие из того, что было создано Шнорали, пропало в последующие мрачные века, и все же мы знаем и даты, и обстоятельства его жизни.

От него до нас дошли «служебные» документы — его духовные послания пастве. Поводом для создания его самой знаменитой поэмы — «Элегии на взятие Эдессы», горького рассуждения о судьбе народа и человечества, — послужило падение созданного крестоносцами княжества Эдесса в 1144 году, когда мусульмане, захватив город, перебили там почти всех христиан. Среди защитников Эдессы был племянник Шнорали, который и рассказал ему о том, что происходило во время штурма.

Мы знаем о Шнорали недостаточно, но все же жизнь и творчество его восстанавливаются по известным нам вехам.

Шнорали при всем его таланте остался в своем времени: его поэмы и послания, умные и глубокие, все же не стали явлением всемирного масштаба. Руставели — феномен иного порядка. Это гений всемирный, образы и строфы которого живы сегодня и будут волновать завтра, как и трагедии Шекспира.

И притом — абсолютная биографическая пустота.

Напрашивается простое объяснение: Руставели, как и Низами, скромный отшельник, низкого происхождения, проводивший жизнь в тиши деревенского уединения.

Ничего подобного. Сегодня принято считать, что он одно время был мечурчлетухуцесом, то есть главным казначеем Грузии. Об этом есть сведения в документах грузинского монастыря Святого креста в Иерусалиме. Возможно, его рукой сделана свидетельская запись под грамотой Шио-Мгуимскому монастырю от 1191 г., сразу после подписей Тамары и католикоса и перед подписями князей Орбели: «Я, Шота, в моем владении в Жиновани это утверждаю...» Другой Шота в Грузии того времени, столь высокий по рангу, вроде бы неизвестен.

То есть мы имеем дело с вельможей.

И этот вельможа, о котором, даже если бы он не написал ни строчки, мы должны были бы знать что-то из летописей, исчез.

Для нас (как, может быть, и для большинства читателей) «Витязь в тигровой шкуре» — вершина западного рыцарского

романа, достигнутая не на Западе, шедевр восточной сказки, рожденный в христианском государстве, апофеоз гуманизма и идеалов Возрождения, появившийся на свет за века до самого Возрождения. Для нас это — Литература.

А если вернуться в XII век?

А если далеко не всеми «Витязь в тигровой шкуре» был воспринят как великий взлет авторской фантазии? А если сам автор не считал своей целью создавать именно фантазию?

Руставели — поэт. Не столь знаменитый в свое время, как Чахрухадзе и Шавтели — слагатели од. Но в отличие от прославленных поэтов Руставели гениален.

Сам он этого, разумеется, не знает: кто мог ему сказать?

Он пишет поэму о том, что у женщины не меньше прав руководить людьми, чем у мужчины, что Георгий имел все основания отдать престол дочери, так как «два щенка равны друг другу, будь то самка иль самец».

Но Руставели не одописец — он попадает под власть своего творения. Поэма разрастается в грандиозный роман, в ней живут и страдают разные люди, и даже прототип Тамары, Нестан-Дареджан, раздваивается, обретая одновременно и облик Тинатин. А на первый план выходит гимн великой любви и высокой мужской дружбе.

Можно предположить, что писалась поэма в самые бурные годы — в период упрочения власти Тамары. Вполне вероятно, что брак ее с русским князем Юрием отразился в рассказе о смерти жениха от руки Автандила; Юрий был жив, но Руставели убил его, ибо так было лучше для Грузии.

Вернее всего, когда поэма была завершена и Тамара прочла ее, она была рада. Поэма разнеслась по Грузии, и каждый видел, что речь в ней идет не только о великой любви и верной дружбе, о рыцарстве и благородстве — речь идет о молодой царице, которая вправе быть великой.

Допустимо, что Руставели становится другом и доверенным лицом Тамары. И, может быть, именно тогда поднимается до высокого государственного поста. Все они молоды — и царица, и ее друзья. И даже язычество поэмы не смущает Тамару. Язычество в широком смысле этого слова: поэма лежит вне религий, вне догм и концепций.^[17] «Месх безвестный из Рустави» притворяется, утверждая, что отыскал это древнее предание: подобного в литературе не существовало. Да иначе и быть не могло. Воспевая женщину-государя, женщину — предмет поклонения, женщину-мудреца, Руставели поневоле должен был разрушать средневековые традиции. Героини Низами также высоки и свободны, но смысл их жизни — любовь. Женщины

Руставели еще и царицы.

Все говорит о том, что в летописях для Руставели, великого поэта и близкого к Тамаре государственного деятеля, должно было бы найтись подобающее место.

Понятно, когда о Руставели забывают его современники-поэты. Для них он был слишком сильным соперником, нарушителем канонов, фигурой неприятной. Ни Чахрухадзе в «Тамариани», ни Шавтели в «Абдул-мессии», посвященной, вероятнее всего, второму мужу Тамары, Давиду, ни словом, ни намеком не упоминают Руставели. Хотя Руставели о своих современниках-поэтах пишет уважительно. Но как же историки?

И возникает предположение: прошла молодость Тамары, прошли годы неуверенности, борьбы за власть, неудачного брака с Юрием. Тамара утвердилась на троне, она велика, безгрешна и богобоязненна.

Нужна ли такой Тамаре поэма Руставели, каждой своей строкой раздражающая епископов и вельмож? Нужно ли ей, чтобы ее сравнивали с Нестан-Дареджан, которая заставляет возлюбленного убить ее жениха, которая попадает в крепость и томится, заточенная там врагами, и маски врагов прозрачны — это князья и епископы ее же Грузии.

Но поэму уже не уничтожить. Каждый грузин знает наизусть строфы из нее. Зато Руставели можно отдалить, забыть, как, вероятно, и других помощников первых лет борьбы. Теперь Тамара окружена покорными каджами. Они помогают править страной. Они ходят в походы и собирают подати.

Подобное столько раз случалось в истории, что возможность такой перемены вполне допустима.

Лев Толстой и Махатма Ганди вели в молодости достаточно легкомысленный образ жизни. В старости они об этом не любили вспоминать, ибо учили человечество, что такой образ жизни предосудителен. Наполеон, став императором, убрал своих соратников по республиканскому прошлому.

Руставели мог стать напоминанием об ушедших временах, а к новым мог и не приспособиться.

Нам неизвестны годы жизни Руставели. Но он дожил до старости. В монастыре Святого креста сохранился его портрет. И в 1960 году он был исследован грузинскими учеными. На портрете изображен белобородый старец. Надпись под портретом сообщает, что на деньги Руставели монастырь был отремонтирован и расписан фресками. К началу XIII века относится поминальная запись о Руставели, также найденная в монастыре. Портрет мог быть сделан с натуры, мог быть исполнен уже после смерти поэта. В любом случае он куда более

достоверен, чем те красавцы, которых принято изображать на титульных листах различных изданий «Витязя в тигровой шкуре». У Руставели большие глаза, густые черные печальные брови, длинный нос и окладистая белая борода. Одежда светская, одежда богатого человека.

Можно предположить, что Руставели оказался не у дел и к старости уехал в Иерусалим, где, совершив богоугодные дела, скончался. Прошло много лет с тех пор, как он, молодой и дерзкий, писал «Витязя».

Фреска и поминальная запись указывают на то, что он умер в начале XIII века. Значит, поэт был ровесником царицы. Или немного старше ее.

С уходом со сцены бунтарей и молодых спутников царской юности в Грузии восторжествовали знатные роды, царицу окружили седые епископы и умудренные опытом полководцы, которые постепенно забыли, что когда-то ставили под сомнение законность ее прав на престол. Появилась нужда в авторах од и песнопений, в создателях летописей, где Тамара искони безгрешна. Появилась нужда в редакторах, которые вымарывали из истории сомнительные пассажи. Желавших выполнить столь благородный исторический долг было достаточно.

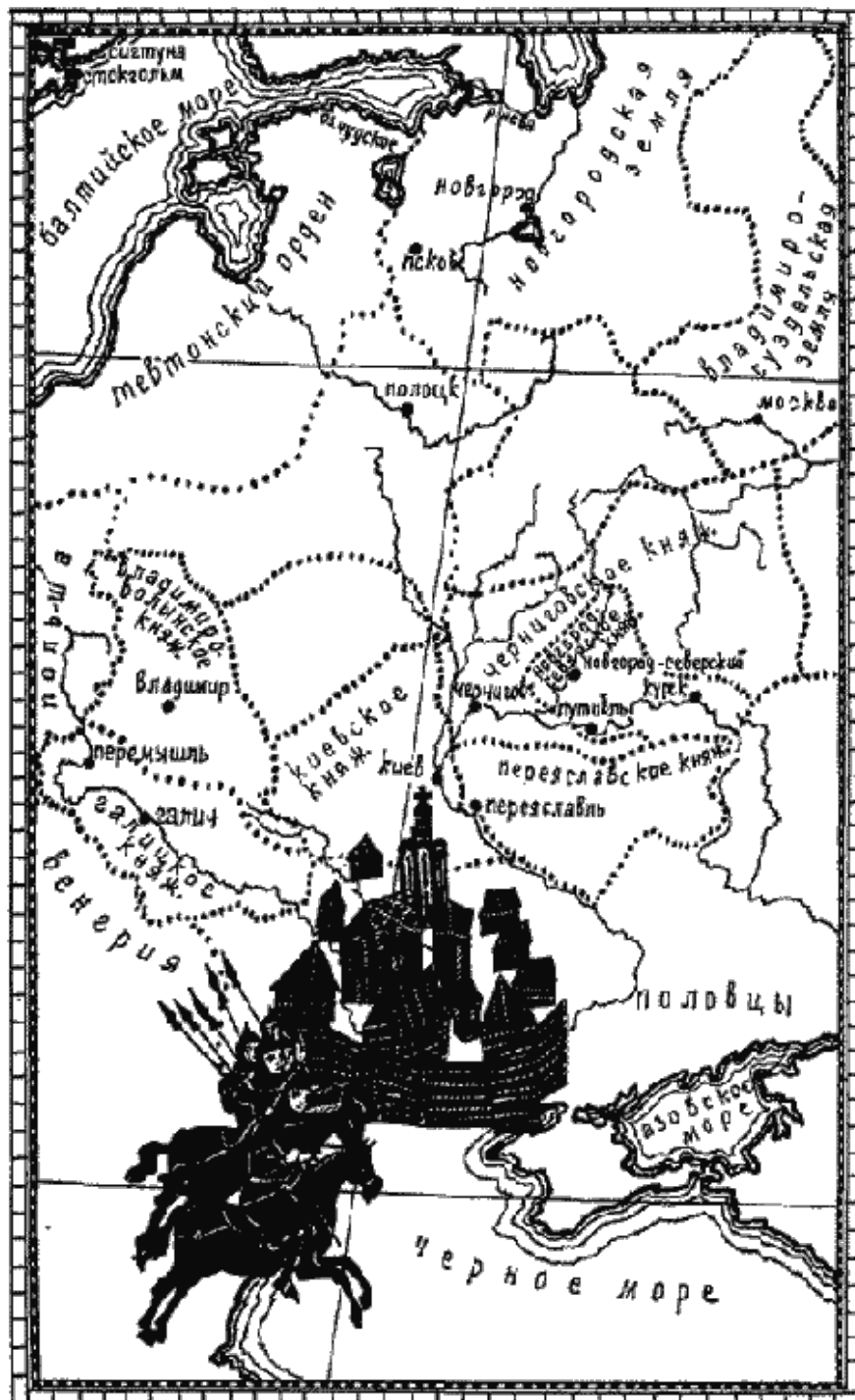
Поэма Руставели стала частью народной памяти. Ее нельзя было отредактировать. Хотя и старались, выкидывая при переписке строфы и заменяя их другими. Но существовало столько списков, что за всеми не уследишь.

Свободный мир поэмы возмущал ревнителей нравственности еще долгие века. Первое печатное издание «Витязя» — в 1714 году — было отдано на сожжение по приказу грузинской церкви.

В поэме есть Нестан-Дареджан, мудрая, отважная, молодая, страстная и порой жестокая. И есть кипучий мир царицы Тамары. Есть верные друзья и злобные враги.

Руставели был вычеркнут из истории, но навечно остался в литературе.

Часть IV. Русь

Бурная молодость князей

Грузия, Армения, Византия были восточным рубежом христианского мира, противостояли миру ислама. Русь, разделенная на княжества, разобщенная и беспокойная, была щитом, оберегавшим Европу от Великой степи, и в то же время посредницей между народами Степи и Европой.

Торговые пути, проходившие по Руси, были ответвлениями Великого шелкового пути. Две основные ветви шли по долинам Волги и Днепра. На днепровской, более старой дороге выросли города Южной Руси, к ней тяготели западные княжества, и основным перевалочным пунктом там стал Великий Новгород — ворота в Балтику.

Путь по Волге был моложе днепровского и процветал в те века, когда усилились государства Средней Азии. На этом пути существовало Болгарское царство, по этому пути персидское серебро попадало в верховья Камы, а меха из тайги — ко двору багдадского халифа. Этот путь помог становлению городов Северной Руси — Владимира, Суздаля, а потом и Москвы. Он также в конце концов выходил к Балтийскому морю, укрепляя значение Новгорода.

Торговые пути по Днепру и Волге часто определяли политику государств, тяготеющих к ним. Это еще одна из причин сложных отношений Руси со Степью и связей с далекими от русских лесов государствами. Русские князья были небезучастны к событиям на Северном Кавказе, в Поволжье и у берегов Черного моря.

Этим объясняются и военные походы в те края, и династические союзы. Правда, к концу XII века внешняя

активность Руси падает: междоусобицы князей и войны с половцами поглощают слишком много сил. И все же русский князь Юрий Андреевич женится на царице Тамаре, ее тетка выходит замуж за великого князя Киевского, осетинские княжны живут при русских дворах...

Половецкие кочевья в степях к югу от Руси мешали связям русских князей с Кавказом и Причерноморьем. Но память об этих связях осталась, как память о Тмутараканском княжестве, созданном отпрысками Рюриковичей у Черного моря.

И когда в великой русской поэме «Слово о полку Игореве» князь Игорь отправляется в поход на юг, то он стремится к Черному морю, помня о русских походах в те края и о том, как русские князья прибывали свои щиты к воротам Константинополя.

«Слово о полку Игореве», во многом загадочная и до сих пор вызывающая бурные споры историков и писателей поэма, несет в себе не только рассказ о событиях 1185 года, но и память о том, что происходило на южной границе Руси за десятилетия до того.

Загадки «Слова о полку Игореве» возникли с того дня, когда поэма была найдена. И не разрешены сегодня.

В 1812 году, во время оккупации Москвы войсками Наполеона, среди многих домов сгорел и дом старого екатерининского вельможи, известного ценителя и коллекционера древних рукописей, тайного советника графа Алексея Ивановича Мусина-Пушкина. Сгорела библиотека. Сгорела и рукопись — большая, в лист, переплетенная в кожу, значившаяся в каталоге под № 323. Под одним переплетом в ней находилось восемь сочинений разного времени, в том числе написанное «старинными буквами» «Слово о полку Игореве».

Это сочинение было известно с конца XVIII века. Мусин-Пушкин откуда-то привез эту рукопись, много лет с помощью лучших знатоков древнерусского языка переводил, знакомил с ее содержанием Екатерину II и наконец в 1800 году опубликовал ее текст и перевод на современный ему язык. После этого рукопись оставалась еще двенадцать лет в собрании Мусина-Пушкина, сначала в Петербурге, а потом в его московском доме, и некоторые его коллеги могли ее видеть.

«Слово о полку Игореве» стало литературной сенсацией России. Современники понимали, что обнаружена первая русская поэма, ставшая в один ряд с такими шедеврами, как «Песнь о Нибелунгах» или «Песнь о Роланде».

Разумеется, держать у себя дома уникальную рукопись, созданную в конце XII века и сохранившуюся в копии XV века,

было опасно, и следовало бы передать ее в государственное хранилище. Но дело в том, что такие хранилища лишь создавались, и трудно было решить, где рукописи безопаснее находиться. Император Александр I рад был бы получить «Слово», но, когда открывалась петербургская Публичная библиотека, Мусин-Пушкин подарил ей другую рукопись, также бесценную, — Лаврентьевскую летопись.

О происхождении рукописи Мусин-Пушкин не распространялся, да и мало кто задавался тогда тем вопросом. Источников могло быть несколько. Достаточно обратиться к биографии графа. В 1775 году он начал служить при дворе в должности церемониймейстера. Уже тогда он собирал монеты и различные древности. Должность расширила возможности графа. Очевидно, он получал древние рукописи от других, придворных, в имениях которых те оседали. Например, граф Головкин, как вспоминал сам Мусин-Пушкин, «приметя его к отечественной истории склонность, подарил ему несколько летописей и древних монет». На этой почве коллекционер вошел в доверие к самой императрице, что понятно: с усердием примерной ученицы бывшая ангальт-цербстская принцесса занималась российской историей. Для нее это не было баловством, как порой изображается в исторических сочинениях, — вряд ли можно отыскать большую российскую патриотку, чем императрица. Уровень ее трудов был вполне на уровне современной ей исторической науки.

Екатерине коллекционер Мусин-Пушкин понравился. Она изучила его собрание, а затем в знак милости, как коллега, отдала ему несколько древнерусских рукописей. Граф обещал за это переводить то, что ей нужно, и снабжать ее материалами для царственных занятий.

Через несколько лет сотрудничество Екатерины с Мусиным-Пушкиным открыло для него еще одну полезную стезю. Он был назначен обер-прокурором святейшего синода, что дало ему среди прочего право ревизовать монастырские библиотеки и отыскивать хранящиеся там уники. Более того, чтобы облегчить графу труды, императрица издала указ, по которому монастыри и церкви обязаны были присылать в синод имеющиеся у них исторические сочинения для снятия копий. Шаг весьма мудрый.

Мусин-Пушкин следил за снятием копий, к тому же использовал свой пост и для того, чтобы приобретать рукописи для коллекции, и к рубежу XIX века его собрание стало крупнейшим в мире.

Когда ему в руки попала рукопись «Слова о полку Игореве», он сразу оценил ее значение для русской истории и литературы,

показал ее другим знатокам и вместе с ними начал трудиться над переводом. Работа оказалась сложной. До 1800 года, когда граф и его помощники сочли возможным опубликовать ее, рукопись видели лишь немногие. Мусин-Пушкин сделал все от него зависящее, чтобы вернуть России ее великое произведение. И остался в русской истории как открыватель «Слова о полку Игореве».

Недавно в прессе приключилась очередная сенсация. Утверждали, что «Алису в стране чудес» написал не Льюис Кэрролл, а не кто иной, как королева Англии Виктория, ничем себя в литературе не проявившая. Неудивительно, что эта версия появилась, но удивительно, с какой готовностью многие в нее поверили, хотя оснований для этого нет. Достаточно прочесть хотя бы письма Кэрролла, чтобы понять: они принадлежат тому же остроумному, парадоксальному и талантливому человеку, который написал «Алису». Но всегда найдется любитель нарушить традицию ради сенсации. Особенно когда сенсация направлена на то, чтобы отнять славу у «недостойных» и прибавить ее «достойнейшим». Шекспиру регулярно отказывают в авторстве его пьес, потому что он был простым актером, зато его конкуренты — всегда люди знатные.

Нечто подобное должно было обязательно случиться со «Словом о полку Игореве».

Сразу же по его опубликовании появились скептики, которые утверждали, что на Руси XII века «Слово» возникнуть не могло. Аргументов было множество: отсутствие других произведений такого уровня, незначительность события на фоне других событий русской истории, молодость русского общества, еще не доросшего до великих поэм. Скептикам помогало и то, что сравнительно незадолго до опубликования «Слова» в Англии разгорелся скандал с песнями Оссиана, которые были изданы Макферсоном, а на поверку оказались написанными им самим.

Можно себе представить, насколько усилились позиции скептиков после того, как в 1812 году во время пожара Москвы рукопись сгорела! Почему, возникали вопросы, «Задонщина», написанная по той же схеме, что и «Слово», вплоть до прямых текстуальных совпадений, найдена в нескольких экземплярах, а рукопись «Слова» была одна — и исчезла?

Сторонники подлинности «Слова» доказывали, что существуют и другие тексты домонгольского и даже послемонгольского времени, известные лишь в одном экземпляре, а то и вовсе исчезнувшие. Они же старались доказать, что «Задонщина», посвященная Куликовскому сражению 1380 года,

написана так, потому что ее автор был знаком со «Словом» и строил свое произведение, подражая «Слову».

Монгольское нашествие XIII века было губительным для русской культуры. Лишь в западных землях сохранились рукописи. Зато западные земли, так же как и Новгород с Псковом, сильно пострадали в войнах XIV–XV вв. Когда жизнь на Руси пришла наконец в какой-то порядок, снова возник интерес к прошлому и старые рукописи начали переписывать, далеко не все казалось интересным. Монахи, копаясь в истлевших свитках, искали в первую очередь литературу божественную, миряне — литературу развлекательную и поучительную. Те и другие искали в прошлом то, что было актуальным. «Задонщина» была актуальна и через триста лет после ее написания. Это была героическая эпопея об освобождении Руси, о победе над угнетателями, о торжестве православия.

Но представим себе монаха, который наталкивается на рукопись «Слова о полку Игореве». Переписка — дело долгое и трудное, бумага дорога. Он смотрит, стоит ли ему тратить месяцы труда на копирование этой рукописи. Он читает ее с трудом: многие слова монаху непонятны. Даже смысл целых абзацев ускользает от него. В лучшем случае монах поймет, что речь идет о том, как половцы взяли в плен какого-то князя и как он бежал из плена. Скорее всего он отложит рукопись и возьмет другую, более интересную.

Ученые находят влияние «Слова» на литературу рубежа XII–XIII веков, находят следы этого влияния позже, вплоть до XIV века... далее следы «Слова» пропадают. Никто не ссылается на него даже косвенно.

Можно считать чудом, что уцелела хоть одна копия, что нашелся все же переписчик, который не пожалел труда, чтобы спасти великую поэму.

Молодой ученый Константин Калайдович, сторонник подлинности «Слова», как только французы ушли из России и война перекинулась на поля Европы, написал письмо Мусину-Пушкину с настойчивой просьбой сообщить, когда, где и при каких обстоятельствах была найдена рукопись «Слова о полку Игореве». Его интересовал круг людей, видевших рукопись и переводивших ее.

В своем ответе Мусин-Пушкин был очень сдержан. Назвать сотрудников он отказался под предлогом, что их согласия на то не имеет. Обстоятельства находки также не раскрыл. Калайдович не сдавался и штурмовал старика письмами. Эта переписка оставалась никому не известной. Лишь в 1817 году, после смерти Мусина-Пушкина, в статье Калайдовича, посвященной памяти

графа, появилась такая фраза: «...у архимандрита Спасо-Ярославско-го монастыря Иоиля купил он все русские книги, в том числе драгоценное „Слово о полку Игореве“».

Еще через несколько лет Калайдович сообщил и прочие сведения, полученные от Мусина-Пушкина. Оказывается, Спасо-Ярославский монастырь закрыли, и его игумен, просвещенный архимандрит Иоиль, потерял должность. А так как монастырская библиотека осталась «бесхозной», он согласился продать «комиссионеру» Мусина-Пушкина некоторые рукописи, среди которых и оказалось «Слово».

Однако сообщению Калайдовича поверили далеко не все. Многие полагали, что Мусин-Пушкин лукавил по каким-то лишь ему понятным причинам. В 1833 году писатель и историк Николай Полевой сообщил, что, по его сведениям, рукопись поступила из псковского Пантелеймоновского монастыря. А в бумагах знатока русских рукописей епископа Евгения сохранилась запись: «Он купил ее в числе многих старых бумаг и книг у Ивана Глазунова, все за 500 р., а Глазунов у какого-то старичка за 200 р.». Эта запись до сих пор настораживает скептиков: связь рукописи с миром петербургских перекупщиков и торговцев стариной, людей предприимчивых и не без успеха изготавливавших подделки, сильно подрывала бы позиции защитников «Слова».

Вскоре стало известно, что Мусин-Пушкин широко пользовался своим положением обер-прокурора и не всегда возвращал рукописи, присланные для снятия копий. К тому же он путался в своих версиях, менял их, что также не способствовало доверию к нему. В своих автобиографических записках он сообщил, что купил у книгопродавца Сопикова бумаги комиссара Крекшина и в них случайно обнаружил знаменитую Лаврентьевскую летопись. Затем он написал Калайдовичу, что купил ее во Владимире. А еще через некоторое время обнаружилось, что обе версии ложные: Лаврентьевская летопись поступила в синод для снятия копии из Софийского собора в Новгороде, но обратно не вернулась. Об этом пошла жалоба в Петербург.

Откуда Мусин-Пушкин получил «Слово», оставалось неизвестным. А раз так, никуда не денешься от сомнений в его подлинности.

В 1956 году в Ярославский архив поступила рукописная книга «Описание земноводного круга», автором которой был Василий Крашенинников.

Это удивительное сочинение, характерное для своего

времени.

Василий Крашенников, лицо в Ярославле известное, общественный деятель, владелец шляпной фабрики, происходил из небогатой торговой семьи. Родился он в 1712 году и, когда подрос, был отправлен учиться в Москву, в Славяно-греко-латинскую академию.

Несколько лет в середине XVIII века шляпный фабрикант Крашенников пишет книгу в семьсот страниц большого формата, в которой собраны сведения географические и исторические. Он прилагает к ней библиографию, указывая десятки книг и рукописей, которые использовал для «Земноводного круга».

Среди перечисленных в библиографии трудов значится хронограф Спасо-Ярославского монастыря, состоящий именно из тех переплетенных вместе рукописей, которые перечислял Мусин-Пушкин в одном из писем к Калайдовичу. Значит, Крашенников, который при работе над своим «Земноводным кругом» использовал все материалы, которые мог отыскать в Ярославле, бывал в библиотеке монастыря и делал выписки из хронографа в те годы, когда мальчик Мусин-Пушкин и не подозревал, что станет собирателем древних рукописей. Правда, среди трудов, которые Крашенников использовал из хронографа, «Слово о полку Игореве» не значится, в чем нет ничего удивительного, потому что содержание «Слова» Крашенникова заинтересовать не могло.

Итак, фабрикант Крашенников держал в руках тот хронограф, который потом купил у Иоиля обер-прокурор синода Мусин-Пушкин. Следовательно, в 1750 году он лежал на месте. Розыски в Ярославском архиве были продолжены.^[18] Выяснилось, что, сдавая и принимая в монастырях дела, игумены проверяли, не утерял ли чего из ценностей предшественник. Таких описей в архиве сохранилось несколько. По ним обнаруживается, что в 1776 году в Спасо-Ярославский монастырь прибыл новый игумен Иоиль Быковский. Он тщательно переписал все церковное имущество, переплел список в тетрадь и от безыскусной тяги к красоте вырезал из бумаги сердечко, наклеил его на переплет тетради и с нажимом написал на сердечке: «Копия описи Спасо-Ярославского монастыря церковным ризничным и монастырским вещам 1776 и 1778 годов». Это была тетрадка для себя — оригинал был отослан в консисторию. За списком дверей, подсвечников и риз следуют книги. Под № 67 написано «Хронограф в десть», то есть в лист. Значит, «Слово», если верить версии Мусина-Пушкина, еще лежит в монастыре.

Следующая опись была произведена через десять лет. Указом

от 3 июля 1787 года монастырь был упразднен, а Иоилью от синода была оказана милость: «Бывшему во оном архимандриту Иоилью, по старости и болезни его увольняемому от управления тем монастырем, производить по смерти его нынешнее жалование». Жалованье было неплохим — пятьсот рублей в год. Так что Иоиль мог безбедно доживать дни в своих покоях. Он скончался в девяностых годах, оставив сравнительно большую библиотеку, все книги в которой были печатными. Ни одной рукописи.

Имущество монастыря по описи 1787 года Иоиль сдавал архиепископу Ростовскому и Ярославскому Арсению. В конце описи числятся рукописные книги. Причем за десять лет их число увеличилось: Иоиль к книгам относился бережно и доставал их для монастыря.

Итак, в 1787 году в монастырь приехал архиепископ, и Иоиль показал ему библиотеку и рукописи.

Известно, что Арсений был хорошим знакомым Мусина-Пушкина, который имел поместье в Ярославской губернии.

Визит архиепископа в монастырь навел исследователей на определенные рассуждения. Они были подкреплены пометками на описи. Если приглядеться, то можно увидеть, что против названий четырех рукописей на полях имеются тщательно стертые слова.

Опись передали в группу фотоанализа Лаборатории консервации и реставрации документов Академии наук СССР. В лаборатории опись внимательно изучили и убедились, что стертое слово на всех строчках одно и то же — «отдан».

Это означает, что в момент составления описи или даже раньше четыре рукописи были кем-то изъяты из библиотеки. Можно предположить, что архиепископ Арсений обратил на них внимание и сказал старцу, что берет их на время. Иоиль ничего не посмел возразить.

Арсений уехал, увезя рукописи с собой. Но тут случилась новая напасть. В том же, 1787 году Екатерина разослала по всем упраздненным монастырям указ сделать опись казенного имущества. Значит, надо снова все проверять. И отвечает за то Иоиль — больше никого в бывшем монастыре не осталось. Требуемая опись была отаравлена в Петербург только через год. Может быть, Иоиль мучили болезни, но вернее — беспокоила судьба отданных рукописей, и он пытался их вернуть.

И вот тут, без сомнения, он получил весьма строгое указание от архиепископа: скрыть правду.

И на свет появляется новая опись, обнаруженная в архиве в 1960 году. Эта опись все разъясняет и позволяет понять драму,

разыгравшуюся в упраздненном монастыре.

Тех четырех рукописей, перед названиями которых в описи 1787 года стояло слово «отдан», больше нет. В описи 1788 года после их названий следуют почти одинаковые фразы. Вот что написано возле слов «Хронограф в дествь»: «Онъй Хронограф за ветхостью и сгнитием уничтожен».

А что еще мог сделать старец, боявшийся потерять пенсию?

Над Иоилем долгое время висело подозрение в том, что он тайком торговал казенным имуществом. Начало этому подозрению положил Мусин-Пушкин, правда, уже после смерти старца, так что тот не мог опровергнуть навет.

Если рукопись была похищена самим архиепископом и передана им графу, то, само собой разумеется, Мусин-Пушкин старался направить тех, кто задавал нетактичные вопросы, по ложному пути. Вот и возникали Крекшин, продавец Глазунов и Пантелеймоновский монастырь. Лишь в старости, зная, что все участники этой драмы уже умерли, Мусин-Пушкин сказал почти правду.

Почему сказал?

Думаю, что граф был несчастен. Он-то верил в подлинность «Слова», он-то хотел, чтобы где-то вновь всплыл его список и реабилитировал его в глазах потомства.

Выяснение правды о том, находился ли в Спасо-Ярославском монастыре хронограф, попавший к Мусину-Пушкину, не пустяк. Проблема подлинности «Слова» до сих пор не снята с повестки дня. И потому доказательство существования Спасо-Ярославского хронографа отметет предположение о том, что рукопись изготовили предприимчивые торговцы.

Эта история, имеющая лишь косвенное отношение к 1185 году, — один из мостиков между тем годом и современностью. В ней можно увидеть целую череду людей — от автора «Слова» до тех переписчиков, что копировали его, до страстного и не всегда скрупулезно честного Мусина-Пушкина, его друга архиепископа, старца Иоилия, доживавшего хотя и в благополучии, но в стыде свой век, до сотрудников лаборатории фотоанализа и сегодняшних архивистов. И все это движение рождено к жизни решением князя Игоря Святославича из рода беспокойных и воинственных Ольговичей пожить на вежах половецких.

Русские летописи, богатые фактическим материалом, часто разочаровывают, если захочешь проследить за судьбой князей или бояр, упоминаемых там. Охотнее всего они рассказывают о событиях экстраординарных. Если выписать из летописей

упоминания только о погоде, то покажется, что весь XII век был полон стихийными бедствиями. Это, конечно, не так, начало похолодания, которое тяжело ударило по сельскому хозяйству Европы, падает на рубеж XIII века. Век двенадцатый в целом еще благополучен. Но хроники так же мало интересуются хорошей погодой, как обыкновенной жизнью исторических персонажей. Зато таких возмутителей спокойствия, как князь Юрий Долгорукий, они держат в центре внимания. Ведь те — катализаторы конфликтов. Остальных вспоминают в случаях, когда они в эти конфликты втягиваются либо попадают в чрезвычайные обстоятельства.

Поход князя Игоря Святославича — событие чрезвычайное.

Но если попробовать восстановить биографию Игоря до похода на половцев, мы столкнемся с большими лакунами: на годы он исчезает из поля зрения летописцев. Еще меньше повезло другим героям нашей книги.

Но можно наверняка сказать, что князья, судьбы которых нас интересовали, были между собой знакомы — хотя бы потому, что были родственниками.

Все русские князья были родственниками. В конце XII века их было около пятидесяти. Все они происходили от Владимира Святого и делились на линии, каждая из которых имеет название по имени родоначальника, например Ольговичи или Мстиславичи. Только князь, ведущий происхождение от Владимира, был вправе претендовать на власть. Вряд ли можно найти в Европе другое государство, где вся феодальная знать принадлежала бы к одному роду. Русский феодализм был молод, становление феодальных отношений произошло очень быстро. Еще при Ярославе Мудром, за сто лет до описываемых событий, Русь была единой.

Раздробление Руси на десятки независимых княжеств, враждующих между собой, нельзя рассматривать односторонне — как трагедию для страны. Разумеется, трагедия была, потому что Русь не могла объединиться даже перед лицом серьезной опасности и рухнула перед опасностью смертельной — вторжением монголов, хотя объективно была сильнее монголов. В то же время процесс сложения независимых княжеств отражал бурное экономическое и социальное развитие страны. В считанные десятилетия она стала «страной городов» — именно под таким именем ее знали скандинавы. Экономические интересы города и области, над которой город господствовал, были более важны для правящих слоев, чем интересы Руси в целом.

Осознание Руси как общности было уделом мыслителей, поэтов, духовных пастырей, видевших трагедию междоусобицы и

раздоров, но это осознание шло от обратного — от противопоставления Руси и Степи.

Была Русь, состоявшая из больших и малых княжеств с традиционным центром — Киевом — и признанием старшинства князя, который занимал киевский престол. Хотя к середине XII века это не гарантировало его от нападений со стороны других князей.

И была Степь.

Степь начиналась у порога: княжества Рязанское, Черниговское и Киевское были пограничными. Степь была враждебна, что исходило от различий в образе жизни, от извечного конфликта земледельца и кочевника.

Это противостояние длилось веками, а войны не могут длиться веками. Создался некий враждебный симбиоз, при котором ни одна сторона не могла одержать решительной победы. Бывали случаи, как в походе Кончака в 1184 году, когда половецкое войско везло с собой построенные иноземцами громадные осадные машины, чтобы захватить Киев. Но, даже взяв какой-нибудь русский город, половцы в нем не задерживались. Их целью был грабеж, захват добычи и пленных, а не завоевание.

На границе между русским лесом и половецкой степью царило неустойчивое равновесие. Там жили «буферные» народы — торки, черные клобуки, берендеи — степняки, союзные Руси, без помощи которой они бы не выстояли против половцев. Стоило одной из враждующих сил вторгнуться на территорию другой, как с каждым днем пути словно сжималась пружина сопротивления.

Враждебная обстановка — лес для одних, сухая степь для других — начинала все более служить своим обитателям. Чем дальше углублялся русский князь в степь, тем дальше он уходил от своих баз, тем опаснее и ненадежнее становилось его положение. Половцы редко заходили дальше Киева или реки Оки. Собраться походом на Смоленск или Новгород означало погубить половецкое войско.

Не следует полагать, что одни лишь половцы были грабителями и насильниками. Грабительскими были все пограничные войны. За добычей ходили в степь русские князья. Во время походов они стремились находиться в авангарде — не от особой храбрости, а потому, что авангардный отряд первым грабил становища половцев.

С не меньшим энтузиазмом русские князья грабили вотчины своих родственников. Порой альтернатива — воевать ли половцев или воспользоваться отсутствием соседа и разграбить русский город — решалась в пользу последнего. А на помощь звали тех же половцев.

Страдающей стороной в этих конфликтах были русские горожане, русские крестьяне, половецкие пастухи, но никак не князья и ханы. Князья и ханы сознавали свое единство. Многие из них были породнены, и в тяжелую минуту князья звали половецких ханов на выручку.

Игорь Святославич, князь Северский, а потом и Черниговский, был наполовину половцем. Когда великий князь Владимир Мономах заключал мир с половцами, он скрепил его сразу несколькими браками, и, как сообщает летопись, «Володимер... створиша мир и поя Володимер за Юргя Аепину дочь, Осеневу внуку, а Олег поя за сына Аепину дочь, Гиргеневу внуку».

Сын Олега — это Святослав, отец Игоря. Значит, «Аепина дочь, Гиргенева внука» — мать Игоря Святославича. Юрг — Юрий Владимирович, по прозванию Долгорукий, основатель Москвы, дед Юрия Андреевича, первого мужа грузинской царицы Тамары.

Любопытно отметить, что русские князья охотно женили на половчанках своих сыновей, но не выдавали дочерей за половецких ханов. Княжны выходили замуж за польских королевичей, за шведов, французов, византийцев — всегда за христиан и никогда за «поганных». Объясняется это очевидной в то время причиной: если ты женился на половчанке, то она переходила после свадьбы в православную веру. И вера от этого не страдала. Если же девушка княжеского рода уходила в Степь, то она была потеряна для христианской веры, чего допустить было нельзя. Это правило не действовало на более низком социальном уровне: половцы брали в жены или наложницы русских пленниц. Так что процесс смешения соседних народов был обоюдным.

Можно предположить, что русский язык был в ходу у половцев, как и половецкий был широко знаком русским, даже в княжеских семьях. Вряд ли мать князя Игоря, да и половецкие служанки, привезенные ею, изъяснялись только по-русски. Уже от тех времен в русском языке появляются тюркские слова, их немало и в «Слове о полку Игореве».^[19] Вражда враждой, по при дворах князей нередко бывали половецкие гости, да и русские князья порой навещали своих половецких дедушек, теток и тестей.

В первой половине двадцатых годов XII столетия, по окончании войн Мономаха с половцами, «Аепина дочь» приехала к своему жениху Святославу. Лет ей было немного: в династических браках возраст невест и женихов бывал не только весьма различным, но и крайне юным. Жених был ненамного

старше. Их первый сын Олег родился в тридцатых годах. Вторым был Игорь, он увидел свет 3 апреля 1151 года. Вскоре появился еще один сын — Всеволод.

Годы детства князя Игоря были для его отца временем сложным, порой отчаянным. Это были годы бесконечных походов, заговоров, годы многочисленных перемен союзов, клятвопреступлений, засад и сражений. И хотя Святослав был из Ольговичей, которые остались в истории как род злобный и коварный, была у Игорева отца черта, которая вызывает к нему симпатию. Дело в том, что старший брат Святослава Игорь, в память о котором и был окрещен наш герой, занимал великий престол в Киеве, но, когда к Киеву подступило мощное войско его соперников и он мог добровольно уступить престол и уйти в свои черниговские владения, он предпочел сражаться. Силы его уступали вражеским во много раз. Победенный, он бежал в болота и скрывался там, раненный, четыре дня, но потом его все же выследили, схватили и бросили в яму — подземную тюрьму. Так вот Святослав Ольгович в течение нескольких лет отчаянно бился за освобождение старшего брата. Такая преданность брату была не в обычае в те времена.

Спасти брата не удалось. Когда Игорь понял, что умирает в сырой яме, он попросил разрешения постричься в монахи. Он его получил, но тут Святослав начал брать верх, и возникла опасность, что он все же освободит брата. Возбужденная толпа вытащила монаха из церкви, где он укрылся, и растерзала.

Шли годы, сыновья Святослава подрастали и были такими же неугомонными и деятельными, как отец, который с 1157 года укрепился на черниговском престоле.

Детство Игоря ничем не отличалось от детства других княжичей.

В три года, как положено, его посадили на коня, в семь начали обучать грамоте и воинскому делу — рубке на мечах, бросанию копья и аркана, стрельбе из лука.

Настоящую войну Игорь узнал рано. Ему еще не было десяти лет, когда половцы, приведенные одним из русских князей, осадили Чернигов. С крепостной стены Игорь видел далеко за Десну, где стаей саранчи, севшей на поле, шевелилось половецкое войско; к берегу подсакивали группы всадников, размахивая саблями. У берега и дальше к горизонту, где лежали черниговские деревни, поднимались столбы дыма: враги разграбили все левобережье Десны.

Отец половцев отогнал, но вскоре после этого заболел. Войско было распущено по домам, а князь Святослав, которому было душно в тереме, велел построить шатер на берегу реки и со

всей семьей перебрался туда. Дети купались в Десне, отец медленно выздоравливал, был мир, покой, и лишь черные трубы сгоревших домов за рекой напоминали о недавнем страхе.

И тут примчался гонец с недоброй вестью: враги, прознав о болезни князя, снова идут на Чернигов, они уже сожгли епископское село.

Быстро свернули шатры, слуги подвели коней: княжеская семья поскакала в детинец. К счастью, неподалеку кочевали союзники — берендеи. Они неожиданно налетели на половцев, многих порубили и утопили в реке.

В 1164 году Святослав умер, и тринадцатилетний Игорь, по тем временам уже почти взрослый, остался сиротой. Главенство в роде должно было перейти к его старшему брату Олегу.

Однако на черниговский трон претендовали другие князья, а сам Олег был в отлучке. Чтобы сохранить престол для сына, мать Игоря собрала бояр и призвала епископа Антония. Она сказала им, что намерена скрывать смерть мужа до тех пор, пока Олег не вернется. Бояре сомневались — враги были сильны, и Олегу вряд ли удастся удержать черниговское княжение.

Игорь сидел рядом с матерью. Он нервничал и старался казаться настоящим князем, суровым и могучим. Но на него никто не обращал внимания: бояре мысленно прикидывали, на чью сторону податься. Княгиня заставила всех присягнуть, что они сохраняют тайну.

Когда очередь дошла до епископа, тысяцкий Георгий, верный слуга княгини, произнес:

— Неловко приводить к присяге нашего пастыря.

— Ничего, — ответил Антоний, — я согласен.

Антоний, хотя и давно жил в Чернигове, по-русски говорил плохо: он был греком из Византии.

После этого Аптоний обратился к боярам с речью. Он грозил, что если кто-нибудь из них проговорится, то тем уподобится Иуде.

Княгиня успокоилась.

Она не знала, что еще до начала этого собрания Антоний послал грамоту другому претенденту на черниговский престол, Святославу Всеволодовичу, в которой донес, что Святослав умер, дружина распущена по городам, княгиня одна с детьми, без защиты.

Святослав Всеволодович бросился к Чернигову и въехал туда одновременно с Олегом. Начался торг, по которому Святославичи потеряли Чернигов, но Олегу был выделен Новгород-Северский, центр большого, хотя и подчиненного Чернигову Северского княжества. Игорю и его младшему брату Всеволоду придется

ждать уделов из рук нового черниговского князя.

Галицкое княжество граничило с Венгрией, Польшей и Болгарией. Галицкие князья роднились со своими соседями и участвовали в европейской политике. Перекресток торговых путей Южной Европы привлекал и завоевателей и торговцев. Там выросли большие города, а в них были сильны бояре и купцы, которые порой соперничали с князьями. И хотя князья Галича считались самыми могучими на Руси, в критические моменты бояре, как в Новгороде, выступали на первый план и диктовали свою волю.

Население Галицкой земли было смешанным. Значительный процент там составляли греки, венгры, южные славяне, там были влиятельные армянские и еврейская колонии, а в низовьях Днестра и Дуная обитала никому не подвластная вольница — многонациональный сброд, грабители, пираты, порой наемные солдаты, источник постоянного беспокойства для галицких князей, да и для их соседей.

Была у этой вольницы столица — город Берладь, откуда и пошло их название — берладники. У них был свой вождь и кумир — Иван Берладник, племянник галицкого князя Владимира, изгой, не имевший своей вотчины и потому нанимавшийся к другим князьям либо пускавшийся в собственные авантюры.

Впервые Иван Берладник оставил след в галицкой истории в 1144 году, будучи совсем молодым человеком. Как-то раз его дядя Владимир отправился на охоту, и недовольные Владимиром галичане объявили Берладника своим князем и ввели его в столицу. Когда Владимир в отличнейшем настроении вернулся с охоты, обнаружилось, что ворота его славной столицы закрыты. Владимир бросился к другим городам собирать войско, затем долго штурмовал Галич. Горожане крепко держались за Берладника, и город пал только после долгой осады. Разгневанный Владимир перебил множество своих подданных и залил город кровью, безумствуя в мстительных казнях. Берладнику тогда удалось уйти от мести дяди, и вскоре он оказывается со своей дружиной у отца Игоря, Святослава, и помогает ему воевать с врагами. Так что при черниговском дворе беспокойный князь был своим человеком.

В 1153 году, со смертью сурового князя Владимира Галицкого, престол перешел к его сыну Ярославу Осмомыслу. Ярослав уже три года был женат на Ольге, дочери князя Суздальского и великого князя Киевского Юрия Долгорукого, и в 1151 году у них родился сын, которого называли Владимиром в честь деда. Он был ровесником князя Игоря Святославича.

Ярославу нелегко было удержаться на галицком престоле: бояре ему не доверяли, унижали его, даже как-то не позволили участвовать в битве, заявив, что и без молокососа обойдутся. Правда, боярские воеводы потерпели тогда поражение.

Ярослав, понимая, что без поддержки тестя престол трудно сохранить, был в первые годы верном другом Юрию Долгорукому. Он выполнял его поручения, ходил в поход на Луцк, посылал ему на помощь полки. Тесть, желая сделать подарок зятю, схватил Берладника, заковал в цепи и послал в Галич.

Ярослав возрадовался и, узнав, что пленника уже привезли из Суздаля в Киев, отправил навстречу ему целое войско, чтобы надежнее довести врага до места казни.

Но для остальных князей Берладник, отчаянной смелости витязь, оставался князем, которого нельзя казнить, как простого разбойника. Даже киевский митрополит напустился на Юрия Долгорукого. «Грех тебе, — утверждал он, — держать его в темнице и выдать его на смерть».

Юрий Долгорукий переменил свое решение и отправил закованного Берладника обратно в Суздаль.

Когда отряд, который вез Берладника в Суздаль, проезжал мимо Чернигова, на него напали черниговские воины, отбили пленника, а потом отвезли в Чернигов и выделили ему терем, чтобы он мог залечивать раны и набираться сил.

В 1157 году Юрий Долгорукий умер, и Ярослав подарка так и не получил.

Прошло два года. Иван Берладник жил в Киеве, командовал дружиной и поддерживал связи с оппозицией в Галицком княжестве.

Пока он был на свободе, Ярослав не мог спать спокойно. Поэтому он направил в Киев невиданное по тем временам посольство, состоявшее из поляков, венгров, смолян, волынцев и многих других, с требованием выдать Берладника.

Трудно понять, что заставило стольких государей согласиться на участие их подданных в этом посольстве. Возможно, хитрый Осмомысл посулил участникам богатые дары.

Великий князь Киевский Изяслав Давыдович указал послам на дверь, отказавшись предать Берладника. Но когда послы отбыли восвояси, а князя стали готовить дружины, чтобы силой решить эту проблему, Изяслав дал понять Берладнику, что тому будет безопаснее уйти. Берладник ускакал на Дунай, там снова собрал вольницу, в основном из беглых русских смердов, — около шести тысяч человек. С ними он облагал данью рыбацкие поселки, буквально парализовал торговлю на Дунае, даже взял несколько городов, причем никому не разрешал обижать мирных

жителей. Когда Берладник осадил один из галицких городов, Ущицу, с сильным гарнизоном, то, как рассказывает летописец, «смерды вылезали через стену к Ивану, и перебежало их к нему триста человек».

Между тем киевский Изяслав и галицкий Ярослав со своими союзниками в 1158 году начали междоусобную войну. Ярослав пошел на Киев. Изяслав вернул к себе на службу Берладника, позвал на помощь степняков-берендеев и половцев хана Вашкорда.

Война оборачивалась для Изяслава удачно. Он осадил Ярослава и его союзников в Белгородской крепости, под Киевом. Но ночью берендеи, решившие извлечь пользу из этой войны, послали человека к осажденным с предложением: если им хорошо заплатят, они согласны изменить Изяславу Давыдовичу.

Сделка состоялась.

В полночь берендеи скрытно сели на коней и черной массой понеслись к крепости. Изяслав проснулся, поскакал к лагерю берендеев и увидел, что над ним поднимается дым: лагерь был пуст и подожжен. Война была проиграна. Вскоре Изяслав Давыдович погиб.

Берладник бежал в Византию. Но там до него добралась мстительная рука Ярослава. В 1161 году он был отравлен и умер в Фессалониках.

Главный враг Ярослава Осмомысла был убит, но Галич оставался ему враждебен, хотя никто не смел перечить сильному и хитрому князю. Да и в семье у князя было неладно. Ярослав не любил свою жену, отдалил ее от себя, и тому была простая причина: он влюбился в Настасью, женщину незнатного происхождения. И когда у них родился сын Олег, Ярослав стал пренебрегать не только женой, но и сыном Владимиром. Юношеские годы Владимира Галицкого прошли в атмосфере небрежения, ненависти, обид и унижений, боярских интриг, материнских слез, страха перед будущим. Городом правила Настасья, сын ее был соперником и смертельной угрозой первой жене и Владимиру: хотя и незаконный, но все же княжеский сын, значит, князь.

Коварный епископ Антоний сохранил свой пост в Чернигове, а княгине с детьми пришлось перебраться в Новгород-Северский, к старшему сыну.

После столичного Чернигова Новгород, где Игорь не был с раннего детства, показался ему тихим и маленьким. Княжеский детинец, обнесенный тыном из серебряных от старости бревен, стоял на высоченном обрыве над рекой. Дальний берег был

совсем плоским — ни холмика. Зелеными пятнами по нему были разбросаны рощи, черными горстками домов — деревни. В дымке, у далекого горизонта, начиналась степь, оттуда выскакивали порой стаи половецких всадников, и тогда загорались деревни, а их жители спешили в Новгород, чтобы укрыться от врагов.

По узким, крутым, промытым в обрывах дорогам наверх тянулись окруженные людьми подводы с добром, брели коровы и овцы, а навстречу потоку беженцев уже спускались вереницей, цепляясь концами копий за свисающие ветви яблонь, дружинники старшего брата.

Завидев красные щиты дружинников, половцы смеялись, кричали с того берега. Свистели стрелы, ударяясь на излете о кольчуги. Потом половцы стегали нагайками коней и спешили прочь, чтобы увезти добычу и пленных, пока дружинники перебираются через неширокую Десну на плотах и лодках.

К концу лета, когда на кривых, сбегаящих с холмов улочках Новгорода желтели упавшие с деревьев яблоки, а на рынке у монастыря торговали с телег зерном, прискакал гонец. Его давно ждали. Едет посольство из Великого Галича, везут невесту для княжича Игоря.

Этот брак подготовил еще покойный отец. Он хотел скрепить союз Чернигова и Галича. Теперь Чернигов потерян, но Ярослав Осмомысл понимал, что сыновья Святослава — не последние из русских князей, они еще свое возьмут. И потому не стал отказываться от уговора. Ефросинье как раз исполнилось четырнадцать лет — пора замуж.

Ефросинья уезжала из Галича без сожаления. В Галиче было страшно. Мать все время плакала, запиралась со своими боярами, они шептались, грозили мстостью Настасье и отцу. А отца она и не видела: не заходил он в терем законной жены. Ефросинья думала, что если все равно положено выходить замуж, то лучше дома, на Руси. Княжич Игорь молод, а могли бы просватать за старика.

Путешествие было долгим, ехали три месяца, останавливались в Киеве, потом в Чернигове. От Чернигова пошли светлые, лиственные леса, деревень было меньше, и казались они беднее. Порой встречались пепелища — посольство въезжало в пограничные со степью места. Из Новгорода-Северского прислали дружину, чтобы охранять невесту. Старший брат Ефросиньи Владимир, которого отец отпустил на север, ехал с новгородскими дружинниками и мечтал о том, чтобы напали половцы. Тогда он покажет им, какие в Галиче есть витязи. Но половцы не напали.

Княжича Игоря Ефросинья увидела, когда приехала в тихий, деревянный Новгород-Северский, взлетевший над Десной, словно

плывущий по небу. Игорь оказался высоким худым подростком. Светлые прямые волосы до плеч, глаза серые, короткий нос и крутой отцовский подбородок.

Толстая суетливая свекровь расстраивалась, что девочка мало ест, подкладывала ей пироги. Крепкий чернявый Владимир быстро подружился с Игорем, они убежали к реке, к рыбакам.

Ночью Ефросинья долго сидела у окошка. Деревянный терем поскрипывал, вздыхал от чьих-то шагов. За окошком была бесконечная равнина, освещенная луной, далеко мерцали огоньки. Красным пятнышком горел костер у реки: в ночном пасли коней. До Галича было так далеко — не доехать...

Откуда ей было знать, что ее любовь, ее боль станут темой великой русской поэмы, что через много столетий русский школьник будет повторять горькие слова ее плача, что сотни художников будут рисовать тонкую фигурку, стоящую на крепостной стене. Что образ ее станет воплощением женской любви, верности и терпения. Идут века, а Ярославна все плачет на городской стене...

Ефросинья Ярославна, невеста княжича Игоря, потеряла кулачками глаза, потянулась, задула свечу и пошла спать...

Братья Святославичи подросли, наступило им время поучиться ратному мастерству. И если в грандиозном походе великого князя Киевского Мстислава в 1168 году, когда войско русских князей разгромило половцев и привезло в Киев сказочную добычу, Игорь не участвовал, то в событиях, последовавших за этим походом, мы уже видим Игоря.

События в Киеве в 1169 году были вызваны не только очередной вспышкой вражды князей, но и появлением фигуры, которая знаменовала собой новый этап русской истории. Речь идет об Андрее Боголюбском. Энергичном и властолюбивом князе Владимиро-Суздальском. Владимиро-Суздальской Руси суждено будет стать центром российского государства — именно сюда постепенно переходят основные торговые пути, здесь наиболее активно растут города, среди них — Москва. Сюда не доходят половцы, да и разорительные междоусобные войны бушуют южнее. Князья сражаются за Киев, Чернигов, Галич, и, вмешиваясь в эти войны, владими́ро-суздальские князья редко опасались ответных действий соперников.

Владими́ро-суздальские князья стараются укрепиться в Новгороде и Пскове, борются с самовластием собственных бояр и к середине XII века уже притязают на главенство в стране.

Юрий Долгорукий ходил на Киев и сам претендовал на киевский престол, тогда как его сын Андрей вмешивался в

общерусские дела, не покидая своей резиденции во Владимире, а если и ходил в походы, то на Новгород или на Волгу — на болгар. Он не считал нужным утвердиться в столь соблазнительном для родственников Киеве, но хотел, чтобы там сидел его человек. К неудовольствию родичей, Андрей старался манипулировать ими в своей игре.

Зато братьев и сыновей Андрей посылал в походы. Послал он их и на великого князя Киевского Мстислава в 1169 году.

В большом войске, сколоченном дипломатией Андрея Боголюбского, были и молодой князь Игорь Святославич с братом, были там сын и младший брат Андрея. Сам Андрей ждал вестей дома. Подступив к славному Киеву, князья начали осаду. Кияне твердо стояли за своего князя. Но в конце концов город пал, и Мстиславу еле удалось бежать. И тогда случилось дотоле небывалое на Руси, что говорит о явной моральной деградации русских князей: впервые Киев был взят как вражеский город и отдан на разграбление войску, наполовину состоявшему из степняков. Были сожжены церкви, даже знаменитый Киево-Печерский монастырь. Большинство населения было либо перебито, либо уведено в плен, и, как говорит летописец, «были в Киеве на всех людях стон и тоска, печаль неутешная и слезы непрестанные».

В последующие годы Киев возродился, но удар ему был нанесен непоправимый. Киев лишился роли главного города страны. Теперь он просто город, просто добыча, на него можно ходить походами и грабить, как любой другой. Степнякам с благословения христианских князей дозволено убивать, насиловать и грабить. С этого момента половцы смелее вмешиваются в русскую политику — за услуги им платят не только добром, но и кровью.

...По горящим улицам Киева проезжал на половецком коне девятнадцатилетний князь Игорь. Он был одним из победителей, он познал опасность и битву, он вкусил безнаказанность сильного. Ведь и он с братом увозил из Киева обозы с добычей, награбленной в домах и церквях, его воины вели рабов: детей, женщин, мастеров — единоверцев и соотечественников. Нет никаких оснований полагать, что Игорь был лучше или совестливее других князей. Никто из победителей не выразил раскаяния, не услышал плач своих жертв. Это были последние уроки в школе, которую проходил Игорь. Они во многом определяют его жизнь.

Ближайшим последствием разгрома Киева было нарушение баланса сил в борьбе со Степью. В следующем году половцы снова пришли в окрестности Киева, и никто не смог их остановить.

Затем Киев переменял властителя, и этот князь позволил его ограбить хану Кончаку, своему родственнику и союзнику. Обобрать город, Кончак ушел в степь.

Один только князь Василько, которому принадлежал городок Михайлов, решил отомстить половцам. С небольшой дружиной он неожиданно напал на них на дневке, когда те отпустили своих коней пастись по береговым лугам. Отважный поступок этот был безрассуден. Силы Кончака были несоизмеримы с васильковской дружиной. Кончак разбил Василька, и тому с остатками дружины пришлось бежать в Михайлов. Половцы разграбили окрестности Михайлова, осадили сам городок, но взять его не смогли. И тогда киевский князь со всем своим войском пришел на подмогу к половцам. Михайлов был захвачен и сожжен.

Но предателю не удалось воспользоваться плодами своей политики. Князь, приведший половцев грабить русские святыни, был ненавистен жителям Киева. Неудивительно, что они свергли и убили его.

В Киеве воцарился другой князь — из враждебной Андрею Боголюбскому ветви. К тому же Андрей только что потерпел сокрушительное поражение от новгородцев. Остатки его войска еле добрались до владимирских земель.

Звезда Андрея Боголюбского катилась к закату. Еще вчера он был вершителем русских судеб. Сегодня этот властолюбивый, суровый государь уже не столь страшен.

Но Андрей Боголюбский не желал, мириться с поражениями. Он потребовал, чтобы ему выдали убийц киевского князя и чтобы кияне передали престол его младшему брату Михаилу. Когда же враги не послушались и Киева не отдали, Андрей приказал поднять дружины северных князей. В пятидесятитысячной армии Андрея были дружины ростовские, суздальские, владимирские, переяславцы, муромцы, белозерцы, рязанцы и многие другие.

Войско вели молодые князья — новое поколение, жаждущее власти, земель, добычи, ему не было дела до законов чести и старых преданий. Командование армией Андрей поручил своему сыну Юрию (будущему грузинскому царю), приставив к нему опытного воеводу Бориса Шидиславича. Среди вождей похода мы видим и северских князей — молодых Олега и Игоря.

К исходу лета войско Северо-Восточной Руси подошло к Киеву.

Но штурм не последовало. Князья, собравшиеся в Киеве, благоразумно ушли из города, заняв близкие к нему крепости. Эти-то крепости и осадила армия Андрея.

Игорь со своей дружиной обложил Вышгород, с ним были дружины других младших князей. Осажденные устроили вылазку

и потеснили центр противника. Но их немногочисленная дружина оказалась в кольце врагов. Настало страшное смятение, говорит летописец, слышались стоны, крики, раздавался треск ломающихся копий, звон мечей, в густой пыли нельзя было различить ни конного, ни пешего. А когда войска, утомившись, разошлись, то оказалось, что раненых тьма, но погибли в этой свалке немногие.

Осада продолжалась до глубокой осени. Уже выпал снег, стало труднее кормить войско, потому что Киев был снова разграблен, окрестные села сожжены, а припасы с севера поступали плохо. Люди, направленные волей далекого Андрея Боголюбского, были разочарованы тяжелой войной. Внезапно появился полоцкий князь со свежим войском. Шел он на помощь рати Андрея и должен был нанести последний удар, но, подойдя к Вышгороду, одумался и, вместо того чтобы бросить свою дружину в бой, вступил в переговоры с князьями Северскими, предложив им Чернигов, если они помогут ему отвоевать киевский престол.

Ситуация была весьма драматичной. Ведь престол добывали для ставленника Андрея Боголюбского. Новый поворот дел лишил войну всякого смысла. Игорь с Олегом на сделку не решились. Тогда полоцкий князь связался с защитниками Вышгорода, и те, долго не раздумывая, согласились отдать ему Киев.

Как только весть об этом докатилась до многочисленных Андреевых союзников и до Киева, в войске началась паника. Разнесся слух, что с юга надвигаются галичане, что идет несметная армия черных клобуков. Победители мечтали лишь об одном — поскорее вернуться домой.

На следующее утро, выйдя на стены Вышгорода, осажденные увидели, что громадное войско бежало к Днепру. Ломая прибрежный ледок, воины бросались в воду, дрались за место в лодках. Хрипели и тонули кони, в сутолоке народу погибло больше, чем при штурмах Вышгорода.

Увидев это, осажденные вышли из крепости и принялись рубить у берега тех, кто еще не успел прыгнуть в воду. Многих убили и еще больше взяли в плен.

Без добычи и чести тянулись от Днепра на север остатки могучей рати, разбредаясь по своим городам.

Разгром под Киевом ознаменовал конец могущества Андрея Боголюбского. И прежде непрерывные войны нарушали жизнь государства и больно ударяли по его зажиточным слоям, в первую очередь по боярству. Центром боярской оппозиции были старые города княжества — Суздаль и Ростов, которые ревниво

относились к новой столице — Владимиру. Там Андрей Боголюбский, собрав русских мастеров и призвав зодчих из Византии, камнерезов из галицкой армянской колонии и от германского императора Фридриха Барбароссы, с которым состоял в переписке, возвел белокаменные соборы, в Боголюбове, под Владимиром, построили царский дворец, а неподалеку — прекраснейший русский храм — церковь Покрова на Нерли.

К концу жизни Андрей, всегда никому не доверявший, стал еще более мнительным. Впрочем, он не без оснований подозревал бояр в заговорах. Начались казни. В числе прочих был казнен боярин Кучка, отец которого был первым владельцем Москвы. Бояре отвечали враждой. Когда Андрей после провалов под Новгородом и Киевом замыслил поход на болгар, он две недели прождал в условленном месте бояр с отрядами, а те так и не пришли — чувствовали, что конец князя близок.

К середине 1174 года напряжение в княжестве достигло предела. Андрей был в Боголюбове один. Братья воевали на юге, а наследник престола Юрий отбыл в Новгород, который решил замириться с Андреем и призвать его. При Андрее оставался лишь один верный человек — его фаворит Прокопий, ненавидимый боярами.

Составили заговор. Во главе его стоял брат казненного Кучки Яким, остальные были приближенными Андрея из тех новых людей, которыми он, не доверяя старой знати, окружил себя в последние годы.

Заговорщики в душе трепетали перед князем. Напившись для храбрости, они ночью толпой вошли в княжеский дворец. Но когда они поднялись наверх и оказались перед опочивальней Андрея, их охватил ужас перед князем, и все двадцать убийц бросились в подвал. Там перевели дух и выпили еще. Приближалось утро, надо было кончать злое дело. Подбодряя друг друга, они снова двинулись наверх.

— Господин! — позвал Яким, подойдя к двери, чтобы удостовериться, там ли князь.

Чутко спавший старик проснулся и спросил:

— Кто там?

— Это я, Прокопий, — быстро ответил Яким, прижав ко рту ладонь, чтобы ответ прозвучал невнятно.

Андрей толкнул спавшего у его постели слугу:

— Мальчик, ведь это не Прокопий?

Но убийцы, наваливаясь друг на друга, уже выламывали дверь.

Андрей бросился к стене, где всегда висел меч. Меча не оказалось. Один из заговорщиков выкрал его еще вечером.

Убийцы ворвались в опочивальню и кинулись на старика. Он свалил первого из них, и остальные заговорщики, решив, что упал князь, начали колоть ножами своего же товарища. Сообразив по его крикам, что убивают не того, они скопом кинулись на князя.

Отбиваясь из последних сил, Андрей кричал:

— Нечестивцы! Какое зло я вам сделал?

Наконец он упал под ударами и затих. Даже неподвижный, в слабой рассветной синеве, проникавшей сквозь маленькие окна опочивальни, он был страшен. Убийцы, теснясь в дверях, спешили уйти.

Когда они уже готовы были идти со двора, чтобы торжествовать победу, они слышали шум, потом стон.

Кто-то побежал обратно.

И увидел, как, оставляя кровавый след, князь ползет вниз по лестнице...

И они снова накинулись на него. И добились.

Когда во Владимир пришло известие о смерти князя, начались волнения. Убивали тиунов, княжских слуг, грабили лавки.

Никто в Боголюбове не пожалел князя. Рассказывают, что его старый слуга Кузьма Киевлянин спрашивал всех, где тело князя. Ему отвечали: «Вон лежит, выволочен в огород, да ты не смей брать его, хотят выбросить собакам...» Кузьма нашел тело и стал над ним плакать. Тело было обезображено и покрыто засохшей кровью. Ключник Анбал, пьяный, веселый, гнал Кузьму, угрожая смертью. Старый слуга не испугался и начал просить:

— Дай хоть ковер или что-нибудь подостлать и прикрыть господина нашего.

— Ступай прочь, — засмеялся Анбал, — мы его собакам отдадим.

— Ах ты еретик! — возмутился Кузьма. — Собакам выбросить? Да помнишь ли ты, в каком платье пришел сюда? Теперь ты стоишь в бархате, а князь нагой лежит, но прошу тебя честью, дай что-нибудь.

Анбал усовестился, сбросил из окна ковер. Кузьма завернул тело князя. Пришел мальчик-слуга, на глазах у которого произошло убийство. Он все еще дрожал. Вместе с Кузьмой они отнесли тело к церкви. У церкви встретились другие заговорщики и несколько княжеских слуг. Все были пьяны. Кузьма стал просить, чтобы его пустили в среднюю часть храма, а ему со смехом отвечали:

— Брось в притворе. Вот носится, нечего ему делать.

Летописец писал это по свежим следом событий. Он был

удручен человеческой жестокостью.

Никого из священников не было — все разбежались, попрятались. И Кузьме пришлось положить тело, покрытое ковром, в притворе. Пьяные победители глумились над телом, плевали на него, пинали... Двое суток тело князя пролежало в притворе, пока не пришел игумен дальнего монастыря Арсений.

— Долго ли нам смотреть на старших игуменов? — сказал он. — Отоприте церковь, отпою над ним и положим его в гроб. Когда злоба эта утихнет, придут из Владимира и перенесут его туда.

Видно, монах был не одинок. Ему помогли отнести князя в церковь, пришли клирошане, местные, боголюбские, пришли другие люди. Наступало отрезвление.

Дня через три угасли волнения во Владимире. Расправившись с обидчиками, горожане начали осуждать убийц князя. В городе уже многие понимали, что сюда спешат братья покойного, известные своей крутостью, а из Новгорода скачет сын Юрий. Они будут искать виноватых.

На шестой день владимирцы вытащили из домов оробевших игуменов и протопопа и заставила их отправиться в Боголюбово и нести оттуда гроб во Владимир. Весь город вышел на улицы, многие плакали и жалели князя. Не было только убийц. Они опасались, и не без оснований, что их могут растерзать. Но они прожили еще несколько недель, пока в город не вошли дружинники братьев Андрея. Тогда убийц казнили.

Юрий Андреевич опоздал во Владимир. Схватка за престол началась до него. После ряда сражений Андрею наследовал его брат Всеволод, по прозвищу Большое Гнездо.

Он и в самом деле был «большим гнездом». Восемь сыновей да дочка Верхуслава дожили до зрелых лет. Всех надо было обеспечить уделами. Для Юрия Андреевича удела не оказалось.

Юрий подчинился воле дяди и покинул Русь. Отъезд был, видимо, добровольным. В ином случае он мог примкнуть к многочисленным врагам своего рода. Князь, уехавший из своей страны, — явление исключительное.

К началу восьмидесятых годов Юрий оказался на Северном Кавказе. Объяснение этого можно искать в родственных связях. При дворе Андрея Боголюбского были осетины. Даже глава заговора, ключник Анбал, принадлежал к ним. Осетинкой была и тетка Юрия, жена Всеволода Большое Гнездо.

Проиграв схватку за трон, Юрий Андреевич исчезает из истории Руси, чтобы возникнуть в истории Грузии, мужем и соперником царицы Тамары.

Почти весь XII век киевский престол был яблоком раздора для русских князей. Подсчитано, что только за тридцать лет, с 1146 года, на нем сменилось двадцать восемь человек. И очень мало кому из них удавалось удержаться в Киеве хотя бы несколько лет. Бывали князья, что правили один день, а то и меньше. Стремясь оградить город от разорения и грабежей, киевские бояре, настоящие его хозяева, старались подыскать князя, который мог бы защитить город, но притом не разорить его.

Лишь в 1176 году для киян наступило некоторое облегчение. Престол на восемнадцать лет занял князь Святослав Черниговский, и Киев начал залечивать раны, нанесенные предыдущими войнами.

Особенности развития русского феодализма определялись молодостью русской государственности, противостоянием со Степью и своеобразием феодального слоя — все князья были родственниками, что обуславливало сложнейшую внутривластическую обстановку.

Скандинавы называли Русь страной городов. Города были многочисленны, укреплены, но, как правило, не обособлены от князей. Если в Западной Европе феодал, как правило, обитает в родовом замке, а город, центр торговли и ремесла, старается не допускать его в свои дела, то в России феодальных замков было немного и каждый город старался заполучить себе на жительство князя. Города еще не сознавали своей силы — исключение составляли те, что вышли на арену международной торговли, в первую очередь Новгород. Князь — это дружина, это защитник. Ведь в безумии междоусобных войн любой город был желанной добычей. Чтобы продолжать борьбу за власть, князья были вынуждены любой ценой добывать деньги. А для этого был привычный путь — грабеж. Грабили волости соседей, грабили города. Значит, лучше платить подати своему князю, чем отдавать добро грабителю из соседнего княжества.

В течение всего XII века города, несмотря на войны и грабежи, крепили, богатели, и потому процесс обособления их от княжеской власти шел активно. Призывая князя, город заключал с ним договор, и князь принимал определенные обязательства перед ним. Другое дело, что мир был настолько зыбок и ненадежен, что князья чувствовали себя «халифами на час» и грабили собственные владения. Тогда горожане звали другого князя. В Новгороде этот процесс завершился победой горожан. В Галиче фактическими хозяевами стали бояре.

Процесс основания новых городов шел очень быстро. Причиной этого было не только экономическое развитие

государства, но и опасность, исходившая от степняков. Вся южная граница Руси застраивалась городками, которые были первоначально лишь убежищами для сельского населения, спасавшегося от половцев. Но год от года такие городки крепили, через них проходили торговые пути, там селились ремесленники. По мере того как половцы отступали дальше в степь, вслед за ними двигались и новые города. Южнее Курска вырос Донецк — он успешно, даже порой без помощи князей, отбивался от степняков.

Междоусобные войны тоже способствовали бурному росту городов. Феодалы занимались грабежом привычно и деловито. Поэтому села стремились группироваться вместе, а возведенная стена или вал уже гарантировали некоторую безопасность: проходящая дружина не задерживалась для штурма города. Князья вообще не очень любили осады и штурмы. Каждое новое разорение гнало в город беженцев. При войне же окрестные жители обязательно бежали прятаться под защиту стен. Города были необходимостью и благом.

Князь Игорь против хана Кончака

Игорь с братьями смело бросались в авантюры, и, судя по летописям, жизнь в седле для Игоря была обычна. Не было года, чтобы северские Ольговичи не ввязывались в очередную княжескую свару. В середине семидесятых годов они напали на Стародуб, ограбили его окрестности, взяли богатую добычу. Но тут же Святослав Киевский отомстил им, напав на Новгород-Северский, и вся их дружина оказалась в плену. В 1179 году старший из братьев, Олег, умер; Святослав созвал в Любече оставшихся в живых Ольговичей, и они договорились жить в мире.

Святослав утвердил Игоря князем Северским вместо Олега, Чернигов уступил своему брату, а сам остался в Киеве.

Наконец-то у тридцатилетнего Игоря есть свое княжество, и он становится одним из наиболее влиятельных русских князей. Небольшое по площади, Северское княжество играло важную роль, так как граничило со степью. Основными городами были Новгород-Северский, Путивль и Курск.

В последующие годы Игорь участвовал в новой большой войне, которую Святослав вел с коалицией князей во главе с Всеволодом Большое Гнездо. На стороне Святослава выступил половецкий хан Кончак. Перипетии этой кровавой и разорительной войны сложны и запутанны...

Но в конце концов летом 1181 года половецкие рати под общим командованием Игоря и Кончака расположились вдоль Долобской старицы Днепра. На них наступали степное войско черных клобуков и дорогобужский князь Мстислав

Черные клобуки, шедшие в авангарде, напали на половецкий обоз и занялись грабежом. Половцы и дружинники Игоря пришли на помощь обозу. Спасаясь, клобуки ворвались в стан Мстислава и подняли там панику, крича, что вся армия разбита. Тогда побежал за ними и Мстислав.

Но бегство князя не решило исхода битвы. Как рассказывает летописец, «лучшие из мужей остались: Лазарь воевал с полком рюриковым, и Борис Захарьич с полком своего княжича Владимира, и Здислав Жирославич с Мстиславским полком».

В стране, где войны ведутся постоянно, должны выковываться кадры профессиональных военных. И чем дальше, тем меньше среди них князей и тем большую роль играют незнатные командиры. Зачастую князь, участвуя в походе, оставляет военные вопросы воеводам. Роль воевод была еще важнее, чем о том рассказывают летописи. Ведь летопись — это княжеское придворное писание. Так что, даже если князь во время боя пил брагу в своем шатре или ловил рыбу в ближайшей реке, победные лавры доставались ему. Князья были ревнивы к воинской славе, так что настоящие полководцы редко появляются на страницах летописей.

Главкомандующий бежал, но ничего страшного не произошло. Воеводы выстроили свои полки, и, когда дружина Игоря и половцы бросились на них, тяжелая конница и лучники держались стойко. Враги разбились об их стену. Разгром половцев был страшный, почти вся армия их была изрублена. Погибли два хана, в том числе брат Кончака, а два его сына попали в плен. Игорь с Кончаком прыгнули в лодки и спаслись.

Итак, в 1181 году князь Игорь и Кончак — союзники. Они вместе бегут в Чернигов и, возможно, даже беседуют по-половецки, ведь Игорь по матери половец.

Из Чернигова Игорь с Кончаком отправились в Новгород-Северский, который лежал на пути половецкого хана к его кочевьям, там совещались, что делать дальше, может быть, договаривались, что семьям пора породниться. У Игоря подрастали сыновья, у Кончака была на выданье дочка. Но вскоре после того как они расстались, логика событий начала отталкивать их друг от друга.

Кончак был умелый политик и опытный воин. Мир Степи был так же суров и сложен, как и мир Руси. Половцам самим приходилось все время оборонять свои кочевья с востока, откуда наступали другие степные народы, им надо было охранять свои вежи от русских.

После разгрома под Киевом Кончак мстил за брата и

сыновей, но конными набегами мало чего добьешься. И хан решил перестроить свою армию. Он понимал, что цепь русских пограничных городов становится крепким заслоном на пути половецких набегов. Сами пограничные города были небогаты — основная добыча таилась в глубине Русской земли, а пробиваться туда становилось все труднее. Половцы могли получать долю добычи, лишь согласившись на сомнительную роль наемников, как это было под Киевом.

Кончак избрал иной путь. Он сам возьмет Киев.

Хан начал готовиться к войне. Он выписал иноземных мастеров, чтобы они изготовили стенобитные орудия и катапульты — тяжелую артиллерию средневековья, без которой большой город не взять.

Это были годы затишья на рубеже Степи.

Подготовка половцев к походу на Русь не была секретом для великого князя Киевского Святослава. Связи между половецкими станами и русскими княжескими дворами никогда не прерывались, передатчиками информации были торки, что занимали пограничье. Половцы блокировали днепровский торговый путь, отлично понимая, что это вызов, который русские князья вынуждены будут принять. Знали на Руси и о том, что Кончак борется с самовластием других половецких ханов, стараясь собрать в кулак все силы Степи.

Великий князь Святослав созвал русских князей в поход на половцев весной 1184 года. В нем участвовали многие князья, в том числе и Игорь с младшим братом Всеволодом.

Как только русская армия углубилась в степь и начала приближаться к половецким кочевьям, произошла ссора между Игорем и переяславским князем Владимиром. Владимир потребовал, чтобы ему позволили идти в авангарде: авангарду достается основная добыча. Игорь, который замещал в походе великого князя, категорически отказался пустить Владимира вперед. И тогда тот в самый разгар кампании покинул армию.

Войско продолжало путь и вскоре натолкнулось на половецкие кибитки. Было побито много половцев и взят полон, но тут поход прервался.

Примчавшийся гонец сообщил, что обиженный Владимир Переяславский пошел не к себе домой, а на Северскую землю. Он сжигал села, уводил пленных, разрушал городки, в то время как остальные князья храбро воевали в степи.

Игорь повернул свою дружину обратно. Но пошел не домой, а на переяславский город Глебов — город был взят и уничтожен.

В результате похода на половцев пострадала только русская

земля. Какие бы пламенные речи о необходимости борьбы с половецкой опасностью ни говорили летописцы, как горячо бы ни выступал за единство великий князь Киевский, доверия между князьями не было и ненавидели они друг друга порой больше, чем половцев.

Летом того же года сам великий князь Святослав с сыновьями и многими князьями Русской земли собрал невиданную по масштабам армию для похода на половцев, но северские князья к нему не присоединились. Осуждая Игоря за непатриотический шаг, позднейшие исследователи забывают о простой причине: во втором большом походе снова участвовал Владимир Переяславский, никем не осужденный и не наказанный. Больше того, он получил разрешение великого князя идти в авангарде.

Святослав не заступился за Игоря. Он понимал, как сложно собрать князей на общее дело, и предпочитал закрывать глаза на обиды, наносимые его сородичам.

Перейдя Днепр у Переволочны, армия пошла степью. В авангарде шли дружина Владимира и легкая берендейская конница. Вскоре авангард столкнулся с передовыми отрядами хана Кобяка. Половцы увидели, что русский отряд невелик, и кинулись на него. Владимир приказал своей дружине стоять твердо, а сам послал гонца к Святославу, чтобы тот поторопился, — его отделял от авангарда целый день пути.

Отразив половцев, Владимир не стал их преследовать, понимая, что впереди находятся главные силы хана Кончака. Кобяк же, соединившись с Кончаком, уверил того, что русских немного: он не знал о движении основной армии. Кончак поспешил вперед, чтобы разбить Владимира. На его несчастье, подоспели главные силы русской армии и в жестоком бою разгромили половецкое войско. По сведениям летописцев, в плен попало семь тысяч степняков, в том числе хан Кобяк с двумя сыновьями и другие ханы.

Цель похода — освобождение днепровского торгового пути — была достигнута.

Однако Кончак не был разгромлен. Пленение ханов освободило его от конкурентов в борьбе за власть и способствовало объединению Степи. Вернувшись в свои кочевья, Кончак продолжал готовить большой поход на Русь.

Что касается князя Игоря, то он все же ходил в то лето в степь, правда недалеко, хотел пограбить половецкие кочевья, пока армия половцев сражается с русскими. Кочевий он не нашел, по встретил половецкий отряд из четырехсот всадников и побил его.

В феврале войско Кончака снова двинулось на Русь. Конечной

целью похода был Киев, где томились в тюрьме пленные ханы. В обозе везли огнемётные орудия, которые ему сделал один басурманин. Летописец сообщает и о «луках, которые могли натянуть лишь пятьдесят человек».

Далее последовали дипломатические маневры. Кончак отлично знал, что черниговские и северские князья не ладят с Киевом. Поэтому он отправил к ним послов, предлагая мир и обещая их земель не трогать. Черниговский князь согласился на мир и послал к Кончаку для переговоров своего боярина Ольстина. Узнав об этом от своих лазутчиков, Святослав Киевский послал в Чернигов письмо, укоряя князя за измену. Тот ответил, что не может нарушить слово. Затем Святослав обратился к князю Игорю, повелев ему выступить против половцев.

Получив приказ, Игорь созвал боярскую думу и, как утверждает летопись, патетически воскликнул:

— Не дай бог нам отказаться от похода на поганых! Поганые всем нам общий враг!

Затем Игорь принялся обсуждать с боярами, как лучше соединиться с войском Святослава, идущим навстречу половцам. Тут воеводы начали якобы отговаривать Игоря, утверждая, что посланец из Киева прибыл слишком поздно. Но Игорь все же настоял на походе, вышел в поле, но попал в туман на реке Суле. Туман был такой густой, что пришлось вернуться. И, сокрушенный неудачей, Игорь остался дома.

В своем исследовании о «Слове» академик Б. А. Рыбаков доказывает, что Игорь отлично успевал к месту встречи и что все его сетования были только отговоркой. И какой может быть туман в феврале, чтобы войско в нем заблудилось, идя по знакомым дорогам?

Святославу повезло. Ему встретились купцы, которые видели, где остановилось на отдых войско Кончака. Нападение русской армии было внезапным, и Кончак бежал, оставив на поле боя катапульты и огневые машины. Берендейская конница гнала половцев до Хорола.

Большой поход Кончака сорвался, но и очередная победа Святослава опять ничего не решила. Силы Кончака сохранились. Угроза для Руси не ослабла. Поэтому Святослав решил нанести половцам окончательный удар. Всю весну он провел в разъездах и переговорах с князьями. Поход планировался в центр половецких кочевий.

Пока великий князь готовил поход, шли приготовления и в Новгороде-Северском.

Уже много лет идут споры о том, что побудило Игоря опять

отколоться от основных русских сил. Апологеты Игоря-рыцаря утверждают, что он отправился в степь ради славы, ради чести русского народа. И это отличает его от прочих князей.

Факты говорят, к сожалению, о другом. Поссорившись с прочими князьями, Игорь готовил свой сепаратный поход именно потому, что полагал: он будет нетрудным и добычливым. Он знал, что Кончак с войском еще в марте был на левобережье Днепра, и полагал, что половцы останутся там, готовясь к новому походу на Русь. Следовательно, если он со своими полками пойдет на восток, то сможет захватить практически беззащитные становища половцев. К тому же половцы не ждали нападения князя Игоря, с которым у них был мир.

Таясь от половцев и от собственного великого князя, Игорь проводил сбор войск не в Новгороде-Северском, а в небольшом Путивле и в пограничном Курске. 23 апреля Игорь выступил на юг. Участвовали в походе лишь вассалы и близкие родственники Игоря: его брат Всеволод, племянник, князь Рыльский, и сын Владимир, которому не было еще и шестнадцати.

Была поздняя весна, дубравы покрылись молодой листвой.

1 мая, вечером, случилось неожиданное и зловещее событие, отмеченное летописцами и ярко описанное автором «Слова о полку Игореве». Солнце, опускавшееся к горизонту, к низким увалам, стало уменьшаться, превращаясь в узкий месяц. «В рогах его яко уголь горячий были звезды видимо и в очах зелено».

Войско остановилось. Тревожно храпели кони, перекликались во внезапно наступившем полумраке воины.

Воеводы подскакали к князю.

— Не на добро это затмение, — промолвил кто-то. Полки примолкли, ожидая, что скажет Игорь. Ведь в те времена никто не сомневался, что такие события, как солнечное затмение, могут быть не чем иным, как знамением неблагоприятным. Вообще-то благоприятных знамений почти не было: для средневекового человека бог был силой карающей.

Игорь не растерялся. Он обратился к войскам:

— Братья мои и дружина! Тайны божии неисповедимы, и никто не может знать его определения. Что хочет, то творит — добро иль зло. Если захочет, он накажет и без знамения. И кто ведает — для нас это знамение или для кого еще, ведь видно затмение во всех землях и народах.

Можно только преклоняться перед здравым смыслом Игоря. Но сила предсказаний и знамений в том, что их запоминают лишь тогда, когда они сбываются. Половцы, тоже видевшие затмение, о нем, разумеется, благополучно забыли,

Игорь помнил о разведке и посылал вперед разъезды. Взяли

пленного. От него вывели, что половцы знают о приближении Игоревой дружины. Воеводы ратовали за возвращение — уж очень далеко ушли они от дома, вокруг была лишь пустая степь.

Игорь возвращаться отказался.

— Если теперь мы, не бившись, вернемся, — сказал он, — то стыд нам будет хуже смерти. Поедем на милость божию.

10 мая Игорь увидел с холмов за степной речкой половецкие кибитки. Когда русские всадники поскакали вперед, половцы помчались прочь, оставив кибитки врагу. Младшие князья бросились в погоню и только вечером, заморив коней, вернулись к главным силам.

Игорь был встревожен. Может быть, его тяготили предчувствия, а вернее, сказывался опыт. Поведение половцев ему не нравилось, место, где стояла лагерем его дружина, не удовлетворяло. Он приказал той же ночью отступить. Но из этого ничего не вышло: кони отряда, что гонялся за половцами, устали, им надо было отдохнуть. Молодежь — князья и простые воины — была возбуждена, весела: первый бой прошел удачно, почему не быть удачным и завтрашнему бою?

Ночью лагерь спал. Непокойно было только Игорю и опытным воеводам, которые не раз уже ходили в степь. Внутренним зрением они видели, как скачут к степной речке половецкие ханы.

На рассвете лагерь пробудился от топота тысячных отрядов. Земля гудела.

Даже в самом дурном сне Игорь не мог предположить, что ему так не повезет: основные силы Кончака и другого могучего половецкого хана, Гзы, оказались неподалеку. Узнав о походе русских, они в считанные дни настигли Игоря.

По приказу Игоря русские полки начали пробиваться на север, но путь им преградили половецкие отряды. Началась жестокая сеча. День выдался жаркий, кони быстро устали и изнемогали без воды. Но к воде половцы не пропускали. Лишь к вечеру измученные воины пробились к речке.

Битва шла и ночью. Не такая отчаянная, как днем, но поспать русским не удалось. Половцы изматывали их, непрестанно бросая в бой новые силы.

Перелом наступил утром следующего дня, после суток почти непрерывного сражения. Легкая конница союзных степняков бросилась бежать с поля боя, разрушив строй.

Игорь поскакал за беглецами. Он был ранен в левую руку и потому бросил щит. Но степняки не остановились. Пришлось вернуться ни с чем. Сражение продолжалось до полудня, княжеские полки бились, стоя спиной к озеру, но постепенно

половцам удалось разъединить их и окружить. Всеволод и остатки войска сложили оружие. В плен попали князь Игорь, его сын и пять тысяч дружинников. Мало кому удалось вырваться. За беглецами бросились стаи легкой половецкой конницы.

Кончак, узнав, что в плен попали русские князья, торжествовал. По двум причинам. Во-первых, у него было много пленников, а это — выкуп. За Игоря половцы установили выкуп в две тысячи гривен, за прочих князей — по тысяче, за воевод — по двести. Это были громадные деньги. Такой запас пленных после ряда поражений позволял рассчитывать на обмен с русскими. Но еще важнее было другое: с гибелью войска Игоря в русской обороне открылась брешь.

После победы над Игорем возникли разногласия между Кончаком и его союзником — ханом Гзой. Гза хотел воспользоваться моментом и разгромить незащищенное Северское княжество. Кончак рассчитывал на большее, чем грабеж Северской земли. Святослав еще только собирает войска союзных князей, армия его не готова. Можно нанести удар по Киеву!

Ссора между половецкими ханами спасла Русь от грозной беды. Гза и Кончак, так и не сговорившись, повели свои полки в разные стороны.

Святослав, возмущенный поступком Игоря, говорил: «Не сдержали вы молодости своей и отворили ворота поганым в Русскую землю... как прежде я был сердит на Игоря, так теперь мне жаль его стало».

Но времени Святослав не терял. Он немедленно послал в Северскую землю своих сыновей с дружинами.

Кончак ударил по Переяславлю. Город был осажден, и Владимир решил совершить вылазку с небольшой дружиной. Половцы окружили его и изранили так, что дружинники еле живого внесли его обратно в город. От этих ран Владимир вскоре умер. Так Игорь, не ведая о том, руками половцев отомстил своему врагу.

Узнав об осаде Переяславля, Святослав поспешил на выручку. Кончак снял осаду с Переяславля и повернул назад. На обратном пути он осадил город Римов. Город успешно сопротивлялся, но тут — то ли из-за подкопа, то ли от ветхости — рухнули две крепостные башни вместе с защитниками. В наступившей суматохе половцы ворвались в город и перебили его жителей. Добыча Кончака была так велика, что он повернул в степь. Давно не наносили половцы такого удара Русской земле.

Если правый берег Днепра Святославу удалось защитить, то левобережье было опустошено половцами. Русские рабы

продавались за бесценок — перекупщики сбежались в стан Кончака с Кавказа и с Волги.

Армия Гзы подошла к Путивлю, сожгла его посады, разграбила окрестные села, но взять город не смогла. Подоспели полки сыновей великого князя Киевского. Гза отступил за реку, увозя награбленное добро и пленных, а сына послал вверх по Сейму жечь прибрежные деревни. Сын увлекся грабежом, его настигли киевские войска, и он погиб.

Когда Гза вернулся в кочевья половцев и встретился с Кончаком, Игорь и его дружина все еще были в плену. Гза, потерявший сына, жаждал мести. Он потребовал убить Игоря.

Но это не входило в планы Кончака. Игорь был нужен ему живой. Как заложник и как потенциальный союзник.

Игорь не был утеснен в плену. Кончак разрешил ему выписать православного священника — между Новгородом-Северским и станом Кончака поддерживались отношения. Хан даже просватал свою дочь за шестнадцатилетнего Владимира, сына Игоря.

Но, несмотря на такое отношение к пленнику, Кончак не хотел отпускать его бесплатно.

Сколько Игорь пробыл в плену — предмет спора историков. Обычно считается, что он просидел чуть более года: у Ефросиньи Ярославны не было в казне достаточной для выкупа суммы, тем более что половина ее княжества была разграблена половцами.

Узнав о том, что среди половцев зреет план его убить, Игорь склонился на уговоры некоего полукровки Лавра, обещавшего помочь ему бежать. Игорь сначала не верил Лавру, думая, что тот подослан половцами, дабы был предлог его убить «при попытке к бегству». Конюший же и тысяцкий Игоря, которые знавали Лавра, утверждали, что он — «муж твердый, но оскорблен от некоторых половцев, мать же его была русская из области Игоревои». Наконец Игорь сдался. Бежал он вместе с Лавром и несколькими слугами. Одиннадцать дней они шли степью и дубравами, пока не добрались до Путивля. Ярославна, узнав о появлении мужа, бросилась ему навстречу, и «от слез и радости они сказать ничего не могли».

Убедившись, что его княжество находится в ужасном состоянии, Игорь отправился по сильным соседям просить помощи. Поездка была унижительной для гордого Игоря. Вряд ли князь воздерживались от упреков.

Между тем в Киеве шло совещание князей. Кончак не разбит, часть Русской земли разорена. Все, чего добились русские за последние годы, пошло прахом. Можно было сколько угодно корить князя Игоря, но этим дела не поправишь. Над всей Русью

нависла угроза.

В это время, вернее всего в Киеве (хотя существуют и другие мнения), жил человек, который написал поэму «Слово о полку Игореве». В ней он рассказал о походе князя, стремясь убедить читателей, что князья должны забыть распри и объединиться в борьбе с общим врагом. Он доказывал, что Русь гибнет, расколота междоусобицами.

Поэт никого не осуждает, хотя укоризна слышится в его голосе. Это торжественный плач по Русской земле. Ведь и читателями и героями поэмы были современники поэта. Они должны были не только читать и умиляться — они должны были действовать.

Было бы преувеличением утверждать, что «Слово» сыграло значительную роль в борьбе с половецкой опасностью. К сожалению, даже великие произведения литературы не способны изменить ход истории. Князья в силу социальных законов, о которых они и не подозревали, продолжали отчаянно бороться между собой, половцы продолжали нападать на русские города. Но в 1186 году войны с половцами не было. Не исключено, что князья договорились дать совместный отпор половцам. А хитрый Кончак знал об этом и остался в своих кочевьях.

Но уже в 1187 году Кончак опять пришел на Русь и разграбил села и города в Северском и Черниговском княжествах. И когда Святослав начал собирать новый поход на Кончака, его родной брат князь Черниговский от похода уклонился. «И была между братьями распра».

А Игорь продолжал жить в Новгороде-Северском. Вскоре вернулся из половецкого плена его сын Владимир с молодой невестой — Кончаковной. От них пойдут дети по крови более половцы, чем русские.

В 1194 году умер великий князь Киевский Святослав — организатор борьбы со Степью. В 1198 году, после смерти черниговского князя, этот стол по старшинству перешел к князю Игорю Северскому. А еще через четыре года он умер в Чернигове.

Правивший в Галиче Ярослав Осмомысл, могучий владыка, при одной вести о приближении армии которого враги бежали от Киева, никак не мог распутать семейные проблемы. Его жена Ольга не могла более выносить, что ее муж открыто признает Настасью истинной своей супругой, хотя с ней и не венчан. В Галиче говорили, что он намерен отправить жену в монастырь и обручиться с возлюбленной.

Галич раскололся. Среди бояр существовала партия, стоявшая за передачу трона бастарду Олегу, которого неуважительно величали «Настасьевичем». Партия княгини Ольги желала, чтобы власть перешла к ее сыну Владимиру.

Понимая, что проигрывает, княгиня решилась на отчаянный шаг: вместе с Владимиром и несколькими преданными ей боярами она в 1173 году бежала из Галича. Беглецы ушли в Польшу, так было заранее уговорено с польским князем Болеславом Кудрявым.

Этот поступок вызвал целую лавину событий. В Галиче Ольга, обиженная жена, Ярослава не беспокоила. Княгиня, вынесшая конфликт на суд Польши и Руси, создала опасное политическое осложнение. Ярослав предпринял дипломатические усилия, чтобы вернуть жену и старшего сына. Этим, вероятно, объясняется то, что через восемь месяцев добровольного изгнания Ольга с Владимиром неожиданно покидают Польшу и едут на Волынь, к тамошнему князю — врагу Ярослава. Ольга просит у князя помощи, а в это время ее сторонники в Галиче распространяют пугающие слухи о грядущем нашествии поляков

и венгров, о гневе русских князей на Ярослава, который якобы решил отдать престол незаконному сыну. В Галиче твердят, что Настасья — ведьма, которая околдовала князя. Спасти князя от колдовства — богоугодное дело.

Успешные заговоры чаще всего зреют в тени трона. При дворе всегда найдутся люди, знающие, куда больнее ударить. Видно, Ярослав в своей гордыне и не подозревал, что ему может угрожать опасность. Слухи он игнорировал, дружину отпустил. Он даже не побоялся покинуть столицу и отбыть в загородный дворец на охоту. Тогда все и случилось...

Когда Владимир с матерью подъезжали к Полоцку, их догнал посланец из Галича. Он сообщил княжичу от имени галицких бояр: «Ступай домой, отца твоего мы схватили, приятелей его перебили, и враг твой Настасья в наших руках».

Пока обрадованные Владимир с матерью спешили в Галич, бояре, не тратя времени даром, продолжали начатое. Настасью как ведьму, околдовавшую Ярослава, сожгли на главной площади. Ее сына бросили в оковах в тюрьму, самого же Ярослава, сломленного предательством и унижением, когда Настасьи не стало, отпустили на свободу под надзор боярской партии, взяв с него торжественную клятву, что он не будет мстить заговорщикам и будет жить с княгиней, как положено мужу. Ярослав такую клятву дал, но затаил в душе лютую ненависть.

Внешне Ярослав выполнял условия договора с боярами. Он ни слова не возразил против возвращения сына и жены. Летописи молчат о том, что было в Галиче после этого переворота. Значит, ничего достойного, с их точки зрения, не происходило. Но власть в княжестве перешла в руки княгини и боярской партии. Много лет любовные увлечения князя никого не беспокоили. События разыгрались, когда возникла опасность, что Ярослав передаст престол «Настасьевичу». Бояре не желали, чтобы их владения и поместья стали ареной княжеских междоусобиц. Если за Ольгу встанут ее родичи, которым нужен лишь предлог, чтобы напасть на богатые южные земли, то страдать в первую очередь будут землевладельцы и крупные торговые люди. Поэтому дворцовый переворот в Галиче был вызван не безнравственным поведением князя, а страхом перед войной.

Ярослав смирился с боярским бунтом, чтобы сохранить престол. Прошло лет восемь. Галичане разочаровались в новых правителях, и многие с грустью вспоминали о прошлых временах. Постепенно инициаторы заговора один за другим сходили со сцены.

Долгожданный момент для Ярослава наступил, когда умерла княгиня Ольга. Умерла ли она естественной смертью, так как

была уже пожилой женщиной, или ей помогли умереть — мы так и не узнаем. Но Ярослав тут же обрушился на боярскую оппозицию, лишённую вождя. Попытка Владимира занять место матери провалилась. Когда начались казни активных участников расправы над Настасьей, Владимир бежал.

В 1182 году Владимир Галицкий оказывается на Волыни, у князя Романа Мстиславича, и просит у него приюта.

Ярослав был в таком гневе, что решил любой ценой заполучить Владимира обратно. Но на открытую войну с Волынью он не решился и прибег к другому, весьма эффективному способу. За три тысячи гривен он нанял большой польский отряд, который отправился на Волынь и начал жечь города. Официально никакой связи между этим разбоем и Ярославом не было, но Роман понял, что означает этот шаг. Он счел за лучшее не ссориться со своим могучим соседом и предложил Владимиру убраться из его земель.

Владимир бросается в Киев, к тестю, но даже великий князь гонит его от себя, утверждая, что дал клятву Ярославу княжича не пускать. И начинается долгий и многострадальный путь Владимира Галицкого от князя к князю. Игорь Дорогобужский его прогнал, Святополк его не принял, гордый смоленский князь Давид велел ему ехать к его дяде Всеволоду Большое Гнездо. Даже в далеком Владимире ему не нашлось места. Молодой галицкий наследник объехал всех основных князей Руси, и ни один из них, будь то союзник или враг Ярослава, не посмел дать ему убежища. Можно только представить себе, какую огромную дипломатическую работу провел Ярослав, если князья, неспособные даже на видимость единодушия, были столь едины в нежелании пригреть изгоя.

Оставалось княжество Северское, где правил Игорь, женатый на сестре Владимира Ефросинье Ярославне.

Семья Игоря не в пример галицким родичам была дружной. Может быть, именно любовь Игоря к жене и заставила его совершить поступок, на который не решился ни один из больших князей. Игорь осмелился бросить вызов самому Осмомыслу. Летописец рассказывает, как Владимир, отчаявшись найти себе убежище, приехал к Игорю Святославичу: «Игорь же принял его с любовью и честью и держал у себя два года».

Игорь решил помирить сына с отцом. Удалось ему это сделать не сразу и пришлось даже отправить в Галич заложником собственного сына.

«С великим прилежанием через князей русских едва его с отцом примирил, изпрося ему во всем прощения, и послал с ним его проводить сына своего Святослава».

Ярослав, прия сына своего Владимира и наказав его словами,

дал ему Свиноград, но жить велел в Галиче, дабы он не мог кое зло сделать. Святослава же, одарив, с честью отпустил».

Ярослав победил. Он добился того, что сын вернулся молить о милости и остался жить в Галиче под надзором.

Любое потрясение в Галиче затрагивало интересы Византии и Венгрии, отзывалось в Болгарии и Польше. Южная Европа была вся в движении. С одной стороны, Болгария и Сербия боролись за независимость от Византии, с другой — в 1189 году начиналось очередное грандиозное предприятие — Третий крестовый поход, который по масштабам значительно превосходил предыдущие, хотя бы потому, что во главе его стояли три могущественнейших государя Европы: германский король и император Священной Римской империи Фридрих Барбаросса, французский король Филипп Август и английский король Ричард Львиное Сердце.

Для стран юго-востока Европы, противостоящих Византии, это предприятие представляло опасность. Замыслы, рожденные в монастырях и столицах Запада, таили в себе угрозу не только Византии, но и ее соседям. Проход через эти страны жестоких и корыстных рыцарей, для которых разница между христианскими Венгрией, Болгарией и Византией и «неверными» была не более как условностью, грозил разорением и был на руку только итальянским конкурентам — генуэзцам и венецианцам. Тревога эта была обоснованной. Пройдет всего пятнадцать лет, и те же самые крестоносцы в очередном походе решат, что Константинополь — легкая и богатая добыча. И разгромят Византийскую империю, нанеся ей такой урон, равного которому не наносил ни один «неверный».

В преддверии тревожных перемен каждый из соседей Галича старался усилиться, и за делами галицкого князя со вниманием следили в Европе. Старик Ярослав Осмомысл умел балансировать в сложной политической игре, но, когда он занемог и разнеслась весть о том, что болезнь князя смертельна, соседи встревожились.

Владимир Галицкий продолжал жить в столице под зорким глазом нелюбящего и нелюбимого отца, ненавидя своего младшего брата Олега «Настасьевича». Он уже не молод, ему под сорок, ничего в жизни так и не удалось добиться. Кто он? Властитель заштатного Свинограда, куда он даже съездить не может?

Трагедия Ярослава заключалась в том, что он полюбил незнатную женщину, был верен ей и своей верностью погубил.

История, говорят, повторяется. Первый раз это трагедия, второй — фарс. Что и случилось в Галиче.

У Владимира были жена и сын от нее. Что случилось с женой,

летописи молчат. Владимир вел жизнь безнравственную, пил, буйнил, от дел бегал.^[22] Кончилось тем, что он отнял у попа жену и стал с ней открыто жить.

Любопытно, понял ли после этого Владимир своего отца? Вряд ли. Мы всегда находим оправдание себе и за те же грехи готовы судить других. Хотя отец и сын были врагами, жизнь их кое в чем сложилась сходно.

За годы, проведенные в Галиче, свиноградский князь Владимир прижил от попадъи двух сыновей.

В 1187 году к князю Ярославу пришла смерть.

Чувствуя ее приближение, Ярослав созвал бояр, священников, монахов и даже нищих и, плача, умолял подчиниться его последней воле.

Слово его записал летописец.

— Отцы и братья, — сказал он. — Вот я отхожу от этого света суетного и иду к творцу моему. Согрешил я больше всех. Отцы и братья, простите!

Слушатели плакали вместе с князем. Им стало страшно оставаться без него. Были в той толпе и те, кто вел на костер Настасью, и те, кто заковывал в цепи Олега, стоящего теперь рядом с ложем отца, и те, кто измывался над старым князем. Но все это было в далеком прошлом.

— Я одною своею худою головою удержал Галицкую землю, — продолжал князь, — а вот теперь приказываю занять мое место...

В зале стояла мертвая тишина.

— ...Олегу, — твердо сказал князь. — Меньшому моему сыну, а старшему, Владимиру, даю Перемышль, с тем чтобы он Галича себе не искал.

Никто не посмел перечить умирающему князю. К тому же в зале было немало сторонников Олега.

После этого Ярослав приказал раскрыть свои кладовые, полные золота и драгоценностей. И три дня по всей Галицкой земле раздавали эти сокровища монастырям и бедным. Но не смогли они всего раздать, поражается летописец, так много добра было у князя.

Потом князь привел к присяге галицких бояр и духовенство.

Неизвестно, что говорил и думал тогда Владимир; правда, можно себе представить, как он проклинал судьбу. Но и он присягнул младшему брату.

Ярослава торжественно похоронили. В процессии шли оба сына — князь Галицкий Олег и князь Перемышля, вассал Олега, Владимир.

Но рядом с Владимиром, теснясь к нему, шли многие знатные бояре, понимавшие, что ни западные соседи, ни русские князья не смирятся с княжением Олега «Настасьевича».

Мятеж начался сразу после похорон. Еще не успели отзвенеть печальные колокола, как бояре пришли к Олегу и велели уходить из города добром. Иначе ему не жить на свете.

Олег покорился, уехал из Галича и укрылся в Овруче, у тамошнего князя. И исчез из летописей и истории.

Но и разочарование во Владимире наступило довольно быстро.

Формально, как утверждает летописец, причинами этого были его пьянство, история с попадъей и нежелание советоваться с боярами.

Попадья и пьянство, конечно, были, но обычно такие грехи боярского гнева не вызывали. Разгадка лежит в последнем обвинении — нежелании советоваться с боярами.

Неурядицы в Галиче не ускользнули от внимания соседей. Первым решил вмешаться в игру волынский князь Роман, тот самый, который в свое время дал было убежище Владимиру, изгнанному из Галича, но потом одумался и выгнал его.

Говоря о Романе, летописи сообщают, что он был весьма деятелен и предприимчив, и если уж принимал решение, то ничто не могло его от этого отвлечь, а вот в выборе средств для достижения целей Роман был неразборчив. Как только он почувствовал, что галицкий престол может в любую минуту стать вакантным, он послал гонцов к оппозиционным боярам и предложил себя в качестве галицкого князя. И конечно же, нашел среди них союзников.

В Галиче составилась заговор, воеводы и бояре начали собирать войска, чтобы восстать против Владимира. Но восстать не смели, потому что у Владимира оставались в Галиче сторонники, да и сам он был настороже — убить его не удавалось. И все же положение Владимира было почти безвыходным. Силы противников превосходили его дружину, город был окружен врагами.

Бояре не хотели большой войны, к тому же они знали, что дружина верна Владимиру, а Роман со своим войском далеко и не спешит. Добром Владимир не уходит. Значит, его надо испугать.

Тогда в их головах родился провокационный план, основанный на знании характера Владимира, которому не хватало умения смириться ради власти, как сделал в свое время его отец.

К Владимиру явились самые знатные бояре.

— Князь, — сказали они, — мы не на тебя встали, но не

хотим кланяться попадье, а хотим ее убить. А ты где хочешь возьми себе жену, понеже нам от того стыд и поношение несносное.

Владимир сначала пытался разубедить бояр. Он напомнил им, что они еще недавно целовали ему крест. Наконец князь привел последний аргумент.

— У меня дети от попадьи, — сказал он.

— И детей народ убьет, — отвечали бояре. В таких случаях всегда полезно напомнить о существовании народа.

Бояре дали Владимиру срок только до следующего дня.

Ночью князь в страхе за свою семью поднял дружину, взял казну, детей, любовницу и усакал в Венгрию.

Соглядатаи сообщили боярам, что князь уходит из города, но те ему не мешали. Боярам казалось, что теперь они — настоящие хозяева княжества.

История не повторяется точно. Отец предпочел власть и смирился. Владимир предпочел любовь и отказался от власти. Как только слабый согласится с условиями ультиматума, он признает свою слабость, и враги делают следующий шаг.

Положение в Галиче было небезразлично его соседям, и все они так или иначе приняли участие в дальнейшей борьбе.

Сначала на первый план вышли венгры.

В 1173 году умер венгерский король Стефан, причем, по слухам, он был отравлен не без помощи своего младшего брата, того самого Белы, который некогда был обручен с принцессой Марией, дочерью византийского императора Мануила, и который, пока вторая жена Мануила не подарила супругу сына, считался наследником византийского престола.

В Венгрии наступило междоусобие. Знать раскололась на три партии. Первая состояла из сторонников Белы. Вторая, во главе которой находились высшие иерархи католической церкви, опасалась, что Бела испорчен константинопольским воспитанием и перестал быть добрым католиком; епископы требовали, чтобы страна ждала, пока беременная жена покойного Стечана разродится. Третью партию возглавляла властная старуха Евфросиния Мстиславна, дочь русского князя, мать Белы и Стефана, которая требовала, чтобы престол перешел к ее любимому третьему сыну. В конце концов Бела, опираясь на поддержку Византии, сумел захватить престол.

Когда в 1189 году к Беле приехал Владимир Галицкий, тот принял его хорошо, ибо был заинтересован в том, чтобы Галичем правил обязанный ему князь. Он предоставил в распоряжение Владимира большую армию. Благодарный Владимир оставил у

венгров семью и казну, а сам двинулся к Галичу.

Пока в Венгрии шли приготовления к походу, волынский князь Роман призвал своего младшего брата Всеволода и торжественно передал ему престол в своей столице — Владимире-Волынском. Сам же, собрав дружину, поехал править новой вотчиной. Брату на прощание не без спеси сказал: «Больше мне этого города не нужно». Владимир-Волынский был беден и даже невзрачен по сравнению с роскошным Галичем.

Галицкие бояре взяли с Романа крестное целование, что он будет блюсти их права и заботиться о народе. Роман дал требуемые клятвы и въехал в княжеский дворец.

Буквально через несколько дней с западной границы прискакал взмыленный гонец: огромная армия венгров идет на Галич. Во главе ее Владимир и сын Белы, принц Андрей.

Роман кинулся к боярам, надеясь, что они соберут ополчение. Бояре же испугались: против венгерского войска Галичу устоять трудно. Начиналась большая война, которой они так старались избежать. Поэтому их симпатии вновь оказались на стороне Владимира.

Роману некогда было даже послать гонцов к своим родичам на север. Он понимал, что может надеяться лишь на собственную дружину. И если дело дойдет до осады, то горожане наверняка ударят ему в спину. Так что Роман счел за лучшее захватить остаток казны Владимира и бежать из города.

Через несколько дней, когда к Галичу подступило венгерское войско, бояре вынесли Владимиру ключи от города. Из их приветственных речей было ясно, что лишь недоразумение помешало Владимиру благополучно княжить в Галиче.

Владимир сдержанно выслушал приветственные речи и, отпустив бояр, стал готовиться вступить в город.

Он переодевался в шатре, когда туда вошли несколько венгерских вельмож во главе с принцем Андреем. Принц был вежлив. Он не хотел обидеть своего старшего родича (они были родственниками через бабушку Андрея Евфросинию), но вынужден был сообщить ему, что по указанию короля Белы князем в Галиче решено поставить его, принца Андрея. Таким образом, Галич отныне входит в состав Венгерского королевства. Андрей выразил свое сожаление по поводу такого оборота событий и покинул растерянного и обманутого Владимира.

Тут же вельможи отняли у князя меч и вывели к группе всадников, ожидавших у шатра, — это был конвой, под охраной которого Владимиру предстояло отправиться в Венгрию. Его собственную дружину уже разоружили.

Владимир был привезен в Венгрию и заточен в один из

замков. На вершине высокой башни русскому князю поставили шатер. Два раза в день туда поднимались стражи, приносили воду и пищу. Стражи не разговаривали с пленником. Шатер на вершине каменной башни был надежнее глубокого подземелья. Правда, в этом была и милость венгерского короля — рядом пролетали птицы, дул свежий ветер, на горизонте в хорошую погоду была видна сиреневая полоса Карпат, и можно было убедить себя, что видишь Галицкую землю. Семью Владимира держали в другом замке.

Плохо пришлось и Роману Волынскому, подбившему бояр на измену Владимиру, а потом столь легкомысленно подарившему собственное княжество младшему брату. Роман кинулся к своему городу, но брат затворил перед ним ворота и со стены нагло крикнул, чтобы тот возвращался в Галич.

Шел дождь, усталая дружина Романа понуро брела по долине. Тихо тащился обоз — добро, вывезенное Романом из Галича.

Властитель волынский, а затем государь галицкий стал изгоем, князем без княжества. Караван двинулся к тестю Романа Рюрику, князю Смоленскому. Тот согласился дать войско и предоставить приют беженцам, по при условии, что Галицкое княжество Роман поделит с его сыном. С новой армией и новыми надеждами Роман двинулся в Галицкую землю, но у границ ее был разгромлен венграми.

Конфликт, словно расходясь кругами по воде, втягивал все новых участников. Венгерский король, зная коварство галицких бояр и опасаясь войны с объединенными силами русских князей, тайно послал гонцов в Киев, к Святославу, с предложением передать Галич сыну великого князя. Святослав соблазнился и дал согласие.

Тут узнал об этом Рюрик, который еще не отказался от мысли увидеть своего сына на галицком престоле. Между старыми князьями началась страшная, к счастью только письменная, свара, которая кончилась лишь тогда, когда в нее вмешался митрополит, сурово осудивший обоих князей за то, что они делят Галич, захваченный католиками. Подействовало ли вмешательство митрополита или нежелание начинать междоусобную войну из-за Галича, но оба старых князя собрали армии, взяли своих сыновей-претендентов и отправились в поход на Галич.

Итак, к этому моменту на галицкий престол претендуют: Владимир, который сидит на башне, Олег «Настасьевич», живущий в Овруче, принц Андрей, который правит Галичем, но чувствует себя там неуверенно, сын Святослава Киевского и сын Рюрика Смоленского, которые идут со своими отцами к Галичу, и,

наконец, как скоро выяснится, сын несчастного Ивана Берладника, бедный, отважный и гордый Ростислав.

Объединенное русское войско до Галича не дошло. С каждым днем отношения между его предводителями все более портились. Поделить между собой еще не завоеванные земли они так и не смогли. В результате, несмотря на уговоры митрополита, они повернули дружины вспять.

Прослышав о походе старых князей, галичане надеялись, что венгерская оккупация кончится и что католические миссионеры уберутся из города вслед за венгерскими рыцарями. Провал похода показал всю тщету их надежд.

Андрей не доверял галичанам, ожидая с их стороны всяческих каверз. Поэтому он считал за лучшее увезти из Галича членов самых знатных и богатых семей в качестве заложников.

И вот тогда вмешались городские низы: ремесленники, мелкие торговцы, беднота — те, кому от княжеских распри доставалось больше всех. Они выдвинули своего претендента на престол — жившего в низовьях Дуная Ростислава Берладника, который был им куда милее, чем знатные господа. Летописец сообщает, что, когда к Ростиславу отправились из Галича послы, многие бояре были недовольны.

Ростислав со своей дунайской вольницей поспешил к Галичу. Но опоздал. Раньше туда успели венгерские подкрепления. Встревоженные венгры созвали знатных людей города и потребовали, чтобы они снова поклялись в верности Андрею. Как говорит летописец, «правые целовали крест охотно, ничего за собой не зная, а виноватые по нужде, боясь венгров».

Ростислав Берладник остановился у городской стены. К нему выбрались некоторые из его союзников. Они рассказали, что их план провалился.

— Видишь, тебя обманули, — говорили дружинники, — поеем прочь.

Но неожиданно для всех Ростислав отказался уезжать.

— Нет, братья, — передает его слова летописец, — вы знаете, что галичане целовали мне крест, и если теперь они ищут головы моей, то бог им судья, а мне наскучило скитаться по чужой земле, хочу голову положить на своей отчизне.

Из ворот города выходило венгерское войско. Сверкали шлемы, радугой горели знамена, земля содрогалась от топота копыт.

Ростислав стегнул коня и помчался на врагов. За ним поскакал еще десяток дружинников.

И пропали в жутко и тяжело зашевелившейся гуще всадников.

Только Берладник, весь израненный, был еще жив.

Венгры отнесли его в город.

К тому времени, когда Ростислава принесли в детинец и положили в горницу, город кипел. Гул толпы доносился до дворцовых покоев. Завоевателям было неуютно и страшно. И тогда... неизвестно, кто первым сказал это — то ли какой-то боярин, то ли сам Андрей:

— Князь должен умереть. Живой он слишком опасен.

Наутро горожанам было объявлено, что Ростислав умер от тяжких ран. Никто этому не поверил. Летописец утверждает, что «венгры приложили яд к ранам Берладника».

Волнения в городе показали венгерскому принцу, что галичане непокорны и враждебны. И летописцы рассказывают, как венгерские рыцари начали насильничать и грабить, ставить лошадей в церквах и казнить горожан.

Тогда галичане раскаялись, что прогнали Владимира, но было поздно.

Владимир же ничего не знал. Несколько месяцев он жил на вершине башни. Венгры как-то разрешили попадье навестить его. Под платьем она пронесла кинжал.

Ночью Владимир исполосовал кинжалом обитый ветрами и потускневший шатер. Ткань с треском рвалась. Владимир спешил: времени до рассвета было мало. Из матерчатых полос он связал длинную веревку и прикрепил ее к зубцу башни. Конец ее чуть не доставал до земли. Перекрестившись, Владимир крепко взялся за веревку и начал спускаться.

Внизу его ждали верные люди.

На Руси реальной помощи Владимиру ждать было неоткуда. И он пустился в опасный путь. Без свиты, почти без охраны через венгерские земли, где каждый камень был врагом, он пробирался на запад. Там Фридрих Барбаросса вел армию в крестовый поход.

Император со своим войском как раз вступил в Венгрию. Он заключил договор с Белой, которому в обмен на беспрепятственный пропуск крестоносцев через Венгрию и снабжение их продовольствием пообещал, что немецкие рыцари воздержатся от грабежа.

Оба монарха выполнили свои обязательства, но любви между ними не возникло — в любом случае для Венгрии проход крестоносного войска был бедствием, и Бела лишь мудро выбрал из двух зол меньшее.

Владимир надеялся на помощь германского императора. И не без оснований. Галицкие земли оставались в стороне от пути движения армии крестоносцев, а так как отношения с Византией оставляли желать лучшего, Барбаросса полагал весьма нелишним обезопасить себя от неожиданного нападения, и появление

претендента из хорошо известной императору семьи было подарком судьбы.

Встреча была сердечной. Фридрих был знаком с Ярославом. Сыграли свою роль и династические связи германских императоров с Русью. Достаточно вспомнить об общей родственнице Барбароссы и Владимира — неутомимой Адельгейде. Под этим именем в Германии была известна перешедшая в католичество сестра Владимира Мономаха Евфросиния. Эта решительная красавица вышла замуж за Оттона, маркграфа Бранденбургского, а потом, овдовев, — за императора Генриха IV. Адельгейда, больший католик, чем сам папа, умудрилась поднять против собственного мужа поочередно обоих своих пасынков — Конрада и Генриха — и была инициатором падения императора. После смерти мужа она возвратилась на Русь, перешла обратно в православие и доживала век монахиней в Киеве.

Политический расчет и родственные чувства обеспечили успешный исход переговоров. Император решил вернуть престол Владимиру, за что тот обещал платить Фридриху ежегодно две тысячи гривен серебра.

Фридрих был мудрым государем и менее всего хотел открыто оскорблять чувства венгров. Он придумал куда более тонкий ход: ничего не сообщив королю Беле, он тайно отправил Владимира в Польшу, к князю Казимиру Справедливому, с просьбой помочь вернуть ему галицкий престол. Казимир согласился — в постоянной борьбе с венграми и собственными воеводами союзный Галич был нужен и ему. Он отправил с Владимиром свою армию под командованием знаменитого полководца Николая.

Когда до галичан дошла весть, что к городу приближается Владимир, всех охватила радость. Были забыты прежние обиды. Штурм совпал с восстанием галичан против венгров. Те потерпели поражение и покинули город.

На этот раз Владимир решил не рисковать. Претенденты на престол были живы, а галичане переменчивы. Поэтому Владимир обратился к своему дяде Всеволоду Большое Гнездо с просьбой поддержать его. Не исключено, что и здесь помог Фридрих Барбаросса, знавший Всеволода.

Всеволод написал письма всем основным князьям Руси и Польши, в которых предупреждал, что нападение на Владимира он будет расценивать как нападение на него самого.

С этого момента и до смерти, в течение десяти лет, Владимир спокойно правил Галичем, и там не было ни восстаний, ни заговоров. Может, Владимир стал разумнее и мудрее, может,

горожане были научены горьким опытом и не хотели больше войн и незваных гостей.

По крайней мере, когда Владимир, установив мир с венграми, добился возвращения пощады и сыновей, никто в Галиче не укорял князя.

Правда, у этой истории есть печальный эпилог. Он относится к другой эпохе, но связан с нашими героями. Когда в начале XIII века в Галиче произошел очередной переворот, бояре призвали на княжение сыновей Игоря Северского — Владимира (того, что женился на дочери Кончака), Романа и Святослава. Три брата, поделив между собой княжество, боролись против венгров, поляков, русских соперников и самих галичан, которые периодически меняли свою политическую ориентацию. В этой борьбе Игоревичи разгромили галицкую дружину и убили нескольких бояр. Но это была пиррова победа. Вскоре, призвав на помощь других князей, галичане победили Игоревичей, и двое из них, Роман и Святослав, попали к боярам в плен. Не дожидаясь решения русских князей, бояре решили отомстить братьям. Романа и Святослава они повесили. Лишь Владимир с Кончаковной (в православии Настасьей) сумел спастись.

Часть V. Запад

Двигаясь вслед за торговыми караванами с востока на запад, мы начали путешествие в странах Юго-Восточной Азии и Дальнего Востока, затем попали в громадную, протянувшуюся на тысячи километров степь, побывали в странах ислама и очутились в христианском мире. Каждый из этих миров подразделялся на общности. Одной из них был комплекс славянских народов. Он входил в мир христианский, но если Грузия, Армения, Византия граничили с миром ислама, то восточные славяне исторически оказались буфером между Европой и Великой степью. Русское государство, которое превратилось к концу XII века в конгломерат княжеств, потерявших способность объединиться даже перед лицом смертельной угрозы, могло сдерживать натиск степных народов до тех пор, пока те сами были разьединены и относительно немногочисленны. Когда же над Степью поднимутся бунчуки армий Чингисхана, Русь примет удар монголов и погибнет, но самортизирует этот удар. Завоеватели, пройдя Русь, доедут до Польши и Венгрии, сомнут, но не оккупируют эти страны, натолкнутся на сопротивление чехов и выдохнутся уже в пределах Священной Римской империи.

Судьбы западных славян во многом сходны с судьбой Руси. Однако их щиты обращены не на восток, а на запад. Им приходится ограждать славянский мир от давления со стороны западноевропейских государств.

Разумеется, эта аналогия приблизительна. Иными были соперники, иной — обстановка, иными — результаты этой

борьбы.

Наконец, южнославянские народы — болгары и сербы — в борьбе за свою независимость сопротивлялись гегемонии Византии. История этой борьбы на три фронта распадается на множество страниц. Многие из них утеряны или пришли в ветхость.

В исторических катаклизмах выжили далеко не все славянские народы. Как правило, лишь те, что создали государственность до периода феодализма и были достаточно многочисленны, чтобы противостоять врагам. Немало небольших славянских и балтийских народов, в основном на севере Европы, по берегам Балтийского моря, сгинуло в этой борьбе. Кровь пруссов, ятвягов, вендов, лютичей и многих других течет ныне в жилах русских, литовцев, поляков, немцев, датчан. Имена же их остались лишь достоянием историков.

Тот же закон действовал и в Степи. Половцы, берендеи, черные клобуки, печенеги, хазары — все эти народы и племена исчезли, сметенные татаро-монгольским нашествием, и потомки их растворились в народах современных.

Порой, когда листаешь средневековую историю Восточной Европы, кажется, что некоторые страницы ее перепутаны. Вдруг сталкиваешься с явлением, которое противоречит логике повествования. Ведь действительность всегда сложнее теоретических построений.

Такой страницей кажется, например, история Галича. Он принадлежит славянской Руси и в то же время теснейшим образом связан с западными соседями.

Еще более необычна страница, повествующая о Новгороде и его младшем брате Пскове — городах-республиках, в которых можно найти аналогии не только с ганзейскими торговыми республиками, но и с итальянскими городами-государствами.

Дома Новгорода и церкви, одежда жителей, язык, нравы и обычаи во многом подобны владимирским. Но этот город, с одной стороны, правит государством, по площади равным чуть ли не всей остальной Руси, с другой — всей своей деятельностью связан с Европой. Это единственный из русских городов, не поддавшийся князьям.

Византийский император Мануил и император Священной Римской империи Фридрих Барбаросса не смогут покорить Милан и Венецию. Андрей Боголюбский, шведский король, немецкие духовно-рыцарские ордены не смогут покорить вольный Новгород.

Остановка в Новгороде — это начало путешествия по Европе, это столкновение с новым миром, центр которого — Балтийское

море. Южное ответвление Великого торгового пути вскормило города Италии. Северное — Новгород, порты польского Поморья и ганзейские города Германии.

Новгород был по-настоящему открыт 26 июля 1951 года.

Шли археологические раскопки, далеко не первые.

В тяжелой, влажной почве обнажались последовательно слои толстых бревен — древних мостовых города. Каждые двадцать — двадцать пять лет мостовая перестилалась, и бревна ложились на предыдущую мостовую. До тридцати слоев мостовых поленницей прорезают культурный слой Новгорода. Насыщенность почвы Новгорода водой, беда для строителей, оказалась счастьем для археологов. Предметы, обнаруженные ими, многие столетия лежали без доступа воздуха. Поэтому сохранились. Десятки тысяч различных находок — от произведений искусства и оружия до иголок — были извлечены из новгородской земли.

Был жаркий день, над раскопками висела пыль. Молодая работница Нина Акулова осторожно вытащила из щели между бревнами мостовой свернутый кусок бересты. Ей показалось, что она увидела на ней продавленные буквы. Через несколько минут клочок бересты оказался в руках начальника Новгородской экспедиции А. Арциховского.

Археолог В. Янин вспоминает, как Арциховский, поглядев на бересту, поднял палец и замер. Задохнувшись от счастья, он не мог произнести ни слова... лишь непонятные звуки вырывались изо рта. Потом он перевел дух и крикнул:

— Премия — сто рублей! — Это относилось к Нине Акуловой.

И через секунду:

— Я ждал этой находки двадцать лет!

Так Новгород обрел голос. В первой найденной берестяной грамоте перечислялись села, с которых шли повинности в пользу какого-то Фомы.

И с того дня грамоты начали попадаться археологам почти ежедневно. Их уже много сотен. Они обнаружены и в других городах новгородской земли.

Значение этих грамот настолько велико, что они стали переворотом в мировой археологии, не говоря уже об археологии русской.

До того в руках историков находились лишь летописи и хроники, документы, созданные в монастырях или при королевских дворах, договоры и законы. Если же удавалось обнаружиться бумаги личные, то принадлежали они том же королям. Ведь пергамент, а потом бумага были очень дороги, труд писцов труден, кропотлив и неспешен. «Тиражи»

литературных произведений ничтожны. До нас дошел лишь один экземпляр «Слова о полку Игореве», другие литературные памятники домонгольский Руси пропали.

Но как общались между собой простые люди, какие писали друг другу письма — и писали ли вообще или были неграмотны — этого историки не представляли.

И вдруг оказалось, что в Новгороде влажная почва сохранила то, что в других русских городах истлело: письма, записки, распоряжения, выдавленные на бересте, самом дешевом материале, какой можно только придумать в лесном краю.

И зазвучали живые голоса предков. Обнаружилось, что грамотность была обычна у горожан Руси. Среди берестяных грамот есть любовные записки и долговые обязательства, ученические тетрадки, наброски художников и деловые распоряжения: все то, что мы доверяем сегодня бумаге, новгородцы писали на бересте.

Энциклопедия быта громадного города, центра могучего государства, непрерывно пополняется и сегодня. Каждое лето в Новгороде вскрываются все новые квадраты раскопок, и уже привычно археологи ждут новых грамот.

Так как об этих замечательных находках, о содержании грамот исчерпывающе написал нынешний начальник Новгородской экспедиции В. Янин в книге «Я послал тебе бересту», издававшейся не раз в нашей стране и других странах, пересказывать книгу, притом хуже, чем сделал автор, я не буду. Но об одной грамоте для нашего рассказа упомянуть необходимо.

Речь идет о грамоте № 286, найденной в 1957 году и датированной 1339 годом. Она как бы подводит итог событиям, начавшимся в середине XII века и достигшем кульминации в 1187 году.

Грамота эта — деловая записка, посланная одним новгородским сборщиком налогов другому. В ней говорится о заключении мира со Швецией, об отправленном новгородцами к шведскому королю посольстве и обсуждается проблема отношений с карелами, которые в те годы, как и прежде, были вассальным Новгороду народом.

В средневековой истории Северо-Западной Руси, Польши да и прибалтийских народов основным конфликтом была борьба с немецкими духовно-рыцарскими орденами, которые захватили обширные земли в Прибалтике. Их владения поглотили малые народы этого района и угрожали существованию Польши, Литвы и Новгородской республики. Борьба против орденов ознаменовалась рядом сражений. В русской истории наиболее известна битва на Чудском озере между новгородцами и

Тевтонским орденом в 1242 году.

Но в конце XII века ордены еще не стали угрозой Восточной Европе. Лишь в 1200 году в Риге высадился епископ Альберт и немецкие рыцари начнут свои завоевания. До этого идет сложная борьба, в которую втянуты как племенные союзы пруссов, вендов, лютичей, эстов, ливов, ятвягов и других малых народов Прибалтики, так и соседние государства — Дания, Швеция, Брацденбург, Саксония, Новгород и Польша.

Борьба идет за господство на Балтике, за монополию на торговом пути. Датчане воюют против вендов. Польша в соперничестве с Бранденбургом присоединяет Поморье. Новгородцы совершают походы на эстов и финнов. Швеция старается колонизовать западные финские земли, населенные народом сумь (суоми).

Эта эпоха соперничества, протянувшаяся на всю вторую половину XII века, известна мало: последующие события как бы вытеснили ее со страниц исторических книг.

С середины XII века шведские корабли берут курс на восток. Шведы причаливают к финским землям и основывают там поселения. Вскоре прибывает шведский епископ и начинает обращать финнов в христианство. Но те вовсе не намерены сдаваться — известно, как трудно было подыскать епископа для шведских поселений, по крайней мере трое первых были убиты. Вожди суми используют противоречия между Швецией и Новгородом, торговые фактории которого находятся в крупнейших портах Балтики, и в трудные моменты посылают за новгородской помощью.

Новгородская летопись рассказывает, что в 1142 году шведский флот в составе шестидесяти судов, причем на флагманском корабле находились шведский князь и епископ, направился к Финляндии и в пути встретил три торговые новгородские ладьи. Шведы напали на купцов. Погибло сто пятьдесят новгородцев, ладьи были захвачены. Этот эпизод дает одну из первых дат в истории шведского наступления на позиции Новгорода — с 1142 года борьба шведов с новгородской торговлей принимает острые формы.

К 1157 году относится первый зарегистрированный в шведских хрониках крестовый поход в Финляндию. Его предпринял король Эрик Святой. Заметим, что первый крестовый поход против народов Поморья состоялся всего за несколько лет до того — в 1147 году (руководил им саксонский герцог Генрих Лев).

В житии Эрика Святого говорится, что он, «взяв с собой из Упсалы святого Генриха, который был там епископом, двинулся в

Финляндию, которая была в то время языческой и причиняла Швеции много вреда. Тогда святой Эрик принудил там народ воспринять христианскую веру и установить мир с ним. Так как они не хотели принимать ни того, ни другого, он сразился с ними и победил их мечом, отмщая мужественно за кровь христианских мужей, которую они так долго и часто проливали...».

Разумеется, народ сумь большой опасности для Швеции и ее христианских мужей не представлял, но все крестовые походы должны облачаться в благородные одежды справедливости. И этот не был исключением.

О том, как дальше развивались события, можно узнать из буллы папы Александра, которую тот направил в Швецию в 1171 году. «Весьма трудная и тягостная жалоба поступила к апостолическому престолу о том, что финны всегда, когда им угрожают вражеские войска, обещают соблюдать христианскую веру и охотно просят [прислать] проповедников, но, когда войска уходят, отказываются от веры, презирают и жестоко бьют проповедников...»

Эта булла поднимает вопрос: кто же были враги финнов, из-за которых они согласны были принимать шведских проповедников (разумеется, под военной охраной)?

К сожалению, документов от той поры, как шведских, так и новгородских, осталось очень мало. Лишь порой текст договора или послание епископа осветят какой-то момент в давней истории. Чаше приходится пользоваться косвенными свидетельствами.

Новгородская республика к тому времени владела не только частью Восточной Прибалтики, но и Восточной Финляндией, где жили финские племена емь и карелы. Карелы платили Новгороду дань и входили в состав новгородского ополчения; вместе с тем они вели самостоятельную политику, хотя, как правило, оставались в русле политики новгородской. В то время карелы занимали большую территорию, чем сегодня, и их основные поселения располагались в районе нынешнего Выборга и на Карельском перешейке.

Важно подчеркнуть различие между новгородской политикой и политикой других европейских стран. Новгород, облагая соседние народы данью и обеспечивая безопасность на торговых путях, не вел практически миссионерской деятельности, которая вообще для православной церкви менее типична, чем для католической. Народы, подвластные Новгороду, оставались в массе своей языческими, что новгородцев не смущало. В этом была сила Новгорода, так как малые народы Прибалтики зачастую охотно шли на союзы и даже на подчинение

новгородцам, которые не вмешивались в их внутренние дела. Но здесь таилась и слабость, так как, не имея идеологических связей и не утверждая среди своих вассалов сети священников, Новгород в периоды ослабления не мог удержать эти народы под своим контролем. Власть же католических завоевателей была много прочнее: воинственная верхушка племен уничтожалась, население обращалось в христианство и ставилось под контроль католической церкви — создавалась куда более совершенная, чем в Новгородской республике, система подчинения.

Отзвуком этой ситуации и была булла папы римского.

У историков нет сомнений в том, что врагами племени сумь, о которых говорилось в булле, были карелы — наиболее активные союзники Новгорода на Балтике, которые старались обложить финнов данью. Когда же карелы уплывали обратно, нужда в шведских миссионерах тут же пропадала.

Однако относительно слабые племена сумь, разумеется, не могли до бесконечности играть на противоречиях между Новгородом и Швецией. Швеция была совсем рядом, и епископы не искали мученического венца. Так что с каждым годом шведы все более укреплялись в Южной Финляндии.

Экспансия Швеции всерьез беспокоила Новгород. Усиление шведов на Северной Балтике, в то время как по ее южному берегу продвигались датские и саксонские войска, лишало Новгород привилегий в торговле. Важные промежуточные пункты новгородской торговли — Аландские острова, юг Финляндии, остров Готланд — постепенно переходили в руки конкурентов.

После первого крестового похода шведов в Финляндию, не приведшего к покорению страны, борьба разгорелась всерьез. Шведы, будучи не в силах одолеть русских конкурентов, решили ударить в сердце Новгородской республики. Для этого они избрали город Ладогу — ворота в Новгород.

В мае 1164 года пятьдесят пять шведских кораблей проплыли по Неве в Ладожское озеро и вошли в устье Волхова. 23 мая, высадившись на берег, шведы начали штурм Ладоги. Но, сжегши посад, шведы не смогли взять саму крепость и отступили к ладьям. На помощь Ладоге подоспели войска новгородского князя Святослава, и после жестокого боя лишь двенадцати шведским кораблям удалось уйти.

Можно предположить, что и после этого происходили морские баталии и взаимные нападения соперников на суше, но лишь некоторые из них остались в летописях. Известно, например, что в 1178 году карелы разрушили поселение шведов в Финляндии.

В 1187 году Новгород нанес наконец мощный ответный удар.

Карелы на своих ладьях проникли по судоходному каналу к крупнейшему шведскому городу того времени Сигтуне, стоявшему в двадцати километрах от моря, взяли его штурмом и сожгли. После этого Сигтуна так и не возродилась. Из похода карелы привезли в Новгород так называемые сигтунские врата, которые и сегодня украшают собор святой Софии.

Наступление шведов в Финляндии и на торговых путях новгородцев было остановлено. Но лишь временно.

В первой половине XIII века на Руси появились татаро-монголы. Они не дошли до Новгорода. Казалось бы, он должен был процветать и далее. Но крушение русских княжеств непоправимо ударило по новгородскому благополучию. Ведь Новгород был в первую очередь посредником между Европой и Русью. Отныне же объем торговли резко сократился, и конкуренты Новгорода в Европе смогли вытеснить его с важных путей. К тому же продолжались войны со Швецией, и новгородскому князю Александру приходится сражаться со шведами на Неве, а затем вести свои войска на юг, к Чудскому озеру. Тевтонский орден оказался более опасным соперником, чем шведы. Новгороду удалось тогда отразить нападения врагов, но многие из своих западных земель город потерял.

Судьбы Руси и Польши во второй половине XII века имеют немало общего.

Их внутренние проблемы весьма схожи — тот же раскол, то же дробление на удельные княжества, то же военное ослабление.

Король Болеслав Кривоустый (1102–1138) был последним в ту эпоху единовластным хозяином Польши. Однако на первых порах власть Болеслава активно оспаривалась как его братом Збигневом, так и можновладцами — крупными феодалами, богатством и силой не уступавшими королям. Самым могущественным из польских феодалов был Петр Власт, родственник Болеслава, известный своим благочестием и богатством. Считается, — что он построил в стране не меньше костелов, чем сам Болеслав. Можновладцы, порой связанные родственными узами с правящим домом — Пястами, а порой поднявшиеся из племенных вождей Поморья или Мазовии, сформировались как решающая сила в Польше раньше, чем феодалы на Руси, где бояре играли важную роль лишь в Галиче и в Новгороде. Центральной власти противостояла в Польше и католическая церковь.

Здесь таится важное различие в развитии Польши и Руси. Русь приняла духовное главенство Византии, отсюда шли книги, ехали священники, художники и мастера. Но главенство Византии

было лишь номинальным, и число византийских священников — сравнительно небольшим. Монастыри на Руси в борьбе за власть решающей роли не играли. Если церковь на Руси чувствовала себя обиженной, она могла обращаться лишь к князю: надежда на поддержку из Византии была эфемерна.

Иначе в Польше. Польша становится католической страной. В ее землях обосновываются монашеские ордены — сначала бенедиктинцы, затем орден святого Бернарда, а потом и духовно-рыцарские ордены. Большинство священников, особенно в раннем средневековье, — иностранцы, князья церкви порой не знают польского языка. Одно время римский папа даже подчинил польскую церковь архиепископу Магдебургскому.

Иностранные монашеские ордены спешат обзавестись в Польше хозяйством, добиться независимости, получают земли, строят монастыри и крепости, и к концу XII века католическая церковь становится мощной экономической силой.

Церковь пользуется покровительством не только польских князей, которым она нужна как идеологическая подпорка, но и немецких государей и римского папы. Это не далекая Византия — это реальная сила, способная прийти на помощь церкви в Польше, если та чувствует себя ущемленной. Епископы и монастыри, зная об этой поддержке, далеко не всегда подчиняются королю.

Болеслав Кривоустый, подчиняя поморские княжества, населенные малыми славянскими и балтийскими народами, несет туда и крест. В то же время прибалтийские земли — объект устремлений германских князей. Герцог Саксонский Альбрехт Медведь основывает на тех землях Бранденбургскую марку — центр дальнейшей немецкой экспансии. Деятельность немецких завоевателей также сопровождается обращением поморских народов в христианство: те же монашеские ордены, подвластные тому же папе, сопровождают и немецкие отряды. Лозунг у поляков и немцев один — обратить в истинную веру заблудших лютичей, вендов, пруссов и ятвягов. Болеслав Кривоустый, покорив «гроды» Поморья — Волин, Щецин, Колобжег, Белогород, посылает туда епископа Оттона Бамбергского. Альбрехт Медведь шлет иных епископов, братьев Оттона по ордену. Но ведь политические интересы Польши и Саксонии противоположны. Оба эти государства стремятся завладеть богатым и важным для торговли южным берегом Балтийского моря. И если отношения Польши со славянскими и балтийскими народами определяются также их этнической близостью к полякам, то для германских княжеств это война с чуждым по языку населением.

Когда же обнаруживается, что Саксония и Бранденбург не в состоянии поглотить Поморье и территории, что лежат

восточнее, — нынешние Литву, Латвию и Эстонию, а также русские владения в Восточной Прибалтике, традиции крестовых походов и опыт, полученный на Ближнем Востоке, используются на севере Европы. Духовно-рыцарские ордены берут на себя основную тяжесть борьбы с непокорными народами Прибалтики и выкраивают себе государства вместо утерянных на Востоке.

Для орденов Польша становится врагом номер один — смысл миссионерской деятельности отступает на второй план. Независимо, что епископ Оттон в первой половине XII века уже обратил лютичей в христианство от имени польского короля. Даже вырабатывается удобная формула: датчане и ордены ведут войну против славянских князей Поморья, так как их христианство не настоящее, а притворное, и потому их можно считать язычниками.

Болеслав Кривоустый был человеком жестоким и властным. Твердой рукой он расправлялся с враждебными силами как внутри своей державы, так и вне ее. Он придерживал опасные устремления церкви, ограничивал ее запросы и использовал ее в своих целях. После долгих лет вражды он сломил своего единокровного брата Збигнева и, заточив в тюрьму, ослепил его. Он сурово расправлялся с можновладцами. Воеводу Скарбимира он ослепил за попытку поднять мятеж, а воеводе Вшебору, который трусил и бежал с поля битвы, он прислал кудель — позор был так велик, что воевода, как говорят, сплел из этой кудели веревку и на ней повесился.

После ряда походов на север Болеславу удалось сделать своими вассалами поморских князей и вождей племен. Города Поморья признали верховную власть Польши. Чешские князья Владислав Чешский и Оттон Моравский, которые в гражданских войнах выступили на стороне Збигнева, в конце концов вынуждены были пойти на мир с Болеславом. Он поддерживал волынского князя Ярослава, враждуя с Владимиром Мономахом. С ведома Мономаха перемышльский князь Володарь совершил набег на польские земли. Опасаясь продолжения враждебных действий и не решаясь на войну с Киевом, так как войско его было занято на западе, Болеслав принял предложение состоявшего у него на службе Петра Дунина (то есть датчанина), который обещал справиться с Володарем малыми силами.

Взяв с собой тридцать воинов, Петр Дунин приехал в Перемышль и объявил Володарю, что поссорился с Болеславом и просится на службу к русскому князю. Володарь поверил Дунину, и тот поселился в Перемышле. Несколько недель Дунин ждал удобного момента. Накопец Володарь отправился на охоту. Дунин был рядом с ним и сделал так, что Володарь, преследуя тура,

оторвался от своей охраны. Люди Дунина скрутили Володаря и увезли в Польшу. Там князь просидел в подземелье до тех пор, пока его не выкупил брат Василько.

Главным политическим достижением Болеслава была победа над армией германского императора Генриха V, который вступил в Польшу в качестве союзника неукротимого Збигнева. Болеславу удалось избежать решающего сражения, и, заманивая германских рыцарей внутрь страны, заставляя их безуспешно осаждать города, беспокоя нападениями с тыла и схватками в дремучих лесах, он в конце концов заставил императора уйти из Польши и признать ее независимость. Этим Болеслав на полвека пресек желание императоров Священной Римской империи определять польскую политику.

Правда, далеко не все предприятия Болеслава были успешными. Уже к концу жизни он втянулся в венгерские дела, стараясь посадить на престол своего избранника. В этом он не преуспел, зато испортил отношения с чехами. Чешский князь Собеслав, связанный родственными узами с претендентом на венгерский престол, ударил по Силезии, и лишь третейский суд нового германского императора установил мир в Восточной Европе.

Правя Польшей почти сорок лет и оставляя сыновьям сильную, единую державу, Болеслав сам при жизни так и не короновался — он не был официально королем польским, хотя все его таковым считали. Эта скромность сыграла пагубную роль в дальнейших событиях.

Престолонаследие в Польше всегда было проблемой сложной. Однако определенный порядок существовал: основные земли получал один из сыновей, остальным доставались уделы. Король имел право выбора, и потому нередко реальным наследником становился не старший сын. Даже такие знаменитые короли, как Болеслав Храбрый и Болеслав Кривоустый, не были старшими сыновьями.

Зачастую после смерти короля в стране наступал хаос: сыновья выясняли отношения между собой. Но практически всегда верх брал тот, кому отец оставил львиную долю страпы.

Болеслав нарушил этот неписанный закон.

Трудно сказать, что его заставило: до сих пор историки и поэты спорят, руководила ли им любовь к сыновьям и желание никого из них не обидеть, или решающую роль сыграла вторая жена Болеслава, которая стояла у его смертного ложа и требовала, чтобы младшие принцы получили побольше. А может быть, он рассудил, что, если все сыновья получат поровну, ни один не сможет взять верх над братьями.

Сыновей было пятеро. Старшему, Владиславу, отец отказал Силезию, Болеславу Кудрявому достались земли мазовецкие и Куявия, Мешко, которого впоследствии назовут Старым, получил Великую Польшу, Генрих — Сандомир. Самый младший, Казимир, еще не мог управлять, поэтому его судьба зависела от братьев. Он рос у Генриха Сандомирского. Краков, а также Поморье передавались Владиславу как старшему.

После смерти Болеслава короновать было некого: все пять братьев были равны, главенство Владислава было условностью, не подкрепленной перевесом в силах.

Разделив страну, Болеслав фактически передал ее во власть своих врагов — можновладцев. Именно им было выгодно, чтобы князья были слабыми, тогда власть феодалов усиливалась. Соседям Польши, в первую очередь германским императорам, также была нужна слабая Польша.

У каждого из новых правителей были свой двор, своя армия, свои воеводы, мечники, скарбники, канцлеры, стольники...

Разумеется, каждый из князей старался оттеснить остальных братьев и захватить власть в Польше. Но страна была разделена Болеславом столь умело, что эти попытки неизбежно проваливались.

Первым бросился в бой Владислав.

Он опирался на поддержку извне: за спиной этого не очень сильного и решительного человека стояла энергичная жена Агнесса, дочь герцога Леопольда Австрийского. Мог Владислав рассчитывать и на помощь русских родственников по матери.

Владислав объявил войну своим братьям, на сторону которых сразу встали можновладцы. Его же поддерживали лишь немногие магнаты, в частности Петр Власт.

Владислав проявил себя плохим полководцем и неудачливым политиком. Слабость его заключалась не только в неумении находить союзников и предводительствовать войсками — при первых же неудачах он начал искать виноватых. И сделал большую глупость — ослепил, заподозрив в измене, своего главного сторонника Петра Власта, чего ему не простили не только воеводы и магнаты других земель, но и собственные вельможи.

Польские летописцы рассказывают еще одну историю, которая усугубила раскол между Владиславом и феодалами. Она связана с Петром Скринским, вроцлавским воеводой.

Как-то Владислав с воеводой были на охоте и заночевали в лесу. Было холодно, моросил дождь, охотникам не спалось. Злой на язык Владислав сказал:

— Твоей жене сейчас лучше, чем нам. Она-то в мягкой

постели с твоим духовником.

Оскорбленный воевода не нашел ничего лучшего, как ответить:

— Твоей жене Агнессе тоже можно позавидовать. Ей тепло в объятиях немца Добеша.

Владислав промолчал, но зло затаил.

Утром он примчался к Агнессе и в присутствии вельмож обвинил ее в нарушении супружеской верности.

Разумеется, Агнесса не бросилась в ноги мужу, винясь в грехе. Она сумела не только убедить Владислава, что ее оклеветали, но и добиться головы воеводы. Более того, Владислав по ее наущению повелел, чтобы наказал магната именно Добеш, командир наемного немецкого отряда.

Ничего не подозревавший Скринский справлял в те дни свадьбу дочери с сербским князем. Добеш со своим отрядом прискакал во Вроцлав, схватил воеводу и, прежде чем кто-либо успел опомниться, увез его в Краков.

Несколько недель Скринский провел в темнице. Владислав все не решался казнить его. За Скринского ходатайствовали все вельможи Кракова. Вроцлав грозил отложиться. Но Агнесса была непреклонна, и в конце концов Скринскому выкололи глаза и отрезали язык.

Любопытная деталь: летописцы утверждают, что через некоторое время к Скринскому вернулись речь и зрение. То ли в этом отразилось стремление к торжеству справедливости, то ли в самом деле палачи пожалели воеводу.

Владислав, покинутый феодалами, собрал армию из наемных отрядов. Ему удалось нанести поражение братьям и осадить их в Познани, но, пока он штурмовал город, феодальные ополчения окружили его войско, и ему с трудом удалось бежать в Германию. Там он и провел немало лет, уговаривая императоров — сначала Конрада, а потом Фридриха Барбароссу — вторгнуться в Польшу и вернуть ему престол, за что обещал немалые территориальные уступки. Однако вначале германские императоры были заняты Вторым крестовым походом, а затем Фридриху Барбароссе пришлось утверждать свою власть в Германии, так что польские дела оставались для него второстепенными.

Старшинство в Польше перешло к Болеславу Кудрявому, и на некоторое время наступило спокойствие. Каждая из трех частей, на которые оказалась разделенной страна, все более обособлялась.

Из трех оставшихся братьев (Казимир был еще мал и не имел удела) наибольший интерес у польских писателей вызвала фигура Генриха Сандомирского.^[23]

Казалось, именно ему судьбой предназначено властвовать над Польшей. В отличие от братьев Генрих был человеком ярким, неординарным. Он бросил свое княжество и отправился в большое путешествие, жил в Германии, сблизился с молодым Фридрихом Барбароссой. По матери немец, он был своим человеком при императорском дворе.

Затем, что совсем уж необычно, Генрих Сандомирский с небольшой польской дружиной отплыл в Святую землю. Он был принят при иерусалимском дворе как друг и родственник германского императора. Не раз сражался с мусульманами. В осаде Аскалона он участвовал в составе отряда тамплиеров; возможно, он даже вступил в этот орден.

Судя по всему, Генрихом руководило религиозное чувство. Не исключено, что, размышляя о будущем своей страны, он уже тогда стал мечтать о крестовом походе против Поморья.

Могучий орден тамплиеров управлялся трезвыми людьми. Перспектив усиления на Ближнем Востоке было мало. Подыскивались новые области действия, и, хотя не ему, а другим орденам суждено было завоевать Прибалтику, у истоков этой идеи стояли тамплиеры. Они могли рассчитывать на поддержку северогерманских купцов. Если Венеция, Пиза и Генуя толкали крестоносцев на восток, то Любек и Майпц желали обрести торговую монополию на Балтике.

Когда Генрих Сандомирский в ореоле рыцаря из Святой земли вернулся в разделенную на уделы Польшу, вслед за ним в его княжестве появились и тамплиеры, получившие землю для обители.

Однако, если у Генриха и были планы крестового похода на северо-восток, их пришлось отложить, так как лишенному престола Владиславу удалось все же убедить Фридриха Барбароссу совершить поход на Польшу. К тому же и сам Фридрих мечтал сплотить под своей эгидой все европейские государства.

Когда германская армия вторглась в пределы Польши и Болеслав Кудрявый, не готовый к войне, организовать отпор не сумел, а его брат Мешко уклонялся от крупных сражений, Фридрих Барбаросса и его союзник в этом походе, чешский король, вероятнее всего, планировали передать польский престол Генриху Сандомирскому. Во всяком случае, в 1157 году, когда сопротивление Польши было сломлено, Фридрих призвал к себе для переговоров именно Генриха, но тот отклонил корону, предложенную другом юных лет.

Владислав же и его тщеславная Агнесса ничего не получили. Фридрих предпочел принять вассальную присягу от Болеслава

Кудрявого. Ввести ненавидимого всеми Владислава в польскую политику означало вызвать междоусобную войну.

Еще десять лет Генрих живет в Сандомире. Уже в Крестовые походы против финнов отправились шведы, датские крестоносцы стараются покорить вендов, уже нашивают на плащи черные кресты саксонские рыцари, а Генрих все медлит.

Лишь в 1167 году он наконец собирается в крестовый поход против пруссов.

Вместе с ним отправляется и Болеслав Кудрявый.

Братья углубились со своей армией в непроходимые леса и болота прусских земель, стремясь выйти к устью Вислы. Но рыцарское войско было плохо приспособлено для войны в лесу, где пруссы чувствовали себя как дома. И после многодневного, утомительного перехода польские крестоносцы были окружены и разгромлены. По одним источникам, Генрих Сандомирский был убит в этих лесах, по другим — скончался от ран после того, как его привезли в Сандомир. Болеслав Кудрявый бежал.

Через два года умер в Германии Владислав. Болеслав Кудрявый прожил еще четырнадцать лет — его смерть последовала в 1173 году.

Таким образом, остались в живых лишь два сына Болеслава Кривоустого — Мешко Старый и подросток, унаследовавший земли Генриха Казимир. Казалось бы, теперь объединение Польши — вопрос времени. И сила на стороне Мешко, владельца Великой Польши — западных областей страны.

Но за прошедшие десятилетия процесс разделения Польши на уделы зашел так далеко и możnowładcy набрали такую силу, что объединить Польшу стало невозможно. К тому же после смерти Владислава Фридрих Барбаросса, также отнюдь не желавший, чтобы Польша была сильным, единым королевством, передал Силезию трем сыновьям Владислава. Между молодыми князьями тут же разгорелась борьба за власть, причем каждый из них неоднократно призывал на помощь германских родственников.

Так вот, когда Мешко Старый решил, что пришла его пора править Польшей, możnowładcy и церковь тут же выдвинули своего ставленника — Казимира.

Воспитанник и в известном смысле духовный наследник своего старшего любимого брата Генриха Сандомирского, Казимир был религиозен, разумен и так же нерешителен. Он остался в истории под именем Казимира Справедливого.

Мешко занял древнюю столицу Краков и овладел большей частью страны. Сделать это ему удалось лишь потому, что феодалы никак не могли разобраться между собой. Помимо

основной войны, которая катилась по стране, на нижнем этаже власти кипели малые войны между воеводами и магнатами. Но по мере того как Мешко покорял провинции Польши и старался укротить феодалов, они все яростнее поднимались против него. Феодалов не интересовала судьба страны. Им не хотелось видеть ее объединенной под властью сильного государя — тогда ущемлялись их интересы.

Во главе объединенного войска можновладцев стал епископ Краковский Гетка — духовные феодалы объединились со светскими. В 1177 году Мешко был изгнан из Кракова, и вскоре в истории Польши произошло важное событие: феодалы, светские и духовные, собрались в городе Ленчице на собрание (по-латыни оно именовалось «коллоквиум»).

Ленчицкое собрание стало первым в истории страны сеймом. Отныне судьбу Польши решали не короли, не князья, а воеводы, епископы, можновладцы. Их вольности, которые там были утверждены, в чем-то сходны с привилегиями, которые английскому рыцарству предоставила Великая хартия вольностей. Это манифест феодальной раздробленности, победа феодалов, которые ставили свои интересы выше интересов страны. Так как часть решений была в пользу церкви — например, королю или князю было отказано в наследовании имущества после смерти епископа, — «манифест» был направлен в Рим, к папе. Разумеется, папа тут же его одобрил. Ленчицкое собрание признало право германского императора быть верховным судьей в польских делах, что было тактическим успехом можновладцев, которые полагали, что император будет защищать их интересы, и стратегическим проигрышем для Польши, потому что германская экспансия усилилась, а позиции в Поморье Польша теряла. Ослабленная, она уже не рассматривалась поморскими князьями как сюзерен, и некоторые из них предпочли принести вассальную присягу германскому императору.

Разгромленный феодалами Мешко бежал в Поморье и скрывался там некоторое время, с горечью наблюдая за тем, как его владения переходили в руки брата. Но Мешко не смирился. В 1182 году он снова в Польше и возвращает себе западные провинции. Раздоры между можновладцами были не менее остры, чем их вражда с Мешко. И эта рознь прорвалась наружу, когда разгорелся конфликт между командующим армией Казимира воеводой Николаем и другими феодалами. Распри внутри лагеря магнатов достигли такой степени, что, когда Казимир со своим воеводой отправились в поход, чтобы возвратить Галич князю Владимиру, феодалы из краковских земель тайком послали

гонцов к Мешко с просьбой прийти и править.

Известие об измене феодалов застало Казимира у Галича.

Узнав, что Мешко движется на Краков, Казимир обратился за помощью к родственникам своей русской жены. С дружинами, присланными из Руси, Казимир двинулся к Кракову, разгромил заговор феодалов и остановил наступление Мешко. В Польше наступила временная передышка. Она прекратилась в 1194 году, когда Казимир Справедливый неожиданно умер.

И тут борьба разгорелась с новой силой. В ней участвовали юные сыновья Казимира и его вдова Елена, владетели Силезии, сам Мешко Старый и его сыновья. Польша была разорена. Неизвестно было, с кем завтра войдет в союз Мешко, к кому переметнется воевода Николай, кого позовут на помощь сыновья Владислава... В феодальных усобицах Польша встречала XIII век, и, больная той же болезнью, что и Русь, она окажется бессильной перед монгольскими армиями, которые, прорвав русский заслон, выльются на польские равнины.

Исторические аналогии не всегда плодотворны: опасность заключается во внешнем сходстве исторических явлений.

Незыблемость исторических и экономических законов развития общества означает лишь то, что сумма действия всех сил истории ведет к закономерному исходу. Но далеко не каждая из них последовательно выполняет историческое предназначение. Этот процесс несколько напоминает движение муравьев, которые тащат в муравейник большого жука: суетятся муравьи чрезвычайно, каждый бежит в свою сторону, одни жука тянут, другие мешают этому, третьи вообще мечутся без цели. Но в результате жук неуклонно приближается к входу в муравейник.

В истории всегда есть люди, которые в силу своего положения определяют судьбы государства. Политический деятель новейшего времени оперирует понятиями блага государства, блага народа и действует в меру своего личного и классового понимания этого блага. В средние века далеко не всегда правителем декларировалось благо народа. Было благо династии, благо рода, благо церкви и так далее.

Разумный монарх добивался денег и усиливался, укрепляя государственный организм, неразумный попросту выкачивал из подданных все, что можно было добыть, грабил их, словно врагов. В конечном счете разумный монарх выигрывал, потому что его доходы были постоянными и множились.

Важная особенность власти в средневековой Европе заключалась в составе правящего слоя. Не только государи, но и элита общества, как правило, были связаны родственными узами.

Можно проследить родственные отношения между всеми правящими домами Европы — от Наварры до Византии. Король Иерусалимский был дядей византийского императора, тот приходился племянником французской королеве, а ее дочь во втором браке была женой сицилийского короля, который находился в родстве с польским королем, а тот оказывался сыном русской княгини. И так далее. Этот фактор действовал, несмотря на то что дяди ожесточенно воевали с племянниками, а шурины — с деверями. Правящий слой Европы осознавал себя одной большой недружной семьей, и родственные отношения порой были важнее отношений межгосударственных, что нарушало логику политических событий. Родственные связи то приводили к неожиданным мирным соглашениям, то ужесточали войны, ибо семейные конфликты могли принимать патологический характер.

Система династических браков и связей правящих домов сохранялась в Европе вплоть до нашего времени. Но разница между средневековьем и последующими веками очевидна: в XII веке государь, по крайней мере в своем домене, был господином над жизнью и смертью подданных и в меру своих способностей определял судьбу страны. В начале XX века для судеб России и Германии равным счетом не играло роли то, что кайзер Вильгельм II и император Николай II были двоюродными братьями. Политики новейшего времени, планируя союз или конфликт, не думают о том, обидят ли они этим своего двоюродного брата либо тетушку.

Родственные связи правящей элиты Европы имели следствием особое положение женщины. Дочери в доме феодала — радость, это товар, за который получают влиятельных родственников и новые земли. Французский король Людовик VII выдает дочерей за английского наследного принца, затем за другого наследника, затем за наследника византийского престола. Генрих Плантагенет также устраивает браки своих дочерей с принцами крови. Девочек, чуть вышедших из пеленок, везут в чужие страны, где они живут в чужих домах, окруженные чужими людьми и слыша чужой язык. Они вырастают полуфранцуженками и полувизантийками, они с детства существуют в мире интриг и предательства — ведь их судьбы связаны с вопросами престолонаследия. Но когда они прорываются к власти, жизненному опыту этих подростков может позавидовать любой министр. И нет другого периода в истории Земли, когда бы женщины столь часто выступали на авансцену и брали управление государствами в свои нежные ручки. Они как бы мстили за то, что их продавали и лишали детства.

Над этим суетливым феодальным муравейником

возвышалась церковь, которая, с одной стороны, владела умами эпохи и определяла образ жизни, с другой — была составной частью этого мира, борясь за светскую власть, за земли и доходы.

Механизм средневекового общества Европы определялся также дополнительными факторами. Внешними и внутренними.

Внешние факторы — это в первую очередь мир ислама, противник не только идеологический, но и военный. Мусульманские государства господствуют на важнейших торговых путях Ближнего и Среднего Востока, а в самой Европе занимают большую часть Пиренейского полуострова. Менее важный в XII веке, но весьма существенный фактор в следующем столетии — это Степь. В XII веке Западная Европа не соприкасается с кочевниками. Через несколько десятилетий Степь не только сметет Русь, но и докатится до границ Германии.

Внутренний фактор — эволюция самого средневекового общества, возникновение в нем сил, до недавнего времени игнорируемых. Это прежде всего города — следствие экономического прогресса и деятельности государей, которые поддерживают торговые пути для собственного обогащения и получают от городов средства, нужные для ведения войн. В то же время для феодалов города — мир чуждый, мир презируемый, населенный простолюдинами. Но взрыв городского строительства с XI века привел к тому, что города и, следовательно, «третье сословие» все более определяют политику государства.

Города развиваются в первую очередь в тех странах и местностях, где наиболее развиты ремесла и торговля, требующие мира и порядка. На Руси, где было множество городов, они оставались в основном княжескими центрами и, за исключением западных, лишь начинали осознавать свою независимость. В Германии и Франции города противостоят феодалам. В Италии же, посреднице в торговле Европы с Востоком, города развиваются так интенсивно, что сбрасывают власть феодалов и вступают с ними в открытую борьбу.

Именно город стал главным соперником феодала. В отличие от деревни он имел организацию, общие интересы и стены. Выход на политическую арену крестьянства — это дело следующих веков. Пока что крестьянское недовольство гнетом феодалов выражается чаще всего в ересь — первоначальной форме социального протеста.

Все это сказано для того, чтобы лучше понять жизнь и деятельность германского императора Фридриха Барбароссы, который всю жизнь выигрывал битвы, но так и не смог, несмотря на очевидные военные и политические таланты, выиграть своей большой войны.

Впервые на исторической арене Фридрих, еще не Барбаросса, а герцог Швабский из династии Штауфенов, появляется весьма молодым человеком во время Второго крестового похода (1147–1149), завершившегося полной неудачей. Французскими крестоносцами командовал король Людовик VII, германскими — престарелый император Конрад, который относился к этому походу с пессимизмом умудренного жизнью человека, в предприятие не верившего. Но соперничество европейских держав за господство на торговых путях Средиземноморья, подогреваемое энергией и деньгами итальянских городов, подвигнуло его на то, чтобы принять крест. Хотя официально считается, что Конрада, не желавшего второй раз отправляться в Святую землю (молодым рыцарем он участвовал в первом походе), уговорил главный вдохновитель похода Бернар Клервоский.

Армия германских крестоносцев, обремененная многими тысячами бедняков, которые присоединились к ней в надежде на добычу, с трудом переползла через Босфор и углубилась в Малую Азию. Там ее, усталую, изнемогающую, тревожили кинжальными набегами сельджуки. Наконец им удалось увлечь рыцарский авангард в погоню, и масса плохо вооруженных крестьян-крестоносцев осталась без защиты. Тогда-то дожидавшиеся этой минуты основные сельджукские силы ударили по крестьянскому войску. Началась страшная резня. В результате Конрад вывел к морю лишь жалкие остатки своего воинства. Впоследствии, соединившись с потрепанной французской армией, крестоносцы потерпели еще ряд поражений. Наконец они добрались до небольшого порта Атталии, откуда решено было переправиться в Палестину морем. Корабли должны были прибыть из Византии, но император Мануил прислал всего несколько судов. На них могли разместиться лишь немногие. Этими немногими оказались знатные рыцари, и они немедленно отплыли, бросив рать на произвол судьбы. Несколько тысяч крестоносцев, лишенных руководства, пошли дальше берегом. И сгинули.

Император Конрад во время этих событий вел себя пассивно, в трудные моменты вообще уезжал в Константинополь на поправку здоровья, а из Святой земли, сославшись на государственную необходимость, отбыл окончательно в Германию.

Вся тяжесть руководства войском пала на плечи его племянника. Молодой герцог Фридрих Швабский проявил себя разумным воином и хорошим организатором, заслужив уважение крестоносцев.

Вернувшись домой, Конрад застал государственные дела далеко не в лучшем виде. Распри с династией Вельфов, слишком самостоятельная политика одного из Вельфов, саксонского герцога Генриха Льва, который, вместо того чтобы отправиться в крестовый поход на Восток, провел свой собственный, куда более выгодный поход к Балтийскому морю, требовали вмешательства императора.

В 1150 году неожиданно умер тринадцатилетний сын и наследник Конрада. Второму сыну императора было всего восемь лет. Конрад был убежден, что мальчику не удержать громадную лоскутную империю, где многие князья были не слабее самого императора. Поэтому в последние дни жизни Конрад проявил себя мудрым государем, презревшим семейные узы. Он предложил князьям (императора формально избирали высшие князья империи) назначить наследником Фридриха Швабского.

Воля умершего в 1152 году императора была исполнена электорами. В то время Фридриху Швабскому было тридцать лет. Хронисты описывают его как стройного человека среднего роста, со светло-русыми волосами и рыжеватой бородой. Был он умен и решителен. Казалось, государству нельзя было пожелать лучшего императора.

Первые же шаги нового императора оказались удачными. Он сумел уладить давнюю свару в Дании, где боролись два претендента на престол, и утихомирить буйных Вельфов. После этого отправился в Италию, чтобы там короноваться.

Фридрих Барбаросса, как и его предшественники, существовал в двух ипостасях: он был германским королем и императором Священной Римской империи. Как король он короновался в Ахене, столице Карла Великого. Но как император, формальный наследник власти римских цезарей, он мог получить корону лишь из рук римского папы.

Соответственно Фридрих имел два направления в политике — как король и как император. Он должен был поддерживать единство Германии, ладить с князьями, умирять их, карать и миловать. В то же время как наследник римских императоров он претендовал на власть над Италией и в идеале над всей Европой. Тут он преследовал имперские цели, которые далеко не всегда совпадали с интересами германского короля и тех феодалов, которые избрали его.

На пути к господству императора в Италии стояло несколько препон. Во-первых, папа, который был не только духовным пастырем Западной и Центральной Европы, но и владельцем церковной области, то есть крупным феодалом. Во-вторых, сицилийские норманны, правившие королевством, что

объединяло Сицилию и Южную Италию. В-третьих, итальянские города.

Невероятно быстрый по тем временам взлет итальянских городов был связан со средиземноморской торговлей. Одни, как Флоренция и Милан, выросли на наземных торговых путях и славились ремеслами, прежде всего суконным и стекольным, другие, как Венеция и Генуя, стали хозяевами морских путей. Правила городами торговая верхушка. Ни господство сицилийцев, ни власть папы, ни правление императора ее не устраивали. Сила итальянских городов заключалась не только в богатстве и осознанном стремлении к независимости, но и в том, что их недруги враждовали между собой и можно было лавировать между ними. Слабость же состояла в том, что они редко и лишь ненадолго объединялись в союзы. Города были торговыми конкурентами и потому постоянно враждовали.

Появление Фридриха Барбароссы в Италии привело к обострению там политической ситуации — в банку со скорпионами как бы кинули суперскорпиона, который принялся жалить направо и налево.

Фридрих проявил себя как мудрый и решительный король Германии и в течение многих лет вел этот неладно построенный и постоянно бунтующий корабль уверенной рукой. Но как император он оказался несостоятелен, и не потому, что был глуп или недостаточно жесток: политические силы, противостоявшие ему, были могущественнее всех его устремлений. Воспитание и гордыня не позволяли ему отказаться от Италии. Но он не мог и покорить ее. По отдельности он побеждал папу, города и сицилийцев, но, когда они объединялись, Фридрих бывал посрамлен. К тому же он не получал поддержки остальных германских государей. В первую очередь это касалось могущественных северных князей. Владения бранденбургские, мекленбургские и саксонские^[24] граничили с Балтийским и Северным морями — там находились их основные экономические и политические интересы. Их даже устраивали неудачи Фридриха в Италии, ибо они ослабляли его.

В отличие от североитальянских городов Рим был в тяжелом положении. В XII веке он казался лишь тенью древней столицы империи. В развалинах бродили нищие; многочисленные паломники, хотя и обогащали городских банкиров и торговцев, приносили в город преступления, грязь и болезни.

Рим не имел самоуправления. В городе находилась римская курия, то есть папский двор и управление вселенской церкви. Всех надо было кормить. Папские сборщики налогов стояли

наготове, чтобы отобрать у горожан лишнее. Жители были фактически бесправны — им даже не разрешалось объединяться в цехи и гильдии: папская столица должна быть покорной.

Рим созрел для сопротивления. Но оно было несмелым, пока не появился вождь. Им стал Арнольд Брешианский, ученик великого философа Пьера Абеляра. Его вело стремление к справедливости, а более несправедливое место, чем папский Рим, трудно было отыскать. Арнольд выступал против накопления церковью богатств, против распутства священников, он ратовал за то, чтобы церковь ограничивала свою деятельность духовной сферой и отказалась от мирских богатств и стремлений. Перед тем как выступить со своей проповедью в Риме, он провел много лет в скитаниях, его обвиняли в ересь, отлучали, преследовали. Сведений об Арнольде сохранилось очень мало, и притом из уст его врагов, так что истину приходится искать не в их хуле (Бернар Клервоский именовал его не иначе как смертельным ядом), а в результатах его дел.

А он оказался умелым организатором. Он предложил римлянам демократическое устройство городской коммуны, сходное с устройством ломбардских городов. И его поддержала «чернь» — ремесленники и торговцы. К ним примкнули некоторые дворяне и даже кое-кто из аристократии. В 1143 году гордые римляне совершили у себя в городе революцию, образовали, как в древнем Риме, сенат, который постановил лишить папу светской власти, разрушить феодальные замки и отнять у аристократии ее привилегии. Папа Луций II тут же обратился к христианским государям с просьбой о помощи, а пока помощь не поступила, двинул против сената свою стражу.

Сенат во главе с Арнольдом заседал в Капитолии. Судя по документам, сенаторы были людьми низкого происхождения.

Как и положено рыцарю веры, папа, облаченный в кольчугу, находился в первых рядах атакующих. Однако сенаторы не хотели сдаваться. Они отбивались чем могли — не только копьями, но и палками и камнями.

Пока шел штурм, со всех сторон к Капитолию сбегались римляне. Вскоре папские солдаты были взяты в кольцо. Им пришлось пробиваться назад, но тут один из камней, брошенных с крыши Капитолия, попал папе в голову, и тот рухнул бездыханный.

В папской курии воцарилась растерянность. Следовало избрать нового папу, но никто из кардиналов не решался принять тиару. Время шло в бесплодных дискуссиях. Князья церкви надеялись, что вот-вот появятся войска кого-то из христианских королей, чтобы спасти папский престол. В конце концов папой

избрали малоизвестного монаха-цистерцианца из монастыря, расположенного неподалеку от Рима. Он принял имя Евгения III. В Риме новый папа пробыл недолго — он бежал во Францию, потом в Германию просить помощи.

Со своей стороны, сенат Рима обратился с просьбой о покровительстве к германскому императору Конраду, рассчитывая, что дальний господин лучше, чем внутренний враг. В принципе римляне рассудили правильно: в конечном счете ставка на германских императоров была единственным спасением для республики. Но, к сожалению, обстоятельства сложились против них, так как Конрад вскоре умер, а начало правления Фридриха Барбароссы было тем редчайшим периодом, когда император и папа были заинтересованы во взаимном согласии. Папа — потому что потерял власть над собственными землями и готов был на союз с самим дьяволом, чтобы ее вернуть. Барбаросса — потому что ему надо было получить императорскую корону и укрепиться в Ломбардии.

В 1153 году неудачливый борец против римской республики Евгений III умер. В следующем году папский престол занял Адриан IV (Николас Брейкспир), единственный в истории папа-англичанин, к тому же выходец из крестьян.

Принятие монашеского сана было одним из немногих способов для простолюдина сделать карьеру. В армии шансов на это практически не было: знать не пускала в свою среду плебеев. Николас Брейкспир, когда подрос и научился с помощью приходского священника читать и писать, решил стать монахом бенедиктинского монастыря, расположенного по соседству с его деревней. Но его в монастырь не взяли: у него не было денег, чтобы сделать вклад. Николас не сдался. Он ушел из дома, перебрался во Францию и попал в Париж. Там он сумел поступить в одну из религиозных школ, где, возможно, учился у великого мыслителя Абельяра вместе с Арнольдом Брешианским.

Затем он принял постриг в монастыре святого Руфуса и вскоре стал его настоятелем. Здесь у Николаса возникли сложности: он начал решительно бороться за чистоту нравов, а так как человек он был грубый — сказывалось крестьянское происхождение, — он, естественно, восстановил против себя братию.

Аббат-реформатор был вызван в Рим для объяснений. Но там, вместо того чтобы подвергнуться наказанию, как рассчитывали враги, произвел прекрасное впечатление на Евгения III и его приближенных. В течение нескольких месяцев аббат поднимается до ранга кардинала, затем его направляют с трудной и почетной миссией в Скандинавию. В качестве папского легата Брейкспир

должен уладить отношения с епископами в странах, где христианство утвердилось совсем недавно, и выяснить перспективы крестовых походов на Балтике.

Когда Николас вернулся в Рим, Евгений III уже умер. К тому времени Николас стал видной фигурой: вокруг него группируются «молодые» прелаты, стремящиеся восстановить авторитет римского первосвященника. В 1154 году кандидатуру Николаса Брейкспира на папский престол поддерживали не только сторонники укрепления папской власти, но и римский сенат во главе с Арнольдом Брешианским. Для Арнольда Николас — знакомый по Парижу, мыслящий человек, не связанный с продажной курией Рима.

Но как только Николас Брейкспир был избран папой под именем Адриана IV, в этом худом, болезненном человеке проснулся вождь, забывший и старые связи, и юношеские споры. Перед ним стояла одна цель — добиться того, чтобы папская власть была высшей властью в мире.

Одним из первых действий Адриана было отлучение Рима от церкви. На этот шаг не решились ни Луций II, ни Евгений III. Среди причин, удерживавших пап от интердикта, были и соображения экономические. Какими бы ни были отношения между Римом и папским престолом, противники оставались в единой экономической системе: ремесло и торговля города обслуживали папскую курию, а князья церкви активно участвовали в торговых делах римлян.

Адриан презрел экономику и ударил по Риму отлучением. Замолчали колокола римских церквей. С римлянами под страхом отлучения не смели общаться и совершать сделки жители других городов. Чтобы удар был ощутимее, папа отлучил от церкви и своего второго противника, на военную помощь которого тогда рассчитывал Рим, — сицилийского короля.

В течение нескольких месяцев Рим сопротивлялся папе, но постепенно верх там брали имущие слои, которые более других были задеты интердиктом. Положение Арнольда Брешианского ухудшалось с каждым днем. Те, кто еще недавно носил вождя на руках, стали смотреть на него косо: Арнольд был причиной их несчастий. И против папы римляне ничего не могли сделать. Он не штурмовал Капитолий и не поднимал на них войска — он ждал своего часа.

Эта борьба окончилась поражением Арнольда. Папа поставил условием снятия интердикта изгнание своего главного врага из Рима. Он был убежден, что без Арнольда римская республика долго не продержится.

Арнольд был вынужден покинуть Рим.

Тогда же, глубокой осенью 1154 года, в Северную Италию вступил Фридрих Барбаросса. Он явился туда с небольшим войском — его сопровождали тысяча восемьсот рыцарей и свита. В Ронкальской долине, на берегу реки По, Фридрих остановился, ожидая прибытия представителей североитальянских городов. Он рядил там суд, получал дары, выслушивал жалобы. Жалобы в основном были против Милана — самого сильного из ломбардских городов, который стремился к гегемонии и вел непрестанные войны со своими соседями, причем войны жестокие: города Комо и Лоди, которые отказались ему подчиниться, были буквально стерты с лица земли.

Свара между городами была на руку императору. Поэтому, когда миланские консулы начали излагать свою точку зрения, Фридрих отказался их выслушать и объявил Милан опальным городом. Правда, наказать Милан Фридрих в тот раз не смог: войско его было невелико, а впереди лежал Рим, где он должен был короноваться. Но германские рыцари опустошили окрестности Милана, взяли и разрушили несколько замков и осадили город Тортону, союзника Милана, который отказался признать власть Фридриха. После пяти недель осады город был захвачен и разграблен.

Наступила весна 1155 года. Римская республика, пожертвовав Арнольдом Брешианским, продолжала бороться с папой. Сохранились письма, которыми обменивался Фридрих с ее вождями. Те просили его о союзе против папы, упрекали, что он идет на поводу у священников, тогда как папа должен подчиняться ему. Но Фридрих был осторожен. В силу римской республики он не верил, а от папы должен был добиться коронации.

Фридрих был молод. Создание великой империи казалось ему реальным делом. Германия была спокойна, Италия разобщена и бессильна.

Когда римский первосвященник и император встретились, Фридрих должен был, по традиции, спешиться и держать стремя папского коня, чтобы помочь папе сойти на землю. Но сделать это почему-то забыл. Адриан IV, усмотрев в этом сознательное нарушение этикета, отказал Фридриху в обычной чести «лобзания».

Жители Рима, внимательно наблюдавшие за встречаей, были обнадежены возникшими сложностями, и сенаторы, полагая, что конфликт будет развиваться и дальше, приказали римлянам не сопротивляться входу в город германского войска.

Однако через несколько дней, в течение которых шли тайные переговоры между папой и императором, согласие на

коронование Фридриха было получено, и 18 июня 1155 года в храме святого Петра Адриан IV возложил на его голову императорскую корону.

При известии о коронации в Риме поднялось восстание, и в течение дня шли отчаянные бои между римским ополчением и рыцарями Фридриха.

Хотя восстание было подавлено, Фридрих, мучимый малярией и опасавшийся находиться в непокорном городе, вывел армию из Рима и двинулся обратно. Он добился своего. Больше папа ему не был нужен.

Однако еще одну услугу Адриану IV Фридрих оказал. Видимо, она была оговорена заранее. В Тоскане к нему обратился за покровительством Арнольд Брешианский. Его тут же схватили и тайно привезли в Рим.

Папа расправился со своим врагом быстро и жестоко: Арнольда повесили, прах сожгли и выбросили в Тибр.

Возвращение Фридриха домой было омрачено событиями на севере Италии. В ущелье за Вероной стоял рыцарский замок, владелец которого решил, уповая на его неприступность, устроить Фридриху засаду. Положение императора было сложным: в узком ущелье он не мог ввести в бой конницу. К счастью, в его войске оказались альпийские горцы. Они поднялись на отвесные скалы и пробрались в замок с тыла. Феодал и его солдаты были перебиты, но и отряд Фридриха потерпел немалый урон.

За месяцы отсутствия Фридриха германские князья перегрызлись между собой, города ссорились с епископами.

Фридрих действовал решительно. Он издал указ о всеобщем мире в империи и нарушителей его немедленно карал. К удивлению и возмущению феодалов, он возродил старинное немецкое наказание: виновного в нарушении мира прогоняли по улицам с собакой в руках. Он распутал сложный баварский вопрос, отдав Баварию своему основному сопернику Генриху Льву, но отделив от нее восточную часть, из которой сделал герцогство Австрийское. Это решение — день рождения Австрии. Сам он женился, выгоднее не придумаешь, на Беатрисе Бургундской, присоединив к своей империи богатейшее герцогство.

В 1157 году Фридрих созвал съезд князей империи, на который приехал папский легат кардинал Бандинелли. Через два года он сменит на папском престоле Адриана IV. Легат предъявил императору длинный список претензий. Они сводились к тому, что Фридрих не выполнил своих обязательств перед святым престолом. Папа напоминал императору, что своим титулом тот

обязан римской церкви. Далее говорилось, что церковь не раскаивается в содеянном и была бы рада одарить императора другими благами. Слово «бенефиции», употребленное в латинском тексте, можно было понять двояко — и как блага, и как те вассальные владения, которые сеньор дарует своему вассалу. И хотя впоследствии папские юристы доказывали, что германский съезд их понял неправильно, немецкие князья поняли послание однозначно: папа дает понять Фридриху, что тот — его вассал.

В зале поднялся возмущенный шум, и тогда кардинал Бандинелли воскликнул, перекрывая крики князей:

— А от кого же Фридрих получил императорское достоинство, как не от папы?

Кардинал был на волосок от смерти. Граф Оттон Виттельсбахский возжелал зарубить кардинала тут же, на месте. Фридрих с трудом удержал руку графа.

Затем император велел римским послам на следующий же день покинуть пределы Германии, сказав:

— Если бы меня здесь не оказалось, вам пришлось бы испытать на себе тяжесть германских мечей.

Эти события были лишь верхушкой айсберга. Не будь злосчастных «бенефиций», нашлось бы другое слово. Папа, разочаровавшись в союзе с Фридрихом, уже предпринял шаги, недружественные по отношению к императору. Он снял отлучение с сицилийского короля и заключил с ним мир, направленный против Германии. Он даже примирился с римским сенатом. Ломбардские города укрепляли стены и вели переговоры с папой.

Фридрих призвал на помощь бургундских рыцарей и приказал германским князьям выделить отряды. Он намеревался раз и навсегда проучить папу и Милан. Как только началось лето и подсохли дороги, армия Фридриха вступила в Италию. После взятия ряда небольших городов в июне началась осада Милана. Она продолжалась недолго. Город предпочел пойти на мирные переговоры с императором, и условия мира вначале показались мягкими. Фридрих лишь потребовал, чтобы все должности утверждались им и чтобы в городах Ломбардии находились чиновники, которые следили бы за поступлением налогов. Реакция в Италии против этого соглашения последовала довольно быстро — оказалось, что германские чиновники, оставленные в Ломбардии, не только устанавливают высокие налоги, подрывающие ремесла и торговлю, но и контролируют все назначения и выборы, удаляя опасных для себя людей.

Города за последнее столетие привыкли к самостоятельности

и не могли смириться с превращением в императорские колонии. Против Фридриха организовалась сильная коалиция. В нее входили папа Адриан IV, Милан и другие ломбардские города, а также сицилийские норманны. Немецкие сборщики налогов были изгнаны.

И тут неожиданно умер Адриан IV.

У Фридриха не было никакой надежды, что кардиналы выберут удобного для него папу. Но не было и единства между кардиналами. В Риме сидели люди Фридриха, которые не жалели денег и усилий, чтобы повернуть выборы в выгодную для себя сторону.

Пока шли споры и переговоры, Фридрих поспешил на юг. Весной 1159 года он осадил Кремону, союзницу Милана. Город отчаянно сопротивлялся. Милан также был осажден, но его могучие стены и сильная армия надежно противостояли германцам. Успехи армии Фридриха были умеренными. Отряды рыцарей грабили миланские земли, штурмовали замки, брали небольшие города, но главную свою задачу — взять Милан — они выполнить не могли.

Большинство кардиналов, составивших «сицилийскую» партию, которая опиралась на сицилийских норманнов, выступили за избрание «антигерманского» папы. Они выставили кандидатуру того самого кардинала Бандинелли, который столь смело вел себя на съезде германских князей. Оппозиция решила опереться на помощь Фридриха. Ее кандидатом был кардинал Октавиан. Однако победу одержал Бандинелли. За него проголосовало четырнадцать кардиналов, против — девять. Новый папа принял имя Александр III.

Тогда Фридрих пошел на смелый шаг. Он вывел оппозиционных кардиналов в Павию и провел там под охраной своих рыцарей церковный собор, который послушно утвердил Октавиана папой под именем Виктора IV. Так вместо одного папы стало два. Александр III тут же отлучил императора от церкви. В иной ситуации интердикт был бы серьезным оружием, но на этот раз он ничем Фридриху не грозил: у него в кармане был свой папа, который в ответ тут же отлучил от церкви Александра III.

Но в стратегии Фридриха было слабое место: Европа состояла не только из Германии и Италии. Другие европейские государи с опаской наблюдали за решительными действиями Барбароссы. Поэтому, когда Александр III обратился к королям Европы с просьбой о помощи, она была (по крайней мере на словах) немедленно оказана. На соборе в Тулузе в октябре 1160 года короли Франции, Англии и христианские короли Испании признали Александра III. Более того, византийский император

Мануил также вмешался в европейскую игру, и его войска в Италии стали помогать папе.

Фридрих не отступал. Ему казалось, что восстановление его власти в Италии — лишь дело времени. Но его победы оказывались эфемерными. За ними обязательно следовало новое восстание. Итальянские города боролись за свое существование, Фридрих — за империю. Экономически итальянские коммуны были более развиты, чем Германская империя, а дома у Фридриха было достаточно врагов, которые ждали его поражений.

Кремона была наконец взята. Жителям было разрешено покинуть город, унося с собой лишь то, что можно было взять в руки. После этого в него вошли германские войска. Они разграбили Кремону, а затем разрушили ее.

Но Милан сопротивлялся. Только в марте 1162 года, измученный голодом, лишившийся надежды, город решил сдаться. Если миланцы проявили упорство, то и Фридриху нельзя было отказать в настойчивости. Он понимал, что, пока существует непокоренный Милан, Италия не сдалась.

Император отказался обсуждать условия сдачи с консулами Милана — он потребовал безоговорочной капитуляции.

Еще неделю тянулось ожидание. Миланцы понимали, что милости от завоевателя ждать нельзя. Но и продолжать сопротивление они не могли. Поэтому через неделю в ставку императора пришли все именитые люди Милана с непокрытыми головами, с ключами в руках.

На следующий день из городских ворот вышла длинная процессия. Все граждане Милана шли босые, с петлей на шее; головы их были посыпаны пеплом. В середине процессии двигалась повозка — символ города Милана. На ней было укреплено знамя города с изображением святого Амвросия.

Перед возвышением, на котором стоял трон Фридриха, процессия замерла. К ногам императора кинули знамена цехов и кварталов. Затем к трону приблизилась повозка. Фридрих поднял руку. По этому знаку загремели трубы, которые, по словам очевидца, «звучали как похоронная песнь над погибшей гордостью Милана». Повозку опрокинули, и священное знамя сорвали с нее.

Миланцы опустились на колени.

Фридрих сидел с каменным лицом, казалось не слыша стенаний поверженных врагов.

После того как миланцы трижды обратились к императору, он поднялся и произнес свой приговор: он прощает жителей города, но не прощает сам город. Стены Милана должны быть разрушены, дома снесены. Никто никогда не будет жить в нем.

Сами миланцы должны уйти из города, но консулы, судьи, знатные рыцари, старейшины торговых и ремесленных гильдий остаются у Фридриха заложниками.

Началось разрушение Милана.

Но оказалось, что это выше сил победителей. Были снесены стены и некоторые башни, по центральной площади проведена символическая борозда — свидетельство того, что города больше нет.

Но город остался. И остались в нем жители, а значит, сохранилась жажда освобождения и мести. Потратив три года на осаду и победив Милан, Фридрих не добился победы. Судьба Милана лишь умножила число его врагов.

Имперская политика Фридриха разоряла не только Италию — она высасывала средства и из Германии, где частые и длительные отлучки императора усиливали брожение и раздоры между князьями. Росло недовольство и в городах. Жители крупнейшего из них, Майнца, восстали и убили архиепископа, который правил городом от имени императора.

Пока Фридрих, вернувшись в Германию, вновь занимался внутренними делами, его контроль над Италией ослабел. Воспользовавшись этим, Александр III в 1165 году освободил итальянские города от вассальной присяги Фридриху.

Фридрих был связан обязательствами, которые сам на себя наложил. Поражения ничему его не научили. Богатая Ломбардия не могла быть покорена. Но Фридрих вновь и вновь с бычьим упрямством вел своих рыцарей на юг.

Умер его «карманный» папа, а Александр III с помощью норманнов и византийцев укреплял свою власть. Союз против Германии налаживали итальянские города. Даже города, обычно стоявшие в оппозиции к Милану, вступили с ним в переговоры. К союзу склонились Брешия, Мантуя, Кремона, близки к нему были Венеция, Верона и Болонья.

И поэтому осенью 1166 года, так и не уладив дела дома и не смирив Генриха Льва, который все прочнее укреплялся на севере Германии, Барбаросса вновь поспешил в Италию.

После отчаянных боев императорской армии удалось взять Рим. Александр III в одежде паломника бежал на юг, а в Риме воцарился очередной антипапа Пасхалий III, привезенный в немецком обозе. Теперь можно было снова двинуться на непокорный Милан и наказать его за то, что он посмел восстановить свои стены.

Но тут жаркое итальянское лето нанесло удар — в переполненном паломниками и солдатами грязном, пыльном Риме вспыхнула эпидемия холеры. Болезнь косила не только

жителей города, но и германскую знать. Даже канцлер империи архиепископ Райнальд стал ее жертвой.

Видя, что войско уменьшается, Фридрих вынужден был отдать приказ к отступлению на север.

Остатки армии, волоча за собой больных и обозы, отошли к Павии. Отступление превращалось в бегство. Со всех сторон доносились вести о том, что города отказываются признавать империю и высылают отряды, чтобы окружить слабую армию императора и уничтожить ее.

Огрызаясь, как загнанный волк, Фридрих спешил к альпийским перевалам, чтобы вырваться из ловушки. Днем и ночью приходилось отражать нападения итальянских отрядов. К счастью для Фридриха, города не успели создать общее войско.

Когда Фридрих понял, что ему не прорваться к перевалам, он решил на меру, которая будет применена через много столетий, во время второй мировой войны, нацистами в оккупированных странах.

На каждом привале Фридрих приказывал вешать знатных заложников, которых он взял в Риме и других городах. И он поклялся, что, если итальянские отряды не прекратят его преследовать, он перевешает всех заложников, до последнего.

Эта жестокая мера помогла. К концу зимы 1168 года с жалкими остатками войска Фридрих вернулся домой.

Италия торжествовала. Были временно забыты распри. Всем казалось, что упрямый император никогда уже не посмеет вновь прийти в долины Ломбардии. Александр III в очередной раз возвратился в Рим и благословил Ломбардскую лигу городов. «Нет сомнения, — писал он в своей булле, — что вы заключили на благо этот союз мира и согласия и, соединившись, сбросили с себя иго рабства».

Для того чтобы обезопасить себя от будущих вторжений, Ломбардская лига построила на пути, который вел из Германии в Италию, могучую крепость, назвав ее Александрией в честь папы. Имперская политика Фридриха привела к тому, что папа, для борьбы с которым Фридрих приложил столько усилий, не только удержался, но и укрепил свои позиции в Италии.

Фридрих был подобен кучеру, который стремится ехать одновременно в двух каретах. Он правит одной до тех пор, пока вторая не съезжает на обочину. Тогда он перепрыгивает на облучок второй кареты и старается выправить ее. А тут первая карета сбивается с пути...

Саксонский правитель Генрих Лев не признавал власти Фридриха. Он вел на севере собственные малые крестовые походы против славян и балтийских народов, не помогая Фридриху в его

итальянских делах. Даже германские епископы все более склонялись к тому, чтобы признать законность Александра III, и вели с ним тайные переговоры.

Крепость Александрии была для Фридриха словно бельмо на глазу. И не только потому, что она препятствовала проходу в Италию, но и потому, что название ее было прямым выпадом. А тут еще умер очередной антипапа — Пасхалий. С антипапами Фридриху не везло — уж очень неживучими они оказывались. И это понятно. Кардиналы, которых Фридрих привез к себе, избирали, как правило, немощных, стареньких, которые долго не протянут и не помешают заниматься своими делами. Так что на место Пасхалия кардиналы привычно избрали нового старичка — Каликста.

Фридрих был настроен весьма решительно. Более двадцати лет он потратил на то, чтобы привести Италию к повиновению. Ему уже пятьдесят, он немолод, грузен, рыжая борода поседела. Всю жизнь он провел в беспрестанном движении, сотни раз ему самому приходилось брать в руки меч и врубаться в ряды врагов. При последнем бегстве из Италии он чуть было не погиб, окруженный в одной из стычек итальянскими рыцарями.

Но на этот раз все должно быть в порядке. Армия Фридриха везла с собой могучие осадные орудия, которые должны были сокрушить стены Александрии и Милана.

Но ничего не вышло.

Армия застряла у стен Александрии. Города Ломбардии собрали большую армию, и она перекрыла путь на юг. После нескольких месяцев топтания на месте Фридрих согласился на переговоры с послами папы. Переговоры ни к чему не привели: папа требовал, чтобы Фридрих отказался от имперских планов и от власти над ломбардскими городами.

Наступила зима.

До весны 1176 года Фридрих находился в Павии, готовя армию к сражениям, и бомбардировал Германию требованиями прислать подкрепления. Подкрепления не поступали. Фридриху не оставалось иного выхода, как одним ударом разгромить итальянскую армию.

Весной, получив подкрепления из Кельна, Фридрих пошел навстречу итальянской армии, которая расположилась между Миланом и Лоди. Там, у селения Леньяно, и произошло одно из самых знаменитых сражений средневековья.

Узнав о движении германской армии, ломбардцы окопали свой лагерь глубоким рвом и расположили за ним пехоту, вооруженную длинными копьями. Миланские рыцари встали перед лагерем. В самом же Леньяно должны были держать

оборону рыцари из Брешии, которые называли себя «дружиной смерти».

Армия Барбароссы была невелика. К тому же Фридрих был вынужден распылить ее, оставив части для осады Александрии, для охраны дорог и гарнизоны в занятых итальянских городах.

Фридрих, как опытный полководец, понимал, что на его стороне должна быть инициатива. Поэтому он атаковал первым. Рыцарская конница итальянцев не выдержала натиска и дрогнула. Часть рыцарей бежала к Лепьяно, остальные укрылись в укрепленном лагере за спинами пехотинцев.

Казалось бы, битва выиграна.

Но пехота ломбардцев была неучтенным фактором.

Рыцарская лавина ринулась на пехоту.

Ремесленники и крестьяне Ломбардии, выставив лес копий, не дрогнули. Несколько раз накатывалась волна рыцарей на копейщиков, но за упавшей шеренгой тут же вставала другая.

И пока рыцари, увязнув в этом бою, старались пробиться в лагерь, из ворот Леньяно вылетели брешианские «дружинники смерти», которые поклялись победить или умереть. К ним присоединились миланские рыцари. Все они яростно ударили во фланг германскому войску. Увидев, что немецкие рыцари дрогнули, вперед пошла итальянская пехота.

Армия Фридриха Барбароссы была разбита наголову.

А итальянцы, прекратив с темнотой погоню за побежденными, вернулись на поле боя. Освещая груды тел факелами, они искали среди погибших своего врага — Фридриха. Многие утверждали, что видели, как он упал с коня. Желание отыскать тело императора было настолько велико, что до рассвета победители не уходили с поля.

Но император был жив. Ему удалось ускакать и вместе с несколькими рыцарями скрыться в Павии.

Поражение в битве при Леньяно означало крушение имперской политики. После Леньяно Фридрих понял, что спасение империи — в компромиссе. Только показным смирением он сможет удержать императорскую корону. Фридрих объявил о желании вести переговоры с папой и городами.

24 июля 1176 года с Фридриха было снято церковное отлучение. Вскоре он прибыл в Венецию, где в храме святого Марка его ждал Александр III. Там разыгралась душеспасительная сцена, в которой не было ни грамма искренности. Фридрих пал ниц перед папой, но Александр поднял его с пола и облобызал. Фридрих публично объявил, что поступил дурно, послушавшись голоса справедливости, но, осененный божьей благодатью, он стремится к примирению с непогрешимым папой.

Лишь к 1183 году был окончательно заключен мир с Ломбардской лигой городов, по которому им возвращались автономия и право выбора должностных лиц. Города отныне имели право содержать армии и возводить стены. Номинальная власть над городами сохранялась за императором. Тогда же было ко взаимному согласию ликвидировано папское двоевластие. Антипапа Каликст был Фридриху больше не нужен. Александр III отправил его в монастырь, и этот эпизод в истории папства был закрыт.

Пойдя на переговоры, вместо того чтобы продолжать войну, Фридрих сохранил в Италии важные политические и экономические позиции. Когда мир с Италией был заключен и немецких комендантов в городах сменили послы империи, Фридрих как бы освободился от проклятия — вновь и вновь покорять итальянские города.

В последние годы жизни Фридрих уделял основное внимание германской политике, стараясь наверстать упущенное.

Подходило время смены поколений. Но и здесь Фридрих удержался более других. Он пережил Людовика французского, Мануила, Ярослава Осмомысла, грузинского царя Георгия и даже Генриха Плантагенета.

Основным соперником Барбароссы в Германии оставался Генрих Лев, правитель саксонский и баварский. Фридрих считал его виновником поражения в битве при Леньяно: Генрих не прислал обещанных подкреплений.

В 1179 году Фридрих созвал в Вормсе съезд князей, на который пригласил Генриха Льва. Тот не явился. Фридрих на это и рассчитывал. Герольду приказано было трижды выкликнуть имя Генриха Льва. После того как герцог не отозвался на призыв, он был осужден к изгнанию и лишению земель. Фридрих раздал его владения другим князьям, что было платой за поддержку на съезде. Генрих Лев оказался перед лицом враждебной коалиции князей, каждый из которых поддерживал Фридриха в обмен на клочок владений изгнанника.

Гордый Генрих Лев, поседевший в боях и походах, вначале не принял всерьез решения съезда. Целый год он отчаянно сопротивлялся. Войска почти всех крупнейших князей штурмовали его замки и города. Наконец Генрих понял, что проиграл. Он явился с повинной к императору, и ему были оставлены фамильные владения. Саксония и Бавария к нему не вернулись. Более того, ему было сказано, что доходами с наследственных земель он пользоваться может, а вот жить в них — нет. Поэтому Генриху пришлось отправиться в изгнание. Он избрал Англию, так как был женат на дочери Генриха

Плантагенета.

Установив мир в Германии, Фридрих в 1186 году вновь отправился в Италию. На этот раз он ехал туда с миром, желая отпраздновать дипломатическую победу: ему удалось устроить брак своего старшего сына и наследника Генриха с дочерью сицилийского короля. А это было ударом по новому папе — Луцию III.

Сила папы заключалась в возможности балансировать между Сицилийским королевством и Германией. Разумеется, папа отказался авансом короновать принца Генриха, которого Фридрих объявил соправителем, императорской короной, чего от него потребовал Барбаросса. Фридрих не выказал разочарования. С годами он научился ждать. Папы приходят и уходят. А он намеревался пережить и Луция. Здоровья и сил хватало. Да и сыновья были послушны и рука об руку с отцом укрепляли государство.

В 1186 году отец и сыновья с триумфом проехали по итальянским городам. Милан, забыв о прошлом, предложил устроить свадьбу Генриха с сицилийской принцессой в своем соборе. Так что именно в некогда враждебном Милане двадцатилетний Генрих был торжественно обвенчан с сицилийкой, которая была старше его на десять лет.

Напрашивается упрек: почему героями этой книги стали в основном короли и князья? Почему так мало говорится о положении народных масс и социальных движениях?

Упрек этот отчасти справедлив.

В мире конца XII века обитали многие десятки миллионов человек. В их числе было лишь несколько сотен князей и ханов. Но историки того времени, не знавшие теорий, которые получили хождение лишь в XIX веке, не подозревали, что история делается народными массами. Они были убеждены, что история делается монархами, которых избрало для этого само небо. Сегодня мы можем собрать более или менее связную информацию лишь о двух категориях людей: о правителях государств и о некоторых писателях. О первых — из летописей и документов, о вторых — большей частью из их произведений. Если же на исторической арене появлялся человек низкого происхождения, который становился настолько известен, что удостоивался внимания хронистов, значит, он поднял руку на королевскую власть. Неважно, по какой причине.

Это случалось крайне редко.

Это случилось, к примеру, в Англии.

В середине XII века престол в Англии заняли представители династии Плантагенетов — выходцы из Западной Франции. Они будут долго править страной. Из этого семейства выйдут удивительные характеры — некоторым из них Шекспир посвятит свои трагедии. Насыщенность войнами, убийствами, заговорами, переворотами в период правления Плантагенетов была куда выше

среднеевропейской нормы.

События разворачивались так.

В XI веке Англию покорили норманны Вильгельма Завоевателя. И с тех пор более ста лет английские короли были фактически французскими владетелями, лишь часть земель которых лежала на острове. Французские дела для них были важнее, чем английские. Они даже не знали английского языка. Король Генрих II, человек очень образованный для своего времени, владевший шестью языками, по-английски знал лишь несколько слов. Первым королем династии Плантагенетов, который умел говорить по-английски, был знаменитый Ричард Львиное Сердце.

Сын Вильгельма Завоевателя Генрих I правил в Англии с 1100 по 1135 год. Его наследник погиб при кораблекрушении, и эта смерть надломила отца. Вспышки гнева чередовались у него с долгими приступами отчаяния. И хотя он женился вновь, детей больше не было.

Душевное состояние короля было усугублено преступлением, лежавшим на его совести. Король дружил с менестрелем Люком де Барре, но потом тот перешел на сторону французского короля и воевал в рядах его армии против Генриха. Однажды менестрель сочинил насмешливые стихи о Генрихе, чем задел его за живое.

Вскоре после этого Люка де Барре взяли в плен и привели к королю. Монархи всегда побеждали поэтов и уничтожали их — казнили, ссылали, травили. Но с таким же постоянством в истории оставались имена и стихи погибших поэтов и лишь в исторических трудах — имена королевей.

Разгневанный Генрих решил навести порядок в поэзии, для чего приказал выжечь менестрелю глаза. Де Барре так отчаянно сопротивлялся, что палач изуродовал его, и поэт, проклиная Генриха, в жутких мучениях умер. Короля преследовали ночные кошмары. Он вскакивал с ложа, хватал меч и в припадке безумия рубил мебель.

Вопрос о престолонаследии в Английском королевстве со смертью сына Генриха стоял весьма остро. У короля были родственники, которые могли претендовать на власть, но не было никого, кому сам король желал бы власть передать. Наиболее вероятным претендентом был племянник Генриха Стефан, как говорили, самый красивый мужчина в Европе, высокий, стройный рыцарь.

Однако король связывал планы с вернувшейся из Германии дочерью Матильдой, молодой вдовой императора Священной Римской империи Генриха V. Матильда была женщиной пылкой, неуправляемой, к тому же она приехала в провинциальный

Лондон из самого центра Европы, и жизнь в Англии казалась ей скучной, норманнские бароны — грубыми, улицы — узкими, а наряды — немодными. Она подружилась с красавцем Стефаном, и, возможно, у них завязался роман.

Генрих нашел Матильде выгодную партию — Готфрида (Жоффруа) графа Анжуйского, владения которого вклинивались в континентальные земли Генриха. Граф Анжуйский был еще мальчишкой, одиннадцатую годами моложе Матильды. Матильде же совсем не хотелось упасть до положения обыкновенной графини.

Несколько месяцев Матильда сопротивлялась решению отца. И все же Генрих уговорил дочь поехать в Анжу и обвенчаться с четырнадцатилетним женихом, согласия которого никто и не спрашивал. Взамен Генрих обещал дочери передать престол ее детям.

Опечаленная Матильда отправилась на континент, и в 1127 году состоялась свадьба.

Пять лет Матильда прожила в графстве Анжу. Мальчик-муж превратился в высокого юношу, который более всего любил охоту. Матильда томила в неволе и совершала безумные эскапады, которые, правда, никого в графстве не удивляли, потому что женщины в роду графов Анжуйских всегда отличались буйным нравом и даже знакомством с потусторонними силами.

Например, к этому роду имела отношение лесная фея Мелузина, которая взяла с мужа, графа Раймонда, обещание, что он не будет искать ее общества по субботам. Разумеется, граф в ближайшую же субботу отправился в спальню к Мелузине и обнаружил, что от пояса вниз она превратилась в белую змею. Увидев мужа, Мелузина тут же скончалась, но дух ее бродит по замку и пощелкивает хвостом о плиты пола. Еще одна графиня не скрывала связи с дьяволом. Четыре рыцаря решили силком притащить ее в церковь. Как только они оказались в церкви, графиня испарилась, оставив в руках рыцарей свои одежды и оквернив храм запахом серы.

Несмотря на все усилия, детей у Матильды не было. Вzbешенная несправедливостью судьбы и напуганная возможностью остаться никому не нужной бездетной графиней, она вернулась в Англию.

Там ничто не изменилось. В мрачных, плохо освещенных залах королевского дворца в Вестминстере толпились рыцари, сходные с простолюдинами, бароны обменивались грубыми шутками или бахвалились подвигами... Генрих принял дочь холодно. Лишь элегантный Стефан скрашивал ей горькие дни. Первое время Генрих не торопил дочь с возвращением к мужу, но

затем что-то произошло — и графиня Анжуйская сама собралась, велела готовить корабль и отбыла во Францию. А еще через несколько месяцев оттуда пришло долгожданное известие: у нее родился мальчик.

Эти метания Матильды между замком мужа и дворцом в Лондоне современникам казались странными — тем более, когда родился мальчик.

Случилось это в 1133 году.

Первые два года жизни ребенка, названного в честь деда Генрихом, прошли в чудесных тихих местах, среди невысоких холмов, поросших дроком. Готфрид любил украшать свой шлем веточкой дрока, именуемого там «планта генеста». Отсюда и пошло прозвище — Плантагенет, — которое затем перешло на английскую династию. Представители анжуйского дома правили не только Англией. Из их среды вышли короли Сицилии и Неаполя, а в XIV веке — короли Венгрии и Польши.

Когда Генриху было два года, умер его дед.

Матильда поспешила в Англию — утвердить права своего сына на престол. Но опоздала. Власть в стране захватил прекрасный Стефан. Ему это легко удалось, потому что Стефана поддержал Лондон — большой город с могущественными торговцами шерстью и ремесленными гильдиями. Стефан был свой, лондонский, он обещал все что угодно, он никому ни в чем не отказывал. Сумасбродная Матильда жила где-то далеко, во Франции, со своим французским мужем. И пока не прошло ослепление первых дней, никаких шансов у Матильды и у ее сына не было.

Для того чтобы придать видимость законности воцарению нового монарха, сенешаль государства поклялся при архиепископе Кентерберийском и при других свидетелях, что перед самой кончиной Генрих призвал его к себе и с последним вздохом изменил завещание, назначив наследником Стефана. После этого Стефан взломал печати на сокровищнице и обнаружил, что его дядя накопил колоссальные по тем временам богатства.

Однако дело Матильды было не столь уж безнадежным. Два фактора были за нее — время и поддержка Роберта Глостера, мудрого политика и отличного администратора.

Стефан был вынужден сразу же платить по счетам, умасливая баронов; каждый из них начал ощущать себя полным господином в своих владениях. Бароны строили замки, превращая их в разбойничьи гнезда, отказывались нести государеву службу и грабили крестьян с таким остервенением, что в течение нескольких лет Англия превратилась в разоренное государство,

где все проклинали баронов и короля.

Как слабый человек, Стефан легко впадал в крайности. Ему казалось, что если он бросит в тюрьму непокорного барона или проворовавшегося министра, то в государстве наступит мир и порядок. Неумные меры молодого монарха лишь ухудшали положение. Неудивительно, что, когда Матильда с небольшой армией высадилась в Англии, бароны, которые еще недавно столь дружно голосовали за нового короля, начали переходить на сторону Матильды. Стефан буйствовал, крича: «Они же сами меня избрали!», но поделать ничего не мог. Остатки казны он пустил на то, чтобы ввезти в страну наемных фландрских рыцарей, что отнюдь не увеличило его популярности.

Гражданская война длилась почти двадцать лет, то затихая, то вспыхивая вновь. Страна все более погружалась в глубины нищеты и варварства. Силы противников были примерно равны, остановить кровопролитие было невозможно. Пока же бароны и рыцари перебегали то на одну, то на другую сторону, а банды наемников грабили крестьян и города.

Положение изменилось в 1153 году, когда партию Матильды возглавил ее сын Генрих, которому к тому времени исполнилось двадцать лет.

Известие о появлении молодого короля было встречено многими с радостью. С ним связывались надежды тех, кто был разочарован как в Стефане, так и в Матильде. Отряды рыцарей, горожан, крестьян стекались к Генриху со, всех сторон, и, когда он подошел к Темзе, армия его уже выросла до внушительных размеров.

Войско Стефана ожидало врагов на другом берегу реки.

Стоял январь. Берега были занесены глубоким снегом. Северный ветер нес заряды снега и стегал по лицам.

Лучники перестреливались через реку. Генрих послал разведку выяснить, выдержит ли лед конницу.

В это время к Стефану подъехал старый архиепископ Кентерберийский Теобальд и осмелился произнести самые нужные слова: «Почему бы не кончить дело миром?»

И было достигнуто странное на первый взгляд соглашение.

Генрих возвращается во Францию и ждет там, пока Стефан не умрет. Стефан же остается королем Англии, но завещает престол не своему сыну, а законному наследнику — Генриху.

Еще год Стефан доживал остаток своей жизни в королевском дворце. Обезумевшие от безнаказанности феодалы продолжали грабить страну.

Здесь возникает тайна — из тех тайн истории, которые никогда не будут разгаданы. Был ли Генрих II сыном графа

Анжуйского? Непонятное поведение Матильды, покидающей мужа после пяти лет бесплодного замужества, возвращение в Лондон, дружба ее со Стефаном, затем поспешное возвращение во Францию, где у нее рождается сын, странное поведение Стефана, который двадцать лет отчаянно боролся с Матильдой, но без боя согласился передать престол Генриху, — все это дает основания для сомнений.

Король Стефан умер в октябре 1154 года. За два десятилетия его правления население Англии сократилось на треть, бароны и рыцари построили более тысячи замков, торговля была подорвана, сельское хозяйство пришло в страшное запустение. Юному королю Генриху и досталось неважное наследство.

Мы знаем, что люди в средние века умирали раньше, чем наши современники. Но забываем, что они куда раньше взрослели. Это была своеобразная компенсация за укороченную жизнь. Можно подумать, что природа, обнаружив, что люди стали жить на двадцать-тридцать лет дольше, успокоилась и не стала торопить их со вступлением в зрелость.

В двадцать лет Генрих II, человек уже опытный в боях и походах, вступил в борьбу за престол. В двадцать один год он его получил. Само пребывание на престоле еще ничего не означало — нередко королями становились и младенцы. Но Генрих II обнаружил качества крупного государственного деятеля. Когда в исторических трудах говорится о том, что Генрих, взойдя на престол, первым делом усмирил буйных феодалов, изгнал из страны фландрских наемников, добился мира на дорогах, провел судебную реформу, мы воспринимаем его действия как бы вне возраста. Разумеется, молодой английский король был не одинок — подавляющее большинство англичан было готово поддержать любые меры, ведущие к установлению порядка в стране. Но ведь у короля были могучие противники: его реформы ущемляла интересы феодальной знати и духовенства.

За тот год, пока Генрих более или менее спокойно дожидался в своих французских владениях английского трона, он успел жениться.

Элеонора Аквитанская была, пожалуй, самой богатой невестой в Европе. Земли ее отца занимали большую часть Западной Франции, от Бретани до Пиренеев. Герцог Аквитанский мало чем уступал французскому королю.

Аквитания была славна не только роскошными виноградниками, тучными стадами и богатыми городами. Там расцветала и поэзия, там царствовал культ возвышенной любви, и Элеонора в пятнадцать лет уже была признанной королевой

Двора Любви, и в ее честь слагали песни лучшие трубадуры.

Сочетание красоты, живого независимого характера, светлого ума и невероятного богатства обращало к Элеоноре взоры многих королевских семейств, но энергичнее всех был король Франции Людовик Толстый. Он был так толст, что почти никогда не поднимался с ложа, но это не мешало ему быть неглупым правителем, и незадолго до кончины он принял меры, чтобы девушка из Аквитании была обвенчана с его сыном, наследником французского престола, который будет править под именем Людовика VII.

С юности Людовик отличался набожностью, любовью к порядку, переходящей в занудство, и крайней нерешительностью. Несмотря на набожность и любовь к духовному чтению, он был очарован аквитанской красавицей. Так что в 1137 году пятнадцатилетняя Элеонора вышла замуж за принца Людовика.

Вскоре после этого на Людовика начали обрушиваться несчастья, источником которых была Элеонора. Первое было связано с ее требованием прийти на помощь ее сестре. А сестра Элеоноры Петронилла влюбилась в женатого графа Вермандуа, который из-за нее бросил жену. Родственники жены двинулись на влюбленного графа войной. Дела графа шли из рук вон плохо. Элеонора заставила Людовика собирать армию и спасать сестру. Людовик подчинился. В ходе этой войны произошел весьма прискорбный эпизод: войска Людовика штурмом взяли один город, более тысячи жителей которого нашли убежище в соборе. Собор загорелся, и люди погибли. Это вызвало у Людовика глубокое чувство раскаяния и заставило стать еще более набожным. Элеонора его не любила, но делила с ним ложе и в первые годы замужества родила двух дочерей.

Унаследовав Францию и права на Аквитанию, Людовик, вместо того чтобы заниматься государственными делами, решил принять участие во Втором крестовом походе. Лавры освободителя Святой земли манили Людовика более, чем слава доброго государя.

Нельзя судить человека средневековья нашими мерками: рациональность и трезвость XX века, который, в значительной степени лишившись религиозности, продолжает держаться за суеверия, ему были совершенно чужды. Средневековая Европа знала о Святой земле меньше, чем древние римляне. Куда известнее был мир духовный, центром которого была церковь. Загробная жизнь была не менее реальной, чем жизнь земная, освобождение гроба Господня было не фикцией, а необходимым делом, чтобы достичь торжества духа и приблизить царство божие. Иерусалим был не просто ближневосточным городом — он

был символом.

Разумеется, организация крестовых походов диктовалась большой европейской политикой, но мало кто из участников этой эпопеи видел ее приводные ремни. Каждый рыцарь искал выгоду, и материальную и духовную, потому что они были для него неразделимы. Нам кажутся нелогичными поступки жадных и жестоких крестоносцев, которые заключали союзы с сарацинами против братьев-христиан, разрушали христианский Константинополь, поднимали оружие друг на друга, шли на клятвопреступления. Но в сознании крестоносца все это отлично уживалось и всему находилось объяснение и оправдание. Каждый ставил себе высокую цель — личное благополучие на реально существующем Том свете, не забывая о благополучии на свете Этом.

Законы экономики и социального развития определяют движение общества, но не поведение отдельного его члена.

Для Людовика VII, который отправился в крестовый поход, едва вступил на престол, человека меланхоличного, склонного к мистике, отягощенного гнетом греха, крестовый поход был очищением и надеждой на великую славу, а может быть, и способом бегства от действительности. Приняв крест, ты становился выше прочих людей.

Узнав, что муж готовится к крестовому походу, Элеонора возликовала. Она заявила, что также отправляется в крестовый поход и намеревается рубить неверных сарацин, как капусту. Людовик мог ожидать, что его юная супруга, только что перенесшая вторые роды, изъявит желание ухаживать за больными и ранеными, выполняя свой христианский долг. Ничего подобного. Поборница женских прав потребовала, чтобы ей разрешили собрать отряд знатных дам, которые готовы поднять меч во славу Господа.

Элеоноре в тот век относительной свободы женщин удалось собрать отряд. В нем состояли такие «звезды» тогдашнего света, как герцогиня Бульонская и графиня Тулузская. Мужья, отцы, братья всех входивших в него дам не заперли их в замках. Они их отпустили в поход, и мир от этого не перевернулся.

Королева отнеслась к крестовому походу со всей серьезностью. Каждое утро дамы выезжали на пустырь тренироваться во владении мечом и копьем. С рассвета вокруг пустыря собирались любопытные. Сшили и форму. Она состояла из длинной белой туники, плаща с разрезом сбоку до пояса (на плаще и тунике был нашит большой красный крест), красных сапог с оранжевыми отворотами и красных в обтяжку рейтуз. Прекраснее всех была, разумеется, Элеонора.

Хронисты времен крестовых походов оставили портреты действующих лиц европейского средневековья. Описания эти большей частью идеализированы и подчинены тогдашнему пониманию красоты. Поэтому герои кажутся похожими друг на друга, как красавцы и красавицы восточной поэзии.

Средневековье — эпоха скульптуры и архитектуры. Картин немного. Искусство обращалось к небу и должно было быть нетленным.

Скульптуры-надгробия сохранились у всех королей династии Плантагенетов. Так как эта династия правила несколько сотен лет, последние ее представители жили в эпоху торжества живописного портрета. И мы можем сравнить скульптуру и портрет. И понимаем, что сходство убедительно.

Генрих II и его сыновья — Ричард Львиное Сердце и Джон (Иоанн Безземельный) — похожи друг на друга. Все они широкоскулые, с короткими носами, большими, широко расставленными глазами, и все трое, следуя моде и семейным вкусам, носят короткую широкую окладистую бороду и усы. Известно, что Ричард был блондином, тогда как у Генриха и у Джона были темные волосы.

Сохранилось только одно скульптурное изображение Элеоноры Аквитанской — ее надгробие в аббатстве Фонтевро. Хотя скульптор избегал конкретных признаков старости, перед нами лицо пожилой женщины. Но ясно видны не зависящие от времени черты лица: высокий крутой лоб, большие глаза, разлетающиеся четкие брови, прямой с высокой переносицей нос, крутой упрямый подбородок — все это соответствует описаниям, оставленным хронистами.

Отряд амазонок оказался неудачным приобретением для французской армии. У дам был громадный обоз, который включал парикмахеров и камеристок, музыкантов и портных, слуг и поваров. К тому же при виде прекрасных дам рыцари забывали о благочестивой цели похода.

Армия долго ползла на восток. Наконец она пересекла Босфор. Дальше тянулись сухие горы: поход становился все труднее. Армия постепенно таяла в стычках с сарацинами, но амазонки в них участия не принимали: французские рыцари не желали рисковать жизнью дам. На подходе к Эдессе, которую следовало отбить у сарацин, женский отряд чуть было не погиб со всей армией. Когда в тот день измученные войска добрались до зеленой долины, Элеонора пожелала устроить дневку, и, хотя в горах, окружавших долину, могли скрываться отряды врагов,

Людovic согласился на требование жены и разбил лагерь. Опасения оказались обоснованными: пока войско отдыхало, на крестоносцев напали сарацины. Бойня была ужасной. Французы потеряли около семи тысяч человек, и самому королю Людовику пришлось сражаться в гуще схватки.

Когда крестоносцы добрались до христианских королевств Святой земли, Людовик с облегчением оставил дамский отряд в Антиохии, которой правил дядя Элеоноры граф Роберт. Потеряв вкус к сражениям, молодая королева не утратила вкуса к приключениям. Пока набожный Людовик иссыхал под палестинским солнцем, стараясь изгнать сарацин за пределы Иерусалимского королевства, королева, которой лишь недавно исполнилось двадцать четыре года, увлеклась своим дядей; тот, в свою очередь, был очарован красотой племянницы. А так как граф Антиохийский мечтал выкроить себе королевство в Палестине, он решил воспользоваться любовью Элеоноры в своих целях: развести ее с Людовиком и выдать замуж за мусульманина — своего союзника конийского султана. Однако Элеонора не настолько потеряла голову, чтобы сменить положение французской королевы на долю одной из четырех жен «неверного».

Слухи о ее похождениях достигли наконец ушей усталого и разочарованного Людовика, который уже понимал, что единственный выход — спешить обратно во Францию, пока его подданные не забыли, что у них есть король.

Возвращение после двухлетнего отсутствия было грустным. Людовик корил жену, угрожал разводом. Элеонора знала, что если король обвинит ее в неверности, то после развода она потеряет право вновь выйти замуж. В конце концов супруги пришли к компромиссному решению: если Элеонора забеременеет и родится мальчик, то она останется королевой Франции, но если родится девочка или ребенок умрет, то супруги найдут способ тихо разойтись, не мешая друг другу вновь вступить в брак.

Родилась дочь...

Вскоре после этого при дворе Людовика появился молодой Генрих Плантагенет, который пытался добиться поддержки короля в борьбе за английский престол. Он был на девять лет моложе французской королевы, и, хотя Элеонора была по-прежнему прекрасна, разница в возрасте была весьма значительна. Так что тесное общение и взаимная симпатия претендента на английский престол и королевы не вызвали подозрений.

Генрих, доблестный рыцарь и в то же время один из самых

образованных людей своего времени, представлял собой разительный контраст вялому Людовику, становившемуся с годами все более нудным.

Можно вообразить себе картину бурного романа, который начался у Элеоноры и Генриха, тайные свидания, встречи на охоте, клятвы и обещания, но можно и предположить, что при виде Генриха французская королева поняла, какой у нее появился шанс: сменить мужа, трон, страну... Для Генриха Элеонора — замечательное приобретение. Что с того, что Элеоноре почти тридцать. Она — наследница аквитанского престола, и это позволит объединить под английской короной всю Западную Францию.

Наверное, сыграли роль и любовь и политика.

Людовик ничего не заподозрил. В марте 1152 года папа дал королевской чете развод по обоюдному согласию, и Людовик не возражал против того, чтобы бывшей жене было возвращено приданое — Аквитания.

После развода Элеонора, одетая скромно, почти в трауре, сопровождаемая лишь несколькими слугами, отправилась домой. Людовик не провожал ее.

Как только Генрих узнал, что Элеонора прибыла в Бордо, он тут же поскакал к ней. Они не теряли ни минуты; менее всего им хотелось, чтобы шпионы Людовика узнали, зачем Генрих так спешит в Аквитанию. Уже 1 мая Генрих и Элеонора сыграли скромную свадьбу, и тут же Генрих начал готовиться к походу на Англию.

Когда известие об этом невероятном событии достигло Парижа, Людовик пришел в ярость. Его советники требовали, чтобы он немедленно вторгся в Аквитанию и примерно наказал бывшую жену. Людовик рвал и метал, проклинал тот час, когда он встретил эту распутницу, приказывал собирать армию. Затем отменял свои приказы и запирался в спальне. А время шло.

Новобрачные перебрались в Нормандию. Тамошние бароны, потомки соратников Вильгельма Завоевателя, встали на поддержку принца Генриха. Аквитанские рыцари пришли на помощь своей герцогине. На свои деньги Элеонора собрала флот в тридцать шесть кораблей и снарядила армию; без Элеоноры, без ее энергии, денег, связей, рыцарей Генриху вряд ли удалось бы добыть себе английскую корону. И Генрих отправился в Англию. Жена его не сопровождала: она ждала ребенка.

Первый сын Генриха и Элеоноры, которого они называли Вильгельмом в честь великого деда, родился в 1153 году.

На следующий год Элеонора подарила супругу еще одного мальчика — Генриха. Ричард, любимый сын Элеоноры, которому

будет суждено носить прозвище Львиное Сердце, появился на свет в 1157 году. Наконец, еще через десять лет, в 1167 году, родился Джон. Последнего сына Элеонора родила в сорок пять лет.

Ее дочь Матильда станет женой саксонского герцога Генриха Льва, врага Фридриха Барбароссы. Иоанна отдаст свою руку королю Сицилии и, подобно своей матери, отправится в крестовый поход. Младшая дочь, Элеонора, выйдет замуж за самого богатого монарха Европы — короля Кастилии.

Судя по всему, Элеонора была верна своему второму мужу и помогала ему в управлении страной. Правда, Генрих никогда не отпускал ее с государственными поручениями без какого-нибудь из своих министров, который должен был следить, чтобы Элеонора не превысила полномочий, Но так Генрих поступал не только с ней, но и с сыновьями. Он никогда никому не доверял до конца.

Сам же Генрих похвастаться верностью не мог. У него был длительный роман с прекрасной Розамундой Клиффорд, память о котором сохранилась в английских балладах. В них королева Элеонора выступает далеко не в лучшем обличье. Впрочем, это и понятно: для англичанина тех лет королева была лицом подозрительным — репутация ее оставляла желать лучшего, ее похождения в Святой земле передавались с преувеличениями, да к тому же она была иностранкой. А Розамунда была английской страдальцей.

Согласно преданиям, Генрих прятал Розамунду в башне, которая была окружена сложным лабиринтом из деревьев и кустов. Попасть туда мог только сам король, у которого для этой цели была протянута шелковая нить. Но однажды злобная и коварная королева Элеонора выследила короля и, незамеченная, проникла в башню. В одной руке у королевы был кинжал, в другой — бутылочка с ядом. Королева убедилась, что перед ней стоит беспомощная любовница ее мужа, и предложила ей выбор: вонзить в себя кинжал или выпить яд. Прекрасная Розамунда предпочла яд.

Розамунда Клиффорд — лицо историческое. Она понравилась Генриху, когда тому было всего семнадцать лет и он приезжал в Англию с матерью при очередной ее попытке отвоевать престол у Стефана. Розамунде было пятнадцать. Молодые люди полюбили друг друга, и, когда король вернулся в Лондон женатым человеком, он не отказался от любовных утех и построил Розамунде дом рядом со своим дворцом. Дом был невелик, и за ним раскинулся садик с лабиринтом из подстриженных кустов. Лабиринт был местом мирных прогулок. Нити, чтобы из него выбраться, не требовалось. К тому же, как справедливо заметил

английский историк Томас Костэн, вряд ли можно допустить, чтобы король, единственный человек, знавший путь через лабиринт, каждый день носил возлюбленной еду в судках.

Элеонора была осведомлена о существовании Розамунды. Вряд ли королева испытывала к Розамунде добрые чувства, но и вражды не питала: у короля должны быть любовницы, на то он и король.

Плодом этой любви был Годфри, который воспитывался вместе с законными детьми Генриха.

Когда Годфри подросток, король решил сделать его епископом. Молодой человек отчаянно сопротивлялся, так как больше любил походы, сражения, турниры и прочие мужские забавы. Но пришлось подчиниться, и несколько лет Годфри страдал на епископской должности. Возможность изменить судьбу для него выпала, когда к концу жизни Генриха начались войны и в ходе одной из них вражеский отряд высадился в том графстве, где епископом был Годфри. Тот немедленно собрал пешее ополчение из своих прихожан и с такой отвагой бросился на рыцарей, что наголову разгромил их. После этого боя Генрих, встретившись с сыном, обнял его и сказал: «Ты — мой настоящий сын. Остальные — незаконные». И вскоре сделал Годфри канцлером.

Но все это случится куда позже.

А Розамунда мирно доживет свои дни в доме с лабиринтом.

Решительный и прагматичный Генрих поражал придворных и народ тем, что непрестанно колесил по государству, множество раз пересекал Ла-Манш, появлялся в своих французских владениях и возвращался обратно. Такая жизнь была проклятием для придворных, потому что Генрих был непритязателен и ему было ровным счетом все равно, где и как он ночует. Королевский поезд обрушивался на городки и баронские замки, как чума. Король сам проверял дела, собирал шерифов и судей, посещал мастерские и появлялся на крестьянских полях. Лишь с темнотой утомленные придворные засыпали вповалку в конюшне или в крестьянских хижинах, но не успевало подняться солнце, как их будили: король спозаранку продолжал путь...

Характером Генрих напоминал русского царя Петра Великого с его неутомимостью, умением не чураться никаких дел и страстным желанием создать великое государство. Половина тысячелетия пролегла между этими людьми, их судьбы различны, и исторические задачи сходны лишь внешне, но характеры не зависят от эпохи. Те же упорные поиски верных помощников, невзирая на их происхождение, способность искренне привязываться к человеку и неумение управлять своими

чувствами. Даже разочарование, постигшее этих двух государственных мужей к концу жизни, роднит их.

Современники корили Генриха за то, что он был недостаточно религиозен. Это, очевидно, не совсем так. Он был религиозен — вряд ли отыщешь атеиста в XII веке, но Генрих полагал, что у него личные отношения с богом. Мнение же его о посредниках, которые правили от имени бога, было невысоко. В церкви во время службы он писал указы и диктовал письма, мог подняться и неожиданно уйти.

Любопытно, что Генрих был не суеверен. Известна история, связанная с его походом в Ирландию в 1172 году. Он подошел с войском к речке, посредине которой, поднимаясь серым крутым горбом, возвышался камень под названием Лехлавар. Возле речки армия остановилась: все знали о предсказании давно умершего мага Мерлина, по которому английский король, который придет завоевать Ирландию, умрет на Лехлаваре. На том берегу собрались зрители: многим хотелось поглядеть, удастся ли завоевателю уцелеть. Предсказание Мерлина не было для средневекового человека сказкой. По правилам Генриху следовало обойти этот проклятый камень.

С того берега раздался пронзительный крик одетой в рубище старухи:

— Отомсти за нас сегодня, Лехлавар! Отомсти за людей нашей земли! Убей его!

Генрих спрыгнул с коня и решительно вошел в холодную быструю воду потока.

На обоих берегах люди затаили дыхание.

Король подошел к Лехлавару и начал взбираться на скалу. Он карабкался осторожно, он не хотел поскользнуться и сломать ногу: предсказание, сбывшееся хотя бы на четверть, уже сбылось.

Через несколько минут Генрих был на вершине Лехлавара.

Он поглядел на тот берег, где сгрудились ирландцы, и громко, на всю долину, воскликнул:

— Ну, кто еще верит басням этого Мерлина?

Генрих умел найти и приблизить людей, которых считал надежными исполнителями своей воли. К примеру, он отдал пост мэра Лондона простому суконщику Фитц-Алвину, англосаксу, а не норманну, потому, что тот был решителен, умен и пользовался популярностью среди ремесленников и торговцев. И Фитц-Алвин оставался мэром столицы двадцать четыре года.

Еще одним простолюдином, вознесенным королем, был Томас Бекет.

Его отец Гилберт Бекет был торговцем, состоятельным и

богобоязненным. Сыну он смог дать хорошее по тем временам образование, отправив его в Оксфорд. Юный долговязый студент, ростом сто восемьдесят сантиметров, что делало его одним из самых высоких людей в стране, понравился архиепископу Кентерберийскому Теобальду. Тот послал его изучать теологию в Париж и Болонью. Томас провел там несколько лет. Еще одно свидетельство того, насколько широк и цивилизован был мир XII века, если юноша низкого происхождения мог учиться в трех странах.

Томас вернулся, зная не только богословие и церковное право; он говорил на нескольких языках, изучил и науки светские, в той мере, в какой они тогда преподавались. Но главное, он научился одной из важнейших средневековых наук — риторике.

Теобальд, довольный успехами Томаса, сделал его архидьяконом в Кентербери, что не требовало пострига. Бекет оставался мирянином, хотя Теобальд собирался сделать его в дальнейшем епископом. Пока же он исполнял особые поручения Теобальда, что способствовало раскрытию его способностей и росту известности в церковных кругах. Особенно он отличился, когда архиепископ послал его с секретной миссией к римскому папе, чтобы уговорить того оказать поддержку Матильде и Генриху.

Бекет понравился королю, и эти два молодых человека, умных, образованных, честлюбивых и сильных, сблизились. В обход знатных вельмож Генрих назначил молодого архидьякона канцлером Англии.

Правда, в то время пост канцлера не был столь высок, каким он стал впоследствии. Эта должность означала лишь главенство в королевской канцелярии, где числилось всего два писца. В его обязанности входила регистрация королевских актов и проверка документов.

Обстоятельства способствовали превращению поста канцлера в один из важнейших в королевстве: с укреплением власти на местах, расширением прерогатив судов и ростом привилегий городов объем официальной переписки возрос в несколько раз. Бекет разделил громадный зал канцелярии на каморки, в которых сидели писцы, и число их в течение нескольких недель выросло до пятидесяти двух. Названная цифра может показаться смехотворно малой, однако для средневековой Англии это было первое крупное учреждение, центр информации о делах государства, нервный узел, в котором сходились все нити из графств. Молодой канцлер (в 1153 году Бекету было тридцать пять лет) проводил целые дни в своем «министерстве», принимая просителей, подписывая документы, утверждая судебные

решения. Слава о деловых качествах канцлера и его влиянии на короля распространилась по всей Англии.

Зная о дружбе короля с канцлером, вся знать королевства стремилась сблизиться с Бекетом, и тот купался в лучах своей популярности. Он держал открытый стол, и ежедневно у него за обедом собиралось несколько десятков человек. Он нанял лучших поваров, одевался у лучших портных — это был вельможа из вельмож, изысканный, образованный и деловитый. Он быстро разбогател. Хронисты обычно обходят молчанием источники этого обогащения, хотя Бекет явно использовал свое «служебное положение» — ведь земель у него не было.

Король и долговязый канцлер были во многом похожи. Генрих был неумом в делах, Бекет тоже был неумом. Оба были тщеславны, горды, умны. Дружбе не мешала и разница в возрасте, она достаточно компенсировалась тем, что младший друг был королем. К тому же Бекет был всегда нужен Генриху: логика его была безукоризненна и он умел идти на разумные компромиссы — это качество у короля отсутствовало. Надеясь сделать сговорчивее вельмож, недовольных тем, что делами государства правит церковная крыса низкого происхождения, Генрих, отправляясь с армией во Францию, дабы в очередной войне с Людовиком Французским доказать свои права на Тулузу, поручил Бекету командование передовым отрядом из семисот рыцарей. Ко всеобщему удивлению, Бекет оказался умелым командиром, заставил непривычных к дисциплине рыцарей совершать трудные переходы и подчиняться его приказам. Во главе своего отряда он первым ворвался в пролом стены и захватил Тулузу. Король был доволен. Но для рыцарей их командир не перестал быть спесивым плебеєм. Вынужденные подчиняться ему в походе, они делали все, чтобы очернить его в глазах короля. Особую ненависть к Бекету питал некий Реджинальд Фитц-Урс, буйный норманн, который воспринимал приказания простолюдина как личное оскорбление.

Вершиной успехов Бекета была его поездка во Францию после окончания войны. Чтобы установить мир с Людовиком, который не мог простить Генриху истории с Элеонорой, английский король предложил женить своего старшего сына Генриха, которому только-только исполнилось восемь лет, на семилетней дочери Людовика от второго брака.

Посольство Бекета должно было поразить французов. Свита его состояла из двухсот рыцарей. Позади ехало восемь больших повозок, влекомых четверками коней. В одной из повозок находилась походная кухня со штатом лучших поваров, в другой — церковь, две были наполнены бочками с добрым английским

пивом, в остальных хранилась посуда, одежда и утварь посольства. Впереди выступали оркестр и хор мальчиков.

Генрих был в восторге, когда узнал, что Бекету удалось очаровать нелюдимого и подозрительного Людовика и получить его согласие на мир и на брак дочери с юным английским принцем. Более того, король Франции согласился отпустить девочку в Англию, чтобы она жила там до совершеннолетия, при условии, что ее наставником будет мудрый Томас Бекет.

По возвращении посольства в Лондон жених и невеста переехали в канцелярию к Бекету, и тот каждый день занимался с ними. Дети его обожали. Ни время, ни обстоятельства не смогли сломить их любви к наставнику.

Генрих прощал Бекету его страсть к роскоши. Сам он никогда не следил за своей одеждой, ему было в высшей степени все равно, как он выглядит. Поэтому иногда он любил посмеяться над вкусами друга. Рассказывают, что однажды зимой король и канцлер ехали вдвоем по узким, темным улицам Лондона, беседуя о благе народа, и увидели сидевшего у стены нищего. Нищий дрожал от холода и протягивал за подаванием руку.

Генрих вдруг обернулся к канцлеру. Тот был одет в роскошную меховую шубу.

— Послушай, Тома, — сказал король — правильно ли, что этот несчастный умирает от холода, тогда как у тебя есть несколько меховых шуб, которые ты не можешь надеть все сразу? Давай отдадим шубу нищему и сделаем благое дело.

Канцлер довольно сухо ответил, что надеть на нищего такую шубу все равно что приставить ворота Кентерберийского аббатства к лондонскому публичному дому.

Но король не унимался. Он стал стаскивать с канцлера шубу, а нищий в ужасе смотрел на то, как борются два знатных господина.

В конце концов королю удалось сорвать с канцлера шубу, и он кинул ее нищему. Правда, на следующий день Генрих прислал Бекету другую шубу, не хуже утерянной.

В 1162 году умер мудрый архиепископ Теобальд, глава английской церкви. При его жизни нередко возникали конфликты между церковью и государством, но Теобальд был склонен к компромиссам.

Смерть архиепископа встревожила Генриха. Крупнейший феодал государства — церковь, пользующаяся поддержкой Рима и стремящаяся к независимости от светской власти, станет опасным соперником, если ее возглавит чужой королю папист. Следовало предложить епископам и Риму кандидатуру, которая была бы

удобна для короля.

Весть о смерти архиепископа Генриху, находившемуся в то время в очередном походе в Нормандии, привез Бекет. Разговор короля и канцлера происходил в саду замка. Король был в кожаных штанах и короткой серой рубаше, из рукавов которой вылезали грубые короткопалые руки. Канцлер же был одет изысканно и богато. На нем был длинный, до земли, алый плащ, привезенный из Далмации. Волосы его были надушены.

Выслушав доклад канцлера, Генрих помолчал с минуту, потом сказал:

— Архиепископом Кентерберийским будешь ты.

Бекет с улыбкой поднял руку, показывая жемчужины на рукаве:

— Я слишком ярко одеваюсь, чтобы угодить монахам.

Разговор этот возобновился на следующий день. И на третий.

Бекет был взволнован. То, что сначала показалось лишь королевской шуткой, было реальностью. Старик Теобальд довольствовался вторыми ролями и не желал большего. Но если английскую церковь возглавит Томас Бекет, то он будет править страной от имени Бога и Рима. Но он не сможет быть послушным слугой короля. Потому что встанет перед выбором — король или Бог. И в случае, если не прав будет король, он поднимется выше короля.

Невозможно представить себе ход мыслей Томаса Бекета. Мы знаем лишь о результатах его решения и последующем поведении. Оно поражало современников и до сих пор удивляет историков.

Генрих и Бекет договорились, что, пока не закончится траур и не придет время выборов архиепископа, о королевском решении объявлено не будет.

Весь год, в течение которого длился траур, Бекет вел точно такую же жизнь, как и прежде. В дела церкви он не вмешивался и ничем не выдавал своих намерений.

Через год, когда подошло время епископам выбрать главу церкви, в Лондон прибыл приближенный короля Ричард де Люси и объявил епископам: король желает, чтобы архиепископом Кентерберийским стал Томас Бекет.

Последние месяцы епископы провели в грызне между собой, объединяясь во фракции, перебегая из одной партии в другую и пытаясь скомпрометировать противников. Требование короля было для епископов неприемлемым — хотя бы потому, что Томас Бекет не принял пострига и был известен склонностью к мирским радостям. они не желали подчиняться королевскому чиновнику.

В течение нескольких дней в совете епископов шла отчаянная

борьба, за которой следил весь Лондон.

А Бекет продолжал жить как ни в чем не бывало. Он целыми днями пропадал в канцелярии, порой срывался с места и ехал в дальнее графство, где его присутствие было необходимо.

Посланцы короля, умело пользуясь раздорами среди епископов, постепенно добились своего. Скрепя сердце епископы проголосовали, как следовало.

Бекету сообщили, что отныне он — глава церкви и второй человек в государстве. Сын торговца, ранее полностью зависевший от королевской милости, стал представителем Бога в Англии. 3 июня 1162 года Томас Бекет принял постриг и стал архиепископом Кентерберийским.

Генрих был доволен. Он добился своего и теперь ждал, когда его старый друг займется делом — приберет к рукам церковь.

В стране, где все без исключения были глубоко верующими, влияние церкви чувствовалось во всем. Человек мог быть разбойником и убийцей, но он никогда не терял надежды, что в конце жизненного пути сможет добиться прощения, потому что верил в загробную жизнь и трепетал перед адом.

В то время в Англии, как грибы, росли монастыри. Считается, что только за годы правления Генриха II было основано более ста монастырей, то есть ежегодно открывалось по три монастыря. Однако подавляющее большинство их принадлежало иностранным орденам, пришедшим из Франции, и управлялись они норманнскими аббатами. А так как монастыри были крупными феодалами, владения которых все время увеличивались, для экономики страны они далеко не всегда были благом: большие средства, выкачивавшиеся ими в Англии, утекали за Пролив. Уставы монастырей рознились и нарушались в зависимости от характеров настоятеля и монахов. Зачастую монастыри превращались в капища разврата. Самым богатым был бенедиктинский орден, владевший обширными земельными угодьями и множеством крепостных.

Монастыри цепко держались за право убежища: любого преступника монастырь мог укрыть в своих стенах, и светская власть не имела права его забрать. Такой человек мог с помощью монахов добраться до побережья, там он получал малую толику денег и оказывался на судне, уходившем к берегам Франции, или он мог остаться в монастыре, пока не минует опасность. В монастырях, которым было выгодно содержать беглецов, потому что они были даровой рабочей силой, скрывались тысячи людей, объявленных вне закона, некоторые из них частенько покидали стены монастырей, чтобы грабить и воровать, а затем скрывались там вновь.

Яркой иллюстрацией состояния дел в монастырях может служить канон клюнийского монаха Петра (середина XII века), в котором тот давал советы монахам.

Некоторые пункты этого канона касаются гастрономических забав монахов. Например, такой: «Запретить монахам на третий день недели, по средам, есть диких уток и водяных курочек, ибо они относятся к породе птиц, хотя и плавают». Хитрость монахов, окрестивших уток рыбами, для того чтобы не оскорбиться, была весьма распространенной. «Запретить монахам принимать пищу более трех раз в день». Или о привычке к роскоши: «Запретить монахам носить украшения и драгоценные камни, а также содержать более двух слуг».

Ряд пунктов касался монашеского обета безбрачия. Петр Клунийский прозрачно намекает на нравы в мужских монастырях, советуя: «Запретить оставаться с молодыми женщинами в ночные часы...», «Запретить монахам брать на воспитание обезьян...», «Запретить уединяться в кельях с послушниками под предлогом обучения их молитвам...».

Изобретательность тоскующей монашеской плоти была неисчерпаема.

И это дало основание Петру Клунийскому, направившему острие своего гнева против бенедиктинцев, подытожить: «Обители, воздвигнутые благочестивым святым Бенедиктом для нравственного улучшения христианского общества, забыли святой завет основателя и превратились в блудища Содомы».

Среди церковных мыслителей и князей церкви в те годы ширилось движение за очищение церкви от скверны, создавались нищенствующие ордены, основывались монастыри со строжайшими уставами.

Вскоре после своего назначения Бекет совершил поступок, удививший всю Англию.

Он явился в королевский дворец, который в отсутствие Генриха занимал его сын Генрих-младший, двенадцатилетний мальчик, боготворивший своего наставника. На Бекете, которого все привыкли видеть роскошно одетым, была бедная монашеская ряса, и подпоясан он был веревкой. Он вошел в зал, где за столом сидел его ученик, и положил на стол печать канцлера. Бекет сказал, что новый пост не дает ему возможности долее выполнять обязанности канцлера и он освобождает себя от них.

Мальчик ничего не понял, но придворные были встревожены.

— Обсудил ли господин архиепископ этот вопрос с королем? — спросили его.

— Нет, — ответил Бекет. — Но это не играет роли.

И покинул дворец.

В последующие недели слухи, один удивительнее другого, расходились по Лондону. Новый архиепископ все время постится и даже носит вериги. Он выбросил все роскошные одежды и питается сухим хлебом. Он приказал вынести из своего дома мягкую мебель, ковры и подушки и спит на голой скамье. Каждый день он приглашает за свой скромный стол тридцать нищих, моет каждому из них ноги, кормит и дает потом по пенсу. Он, лучший шахматист в Англии, выкинул доску и фигуры и заявил, что шахматы — греховное занятие, как и любая другая игра.

Затем Бекет начал действовать. И действия его были направлены на усиление церкви, то есть на ослабление государства. Первым делом он велел духовным судам рассмотреть все дела об изъятии церковных земель начиная со времен норманнского завоевания. Суды быстро доказали незаконность изъятий, и Бекет велел новым владельцам вернуть земли, а так как те сопротивлялись, некоторые из наиболее упрямых баронов были немедленно отлучены от церкви, что представляло в те времена нешуточное наказание.

Генрих, узнав об этих событиях, поспешил в Англию. Он не хотел в них верить. Томас Бекет встречал его на берегу. Генрих был поражен, увидев, как его друг изменился за какие-то несколько месяцев. Он постарел лет на десять и страшно похудел. В сорок четыре года Бекет казался стариком. Он смотрел на короля в упор. Это был взгляд врага. Генрих понял, что слухи, поразившие его, правдивы. Не разговаривая с архиепископом, он тут же направился во дворец. Он был зол на себя за то, что не раскусил канцлера раньше. Он потерял слугу и приобрел соперника, тщеславие которого было равно его собственному.

Попытки короля разубедить старого друга, помириться с ним ничего не дали. Тогда Генрих начал борьбу с архиепископом. И первым делом ударил по его карману. Он приказал Бекету отказаться от духовных постов, которые приносили ему немалые доходы. Бекет отказался от постов. Король назначил настоятелем находившегося по соседству с Кентербери монастыря распутного и бессовестного норманна Клерамбо, о котором было известно, что в окрестностях этого монастыря у него насчитывалось не меньше дюжины незаконных детей.

Затем король потребовал отмены духовных судов, которые были на редкость пристрастны и открыто покровительствовали преступникам в рясах.

В ответ на это Бекет разрешил знатному норманну Филиппу де Бруа, убившему отца обещанной им девушки, спрятаться в монастыре, что было открытым вызовом королю. Действительная

вина рыцаря никого не интересовала. Бекет желал доказать силу церкви, король — силу государства. Победил Бекет: рыцаря судил духовный суд, и тот отделался штрафом.

Это была последняя капля, переполнившая чашу терпения Генриха. Он буйствовал во дворце, крушил посуду и мебель, катался в ярости по полу и рвал на себе волосы. И именно в тот день он сказал так, чтобы слышали все: «Отныне между нами все кончено».

Страна разделилась.

Знать, кроме тех баронов, что были обижены королем, приняла сторону Генриха. Бекет мог рассчитывать на поддержку в городах.

В этом конфликте с самого начала был весьма ощутим социальный аспект. Бекет был простолюдином, горожанином, представителем нового слоя, приобретавшего в Англии все большее значение. Хотя он формально не защищал права крестьян и горожан, а выступал за монахов, репутация которых была невысока, в нем фокусировалась сила, способная бросить вызов аппарату угнетения, с которым в глазах народа ассоциировалось государство. Он бросал вызов королю, его спесивым баронам и корыстным шерифам. Церковь, несмотря ни на что, была представительницей Бога, а значит, защитницей. Бекет олицетворял собой церковь воинствующую, стоящую на страже справедливости; и пусть справедливость была односторонней, она существовала. И поэтому слава Бекета, легенды о его святости распространялись по стране. Бекет становился кумиром народа, а это бесило не только Генриха, но и верхушку английской церкви, тесно связанную с феодальной элитой.

Конфликт между королем и архиепископом был не только внутренним делом Англии. За ним внимательно наблюдали враги и союзники. В первую очередь король Франции Людовик VII и Александр III, прошедший свой на удивление долгий срок на папском престоле в борьбе с римским народом, германским императором Фридрихом Барбароссой, сицилийскими норманнами, итальянскими городами, еретиками.

Ситуация в Англии была для папы выгодна, но требовала осторожности. Генрих, которого не интересовали итальянские дела, был нужен Александру III как союзник и хозяин королевства, дававшего папскому двору немалые доходы. И хотя архиепископ Кептерберийский боролся именно за интересы церкви и за доходы папского двора, это не означало, что папа всегда стоял на его стороне. Он поддерживал Бекета лишь тогда, когда это ему было выгодно, в частности для того, чтобы

оказывать давление на Генриха. Поэтому несколько раз случалось, что, предав Бекета, папа затем спохватывался и выступал в поддержку дерзкого архиепископа. И это позволяло ему как бы оставаться над схваткой.

Тем временем борьба между соперниками разгоралась. По настоянию короля епископы собрались, чтобы рассмотреть требование короны о лишении духовных судов их прерогатив. Но тут король перегнул палку — епископы побоялись лишиться судебных доходов и иммунитета. Бекет выиграл раунд.

Король не сдался. Он собрал не только епископов, но и светскую знать и сумел склонить чашу весов на свою сторону. Результатом была принятая в 1164 году Кларендонская конституция, которая определяла, что в отсутствие епископа доходы с епархии идут государству, что государственный чиновник решает, какому суду — светскому или духовному — вести то или иное дело, что в духовном суде должен присутствовать представитель короны и что именно король — последняя инстанция во всех спорах; апелляции к папе запрещались.

Жалоба Бекета в Рим не помогла. Папа рекомендовал Бекету подчиниться законам страны, в которой живет.

Но Бекет менее всего намеревался сдаться. Он потребовал у папы, чтобы тот издал буллу, санкционирующую решение в Кларендоне, — только такой документ он признает как руководство к действию. Александр III был осторожен. Он отмалчивался и буллы не издавал.

По всей стране судебские чиновники стали извлекать из монастырей преступников и жестоко карать их. Более того, они начали проводить процессы задним числом, приговаривая к повешению тех, кто был ранее оправдан церковью. И в число таких людей, разумеется, в первую очередь попадали не воры и грабители, а люди, не угодившие королю, шерифу, местному сеньору. Волна казней, прокатившаяся по стране, отнюдь не усилила симпатий к Генриху, зато укрепила репутацию непримиримого Бекета.

Через восемь месяцев, убедившись, что папской буллы Бекет не получит, Генрих решил действовать более жестко. Он приказал архиепископу явиться в Нортхемптонский замок на королевский суд. Бекет собрал свою поредевшую свиту и поехал к королю. Там обнаружилось, что жилье для него не приготовлено и все дома заняты придворными. Пришлось архиепископу провести ночь в сарае на полу.

На следующий день, когда начался суд, Бекет перебрался в небольшой монастырь, стоявший за городом, и там принимал

посланцев короля. А тем временем в замке король и знать, включая нескольких послушных епископов, выносили все новые приговоры.

В первый день суда архиепископа приговорили к штрафу в триста фунтов стерлингов за «оскорбление королевского суда». Сумма была по тем временам очень велика. Бекет переслал деньги королю. На следующий день от него потребовали вернуть все деньги, которые он получил на посольство во Францию. Таких денег у Беке-та не было, но он выдал вексель на них. На третий день, не скрывая торжествующих усмешек, судьи приговорили архиепископа заплатить государству суммы, которые должны были бы полагаться короне за всех епископов и аббатов, чьи места в последние годы пустовали. Такой суммой архиепископ, разумеется, не обладал. Она превышала годовой доход государства.

Король в ожидании ответа мерил широкими шагами зал заседаний. Ответ архиепископа задерживался.

— В Англии нет места для нас двоих! — вдруг закричал Генрих. — Или он или я!

Епископы носились между монастырем и замком, уговаривая Бекета отказаться от архиепископской митры. Тогда в королевстве наступит мир, уверяли они. Бекет ничего не отвечал.

После долгого ожидания до замка донесся слух, что Бекет едет к королю в сопровождении двух монахов, неся в руке тяжелый крест.

Король тут же потребовал от вельмож и епископов, чтобы они объявили Бекета изменником и приговорили к смерти. Никто не осмелился возразить королю, но и поддержать открыто такое требование никто не решился. Епископы один за другим тихонько выскальзывали из зала.

Дверь распахнулась. Вошел архиепископ. Он еще более исхудал и оттого казался невероятно высок. Он держался прямо и нес перед собой тяжелый серебряный крест. Зрелище было настолько внушительным, что один из оставшихся в зале епископов подошел к Бекету и, склонившись перед ним, попросил разрешения держать тяжелый крест. Но Бекет лишь сверкнул глазами, отгоняя робкого помощника.

— Идиот! — закричал вдруг в наступившей тишине епископ Лондонский. — Тебя всегда губила гордыня! И ты, я вижу, не раскаялся!

Бекет, словно не слыша этого крика и угрожающего гомона рыцарей, уселся на стул лицом к королю.

Король поднялся и удалился со свитой из зала.

Так прошло несколько часов. Король поужинал. Но Бекет

продолжал неподвижно сидеть, не выпуская креста. Иногда к Бекету подходили наглые враги и робкие союзники. И те и другие хотели, чтобы он сложил с себя сан.

— Дитя не может судить отца, — отвечал Бекет. — Король не может судить меня. Лишь папа может меня осудить.

Из соседнего зала слышались пьяные крики. Спустилась ночь.

Неожиданно Бекет поднялся и направился к выходу. Он прошел через зал, где ужинали вельможи и епископы. Поднялся страшный шум: рыцари вопили, что он — предатель, и кидали в него объедки. Но приблизиться к архиепископу никто не посмел.

На улице под холодным дождем Бекета ждала другая встреча.

Там собрался почти весь город.

Слух о том, что Бекет стоит за правду, против вельмож и злых судей, заставил горожан ждать архиепископа на улице и трепетать в страхе, что его убьют.

Отныне Бекет был святым человеком, действиями которого руководил господь. Не будучи народным вождем, Бекет становился им. И два рыцаря, выскочившие с пьяными угрозами вслед за Бекетом на улицу, вдруг оробели перед толпой и поспешили обратно в зал.

А Бекет был в отчаянии. В те часы, которые он провел в опустевшем зале, и минуты, когда шел под градом оскорблений, он понял свое бессилие. И понял, что в Англии его заточат в тюрьму или тихо задушат. И дело будет проиграно.

И он решил добратся до Рима. В этом был огромный риск, и только быстрота могла его спасти.

Решение Бекета оказалось полной неожиданностью для короля, который продолжал спокойно пировать с вельможами, смеясь над Бекетом и полагая, что тот прячется в монастыре. Он недооценил своего противника, хотя должен был знать решительный характер архиепископа.

Когда, спохватившись на следующий день, взбешенный Генрих разослал по всем прибрежным городам приказ схватить «бывшего архиепископа, а ныне изменника и преступника, скрывающегося от правосудия», было поздно. Бекет уже пересек Ла-Манш.

Добравшись до Рима, Бекет получил аудиенцию у папы и положил перед ним Кларендонскую конституцию. Хитрый Алексапдр заявил, что он и не подозревал о ее содержании и никак не может ее одобрить, хотя еще недавно советовал Бекету покориться. Но это вовсе не означало, что он твердо стал на сторону Бекета. Он продолжал увертываться, Стараясь не испортить отношений с Генрихом и в то же время опасаясь резкого языка Бекета и его все крепнущей репутации

несгибаемого борца за торжество церкви.

В течение семи последующих лет Бекет жил на континенте. Людовик VII несколько раз обещал ему начать войну с Генрихом, чтобы восстановить справедливость. Но ничего реального не сделал — для него Бекет был лишь фигурой на шахматной доске, передвигая которую можно угрожать Генриху. Папа то посылал к Генриху кардиналов, чтобы помирить его с Бекетом, то корил Бекета за излишнее упрямство и отказ от компромисса. Генрих тратил бешеные суммы на подкуп кардиналов и нужных людей в окружении папы, надеясь выкрасть Бекета или добиться папского осуждения.

Все эти годы Бекет жил на хлебе и воде. Он повторял, что служит лишь Богу. Легенды о его святости и магической силе распространялись по всей Европе и докатывались до Англии, обрастая по пути все новыми и новыми деталями. Бекет стал надеждой всех англичан, недовольных королем и вельможами, он стал знаменем для того крыла духовенства, которое боролось за очищение церкви от скверны.

Бекет продолжал бороться, он писал страстные послания, которые достигали Англии, он грозил королю отлучением, и лишь папа смог удержать его от этого крайнего шага.

В течение этих лет Генрих продолжал укреплять свои владения во Франции, присоединил Ирландию, привел к покорности Шотландию. И неожиданно для многих он объявил о желании короновать своего старшего сына Генриха. Генриху-младшему было в то время пятнадцать лет, и король был еще совсем не стар. В 1170 году ему исполнилось тридцать семь лет. Он был здоров, энергичен и предприимчив, как прежде.

Генрих не намеревался отказываться от престола. Он задумал другое.

В Европе было несколько королей и лишь два императора — император Византии и германский император Фридрих Барбаросса. Оба они считали себя наследниками римских цезарей.

Генрих решил создать третью империю — Британскую.

Титул императора он предназначал себе. А сыновей, их было четверо, хотел сделать королями. Для этого у него были королевства Английское, Ирландское, Шотландское и владения во Франции.

Добиться этого без согласия римского папы Генрих не мог: самостоятельное решение такого рода было бы узурпацией титула.

Но оказалось, что даже короновать Генриха-младшего нельзя.

Возложить корону на голову английского короля имел право лишь архиепископ Кентерберийский. А им был Бекет.

Тогда Генрих обратился к папе с просьбой разрешить провести коронацию архиепископу Йоркскому, который рассчитывал занять место Бекета. После некоторых колебаний Александр III согласился.

Но как только Бекет узнал об этом, он немедленно приехал к папе и обвинил его в предательстве. Если бы слова Бекета были сказаны приватно, ничего бы не произошло. Но Бекет довел их до сведения многих, и папа понял, что не может отмежеваться от Бекета, который формально оставался главой английской церкви. Лишить его сана тоже было нельзя, потому что для этого надо было заманить Бекета в Англию.

И папа придумал уловку. Он сказал, что отправил архиепископу Йоркскому письмо с запрещением проводить коронацию. По сей день остается тайной — было это письмо или нет. Потому что архиепископ Йоркский утверждал, что никакого письма не получал.

Но и для Генриха-младшего, и его французской жены, воспитанников Бекета, коронационные торжества не были настоящими — молодая королева даже отказалась участвовать в церемонии, утверждая, что без Томаса Бекета она не будет законной. Король Генрих всех сломил — сопротивление вызвало в нем ярость бешеного быка. Принц Генрих и его жена были коронованы.

Но эта победа ничего королю не дала: она привела лишь к недовольству в Англии и к ссорам в королевском семействе. К тому же положение Генриха в Европе оставляло желать лучшего. Король, как и прежде, метался по своим французским владениям, редко спал дважды в одной постели, подавлял мятежи, осаждал замки, наводил порядок, но все разваливалось, как только он покидал усмиранный край. Законы феодальной раздробленности были сильнее воли короля. Он слишком рано родился, чтобы стать абсолютным монархом, и у него был упорный враг — король Франции.

Неожиданно Генрих сделал шаг, которого никто не ожидал. Он пригласил Томаса Бекета на встречу в одном из своих французских замков. Близкие Бекету люди предостерегали его от поездки, подозревая, что это — западня. Даже папа опасался подвоха. Но Бекет знал своего бывшего друга лучше, чем другие. Получив приглашение, он тут же отправился на свидание с Генрихом.

Бекет тоже оказался в тупике — он был изгнанником, которого могли использовать в политических интригах, он был

пастырем без паствы, вечным эмигрантом, у которого было немало возможностей незаметно погибнуть вдали от дома, потому что папа и кардиналы поглядывали на него с плохо скрываемой враждебностью: их раздражали его популярность и чрезмерное честолюбие. Кому нужен святой, который может в любой момент включиться в борьбу за папский престол?

Встреча соперников прошла на удивление сердечно. По крайней мере так показалось свидетелям, стоявшим поодаль. Томас при всех встал на колени перед королем, признавая его верховную власть, король держал стремя, когда Бекет взбирался в седло.

Генрих предложил Бекету вернуться в Англию и возглавить церковь. Он обещал наказать тех епископов, которые нападали на Бекета и участвовали в позорном суде над ним. За это Бекет вновь коронует Генриха-младшего.

Соперники долго разговаривали, гуляя по саду замка. Верные рыцари окружили сад и отгоняли любопытных — и никто не знает, о чем говорили двое выдающихся людей, которые десять лет были ближайшими друзьями, а потом восемь — непримиримыми недругами. Но свидетели запомнили фразу, которую Бекет сказал королю, прощаясь:

— Мой лорд, сердце подсказывает мне, что больше мы с вами не увидимся.

Есть основания полагать, что Генрих рассчитывал на примирение. Не в его интересах было продолжение борьбы, расшатывавшей государство. Возможно, он надеялся, что Бекет, проведя семь лет в изгнании, образумится и ограничится церковными делами. Допустимо, что Бекет дал обещания такого рода. Иное дело — насколько он намерен был их выполнять.

Но даже если бы король и архиепископ договорились, в Англии оставались силы, ненавидевшие Бекета. Это церковная верхушка, которой не нужен был честный и суровый глава. Это феодалы, не переносившие Бекета, который олицетворял для них бунт престоноародья.

Генрих мог быть широк, благороден, открыт. Но через час он превращался в мстительного, разъяренного тирана, который начисто забывал об обещаниях и клятвах, данных ранее. Зная об этом, Бекет мог предположить, что наверняка наступит момент, когда интересы его и короля столкнутся. И мгновенно будут забыты обещания и дружеские беседы. К тому же у самого Бекета характер с годами мягче не стал. Семь лет в эмиграции закалили Бекета. Он не намеревался отказываться от своих целей.

Возвращение в Англию оказалось более сложным делом, нежели Бекет предполагал. Хотя он и получил от короля

обещание возместить расходы, связанные с путешествием, и вернуть церкви доходы с архиепископских земель, которые в последние семь лет поступали в государственную казну, выполнено оно не было.

Это вызывает у некоторых исследователей подозрение, что король задумал заманить Бекета в Англию, изолировать его от папской или иной иностранной поддержки и убить, с тем чтобы после гибели Бекета организовать избрание удобного архиепископа. Но сомнительно, чтобы Генриху, если он и вправду затеял убийство, нужно было ждать, пока Бекет вернется в Англию, когда с таким же успехом можно было подослать убийцу во Францию.

Скорее король надеялся на большее от встречи с Бекетом и был разочарован ее результатами. И потому не выполнил своего обещания.

Бекет взял в долг триста фунтов и нанял корабль, чтобы переправиться в Англию. Король был далеко, и разрешением вернуться следовало срочно воспользоваться. В Англии оставалось немало людей, которым приезд Бекета был не по нутру.

Самым опасным врагом был сэр Рандольф де Бро, шериф Кента, который в качестве королевского чиновника, собиравшего налоги, увел из Кентербери весь скот и лошадей, сжег конюшни и не намеревался ничего возвращать законному владельцу.

Немалую опасность представляли и три епископа, которые принимали участие в коронации Генриха-младшего. Они поклялись не допустить, чтобы Бекет снова занял свой пост.

Бекет проявил себя прежним — прекрасным тактиком, быстрым на решения: он спланировал операцию как военную кампанию.

Перед тем как покинуть Францию, он послал вперед небольшое судно, на борту которого находилась девушка, переодетая мальчиком. В Дувре ее никто не задержал, и потому она без задержки прискакала в Йорк. По окончании службы в соборе «мальчик» смиренно подошел к архиепископу Йоркскому и передал ему свиток. Архиепископ развернул свиток и начал его читать. Это был приказ об отстранении его от должности.

Когда возмущенный и перепуганный архиепископ кинулся за посланцем, тот уже исчез. Формально архиепископ при свидетелях получил приказ своего начальника, и замолчать это было нельзя. Точно так же посланница в течение ближайших двух дней поступила с епископами Лондонским и Солсберийским.

После этого отплыл из Франции и сам Бекет.

Шериф де Бро установил блокаду берега и бросил своих

солдат на поиски таинственного посланника, но тот как в воду канул.

Пока де Бро метался по берегу, обыскивая корабли, Бекет перешел в лодку в устье Темзы и поднялся на ней до города Сэндвича. Предупрежденные верными людьми, там его уже ждали вооруженные горожане. Когда де Бро прискакал с отрядом солдат в Сэндвич, он не решился вступить в бой с горожанами на их земле. Одно дело — убить Бекета на пустынном берегу, другое — сражаться с целым городом. Бекет передал шерифу через мэра города скрепленное королевской печатью разрешение архиепископу пребывать в Англии. Отныне у де Бро руки были связаны.

От своих агентов Генрих узнал, что Бекет одурачил врагов. Короля более всего встревожило то, что от Сэндвича до Кентербери вдоль дороги стояли тысячи крестьян, приветствуя своего кумира. И некоторые были вооружены.

Архиепископский дворец в Кентербери встретил Бекета выбитыми окнами, разломанными полами, проваленной крышей. Не на чем было даже спать.

В течение нескольких дней Бекет приводил резиденцию в порядок и одновременно рассылал письма своим сторонникам. Кентербери гудел, как улей. Туда спешили монахи, недовольные своими аббатами, священники, обиженные епископами, горожане с жалобами на шерифов; появились и некоторые рыцари. Все ждали, что Бекет предпримет далее.

Бекет решил. Окруженный большой толпой сторонников, которая росла по мере того, как он продвигался вперед, Бекет направился прямо в Лондон, где находился новый король Англии, которого еще предстояло короновать.

В Лондон въезжал уже не изгнанник. Главу английской церкви сопровождала вооруженная свита. У городских ворот его ждали три тысячи вооруженных горожан, навстречу вышли мэр, цехи ремесленников, гильдии торговцев. При виде Бекета люди опустились на колени.

Генрих-младший растерялся. Он боялся гнева отца, он страшился народного возмущения.

Решения принимали за него. Генрих-старший никогда не оставлял своих родственников без надзора. Королевский чиновник вышел навстречу Бекету с требованием в город не входить.

Тот не подчинился.

В воротах Лондона Бекету вручили собственноручное письмо Генриха-младшего, вырванное у того придворными. В нем король приказывал архиепископу вернуться и заявлял, что не готов с ним

встретиться.

Бекет, который рассчитывал на то, что Генрих-младший осмелится послушаться отца, повернул обратно.

Во Францию, где находился Генрих-старший, неслись панические сообщения. В доносах не обошлось без преувеличений: бароны и епископы раздули попытку Бекета посетить Лондон до размеров мятежа.

К королю в Нормандию приехали взбешенные прелаты, которых отстранил Бекет. Они кричали, что, если Бекет останется в Англии, страна будет потеряна для короны. И тогда были сказаны слова.

За ужином, бушуя в гнев, проклиная непокорного Бекета и свое решение вернуть его в Англию, король воскликнул:

— Неужели я окружен одними трусами? Неужели не найдется никого, кто освободил бы меня от этого низкорожденного монаха?

Английские историки уже много столетий утверждают, что эти слова короля были вызваны вспышкой гнева, на самом же деле он ничего подобного не хотел сказать, а последующие события были вызваны тем, что верные рыцари поняли его слишком буквально. И когда король узнал, что той же ночью четыре барона — Реджинальд Фитц-Урс, Хью де Моревиль, Ричард де Бретон и Уильям де Треси — поскакали в Кале, он отправил за ними погоню. Но погоня вернулась ни с чем.

Версия эта весьма сомнительна: король мог послать в Англию других баронов, которые пресекли бы попытку убийц расправиться с Бекетом. Он мог предупредить Генриха-младшего, чтобы тот охранял Бекета. Ничего этого Генрих не сделал. И даже не пытался сделать.

Важно и то, что появление в Англии четырех знатных рыцарей не было тайной. Шериф де Бро знал об их приезде и сразу присоединился к ним. Поэтому нет сомнений, что операция проводилась с согласия короля.

Другое дело, что во всем этом мало логики.

Операция была непродуманной и поспешной. Покушение на Бекета, связанное с именем Генриха, ничего хорошего королю не сулило. Устранить архиепископа можно было куда тоньше.

Так или иначе, рыцари поспешили в Англию, а Бекет вернулся в Кентерберии. Положение его было отчаянным.

Наступало холодное и голодное рождество. Шериф де Бро блокировал аббатство, чтобы крестьяне и монахи не смогли доставить архиепископу продукты, и перехватил корабль, который вез припасы из Франции.

Когда Бекет взошел на амвон и начал читать рождественскую проповедь, тема ее всем показалась странной: смерть епископа Альфреда от рук датчан. Он закончил проповедь пророческими словами: «И скоро будет еще одна смерть».

Бекет так исхудал, что казался бесплотной тенью.

Собор был переполнен народом — крестьянами со всей округи, горожанами из соседних городов, монахами окрестных монастырей. А ведь всадники Рандольфа де Бро и его брата Роберта дежурили на всех перекрестках, плетью и древками копий избивая тех, кто шел к собору. На площади возле собора валялись трупы лошадей и мулов — остатки каравана с припасами, который был перехвачен братьями де Бро.

Бекет кончил говорить. В холодном соборе над сотнями лиц, обращенных к архиепископу, клубился пар от дыхания.

Бекет положил руку на Библию и поднял свечу.

Трепет ужаса прокатился по собору. Все знали, что отлучение от церкви проводится «свечой и книгой».

Голос Бекета загремел, улетаая в вышину готического зала. Он говорил о том, что нет прощения человеку, поднявшему руку на церковь...

Все понимали, что сейчас архиепископ отлучит от Церкви... Но кого? Неужели самого короля Англии?

Бекет предал анафеме братьев де Бро. Прокляв первого, он поднес к губам свечу и задул ее.

Затем он отлучил двух аббатов, известных своими преступлениями.

Снова пауза.

Бекет уходит за алтарь.

Он только предупредил. Но угроза была очевидной.

Прошло еще три дня. За это время рыцари высадились в Англии. Их встретили разъяренные братья де Бро. Можно как угодно хвастаться и ненавидеть Бекета, но никогда колокола не зазвонят в твоих имениях, ни один священник не осмелится прийти к твоему смертному одру ты будешь похоронен на пустыре...

Переночевав в монастыре святого Августина, настоятелем которого был развратный аббат Клерамбо, рыцари в сопровождении братьев де Бро отправились в Кентерберии.

Наступил вторник 29 декабря. Снег несло над полями. Рандольф де Бро созвал своих солдат. Солдаты разъехались по улицам города, загоня жителей в дома.

В это время архиепископ сидел один в холодном зале дворца. Он обедал — трапеза была скудна: кусок рыбы и стакан воды.

Затем он ушел в спальню, где к нему присоединились гости, приехавшие в свое время в аббатство на рождество. Их было немного: страшно и опасно было общаться с архиепископом.

У Бекета сидел и Джон Солсберийский, крупнейший мыслитель Англии, некогда близкий Генриху человек, в свое время даже возглавлявший посольство к папе римскому, и ученый монах из Кембриджа по имени Гримм.

Рыцари въехали во двор аббатства, спешили, сняли мечи и шлемы. Они хорошо пообедали, были пьяны и уверены в себе.

Двор был, как и обычно, заполнен нищими, юродивыми, крестьянами, которые хотели хоть глазком взглянуть на святого Томаса. Они грелись у костров.

Четыре рыцаря в развевающихся белых плащах, под которыми поблескивали кольчуги, прошли в спальню к Бекету.

Реджинальд Фитц-Урс сказал с порога:

— Епископ, мы привезли приказ короля.

Простой рыцарь не мог доставить архиепископу приказ короля. Поэтому Бекет отвернулся от Фитц-Урса.

Тогда рыцарь начал перечислять преступления Бекета: непослушание королю, попытка поднять восстание, снятие епископов, отлучение братьев де Бро.

Бекет все выслушал и затем холодно ответил, что он действовал с санкции папы римского, с ведома и согласия короля.

— Как! — закричал Фитц-Урс. — Ты смеешь утверждать, что король, пославший нас к тебе, лжец? Послушайте, он оскорбил короля!

— Реджинальд, — сказал Бекет, — я никогда этого не говорил.

И тут Фитц-Урс потребовал, чтобы Бекет немедленно покинул страну и никогда более не ступал на землю Англии.

Бекет поднялся. Он был на голову выше рыцарей, и голос его был спокоен.

— Я никогда не покину Англию, — произнес он, — и ни один человек на Земле не заставит меня сделать это.

И добавил:

— Вы не более желаете убить меня, чем я сам хочу умереть.

Фитц-Урс схватился за пояс, но меча на нем не было. Оружие осталось во дворе.

Скорее всего у рыцарей не было четкого плана действий. Когда стало ясно, что Бекета запугать невозможно, у них остался лишь один путь — убийство.

Рыцари выбежали во двор, чтобы надеть шлемы и взять мечи.

Уже почти совсем стемнело.

Рыцари подбадривали себя боевыми криками:

— К оружию! За короля!

Нищие и крестьяне в ужасе разбежались со двора, но у ворот их встречали солдаты братьев де Бро и гнали обратно. Заговорщики боялись, что если в городе узнают о нападении на Бекета, то народ бросится его спасать.

Монастырские служки кинулись к окнам и дверям, выходившим во двор, и заперли их. Одинокий колокол звонил к вечерне.

Томас Бекет стоял у себя в комнате совсем один — куда-то делись остальные монахи, куда-то исчезли его гости. Казалось, он ничего не слышит. Наступил момент главного испытания. Готов ли он к смерти или должен бежать, унижая бегством ту высшую справедливость, носителем которой себя почитал? Никто не знает, о чем он думал в эти минуты. Был ли он фанатиком, шедшим на смерть ради идеи, или великим актером, который должен был сыграть последний акт трагедии?

Прибежали монахи — они стали уговаривать Бекета скрыться в церкви, куда убийцы вернее всего не посмеют войти.

Вдруг Бекет очнулся.

— Я должен служить вечерню, — произнес он.

Монах нес перед ним свечу.

Послышались крики. Рыцари бежали по коридору, соединявшему дом с церковью, разгоняя ударами мечей монахов, которые старались их остановить.

Монахи пытались вывести Бекета на боковую лестницу, невидимую в темноте. Она вела в часовню, о которой рыцари не знали.

Но архиепископ вырвался из рук монахов.

Он схватил крест и направился к архиепископскому креслу, что стояло на возвышении у колонны. Монах Гримм взял у него тяжелый крест и пошел вперед.

Ворвавшись в храм, рыцари остановились, стараясь разобраться в мелькании черных теней.

— Где изменник? — закричал Фитц-Урс.

Из темноты отвечали:

— Я здесь. Но я не изменник. Я архиепископ Кентерберийский и служитель Господень. Что тебе надо?

В этот момент послышались шаги в коридоре: солдаты де Бро не смогли удержать в домах жителей Кентербери. Не обращая внимания на побои, люди бежали в собор с криками:

— Они убивают нашего отца!

Хью де Моревиль бросился навстречу горожанам, размахивая двуручным мечом. Он вопил, что убьет каждого, кто сделает шаг вперед.

Горожане не посмели драться с вооруженным рыцарем, но зато сотни глаз увидели то, что должно было остаться покрытым мраком.

Первый удар нанес де Треси. Но Гримм принял удар на себя и, обливаясь кровью, упал на пол.

Следующим ударом де Треси разрубил плечо Бекету. Подоспевший де Бретон вонзил меч в грудь Бекета, и тот рухнул.

Прибежавший на помощь рыцарям де Бро раскроил Бекету череп.

Затем, подняв окровавленный меч, он закричал на весь собор:
— Изменник мертв!

Гром и молния не поразили убийц. Тишина стояла в гулком соборе. Никто не ответил страшному де Бро. Серыми тенями в черноте рыцари вышли из зала. Люди расступались, молча жались к степам.

На дворе шел густой снег. Рыцари сели на коней и поскакали прочь. Следом за ними скакали солдаты шерифа.

К утру они были в замке Моревилля, и замок встретил их молчанием. Невероятно, но той ночью слух о смерти Бекета несся по стране быстрее, чем всадники. В замке уже знали, что случилось.

Но если убийцы, охваченные суеверным страхом, все же побаивались удара молнии, то брат шерифа Роберт де Бро не бежал со всеми. До поздней ночи его люди взламывали сундуки и ящики архиепископа в поисках ценностей. Они не только увезли посуду и бумаги Бекета, но даже сорвали со стен обивку и навалили на повозки церковную мебель.

Когда мы говорим о роли религии в жизни человека средневековья, о его трепете перед богом, нельзя забывать, что этот трепет сочетался с уверенностью даже самого жестокого из преступников, что перед смертью он сможет замолить грехи и откупиться от ада.

Отлученный от церкви, граждански уничтоженный, Роберт де Бро всю ночь спокойно грабил архиепископский дом и собор, не испытывая никаких угрызений совести. Правда, братья де Бро отличались удивительным душегубством.

И только когда последний солдат де Бро покинул Кентербери, один из друзей архиепископа осмелился вернуться в собор.

Бекет лежал лицом вниз в большой луже крови.

В собор начали стекаться монахи. Они крались, словно были преступниками, они говорили шепотом, и тонкие свечи дрожали в их руках. Долго не решались повернуть Бекета на спину.

Удар де Бро был столь жесток, что думали — ничего от лица

не осталось.

Но лицо было чистым и спокойным. В робком пламени свечей померещилось даже, что Бекет улыбается.

Голову перевязали, затем перенесли Бекета в алтарь. Вокруг загорелись сотни свечей. К тому времени собор уже был полон народу. Те, кто убежал оттуда в самый страшный момент, теперь вернулись. Наступал рассвет.

На следующее утро один из монахов сказал, что ночью к нему явился Бекет. Монах спросил его: «Разве вас не убили?» И Бекет ответил:

— Меня убили, но я восстал из мертвых.

И с этими словами, окруженный ярким сиянием, архиепископ поднялся в небо.

Ни один человек не усомнился в правдивости этих слов.

А в толпе, наполнившей собор, какая-то женщина, которая уже много лет была калекой, закричала, что выздоровела, и отбросила костыли. Тут не могло быть жульничества: эту женщину в городе знали все.

Люди, наполнившие собор, рухнули на колени, славя Господа. Те, кто не смог протиснуться в собор, опускались на колени в снег. А народ все шел и шел, потому что жестокие господа, боясь правды, убили народного заступника, святого человека. Боясь, что убийцы вернуться, монахи на следующий день перенесли тело в склеп и замуровали гроб кирпичной кладкой.

Когда новость достигла Лондона, князья церкви не могли скрыть своего восторга. Архиепископ Йоркский, который полагал, что отныне с него отлучение снято, взобрался на амвон и публично объявил, что Бекет поражен рукой самого Господа. Эту проповедь в той или иной форме повторили все основные епископы страны. Они требовали выбросить тело Бекета — как гнусного изменника и преступника.

Выполнить требование епископов решил шериф Рандольф де Бро. Пока его сообщники отсиживались по замкам, готовясь незаметно вернуться во Францию, он поспешил обратно в Кентербери, чтобы захватить тело изменника и бросить его собакам.

Надо отдать должное этому негодяю: он никогда не прятался за спины других. Совершая очередную мерзость, он всегда был впереди.

Солдаты де Бро с трудом пробились сквозь толпы людей к собору, но в тесном, душном склепе они не нашли тела архиепископа. Де Бро пришлось вернуться ни с чем.

В первые недели, когда Бекета оплакивали сотни тысяч людей, лондонские власти твердили, что Бекет —

государственный преступник, казненный по воле государя. Был издан указ о том, что любой священник, упомянувший имя Бекета в проповеди, будет высечен розгами. Отряды шерифа де Бро были срочно усилены солдатами из Лондона. В самом Кентерберийском соборе было запрещено вести службу.

Но постепенно поток ненависти стал иссякать. Рядовые священники, презрев угрозы, произносили проповеди в честь Бекета, пилигримы тянулись со всех сторон в Кентербери. Генрих-младший неожиданно для советников заявил, что не простит отцу смерти своего наставника, молодая королева открыто обвиняла в его смерти королевских министров и не скрывала презрения к архиепископу Йоркскому. Сторону Бекета приняла и Элеонора Аквитанская.

А из-за границы приходили все новые вести, одна удивительнее другой. Муж Иоанны, дочери Генриха II, король Сицилии Вильгельм, приказал воздвигнуть статую Бекета в своей столице, король Франции Людовик не только провозгласил траур по архиепископу, но и объявил о своем желании приехать в Англию, чтобы поклониться праху святого. На следующий год французский король прибыл в Кентербери и помолился на могиле Бекета. Он привез золотую чашу и большой бриллиант для украшения надгробия. Наконец, стало известно — и это окончательно ввергло в растерянность правительство, — что римский папа рассматривает вопрос о причислении изменника к лику святых. Что и было сделано через два года после гибели Бекета.

К сожалению, историческая справедливость далеко не всегда торжествует. И хотя посмертная слава Бекета была велика, его убийцы, несмотря на то что существует множество легенд об их страшной судьбе, остались живы. В течение нескольких лет они отсиживались у себя в замках, а затем король вернул их на службу. Возможно, он так поступил, признавая свою ответственность за смерть Бекета. Ведь, казалось бы, чего проще — сделать убийц козлами отпущения и остаться чистым в глазах современников и потомков. Но Генрих отлично понимал, что наказывать убийц, в сущности, бессмысленно. Это будет попытка оправдаться за чужой счет. Она никого не обманет. Да и кого наказывать, а кого миловать? Что делать с братьями де Бро? Что делать с епископами, которые кричали с амвонов, что Бекет — изменник? Что делать с собственными министрами, которые грозили казнями любому, кто приблизится к месту гибели Бекета? Все выполнили его приказ, который не был отдан, но который очень хотелось выполнить.

Разумнее всего было показать миру, как сильно удручен

английский король смертью Бекета, как безжалостно он казнит себя.

Да и в самом деле, вряд ли Генрих чувствовал облегчение от смерти бывшего друга. Политический и моральный урон, который понес он, был невосполним. Отныне любое бедствие или неудача рассматривались как кара за убийство Бекета. В те дни, когда феодалы и высшее духовенство глумились над памятью Бекета, король вел себя иначе. При получении вести о смерти архиепископа он ушел в опочивальню и трое суток не выходил оттуда, отказываясь принимать пищу.

Генрих понимал, что смерть Бекета нанесла непоправимый удар по его планам создать великую империю. Отныне он стал убийцей, который даже не сумел замести следы своего преступления. Над ним нависла угроза интердикта: папа мог в любой момент отлучить от церкви его и всю Англию.

И вот на третий день своего добровольного заточения Генрих понял, что в округе молчат колокола.

Он выбежал из опочивальни и бросился к придворным, ждавшим у дверей.

— Почему молчат колокола? — закричал он. — Наложен интердикт?

— Да, — сказали придворные.

Архиепископ Нормандский, не ожидая указания из Рима и не сомневаясь, что оно последует, наложил интердикт на все владения Генриха во Франции. Отныне в землях Генриха нельзя открывать храмы: церковь отвернулась от короля.

Узнав о том, что самое худшее еще не случилось и интердикт должен быть утвержден в Риме, Генрих скинул с себя оцепенение и повелел архиепископу Руанскому немедленно отправиться в Рим, с тем чтобы уговорить папу не накладывать интердикта. Любой ценой, давая любые обещания.

Посольство провело несколько трудных недель в Риме. Александр III был весьма огорчен смертью крупного церковного деятеля и не намерен был допускать подобное в будущем. Он сам укрылся на пять дней в своих покоях, никого не принимая и молясь за упокой души Бекета. Но послы постепенно сломили сопротивление папы. И это понятно: Александр желал получить максимальную выгоду от раскаяния короля и держал интердикт над головой Генриха, как топор палача.

Пройдет несколько лет, и в отчаянии от бесконечной семейной войны стареющий Генрих начнет искать причины своих бед. И придет к выводу, что это — посмертная месть Томаса Бекета, прощения у которого он так и не вымолил.

И тогда он прервет военную кампанию и отправится в

Кентербери.

...Не доезжая до города, король спешился, переменял одежду на власяницу и плащ пилигрима и босиком, с опущенной головой пошел к собору.

В соборе король упал на камни, которые хранили память о крови Бекета, затем спустился в склеп и начал говорить с духом Бекета. Он публично повинился в том, что, хотя сам никогда не желал смерти архиепископа, неосторожными словами вызвал эту смерть. И потому молит о прощении.

Затем король поднялся наверх и приказал, чтобы каждый из его свиты нанес ему пять ударов хлыстом, а каждый монах — три. Король вынес несколько сотен ударов, и его спина была окровавлена. Затем он еще целые сутки просидел в соборе, и каждый мог войти и увидеть, как кается грозный властитель.

Потом он поднялся, босиком вышел из города и вернулся к войскам. Этот сильный и решительный человек был человеком средневековья. И он верил, что теперь, когда он низко склонил голову перед духом Бекета, все изменится к лучшему. Но этого не случилось. То ли потому, что Бекет не простил его, то ли потому, что не услышал.

Первая половина семидесятых годов — вершина политических достижений короля Генриха и его военного могущества. Ресурсы государства, включавшего Англию и западную половину Франции, были настолько велики, что Генрих оказался сильнейшим государем в Европе. Единственный, кто мог соперничать с ним, был Фридрих Барбаросса, однако тому приходилось непрерывно сражаться против собственных вассалов и союзов, организованных римским папой. Известно, что германские князья посылали к Генриху агентов, рассматривая его как возможного преемника Барбароссы в качестве императора Священной Римской империи.

И все же достижения Генриха II таили в себе упадок дальнейших лет. И главная опасность исходила изнутри его государства.

Прошло всего два года со дня смерти Бекета.

К этому времени подросли сыновья — надежда английского монарха. Занятый своими делами, Генрих не часто сталкивался с сыновьями. Они воспитывались под крылом Элеоноры, которая все более отдалялась от мужа.^[25]

Элеоноре было пятьдесят лет, она еще не потеряла своей знаменитой красоты, но то была красота немолодой женщины. Двадцать лет исполнилось Генриху-младшему, королю Англии, который мог править лишь настолько, насколько ему позволяли это министры отца. Он был человек слабый, неустойчивый в своих вкусах и намерениях, подавленный двумя сильными личностями, которые боролись за власть над ним, — отцом и

матерью.

События, связанные со смертью Томаса Бекета, глубоко травмировали его. Чувство вины переплеталось в нем с сознанием собственного бессилия. В государстве все были бессловесными слугами Генриха-старшего, который полагал необходимым подавлять любую самостоятельность не только простых подданных, но и подданных высшего ранга — собственных детей. Был случай, когда Генрих отправил Элеонору в ее герцогство, где она давно уже не была. Аквитания была охвачена народными волнениями из-за притеснений норманнских чиновников, которые правили от имени короля. Однако все попытки Элеоноры помочь своим соотечественникам наталкивались на сопротивление чиновников Генриха. Генрих открыто принял сторону норманнов.

В конце концов Элеонора возмутилась и уехала обратно в Англию. Она не желала быть пешкой и надежды на реванш связывала с сыновьями. Генрих-младший был ее союзником, правда ненадежным, так как боялся, что в гневе отец может лишиться его трона. К тому же он с опаской смотрел на своих братьев: неизвестно, кто из них завтра будет фаворитом. И уж совсем не выносил Годфри — незаконного сына Генриха от прекрасной Розамунды, так как знал, что отец покровительствует ему.

К середине семидесятых годов подросток и Ричард. Он был самым красивым и сильным из братьев. Элеонора обожала его. Ричард не блистал умом, его занимали лишь турниры и охота. Он был привязан к матери и всегда был готов встать на ее защиту.

Годфри-законного, погодка Ричарда, рано женили на наследнице герцогства Бретань, и он жил отдельно от братьев. О нем известно меньше, чем об остальных.

Толчком к назревавшему конфликту послужило появление при английском дворе Алисы, дочери короля Франции, которую прочили в невесты Ричарду. Девочку привезли в Англию, когда ей было пять лет, а Ричарду — немногим больше. При дворе тогда уже жила ее старшая сестра, невеста Генриха-младшего. Однако если Генрих подружился с невестой, то у Ричарда дружбы с Алисой не вышло. Девочка прожила в Лондоне почти десять лет, когда было решено сыграть свадьбу.

Но этому воспрепятствовал Генрих-старший.

Уже несколько месяцев во дворце ходили слухи, что король неравнодушен к юной принцессе, некрасивой, но очень умной, живой и очаровательной. Король долго не замечал, как вырастет принцесса, а когда заметил, вдруг понял, что это именно та девушка, которую он давно искал.

Жизнь в средневековом замке или дворце шла открыто, у всех на виду. Вместе ели, вместе веселились, в коридорах всегда толпились придворные, стражники и просители, даже в спальне с королевами ночевали служанки. Генрих принимал массу предосторожностей, чтобы скандальный роман с юной девушкой не стал достоянием гласности. Он придумывал всяческие предлоги для того, чтобы Алиса оказывалась с ним в поездках, вечерами он подолгу задерживал на государственном совете баронов, чтобы потом, когда все уже уснут, тайком доскакать до дома Алисы. Но, разумеется, весь двор знал об этом, а вскоре узнала и Элеонора.

Есть старая французская поговорка: «Королевам не изменяют с королевами. Королевам изменяют с горничными». Так вот, пока Генрих изменял Элеоноре с горничными, она смотрела на это сквозь пальцы, потому что такие измены не угрожали ее положению. Иное дело — роман Генриха с французской принцессой. Если так дело пойдет и дальше, король может решиться на развод, он не стар, ему едва за сорок, будут другие дети, и пострадает не только брошенная мужем Элеонора, пострадают сыновья.

Элеонора поделилась своими опасениями с сыновьями. Те были полностью на стороне матери. Особенно был возмущен жених Алисы Ричард, нелюбовь которого к отцу превратилась в ненависть.

Роман Генриха с Алисой продолжался еще долгие годы. Король никому не отдал свою возлюбленную. А французская принцесса полюбила английского короля. Впоследствии Генрих с Алисой открыто жили как муж и жена, однако у Генриха не было легальных оснований для развода. Он не мог обвинить жену ни в неверности, ни в бесплодии. Целых пятнадцать лет, до самой смерти Генриха, французская принцесса не расставалась с ним.

У них родился ребенок, но умер в младенчестве.^[26]

Противоречия в английской королевской семье все накапливались. Они подкреплялись тем, что каждый из сыновей Генриха был обладателем собственных наследственных владений. Пытаясь создать империю, Генрих передал сыновьям в управление отдельные земли. Феоды Генриха-младшего были в Англии, Годфри владел Бретанью, Ричард с Элеонорой могли рассчитывать на помощь рыцарей Аквитании.

Взрыв произошел в середине семидесятых годов, когда Генрих и его семья съехались в Лиможе. Сюда прибыли некоторые итальянские и французские князья, связанные с Генрихом союзными или родственными узами, а также могущественный граф Раймунд Тулузский, союз с которым был крайне важен для

Генриха, так как земли Тулузского графства примыкали с юга к владениям Генриха и союз с Тулузой предрекал французскому королю Людовику жалкую участь.

Именно Раймунд, как говорят, и сообщил доверительно Генриху, что против него существует заговор сыновей, которым руководит Элеонора.

Генрих воспринял предупреждение серьезно. Его собственные шпионы уже несколько месяцев доносили об обмене гонцами между женой и сыновьями. Предупреждала об опасности и Алиса. Но трудно поверить в то, что против тебя готовы подняться собственные сыновья, и даже любимец, наследник престола, Генрих-младший.

После ужина, к изумлению гостей, Генрих приказал собираться: ночью отбываем в Нормандию. Никто не мог понять, что случилось, но Генрих, как всегда, действовал решительно. В Нормандии стоит его армия, там надежные замки с верными гарнизонами.

С рассветом невыспавшиеся, дрожащие от холода придворные и вассалы, сыновья и министры сели на коней или погрузились в повозки, и длинный поезд двинулся на север, к замку Шинон, самой могучей цитадели королевства.

Король, мрачный, как туча, скакал впереди, ни с кем не разговаривая. Поздно вечером добрались до Шинона, пересекши за день все графство Пуату. Король приказал накрывать на стол, а сам уединился в опочивальне. Никто не смел войти к нему.

Наконец король вышел в главный зал замка. В отличие от других замков в Шиноне этот зал был круглым, и высокий купол терялся в темноте.

Король оглядел длинный стол. Людей собралось меньше, чем он ожидал увидеть. Нет нескольких баронов и десятка рыцарей... Пустует место Генриха-младшего.

— Где Генрих?

Ответила Элеонора:

— Он не смог прибыть в Шинон. У него другие дела.

А в это время Генрих-младший, которому мать приказала срочно скрыться, ибо отлично понимала, что неожиданный переезд в Шинон означает, что заговор раскрыт, в сопровождении верных рыцарей скакал в Париж, к французскому королю.

Генрих улыбнулся и уселся за стол рядом с женой.

Внешне жизнь в замке шла мирно, после паники первого дня Генрих взял себя в руки и делал вид, что ничего не произошло. Как кот в засаде, он ждал, что сделают мыши, трепещущие под его взглядом.

На третий день нервы у Элеоноры не выдержали.

В мужском наряде, в сопровождении всего одного слуги она ночью выбралась из замка и поскакала в Аквитанию. Но Генрих ждал этого. Королеву схватили на рассвете и привезли в Шинон. Генрих не захотел видеть жену. Элеонору заперли в ее комнате, у дверей была поставлена стража. Сам король покинул замок, отправившись в Руан.

Там его ждали тревожные вести. Французские провинции поднялись против короля. Ричард и Годфри открыто объявили, что они на стороне матери и старшего брата. И не успокоятся, пока не свергнут безжалостного тирана, прелюбодея и убийцу святого Бекета. Знаменитый менестрель Бертран де Борн написал песню, в которой призвал честных аквитанцев встать на защиту их законной правительницы Элеоноры, и эта песня распространилась по всей Франции. Король Людовик издал указ, который начинался словами: «Здесь рядом со мной находится Генрих, король английский». Коронование Генриха-младшего сыграло теперь с королем злую шутку.

Сам Генрих-младший, одурманенный дружбой французского короля, к тому же обеспокоенный судьбой матери, которая находилась в руках отца, всерьез вздумал управлять королевством, въезд в которое был для него закрыт. Он щедро раздавал земли сторонников отца своим друзьям. Он направил в Рим письмо, в котором утверждал, что поднялся против отца исключительно для того, чтобы отомстить за смерть Томаса Бекета, и потому просит поддержки папского престола в справедливой борьбе.

Рядом с королем остался лишь младший сын, Джон, испорченный, избалованный мальчик.

В Генриха будто вселился бес. Словно в молодые годы, он носился без устали по своим владениям, собирая войска. Он столь смело кинулся с небольшой армией на войско Людовика, что тот отступил. В течение нескольких месяцев ему удалось разбить по частям не имевшие общего руководства армии своих сыновей. Людовик вышел из войны и стал уговаривать английских принцев примириться с отцом.

Сыновья в самом деле встретились с отцом, но переговоры не привели ни к каким результатам. Особенно непримирим был Ричард. И тому были две причины: Алиса, которая находилась рядом с королем, и мать, заточенная в замок в Винчестере.

Шестнадцать лет будет продолжаться тяжкая война Генриха с сыновьями, но ни за что, даже ради возвращения мира в страну, он не согласится выпустить Элеонору из тюрьмы.

Сыновья его не всегда были едины в борьбе с отцом. Порой они начинали воевать друг с другом, потому что любви между

ними не было. Порой кто-то из них объединялся с отцом против остальных братьев. И так год за годом...

Середина восьмидесятых годов принесла определенные изменения в эту тупиковую ситуацию. К тому времени Ричарду было уже около тридцати, и он прославился не только невероятной отвагой и силой, но и безрассудством, удивительным сочетанием рыцарского благородства и крайней жестокости; он был порождением рыцарства, рабом и певцом рыцарского кодекса чести, который не был игрой для тысяч благородных дворян — он был их образом жизни. Именно потому, что Ричард был великим рыцарем, он не мог быть государственным деятелем. Как и положено истинному рыцарю, он не задумывался над таким понятием, как благо государства. Финансы для этого златокудрого воителя были не более как кучей денег, на которые можно набрать и вооружить армию, а народ делился на простолюдинов, которые должны были кормить рыцарей и поставлять рекрутов, и рыцарей, которые благородно сражались. Даже обожавшая его Элеонора, которая из своей тюрьмы внимательно следила за делами в королевстве, понимала, что Ричарда необходимо держать в узде, только еще не нашлось в мире узды, которую можно было бы накинуть на принца.

Подрос Джон. Так как до сих пор он по малолетству не принимал участия в войне с отцом, Генрих приблизил его к себе и даже подумывал о том, чтобы оставить королевство ему, несмотря на то что принц пользовался дурной репутацией. Он был труслив, спесив, мстителен и неумен. Он доставлял отцу немало неприятностей. Особенно скверно Джон проявил себя, когда отец дал ему в управление покоренную им Ирландию. Прибыв туда, Джон вел себя как тиран. Он таскал за бороды старшин и королей этой гордой страны, грабил народ и баронов столь безжалостно, что в конце концов вызвал восстание, которое вышвырнуло его и английскую армию из Ирландии. К лучшему он от этого не переменялся. Так что преданность последнего сына не давала Генриху уверенности в том, что это его достойный преемник.

Генрих всегда надеялся примириться с Генрихом-младшим, которого считал наиболее разумным из сыновей. И потому их отношения в течение первых десяти лет семейной войны оставались весьма сложными. Если бы Генрих-старший проявил больше благоразумия и освободил из тюрьмы мать принца, путь к переговорам был бы открыт. Но Генрих боялся Элеоноры, боялся ее ума, ее влияния на сыновей, ее возможностей в Аквитании и ее ненависти к Алисе.

Все же примирение с Генрихом было куда реальнее, чем мир

с неукротимым Ричардом. Но в один из осенних дней 1183 года Генрих получил известие, что его старший сын тяжело заболел, лежит в замке неподалеку от Лиможа и просит отца срочно приехать к нему.

К тому времени измены, обманы, западни и ловушки стали в этой войне столь обычны, что Генрих изверился в слове своих сыновей. Он воспринял весть о болезни Генриха-младшего как очередную ловушку и лишь посмеялся над письмом.

А совсем недалеко от него метался в смертельной болезни сын. Ему чудилось, что к постели подошел Томас Бекет и грозит адом. Умиравший принц приказал слугам накинуть ему на шею веревку и стащить на пол: он хотел доказать тени Томаса, что раскаивается и недостоин иной смерти. Слуги подчинились, и полузадушешный Генрих еще несколько минут катался по холодному каменному полу. Потом умер. Проклятие Бекета висело над всей семьей.

Когда Генрих все же прискакал в замок, там уже шли приготовления к похоронам.

Этот удар и пришедшая вскоре из Парижа весть о том, что его третий сын, Годфри, погиб, участвуя в рыцарском турнире, сразили стареющего короля. Но война не прекратилась.

В 1180 году умер Людовик VII. Французский престол унаследовал принц Филипп. Ему было пятнадцать лет. Он был на восемь лет моложе Ричарда, но разница в возрасте не чувствовалась. Жестким характером и умом Филипп далеко превосходил и своего слабовольного отца, и Ричарда.

Впервые с Филиппом Генрих познакомился года за два до вступления его на престол, во время перемирия с Людовиком. Тогда юный принц подошел к Генриху и сказал:

— Сир, вы доставили много бед моему отцу. Я понимаю, что вы всегда брали над ним верх. Я не могу помешать вам, сир, но обещаю, что, когда вырасту, отберу у вас все, что вы отняли у отца.

Тогда Генрих рассмеялся, словно мальчик пошутил. Но запомнил эти слова, произнесенные с недетской настойчивостью.

Миновало еще несколько лет после смерти Генриха-младшего. Теперь английский король больше защищался, нежели нападал, он старался сохранить завоеванное, но делал это впосилы, потому что его душу грызли горькие соболезнования: а ради кого он борется, сражается, копит, устанавливает законы и казнит?

Генрих был выдающимся государственным деятелем. Но хотя цель его заключалась в создании сильного государства, он всегда оставался французским феодалом. Государство Генриха точнее

было бы назвать Анжуйским государством, в которое в качестве составной части входила Англия. Владея несколькими языками, Генрих не знал английского. Государство было собственностью короля. И проблема, кому его оставить, была для короля основной. То он решал отдать корону льстивому Джону, то думал, не передать ли страну канцлеру Годфри, сыну прекрасной Розамунды, то старался помириться с Ричардом...

В последние годы жизни Генриха значительное влияние на положение дел в Европе стал оказывать новый фактор: из Палестины прибыл архиепископ Тирский с известием о падении Иерусалима и о страшной угрозе христианским государствам, исходившей от султана Салах ад-Дина.

Агитация за новый крестовый поход нашла широкий отклик не только потому, что христианский мир был весьма удручен потерей гроба Господня, но и потому, что поход по тем или иным причинам устраивал многих европейских государей. Пока шла подготовка к нему, в Европе по приказу папы был установлен всеобщий мир, и новый архиепископ Кентерберийский издал указ, грозивший отлучением любому нарушителю спокойствия. Генриха эта ситуация устраивала: он вел в последние годы оборонительную войну — король Филипп всерьез принялся отвоевывать земли, потерянные его отцом.

Для Ричарда Львиное Сердце крестовый поход значил больше, чем для прочих; он был рыцарем, он желал быть первым и прославиться на века. Но для этого требовалась армия, а снарядить ее без отцовской казны было невозможно. Так что и французский король, и английский принц не намеревались соблюдать перемирие и ждали лишь удобного момента, чтобы вновь ударить по Генриху.

Генрих же воспользовался призывом архиепископа Тирского, для того чтобы, вернувшись в Англию, обложить громадным налогом всех ее жителей, хотя сам в Палестину не собирался. Ему были нужны деньги для своей войны.

Пока Генрих был в Англии, Филипп нарушил перемирие, не убоявшись угроз папы, так как считал себя незаменимым в крестовом походе. Он решил окончательно добить Генриха, прежде чем выступить на Восток. Он вторгся в Аквитанию, а тамошние рыцари, подданные Элеоноры, перешли на его сторону. Ричард во всех боях был рядом с французским королем. Война разгорелась с такой яростью, что все забыли о Святой земле.

Генрих, спешно вернувшись во Францию, не сумел собрать большого войска из-за измены собственных вассалов. Он начал отступать. Оставленные им города пылали, подожженные французами. Говорят, что Генрих рыдал, бессильный их защитить.

Его войско состояло в основном из наемников, а те сражались плохо. Слабость и неуверенность Генриха, слухи о его болезни торопили вассалов переменить фронт.

Враги преследовали Генриха днем и ночью. Однажды Ричард так спешил, что догнал отряд Генриха, не успев надеть шлем и облачиться в кольчугу. И тут он вдруг увидел перед собой Уильяма Маршалла, одного из военачальников Генриха, тот уже поднял копьё, чтобы пронзить принца. Ричард не растерялся. Он крикнул, что отказывается сражаться без шлема и кольчуги. Уильям Маршалл, человек благородный, чертыхнулся и вонзил копьё в коня Ричарда. Затем ускорился, чтобы догнать короля.

Единственным утешением в эти дни был для Генриха приезд его незаконного сына Годфри, прибывшего из Англии с небольшим отрядом. Годфри поклялся не оставлять отца в беде. Он уговаривал его уехать в Англию, где можно укрыться от врагов. Но для Генриха судьба королевства решалась во Франции, и он продолжал неравную борьбу. Наконец, когда Генрих был в Шиноне, его настигла весть, что дальше двигаться некуда — впереди поднялся мятеж. Графство Анжуйское тоже отложилось от короля.

Филипп прислал гонца с предложением встретиться и обсудить условия мира. Он рассчитывал, что, прижатый в угол, английский король будет вынужден принять его требования. Генрих согласился. Он сел на коня и двинулся к месту встречи, но в пути ему стало так плохо, что пришлось остановиться. Короля уложили в крестьянском доме. Годфри послал нарочного к французам, сообщая о болезни отца и прося перенести срок встречи.

Когда Филипп прочел это письмо, он молча передал его Ричарду Львиное Сердце. Ричард с усмешкой сказал:

— Опять хитрости старого волка. Не верь ему.

Ответ Генриху гласил: король Англии должен прибыть на место переговоров на следующий день.

За ночь Филипп с Ричардом еще раз просмотрели условия мира — они были тяжелыми для англичан, ибо предусматривали отказ от многих владений, выплату большой контрибуции и прощение вассалов, которые выступали против Генриха.

Узнав наутро о письме врагов, Генрих заставил себя подняться. Годфри уговаривал отца отправиться в путь на носилках, но тот отмахнулся. Он не мог позволить себе предстать перед этими молокососами немощным стариком.

Король и принц ждали Генриха в условленном месте. Одного взгляда было достаточно, чтобы понять: перед ними — умирающий. Но это не тронуло победителей. Генрих отказался

сойти с коня: он не был уверен, что сможет вновь взобраться а седло.

Казалось, Генрих дремлет и с трудом заставляет себя прислушиваться к многочисленным унижительным условиям мира. Он даже не возразил против пункта, требующего расстаться с Алисой. Затем Ричард поднялся и спросил, не желает ли отец ознакомиться со списком вассалов, которые ему неверны. Тот кивнул. Ричард ткнул пальцем в первое имя в списке — это был принц Джон, надежда Генриха. Он тоже успел предать отца.

— Теперь мне все равно, что со мной случится, — сказал Генрих.

Ричард и Филипп молча глядели на Генриха. Филипп понимал, что больше он никогда не увидит короля Англии. Ричард размышлял, не притворяется ли отец. Если король умрет, это будет означать, что Ричард заставил отца подписать постыдный договор, который придется выполнять ему самому, как только он станет королем. Принц обернулся к Филиппу. Тот понял встревоженный взгляд союзника и лукаво усмехнулся.

Генрих умирал еще семь суток. Днем он молчал, а ночью его охватывало отчаяние, и он рычал:

— Позор побежденному королю.

Он умер на руках у Годфри, повторяя, что хотел бы отдать королевство ему, но понимает, что это — смертный приговор сыну.

— Эти волки сожрут тебя.

И последние его слова были обращены к Годфри.

— Ты — мой единственный сын.

Ричард прискакал на похороны отца. Он чувствовал себя обманутым. Какого черта отец подписывал договор, если знал, что умирает? Отныне Филипп ему не союзник — их дружба кончилась.

Но сначала надо было утвердить власть. И готовиться к крестовому походу. Остальное может подождать.

И в тот же день Ричард послал верных людей в Лондон с приказом: немедленно освободить королеву-мать и перевезти ее в Виндзорский дворец. Пока он не вернется в Англию, управлять страной будет Элеонора.

Часть VI. Запад против Востока

Последняя ошибка Барбароссы

Третий крестовый поход вовлек в свою орбиту многих героев этой книги.

Освобождать Иерусалим отправился Фридрих Барбаросса с немецкими рыцарями. Они прошли по венгерским и болгарским землям, пересекли Византию, Киликийскую Армению и чуть не погибли, подходя к Святой земле.

Морем из Италии туда отплыли Ричард Львиное Сердце и Филипп Август, король французский.

Три главных властителя Западной Европы соберутся у избитых камнями катапульт стен Акки, чтобы помериться силами с султаном Салах ад-Дином.

И разойдутся, так ничего и не решив. Некоторые из них встретят XIII век, другим дожить до него не суждено.

Там же могли бы встретиться русские паломники, Шота Руставели, что поселился в Иерусалимском монастыре, фидаи Старца горы, переписчик поэмы Низами, караванщик, пришедший из страны Си Ся... Все пути вели в Иерусалим.

Оттуда рыцари-монахи ринутся на север, в Прибалтику, чтобы вступить в бои с Польшей и Новгородом за лесные селения и балтийские порты. Оттуда после конца войны сельджукские отряды двинутся в Закавказье, чтобы погибнуть в битвах с армиями царицы Тамары.

Средневековый мир, подвижный и бурный, завязанный множеством узлов и трагедий, в которые мы смогли заглянуть, будет существовать и далее, только без нашего, читатель, участия.

И так же будут тянуться караваны по Великому торговому пути, чтобы ирландский король мог облачиться в хорезмийские шелка, норвежский ярл — приправить пресное мясо перцем, а охотник на Северном Урале — положить в святилище предков серебряное персидское блюдо. И законы этого пути, не осознаваемые современниками, будут и дальше поднимать в бой армии и свергать королей. Венецианские торговцы окажутся рядом с вождями крестового похода, потому что крестовый поход нужен в первую очередь им, торговые гости в Новгороде поведут ладьи к шведской столице, а их конкуренты направят корабли шведов к Ладоге. Чингисхан будет собирать армии на налоги, получаемые с караванов, уходящих в пустыню Гоби...

История будет, как всегда, делаться на полях сражений, но решаться в конторах европейских купцов и в тихих задних комнатах менял на восточных базарах.

Третьему крестовому походу в исторических трудах уделяют куда меньше места, чем Первому или Четвертому. Первый был первым, это всегда много значит. К тому же он был удачен. В результате была принципиально перекроена карта мира, в Восточном Средиземноморье образовались христианские государства, управлявшиеся отпрысками знатных родов Европы. Изменилась и ситуация на Великом торговом пути — теперь контроль над транзитной торговлей захватили «латиняне». А выиграли от этого итальянские города, в первую очередь морские республики — Венеция и Генуя.

Второй крестовый поход был вызван тревожными известиями о том, что положение крестоносцев в Святой земле резко ухудшается и они начинают уступать свои позиции, тогда как в представлении христианского мира они должны были добивать поверженных сарацин. Он пришелся на середину XII века, на время молодости Фридриха Барбароссы и Людовика VII, и провалился настолько постыдно, что сама идея крестовых походов была скомпрометирована. Многие даже решили, что Господь отвернулся от крестоносных рыцарей, которые вели себя на Востоке так же безобразно, как дома. Идеалы крестовых походов не выдержали столкновения с жарой, пыльной и кровавой прозой бесконечной войны.

Четвертый крестовый поход в начале XIII века довершил то, к чему близки были крестоносцы предыдущих эпох: весь пыл рыцарей ушел на грабеж Константинополя и дележ византийского наследства. Это в конечном счете ухудшило позиции ближневосточных христианских государств, так как Византия была хоть и не слишком надежным, но могучим союзником и

отвлекала силы мусульман. Следовательно, Четвертый крестовый поход, как и Первый, радикально изменил баланс сил в Европе и Западной Азии.

Последующие крестовые походы — а их было еще несколько — шли как бы по нисходящей.

Третий же крестовый поход, который приходится на годы, которым посвящена эта книга, был словно выстрел горохом из очень большой пушки в каменную стену, которая не пошатнулась. Ничего он не изменил, лишь привел к громадным жертвам и обострил европейские конфликты.

И все же он достоин внимания историка. По масштабам, организации, вложенным средствам и связанным с ним надеждам это было крупнейшее военное предприятие средневековья. А то, что он закончился провалом, объясняется расколом в среде крестоносцев и внутренней слабостью латинских государств, спасти которые было невозможно — вопрос стоял лишь об отсрочке их окончательной гибели.

Когда Иерусалим пал и весть об этом страшном ударе для всего христианского мира понеслась в Европу, Салах ад-Дин, который всегда держал слово, выпустил на свободу короля Гвидо и Сибиллу. Деваться им было некуда, и они отправились в Тир, к брату первого мужа Сибиллы, рассчитывая на его гостеприимство.

Но Конрад Монферратский отпосился к королю Иерусалимскому с нескрываемым презрением. Он не одобрил ни его поведения в Тивериадской битве, ни того, что за свою свободу Гвидо заплатил Аскалоном. Ворота Тира не открылись. Со стен рыцари и горожане выкрикивали оскорбления по адресу короля и кидали в него навозом.

Маленькая, жалкая процессия повернула от города прочь. Стояла зима, и, хотя днем пустыня разогревалась и даже становилось жарко, ночи были промозглыми и ледяными. С моря налетали холодные дожди. К счастью для короля, мусульмане ушли к Дамаску на зимние квартиры. Гвидо провел зиму, медленно продвигаясь от деревни к деревне, от замка к замку, собирая разбежавшихся рыцарей и силой уводя с собой крестьян. Ночевал он обычно в монастырях, не тронутых сарацинами.

К весне набралось значительное войско. Все же Гвидо был королем. К нему примкнули рядовые воины, уцелевшие после падения Иерусалима, остатки тамплиеров и иоаннитов, которые все еще удерживали в своих руках неприступный замок Крак де Шевалье, спасшиеся защитники замков, сдавшихся осенью. Общая численность армии достигла десяти тысяч человек.

Начали прибывать первые отряды крестоносцев из Европы. Это еще не был крестовый поход — о нем только шли переговоры, но при известии о падении Иерусалима некоторые рыцари и бароны собирали на свой страх и риск отряды и, движимые религиозным рвением, плыли к Святой земле.

Более десяти тысяч человек прибыло из Фрисландии и Дании, то есть из областей, откуда ранее в крестовый поход рыцари не ходили, прибыл английский авангард во главе с архиепископом Кентерберийским, приплыли отряды фламандцев.

Для иерусалимского короля важно было овладеть хоть каким-нибудь городом, желательно на побережье. Поэтому в 1189 году Гвидо осадил Акку, потерянную крестоносцами два года назад. Ему удалось заручиться поддержкой пизанцев в обмен на обещание предоставить им торговые привилегии в Святой земле, и те прислали флот. Корабли пизанцев перегородили вход в гавань Акки, тогда как армия Гвидо полукольцом расположилась в долине, за которой начинались невысокие холмы.

Через некоторое время осаждавшие предприняли штурм, который был плохо подготовлен, так как Гвидо был бездарным полководцем. Штурм был отбит, и тут же крестоносцы узнали, что приближается армия Салах ад-Дина.

Султан упустил время и недооценил противника. Он не думал, что Гвидо успеет собрать столь значительное войско. Поняв свою ошибку, Салах ад-Дин расположил свои силы полукругом по холмам. Так что осаждавшие сами оказались в окружении.

После нескольких стычек Салах ад-Дин дал крестоносцам генеральное сражение. Однако у него не было достаточно сил, чтобы разгромить их. Да он на это и не рассчитывал. Ему надо было прорваться в город, что и удалось сделать. Салах ад-Дин смог сменить гарнизон крепости и снабдить его припасами.

В последующие долгие месяцы осады ему удавалось еще дважды прорываться в Акку, но крестоносная армия росла быстрее, чем войско Салах ад-Дина. Поэтому султану оставалось лишь блокировать крестоносцев у Акки и делать все, чтобы город держался.

Падение Иерусалима было ударом по престижу церкви, по самой идее ее всемирного торжества. Но были также задеты различные политические и экономические интересы.

Перепугались торговые магнаты итальянских городов. Ломбардцы, которые к тому времени захватили контроль над европейскими финансами, начали оказывать явный и тайный нажим на своих должников, требуя помочь крестоносцам, иными

словами, спасти ближневосточную торговлю.

За сто лет, прошедших со времени Первого крестового похода, мир разительно изменился. Если в конце XI века крестоносцы шли в неизвестность, словно на другую планету, и все без исключения хронисты рассказывают, как крестоносцы останавливались при виде болгарских и византийских городов и радостно кричали: «Иерусалим!», полагая, что цель уже достигнута, то теперь таких ошибок в географии быть не могло. В европейских государствах, хотя и раздиравшихся феодальными распрями, укреплялась центральная власть. Сто лет назад германскому императору ни за что не удалось бы изгнать из страны такого могущественного феодала, как Генрих Лев. Теперь же тот, приговоренный рейхстагом к ссылке, покорно уезжает в Англию. Миром правят не только религиозные идеи и страсть феодальных хищников к наживе. Экономические нити связывают банковские конторы в Милане и Флоренции с торговыми домами Венеции, ремесленные корпорации Майнца с суконными гильдиями Лондона. Политические амбиции королей в значительной степени направляются из торговых контор, хотя короли об этом часто не подозревают.

Когда Иерусалим пал и Европу охватила скорбь, папский престол принялся лихорадочно рассылать по разным странам легатов, требуя, чтобы государи приняли крест и отправились выручать Святую землю. Когда легаты добрались до Германии, Фридриху Барбароссе было над чем задуматься. Его итальянская политика провалилась. Последние годы он занимался в основном германскими делами и в том преуспел: страна была покорна его власти. Сын Генрих уже вырос и мог взять на себя бремя правления. Однако Барбаросса не отказывался от своих планов мирового господства. Его биограф, епископ Оттон, пишет, что Барбаросса называл себя «владыкой мира» и повторял, что восстановит Римскую империю в древних границах.

С Италией и папой у Барбароссы был мир — до дружбы было далеко, но Барбаросса отказался от мысли вновь штурмовать Милан и Кремону. Хитрый Фридрих несколько изменил направление своих политических устремлений, что выразилось в женитьбе его наследника на перерезавшей сицилийской принцессе и в заключении союза с Сицилией. Этот союз был для Барбароссы важнее, чем покорение Северной Италии. Сицилийские норманны контролировали центральную часть Средиземного моря. Все пути с Ближнего Востока к Италии, Франции, Испании неизбежно проходили у их берегов. К тому же им принадлежала и Южная Италия. Объединение Сицилийского королевства с Германией было бы серьезным шагом к господству в Европе. А вот в

латинских государствах немецкие позиции были слабыми. Там в основном правили князья и короли из французских домов, поддерживали их венецианцы и генуэзцы. Германское влияние было ничтожным. Так что возможность отправить на Ближний Восток свою армию и укрепиться там стратегически для Фридриха Барбароссы была важна.

Следовательно, участие в крестовом походе продолжало итальянскую политику Барбароссы. Его поддерживали как сицилийские родственники, так и германские города, заинтересованные в торговле с Ближним Востоком.

Правда, было одно препятствие — возраст. В 1187 году, когда впервые прозвучал призыв к походу, Фридриху было уже шестьдесят три года. Вести армию через полмира, по горам и пустыням было трудно. А ведь Фридрих лучше других знал, что такое Ближний Восток: он уже прошел этот путь в молодости, почти полвека назад. Но Фридрих был еще полон сил и энергии. И он был религиозен. Ощущая приближение конца жизненного пути, даже самые страшные грешники начинали думать о встрече с Богом. Богоугодным делом, достойным великого императора, неплохо завершить свои деяния...

И все же, когда папский легат начал проповедовать крестовый поход в рейхстаге, Фридрих Барбаросса, горячо поддержав идею похода, от участия в нем вначале уклонился. Он хотел получить гарантии, что феодалы в его отсутствие не взбунтуются. Это понимал и папа. Поэтому, как уже говорилось, на время похода он объявил мир в Европе и пригрозил интердиктом всем, кто посмеет его нарушить или поднять руку на крестоносцев. Весной 1188 года в Майнце все основные князья Германии в присутствии папского легата поклялись в верности Фридриху. Но и это не убедило императора. А причина была простая: старый враг, Генрих Лев, вернулся из Англии, но на съезд в Майнце не явился.

Но наконец и эта проблема была решена: князья согласились выслать непокорного герцога еще на три года. И тот подчинился.

Зрители, да и большинство участников съезда в Майнце не знали о переговорах, шедших за закрытыми дверями. Они видели лишь то, что им показывали. Они видели, что Фридрих отказался сесть на трон и остался среди князей, заявив, что не может занимать трон в помещении, где незримо присутствует сам Иисус Христос. «Он сидел среди своих людей и слушал одушевленные воинственные клики, — писал хронист. — Слезы текли по его щекам, но ввиду великих трудностей похода он все еще медлил принять крест, пока люди не окружили его и не стали горячо просить более не медлить. Тогда и он не мог более противиться вяению духа и принял знаки поборника Бога из рук епископа

Готфрида; его примеру последовали князья, духовные лица, тысячи рыцарей и несчетное множество народа».

Это была большая победа папы — Священная Римская империя сказала: да! Теперь легче было обрабатывать других европейских государей.

Решено было, что крестоносное войско выступит из Германии 23 апреля 1189 года, в день святого Георгия, покровителя пилигримов, то есть на подготовку оставался год.

Фридрих отлично помнил о причинах неудач Второго крестового похода, когда за войском тащилось множество почти безоружных бедняков, движимых идеей освобождения Святой земли и мечтой разбогатеть. Эти бедняки были страшной обузой для крестоносного войска — их надо было кормить и защищать от врагов, пользы же они не приносили вовсе. Поэтому Фридрих объявил: в поход пойдет лишь тот, кто сможет внести три марки серебра, что было солидной суммой.

Фридрих намеревался довести свою армию до Иерусалима в целости. Однако следовало не только первым из христианских государей достичь Палестины, но и победить Салах ад-Дина. А это могло быть гарантировано лишь превосходством в военной силе.

То была еще одна особенность Третьего крестового похода. Подготовка к нему, и не только в Германии, шла на самом высоком уровне: руководители его не просто хватали меч и крест и спешили в Святую землю, они тщательно готовились к боям, стараясь превзойти остальных. И Ричард Львиное Сердце, и Филипп Август всерьез снаряжали армии и скрупулезно разрабатывали маршрут к Святой земле.

Источники по-разному оценивают численность армии Фридриха Барбароссы — от тридцати до ста тысяч человек. Перед этой огромной, закованной в железо силой не должен был устоять Салах ад-Дин.

Теперь перед Фридрихом встала проблема, как дойти до Иерусалима. Самым безопасным и надежным путем был морской — тем более что можно было рассчитывать на помощь сицилийского флота. Но против этого пути (им двинулись французы и англичане) было два фактора. Первый заключался в том, что армия Фридриха формировалась в основном в юго-восточных землях Германии; поэтому, чтобы посадить воинов на суда в Южной Италии, надо было совершить переход через Альпы и через всю Италию, против чего, разумеется, резко возражали итальянские города. Ведь первыми жертвами насилия станут именно они. И уж конечно, влиятельные ломбардцы смогли воздействовать на немецких стратегов, уверяя, что сухопутный

путь короче. Вторым фактором было время. Фридрих Барбаросса рассчитывал успеть к Иерусалиму первым и обойтись без помощи французов и англичан.

Решено было двигаться сушей: этот путь был Фридриху известен. Для обеспечения его безопасности император занялся активной дипломатической деятельностью.

В Германию прибыло большое, роскошное, как в сказках «Тысячи и одной ночи», посольство Кылыч-Арслана, конийского султана. Владениям султана с юга угрожал Салах ад-Дин, враг более страшный, чем крестоносцы. Сам факт сложной дипломатической игры свидетельствовал о том, что крестоносные государства стали хотя и нежелательной, но реальной частью ближневосточной политики: религиозная вражда отступала на второй план, если к этому вынуждали экономические и политические интересы.

Кылыч-Арслан обещал помогать крестоносцам в пределах своего султаната.

Затем Фридрих вошел в сношения с соседями Византии, оговорил поддержку Белы Венгерского, провел переговоры с теми странами, которые лишь недавно скинули византийскую власть и продолжали отстаивать независимость. То были Болгария и Сербия. В Нюрнберг к Фридриху приехал великий жупан Сербии Стефан Неманя, там же в 1189 году побывали послы основателей второго Болгарского царства — братьев Петра и Асеня. Эти страны рассчитывали, что поход немецких крестоносцев поможет им окончательно освободиться от контроля Византии. Неудивительно, что сербы и болгары склоняли Фридриха к тому, чтобы сначала покончить с Византией, и предлагали свою помощь.

Встревоженное византийское посольство также удостоилось аудиенции у императора. Можно представить себе положение византийских послов, которые были в курсе того, что творится вокруг. Фридрих заключает союз с врагом Византии Кылыч-Арсланом, ставя тем самым под угрозу ее малоазийские владения. В любой момент он может заключить союз с Болгарией и Сербией, чтобы ударить по Константинополю с запада. К тому же Фридрих состоит в союзе с сицилийскими норманнами, которые лишь недавно ушли из Греции. Вот почему посол нового византийского императора, Исаака II Ангела, еще непрочно чувствовавшего себя на троне, потребовал от германского императора гарантий, что тот не питает к Византии враждебности. И Фридрих велел трем германским князьям в его присутствии поклясться византийцам, что завоевательные планы ему чужды и что интересам Византии крестоносцы не причинят

вреда. Барбароссу можно понять: он предпочел осторожность. Даже если бы он объединился с болгарами и сербами и ударил по Византии, исход этой операции был бы совершенно неясен. Можно было погнаться за двумя зайцами и ни одного не поймать. И Фридрих не пошел на конфликт с Византией.

Прежде чем начать поход, Фридрих направил Салах ад-Дину официальную ноту, в которой предложил ему уйти из Иерусалима, вернуть христианам Святой крест и возместить нанесенный им ущерб. Если уважаемый султан не согласится на эти условия, христианский мир будет вынужден двинуться в крестовый поход. Салах ад-Дин ответил на ноту. Он, в свою очередь, предложил христианам сдать ему все сирийские города. После этого он вернет Святой крест и позволит паломникам из Европы беспрепятственно посещать Иерусалим.

Поход германской армии начался, как и планировалось, весной 1189 года. Отряды стягивались к Дунаю, затем начали спускаться по его берегам. Сам Фридрих плыл в ладье. К концу мая первые немецкие части вступили на землю Венгрии. Путь через Венгрию был спокойным. Король Бела снабдил крестоносцев продовольствием, а так как питательные пункты тянулись цепью, армия не сворачивала с намеченного пути.

Далее путь крестоносцев привел их в болгарские земли.

Независимость Северной Болгарии от Византии была провозглашена совсем недавно, осенью 1186 года, в городе Тырново. Византийский император мириться с этим не желал.

В Константинополе понимали, что отложение болгар крайне опасно. От Болгарии до столицы империи рукой подать. К тому же греки трезво оценивали военный потенциал Болгарии. Византия не только лишалась воинов, которые играли важную роль в императорской армии, но и обзаводилась сильным враждебным соседом.

Болгарские долины были западным пределом распространения половцев, и там энергично шел процесс их ассимиляции. Даже освободители Болгарии — князья Петр и Асень были по происхождению половцами.^[27] Но притом христианами, понимавшими важность распространения христианства для сплочения страны. К возмущению константинопольского патриарха, болгары избрали своим архиепископом монаха Василия, а тот, к не меньшему возмущению императора, короновал Петра царем Болгарии. Более того, новый царь разбил армию византийского полководца Кантакузина.

В 1187 году армию возглавил сам император. Византийцы подвергли Болгарию страшному опустошению. Лишь осенью,

сбрав половцев, Петр изгнал греков.

Весной 1188 года состоялся новый поход византийцев. Три месяца император безуспешно осаждал город Ловеч. Наконец был заключен мир.

И вот появились крестоносцы. Петр и Асень не могли их прокормить. Это было выше их сил. И тогда начались беды. Отряды крестоносцев тянулись через Болгарию с лета 1189 до весны 1190 года, зима была холодной и голодной, и это привело к страшному грабежу и без того разоренной страны.

В Болгарии крестоносцы понесли значительный урон. И не только от болезней: болгары жестоко мстили пришельцам за грабежи и убийства. Неизвестный автор хроники «История пилигримов» говорил о болгарях: «Они набрасывались на нас, подобно грязным собакам или хищным волкам». Когда через год аббат Эбергард был послан из Византии в Венгрию, он доносил императору, что могилы крестоносцев в Болгарии разрыты, трупы выброшены и валяются у дорог.

Чем ближе крестоносцы подходили к Константинополю, тем враждебнее становились отношения с Византией. Победа Фридриха над Салах ад-Дином Исааку Ангелу была не нужна. Она означала бы лишь, что сильно пострадают политические и экономические интересы Византии, которая формально была сюзереном христианских владетелей Палестины и Сирии. Фридрих сам претендовал на эту роль.

Крестоносцы, вступив во Фракию, знали, что идут по земле еретиков — схизматиков, врагов истинной веры, и вели себя соответственно. Византийцы же не выполняли принятое ранее обязательство кормить крестоносцев.

Дороги, по которым шли германцы, были разрушены, продовольствие не подвозилось, на склонах гор и в замках стояли византийские отряды. В озлоблении голодные крестоносцы выжгли все деревни вокруг Филиппополя (теперь Пловдив) и разорили его предместья. Затем они захватили и разграбили несколько небольших городов. В Константинополь слетались панические донесения.

Исаак Ангел был не самым решительным из императоров Византии. Он растерялся и не смог выработать последовательной линии поведения. То он требовал, чтобы крестоносцы повернули обратно, то заявлял, что пропустит их, если они пообещают отдать Византии половину своих завоеваний в Азии, то добивался заложников в знак того, что Константинополю ничто не грозит. Послов Фридриха, которые вели себя вызывающе, потому что знали, какая стоит за ними сила, он велел арестовать. Это, разумеется, не улучшило отношений между двумя императорами.

Константинопольский патриарх выступил с проповедью, в которой назвал крестоносцев псами и объявил прихожанам, что за убийство крестоносца любому христианину будут отпущены грехи. Исаак Ангел даже подписал соглашение с Салах ад-Дином против Кылыч-Арслана, что в глазах крестоносцев делало его предателем.

Сложилась неестественная ситуация: оба христианских монарха вступили в союз с врагами христианства.

Продвижение крестоносной армии все замедлялось. Наступила осень, пошли дожди, ночами стало холодно, а крестоносцы все еще плелись по Византии. Дисциплина падала, некоторые рыцари тайком поворачивали домой — поход продолжался уже более года, а до Иерусалима было далеко. Начал терять выдержку и сам Фридрих. Он написал сыну Генриху в Германию, предлагая обдумать возможность удара по Византии, если помогут Венеция и Генуя, а римский папа не будет гневаться.

Свою ненависть к Византии Фридрих не скрывал, и осторожный Исаак Ангел поспешил с переправой крестоносцев в Малую Азию. В феврале 1190 года было подписано новое соглашение, по которому Византия предоставила Фридриху флот.

Малая Азия встретила крестоносцев негостеприимно. Они двигались по ее западным районам, недавно разоренным союзником Фридриха, конийским султаном. Теперь, когда крестоносцы ушли в Азию, византийцы вообще перестали помогать им. Крестоносцы ели конину. Весна быстро превращалась в лето, днем было жарко, а ночи еще стояли холодные. Византийские гарнизоны запирались в крепостях при приближении крестоносцев. Город Филадельфия отказал крестоносцам в припасах, и они взяли его штурмом.

Для того чтобы поддерживать дисциплину, требовались самые жестокие меры. Фридрих пошел на них. Вся армия была разбита на отряды по пятьсот человек, и командир отряда нес ответственность за поведение каждого солдата. Были организованы военные суды и тайный совет из шестнадцати знатных рыцарей.

Местность становилась все более дикой и безлюдной. Лишь иногда встречались пастухи со стадами. Пройдя через ничейную землю, армия приблизилась к владениям конийского султана, где ее ждал отдых.

И тут Фридриха постиг неожиданный удар: султан Кылыч-Арслан внезапно умер. Престол перешел к его сыну, который опирался на партию, выступавшую за союз с Салах ад-Дином, не доверял крестоносцам и страшился их. Потому в Конье сочли за

лучшее не пускать германское войско на свою землю.

Нападения отдельных конийских отрядов были болезненными, но неопасными. Впрочем, вскоре стало известно, что впереди скапливается большое войско. У Фридриха появилась возможность испытать свою поредевшую и усталую армию в настоящем сражении.

Молодой конийский султан недооценил германского императора и его армию. Приятно выслушивать донесения лазутчиков, которые, желая тебе угодить, рассказывают, как христиане жрут павших лошадей и пьют из грязных луж, как они истощены и оборваны. Но ведь это была лишь одна сторона правды. Фридрих привел в Малую Азию сильную армию, во главе которой двигались отряды тяжелой конницы. Армия его стремилась к бою, ибо знала: в случае победы ее ждет богатая добыча.

Немудрено, что в генеральном сражении, в котором сельджукская армия значительно превосходила числом войско крестоносцев, рыцари наголову разбили султана. Он еле успел бежать с поля боя.

Однако до Коньи, столицы султаната, оставалось еще несколько дней пути. Проводники — то ли случайно, то ли сознательно (они не смогли об этом поведать, потому что их перебили) — завели армию в пустыню. Изнемогавшие от жажды солдаты пили мочу и кровь лошадей, а когда увидели полувывсохшее болотце, кинулись к нему, по словам летописца, «как олень, убегающий от охотников, устремляется к источникам водным».

Поэтому, когда измученная армия вышла наконец к Конье, она отчаянно кинулась на приступ. Сам Фридрих, тряхнув стариной, повел рыцарей на сельджукское войско, стоявшее перед городом, тогда как молодой герцог Фридрих Швабский, младший сын императора, возглавил штурмующих. Город недолго держался перед лавиной голодных и изнывающих от жажды крестоносцев.

18 мая крестоносцы ворвались в Конью и несколько дней грабили ее, перегрузив себя добычей так, что непонятно было — как же идти дальше. Через неделю султан прислал послов с предложением мира. Фридрих с готовностью согласился. Несколько дней армия стояла под Коньей, отдыхая в садах, а затем медленно, как обожравшийся медведь, двинулась дальше.

Самое трудное было позади. Через несколько дней, благополучно перевалив через горы Тавра, армия вступила в армянское Киликийское царство. На границе ждали армянские послы, чтобы провести крестоносцев самым удобным путем. Весть

о взятии Фридрихом Коньи была встречена в Армении с искренней радостью: дела иерусалимские были далеки от Киликии, зато конийский султан был врагом близким и опасным.

Фридрих чувствовал себя как никогда отлично. Он отпраздновал шестьдесят пятый день рождения в окружении князей и епископов. Борода его стала совсем седой, но голова еще оставалась рыжей, и жесткие густые волосы туго вились. Он был грузен, но крепок — в могучих руках легко держал копье и меч. Впереди лежали долины Сирии, и христианские шпионы доносили, что в стане Салах ад-Дица царит тревога: впервые армия крестоносцев достигла сирийских земель, сохранив силу.

Утром 10 июня армия подошла к городу Селевкии. Двор остановился на берегу бурной и веселой речки. Император спросил армянских проводников, как она называется. Речка называлась Салеф.

Император подошел к берегу. Река неслась к морю и, обтекая камни, бурлила молодо, как кровь Барбароссы.

Что случилось дальше, неясно. Одни летописцы говорят, что император решил искупаться, потому что стало жарко, другие утверждают, что он велел начинать переправу и сам первый ступил в воду.

Фридрих сделал несколько шагов, дно круто пошло вниз, император провалился по пояс, рванулся назад, но поток уже тянул его в глубину, к торчащим из воды лбам камней.

Когда через несколько минут бросившиеся в воду рыцари вытащили Фридриха — речка-то была невелика, — он был мертв. То ли сердце не выдержало ледяной купели, то ли он ударился головой о камень и захлебнулся.

Смерть настигла императора в двух шагах от цели.

Он прожил долгую и бурную жизнь, он воевал, побеждал, судил и миловал. Умер мгновенно, как в бою.

Словно сам Аллах пришел на помощь Салах ад-Дину, который в великом унынии готовился к бою с германским императором. Смерть Фридриха лишила крестоносцев признанного и сильного вождя. Его место заняли посредственности, эгоистичные и неспособные повести за собой армию.

Реакция воинов на смерть Фридриха, как утверждают летописцы, была ужасной.

«Все были охвачены таким сильным горем, что некоторые, мечась между ужасом и надеждой, кончали с собой, другие же, отчаявшись и видя, что Бог словно бы не заботится о них, отрекались от христианской веры и вместе со своими людьми переходили в язычество...»

Именно отпадение от веры Христовой больше всего поразило хронистов. Но с гибелью полководца рухнула и вера, ибо стало ясно, что Провидение не хочет победы христианства.

Многие рыцари, как только армия, превратившаяся в траурную процессию, вышла к морю, погрузились на корабли и отплыли домой.

Пораженный горем герцог Швабский приказал похоронить внутренности императора в Тарсе, столице Киликийской Армении. Кости его сложили в мешок, и Фридрих Швабский возил их с собой. Потом он оставил драгоценный мешок в Тире, а сам отправился осаждать Акку. Когда Фридрих Швабский через год там умер, едва дожив до двадцати лет, о костях Барбароссы забыли, и куда они потом девались — никто не знает.

Летом, в самую жару, германская армия разделилась на две части. Половина отрядов добралась до Антиохии и остановилась лагерем у этого города. Воды не хватало, стояла сушь, жили скученно и грязно. Армия разлагалась, часты были случаи дезертирства, стычки и грабежи. И тогда на город напала пришедшая с караванами чума. Разбегаясь из лагеря, уцелевшие крестоносцы разносили чуму по окрестностям. Осенью, когда эпидемия миновала, в путь двинулось всего несколько сотен человек.

Другая половина армии, та, что пошла через Алеппо, была окружена мусульманами. Рыцари и солдаты были деморализованы и сражаться не желали: они толпами сдавались в плен. Мусульманский историк сообщает, что «по всей стране не было семьи, в которой не имелось бы трех или четырех немецких невольников».

Считается, что до Палестины добралось не более пяти тысяч германцев.

Можно подумать, что вечное невезение Фридриха, который всегда побеждал дома и всегда терпел поражения вдали от него, преследовало немцев и после его смерти. Ему было плохо в Валхалле без его могучей армии — и он призвал ее к себе.

Дальнейшие события кажутся лишь эпилогом ко всему, что случилось ранее. Действующие лица этой драмы как бы доигрывали ее последний акт, спеша к развязке.

Усилия враждующих сторон в течение следовавших двух лет были прикованы к Акке. Именно там решалась судьба крестового похода. По крайней мере так всем казалось. Но на самом деле обладание Аккой ничего не решало, и в конечном счете такая схема войны была на руку Салах ад-Дину, потому что крестовый поход, упершись в стены Акки, лишился размаха. Пока

силы крестоносцев были прикованы к одной крепости, Иерусалим и другие города, завоеванные Салах ад-Дином, находились в безопасности. Вероятно, будь у крестоносцев единое командование и разумный стратегический план, они, пользуясь перевесом в силах, могли бы добиться куда большего. На деле же получилась мясорубка, в которой были постепенно перемолоты лучшие рыцарские войска Европы.

С запада приплывали все новые отряды. Как только они высаживались у Акки, их тут же бросали в бой. И так продолжалось два года.

Салах ад-Дин занимал холмы в некотором отдалении от крепости. После очередного неудачного штурма он прорывал кольцо осады, вводил в город подкрепления и доставлял припасы. Хотя и с перерывами, действовала защищенная стенами и башней Мух гавань, где причаливали суда, приходившие из Египта. Крестоносцы устроили неподалеку свою гавань, так называемую гавань Маркграфа, именно там высаживались подкрепления и выгружались припасы для армии, прибывавшие на венецианских, генуэзских и пизанских кораблях.

Военные действия шли на таком небольшом пятачке, что каждый камень там был знаком и крестоносцам и сарацинам. Ситуация два года почти не менялась. Внутри, ядрышком, Акка с ее гарнизоном, вокруг, как скорлупа, лагерь крестоносцев, далее на холмах, как зеленая оболочка грецкого ореха, войска Салах ад-Дина.

Если защитники Акки спали в домах, у них всегда была вода и они не голодали, если Салах ад-Дин мог поддерживать связь с другими частями государства, то крестоносцы были зажаты между морем, холмами и стенами Акки. Когда-то там были сады и оливковые рощи, но постепенно осаждавшие вырубili их на топливо. Весь этот неширокий полумесяц земли был истоптап, во время редких зимних дождей превращался в непролазную грязь, в сухие же месяцы был покрыт пылью, которая при ветре заволакивала лагерь едкой дымкой.

Густо уставленный палатками, навесами и хижинами, заполненный многими тысячами людей, которые месяцами не мылись, болели дизентерией и лихорадкой, усеянный нечистотами — таков был лагерь крестоносцев. К тому же в нем всегда находилось несколько тысяч лошадей и ослов. Трудно даже себе представить тот ад, в котором жили крестоносцы.

Это была одна из первых затяжных позиционных войн в мировой истории. Не хватало лишь окопов — лагеря были защищены земляными валами.

Между армиями существовали какие-то элементы общения.

Порой между форпостами шла оживленная торговля, иногда враги сходились для игры в кости или для поединков. В обоих лагерях не было недостатка в торговцах, мошенниках, мародерах и проститутках. Хотя и в изуродованной форме, Великий торговый путь продолжал функционировать, и Акка стала одним из его узловых пунктов. Товары проникали через линию фронта, рыцари побогаче держали стол, получая свежие продукты, добытые в глубине страны, покупали дорогие одежды, благовония, пряности и драгоценности. В лагере крестоносцев процветали притоны. Таков был этот странный крестовый поход, который можно назвать «крестовым стоянием».

Положение Салах ад-Дина, хотя и было предпочтительнее, также оставляло желать лучшего. Если крестоносцы были армией без вождя, то Салах ад-Дин оказался вождем без армии. Ресурсы его султаната поглощала война, восточные и северные соседи были враждебны, и это вынуждало его держать против них значительные силы. Все обращения Салах ад-Дина к другим мусульманским государям встречались с горячим сочувствием, но реальной помощи он ни от кого не получал. Его султанат был щитом, оберегавшим Мосул, Аравию и Иран от крестоносной опасности. Салах ад-Дин вел «священную войну», багдадский халиф это весьма одобрял, сельджукские султаны и эмиры готовы были аплодировать ему, но Салах ад-Дин всегда опасался кинжала в спину.

В посланиях халифу и исламским государям Салах ад-Дин буквально молил о помощи. «Есть ли хоть один мусульманин, — писал он халифу, — который следует призыву?.. Между тем взгляни на христиан, какими массами они стекаются, как они спешат, как поддерживают друг друга, жертвуют богатствами, переносят величайшие лишения. У них нет государя, острова или города, который не послал бы на эту войну своих людей... мусульмане же вялы, лишены мужества, равнодушны, утомлены, бесчувственны, не ревностны в вере».

Салах ад-Дин был прав. Как бы ни были разрозненны крестоносцы, в каком бы ужасном положении они ни находились, их число беспрерывно увеличивалось. И на подходе были основные силы. Салах ад-Дин знал, что с севера идет громадная армия Фридриха Барбароссы, что к походу готовятся короли французский и английский.

Весной 1190 года из бревен и досок, привезенных из Италии, были сооружены три осадные башни, каждая высотой шестьдесят локтей, их верхние площадки располагались выше городских стен. Башни были столь велики, что в них размещались большие

отряды лучников, а наверху стояли катапульты.

В конце апреля крестоносцы пошли на решительный штурм Акки. Салах ад-Дин бросил в бой свою армию, чтобы ударом с тыла сдержат натиск крестоносцев. Однако крестоносцы отразили атаки воинов Салах ад-Дина. Все ожидали скорого падения города, но его хитроумные защитники сумели «греческим огнем» поджечь все три башни. Это случилось под утро, когда стража на площадках дремала. На фоне розовеющих облаков горящие башни казались страшными оранжевыми шевелящимися столбами, которые бросали дым в самое небо. Высохшее дерево занялось так скоро, что люди еле успели спастись.

Вожди крестоносцев, удрученные потерей башен, решили на совете, что, пока не приплывут новые подкрепления и не будут сделаны новые осадные машины, штурм отменяется. Эта новость в уставшем от пустого ожидания лагере была встречена чуть ли не мятежом. Многим казалось, что лучше смерть на поле боя, чем гниение заживо в этой клоаке. К тому же все видели, что вожди крестоносцев живут в полном достатке. В день святого Иакова истерия, овладевшая крестоносцами, стала неконтролируемой. Напрасно бароны и священники пытались удержать рядовых воинов. Неся самодельные кресты, размахивая мечами, взбешенные солдаты сломали ворота в заграждениях вокруг лагеря, опрокинули заслоны, смяли своих командиров и бросились к холмам, где стояла армия Салах ад-Дина. Нападение было неожиданным, и потому десятитысячной толпе удалось прорваться в центр лагеря сарацин. Они даже захватили шатер Малик Аделя, брата Салах ад-Дина. И тут же разбежались по лагерю в поисках добычи и пищи. Салах ад-Дин тем временем собрал отряды, стоявшие в отдалении, и вызвал конницу. С трех сторон мусульмане ударили по крестоносцам, и через час все было кончено. «Девять рядов мертвецов, — пишет арабский летописец, — покрывали равнину, лежавшую между холмами и морем, в каждом ряду было по тысяче воинов». Мало кто вернулся в лагерь.

В лагере тоже было несладко: увидев, что толпы крестоносцев бегут к холмам, защитники Акки сделали вылазку. Они ворвались в опустевший лагерь и захватили там богатую добычу, причем главной добычей стали женщины.

О погибших вскоре забыли — товарищи поделили их добро и заняли их палатки и хижины. Чуть ли не каждый день прибывали все новые суда с подкреплениями — венецианцы и генуэзцы сказочно богатели на этом походе.

Лето прошло в мелких стычках. Салах ад-Дин на эти месяцы

уехал в Дамаск и оставил у Акки лишь небольшие заслоны. Между тем в лагере крестоносцев разгорелись свары. Особенно они усилились после того, как ландграф Людовик Тюрингенский, побывав в Тире, к неудовольствию короля Гвидо уговорил присоединиться к осаждающим Конрада Монферратского.

Личная неприязнь усугублялась еще и национальной рознью. Людовик Тюрингенский потому и призвал под Акку Конрада, самого авторитетного из князей Палестины, что оба они были подданными германского императора и представляли его интересы. Немцев же в лагере было меньшинство, и французы, имевшие решающий голос на совете, притесняли своих немецких товарищей по оружию. Те же надеялись на приход Фридриха Барбароссы с громадной армией. Французы ждали короля Филиппа. Англичане, которых было немного, ожидали прибытия Ричарда и в борьбу за иерусалимский престол не вмешивались. С Ричардом связывал свои надежды и Гвидо Лузиньян — Конрад Монферратский оттеснял его от трона.

Известие о гибели Фридриха Барбароссы прибыло в лагерь под Аккой в конце июня. Оно как громом поразило все крестоносное воинство. Однако французская знать встретила эту весть с некоторым злорадством. Оно еще более усилилось после того, как стало известно, что германская армия распадается. Когда же к концу лета большая часть войска Фридриха погибла в Антиохии, все поняли, что Германия выбыла из числа претендентов на главенство на Ближнем Востоке.

Конрад Монферратский со своим отрядом поспешил берегом навстречу остаткам немецкой армии, опасаясь, что Салах ад-Дин опередит его и добьет крестоносцев. За Тиром он встретил немецкий отряд: несколько тысяч пехотинцев и горстку рыцарей во главе с герцогом Швабским — все что осталось от огромной армии Фридриха. 7 октября 1190 года герцог Швабский и Конрад прибыли в лагерь под Аккой.

Тем временем крестоносцы предприняли новую попытку взять Акку. На этот раз ударной силой был большой корабль, специально переделанный для штурма. Вместо передней мачты на нем возвышалась башня с метательными орудиями. Когда основные силы крестоносцев двинулись на приступ, корабль подошел к стене крепости, которая обрывалась в море. Но и на этот раз защитникам Акки удалось поджечь башню. Корабль, объятый пламенем, выбросился на берег.

Остаток осени крестоносцы, теперь уже под руководством герцога Швабского, упрямо строили новые осадные башни. Но каждый раз сарацины их поджигали. Это был на редкость производительный труд.

Наступила новая зима. Холодные дожди поливали утопающий в грязи лагерь крестоносцев. Так как все кредиты были давно исчерпаны — никто не рассчитывал на столь долгую военную кампанию, — подвоз продовольствия сократился, да и зима выдалась ветреной, штормило, и многие корабли потонули. Крестоносцы отдавали все за мясо павших лошадей. Оборванные, оголодавшие, они были совсем не похожи на славных освободителей гроба Господня, какими покидали Европу. К дизентерии и тифу добавилась цинга, и за зиму треть крестоносцев вымерла.

В тяжелую зиму 1190 года было много случаев дезертирства. И если у воина не было денег, чтобы купить себе место на венецианском судне, то он бежал к холмам. Он был готов отречься от Христа, только бы не умереть от голода и цинги.

Как раз той зимой был организован третий духовно-рыцарский орден — Тевтонский. Несколько благочестивых пилигримов из Любека и Бремена устроили на вытасненном на берег старом корабле больницу для крестоносцев. На этот госпиталь обратил внимание принц Швабский, который вынашивал идею создать немецкий орден в противовес тамплиерам и иоаннитам. Было отправлено соответствующее прошение в Рим, но положительного ответа герцог Швабский не дождался: в январе 1191 года он умер от цинги. После его смерти немногочисленные немецкие крестоносцы, что жили в лагере под Аккой, вообще остались без руководства.

У Салах ад-Дина дела тоже обстояли далеко не ладно.

Его армия смертельно устала от двухлетней полевой жизни и непрерывных боев. Несколько раз вспыхивали бунты: воины требовали уйти из этих мест, оставив Акку христианам. Помощи он ниоткуда не получал, и с каждым днем его авторитет в мусульманском мире падал. То, что вначале было мудрым стратегическим ходом, через два года стало проклятием. Салах ад-Дин не мог предположить, что упорство крестоносцев окажется столь велико, а помощь из Европы столь обширной. Даже гибель армии Фридриха лишь ненамного облегчила его положение.

Но главная проблема, стоявшая перед Салах ад-Дином, заключалась в том, что истощилось терпение гарнизона крепости. Солдаты требовали отдыха, утверждая, что свой долг они давно уже выполнили. Салах ад-Дину нужно было идти на генеральное сражение, для того чтобы прорваться к крепости и ввести туда новых воинов. Но воины устали, и никто не хотел идти в западню. Мусульмане отлично знали, что франки беспощадны к пленным.

В конце концов Салах ад-Дин решился на сражение. Ему удалось прорвать кольцо осады и заменить гарнизон Акки. Видя,

с каким удрученным видом воины входят в крепость, Салах ад-Дин понимал, что, если английский и французский короли приплывут с большими подкреплениями, Акки не удержать. Но удержать ее было необходимо, иначе крестоносные армии вырвутся на простор.

В самые холода умерла королева Сибилла. Эта смерть вызвала новую свару в лагере крестоносцев. Презиравший и ненавидевший Гвидо Лузиньяна Конрад Монферратский тут же бросился в атаку. Впрочем, никаких формальных прав на престол у него не было. Одна ненависть к Гвидо еще не решала дела.

Но Конрад всегда отличался решительностью. Он объявил патриарху и совету баронов, что намерен жениться на Елизавете, младшей сестре Сибиллы. И в качестве ее мужа получить трон.

Ход был эффектный и поверг всех в изумление по двум причинам. Во-первых, Елизавета была уже замужем за Гонфредом Туропским, одним из баронов Иерусалимского королевства. Свадьбу сыграли десять лет назад, когда ей было восемь лет. Во-вторых, сам Конрад был женат, и не на ком-нибудь, а на сестре византийского императора Исаака Ангела, которая осталась в Константинополе.

Для обычного человека подобная ситуация была бы безвыходной. Но невероятная настойчивость и полная беспринципность Конрада и уверенность его баронов, что только он сможет спасти Иерусалимское королевство, привели к поразительным результатам. Брак Елизаветы был расторгнут, а брак Конрада с Византийкой был признан недействительным как совершенный по обрядам православной церкви.

Этим шагом Конрад восстановил против себя Византию, еще более обозлил соперников и смертельно перепугал Гвидо Лузиньяна, который понял, что теряет корону.

Ситуация накалилась до чрезвычайности. И тогда на совете вождей крестового похода было решено дожидаться прибытия королей Ричарда и Филиппа и отдать дело на их суд, а пока Гвидо пускай остается королем Иерусалима, тем более что Иерусалим не возвращен.

Конрад делал ставку на Филиппа, рассчитывал он и на поддержку нового главы немецких рыцарей герцога Леопольда Австрийского. Гвидо Лузиньян с нетерпением ждал Ричарда. Не надо было большого ума, чтобы понять: аквитанец Гвидо станет креатурой Ричарда. И как только до лагеря под Аккой допелась весть о том, что короли уже отплыли в Святую землю, Гвидо начал собираться в путь: он должен был увидеть Ричарда раньше всех.

Кто боится карлика

Отдав свое первое распоряжение в качестве короля — освободить мать, Ричард Львиное Сердце направился в Англию, потому что перед ним встала весьма непростая задача: найти деньги для крестового похода.

Король Ричард, хотя и принадлежал к породе воителей, не смог стать великим завоевателем. У него не было нужных для этого человеческих качеств. Главным недостатком Ричарда было неумение настойчиво стремиться к поставленной цели. Редко он вел себя как полководец, куда чаще — как отчаянный рыцарь. Он никогда не мог до конца понять, что важно, а чем можно пожертвовать. Не раз страсти и гордыня толкали его в предприятия, обреченные на провал. Ричард завоевал репутацию отважного рыцаря. Однако настойчивость он подменял упрямством, выдержку — физической выносливостью, стратегию — тактикой. Он ничего не добился, но разорил собственную страну, победил во множестве битв и поединков, но не выиграл ни одной войны.

Фридрих Барбаросса проиграл итальянскую кампанию, потому что поставил перед собой недостижимую цель. Но стремился он к этой цели с настойчивостью стратега. Ричард проигрывал кампании, потому что не мог составить последовательного плана, подобно шахматисту, неспособному заглянуть на несколько ходов вперед.

И все же в той своре королей, герцогов, графов и баронов, что устремились одним ударом освободить Святую землю от «неверных», достичь славы и богатства, он был, без сомнения,

самым способным после Фридриха Барбароссы командиром. И так как Фридрих не дожил до решающих боев, тяжесть их упала на могучие, но не приспособленные для этого плечи Ричарда.

Может быть, даже его ограниченных способностей и силы воли хватило бы на победу, если бы не два фактора, которые обрекли крестоносцев на поражение. Первым фактором был их противник, выдающийся полководец Салах ад-Дин, руководимый высокой идеей — изгнать захватчиков, пришедших из-за моря убивать и грабить. Вторым фактором было само крестоносное войско, раздираемое враждой. Взаимная ненависть крестоносцев и их дрязги совершенно заслонили первоначальную цель. Это была толпа способных и неспособных, отважных и трусливых, продажных и честных баронов, каждый из которых руководствовался лишь своей спесью, корыстью или тщеславием.

До начала похода никто в Европе не сомневался, что объединенные силы христианского мира сотрут сарацин с лица земли и христианское дело восторжествует. Поэтому Ричард даже не думал о том, победит ли он, дело шло лишь об одном — собрать самую сильную армию и быть первым среди крестоносцев. Салах ад-Дин был врагом абстрактным и оттого не самым опасным. Зато рядом собирались в поход соперники, не любившие Ричарда и желавшие отнять у него будущие лавры великого героя. Это соперничество и определяло действия английского короля.

Вернувшись в Англию, Ричард приказал открыть сокровищницу. К его ужасу, оказалось, что она почти пуста. А где же деньги? Отец был прижимист и в конце жизни даже экономил на армии, что в конце концов его и погубило. В отчаянии Ричард обратился к матери. Та, поразмыслив, сообразила, что у Генриха наверняка должны были быть секретные кладовые, и даже сумела отыскать ключи от них. И тогда Ричард воспрянул духом: в тайных кладовых Генриха хранилось около миллиона фунтов стерлингов. С такими деньгами отец мог бы снарядить сильную армию и легко разбить и Ричарда, и Филиппа Французского. Так и осталось загадкой, почему в самый тяжелый момент Генрих не тронул этих денег.

И все же, хотя сумма была громадной, для крестового похода она была недостаточна. Одно дело — снарядить и вооружить армию наемников для боев в Нормандии, другое — сформировать войско и отправить его в Палестину. Сумму требовалось удвоить.

Казалось, что это невозможно. Но нашелся человек, который вызвался помочь.

Уильям де Лоншан, норманн, личность, обладавшая зловещим талантом, отрицательный герой истории, злодей,

словно сошедший со страниц романов Дюма, начал свой путь в той же гулкой, холодной государственной канцелярии, что и Томас Бекет. Именно там Ричард когда-то увидел карлика с большой головой — простого клерка, который присоединил к своему имени частицу «де», чтобы претендовать на дворянское происхождение. Лоншан был ловок и умен, но Генрих-младший, который правил тогда в Лондоне, невзлюбил клерка за то, что тот забрал слишком большую власть в канцелярии, и спровадил его с каким-то поручением в Руан. Там-то Ричард и встретился с Лоншаном. Ричард, у которого было чутье на нужных людей, пригрел карлика. И не ошибся, потому что тот стал оказывать ему немаловажные услуги. Но так как Ричард в те дни был лишь бунтующим принцем, Лоншана мало кто замечал. Взойдя на престол, Ричард привез полезного слугу в Лондон.

Хотя Лоншан и провел в лондонской канцелярии несколько лет, в Англии он все равно оставался совершенно чужим человеком, даже не удосужился выучить английский язык. Это также устраивало Ричарда — ему нужны были деньги, выкачать их можно было только из англичан, и сделать это обещал Лоншан, если ему дадут возможность управлять английскими делами. Однако, зная, что мать недолюбливает злого карлика да и английская знать относится к нему с подозрением, Ричард поручил Лоншану управлять лишь южными графствами, север страны отдав своему двоюродному брату Хью де Пюсэ.

Как только Ричард отбыл из Англии собирать деньги и войска во французских провинциях, Лоншан принялся за дело.

Он начал торговать владениями короны. Причем в больших масштабах. К примеру, шотландскому королю, который считался вассалом Ричарда, он предложил купить независимость. Затем он объявил, что все должности в королевстве должны быть куплены. Не купивший должность лишался ее, она переходила к более богатому соискателю. Эту дань должны были заплатить не только все чиновники Англии, но и священники. Когда до короля докатилась волна возмущенных жалоб, он спокойно ответил, что вполне одобряет действия управителя, так как деньги нужны на благое дело, и, будь он на месте истинных христиан, он отдал бы их добровольно. «Найдите мне покупателя, — закончил король, — и я продам ему Лондон». Затем Лоншан отправился в поездку по подчиненным ему графствам, где торговал должностями, а также продавал с аукциона королевские имения, замки, леса и уголья. А так как аукционы вел он сам, то значительная часть поступавших денег оседала в его карманах.

Кроме того, Лоншан был хорошим семьянином и не забывал о своих родственниках, которые съезжались в Лондон к нему под

крыло. Низенькие, злющие, жадные, они гребли деньги. Братья Лоншана получили командные должности в войсках, оставленных в Англии для поддержания порядка, зять стал констеблем Дувра, то есть контролером всех таможенных доходов.

Так что в Руан, где Ричард собирал армию, Лоншан привез громадную добычу. Он приехал с надеждой на королевскую щедрость. Но в первый же день его ждало горькое разочарование. Когда он вошел в зал замка, где король ужинал с приближенными, ему указали место в самом конце стола, рядом с придворными низших рангов, тогда как Хью де Пюэ сидел рядом с королем. Лоншан рассчитывал на иной прием, и оскорбленная гордыня подсказала ему новую идею. Когда после ужина он был призван к королю и тот выразил ему благодарность за деньги, одновременно упрекнув, что денег мало, Лоншан заявил, что есть отличный способ умножить доходы. Ричард, зная, что страна ограблена, налоги увеличены и в городах начинается брожение, с недоверием выслушал Лоншана, однако его план показался королю многообещающим.

Для того чтобы оценить все хитроумие Лоншана, надо рассказать о коронации Ричарда. Вернее, трагедии, которая произошла во время ее.

В период подготовки и проведения крестовых походов всякий раз в Европе поднималась волна шовинистических настроений. И это понятно: рыцарь ехал в Святую землю освобождать гроб Господень, а обыватель хотел внести свой вклад в святое дело, не отходя от дома. Для этой цели всегда находились жертвы — еретики и евреи.

За спинами погромщиков, что рассчитывали нажиться на столь богоугодном деле, зачастую стояли рыцари, которые были по уши в долгах у ростовщиков и торговцев. И если в обычные времена короли и герцоги, зависевшие от еврейских банкиров, охраняли их соплеменников от нападений, то в годы крестовых походов, когда Европу охватывала массовая истерия, евреям приходилось несладко.

Антиеврейские настроения в Лондоне, конечно, существовали, но ничто не предвещало погромов — город был торговым, богатым, и еврейские негоцианты занимали в нем не последнее место.

Искру в горячий материал кинул сам Ричард, который государственным умом похвастаться не мог. Почему-то ему пришла в голову дурацкая мысль: объявить по всему городу, что евреям и ведьмам на коронации присутствовать запрещено. Это объявление, разнесенное герольдами, само по себе еще ничего не означало, но возбуждение городских низов, всего сброда,

стекавшегося на коронацию в расчете на даровое угощение, было направлено в определенную сторону.

Коронация прошла благополучно, и ни одного еврея там не было, но после нее, когда начался пир в Вестминстерском дворце, несколько богатейших еврейских негоциантов, желая проявить верноподданнические чувства, облачились в лучшие одежды и понесли королю дары. Кто-то из перепивших баронов поднял шум, крича, что этим хриstopродавцам здесь не место. Ричард расхохотался, подарки велел принять, а незваных гостей гнать в шею.

И вот когда из дворца выбросили изрядно помятых купцов, в толпе на площади разнесся слух, что евреи пробрались во дворец, чтобы убить христианского короля.

Толпа набросилась на несчастных и буквально разорвала их на куски. Кровь, пролившаяся на площади, лишь разожгла аппетиты черни. Тысячи людей носились по улицам, поджигая дома евреев, грабя, насилуя и убивая.

Из Лондона погромы перекинулись на другие города. Особенно кровавыми они были в Йорке, богатом городе с большой еврейской общиной. Когда там начался погром, многие евреи, предупрежденные беглецами из Лондона, отчаянно сопротивлялись; более тысячи человек укрылись в пустовавшем королевском дворце и, забаррикадившись в нем, отражали атаки толпы. Может быть, несчастные и остались бы живы, если бы кто-то из нападавших не решил обратиться к местным баронам, которые почти все были в долгу у осажденных. Бароны сообразили, что им представилась замечательная возможность улучшить финансовое положение, и согласились ввести в бой свои отряды. Поняв, что все погибло, осажденные сначала зарезали своих жен и детей, а затем покончили с собой. Те несколько человек, которые сдались, были тут же замучены у ворот дворца. А затем, чтобы скрыть следы, а может быть, просто в пьяном безумии толпа сожгла и сам дворец.

Идея Лоншана была связана именно с этим погромом.

Лоншан попросил сделать его исполняющим обязанности архиепископа Кентерберийского, дабы сконцентрировать в своих руках контроль над церковью. Ричард согласился. Он не заметил или не захотел заметить, что этим отдает всю страну во власть карлика. Лоншан напомнил королю, что Йорк, где планировалась операция, находится под управлением Хью де Пюсэ и что тот будет возражать, если Лоншан начнет добывать деньги на чужой территории. Так что нужно под каким-то предлогом задержать де Пюсэ в Руане. На это Ричард также согласился.

Затем Лоншан вернулся в Англию и стал проводить в жизнь

свой великолепный план. Он прибыл в Йорк с большим вооруженным отрядом и для начала наложил громадные штрафы на всех, кто участвовал в избиении евреев. Затем он конфисковал земли тех баронов, которые штурмовали королевский дворец. Меры были жестокие, но, когда церковные деятели попытались воспротивиться разорению баронов, с которыми были тесно связаны, Лоншан заявил, что исполняет обязанности архиепископа Кентерберийского и потому епископы должны ему подчиниться.

Самый неожиданный ход он приберег к концу карательной акции. Он объявил, что английское государство — наследник всех погибших евреев. Лоншан тщательно собрал не только все документы, которые касались имущества жертв, но и все долговые расписки и векселя. И тогда он востребовал неуплаченные долги с тех, кто, участвуя в погроме, надеялся, что теперь их некому будет взыскивать. Лоншан умудрился буквально пустить по миру большинство йоркширских рыцарей и баронов. Когда же оставшиеся в живых родственники погибших евреев заявили, что долги вернули не тем, кому они причитались, Лоншан прогнал их со двора. Так что пострадали все, кроме Ричарда и его верного слуги. Заодно, как нетрудно понять, Лоншан под шумок грабил горожан, не принимавших участия в погроме. Его менее всего интересовала справедливость: ему нужны были деньги и власть. Он покинул Йорк, оставив там шерифом своего брата.

Когда вести о разорении Йорка достигли Нормандии, Хью де Пюсэ был взбешен и кинулся к королю с жалобами. Ричард разыграл полное неведение и, разумеется, отпустил Хью де Пюсэ домой, чтобы тот на месте разобрался в недоразумении. Хью де Пюсэ застал Лоншана в Йоркшире. Когда он потребовал объяснений, карлик предъявил ему письмо короля, в котором тот уполномочивал его управлять всей Англией. После этого Лоншан конфисковал все замки соперника, а ему самому приказал удалиться от дел. Вскоре подручные Лоншана схватили Хью де Пюсэ и заточили в монастырь. А Лоншан водрузил свое знамя над королевским дворцом в Виндзоре.

Безнаказанность вдохновляет мерзавцев. Лоншан начал вести себя как король. Все официальные документы вместо государственной печати он скреплял своим кольцом. Он создал специальный отряд стражи. Ни один человек не мог проникнуть к нему, пока не пройдет через три заслона стражи, где его обыскивали, не припрятал ли он оружие. Давая аудиенцию, карлик всегда сидел в кресле, по обеим сторонам которого стояли здоровенные телохранители.

В истории порой возникают люди одной породы — большеголовые карлики. В те дни, когда в Виндзорском замке сидел Лоншан, в Японии воцарился карлик Ёритомо Минамото, победивший дом Тайра. Как и Лоншан, он был умен и жесток. Он ненавидел всех, кто был высок и красив. Он мстил человечеству за то, что судьба обделила его ростом.

Когда Лоншан выезжал из дворца, его сопровождал отряд из полутора тысяч рыцарей и солдат: он знал, как его ненавидят в королевстве, и пуще всего берег свою драгоценную жизнь.

Лоншан грабил баронов, купцов и ростовщиков. Те, чтобы компенсировать потери, с удвоенной силой набрасывались на крестьян и ремесленников. И если крестьяне, еще жившие натуральным хозяйством в маленьких деревнях, могли жаловаться лишь богу, то горожане были неплохо организованы и могли сопротивляться. Ростки недовольства бурно развивались именно в городах, в первую очередь в Лондоне.

Хотя читатель без труда может представить себе образ средневекового города, образ этот будет неточным. То, что сохранилось до наших дней от этих городов, схоже с костями динозавров в палеонтологическом музее. Случайный посетитель музея без помощи специалиста не сумеет восстановить облик вымершего чудовища. Так и читателю необходим экскурсовод, ибо прошедшие века не тронули лишь наиболее крепкие, наиболее выдающиеся здания: собор, ратушу, некоторые богатые дома в центре, остатки крепостных стен...

Каков же был в действительности средневековый город, в котором неоднократно приходилось бывать, а то и жить, героям нашего повествования? Когда и как он возник? Может быть, он существовал с античных времен?

Последний вопрос не случаен. Некоторые историки утверждают, что основные города Европы — наследники городов Римской империи. Они захирели после падения Рима, но к концу I тысячелетия нашей эры воспрянули вновь.

Очевидно, это не совсем так.

Правда, после гибели Западной Римской империи некоторые города, несмотря на неприязнь к ним варваров, не были разрушены. В их числе были, например, Кельн и Трир; раскопки доказывают, что жизнь в них не прекращалась. Там трудились ремесленники, чеканилась монета, действовали рынки. Эти города даже сохраняли в течение столетий римскую планировку — прямые улицы, форум, стадионы. Однако бывшие античные города потеряли главное — свою функцию административно-религиозных центров. Христианская религия обособилась от

города. Ее центрами в раннем средневековье были монастыри, и могущество церкви основывалось не на торгово-ремесленной деятельности, а на земельной собственности. Земля была и основой богатства феодала. Поэтому старые города, даже если и не исчезли полностью, потеряли былое значение, оказавшись в стороне от новых торговых путей и новых политических центров.

Но к концу I тысячелетия развитие ремесел и торговли вступило в конфликт с интересами церкви и феодалов, и возникавшие на торговых путях новые города стремились оградить свое право на прибыль, на самостоятельность и безопасность. И барону, и епископу желательно было своих подданных грабить, вот почему объединения купцов и ремесленников — гильдии и цехи, как только появляется возможность, обносят свое поселение стеной, чтобы защититься от баронских отрядов. В борьбе за независимость города опираются на монархов, которых беспокоит усиление феодалов и церкви.

К концу XII века в Европе существует уже много десятков крупных независимых городов. Разработана внутренняя структура городов, сложившиеся на протяжении столетий права их оформлены юридически и признаны в пределах государств. Города становятся настолько могущественны, что легко переносят длительную осаду. Как уже рассказывалось, даже император Фридрих Барбаросса с лучшей в Европе армией не смог покорить Милан.

Разумеется, городам Франции, Германии, Англии пока не сравниться с итальянскими, вскормленными средиземноморской торговлей, ни роскошью зданий, ни богатством торгово-ростовщических домов, ни независимостью гильдий. Но и там было немало городов, значительных даже по сегодняшним меркам.

Прежде чем снова побывать в Лондоне, я предлагаю заглянуть в типичный средневековый город, пройти по его улицам, посетить его дома, увидеть, как жили горожане.

Город всегда окружен стеной. Иногда двумя рядами стен. Город не забывает, что вокруг него враги, алчущие его богатств. Город знает, что постоянные войны феодалов попросту уничтожат его упорядоченный мир, если он не сумеет сам себя защитить.

Когда приближаешься к городу, уже издали видны его высокие стены, многочисленные башни и крыши церквей. Вокруг города — поля. Принадлежат они горожанам. Город в значительной степени сам себя кормил, зачастую даже владел деревнями и угодьями. Но если на первом этапе его существования поля и пастбища находились внутри стен, то

постепенно дома вытеснили сельскохозяйственные угодья из города, и с годами город все более полагается на привоз продуктов извне: ремесло и торговля выгоднее, чем земледелие и скотоводство.

Через наполненный водой ров перекинут подъемный мост. Перед рвом есть дополнительные преграды — бревенчатый частокол и заросли колючих кустарников. Недалеко от моста часто воздвигался каменный помост с высокими столбами, соединенными поперечной перекладиной. Это — лобное место, где совершались казни. Тела казненных подолгу не убирались, поэтому по ночам к лобному месту сбегались волки, а по соседству всегда гнездились вороны.

С восходом солнца ворота раскрываются. Сначала из города выгоняют стада коров и отары овец, чтобы они до заката паслись на окрестных пастбищах, затем в город начинают втягиваться крестьянские возы со снедью для рынка. После этого наступает очередь пилигримов, бродячих актеров, проповедников и всякого дорожного люда.

В воротах стража проверяет товары, чтобы не привезли лишнего, запрещенного, либо некачественного. Там же собирают пошлины — за право въезда в город и за ввоз товаров.

Даже если когда-то на месте города находилось римское поселение, его уже не узнать. Городская стена диктует городу свои законы, она стискивает его и заставляет расти ввысь.

Если в VIII–X веках город еще мало отличался от деревни, — он был застроен глиняными мазанками с каркасом из ивовых прутьев и между домами размещались участки пашни, — то к концу XII века демографическая ситуация привела к десятикратному увеличению населения городов, тогда как новые стены воздвигали редко: уж очень это было накладно.

Поэтому типичный европейский город того времени — лабиринт узких переулков, где верхние этажи домов выступают над нижними, так что свет проникает в переулок через узкую щель. Дома, как правило, деревянные, лишь в самых богатых из камня выкладывается нижний этаж либо ставятся каменные стены в одной комнате, куда на случай пожара складывают ценные вещи. А так как семья растет и требуются все новые комнаты, дом постоянно переделывается и надстраивается, соответствуя характеру самих улиц и переулков: внутри он — лабиринт комнат и комнатусек, узких лесенок и тесных коридоров. В городе живут тесно.

Улицы в XII веке немощеные. В Париже в то время была лишь одна мощеная улица. Поэтому в дождь или осенью улицы становились непроходимыми и непроезжими. В летописях

отмечено предупреждение жителей немецкого города Рейтлингена, просивших императора повременить с визитом в их город. Император не послушался и чуть не утонул вместе с лошадью на одной из улиц.

Чтобы как-то передвигаться по грязи, горожане употребляли специальные деревянные «галoши» — высокие чурки, привязывая их к башмакам. Самых знатных носили по улицам в паланкинах и портшезах.

Бедой города были и нечистоты. Положено было помои и отбросы выливать в специальные клоаки, которые периодически опорожнялись. Но мало кто, несмотря на строжайшие указы, придерживался этих правил — проще было вылить содержимое ночного горшка на улицу. Неудивительно, что эпидемии в городах распространялись со скоростью молнии и, когда на Европе в XIII веке прокатилась «черная смерть», многие города вымирали целиком.

Нередко города и выгорали. Огонь пожирал улицу за улицей, и люди оказывались в мышеловках тесных кварталов. Тут уж и речи не было, чтобы тушить пожар, — успеть бы, взяв самое ценное, убежать. Городские власти вели отчаянную, но неравную борьбу с пожарами. Смертная казнь полагалась не только поджигателю, но и человеку, пригрозившему в сердцах поджечь дом недруга.

Каждый дом был как бы городом в миниатюре. Таким же замкнутым, таким же отделенным от внешнего мира, укрытым от посторонних глаз. На нижнем этаже помещалась лавка или мастерская. Так как стекла стоили очень дорого (если в богатом доме и вставляли их, то только на верхних этажах, причем стекла были такими мутными, что сквозь них почти ничего нельзя было разглядеть), окна были закрыты ставнями, толстыми, крепкими, окованными железными полосами. В лавках ставни были двойными. Нижняя половина откидывалась, образуя прилавок, а верхняя поднималась, и получался навес.

За домом обычно находился небольшой двор, обнесенный высокой стеной. Там были сарай, каморки для подмастерьев, хлев и склад. Дома были настолько разобщены, что когда колодец оказывался между двумя усадьбами, его разгораживали, чтобы каждый мог черпать воду лишь на своей половине колодца и не видеть соседа.

Очаг в доме был открытым. Под был выложен каменными плитами, на нем располагалась железная решетка для дров. В домах бедняков очаг служил и источником света. Сальные свечи были дороги, а восковыми могли пользоваться лишь богачи. От свечей, масляных светильников и очага в комнатах всегда было

смадно, мебель покрывалась сажей.

Практически вся обстановка и утварь были деревянными. Гончарное дело было развито куда хуже, чем в античном мире или на Востоке. Так что бондари и бочары были заметными фигурами. Они изготовляли кадки, бочки, ковши. Плотник, строивший дом, обычно и столярничал, а потому мебель была простой и грубой.

Центром дома была спальня. В богатом доме там ставили большую, шириной до четырех метров, кровать с балдахином. Это был деревянный помост, лишь изредка — рама, перетянутая ремнями. На кровать клали тюфяки, набитые соломой или шерстью. В некоторых домах появились постельное белье, одеяла и даже пуховые перины.

Количество клопов и блох, обитавших в такой спальне, трудно вообразить.

Еще в спальне стояли сундуки с добром и табуреты.

Обеденный стол был широкой толстой доской на козлах. Возле него стояли скамьи. Чтобы скрыть грубое дерево и украсить быт, на стены вешали ковры, на скамьи клали ковры и подушки. На пол тогда ковры не стелили.

Питались горожане, как правило, скудно, и голод был привычным состоянием, особенно в неурожайные годы, во время осад и других бедствий. Мяса ели мало, масла почти не знали (лишь в Италии сравнительно широко употребляли оливковое масло, но для лондонца оно было привозной роскошью), сахар был почти неизвестен, его заменяли медом. Почти не ели овощей. Основной едой были ржаной хлеб и каша, — считается, что горожанин в среднем съедал в день более килограмма хлеба.

Так как пряности были баснословно дороги, пищу обильно солили и приправляли чесноком и уксусом.

Ели из мисок, бедные — из деревянных, богатые — из серебряных. Часто была одна миска на семью. Вилки почти не знали, мясо, если было, клали на хлеб.

В Италии, Франции, Южной Германии пили много вина, в Англии и Северной Германии его заменяло пиво. Ячменное пиво было известно еще в античные времена, но применение хмеля — изобретение средневековья. А вот винный спирт, который аптекари уже научились получать, все еще был лишь составной частью лекарств.

Когда горожанин заболел, он мог позвать аптекаря или лекаря, но пользы от их прихода было мало. Европейская медицина переживала период варварства. Поэтому даже невинные по сегодняшним понятиям болезни часто закапчивались смертью.

И тогда горожанина везли на кладбище.

Кладбище располагалось чаще всего в центре города, рядом с собором. Постепенно его все более теснили дома, но так как могилы близких были ценностью, которую, как и дома живых, надо было оберегать от врагов, за пределами города хоронить не хотели. И по прошествии некоторого времени в старые могилы клали новых мертвецов — кладбища были многоэтажными.

Таков был город...

А теперь вернемся к нашему карлику.

Ричард игнорировал жалобы из Англии. Его позиция была проста: до тех пор пока Лоншан присылает ему деньги, Лоншан хорош. И пускай недовольные брюзжат.

Возможно, эта ситуация завершилась бы взрывом, если бы и дело не вмешалась Элеонора Аквитанская.

В семьдесят лет она оставалась стройной и энергичной женщиной с ясным умом и удивительным здравым смыслом. Обожая Ричарда, она понимала, что сила его — в поддержке баронов и горожан. Лоншан же объективно отнимает у Ричарда страну. Крестовый поход — лишь эпизод в биографии короля. И не следует допустить, чтобы он был последним эпизодом. Элеонора словно предвидела, к чему может привести конфликт короля с его подданными. Ее счастье, что она не дожила до того дня, когда ее младший сын Джон будет вынужден униженно подписать Великую хартию вольностей, чтобы сохранить трон. Но даже это не спасет его от бесславной доли беглеца, презираемого своим народом.

Элеонора вступила в борьбу за Ричарда, хотя тому казалось, что она без нужды вмешивается в его дела. В то время Ричард был в Марселе, где собирал флот. Каково было его удивление, когда неожиданно в его военном лагере появилась мать. Она верхом проехала всю Францию, чтобы обсудить с сыном положение в Английском королевстве. Ричарду не очень хотелось заниматься всем этим: Англия была далека. Но мать умела с ним обращаться, к тому же в последние месяцы поток денег из Англии иссяк. Лоншан и его родственники обнаглели настолько, что большую часть добычи клали себе в карманы. Мать была непреклонна — Лоншан обидел ее, утверждая, что подчиняется только Ричарду. В конце концов Элеонора сломила равнодушие сына, и тот согласился отправить в Англию комиссию из четырех баронов, которые проверят действия Лоншана. Но этот компромиссный вариант мать не устраивал. И она сделала иное предложение. «У тебя есть сводный брат Годфри, — сказала она, — бывший канцлер, которого ты после смерти отца отправил в ссылку. Это

честный человек, непримиримый и сильный духом. Единственный достойный соперник хищнику, которому ты отдал Англию».

Ричард был поражен: он знал, что мать недолюбливала Годффри. Между тем Элеонора лишь отдавала пасынку должное, зная, что он единственный не покинул Генриха в его смертный час.

Переспорить мать Ричард не смог. И скрепя сердце подписал грамоты, которые давали Годффри полномочия действовать в качестве архиепископа Кентерберийского и представителя короля. И даже получил на то согласие папы.

Добившись своего, Элеонора занялась другим важным делом — женитьбой Ричарда. В свое время, когда он короновался, Элеонора настаивала на этом — недостатка в невестах не было. К ее удивлению, Ричард сказал, что если он и женится, то только на Беренгарию, дочери Санчо Мудрого, короля Наварры. Он видел Беренгарию лишь однажды, когда со своим другом Санчо-младшим, наследником наваррского престола, посетил маленькое горное королевство. Тогда Элеонора была категорически против этого брака, ибо он не давал никаких политических выгод. К тому же оставался нерешенным вопрос с Алисой, которая формально продолжала считаться невестой Ричарда. На этот раз Ричард попросил мать съездить от его имени на Пиренеи и уладить брачные дела. И Элеонора тут же согласилась. Почти не отдохнув после долгого путешествия, она снова села в седло и поскакала в горы сватать сына.

Лоншан, разумеется, через своих шпионов прознал, что Годффри едет в Англию. Он полагал, что согласие на это было хитростью вырвано у Ричарда ненавистной королевой, и потому был уверен, что на самом деле Ричард полностью на его, Лоншана, стороне. Поэтому он приказал не пускать Годффри в Англию.

Исполнение этой операции было возложено на сестру Лоншана Риченду, жену констебля Дувра, такую же маленькую и большеголовую, как брат, столь же злобную и решительную.

Риченда послала в море военный корабль, чтобы перехватить Годффри в пути. Корабль Годффри был взят на abordаж, королевский уполномоченный прибыл в Англию пленником. Он молчал и не делал попыток сопротивляться.

На берегу ждала стража. Пленнику подвели коня. Годффри вскочил на него, дернул поводья, и конь послушно поскакал вперед. Годффри рассчитал правильно — неподалеку стоял монастырь святого Мартина, и ворота его были открыты. Он влетел во двор монастыря, соскочил с коня и побежал в церковь. Он уже понял, что ни звание архиепископа Кентерберийского, ни

высокое происхождение его не спасут.

Преследователи ворвались в монастырь, но в церковь, где спрятался Годфри, войти не посмели. Монастырь был окружен. Солдаты ждали дальнейших инструкций от Риченды. Та разразилась проклятиями и приказала любой ценой схватить принца.

Однако тут против нее сыграла память о судьбе Бекета. Ведь прошло менее двадцати лет со дня его смерти, и солдаты не решились вытащить нового архиепископа из храма.

Риченда сама прискакала в монастырь руководить операцией, приведя с собой отряд не столь богобоязненных солдат. Расталкивая и избивая монахов, солдаты ворвались в церковь и увидели, что Годфри по примеру Бекета в полном облачении восседает в алтаре, держа в руке крест. И они оробели. Через сутки Риченда послала собственных слуг — те увидели, что за сутки Годфри не двинулся с места. Слуги тоже отступили. Так прошло четыре дня. Архиепископ все сидел в алтаре, в дверях церкви стояли стражники, которые ждали, что он сделает хотя бы шаг в сторону. На пятый день, подчиняясь грозным приказам брата, Риченда напоила до озверения нескольких солдат, отпетых висельников, пообещала каждому кучу денег и поклялась, что найдет епископа, который снимет с них проклятие, если случится грех. Солдаты, подбадривая друг друга, с воплями подбежали к алтарю и, раскидав монахов, принялись тащить архиепископа. Годфри был воином, а не монахом, поэтому он умело сопротивлялся и покалечил нескольких солдат крестом, которым действовал как топором. Но в конце концов, избитого и израненного, его вытащили из церкви, отвезли в Дувр и, заковав в цепи, бросили в подземелье замка.

Восемь дней принц-архиепископ просидел в подземелье. Лоншан полагал, что победил. На этот раз он ошибся. Расправа с Годфри вызвала у английской знати такую бурю негодования, а аналогия с судьбой Томаса Бекета напрашивалась настолько открыто, что Лоншану пришлось отступить. Последний удар Лоншану неожиданно нанес принц Джон, младший брат короля, который до поры до времени занимал выжидательную позицию. Но он понял, какая разразится буря, когда вернется мать. Поэтому он присоединился к баронам и тоже потребовал освобождения Годфри.

Перед лицом негодующей знати Лоншан заявил, что виновата его сестра, которая выполняла функции таможенника и хотела лишь убедиться, не самозванец ли приплыл в Англию.

Годфри освободили.

Увидев, какую встречу устроили Годфри лондонцы, Лоншан

струсил. Десятки тысяч людей вышли на улицы. Колокола звонили так, словно в город вошел освободитель. Той же ночью Лоншан заперся в Виндзорском замке.

Затем прибыла комиссия из четырех вельмож. Лоншан отказался ее принять. Тогда Годфри и Джон собрали ополчение баронов и подступили к Виндзорскому замку, требуя, чтобы Лоншан вышел на переговоры. Тот бежал в Лондон, где укрылся в Тауэре. Оттуда Лоншан обратился к лондонцам с речью, в которой утверждал, что он — единственный верный слуга короля. Но так как английского языка он не знал, а французским не владели горожане, то его призывы ни к чему не привели. Лондонцы улюлюкали, и Лоншану пришлось спастись от камней и гнилых овощей, которыми его забросали горожане.

Тауэр был осажден. Годфри отправил Лоншану ультиматум, в котором ему предписывалось сдать в казну всю свою собственность, включая нечестно захваченные замки, и выдать в качестве заложников братьев и сестру.

Лоншан вынужден был согласиться на все условия.

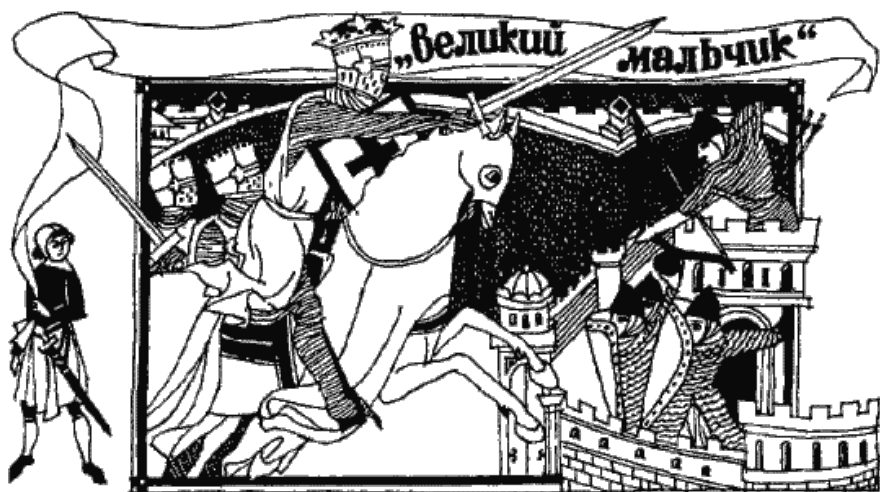
Случилась удивительная вещь: еще вчера все бароны трепетали перед карликом, и вдруг оказалось, что во всей Англии не нашлось никого, кто посмел бы его поддержать. Лоншан бежал в Дувр, надеясь затем уплыть во Францию, чтобы пожаловаться королю. Там, во Франции, он хранил часть награбленных сокровищ.

Лоншан переоделся уличной торговкой и нацепил шляпу с густой вуалью. Именно эта вуаль и привлекла внимание рыбацек, которые заметили странную торговку на берегу. Лоншана снова подвело незнание языка. Он пытался убежать, но женщины решили, что это переодетый разбойник. Когда же обнаружилось, что под женской одеждой прячется карлик, слишком хорошо известный в стране, они приволокли его в город.

В конце концов Лоншан был изгнан из Англии, его имущество было конфисковано.

Через некоторое время ему удалось вновь втереться в доверие к Ричарду, но править Англией ему больше не дали. И он, и его родственники мирно скончались и сохранили часть богатств.

Плоды его деятельности скажутся позже — он лишь толкнул Англию под уклон.

Из трех государей Европы, возложивших на себя крест, меньше всех был заинтересован в походе Филипп Французский. Участие в нем было для него продолжением многолетней борьбы с Плантагенетами за господство во Франции. Он не мог позволить себе остаться дома, выйти из большой игры и отдать инициативу английскому и германскому владыкам. В великом предприятии европейского религиозного духа ему надлежало быть на первом плане.

Филипп разительно отличался от своих великих современников. В нем не было мощи Фридриха Барбароссы, не было и залихватской решительности Ричарда, не было головоломного умения пробиться сквозь миллион смертей и опасностей, свойственного Андронику Комнину. Филипп и в зрелом возрасте остался тихим, серьезным мальчиком, который когда-то подошел к Генриху Анжуйскому и сказал, что, когда вырастет, отнимет у него все, что тот отобрал у его отца. Он и прожил всю жизнь, подсчитывая монеты и земли. Франции, слабой и разобщенной, был нужен именно такой государь — собиратель, скряга, заговорщик, интриган, с каждым днем добавлявший по монетке в сундучок. И пока соседи отчаянно рубились в бесплодных битвах, он умел затаиться, чтобы появиться в нужный момент с векселем в руке.

Вот портрет Филиппа, оставленный нам Мартином Турским: «Он обладал превосходным сложением, изящными формами и приятным лицом, был плешив и красен, великий мастер поесть и выпить. Он был откровенен с друзьями и очень замкнут по

отношению к тем, кто ему не нравился. Предусмотрительный, упорный в своих решениях и твердый в вере, он обнаруживал замечательную быстроту и прямоту в своих суждениях. Баловень судьбы, вечно опасаясь за свою жизнь, он быстро приходил в гнев и так же быстро успокаивался; он был суров по отношению к знатым, которые не оказывали ему повиновения, любил возбуждать между ними раздоры и охотно приближал к себе незнатных людей».

Портрет апологетический, он призван воспеть короля, но как проговаривается летописец! Между строк мы видим трусость, подозрительность и вечный страх, в котором живет Филипп, ненависть к князьям, полагавшим себя выше короля. А вот еще один его портрет, составленный в XIX веке французским историком Люшером: «Средние века видели мало таких оригинальных фигур: если по своему суеверию, жестокости, вероломству и совершенной неразборчивости в выборе средств он вполне сын своего времени, то, с другой стороны, он значительно отклоняется от типа феодального рыцаря. Он если не хладнокровен и терпелив, то по крайней мере настойчив и скрытен: он умеет выжидать и рассчитывать, редко выдает свои намерения и действует лишь наверняка. Он — политик».

Таким Филипп был сизмальства. Престол достался ему в 1180 году, когда он был подростком. Пользуясь молодостью короля, могущественные феодалы объединились, стараясь вообще избавиться от власти династии Капетингов. Коалиция была грозной и казалась непобедимой. В нее входили герцог Бургундский, графы Фландрский, Намюр, Блуа, Шампань и другие — вместе они были втрое сильнее юного Филиппа. И тем не менее за пять лет, продолжая притом войну с Генрихом Английским, Филипп сумел победить эту коалицию, используя ее внутренние противоречия. Порой казалось, что его дело безнадежно, но, играя на вражде соперников, привлекая на помощь сыновей английского короля, вступая в немыслимые союзы и предавая своих союзников, Филипп не только разгромил коалицию, но и смог ограбить одного из главных противников, графа Фландрского, включив в свой домен часть его владений.

Вот такого врага по наследству приобрел Ричард Львиное Сердце. И такого союзника по крестовому походу. Филипп не только согласился отправиться в Святую землю, но, более того, изъявил желание двигаться туда вместе с Ричардом, практически одним маршрутом. И не без расчета, потому что Филипп ничего не делал без расчета. Филипп был уверен, что Ричард, который вложил в организацию крестоносного войска колоссальные средства и собрал могучую армию, на пути к Иерусалиму

ударится в авантюры. Филипп даже мог предугадать в какие.

Очевидно, первый удар будет нанесен по Сицилии, так как Ричард не скрывал, что намерен защитить права своей овдовевшей сестры Иоанны, которые ущемил новый сицилийский король Танкред. Исход этого предприятия был неясен, но здесь можно было погреть руки или по крайней мере помешать Ричарду.

Французская и английская армии должны были достичь Палестины морем. Отряды тянулись по Франции к югу.

После нескольких недель похода армиям пришлось разъединиться. Во-первых, вместе им трудно было прокормиться. Во-вторых, зафрахтованные корабли ожидали в разных портах. Филипп намеревался плыть в Палестину на генуэзских судах и потому пошел к Генуе. Ричард собирался отплыть из Марселя — частично на английских, частично на французских кораблях.

К Марселю между тем спешила Беренгария, сопровождаемая Элеонорой. Будущая свекровь была довольна невестой сына, ее родственниками тоже. Разумеется, Ричард был достоин лучшей партии, но он совершенно не интересовался девушками, и хорошо еще, что согласился жениться на этой провинциалке.

Элеонора рассчитывала, что свадьбу сыграют тут же. Но, к сожалению, Ричарда они не застали. После нескольких месяцев неспешного путешествия по Европе он вдруг заторопился — словно испугался, что Иерусалим возьмут без него. Так что дамы увидели лишь растворяющиеся в морской синеве разноцветные паруса кораблей.

Королева Элеонора была не способна мириться с поражениями. Презрев возраст и усталость, она приказала подать лошадей, и на следующий же день они с Беренгарией поспешили сушей вслед за войском. Они проехали Южную Францию и всю Италию, но лишь в Неаполе настигли английский флот. Там их встретила дочь Элеоноры Иоанна, ради спасения вдовьей чести и возвращения приданого которой Ричард намеревался всерьез побеседовать с Танкредом.

Оказалось, что и тут Ричард не готов к свадьбе. К Неаполю уже подошел флот Филиппа, короли занимались погрузкой провианта и прочими хозяйственными и военными делами. Было очевидно, что, пока Филипп рядом, Ричард не посмеет устраивать свадьбу: это было бы открытым вызовом французскому королю.

После трудного разговора с матерью и клятвенного обещания жениться на наваррской принцессе, как только позволят обстоятельства, Ричард, оставив невесту с Иоанной в Бриндизи, на юге Италии, отправился в Сицилию, к королю Танкреду.

Филипп, которому в Сицилии делать было абсолютно нечего и которого ждали подвиги в Святой земле, узнав о решении Ричарда, тоже отплыл в Сицилию. А Элеонора отправилась в свои семьдесят лет в новое долгое путешествие — через всю Италию и Францию домой. Старший сын просил ее не упускать из поля зрения принца Джона, который остался править королевством. Ему Ричард с матерью не доверяли.

В сентябре 1190 года в Мессину прибыли крестоносцы.

Ричард занялся спорами с Танкредом по поводу невозвращенного приданого. В хрониках, рассказывающих об этих переговорах, фигурируют списки имущественных претензий английского короля — позолоченный стол длиной двенадцать футов, шелковый шатер, двадцать четыре золотые чаши, двадцать четыре золотых блюда и так далее. На самом же деле — и все это отлично понимали — Ричард искал предлог использовать свое войско для того, чтобы содрать с Танкреда больше, чем было дано за сестрой. Положение сицилийского короля было трудным: на его острове находились две сильные армии, а помощи ждать было неоткуда.

Танкред рассчитывал поссорить Ричарда с Филиппом. Он даже переслал Ричарду письмо французского монарха, в котором тот обещал ему помощь против англичан. Неизвестно, было письмо настоящим или поддельным. На Ричарда письмо не произвело никакого впечатления, так как он и без того отлично знал, как в действительности относится к нему французский король.

И вот тут-то Ричард, наконец, нашел предлог, чтобы показать Танкреду силу своего войска. Один из его солдат затеял ссору с мессинской торговкой хлебом. Когда за торговку вступились горожане, англичане начали их избивать. И уже на следующий день Ричард начал штурм Мессины с моря и с суши.

Пока шли военные действия и Ричард, как всегда, отважно сражался впереди своих воинов, Филипп, соблюдавший нейтралитет, вступил в переговоры с Танкредом. Он убеждал его не падать духом и обещал, если станет плохо, военную помощь. Но дальше обещаний не пошел, если не считать того, что он развлекался, с палубы своего корабля стреляя из лука по английским гребцам. Нейтралитет Филиппа объяснялся просто: он раньше Ричарда узнал о том, что в Италию вступил новый германский император Генрих, который шел к Риму, чтобы папа возложил на него императорский венец. Филипп понимал, что, как только Генрих получит корону, он двинет свои войска на юг Италии и в Сицилию. Генрих был женат на дочери предыдущего сицилийского короля и потому рассматривал Танкреда как

узурпатора и считал себя наследником сицилийского престола. А раз медведь двигался с севера, волкам следовало вести себя осторожнее.

Филипп предвидел, что авантюра Ричарда не даст никаких осязаемых результатов. Сицилии ему не получить. Оставаться там, чтобы воевать с германской армией, он не может — это означало бы отказ от крестового похода. Так что Филипп спокойно ждал.

А Ричард совершал подвиг за подвигом. Вместе с одним рыцарем он по подземному ходу пробрался в Мессину. Пройдя весь ночной город, он умудрился открыть ворота. Англичане ворвались в город. После того как Мессина была взята и разграблена, Ричард вернулся за стол переговоров с Танкредом. Вчерашние враги быстро уладили имущественные дела вдовы, и Танкред уплатил Ричарду двадцать тысяч унций золота.

Вот тогда-то на сцену вышел Филипп. Он напомнил своему соратнику по крестовому походу, что они договорились делить всю добычу пополам. Ричард был возмущен: вдовьи деньги не имели никакого отношения к походу. Но добыча есть добыча, и Филипп, цепкий в споре, призвал юристов, которые доказали, что деньги, полученные от Танкреда, подходят под соответствующий пункт договора. Ричард вынужден был смириться и отдал Филиппу треть денег, надеясь, что сможет компенсировать потери в Иерусалиме. Филипп же, получив меньше, чем рассчитывал, счел себя обманутым.

Покидая Сицилию, короли не скрывали взаимной неприязни. Ричард не подозревал, что Филипп через своих агентов начал склонять принца Джона, чтобы тот, пока старший брат занят своими подвигами, захватил власть в Англии. Уговоры Филиппа пали на благодатную почву: Джон и сам мечтал заполучить английскую корону, не предвидя, что в качестве платы за любовь и дружбу Филипп потребует французские провинции Плантагенетов. Но Джон был не способен смотреть в будущее. Он рвался к власти.

Повздорив из-за денег Танкреда, Филипп и Ричард временно расстались. Филипп поднял паруса своей эскадры 30 марта 1191 года, а Ричард оставался в Сицилии еще десять дней.

На этот раз Ричард все-таки обманул своего хитрого союзника. Отплыв на восток, он взял курс не прямо к палестинским берегам, а к Кипру. Почему бы не прибрать к рукам этот богатый остров?

Флот англичан растянулся длинной вереницей. На первом корабле находились невеста Ричарда Беренгария и его сестра Иоанна. Флагманский корабль следовал вторым. 12 апреля

разбушевалась буря. Суда разметало по морю, и три из них, в том числе корабль с принцессами, нашли спасение у берегов Кипра, в гавани Лимасола.

Кипр, византийское владение, во время борьбы Андроника Комнина против норманнов попал в руки родственника императора Мануила-Исаака Комнина. Он укрепился на острове и объявил себя императором Кипра. Рассказывают, что он был человеком жестокого нрава, коварным и подозрительным. С крестоносцами он был в плохих отношениях. Причиной этой вражды был способ, которым Исаак Комнин пополнял свою казну: он обирал корабли, которые терпели крушение у берегов Кипра, и обращал в рабство их команды. В этом не было ничего удивительного — в эпоху средневековья существовало «береговое право», и жители многих прибрежных местностей промышляли этим старинным ремеслом, иногда даже заманивая ложными огнями корабли, чтобы те разбились о камни.

В те годы в восточной части Средиземноморья было оживленно: плыли подкрепления крестоносцам, двигались торговые суда, только что прошел флот французов, так что добыча на Кипре не переводилась.

Когда император Кипра узнал, что в гавани Лимасола находится корабль с сестрой и невестой Ричарда на борту, он возрадовался. Он тут же пригласил принцессу и вдовствующую королеву к себе в гости. Но когда те были уже готовы воспользоваться любезным приглашением, на берегу показались несколько полураздетых людей. Они бросились в воду и поплыли к английским судам. Это оказались рыцари с корабля, который разбился о скалы пять дней назад. Рыцарей заточили в башню, и им лишь чудом удалось бежать. Возмущенные и испуганные дамы отказались покидать свой корабль, который стерегли корабли Исаака, но взять на abordаж не смели. Исаак колебался. Он не знал, далеко ли Ричард с английским флотом, будет ли он разыскивать сестру и невесту, а если будет, то пойдет ли к Кипру. Несколько дней прошло в пустых переговорах, но выманить жепщин с корабля Исааку так и не удалось.

Когда Исаак все же решился захватить корабль силой, на горизонте показались многочисленные паруса — приближался английский флот. Еще через несколько часов корабли Ричарда вошли в гавань Лимасола.

Ричард велел спустить шлюпку и отправился к невесте. И когда поднялся на борт, женщины, заливаясь слезами, поведали ему о том, какие ужасные дни они пережили.

Такова внешняя сторона событий. По ней выходит, что дальнейшими действиями Ричарда двигало желание проучить

Исаака. Разумеется, Ричард был человеком импульсивным. Но скорее всего захват Кипра был задуман заранее.

В тот же день Ричард приказал своим рыцарям высадиться на берег и сам повел их в бой. Отряды, охранявшие порт, были рассеяны. Наутро Ричард повел свой отряд дальше. Император Исаак, спешно собрав войска, двинулся навстречу, надеясь разбить его, прежде чем с кораблей сгрузят коней. Ричард, посадивший рыцарей на реквизированных крестьянских лошадей, бился впереди. Он сам захватил знамя Исаака и, отыскав императора в сутолоке боя, догнал его и сшиб с коня копьем. Но Исаак успел вскочить на другого коня и ускорил с поля боя.

Исаак укрылся в Никозии, а Ричард, удовлетворенный результатами первого сражения, вернулся в Лимасол. Там он наконец решил сыграть свадьбу с верной Беренгарией.

Филиппа Французского рядом не было, и до встречи с ним оставалось несколько дней. Так что лучше было поставить соперника перед совершившимся фактом.

Свадьбу назначили на 12 мая.

Погода стояла отличная, кончалась весна, но зелень еще не потеряла свежести. На шумном рынке торговали рыбой и сладким вином. Там же продавали рабов — пленных греков, которых взяли в бою. Их выкупали родственники и агенты императора Исаака.

11 мая, утром, когда над морем еще плыл голубой туман, из него, как крылья бабочек, поднялись косые паруса венецианских кораблей. Корабли шли с юга.

Ричард поспешил в порт. Он давно не имел вестей из Святой земли.

Когда корабли стали на якорь, от самого большого, на мачте которого развевался длинный вымпел с гербом Иерусалимского королевства, отвалила лодка. Вскоре на берег сошел невысокий стройный человек средних лет с приятным, но незначительным лицом.

Это был Гвидо Лузиньян, вознесенный счастливым стечением обстоятельств на трон, теперь неудачник, лишившийся короны и ищущий союзников.

Когда Гвидо узнал, что английский флот приближается к Палестине, он немедленно отплыл ему навстречу. Он понимал, что Филипп и немецкие князья хотят его изгнать и избрать королем Конрада Монферратского. Но раз Конрада поддерживает Филипп, рассудил Лузиньян, значит, у него есть шансы получить помощь от Ричарда.

Ричард тепло принял иерусалимского короля, обрадованный тем, что тот своим присутствием украсит свадьбу.

Сразу после свадьбы состоялся рыцарский турнир, на

котором Ричарду удалось всех победить. Это еще более улучшило его настроение. Поражений он не выносил. Одной из причин его ненависти к Танкреду и мессинцам было то, что один из сицилийских рыцарей не дал свалить себя с коня и даже заставил Ричарда признать поражение.

Затем приехал просить мира Исаак Комнин. Два дня тянулись переговоры. Исаак соглашался не только оплатить Ричарду расходы на войну, но и дать ему отряд вспомогательных войск. Но неожиданно Исаак глубокой ночью бежал в Фамагусту. Хронисты глухо говорят, что он опасался покушения. Наверное, у него были основания не доверять Ричарду и Гвидо.

Ричард изобразил страшный гнев, обвинил Исаака в нарушении клятвы и погнался за ним. Гвидо Лузиньян не отставал от нового друга ни на шаг.

Последующие события дают основания утверждать, что к тому времени судьба Исаака была решена: Ричард и Гвидо договорились оставить Кипр за собой. Они разбили отряды Исаака, тот бежал в замок святого Андрея, на северо-востоке острова, на длинном и узком, как игла, полуострове.

Но тут Ричард заболел дизентерией. Пока он отлеживался в Никозии, его армию возглавил Гвидо Лузиньян. Он захватил последние крепости Исаака, и 31 мая тот был вынужден сдаться.

Пленного императора привезли в Никозию, где его принял Ричард. Император пожаловался, что ему тяжело таскать железные цепи, в которые его заковал Лузиньян. Ричард, склонный к красивым жестам, приказал тут же выковать серебряные цепи, достойные императора, а затем передал пленника Лузиньяну. Гвидо отвез Исаака в Палестину, и остаток жизни тот провел в одном из рыцарских замков.

Во всех городах и крепостях острова Ричард разместил гарнизоны, раздал часть земель в лен тем из своих рыцарей, которые изъявили желание поселиться на благодатном острове, и 5 июля отплыл в Сирию. Через три дня английский флот подошел к Акке. Ричарда встречал на берегу король Филипп. Он первым поздравил Беренгарию со счастливым браком. Об Алисе не было сказано ни слова.^[28]

В перенаселенном лагере под Аккой собрались три короля, австрийский герцог и немалое число князей, графов и баронов, включая таких крупных феодалов, как Генрих Шампанский. Каждый преследовал свои цели, и освобождение Иерусалима постепенно отступало на второй план.

Все руководители похода в той или иной мере участвовали в драке за иерусалимский трон. Как и следовало ожидать,

Леопольд Австрийский и Филипп поддерживали Конрада Монферратского, Ричард — Гвидо Лузиньяна.

Первая ссора между Ричардом и Филиппом произошла буквально через несколько дней после прибытия английского короля. Филипп потребовал, чтобы во исполнение договора Ричард отдал ему половину Кипра и половину добычи, там захваченной. Ричард отвечал, что согласен на это, но раз уж делить все, то он желал бы получить половину земель только что умершего в лагере графа Фландрского. Разумеется, спор зашел в тупик.

К тому же Ричард восстановил против себя прижимистого Филиппа тем, что, когда французский король решил платить по тридцать золотых тем рыцарям, которые согласились перейти к нему на службу («бесхозных» рыцарей, сюзерены которых умерли или уехали, в лагере скопилось немало), англичанин объявил, что он заплатит им по сорок золотых.

Для рядовых крестоносцев Ричард стал, без сомнения, вождем похода. Он был славным рыцарем, известным всей Европе, он был великолепен, когда появлялся перед строем на белом коне, — золотые кудри развеваются под горячим ветром. Он всюду успевал, всех подбадривал, для каждого находил доброе слово, но был беспощаден к трусам и мародерам. Ричард был полон презрения к руководителям похода, которые умудрились просидеть под Аккой два года и ничего не добиться. И среди десятков тысяч солдат и рыцарей распространилась уверенность, что с приездом Ричарда все изменится, что конец мучениям близок и путь на Иерусалим будет наконец открыт.

Когда же через несколько дней после прибытия Ричард вновь свалился от дизентерии, слухи, один тревожнее другого, потекли по лагерю. Как по мановению руки все приготовления к штурму прекратились. Словно рок довлел над походом. Как только у крестоносцев появлялся настоящий вождь, его тут же уносила смерть. Погиб Фридрих, умер герцог Швабский, и вот теперь умирает Ричард Львиное Сердце.

Искренне надеясь, что судьба скоро избавит их от Ричарда, Филипп и Конрад Монферратский вели себя так, словно он уже в могиле.

И вдруг через две недели из палатки вышел король Ричард, похудевший, осунувшийся, но здоровый. Когда он ехал по лагерю, воздух дрожал от приветственных криков. Из-за пологов шатров выглядывали кислые лица командиров крестоносного войска.

Вскоре, восстановив осадные башни и сделав несколько подкопов, крестоносцы снова пошли на штурм Акки. На этот раз положение изменилось в их пользу. И не только потому, что

Ричард умел выигрывать битвы. Армия Салах ад-Дина была ослаблена и по сравнению с крестоносцами, в число которых влилось несколько тысяч новых бойцов, менее многочисленна. Гарнизон крепости был готов к сдаче, и лишь страх перед гибелью в плену удерживал людей.

Штурм продолжался непрерывно несколько дней. Ричард Львиное Сердце с утра до вечера находился в передних рядах. Он был словно заколдован: ни одна стрела не могла его поразить. Салах ад-Дин предпринимал отчаянные усилия, чтобы удержать Акку. Почти каждый день его отряды нападали на лагерь крестоносцев, но прорваться к крепости так и не смогли.

Осажденным удалось сжечь все осадные башни, подкопы же оказались эффективны, да и тараны крушили одряхлевшие за два года штурмов стены. В крепости, уже несколько недель отрезанной от моря и армии Салах ад-Дина, начался голод.

Наконец комендант крепости вышел к крестоносцам и предложил сдать Акку на тех же условиях, на которых она сдалась мусульманам четыре года назад: ее защитники получают свободный выход.

Король Филипп, который председательствовал на этих переговорах, от имени крестоносцев заявил, что такие мягкие условия его не устраивают. Он пригрозил беспощадным истреблением гарнизона, если крестоносцам не будет возвращен Иерусалим и все пленные христиане не будут выпущены на свободу.

Переговоры были прерваны, и штурм возобновился. Уже пали основные башни города, и бой шел в проломах стен. Ричард по-прежнему сражался впереди. Это был его город. Он спешил захватить Акку до того, как французский король договорится с комендантом. Тогда он, Ричард, будет решать, что делать с городом.

Но Филипп понял, что, ставя слишком жесткие условия, он отдает город в руки Ричарда. И пока на стенах шел бой, Филипп заключил с комендантом договор, по которому мусульмане возвращают Святой крест, тысячу шестьсот пленных рыцарей и платят двести тысяч золотых контрибуции в обмен на свободный выход гарнизона из крепости.

Этот договор застал врасплох и Ричарда и Салах ад-Дина. Но Салах ад-Дин согласился с договором, выполнить условия которого ему было нелегко, особенно в отношении контрибуции и креста, уничтоженного, по-видимому, в Тивериадской битве.

Ричард же пришел в ярость. Он был так взбешен, что, увидев на стене знамя Леопольда Австрийского, кинулся туда, сорвал его и сбросил в грязь. Это оскорбление, незаслуженно нанесенное

австрийскому знамени на виду у всей армии, ему дорого обойдется.

День 11 июля 1191 года завершился пьяными песнями, грабежом города и ссорами королей, которые никак не могли поделить добычу.

Теперь следовало идти на Иерусалим.

Но сначала надо было решить спор между Конрадом и королем Гвидо. После отчаянной грызни было достигнуто соглашение: Гвидо до конца жизни останется королем Иерусалима, Конрад ему наследует. А пока Конраду отходят Тир, Бейрут и Сидон, тогда как Яффу получает брат Гвидо. Никому не нужный и никого не удовлетворивший раздел отражал неустойчивый баланс сил среди крестоносцев. Кстати, большинство этих городов находилось в руках Салах ад-Дина.

Ричард был героем войска. Это никак не устраивало французского короля. Он понимал, что Ричард, боготворимый воинами и купающийся в лучах славы, будет все более оттирать его от руководства походом. Дальнейшее пребывание Филиппа в лагере крестоносцев было чревато лишь унижениями. Изменить положение он был бессилен — на поле боя он не мог, да и не хотел тягаться с Ричардом. Он был королем, а не солдатом. Значит, отыграться он мог только в Европе. Пока Ричард занят в Палестине.

И через месяц после взятия Акки Филипп занемог.

Он не выходил из шатра, а его приближенные распространяли слухи, что король получает с родины письма, которые зовут его вернуться, но, верный христианскому долгу, Филипп предпочитает умереть в Палестине. Тем временем втайне от Ричарда Филипп вел приготовления к отплытию. Говорят, что Ричард узнал о его отъезде в Европу, когда король уже взшел на корабль. Филипп взял с собой большую и лучшую часть армии, оставив в Палестине лишь десять тысяч человек. Командовавший ими герцог Бургундский саботировал все решения английского короля и сочинял о нем насмешливые стихи. Правда, Ричард, который был не лишен поэтического дара, отвечал тем же.

Отъезд Филиппа встревожил Ричарда, потому что он понимал: соперник нападет на французские владения Англии. Джону Ричард не доверял, мать была стара. Но великая миссия освободителя Иерусалима все еще вела его к новым подвигам. На это король Филипп и рассчитывал.

Правда, Ричард стал торопиться, нервничать: если в первое время он изображал из себя истинного рыцаря, то в раздраженном состоянии совершил поступок не только отвратительный, но и чреватый бедой для крестоносного дела.

Когда миновал срок выплаты контрибуции и возвращения пленных, а Салах ад-Дин все тянул время, Ричард созвал тайный совет и, слолив сопротивление баронов, провел решение — казнить всех пленнх, захваченных в Акке. Их было около трех тысяч.

Наутро в долину перед воротами Акки вывели толпу связанных пленников. Их окружили солдаты, и началось побоище. Приказано было обезглавить всех мусульман, но задача оказалась палачам не по плечу — в массе человеческих тел мечи застревали, и пленники валили на землю палачей. Тогда солдаты отошли назад и, опустив копья, бросились на толпу. Полдня продолжалось избиение, прежде чем был убит последний пленник. Громадная гора трупов осталась на пропитанной кровью земле.

Известие об этом злодеянии разнеслось по всем странам Востока.

Салах ад-Дин доказывал другим мусульманским государям, что крестоносцы — беспощадные звери, не знающие чести. Избиение пленнх это доказало. Оно испугало тех эмиров, которые за два года уверились в том, что крестоносцы не опасны. По призыву багдадского халифа государи мусульманского мира начали присылать Салах ад-Дину подкрепления и деньги.

Вторым следствием избиения была гибель большинства христианских пленников, захваченных мусульманами. Произошли погромы среди христиан в мусульманских городах и деревнях.

Узнав о казни пленнх, Филипп, который уже добрался до Италии, облегченно вздохнул. Его соперник делал все, чтобы проиграть войну. Филипп договорился с сыном Барбароссы, германским императором Генрихом, который покорял свои итальянские владения, о союзе против Ричарда.

Как утверждает хронист, «французский король добился от римского императора^[29] обещания, что он возьмет в плен английского короля, если тот будет возвращаться из Палестины через подвластные императору земли».

Крестовый поход был еще в самом разгаре, но предусмотрительные политики принимали меры к тому, чтобы извлечь выгоду из его неизбежного провала.

Из Италии Филипп поспешил во Францию. Его гонцы мчались в Англию с письмами к принцу Джону. Король французский торопил Джона захватить престол.

В разгар лета 1191 года армия крестоносцев наконец двинулась в поход на Иерусалим. Путь к нему лежал по берегу моря, через горные перевалы. До Яффы, откуда можно было

повернуть в глубь страны, к Иерусалиму, было около двухсот километров.

Днем люди страдали от жары и нехватки воды, ночью мерзли. То и дело налетали отряды сарацин, убивая отставших и грабя обозы.

Измученная армия перевалила через холмы и вышла в долину у городка Арсуф. Здесь Салах ад-Дин дал Ричарду битву. Об этой битве много и подробно пишут летописцы. Армия Салах ад-Дина превосходила крестоносную числом, зато у Ричарда было превосходство в тяжелой коннице. Сам он несколько часов не сходил с коня, рубясь в самых горячих точках, и, даже когда французы побежали, сумел удержать фронт. Салах ад-Дину пришлось отступить. Однако победа Ричарда, в сущности, ничего не решала. Салах ад-Дин сохранил армию, крестоносцы же понесли немалый урон. Подкрепления к ним перестали подходить — для Европы крестовый поход завершился, и тратить средства для вящей славы Ричарда никто не хотел.

Салах ад-Дин, понимая, что Яффа, к которой стремились теперь крестоносцы, вряд ли выдержит длительный штурм, перешел к тактике выжженной земли: стены Яффы были снесены, все, чем можно было поживиться, унесено из города. Никакой добычи крестоносцам не досталось. Они начали восстанавливать стены города, чтобы сделать его базой для похода на Иерусалим. На это ушло еще несколько недель.

Наступила зима, связь по морю стала ненадежной. Армия устала, и, когда Ричард все же повернул войско к Иерусалиму, все князья взбунтовались. Они считали, что идти в глубь вражеской территории с усталой армией, которую некому снабжать, безумие.

В решении баронов был смысл. Войско могло погибнуть. Но главной целью местных владетелей было восстановить свою власть на побережье, вернуть порты. Иерусалим можно было взять, но куда труднее сохранить. Не сегодня завтра Ричард и последние европейские крестоносцы уплывут. Останется опустошенная войной земля. Сильно поредевшая армия сможет удерживать прибрежные города, но не земли вдали от моря.

Как ни сопротивлялся Ричард общему решению князей, его заставили идти дальше по берегу, к Аскалону. Аскалон также был разрушен Салах ад-Дином. Всю весну восстанавливали его стены. Здесь произошла последняя ссора с Леопольдом Австрийским, который отказался участвовать в строительных работах. Некоторые хронисты утверждают, что Ричард ударил герцога. После этого Леопольд со своим отрядом отплыл в Европу, кипя желанием отомстить Ричарду.

Но Ричард не сдался. Когда наступило лето 1192 года, он все же уговорил баронов сделать еще одну попытку овладеть Иерусалимом. На этот раз армия дошла до Вифлеема. Но здесь удар Ричарду нанес герцог Бургундский, который командовал французским отрядом. Он отказался идти дальше и повернул обратно. Даже Ричарду было понятно, что взять Иерусалим с одним английским отрядом он не сумеет. И он в печали повернул назад. Рассказывают, что его догнал один молодой рыцарь и сказал, что, если взобраться на недалекую гору, можно увидеть Иерусалим. Ричард грустно ответил:

— Недостойные отвоевать святой город недостойны смотреть на него.

Дело жизни Ричарда рухнуло. В общей сложности он потратил на крестовый поход около трех лет и не извлек никаких политических выгод. Правда, завоевал репутацию самого отважного рыцаря в мире. В этом не сомневались ни крестоносцы, ни мусульмане. Даже Салах ад-Дин, который назвал как-то Ричарда «великим мальчиком», испытывал к нему уважение. После гибели в бою любимого коня Ричарда Салах ад-Дин прислал ему своего скакуна.

Раз уж эпопея подходила к концу, ее участники старались забыть об Иерусалиме и уладить собственные дела. Конрад Монферратский вступил в тайные переговоры с Салах ад-Дином. В обмен на прибрежные города он отказался от притязаний на Иерусалим.

В Яффе произошла кровавая резня между генуэзцами и пизанцами — конкуренты делили сферы влияния.

Сам Ричард начал переговоры с братом Салах ад-Дина, предложив ему в жены свою сестру Иоанну при условии, что Салах ад-Дин передаст им во владение Иерусалим — и тот станет своего рода мусульмано-христианским городом. Но этот план был встречен в штыки как христианскими епископами, так и мусульманами.

Наконец, когда уже все военные средства были исчерпаны, Ричард понял, что, оставаясь в Святой земле, он лишь рискует потерять трон. Он отправил посольство к Салах ад-Дину, которое подписало перемирие. По договору за крестоносцами сохранялась прибрежная полоса от Тира до Яффы. Иерусалим оставался у мусульман. В течение трех лет, на которые было заключено перемирие, паломники могли посещать Иерусалим.

Во время переговоров сподвижник Ричарда Губерт Уолстер беседовал с Салах ад-Дином о Ричарде. Султан сказал англичанину, что Ричард мог бы стать великим королем, если бы не бросался очертя голову вперед, вместо того чтобы обдумывать

свои поступки.

Последним делом Ричарда на Ближнем Востоке был вопрос о иерусалимской короне. Иерусалима не было, но должен был остаться верховный правитель над городами побережья. Старое соглашение о том, что Гвидо сохранит корону до конца жизни, уже никого не удовлетворяло.

При обсуждении этого вопроса Ричард вел себя странно. Когда все члены совета высказались за кандидатуру Конрада Монферратского, он вдруг переменял свою позицию, согласился с баронами и сам отправил посла в Тир к Конраду, чтобы сообщить об избрании его королем.

Вернее всего, Ричард понимал, что с его отъездом Гвидо престол не удержит.

Гвидо уплыл на Кипр, который Ричард еще раньше продал тамплиерам. Но тамплиеры вели себя так неразумно и жестоко, что киприоты восстали. Чтобы как-то примирить врагов, Гвидо по настоянию Ричарда признали королем острова.

Через несколько дней после решения совета баронов, 28 апреля 1192 года, когда новый король Иерусалимский Конрад ехал по улице Тира, два бедно одетых человека бросились к нему с обнаженными кинжалами. Убийцы были исмаилитами.

Очевидно, Конрад был убит за то, что незадолго перед этим захватил принадлежавший исмаилитам корабль и перебил его команду.

Но молва испортила Ричарду последние месяцы жизни в Святой земле. Подозревали, что за убийством короля стоял он сам. В Европе эти слухи распространял Филипп. Он даже окружил себя стеной стражи, потому что, по его словам, Ричард уже послал ассасинов в Париж, чтобы покончить с ним. Это был пропагандистский ход, направленный на то, чтобы дискредитировать английского короля. Желавшие верить в это верили.

В последние месяцы перед отъездом Ричард готовился к новому, так и не состоявшемуся походу на Иерусалим, отвоевывал Яффу, которую снова захватили сарацины, совершил массу рыцарских подвигов, и оставшиеся крестоносцы провожали его со слезами и стенаниями. Многие входили в воду, простирая руки вслед его кораблю. Ричард стоял на корме, подняв руки. Он тоже плакал.

Третий крестовый поход завершился неудачей, и, хотя христиане сохранили некоторые позиции в Палестине, их владычество в тех краях клонилось к закату.

Результатом этой неудачи было и обострение ситуации в

Европе — к противоречиям политическим прибавилась еще и личная вражда государей, перегрызшихся за время похода. И особую ненависть вызывал Ричард Львиное Сердце. Все без исключения соратники Ричарда по походу молили бога о его скорой гибели и вынашивали планы мести. Ричард, разумеется, знал об этом, но, как говорил Салах ад-Дин, у него был недостаток: он бросался в дело, не обдумав последствий. Так и случилось, когда он последним из королей покинул берега Палестины.

Возвращение через Францию было исключено: там его поджидал Филипп. Ричард решил ехать через Германию, полагая, что сможет обмануть германских властителей или воспользоваться междоусобицами.

В Палестине он расстался с женой, которая в сопровождении Иоанны отправилась в Италию, чтобы оттуда проехать во французские владения Плантагенетов. Ричард считал, что женщинам ничего не грозит.

Сам же он доплыл до берегов Истрии и, переодевшись пилигримом, в сопровождении одного лишь слуги отправился на родину через владения Леопольда Австрийского, который стал его злейшим врагом. План был безрассудным, так как принять громадного золотоволосого рыцаря за пилигрима можно было, лишь ослепнув.

Тем не менее Ричард добрался до Вены, миновал ее пригороды... и исчез.

Прошло несколько месяцев. Никаких слухов о том, где он, не доносилось до Англии. Принц Джон связался с французским королем и предложил ему любые деньги за то, чтобы его брата, если он попал в руки кого-то из немецких магнатов, прикончили. Филипп с радостью помог бы в этом деле, но судьба Ричарда оставалась тайной и для него.

Тем временем Беренгария и Иоанна добрались до Рима. Молодые женщины после долгих месяцев лишений очутились в городе, полном соблазнов. Неудивительно, что они задержались там, делая покупки. С утра к их дому съезжались торговцы тканями и украшениями, портные и ювелиры ждали в прихожей.

Молодые королевы побывали и на базарах Рима. И вот в одной лавке среди платьев, плащей и прочих вещей Беренгария увидела широкую синюю бархатную перевязь для меча, на которой золотом были вышиты инициалы Ричарда. Эту перевязь она тысячу раз видела на своем муже, он никогда с ней не расставался. Торговец ничего не мог рассказать испуганной королеве, и женщины решили, что корабль, на котором плыл Ричард, утонул, а перевязь снята с тела, выброшенного на берег. В

горе сестра и жена Ричарда покинули Рим и отправились дальше на запад.

... А Ричард в это время томился в тюремной башне.

Его схватили неподалеку от Вены. Несколько дней король сидел в венской тюрьме, а затем Леопольд Австрийский приказал отправить его в один из дальних замков и содержать так, чтобы никто на свете не знал, где находится Ричард.

Но, несмотря на все предосторожности, слух о том, что герой крестового похода заточен в темницу, распространился по всей Европе.

Императору Генриху, хотя и с опозданием, о пленении Ричарда доложил сам Леопольд. Тот через некоторое время поставил в известность Филиппа. Филипп — Джона. Наконец, узнала об этом и Элеонора Аквитанская. Она начала действовать.

Элеонора засыпала всю Европу посланиями, требуя, чтобы сына отпустили. Она посылала письма и папе римскому, подписывая их своеобразно: не «Божьей милостью королева Англии», а «Божьей яростью королева». Буря кипела в Англии. Ричард был героем, Ричард был предательски схвачен.

Государственный совет заседал круглые сутки, англичане готовы были объявить Священной Римской империи войну. Даже Джон оробел и делал вид, что не менее прочих страдает за брата, в то же время тайно требуя от Филиппа, чтобы Ричарда скорее зарезали.

Но Леопольд не решался убить Ричарда, коли вина за это падет на него, надо было найти формальное оправдание убийству. Он передал Ричарда германскому императору, чтобы тот провел над ним суд. Узнав об этом, но не будучи в отличие от Леопольда уверен в исходе суда, Филипп предложил императору громадную сумму за пленника, поклявшись, что, если Ричард попадет к нему, он уже никогда не увидит солнца. Император колебался. Он все еще официально не признавал, что Ричард его пленник, и не спешил назначить судей. Интересы германского императора и Филиппа далеко не во всем совпадали.

Филипп предложил Джону немедленно захватить престол, обещая за это свою дружбу и руку несчастной Алисы. Несмотря на то что Джон был уже женат на дочери графа Глостера, государственные мужи решили, что это не препятствие. Так как переписка между заговорщиками шла через тайных агентов, что было не очень удобно, Филипп предложил Джону приехать в Париж, рассчитывая, что там он убедит нерешительного принца. Но как только Джон собрался во Францию, утверждая, что хочет осмотреть свои владения, Элеонора, подозревавшая младшего сына в предательстве, собрала государственный совет, который

постановил, чтобы Джон оставался дома. К тому же она закатила будущему королю грандиозный скандал, и тот, боявшийся мать больше всех королей Земли, во Францию не поехал.

Филипп собрал армию и бросил ее на завоевание Нормандии. Замок за замком, город за городом сдавались ему. Если бы с таким же упорством он сражался в Палестине, он не только бы взял Иерусалим, но дошел бы до Багдада.

Когда весть о том, что Филипп в согласии с Джоном завоевывает Нормандию, донеслась до Ричарда, он сказал своему тюремщику: «Мой братец Джон не создан для того, чтобы покорять королевства».

К тому времени в Англию возвратились ветераны крестового похода, верные сторонники Ричарда. Элеонора тут же послала их в Нормандию. Поэтому после первых успехов французов война в Нормандии приняла затяжной характер. В конце концов сопротивление нормандцев и английских крестоносцев заставило Филиппа отступить. Эта неудача срывала планы Джона, многие тайные союзники которого в Англии серьезно задумались, разумно ли они избрали себе сюзерена.

По мере того как шло время, становилось все труднее скрывать пребывание Ричарда в темнице. Существует история о том, что Ричарда отыскал известный трубадур Блондель де Нель. Он шел по Германии от замка к замку, повсюду распевая романс, который когда-то они по строфе сочинили вместе с Ричардом. Трубадур пел свою строфу и ждал, не откликнется ли Ричард своей. Наконец в горах Богемии он набрел на затерянный в лесу замок, из башни которого в ответ на песню раздался знакомый голос английского короля. Вероятнее всего, это легенда, но досконально известно, что Ричарду удалось переправить в Англию поэму собственного сочинения, в которой он оплакивал свою судьбу и рефрен которой звучал так: «Уж две зимы в оковах я». Эти строки повторяли все англичане.

Наконец германский император открыто признал, что два года держит Ричарда в заточении, и созвал верховный совет империи, на который был приведен бледный, исхудавший, но не сломленный король. Ему зачитали длинный список его преступлений, составленный лучшими законниками Германии. Ричарда обвиняли в союзе с ассасинами и убийстве Конрада Монферратского, в соглашении с Салах ад-Дином, то есть в измене христианству, в трусости и так далее. Все неудачи крестоносцев были свалены на узника.

Германский император потребовал казни английского короля. Когда дали слово Ричарду, он, к удивлению присутствующих, не стал каяться и просить снисхождения. Он

произнес страстную речь, обвинив германских баронов и короля Франции в трусости, неспособности воевать, бегстве с поля боя.

Это был единственно правильный ход. Ричард понимал, что в зале собрались не только сторонники императора, но и его соперники. Электоры империи, крупнейшие ее феодалы, зачастую восставали против императора. Речь Ричарда дала им возможность не только проявить самостоятельность, но и выглядеть благородно перед христианским миром, сочувствие которого, без сомнения, было на стороне несчастного героя, предательски захваченного в плен.

Подавляющее большинство электоров империи проголосовали за оправдание Ричарда. Это был тяжелый удар не только для императора, но и для французского короля. Отныне и речи не могло быть о казни Ричарда.

Генрих, будучи разумным политиком, выразил готовность пойти на компромисс и тут же сообщил в Англию, что отпустит Ричарда за сто пятьдесят тысяч серебряных марок — невиданный выкуп.

Филипп Французский предложил императору удвоить сумму, если тот передаст Ричарда ему. Он-то устроит такой суд, который не посмеет оправдать Ричарда. Генрих не мог себе позволить пойти на это. Он был императором, а не торговцем. Тогда Филипп предложил платить двадцать тысяч марок за каждый лишний месяц заточения Ричарда. Но и на это последовал отказ.

В Англии были введены дополнительные налоги — за возвращение короля заплатил народ. Впервые в истории страны был установлен налог на землю, даже монастырям и соборам пришлось раскошелиться.

Когда деньги были собраны, Элеонора, которая никому не доверяла, сама отправилась с ними на континент. Она передала императору выкуп, но из разговора с ним поняла, что тот находится в сомнении: ему хотелось оставить себе выкуп, но не освобождать Ричарда. Поэтому королева подготовила лошадей, и, когда Ричард вышел на свободу, оба они вскочили в седла и поскакали к Антверпену. Кстати, Элеоноре было тогда семьдесят три года. С дороги она послала вперед гонца, чтобы корабль ждал их в порту с поднятыми парусами.

Элеонора снова была права. Как только они уехали, император получил еще более выгодное предложение от Филиппа и приказал догнать и вернуть пленника. Однако, когда погоня достигла Антверпена, всадники увидели лишь парус на горизонте.

В Англии сидел Джон, которому было обещано, что Ричарда поймут в пути и убьют. Он ждал сигнала выступить.

Вместо этого к нему в ворота постучался гонец с короткой запиской от французского короля:

«Осторожно. Дьявол на свободе».

Версию дальнейших событий тех дней каждый из нас помнит с детства. О ней рассказал Вальтер Скотт в романе «Айвенго».

Львиное Сердце еще семь лет правил королевством, но в самой Англии почти не бывал. Всю свою энергию он потратил на бесконечную и безнадежную войну с Филиппом. Он штурмовал замки, сражался, наступал, терпел поражения. Расплачивался за все народ Англии, потому что чиновники Ричарда знали лишь одно — выкачивать как можно больше денег: король воюет. Страна обнищала, и в Лондоне зрело восстание во главе с Уильямом Длиннобородым. Его сторонники были разбиты на боевые группы и вооружены. Но, по несчастливой случайности, агентам канцлера удалось выследить Длиннобородого с его помощником. Когда те укрылись в церкви, королевские слуги сожгли их там живьем. А так как в город были уже стянуты войска и никто не имел права под угрозой смерти выйти на улицу, восстание было подавлено в зародыше. Впрочем, это не решило проблем, а лишь загнало их внутрь.

А Ричард погиб глупо. Он всегда умудрялся совершать необдуманные поступки — прав был мудрый султан Салах ад-Дин.

Ричард мучился от безденежья: доходов на бесконечную войну не хватало. Летом 1199 года он прослышал, что в одном из замков в Лимузене найден огромный клад. Ричард тут же потребовал, чтобы владелец замка передал ему как сюзерену половину клада. Тот ответил чистую правду: слухи о сокровище сильно преувеличены, найдено всего несколько старых монет.

Ричард не поверил и во главе отряда наемников кинулся к замку, чтобы расправиться с его обитателями. Он в страшном гневе поклялся, что повесит всех жителей замка, включая женщин и детей. Разумеется, обитатели замка решили защищаться до последней капли крови. И одному из лучников повезло: стрела, пущенная им, пробила кольчугу и засела в плече Ричарда.

Хирург, который вынимал стрелу, ничего не знал о сепсисе и микробах. Вскоре рана загноилась, и началась гангрена. Беренгария застала короля живым. Перед смертью он простил лучника, ранившего его. Правда, командир отряда наемников, после того как замок пал, приказал сжечь лучника живьем. Так что даже последняя воля короля не была выполнена.

Ричард Львиное Сердце сражался всю жизнь и ничего не добился. У него были многие качества великого человека, но куда

больше недостатков и слабостей. Он был рыцарем и лишь затем королем. Он остался в истории Англии героем, хотя в действительности настолько подорвал ее экономику и нарушил систему социальных отношений, что его преемнику Джону пришлось пожинать плоды этих героических деяний.

Слабый и коварный, ничтожный и сластолюбивый, Джон вечно соревновался со старшим братом и вечно терпел поражения. В конце концов он умер — то ли от обжорства, то ли отравленный монахами — в тот самый день, когда, убегая от собственных баронов, утопил в реке все сокровища страны, которые таскал с собой в обозе, не доверяя никому.

Мать его к тому времени уже умерла. Элеонора скончалась в 1204 году в возрасте восьмидесяти двух лет, до последних дней сохранив острый ум и энергию. В восемьдесят лет она в течение нескольких дней руководила обороной небольшого замка против французской армии. Умерла она, утверждают хронисты, от глубокой тоски, видя, во что превращается Англия и как ничтожен ее младший сын.

Жена Ричарда Беренгария, горячо любившая своего легкомысленного супруга, после его смерти ушла в монастырь и дожила до 1230 года.

Заключение

Несколько слов о том, чего в книге нет.

Я подбирал материалы к ней несколько лет, до тех пор, пока не возникла опасность утонуть в бесчисленных фактах и легендах и никогда не начать собственную работу.

Уже приступая к ней, я был вынужден отказаться от многого ради более подробного рассказа о некоторых государствах, событиях, людях, книгах... Если бы я говорил обо всем, то книга либо стала бы сухим перечнем фактов, либо разрослась бы вдесятеро.

Поэтому я намерен лишь упомянуть о темах, не вошедших в книгу. Если читателю интересно, он может обратиться к специальным трудам и дополнить картину 1185 года.

Я не написал об обыденной жизни XII века, о цеховой организации городов, банковских операциях, правах, положении крестьян и горожан, религиозных течениях, литературе, искусстве и архитектуре, об экономических отношениях, военном искусстве, манере одеваться, пище и т. д.

Небезынтересно было бы рассказать и о мировых религиях того времени: о буддизме, конфуцианстве и даосизме, а также поведать о ересях Лангедока и о кровавых войнах французских баронов с лангедокскими городами, о борьбе язычества и христианства на Руси и в Прибалтике.

Если о Китае говорится скупое, то для Индии вообще в книге не нашлось места. Разделенная на царства и княжества, Индия стала жертвой мусульманского вторжения. После ряда кровавых войн войска царей Северной Индии в 1192 году были разбиты, и к рубежу XIII века возник Делийский султанат. Государства Южной Индии сохранили независимость, однако источников по истории этих мест почти не сохранилось. Выше уже говорилось, что Индия в отличие от Китая не имела традиции летописания и о некоторых государствах мы знаем лишь по архитектурным памятникам.

В книге не рассказано о государствах Средней Азии. Крупнейшее из них, Хорезм, лишь упомянуто. Деятельность самого известного из хорезмшахов, Джалал ад-Дина, падает уже на начало следующего века.

Нет в книге Киликийской Армении...

Мне приходилось выбирать. В Грузии в те годы творил Руставели, в Азербайджане — Низами. Им и было отдано предпочтение. Из русских княжеств избраны два, и жизнь Новгорода, столь великолепно воссозданная археологами, почти

не освещена. Говорится о Польше, но нет Болгарии и Венгрии, обойдена Чехия. Есть Англия, но о Франции рассказано лишь отраженно, а Испания из повествования выпала совсем. Не упомянуты Скандинавские страны, где завершилась эпоха викингов и создавались феодальные королевства. Все эти и подобные неизбежные упущения осознанны. При прочих равных условиях я старался вести речь о людях, которые либо известны многим, либо имели удивительную судьбу.

Меня можно упрекнуть в том, что, говоря о взлете мировой литературы в XII веке, я рассказал только о восьми шедеврах: «Повести о доме Тайра», «Слове о полку Игореве», «Витязе в тигровой шкуре» и «Пятерице» Низами, упомянув монгольское «Сокровенное сказание» и японские повести. Но если обратиться лишь к знаменитым рукописям той эпохи, пришлось бы посвятить книгу только им. Задумайтесь: в Норвегии тогда создаются великие саги, громадный исторический труд «Земной круг». Саги пишутся и в Исландии. К этому периоду относится сложение «Песни о Нибелунгах», при дворе Элеоноры Аквитанской создается «Тристан и Изольда», южнее, в Испании, рождается величайшее произведение испанской средневековой литературы — «Повесть о Сиде». А арабская и персидская лирическая поэзия? А литература Китая, в которой соседствовали романы, краткие новеллы, изысканные поэтические миниатюры и строгие, подробные летописи? А французские рыцарские романы? А замечательные драматичные византийские хроники и плутовские романы?

Разумеется, неплохо было бы обо всем этом написать. Но тогда получилась бы совсем другая книга. Она не написана. О ней можно только мечтать.

Вместо того чтобы заглянуть, хотя бы мельком, во все окна незнакомого далекого города, я предпочел остановиться вместе с читателем у некоторых из них и не спеша взглянуться в протекавшую там восемьсот лет назад жизнь. Мне очень хочется верить, что это даст моим современникам некоторое представление о людях средневековья и их делах.

Примечания

Дата, избранная мною, условна. Рассказать о том, что было в 1185 году, умолчав о предшествовавших и последующих годах, неразумно. Ведь книга эта о людях, живших во второй половине XII века. Так что, попав в очередную речную долину, мы совершим путешествие по реке истории длиной в несколько лет, прежде чем перейдем в следующую долину.

Хэйан — официальное название столицы Японии города Киото, означает «мир», «покой».

Здесь и ниже — перевод В. Марковой

Перевод А. Долина.

В двадцатых годах нашего века группа археологов добралась до развалин Аламута. От крепости мало что сохранилось — остатки ворот, квадратная башня и часть комнаты, примыкавшей к крепостной стене. Стены комнаты были такими же толстыми, как крепостная стена. Внутри вела лишь небольшая дверь. В крепостной стене была прорублена вторая дверь, и за дверью была небольшая терраса, уступ, повисший на двухсотметровой высоте. Вождь мог выйти на уступ; оттуда на много километров открывался вид на долину, над которой господствовал Аламут.

Некоторые грузинские историки полагают, что поход Димитрия состоялся до землетрясения.

Здесь и далее подстрочные переводы принадлежат
Е. Бертельсу.

Перевод М. Шагинян.

Цитаты из «Хосрова и Ширин» даны в переводе К. Липскерова.

Цитируя Низами, я использую и поэтические переводы, и подстрочники. Это объясняется двумя причинами. Иногда хочется как можно точнее передать мысль и образы Низами — тут помогают прозаические переводы Е. Бертельса. Поэмы Низами обычно издаются в сокращении. Пропуская некоторые главы, переводчики руководствовались соображениями поэтическими. Поэтому менее всего повезло отступлениям. И тут приходится обращаться к тем отрывкам, которые перевел Бертельс, или к цитатам, которые приведены в других исследованиях. Когда же цитируются поэтические переводы, то, за исключением специально оговоренных случаев, они принадлежат следующим переводчикам: «Сокровищница тайн» — К. Липскерову и С. Шервинскому, «Хосров и Ширин» — К. Липскерову, «Лейли и Меджнун» — П. Антокольскому, «Семь красавиц» — В. Державину, «Искандер-наме» — К. Липскерову.

О молодости будущего основателя династии Айюбидов известно мало. Молодость ему, как и положено, летописцы придумали потом, когда Юсуф уже стал знаменитым Салах ад-Дином. Поэтому существуют взаимоисключающие версии. Первая — что юные годы Юсуф провел в Багдаде, обучаясь наукам, вторая — что молодость Юсуфа была погублена в пьяных кутежах.

Роль предсказателей в те времена была важнее, чем нынче. Не потому, что они были умнее, а потому, что пользовались официальным статусом, правда, порой рисковали жизнью. И если предсказатель Мануила выбрал самый разумный путь, успокоив императора и обеспечив себе безбедную старость, то через несколько лет на другом конце Европы куда более наивный предсказатель предрек английскому королю Иоанну (Джону), что тот умрет на будущий год. Джон с трепетом, а остальные подданные с надеждой ждали, когда это случится. А ничего не случилось. Джон прожил еще несколько лет, но на радостях приказал содрать с предсказателя кожу.

Для грузинских летописцев все грузинские цари, независимо от их физических характеристик, обязательно красивы. Так что истинный облик государей можно представить себе лишь в сравнении между просто красивым и исключительно красивым. Но эпитеты, которыми награждают Тамару все без исключения летописцы, так восторженны, что трудно поставить под сомнение ее красоту.

Так в переводе источника.

Стихи Руставели приводятся в переводе и. Заболоцкого.

В литературе и документах встречаются также иные даты смерти Тамары: 1210 и 1213 годы.

Формально Таризл и Нестан-Дареджан — мусульмане. Таризл даже клянётся на Коране.

Основные изыскания по поводу Спасо-Ярославского хронографа приведены ленинградским филологом Г. Моисеевой в книге «Спасо-Ярославский хронограф и „Слово о полку Игореве“» (А., 1977).

Это явление исследует Олжас Сулейменов в книге «Аз и Я» (А.-А., 1975)

Среди русских князей было много тезок. Детей называли в честь знаменитых родственников, а так как знаменитые родственники тоже бывали тезками, то практически в употреблении был всего десяток имен. Поэтому одновременно жили и действовали как минимум полдюжины Святославов и Всеволодов, чуть поменьше Владимиров и Мстиславов, Изяславов, Глебов, Игорей, Ярославов и Юриев. Среди них часто встречались полные тезки: Ярославы Святославичи или Мстиславы Изяславичи. Так что летописцам приходилось указывать, из какого княжества пришел тот или иной Мстислав. Когда не ставишь целью написать историю этого периода, а пытаешься проследить жизнь некоторых князей, вновь и вновь возникающие одинаковые имена приводят в тупик. В этом повествовании число имен, насколько это возможно, ограничено, однако совсем без тезок обойтись не удалось.

В своем исследовании, посвященном «Слову о полку Игореве», Б. А. Рыбаков доказывает, что Игорь пробыл в плену всего полтора месяца и бежал в июне того же, 1185 года. Он полагает, что за это время можно было выпустить священника и дожидаться возвращения ханов из похода. Этот труд вышел в 1971 году. Однако в своей более поздней книге, «Киевская Русь и русские княжества» (М., 1982), Б. А. Рыбаков без объяснения причин изменяет этот срок и сообщает, как и большинство историков, что Игорь находился в плену до лета 1186 года.

Нашедшая отражение в знаменитой опере А. П. Бородина версия о том, что, пользуясь пленением князя Игоря, Владимир хотел захватить Путивль, нелепа. В те годы он не покидал Галича.

Его жизни посвящен роман знаменитого польского писателя Ярослава Ивашкевича «Красные щиты».

Саксонией в то время назывались германские области, лежащие к югу от Дании.

В этой книге я старался придерживаться того написания имен, которое установилось в русской исторической литературе. Правда, за некоторыми исключениями. Младшего сына Генриха II у нас принято именовать Иоанном Безземельным. Я принял английское написание — Джон. То же самое относится к его сводному брату Годфри, которого часто именовали Жоффруа.

Упоминание о нем есть в письме Ричарда Львиное Сердце королю Франции Филиппу, брату Алисы. Филипп требовал, чтобы Ричард женился на его сестре, которая после смерти Генриха стала непонятно кем — то ли вдовой, то ли невестой. На это Ричард ответил, что он не может жениться на сожительнице отца, от которого у нее был ребенок, его брат, так как это будет большим грехом.

Было три брата — Петр, Асень и Калоян. Но в рассказе о создании второго Болгарского царства принято говорить лишь о первых двух. Калоян был куда моложе, и вступил он на престол после смерти братьев, в самом конце XII века. Все три брата трагически погибли, убитые вельможами: Асень — в 1196 году, Петр — годом позже, Калоян — в 1207 году.

Сестрам Филиппа не везло. Старшая, выйдя замуж за английского принца Генриха, рано овдовела, Алиса, не став женой Ричарда, оказалась любовницей его отца, а Агнесса (Анна) была обещана в Византии.

Имеется в виду император Священной Римской империи.